Институт восточных рукописей Российской академии наук
Восточный факультет СПбГУ
Институт Конфуция в СПбГУ

6-я всероссийская научная конференция молодых востоковедов

Китай и соседи

17–18 марта 2021 г., Санкт-Петербург

Сборник материалов

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2021

УДК 294.311+294.321+327+321+355/359+7.011+902.03+94+82.01+821.521
ББК 63+65+66+68+71+79+83+85.1+86.3

Утверждено к печати Ученым советом ИВР РАН

СОСТАВИТЕЛИ
Т. А. Пан, Е. Н. Колпачкова, Д. И. Маяцкий, Н. А. Сомкина, В. В. Щепкин

РЕЦЕНЗЕНТЫ: канд. ист. наук В. Ю. Климов (ИВР РАН)
канд. ист. наук А. Ю. Синицын (МАЭ РАН)

Печатается в авторской редакции

Китай и соседи. Сборник материалов 6-й всероссийской научной конференции молодых востоковедов. Сост. Т. А. Пан, Е. Н. Колпачкова, Н. А. Сомкина, Д. И. Маяцкий, В. В. Щепкин. — СПб.: изд-во Art-Xpress, 2021. — 410 с.

В настоящем сборнике представлены статьи, подготовленные участниками 6-й всероссийской научной конференции молодых востоковедов «Китай и соседи», состоявшейся 17–18 марта 2021 г. в ИВР РАН. Тематика статей охватывает широкий круг вопросов: история, литература, международные отношения, искусство Китая и других стран Восточной и Юго-Восточной Азии.

© Авторский коллектив, 2021
© Институт восточных рукописей РАН, 2021
© Восточный факультет СПбГУ, 2021
Все права защищены

ISBN 978-5-4391-0694-3

От составителей

6-я всероссийская научная конференция молодых востоковедов «Китай и соседи» состоялась 17–18 марта 2021 г. в Институте восточных рукописей РАН и проводилась совместно с Восточным факультетом Санкт-Петербургского государственного университета. В ней, как и в предыдущих конференциях, приняли участие молодые востоковеды, обучающиеся на старших курсах бакалавриата и в магистратуре. Конференция была посвящена проблемам истории и историографии, культуры и литературы, религии и этнографии, экономики и политики Китая и сопредельных стран с древнейших времен до современности.

Нынешняя конференция охватила основные востоковедные вузы всей России. Было прослушано 107 докладов, из которых было 43 докладчика из СПбГУ (Восточный факультет – 36 человек, Юридический факультет, Факультет международных отношений, Институт Наук о Земле, Институт философии, Экономический факультет, Институт истории). Девять докладов было представлено учащимися из других вузов Санкт-Петербурга (СПб государственный университет культуры и искусств, СПб Политехнический университет, СПб государственный экономический университет, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской федерации, Институт иностранных языков РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Центр инновационных образовательных проектов, Факультет Дизайна, СПГХПА им. А. Л. Штиглица). В этом году в конференции приняли участие представители 19 вузов различных регионов страны: ИСАА МГУ (5 человек); Московский государственный педагогический университет МГПУ; НИУ ВШЭ, Москва (6 человек); Московский государственный институт международных отношений МГИМО МИД России (2 человека); Российский государственный гуманитарный университет РГГУ, Москва (4 человека Российский университет дружбы народов РУДН, Москва; Духовная образовательная организация высшего образования Русской Православной Церкви «Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия»; Новосибирский государственный университет (8 человек); Дальневосточный федеральный университет ДВФУ, Владивосток (5 человек); ДВФУ, филиал в г. Уссурийск; Казанский (поволжский) федеральный университет КФУ (6 человек); Волгоградский государственный социально-педагогический университет; Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, Улан-Удэ; Алтайский государственный университет (Институт массовых коммуникаций, филологии и политологии, АлтГУ), Барнаул; Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова, г. Элиста; Томский государственный Университет; Ферганский государственный университет Республики Узбекистан; Шанхайский университет политики и права (КНР); Фуданьский университет (КНР). Впервые за шесть лет проведения этой

конференции в ней было представлено столь большое количество российских вузов и столь разнообразная тематика докладов. В определенной степени на эту ситуацию повлияла эпидемиологическая обстановка, в результате которой организаторы уже при планировании конференции предполагали работу в смешанном очно-дистанционном формате (дистанционное участие по Google Meet). Благодаря возможности прочесть доклад дистанционно, заявки подали студенты из отдаленных городов, хотя многие все же приехали и присутствовали лично.

В первый день участников приветствовала директор ИВР РАН член-корр. И. Ф. Попова, рассказавшая начинающим востоковедам об истории Азиатского музея, правоприемником которого является Институт восточных рукописей. Она подчеркнула важность традиций, заложенных еще отцами-основателями российского востоковедения. Напутствуя участников конференции, она сказала: «Идея без опоры на источник мало что значит, каждый тезис должен быть обязательно подтвержден, и наша миссия – изучать рукописи и источники. Наука – это прекрасная возможность обточить свою мысль о мысль другого. Слушайте доклады других исследователей, читайте их работы, воспитывайте в себе культуру научного обсуждения». По мнению директора Института Конфуция СПбГУ с китайской стороны г-жи Хэ Фан, в этом году научный форум проводился в необычных условиях, но, самые тяжелые времена позади и перед исследователями открываются хорошие перспективы. «Петербургское востоковедение занимает особое место и пользуется большим уважением во всем мире, – сказала Хэ Фан. – Работа ваших учителей и предшественников заложила основы хороших отношений для научного сотрудничества. Надеюсь, вы как молодые исследователи тоже внесете свой весомый вклад».

Научные заседания проходили в двух помещениях Института восточных рукописей, и на них были прослушаны 71 доклад. Очные заседания велись с соблюдением норм социального дистанцирования, участники были обеспечены одноразовыми защитными масками, и в залах работали обеззараживатели воздуха. В отдельном помещении проходила дистанционная часть конференции, на которой в течение двух дней в режиме онлайн выступили 36 докладчиков из различных регионов России. Докладчики смогли представить и обсудить свои научные достижения, получить профессиональную оценку старших коллег, оценить свой научный уровень и перспективы.

В первый день после заседаний все докладчики приняли участие в мастер-классе художника-реставратора Л. И. Крякиной, специалиста по реставрации восточной книги. Она рассказала об особенностях китайской и японской рукописной и печатной книги, переплетах и бумаги. Участники мастер-класса под руководством Л.И. Крякиной сами сделали для себя китайскую книгу-бабочку, склеив ее из китайской бумаги с использованием специально приготовленного рисового клея. В конце второго дня для участников конференции были проведены экскурсии по Музею истории востоковедения и Рукописному отделу.

Работа конференции освещалась представителями Управления по связям с общественностью СПбГУ и их материал о конференции опубликован на сайте Восточного факультета СПбГУ.

По результатам проведенной конференции составлен очередной сборник материалов, значительно превосходящий по объему предыдущие сборники. Тем не менее, не все представленные доклады вошли в него: несмотря на то, что тексты должны были пройти одобрение научных руководителей студентов, тем не менее часть материала не соответствовала заявленной в заглавии теме или была написана крайне неопрятно. Редакционная коллегия, публикующая материалы в авторской версии с незначительными редакторскими исправлениями, все же оставляет ответственность за материал за авторами и их научными руководителями, имена которых указаны к каждой статье.

В представленном сборнике авторы следовали идее конференции – осветить различные стороны жизни, культуры и политики не только собственно Китая, но и сопредельных стран. В связи с этим отрадно, что представлены материалы и по Японии, Монголии, Восточном Тиморе, Мьянме, Вьетнаму, Индо-Тихоокеанскому региону, особенностям взаимоотношений Востока и Запада, политике западных стран в Азии. В ряде статей обсуждаются проблемы китайской диаспоры в различных странах: Канаде, Юго-Восточной Азии, на Дальнем Востоке. Особо выделяются статьи, посвященные китайской культуре, языку и литературе; хорошим дополнением к ним является серия статей по бирманскому языку. Такой, с первого взгляда, разнообразный материал прекрасно иллюстрирует общее и особенное в культурах дальневосточного региона.

Зам. директора ИВР РАН по науке, к. и. н. Т. А. Пан

Алешкина Юлия Владимировна
студентка 4 курса
кафедры китайского языка ИИЯ МГПУ[1]

Проблема трансформации художественного мира романа Цянь Чжуншу «Осажденная крепость» в кинотексте одноименной экранизации

Сопоставление произведений разных видов искусства является предметом современной компаративистики. В частности, анализ художественного мира эпического произведения в сопоставлении с кинотекстом экранизации дает возможность глубже понять каждое произведение, его содержательный и формальный уровни.

Понятие “художественный мир произведения” в русской литературе было обосновано советским и российским филологом, культурологом, искусствоведом, доктором филологических наук, профессором Д. С. Лихачевым: это определенная система, художественное единство, в котором соединяются отдельные элементы отраженной действительности [Лихачев, 1968, с.74]. Важнейшие свойства мира произведения — его нетождественность первичной реальности, участие вымысла в его создании, использование писателями не только жизнеподобных, но и условных форм изображения [Хализев, 2004, с.183]. Литературовед и теоретик литературы В.Е. Хализев дает такое определение миру произведения: “это художественно освоенная и преображенная реальность”. В эпическом и драматическом родах литературы он весьма многопланов. Наиболее крупные единицы словесно-художественного мира — персонажи, составляющие систему, и события, из которых слагаются сюжеты. Мир включает в себя, далее то, что правомерно назвать компонентами изобразительности (художественной предметности): акты поведения персонажей, черты их наружности (портреты), явления психики, а также факты окружающего людей бытия (вещи, часто подаваемые в рамках интерьеров; картины природы — пейзажи). При этом художественно запечатлеваемая предметность предстает и как обозначенное словами внесловесное бытие, и как речевая деятельность, в виде кому-то принадлежащих высказываний, монологов и диалогов. Малыми и неделимыми звеньями художественной предметности являются единичные подробности (детали) изображаемого, порой четко и активно выделяемые писателями и обретающие относительно самостоятельную значимость [Хализев, 2004, с.183].

Задачей нашего исследования является сопоставление художественного мира романа «Осажденная крепость» с одноименным кинотекстом. Исследователи волгоградской научной школы (Е.Б. Иванова, Г.Г. Слышкин, М.А. Ефремова) определяют кинотекст как разновидность креолизованного текста - это "связное, цельное и завершенное сообщение, выраженное при помощи вербальных

[1] Научный руководитель – канд. филол. наук Татьяна Ивановна Кондратова.

(лингвистических) и невербальных (иконических и / или индексальных) знаков, организованное в соответствии с замыслом коллективного функционально дифференцированного автора при помощи кинематографических кодов, зафиксированное на материальном носителе и предназначенное для воспроизведения на экране и аудиовизуального восприятия зрителями [Слышкин, 2004, с.37]. А представитель таллиннской научной школы Ю.Г. Цивьян говорит: "в определенном приближении любой фильм можно определить как дискретную последовательность непрерывных участков текста. Назовем эту последовательность кинотекстом. … единицей кинотекста всегда является пара ядерных кадров" [Цивьян, 1984]. Следовательно, можно прийти к выводу, что художественный мир произведения и кинотекст его экранизации имеют непосредственную связь, и часто эта связь становится объектом исследования литераторов и кинокритиков. В данной работе мы рассмотрим особенности интерпретации художественного мира романа Цянь Чжуншу «Осажденная крепость» в кинотексте одноименной экранизации.

«Осажденная крепость» — литературный шедевр, созданный Цянь Чжуншу, это самое известное его произведение, один из самых значимых романов в истории литературы Китая XX века. В 1990 году, к 80-летию Цянь Чжуншу, была снята одноименная десятисерийная экранизация. Режиссером выступила Хуан Шуцинь, были задействованы такие известные актеры как Чэнь Даомин, Ин Да, Люй Липин, Гэ Ю и другие. В 1991 году фильм удостоился награды «Золотой орел», «Награды за выдающийся сериал», премии «Летящие апсары» за лучший сериал, награды лучшего сценариста и другие.

Большинство телесериалов гораздо более поверхностны, чем оригинальные произведения. Причина не в том, что члены съемочной группы не понимают исходного текста, а в том, что они фактически не могут в полной мере использовать визуальный язык для передачи скрытого смысла исходного текста. В сериале «Осажденная крепость» можно проследить мастерскую режиссерскую технику и соответствующую всем правилам работу оператора. Сериал не только достоверно воспроизводит атмосферу эпохи конца 1930-х годов в Китае, отображает сюжет и раскрывает характеры персонажей романа, но также полностью соответствует духу и стилю оригинального романа. Глубина романа была всестороннее передана в киноверсии, поэтому он получил хорошую оценку кинокритиков и любовь широкого круга зрителей. Даже Цянь Чжуншу весьма положительно оценил данную экранизацию.

В романе много деталей, которые постарались сохранить в киноверсии. Но в то же время сама киноверсия содержит некоторые моменты, которых не было в тексте романа. Также существуют и другие различия, например, многочисленные метафоры в романе нельзя зрительно выразить, потому что метафора сама по себе скрытое сравнение, которое возникает в сознании читателя, поэтому произведение выигрывает языком и идеями, а киноадаптация оперирует кадрами и репликами актеров. В сериале

«Осажденная крепость» был использован закадровый голос, что создало юмористическую обстановку и помогло показать внутренний мир Фан Хунцзяня.

В романе «Осажденная крепость» используется художественный стиль, где за основу берется опыт персонажей [Шао Жубо, 2008]. Все события романа связаны с главным героем Фан Хунцзянем. По словам супруги автора Ян Цзян, он является “пассивным героем”, интеллектуалом, который всегда ищет моральной поддержки у других. В романе он не предпринимает каких-либо решительных действий. Автор с помощью конфликтов между персонажами формирует, “вылепливает” образы героев. Читатель глазами Фана смотрит на происходящее, но устами Фана говорит сам Цянь Чжуншу. В сериале так же, как и в романе, события, произошедшие с главным героем, словно тектонические плиты, плотно примыкают друг к другу, образуя устойчивый пласт. Они дополняют друг друга и образуют единое целое.

В сериале используется такая повествовательная структура, которая согласуется со структурой самого романа, и более точно воспроизводит исторический контекст и основную линию романа.

В сериале подобран очень сильный актерский каст. Помимо поразительного внешнего сходства, актеры смогли очень точно передать каждый характер. Также стоит отметить, что и второстепенные герои раскрылись в полной мере, несмотря на то, что они мало появлялись в объективе камеры, но все равно оставили о себе яркое впечатление и были оценены зрителями, прочитавшими оригинальный роман.

В целом, сериал «Осажденная крепость» и с точки зрения развития сюжета, и с точки зрения характеристики персонажей максимально приближен к оригинальному тексту романа, но в то же время у него также есть некоторые недостатки, которые появились в силу особенностей данного вида искусства.

Прежде всего, оригинальный роман наполнен глубоким психологизмом, особенно можно выделить психологический портрет главного героя Фан Хунцзяня, его переживания, трудности и размышления, моральный выбор. Хотя в сериале присутствуют определенные монологи персонажей, они не могут полностью передать смысл оригинального произведения. Люди, которые не читали романа, не в состоянии полностью понять глубокий смысл «Осажденной крепости». Например, Фан Хунцзянь купил поддельный диплом и вернулся в Китай. Изначально он приобрел его, чтобы не расстраивать родителей, не хотел вообще о нем распространяться и не искал выгоды. Но позже увидел в газете информацию о себе, ему стало очень стыдно. Он боялся, что обман раскроется, Су Вэньвань все поймет и станет его презирать. Некоторые моменты сложно показать на экране. Зрители могут понять эмоции Фан Хунцзяня, но никогда не осознают их так глубоко, как если бы прочитали роман.

Кроме того, в сериале отсутствуют многие описательные элементы, из-за чего некоторые моменты могут казаться весьма поспешными, и возникнут расхождения с романом в передаче мотивировок поступков героев. Например, когда Тан Сяофу бросила Фан Хунцзяня, он был подавлен и не хотел ни с кем делиться своими

чувствами. В книге этот момент описан так: “Некоторые отвергнутые любовники норовят выставлять страдания напоказ, как нищие — свои гнойники или как ветераны — рубцы от боевых ранений. Недуг Фана не выносил света, как больные глаза. Ему очень хотелось вести себя так, будто ничего не произошло, спрятать горе прежде всего от госпожи Чжоу” [Цянь Чжуншу, 1989, с.83]. В сериале этого нет, переживания выражены проще. В нем нет психологической предыстории, описания чувств, зритель может только догадываться, о чем думает герой. Порой даже закадровый голос не помогает разобраться в происходящем. Поэтому иногда сюжет может казаться спонтанным и необъяснимым. Языковые особенности оригинального произведения также трудно полностью передать в телесериале. Многие цитаты и остроумные части оригинального текста были пропущены, например, интересная теория Дун Сечуаня об именах танских поэтов: «Я уже говорил, что имена знаменитых поэтов, начиная с танских времен, можно объединить в четыре географические группы: «холмы», «долины», «горы» и «равнины». «Холмов» было три: Ду Шаолин, Ван Гуанлин (слышали о таком?) и Мэй Юаньлин. «Гор» — целых четыре: Ли Ишань, Ван Баньшань, Чэнь Хоушань и Юань Ишань. «Долин» — две: Ли Чангу и Хуан Шаньгу. А вот «равнин» всего одна: Чэнь Саньюань!» [Цянь Чжуншу, 1989, с.74]. Возможно, такие эпизоды отсутствуют в сериале в силу ограниченности сериала по времени.

Из приведенного выше анализа мы видим, что роман «Осажденная крепость» весьма удачно адаптирован в сериал. Сюжет в основном соответствует оригиналу, персонажи четко интерпретированы. Несмотря на то, что в сериале все еще есть недостатки, некоторые нюансы опущены, но это не мешает общему восприятию произведения. Уважение к оригиналу - самый мудрый подход режиссера к тексту оригинала. Вообще говоря, режиссер всегда должен исходить из оригинальной работы, независимо от того, идет ли речь о введении чего-то нового ради самоутверждении или в художественных целях. Китайский кинокритик Ли Синвэнь писал о сериале: “Режиссер и по совместительству сценарист Хуан Шуцинь и двое других сценаристов внести изменения в сценарий сериала, но потом обнаружили, что из этого ничего не выйдет, и решили идти проторенной тропой, больше не вносить свою лепту, сложные, запутанные моменты вычеркнуть, разрозненное объединить, нечеткие моменты дополнить, и тогда у них получился хороший сценарий” [Ли Синвэнь, 2010]. Благодаря точному пониманию режиссером психологической основы «Осажденной крепости» в сочетании с идеальной интерпретацией персонажей высококлассными актерами, юмор и смекалка Цянь Чжуншу были полноценно выражены в речи и поведении персонажей. В сериале в меру использован закадровый голос. Во время просмотра у зрителей может возникнуть приятное послевкусие “перечитывания” оригинального произведения, но будут и интересные сюрпризы, которых нет в тексте романа.

Таким образом, можно сказать, что и роман, и сериал «Осажденная крепость» — шедевры разных видов искусства. Режиссер смог точно понять смысл, вложенный Цянь Чжуншу в роман, и идеально интерпретировать многогранные характеры

действующих лиц. Юмор и одновременно сентиментальность автора нашли отражение и в киноверсии.

Список литературы

Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведения//Вопр. литературы. 1968. № 8., с.74-87

Хализев В.Е. Теория литературы : учеб. для студентов вузов / В. Е. Хализев. - Изд. 4-е, испр. и доп. - М. : Высш. шк., 2004. - 404, [1] с.

Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). - М.: Водолей Publishers, 2004 - 153 с.

Цивьян Ю. Г. К метасемиотическому описанию повествования в кинематографе // Труды по знаковым системам, 17. Структура диалога как принцип работы семиотического механизма / Отв. ред. Ю. Лотман. Тарту, 1984. (Учён. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 641). 109 – 121 с.

Шао Жубо «Осажденная крепость»: сравнение сериала и романа// Инши мэйсюэ 邵茹波.《围城》:电视剧与小说之比较//影视美学，2008，第 53-54 页

Тао Жаньтин Сравнительный анализ романа «Осажденная крепость» и сериала «Осажденная крепость»// вэньсюэ цзяоюй. 陶然婷. 小说《围城》与电视剧《围城》的比较分析// 文学教育，2011，第 64-65 页

Цянь Чжуншу. Осажденная крепость : Роман; Рассказы / Цянь Чжуншу; Перевод с кит. [и вступ. ст., с. 5-20] В. Сорокина. - М. : Худож. лит., 1989. - 509[2] с.

Ли Синвэнь «Осажденная крепость»: уникальное стечение обстоятельств в истории телесериалов 李星文《围城》：电视剧史上独一无二的风云际会// Блог Ли Синвэня 李星文博客 2010-08-09 19:13 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lixingwenvip.blog.sohu.com/157765895.html (дата обращения 13.03.2021)

Бабарико Кирилл Борисович
магистрант 1 курса кафедры теории общественного развития
стран Азии и Африки Восточного факультета СПбГУ[1]

Китайская интеллигенция в период политики реформ и открытости: условия и факторы трансформации

Многочисленные кампании в эпоху правления Мао Цзэдуна (1949-1976 гг.), такие как: движение по борьбе с правыми, большой скачок, культурная революция - привели к тяжелейшему социальному кризису в КНР. Значительно ухудшилось положение в таких сферах как школьное и высшее образование, наука и техника, искусство. Такая ситуация нанесла сильнейший удар по интеллигенции, составлявшей ядро работников в этих областях.

Началом курса модернизации китайского общества стал состоявшийся в декабре 1978 г. 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва, на котором была заложена установка на широкомасштабное реформирование китайского общества в различных сферах социальной жизни и «раскрепощения сознания», что привело к изменению положения интеллигенции (Маркова 2004, с.303). Три комплекса факторов повлияли на интеллигенцию: экономические, политические и социальные.

Важным фактором развития роли интеллигенции стали экономические реформы. Опираясь на политические установки третьего пленума ЦК КПК, органы власти начали конкретные шаги по изменению экономической ситуации в стране. Был сделан шаг в сторону формирования рыночной экономики путем допущения в рамках социалистической системы частного предпринимательства и возможности возвращения к многоукладной экономике (Бергер 1994, с. 58).

Одним из важнейших факторов стал поворот экономической политики «лицом к человеку», целью которой должно было стать развитие общественного производства, которое повлекло бы за собой повышение материального и духовного уровня жизни народа, в том числе и интеллигенции.

Важную роль для интеллигенции сыграл XII съезд КПК (1982 г.), на котором была провозглашена установка на действенные меры для того, чтобы постепенно улучшились условия жизни и работы интеллигенции среднего возраста, играющей роль костяка в производстве, строительстве и на всех участках работы (Маркова 2004, с.350). Это – реальное подтверждение повышения социального статуса интеллигенции, произошедшего после «культурной революции».

Экономические реформы 1980-1990- х годов привели к широкомасштабному росту общественного производства, модернизации ряда отраслей хозяйства, изменению образа и качества жизни населения, что создало основу для постоянного и устойчивого повышения жизненного уровня населения (Просеков 2011, с. 30).

[1] Научный руководитель – к. соц. н., доц. Полина Игоревна Рысакова.

Экономическая модернизация также повлекла за собой возникновение различных видов собственности, что привело к увеличению разрыва в доходах интеллигенции. Так, заработная плата специалистов очень сильно зависит от того, работают ли они в общественном или частном секторе.

В то же время реформы позволили преодолеть негативную тенденцию по отношению к умственному труду, образованию и интеллигенции в целом. В перспективе это должно было привести к стабилизации и развитию социально-политической и экономической ситуации, оптимизации социальной структуры китайского общества.

Важным фактором развития интеллигенции стали социальные условия. В 1980-1990-ые годы был принят ряд законодательных актов, направленных на усиление социальной защиты граждан. Так, с 1 января 1995 г. вступил в силу «Закон о труде», регулирующий, прежде всего, отношения между работодателем и наемными работниками.

Был установлен минимальный размер заработной платы, введена пятидневная рабочая неделя. Также начала складываться единая система социального страхования, которая предусматривала участие в финансировании социальных мероприятий (Бергер 1994, с. 70).

Несоответствие системы образования и научно-технического потенциала потребностям экономического развития потребовало существенного изменения в организации и содержании учебного процесса на всех уровнях.

Это привело к кардинальной реформе системы образования, что также стало одним из важнейших факторов развития роли интеллигенции. Начиная с середины 80-х гг., начались конкретные реформы в этой области. В 1985 г. были приняты первые программы технологической модернизации, в частности «Решение о реформе научно-технической системы» и «Решение о реформе системы образования». В 1986 г. принят «Закон об обязательном образовании», а в 1993 г. была принята «Программа реформ и развития образования».

Эти основные китайские нормативные акты базировались на современной теории модернизации, которая признает стратегическую роль образования в общественном движении и развитии производства.

В соответствии с этими актами Китай начал считать инвестирование государства в сферу образования не потребительскими расходами, которые финансируются по остаточному принципу, а важным видом капиталовложений, одним из главных источников увеличения национального богатства (Просеков 2011, с. 37).

Существенное увеличение финансовой поддержки начального, среднего, высшего образования, а также научных исследований как в университетах, так и в научно-исследовательских институтах при Академии наук Китая привело к значительным успехам в борьбе с неграмотностью, к значительному росту числа обучающихся на всех ступенях образования, а также к тому, что КНР стала

рассматриваться как крупнейший производитель научной продукции среди развивающихся стран. Реформа образования привела к существенному увеличению влияния интеллигенции, поскольку большинство представителей данного слоя являются научно-педагогическими работниками.

В динамике китайской интеллигенции важную роль играют условия и факторы политического развития общества. Можно с уверенностью утверждать, что политический климат в первый этап периода политики реформ и открытости (1980-ые годы) стал значительно мягче, что способствовало возможности интеллигенции активно участвовать в дискуссиях и планах государства по модернизации страны (Goldman 1996, с.37). Интеллигенция не подвергалась таким широким преследованиям и репрессиям, как в годы «культурной революции» (1966-1976 гг.), контроль над интеллектуальной элитой значительно ослаб.

На первом этапе политики реформ и открытости существовал широкий альянс между представителями интеллигенции и китайским руководством, и интеллигенция активно взаимодействовала с властными кругами по обширному кругу вопросов дальнейшего развития страны (Marinelli 2012, с. 428).

Все эти факторы привели к тому, что у представителей интеллигенции началось формироваться активное отношение к жизни, к проблемам выживания и развития нации и государства. Прежде всего, это касается таких социальных групп как профессора и преподаватели университетов, интеллигенты, работающие в различных руководящих органах КПК, в созданных партией и правительством научно-исследовательских центрах и учебных заведениях, образованные предприниматели и промышленники, старая демократическая интеллигенция, представители которой занимают посты в ряде государственных учреждений , многочисленные городские служащие (Goldman 1996, с. 45). Все они хотели содействовать прогрессу и развитию Китая, помогать углублению процесса перемен и обновления, многие думали над стратегией реформ и считали, что обществу необходимы политические преобразования.

Но, по мере усиливающихся политических амбиций интеллигенции, ее атак на наследие Мао Цзэдуна и требований политических реформ, а также разногласий в китайском руководстве по вопросу политических преобразований, правительство начало политику «закручивания гаек», что привело к началу политических протестов интеллигенции, кульминацией которых стали манифестации на площади Тяньаньмэнь в 1989 году, которые были жестко подавлены, и политический контроль значительно усилился.

Интеллектуальное сообщество отнеслось к ужесточению политического давления по-разному. Одни, не желая подчиняться какой бы то ни было форме политической цензуры, прекратили активную политическую деятельность. Другие пошли на сотрудничество с властью в обмен на обещание достойного вознаграждения. Третьи

спокойно продолжали свою деятельность, ожидая возможности вновь сотрудничать с властью (Marinelli 2012, с. 438).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в процессе экономических, политических и социальных реформ в Китае в конце XX века наблюдается изменение роли интеллигенции. Положение интеллигенции в обществе стало повышаться, она стала активной социальной группой, влияющей на содержание и ход реформ, ее роль во всех ключевых сферах жизни общества и государства стала повышаться.

Однако, стоит отметить, что китайская интеллигенция развивается в унитарном государстве с однопартийной системой и сильной позицией центра, что серьезно осложняет политическую активность данного класса. При дальнейшем углублении реформ, особенно в политической сфере, китайская интеллигенция может занять еще более высокое положение в обществе.

Список литературы:

Маркова С.Д. Китайская интеллигенция на изломах XX века: очерки выживания. М.: Гуманитарий, 2004. 572 с.

Просеков С.А. Социально-философский анализ современных реформ Китая // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. 2011. №3. С. 24-40.

Экономическая реформа и социальные группы // Переход к рынку в КНР. Общество, политика, экономика. Под ред. Бергера Я.М. М.: ИНИОН, 1994. 121 с.

Goldman M. Politically-Engaged Intellectuals in the Deng-Jiang Era: A Changing Relationship with the Party-State // The China Quarterly. 1996. Vol.145. P. 35-52.

Marinelli M. On the public commitment of intellectuals in late socialist China // Theory and Society. 2012. Vol. 41. P.425-449.

Басманова Ксения Евгеньевна
студентка 3 курса Гуманитарного института
Новосибирского государственного университета[1]

Влияние Интернета на женский арт-активизм в современной Японии

В современном мире Интернет стал не только площадкой для самовыражения, но и весьма эффективным инструментом для трансляции своих идей, а также поиска единомышленников. Раньше японские художницы, поднимавшие такие вопросы, как гендерное неравенство, ксенофобия и расизм, сотрудничали, в основном, с феминистскими или активистскими журналами и организациями. Но с начала XXI века они, во-первых, получили возможность самостоятельно продвигать своё творчество без посредничества художественных галерей или специализированных изданий, а во-вторых, освоили новые способы взаимодействия со зрителем.

Условно японских арт-феминистских художниц, использующих Интернет в качестве инструмента для своей работы, можно поделить на две категории. Первые переводят свои работы, эссе и пояснения к перформансам с японского языка на английский, сотрудничают с зарубежными интернет-журналами и онлайн-платформами, а также освещают проблемы, связанные с нарушениями прав человека, не только в Японии, но и за рубежом. В своём творчестве они сочетают японские традиции с западной поп-культурой, используя образы и архетипы, понятные зрителю из Европы и США. Наиболее ярким примером художниц из этой группы может послужить творческое объединение *«Tomorrow Girls Troop»* (Отряд девушек завтрашнего дня), которое на данный момент представляет собой международный коллектив японского происхождения с участницами по всему миру.

Другой пример — проект *«Pallettalk_TM»* от создателей знаменитого веб-комикса *«Palettalk»*, права на публикацию которого купила компания «Кодансия» — самое крупное издательство манги в Японии. Авторы комикса, предпочитающие оставаться анонимными, в своих работах поднимают такие сложные темы, как гендерное неравенство, стереотипы по отношению к женщинам. *«Pallettalk_TM»* — это серия комиксов на японском языке, посвящённых разбору популярных фильмов с феминистской точки зрения. Интересно, что все выбранные кинокартины — либо европейские, либо американские.

Похожий пример — проект «*They Talk Club»*, чьи создательницы простым и доступным языком в формате комиксов развенчивают стереотипы по поводу феминистского движения. Однако они чаще всего акцентируют внимание на знаменитых женщинах за рубежом и представляют собой довольно вестернизированный вариант активизма.

[1] Научный руководитель – к. и. н., доцент кафедры востоковедения Евгения Львовна Фролова.

Вторую категорию художниц-активисток в японском Интернете обычно составляют региональные творческие объединения, о которых знают лишь ангажированные японские медиа и некоторые общественные организации. Они рассказывают о своей деятельности исключительно на японском языке, сотрудничают лишь с местными интернет-изданиями и сосредоточены на проблемах внутри страны. Самой известной среди таких объединений считается арт-феминистская группа «山姥» (*Яманба*), названная в честь героини легенд, горной ведьмы. «*Яманба*» — это один из немногих случаев, когда арт-феминистская группировка использует традиционный японский фольклор не только в своих работах, но в самой концепции группы. Участницы занимаются декоративно-прикладным искусство, а для Женского марша 8 марта 2021 года в Токио они сделали полотно в технике «пэчворк» с требованием предоставления полных политических прав женщинам Японии.

Влияние Интернета.

1. Диалог.

Одно из важнейших новшеств, привнесённых в творческий процесс Интернетом — возможность прямого диалога с художником. Примером может послужить деятельность *Tomorrow Girls Troop*, которые активно призывают к коммуникации и отвечают на вопросы всех желающих. Благодаря тому, что в творческом объединении состоят художницы из разных стран, с участницами можно пообщаться как на японском, так и на английском языке.

Пандемия также оказала своё влияние на изменение формы коммуникации между художником и зрителем. Если раньше участницы *Tomorrow Girls Troop* устраивали лекции и воркшопы в японских художественных галереях и арт-центрах, то с начала 2020 года эти мероприятия переместились в онлайн-пространство. География зрителей также расширилась — TGT впервые выступили с лекцией на базе зарубежной организации (Node Center в Берлине, Германия).

2. Появление двуязычных проектов.

С развитием Интернета в Японии впервые появляются арт-феминистские организации, которые создают целые серии работ на двух языках одновременно. Если раньше изучение японского феминистского искусства было затруднительно из-за языкового барьера, то теперь можно быть в курсе основных проектов и выставок большинства творческих групп. Стоит отметить, что переводами на английский язык занимаются либо участницы арт-групп из других стран, либо художницы-билингвы в составе творческих организаций. Один из примеров — *«The Blossom Project»* (Проект «Цветение»), чья создательница, Мэг Хоффманн Накагава, свободно владеет как японским языком, так и английским. *«The Blossom Project»* начинался как первое японоязычное медиа о психологическом здоровье и социальных проблемах, а сейчас Мэг и другие художницы простым и доступным языком рассказывают и о ситуации с гендерным неравенством в Японии в формате небольших комиксов. В интервью

изданию The Japan Times Мэг Хоффманн Накагава рассказала, что создала *«The Blossom Project»,* поскольку постоянно сталкивалась с тем, что её воспринимали не как японку, а исключительно как иностранку, чужую. Это привело к большим психологическим проблемам, которые усугубило обращение к психотерапевту — Мэг узнала, что в Японии до сих пор существует стигма по отношению к психическому здоровью. Эта тема до сих табуируется, и активистка планирует изменить это с помощью своих комиксов.

Помимо борьбы со стигматизацией ментального здоровья, с конца 2020 года The Blossom Project начали освещать громкие политические события и социальные процессы, происходящие во всём мире. А 11 января 2021 года создательницы проекта запустили The Blossom Media — онлайн-журнал о культуре, социальных проблемах и творчестве. Они беседуют с художницами и активистками о гендерном неравенстве и стереотипах по поводу женщин в искусстве, а также рассказывают о творчестве независимых писательниц и поэтесс не только из Японии, но и других стран Азии.

Некоторые исследователи высказывают следующее предположение: двуязычные проекты позволят японским арт-активисткам получить признание за рубежом. В Японии арт-активизм до сих пор считается либо чем-то детским и бессмысленным, либо чем-то непонятным — творческие круги страны отказываются считать участниц арт-феминистских групп настоящими художницами, которые могут выставляться в галереях и музеях. Общественные организации тоже не считают деятельность художниц чем-то полезным. Если это пренебрежительное отношение не изменится, то, возможно, японские художницы начнут ориентироваться больше на западную аудиторию, чем на скептически настроенных соотечественников.

3. Доступ к открытым источникам информации.

Благодаря Интернету появилась возможность сравнивать ситуацию с гендерным равенством в своей стране и за рубежом, пользуясь данными из открытых источников, а также таблиц, графиков и прогнозов, создаваемых ведущими исследовательскими центрами и публикующимися для общего доступа. Примером использования подобной информации может послужить перформанс группы Tomorrow Girls Troop в рамках недели социально-ангажированного искусства в токийской арт-галерее 3331 Arts Chiyoda. Он был основан на рейтинге Всемирного экономического форума, проранжировавшего страны с разрывом в оплате труда женщин и мужчин. В рамках перформанса участницы называли страны по списку, а зрители писали их на доске — к концу шоу появлялся полный рейтинг и все желающие могли увидеть и задуматься, насколько сильно отстаёт Япония от других государств в вопросе достижения экономического равенства женщин и мужчин.

4. Пандемия и новые формы активизма.

Пандемия COVID-19 также оказала влияние на развитие арт-активизма в Японии. В онлайн переходят не только проекты, но и целые выставки и лектории на базе японских арт-галерей. В творческом сообществе страны развернулись бурные

обсуждения будущего арт-сферы страны, высказываются предположения о том, что будущие биеннале и триеннале в Японии пройдут онлайн.

Появляются и новые формы активизма. Художницы из Tomorrow Girls Troop приняли участие в создании документального фильма, снятого с помощью программы Zoom. Он посвящён феномену *«араса:»* — так называют девушек приблизительно от 28 до 32 лет (от японизированного английского アラウンド・サーティー *араундо са:ти:* — around thirty). Это слово тесно связано со стереотипами, которые всё ещё существуют в японском обществе, и несёт негативную окраску. Считается, что именно в этом возрасте женщинам следует обзавестись семьёй, поэтому одинокие «араса» зачастую подвергаются общественному давлению.

Фильм сняла Аюми Мияно — студентка факультета журналистики Технологического университета Дублина (Ирландия). Она связалась с японками разного возраста и социального положения, чтобы задать им пару вопросов. Многие женщины сказали, что чувствовали необходимость одеваться «мило», чтобы казаться более молодой и противопоставить себя остальным «араса:» Участницы Tomorrow Girls Troop выразили надежду, что в будущем японское общество начнёт принимать разнообразие и перестанет оказывать давление на женщин из-за их незамужнего статуса.

Судя по анонсируемым проектам, ближайшие несколько лет окажутся весьма продуктивным для арт-активизма в Японии. Будут созданы новые просветительские медиа, художницы организуют ещё больше онлайн-выставок, а японские активистки примут участие в международных проектах, которые пройдут онлайн.

С другой стороны, несмотря на неприятие со стороны творческого сообщества Японии, по-прежнему рассматривающего феминистское искусство как нечто примитивное и не заслуживающее внимание, поскольку больше связано с социологией и политикой, чем с настоящим искусством, именно благодаря достижениям глобализирующегося мира, у японского арт-феминизма появляется возможность заявить о себе с помощью новых технологий, и с их развитием активность японского арт-активизма в дальнейшем будет только расти.

Список литературы

Dales L. Feminist Movements in Contemporary Japan. Routledge: New York, 2009. 168 p.

Dalton E. Women and Politics in Contemporary Japan. Routledge: Oxon, 2015. 157 p.

Hegert N. Art + Activism: Making a Real Impact in the Real World // Mutual Art. 22.02.2017. URL: https://www.mutualart.com/Article/Art---Activism--Making-a-Real-Impact-in-/CF51C07F802F8032 (дата обращения: 14.04.2021).

Jesty J. Japan’s Social Turn: Introduction to Part II // Field Journal. 12.01.2021. URL: http://field-journal.com/editorial/japans-social-turn-introduction-to-part-ii (дата обращения: 14.04.2021).

Kano A. Women? Japan? Art? Chino Kaori and the Feminist Art History Debates. University of Pennsylvania, 2003. 16 p.

Kawasaki Natsu. Tomorrow Girls Troop: A Fourth-Wave Feminist Art Collective // Asia Art Archive. 16.05.2019. URL: https://aaa.org.hk/en/ideas/ideas/tomorrow-girls-troop-a-fourth-wave-feminist-art-collective (дата обращения: 14.04.2021).

Shimada Yoshiko. The Defiant Fringed Pink: Feminist Art in Japan // Asia Art Archive. 21.08.2019. URL: https://aaa.org.hk/en/ideas/ideas/shortlist-the-defiant-fringed-pink-feminist-art-in-japan (дата обращения: 14.04.2021).

Waldman J. A Survey of Feminist Art in Japan // Spoon & Tamago. 17.02.2016. URL: http://www.spoon-tamago.com/2016/02/17/a-survey-of-feminist-art-in-japan/ (дата обращения: 14.04.2021).

Бессонова Дарья Андреевна
студентка 4 курса Гуманитарного института
Новосибирского государственного университета[1]

Сборник Хагивара Кёдзиро “Смертный приговор” (1925) как политико-поэтический манифест японского футуризма

Многие японские художники и поэты начала XX в. понимали свои эксперименты в литературной и художественной форме не как заимствования из западных течений, а как признак своей позиции активных участников международного культурного движения. Переговоры о месте Японии на мировой арене были не только политическим, но и художественном проектом, который японские модернисты взяли на себя из эстетических соображений, создавая новую синтетическую традицию, которая впитала в себя западные и японские предтечи в едином контексте истории мировой культуры.

Художественные течения, развивающиеся в первые десятилетия XX в. в Европе, начали стремительно распространяться по Японии после землетрясения в Токио в 1923 г. Шок, вызванный землетрясением, можно сравнить с последствиями Первой мировой войны и её влиянием на европейский авангард. Нигилизм и анархизм начали укореняться на благодатной почве демократизации эпохи Тайсё (1912–1926). Это дало возможность авангардным движениям развиваться семимильными шагами.

Хагивара Кёдзиро (1899–1938) — важная фигура в японской авангардной литературе. Самопровозглашенный анархист, он стоял за журналом «Красное и Черное» (яп. 赤と黒 *ака то куро*), часто сотрудничал с авангардной группой художников MAVO. Его первые стихотворения были написаны в традиционной форме *вака*, однако после знакомства с футуристом Хирато Рэнкити и переезда в Токио Хагивара начал интересоваться искусством авангарда, что нашло отражение в его поэзии.

Важной частью авангардных движений начала XX в. является переход творчества от личного к совместному: появляется все больше обществ и кружков, искусство стремится стать максимально близким к жизни, художники и поэты работают вместе над общими проектами. В октябре 1925 г. Хагивара Кёдзиро в сотрудничестве с художниками авангардной группы MAVO выпускает свой первый поэтический сборник — «Смертный приговор» (яп. 死刑宣告 *сикэйсэнкоку*).

Сборник «Смертный приговор» состоит из 83 стихотворений, написанных в период 1921–1925 гг., и разделен на 9 разделов, от первого раздела «Бронированная пружина» (яп. 装甲弾機 *со:ко: данки*) до последнего раздела «Раскольников» (яп. ラスコーリニコフ *расуко:риникофу*). Формально стихотворения представлены в хронологическом порядке, что помогает проследить формальную и тематическую

[1] Научный руководитель – к. и. н., доцент кафедры востоковедения Евгения Львовна Фролова.

эволюцию поэзии Хагивары в течение периода с 1921 по 1925 гг.: от его ранних стихов, которые были написаны непосредственно под влиянием футуризма и его наставника Хирато Рэнкити, до более поздних стихотворений, которые представляют собой смелые эксперименты с формой и графикой.

По структуре «Смертный приговор» представляет собой компиляцию стихотворений, фотографий и линогравюр, которые отражают эксперименты с печатью и версткой, фотографией и дизайном. Типографические эксперименты с формой, размером и направлением шрифта, придают поэзии беспорядочность и динамичность. Визуальная эстетика «Смертного приговора» тесно связана с работами участников группы MAVO — линогравюры выполнены Окада Тацуо, фотографии и иллюстрации выполнены самим Хагивара Кёдзиро, Янасэ Масаму, Ора Сюдзо и лидером MAVO — Мураяма Томояси. Также в сборнике используются работы родоначальника русского конструктивизма — Владимира Татлина.

Для Хагивара Кёдзиро как поэта раннего авангарда стояла проблема вывести поэзию на новый уровень, дать образам не только лингвистическую, но также графическую репрезентацию. Его главная идея — уничтожение всего, что он считал устаревшим и архаичным в новой японской поэзии через уничтожение самого языка. Стихотворения Хагивара напоминают по форме фигурные стихокартины русского футуриста Василия Каменского и поэзию «слов на свободе» (ит. parole in libertà) итальянских футуристов.

В предисловии «Смертного приговора» Хагивара декларирует: «Не утомляйте себя каждой фразой, каждой строчкой, будто это тяжеловесная проза! Откажемся от обязанности аккуратно переносить смысл на следующую строчку. Выделим же и сделаем независимой каждую строчку! Огрубим ее могучим смехом! Огрубим ее восклицанием! Наполним ее живым сильным чувством!» (Хагивара 1971, с. 5). Свой тезис Хагивара реализует через выбор лингвистических и экстралингвистических средств. Некоторые знаки имеют план содержания, другие — используются для создания графического образа: точки, линии, буквы. «Смертный приговор» — это лингвистический хаос, с его беспорядочным расположением букв, фраз и слов словно рассыпающихся на скопление знаков: смешение иероглифики, каны и букв латинского алфавита и геометрических объектов.

В качестве произведения для анализа репрезентации новой формы мы выбрали стихотворение «Утром ・Днем・Ночью・Робот»:

朝・晝・夜・ロボット *аса・хиру・ёру・роботто*
▲▲薔薇の花が咲いた！ ▲▲ *бара-но хана га сайта!*
~~~~眼球をほぢり出せ！ ~~~~ *ганкю:-о ходзиридасэ*
白衣のロボットを産め！ *хакуи-но роботто-о умэ!*
====長距離のトンネルだ！ ====*нагакёри-но **тоннэр**у да!*
~~~~

理性は賞験室でビスケットのなりそうだ！ *рисэй-ва сё:кэнсицу-дэ бисукэтто-но нарисо: да!*

●

青い帽子を冠れ！ *аой боси-о кабурэ!*

ベルトで目かくしされたロボット ***бэруто-дэ мэ-га какусисарэта роботто***

始業だ！ 終業だ！ 歩け！ 始業だ！ 終業だ！ 歩け！ *сигё: да! сю:гё: да! арукэ! сигё: да! сю:гё: да! арукэ!*

■

ただ幾本ものアンテナを詩の中へ張り廻せ！ *тада иппон-мо-но антэна-о си-но нака-э харимавасэ*

ラヂオが聞える！ *радзио-га кикоэру!*

僕は針と糸とて身體中を縫ってゆく *боку-ва хари-то ито-тотэ синтайтю:-о мэттэ юку*

黄色いメリケン袋となってぶら下がる *киирой мэрикэн фукуро-то наттэ бурасагару*

まったく最早 *маттаку мохая*

肉體をピストルの弾丸として射ち込みたいものだ！ никутай-о писуторо-но данган-тоситэ **утикомитай**-моно да!

● ●. ● ●

射的 ***ся тэки***

утром ・днем・ночью・робот

▲▲ цветок розы зацвел!

~~~~ не смыкай глаз!

породим робота в белом одеянии!

==== межконтинентальный **туннель!**

разум в лаборатории превращают в бисквиты!

●

коронуй себя синей шляпой!

р**обот**, с глазами покрытыми **ремнем**

включить! выключить! иди! включить! выключить! иди!

■

умести в поэзию тысячи антенн!

радио услышь!

я по телу шью иглой и нитью

весит оно теперь желтым мешком из америки

теперь уже все

я мясо желаю пронзить из пистолета пулей
~~~~

● ●

прямо в цель[2]

Визуальная часть является одним из главных нововведений в поэзии Хагивара. В своих призывах Маринетти говорил о предпочтении математических знаков знакам препинания. Однако в случае с «утром ・днем・ночью・робот», математические знаки скорее использованы для создания дополнительного слоя образности. Особенно сильно эта тенденция проявляется в последней строфе стихотворения: использование двух кругов символизирует стрельбу. Таким образом, экстралингвистические средства акцентируют внимание на лексической составляющей стихотворения. Подобным приемом передается визуальный образ шипов розы, туннеля. Предложения синтаксически дробятся, сближая поэзию с рекламными лозунгами, манифестацией. Экспериментируя со шрифтом, Хагивара Кёдзиро выделяет слова «туннель», «робот», «ремень», «прямо в цель». Это акцентирует внимание на образном ряде.

Призывая к модернизации общества, поэзия является больше, чем фиксацией внутреннего переживания лирического субъекта. Поэзия используется как призыв к революции. В предисловии Хагивара декламирует: «Презирайте! Сокрушайте! Новые ценности требуют этого!» (Хагивара 1971, с. 2).

Политические симпатии Хагивара нашли своё отражение в образах, повторяющихся в стихотворениях. Например, красные коммунистические или черные анархистские флаги. Вчитываясь и всматриваясь в поэзию Хагивары, читатель не может не заметить взаимосвязь идеологии и образности.

Несмотря на то, что Хагивара и его соавторы из MAVO уделяли большое внимание визуальной составляющей как стихов, так и самого сборника, из воспоминаний современников становится ясно, что устная составляющая также была важным аспектом поэтики Хагивары. Хагивара и его соратники провели несколько публичных чтений стихов из «Смертного приговора». Один наблюдатель оставил следующий отчет о чтении в Маленьком Театре Цукидзи (яп. 築地小劇場 *цукидзи сё:гэкидзё:*) в ноябре 1925 года:

«Когда я впервые открыл страницы «Смертного приговора», я даже не уловил смысла, мне казалось, что я иду по улицам современного Токио, и я подумал про себя, что это не сборник стихов для чтения, а, скорее, сборник, на который стоит смотреть. Затем, на Фестивале поэтов (яп. 詩人祭 сидзинсай) в Маленьком театре Цукидзи, после того как все молодые поэты прочитали свои произведения, Хагивара и Цубои Сигэдзи вскочили на сцену, звеня в гонги, и приступили к чтению — или, точнее сказать, крику — стихов из «Смертного приговора». В то время я думал, что это не сборник стихов, на который стоит смотреть, а, скорее, нужно услышать. Конечно, это что-то новое, что должно было произойти» (Цубои 1997, с. 38).

[2] Перевод наш.

«Смертный приговор» был в определенном смысле этого слова вехой в поэзии начала XX в. Хагивара Кёдзиро, искусно сочетая графические инновации с твердыми политическими убеждениями, обозначил тип нового поэта — анархиста по духу и экспериментатора в подходе к писательству.

Список источников и литературы:

Хагивара Кё:дзиро. Сикэйсэнкоку [萩原恭次郎。 死刑宣告] «Смертный приговор». Токио: Хорубусюппан, 1971. 170 с.

Цубои Хидэто [坪井秀人。声の祝祭・日本近代詩と戦争] «Торжество голоса. Японская современная поэзия и война». Нагоя: Нагоя дайгаку сюппанкай, 1997. 432 с.

Битиева Эвелина Николаевна
студентка 2 курса магистратуры
Восточный факультет СПбГУ[1]

Роль Централизованного проекта правительственных зданий в формировании облика Токио

Эпоха Мэйдзи (1868–1912) — удивительный период перемен и реформ, которые затронули все сферы жизни Японии. Анализируя историю градостроительства и архитектуры Японии, в эпоху Мэйдзи можно выделить несколько ключевых этапов, один из которых — создание Централизованного проекта правительственных зданий, за который отвечали приглашённые в Японию немецкие архитекторы Герман Энде и Вильгельм Бёкман. Проект не был реализован полностью, но оказал существенное влияние на формирование облика Токио.

Можно выделить несколько причин, по которым было необходимо перестроить центральную часть города. Кристин Гуф, профессор Гарвардского университета, подчёркивает: «Заимствование европейских архитектурных методов и стилей было частью деятельности нового правительства по принятию западных институтов, которые считались необходимыми для выживания Японии как суверенной нации» [Guth, p. 17]. С другой стороны, урбанизация, захватившая Токио, диктовала свои правила. Стремительно развивающейся Японии нужна была современная столица. В эпоху Эдо, когда столица была перенесена в современный Токио, строительство города проводилось в соответствии с указаниями правительства. Главные военачальники проживали перед главными воротами замка. Торговцы и ремесленники, селившиеся в соответствии с принадлежностью к определенным профессиональным корпорациям, использовали равнину между холмистой местностью, занятой усадьбами самураев, и морем. Плотность застройки была чрезвычайно высока: около двадцати процентов свободной земли оставалось для кварталов горожан.

Кварталы Эдо разбивались по издавна принятым в Японии канонам прямоугольной планировки. Однако отдельные группы кварталов не связывались между собой. Тяготевшие к главным дорогам, радиально сбегавшимся к центру, они имели различную ориентацию уличной сети. В конечном счёте, Эдо получил сложную структуру, резко отличавшуюся от «шахматных» планов древних японских столиц. Зейндерстикер подчёркивает, что «в его плане доминировал веер радиальных дорог, соединенных улицами, складывавшимися в кольца и полукольца сложного очертания» [Seidensticker, p. 157]. Облик города нужно было изменить. Токио должен был стать современной столицей, стоящей наравне с европейскими городами.

1 Научный руководитель — с. н. с. ИВР РАН, к. и. н. В. В. Щепкин.

Значение проекта отмечает Фудзимори Тэрунобу: «Этот план, хоть и не принёс таких же результатов, как модернизация района Гиндза… но оказал огромное влияние на самоутверждение нового правительства с архитектурной точки зрения, таким образом, этот проект стал центральным в градостроительстве эпохи Мэйдзи» [Фудзимори, с. 131]. Также высокую оценку даёт профессор Симидзу: «Токийский проект Бёкмана — это не только план, определяющий, где будет расположено здание Парламента Японии, но и чрезвычайно интересный для детального изучения план города, который возможно оказал влияние на [современное] месторасположение зданий центральных правительственных учреждений» [Симидзу, с. 2].

Если рассматривать в хронологическом порядке, первым шагом был проект централизованных правительственных зданий Джосайя Кондера (середина 1885 – начало 1886 гг.). В соответствии с документами, в сентябре 1885 г. по распоряжению Иноуэ Каору, была проведена геодезическая съёмка местности и были сделаны картографические записи. Кондер представил два проекта в январе 1886 года, но они не были одобрены.

В феврале 1886 года правительство Мэйдзи организовало Специальный комитет по строительству, как отдел, непосредственно подчиняющийся Кабинету министров, для того чтобы определить местоположение и проект здания парламента Японии и других правительственных учреждений. Иноуэ поручил этот проект компании «Эндэ&Бёкман», которая на тот момент была уже довольно известна в Германии. В соответствии с переговорами Иноуэ и Эндэ, сначала Бёкман должен был приехать в Японию, сделать проект, по возвращении в Германию проработать детали, а Эндэ затем должен был привезти в Японию окончательный вариант плана. Так начался важнейший проект, который стал называться «Проект центральных правительственных зданий».

Бёкман в конце апреля 1886 года прибыл в Токио в качестве помощника инженера. Срок пребывания был всего 2 месяца, но за это время его объектом изучения стали районы Нагата, Касумигасэки, Гиндза-Синбаси. Он также закончил планы зданий парламента Японии, министерства юстиции и суда. Эти проекты и планы получили одобрение от Иноуэ и Кабинета министров. Бёкман получил аудиенцию у Его Императорского Величества, Аоки Сюдзо, заместитель министра по внешним делам, в качестве представителя получил подробный отчёт по проекту.

Перед поездкой в Японию Бёкман встретился со специальным уполномоченным в делах Комацубасара Эйтаро, интересовался строительством из кирпича, влиянием землетрясений на постройки и другими вопросами. Также, согласно проф. Фудзимори, компания «Эндэ&Бёкман» запросила у правительства Японии подготовить некоторые документы и информацию до приезда Бёкмана в Японию (телеграмма из Германии, 25 февраля 1887 г.). Требовались, например, «план Японии, требования от правительства, лесопильные заводы, заводы по производству кирпича, лесопильные заводы, чугунолитейные заводы, завод по отливке металла, транспортировка, количество

мастеров и их характеристики, наибольшая скорость ветра и среднее количество осадков, сила землетрясений, постройки, которые были или не были разрушены в результате землетрясения» [Фудзимори, с. 134]. Таким образом, понятно, что до приезда в Японию Бёкман интересовался строительными материалами в Японии, влиянием, которое оказывают землетрясения и климат на строительство. Конечно, косвенно он интересовался геологическим строением и характером почвы.

После того, как архитектор приехал в Японию, он провёл геологическую съёмку местности, встретился с Готфридом Вагнером, который был инженером, основателем современной японской керамической промышленности и хорошо разбирался в геологии, а также с Максом Феска, который в свою очередь был химиком-агрономом, занимался исследованиями состава почвы. Затем немецкий архитектор посетил завод по производству кирпичей. Новая застройка предполагала использование большого количества кирпича, однако европейские архитекторы категорически отказывались использовать привозной кирпич, поскольку разные партии значительно отличались размерами и качеством, что влияло на внешний вид зданий. Самым простым решением стало открытие производства в Японии. Возглавил кирпичную компанию Сибусава Эйити, предприниматель, чиновник Министерства финансов.

Курсом правительства в то время было строительство здания Парламента и других правительственных учреждений в Хибия. Газеты и журналы, за исключением одного издания, публиковали слухи и догадки о расположении здания Парламента на учебном плацу. Однако как только Бёкман приехал в Японию, он решил расположить здание Парламента на возвышенности в Нагата-тё по нескольким причинам. Во-первых, Хибия не подходит для таких больших зданий, как здание Правительства. Во-вторых, Хибия — низменность, и как бы величественно ни смотрелось здание Парламента, оно не будет бросаться в глаза. К тому же Нагата-тё — высокое место с сухой почвой, что позволяет сразу увидеть, как возвышается Парламент. Стоит добавить, что рядом с Нагата-тё находится парк Санномори, Генеральный штаб императорской армии Японии и Императорский дворец, поэтому выбранное место было подходящим.

Анализируя план, профессор Симидзу отмечает, что «[Бёкман] в свободной манере расположил здание Парламента Японии, Императорский дворец, правительственные здания, Суд, театры, отели и другие правительственные здания, используя в качестве основы города радиальные схемы улиц и выставочные комплексы, при этом оставив достаточно свободного пространства» [Симидзу, с. 10].

Стоит упомянуть, что план Бёкмана был основан на Плане модернизации Парижа (1853-1870 гг.) и продолжал традицию барочного проектирования городов. До поездки в Японии у Бёкмана не было опыта городского планирования, поэтому архитектор опирался на Парижский план.

Архитектор по достоинству оценил радиальные схемы улиц, которые присутствовали в проекте модернизации Парижа, но внешний облик города Бёкману

не понравился, поскольку выглядел достаточно однообразно. Более того, в своих отчётах Бёкман писал, что правительственные здания Японии выглядят лучше, чем в Германии, где постройки стоят тесно, мешая друг другу.

Проект Бёкмана был значительно сокращён, поскольку правительство Японии не одобрило необходимый для реализации бюджет. После сокращения плана и последующих за этим проектов здания Парламента и других правительственных учреждений последовала отставка Иноуэ из-за того, что переговоры о перезаключении договоров закончились неудачей, затем прекращение работы временного департамента по строительству, расторжение контракта с Бёкманом, и в результате проект не был реализован.

Спустя несколько месяцев в Японию приехал Герман Энде. Проведя необходимые исследования, он сделал проекты здания Правительства и здания Министерства Юстиции. Одно из сохранившихся зданий, спроектированных Бёкманом и Энде, — здание министерства юстиции, построенное в 1895 г. При строительстве использован кирпич производства завода Сибусава Эйити. Архитекторы создали два плана правительственного здания, которые были схожи с европейскими законодательными органами того времени. Первоначальный план Бёкмана предполагал каменную основу с куполом и фланговыми крыльями, здание должно было иметь традиционную японскую крышу, крытую черепицей, в центральной части здание должно было быть увенчано небольшой пагодой, по бокам предполагалось расположить башенки. Здание должно было стать центральным в так называемом «правительственном кольце» к югу от Императорского дворца. Однако из-за общественного сопротивления международной политике министра иностранных дел Иноуэ Каору строительство было остановлено. Новое здание, которое сохранилось до настоящего времени, было построено уже в 1918 году по проекту Ватанабэ Фукудзо. По заказу правительства здание должно было отсылать к итальянскому ренессансу. Японский архитектор разработал собственный проект на основании планов Энде и Бёкмана.

Таким образом, можно сказать, что Централизованный проект правительственных зданий оказал существенное влияние на современный облик Токио и на историю градостроительства в целом. Во-первых, появились новые типы зданий, вмещающих новые государственные институты. Также началось строительство из кирпича. Существенно изменился облик города. И нельзя не упомянуть то, что был получен новый опыт градостроительства, опирающийся на европейский принцип организации городского пространства.

Список источников и литературы:

Seidensticker E. Low city, high city: Tokyo from Edo to the earthquake. Cambridge (Mass): Harvard university press, 1991. 302 p.

Christine M. E. Guth. Japan 1868-1945: Art, Architecture, and National Identity. Art Journal, 55(3),CAA, 1996. P. 16-20.

Steward D.B. The making of a modern Japanese architecture: 1868 to the present. Tokyo, New-York: Kodansha intern. 568 pp.

Фудзимори Тэрунобу 藤森照信 Эндэ Бёкман-ни ёру кантё:сю: кэйкаку-но кэнкю: エンデ・ベックマンによる官庁集計画の研究 [Исследование «Централизованного проекта правительственных зданий» Энде и Бёкмана] // Добоку гаккай ромбунсю: 日本建築学会論文報告集 第 [Сборник научных работ Архитектурного института Японии]. 1978. №278. С. 131-137.

Симидзу Эйхан 清水英範 Мэйдзи сэйфу-но кантё:сю:-ни окэру Бэкуман дзё:яку-ни кансуру кэнкю: 明治政府の官庁集中研究におけるベックマン条約に関する研究 [Исследование контракта Бёкмана, ответственного за создание «Централизованного проекта правительственных зданий» для правительства Мэйдзи] // Добоку гаккай ромбунсю: 土木学会論文集 [Журнал Японского общества гражданских инженеров]. 2016, 72. №1. С. 1-19.

Симидзу Эйхан 清水英範 Бэкуман-но То:кё: кэйкаку-ни кансуру кэнкю: - коккай гидзидо:-но ити сэнтэн-о тю:син тоситэ ベックマンの東京計画に関する研究 – 国会議事堂の位置選定を中心として [Исследование токийского проекта Бёкмана: выбор местоположения здания Парламента Японии]// Добоку гаккай ромбунсю: 土木学会論文集 [Журнал Японского общества гражданских инженеров]. 2014, 70. №5. С. 1-20.

Бутримова Мария Александровна
студентка 1 курса магистратуры
Восточный факультет СПбГУ[1]

Роль программ академического и профессионального обмена в укреплении отношений между Японией и странами Европы

Установление дипломатических отношений между Японией и Европейским Союзом относится к XX в., а именно к 1959 г., когда японский посол в Бельгии получил статус первого представителя Японии в Европейских Сообществах [1]. Открытие европейской миссии в Токио произошло значительно позже — в 1974 г. В тот период Япония обладала самыми значительными ресурсами «мягкой силы» в Азии. Кроме того, она была первой азиатской страной, которой удалось одновременно сохранить свою культуру и выйти на один уровень с европейскими государствами по темпам экономического и технологического развития (Nye 2004, p. 85). В силу послевоенного пацифистского характера внешней политики Японии, «мягкая сила» и публичная дипломатия являются ее основными инструментами.

Сам термин «мягкая сила» был сформулирован во второй половине 1980-х гг. американским политологом Джозефом Наем. Согласно его определению, она состоит из трех компонентов: культуры, политических ценностей и внешней политики. Обращаясь к понятию публичной дипломатии, следует сказать, что оно было предложено в 1965 г. Эдмундом Галлионом. Ее целью является воздействие на общественное мнение, а также формирование имиджа страны за рубежом, включая деятельность политиков, представителей культуры, науки, образования, СМИ, НПО, а также пользователей социальных сетей (Лебедева 2017, с. 44).

Публичная дипломатия является одним из инструментов японской внешней политики. По данным отчета брендинговой компании Future Brand Country Index, среди 75 стран на 2019 г. Япония занимает первое место по степени эффективности продвижения своего имиджа за рубежом[2]. Согласно МИД Японии главными целями, которые преследует правительство Японии, являются:

1. Распространение информации о международной обстановке
2. Информирование иностранной общественности о внутренней обстановке в Японии, ее дипломатическом и внешнеполитическом курсе
3. Выполнение международных соглашений по развитию культурного обмена

---

[1] Научный руководитель — к. и. н., доцент кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки СПбГУ М. Н. Малашевская.

[1] Совокупность трех международных организаций: Европейское экономическое сообщество, Европейское сообщество по атомной энергии, Европейское объединение угля и стали. Впоследствии легли в основу формирования Европейского Союза.

[2] Согласно FutureBrand, в 2014 г. Япония так же занимала первое место.

4. Развитие сотрудничества Японии с международными культурными организациями
5. Распространение японской культуры за рубежом, что впоследствии способствует развитию отношений с другими странами

В XXI в. международные отношения в сфере культуры рассматриваются как один из важнейших приоритетов внешней политики Японии. (Aoki-Okabe, Maki&Kawamura 2006, p. 3). В декабре 2001 г. был опубликован «Совместный план действий по сотрудничеству между ЕС и Японией», который определил более ста областей, предоставляющих возможности для проведения двусторонних инициатив — от совместного сотрудничества в области миротворчества и безопасности до укрепления экономического сотрудничества и расширения академических и культурных обменов. (Berkofsky 2007, p. 10). В данном исследовании рассматривается ряд подобных проектов и инициатив: JET Programme, проект Mirai 2.0 — сотрудничество между шведскими и японскими университетами и J8, известная также под названием Junior Summit.

JET Programme — японская программа по обмену в сфере преподавания, которая является одной из инициатив японского правительства. Проводится с 1987 г. и направлена на оказание содействия в изучении иностранных языков в Японии и развитие международных связей на региональном уровне с помощью молодежного обмена. Реализуется при поддержке Правительства страны и Министерства по делам местного самоуправления, внутренних дел, связи и телекоммуникаций, Министерства образования, культуры, спорта, науки и техники, а также Совета местных органов самоуправления по международным отношениям (CLAIR). В 2019–2020 гг. среди стран Европы по количеству участников лидировали Великобритания (560 чел.), Ирландия (114 чел.), Франция (27 чел.) и Германия (25 чел.)[3]. В качестве фидбэка в рамках программы предусмотрен специальный раздел в ежемесячном журнале CLAIR Forum, где участники делятся своим опытом и впечатлениями о жизни и работе в Японии. Многие из них говорят о том, что данная программа позволила им не только завести новых друзей или развить свои личностные качества и навыки, но и поближе познакомиться со страной. Некоторые участники отмечают в своих письмах, что после такого опыта они начали положительнее воспринимать Японию[4].

Следующая программа это Japan’s Friendship Ties Programs — программа, направленная на развитие обменов между Японией и странами Азиатско-Тихоокеанского региона, Северной и Латинской Америки, Европы. Ее цель состоит в том, чтобы способствовать пониманию японской экономики, общества, истории, а также расширению культурных и дипломатических отношений между участниками. Ожидается, что инициатива приведет к увеличению тех, кто интересуется Японией, а активное распространение участниками сведений о стране и ее положительных

[3] JET Programme Statistics 2019-2020
[4] JET Programme. JET Letter. URL: http://jetprogramme.org/en/jetplaza/ (дата обращения: 10.03.2021)

сторонах укрепит образ Японии и, как следствие, связи с другими странами. В случае с Европой, в рамках Japan's Friendship Ties Programs проводится инициатива Mirai — краткосрочная программа студенческого обмена по следующим направлениям: политика, политика безопасности, экономика, международные отношения, азиатские и японские исследования. Она способствует развитию взаимопонимания между странами-участниками; расширению масштаба дискуссий; выстраиванию прочных связей между будущими японскими лидерами и мировым сообществом. Как правило, в ходе программы проводятся лекций о японской политике, экономике и обществе с последующими дискуссиями; участники посещают образовательные учреждения, высокотехнологичные и традиционные производства, а также объектов культурного наследия; организуются экскурсии на местные производства и знакомство с местным населением. По словам самих участников, они очень благодарны проекту Mirai за предоставленные возможности, а именно за возможность пробовать новое и расширять собственные горизонты[5].

MIRAI 2.0 — трехлетний проект, запущенный в 2020 г. и направленный на сотрудничество между 19 университетами Японии и Швеции. Связан с решением научных проблем в таких областях, как: вопросы старения, материаловедения, устойчивого развития, инноваций и предпринимательства. Цель проекта: развитие и укрепление долгосрочного сотрудничества между Швецией и Японией посредством различных мероприятий в сфере исследований, образования и инноваций. К шведским университетам, входящим в данный проект, можно отнести: Гётеборгский (ключевой), Лундский, университет Уппсала, университет Умео. Из японских сюда входят следующие: университет Нагоя (ключевой), университет Хиросима, университет Софии, университет Васэда. В предыдущие годы проводились различные семинары (октябрь 2017 и 2018 гг., ноябрь 2019 г.) и воркшопы (14-16 мая, 7-8 июня, 14-15 июня 2018 г.; 28-29 марта, 21-23 мая, 2-5 июня 2019 г.), в рамках которых обсуждались вопросы демографии, материаловедения и устойчивого развития. Как уже упоминалось, сам проект Mirai 2.0 был запущен в 2020 г. По его итогам на повестку дня будут вынесены темы, связанные с ИИ и социальными науками. Также в рамки проекта будет включена и тема целей в области устойчивого развития. Предполагается, что проект поспособствует развитию понимания систем инноваций и предпринимательства в сфере образования и исследований со стороны обеих стран – это одна из самых приоритетных целей MIRAI 2.0.

Последней инициативой, рассмотренной в данной работе, является инициатива J7 (ранее J8), или «Юношеская Семерка», — мероприятия, проводимые в рамках сотрудничества между ЮНИСЕФ и странами-лидерами G7 — Большой Семерки, организацией которых занимается секретариат G7. Проект дает возможность молодым людям со всего мира больше узнать об актуальных глобальных проблемах, обсудить

[5] JICE's International Exchange. Voices from Participants. URL: https://www.jice.org/exchange/en/about/voice/2019/06/mirai2018.html (дата обращения: 10.03.2021).

их, а также представить свои способы решения, самые успешные из которых впоследствии обсуждаются с мировыми лидерами в рамках саммита G7. В Японии J8 впервые был проведен в 2008 г. в Тояко на о-ве Хоккайдо. В следующий раз мероприятие проходило 22–26 апреля 2016 г. в городе Кувана, префектуры Миэ в преддверии 42-го саммита G7 (26–27 мая 2016 г.). В рамках форума были обозначены 3 главных темы: «Планета для следующих поколений: вопросы окружающей среды и устойчивого общества», «Сосуществование стратегий защиты окружающей среды и экономического развития», «Навстречу лучшему обществу и миру». По результатам саммита, был принят ряд решений, касающихся следующих вопросов:

1. **Изменение климата и декарбонизация**

Поднимались вопросы, связанные с сокращением углеродных выбросов. Также было внесено предложение об использовании возобновляемых источников при производстве энергии. Правительство Японии на себя более решительную руководящую роль в борьбе с изменением климата.

2. **Экономическое неравенство и инклюзивный рост**

Был предложен ряд инициатив по передаче технологий из развитых стран в развивающиеся. Также участники обсудили необходимость системных реформ для улучшения ситуации, связанной с вопросами коррупции и уклонения от уплаты налогов.

3. **Развитие человеческого капитала**

Развитие международного сотрудничества с целью обмена ресурсами и информацией в сфере образования между образовательными учреждениями развитых и развивающихся стран.

4. **Преодоление гендерного неравенства**

Ожидается, что правительство Японии займет ведущую позицию в расширении прав и возможностей женщин. Инициатива направлена на создание общества, в котором женщины будут играть более активную роль.

Следовательно, рассмотрев ряд программ и инициатив в сфере образования между Японией и Европой, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день правительство Японии заинтересовано в развитии отношений со своими европейскими партнерами, о чем говорит создание проекта MIRAI 2.0. Однако не только японская сторона стремится к укреплению связей. Исходя из отчетов программы JET, можно сказать, что и европейская молодежь проявляет значительный интерес к Японии — ее обществу, культуре, экономике и политической системе.

Список использованной литературы

Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / Под ред. М. М. Лебедевой. М.: Издательство. Аспект Пресс., 2017. 272 с.

Aoki-Okabe, Maki & Kawamura, Yoko & Makita, Toichi. (2006). The Study of International Cultural Relations of Postwar Japan. Institute of Developing Economies, Japan External Trade Organization (JETRO), IDE Discussion Papers. № 49. 2006. – 57 p.

Axel Berkofsky The EU and Japan: a partnership in the making EPC Issue Paper No.52 2007. 31 p.

JET Programme. JET Letter. URL: http://jetprogramme.org/en/jetplaza/ (дата обращения: 10.03.2021)

Joseph S. Nye, Jr. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 191 p.

Junior Summit in Mie. Kuwana Junior Communique Kuwana City, April 26th, 2016

Report on MIRAI 2.0. MIRAI 2.0 Japanee-Swedish Joint Kick-off / Scientific Webinar. October 7-8, 2020

Важенина Елена Викторовна
студентка 2 курса магистерской программы «Культурная и интеллектуальная история: между Востоком и Западом» НИУ ВШЭ[1]

Языковые реформы в Китае во второй половине XX века как инструмент внешней и внутренней культурной политики (трансформация Beijing на материале газетных заголовков The New York Times)

На протяжении последних двух веков близкое знакомство с китайским государством побуждало иностранцев к изучению нового языка. Однако, иероглифическая письменность не представлялась удобной для европейских колониалистов. По этой причине лингвисты разных стран начали разрабатывать свои способы транскрипции китайского языка. Всего известно около 20 систем транскрипции, официальных и индивидуально используемых, но наиболее широкое распространение получила система Уэйда-Джайлза. Широкое распространение данная система получила благодаря следующим обстоятельствам.

Во-первых, синолог сэр Томас Фрэнсис Уэйд был послом Великобритании в Китае, также он был первым профессором китайского языка в Кембриджском университете. Во-вторых, Т. Ф. Уэйд в 1867 г. опубликовал первый учебник по пекинскому диалекту на английском языке. Третьим обстоятельством, повлиявшем на популярность предложенной системы фонетической транскрипции, является выбор Уэйдом диалекта, европейские лингвисты транскрибировали нанкинский (южный) диалект, в то время как система Уэйда основывалась на пекинском (северном) диалекте, который был распространен куда на большей части территорий северного и юго-западного Китая. Другой британский дипломат и синолог Герберт А. Джайлз (ставший вторым, после Т. Ф. Уэйда, профессором китайского языка в Кембриджском университете) модифицировал систему латинизации китайского языка Томаса Ф. Уэйда, расширил словарь, добавив к северному диалекту произношение на других диалектах, и опубликовал в 1892 г. Китайско-английский словарь.

Почтовое сообщение было сферой наиболее нуждающейся в стандартизации транскрибирования. В 1878 г., когда было открыто первое государственное почтовое отделение Китая, за основу для латинской транскрипции взяли словарь Г.А. Джайлза (основанный на южном диалекте), но из-за разницы в диалектах потребовалось прийти к единому стандарту. В 1906 г. была проведена совместная почтово-телеграфная конференция, где было предложено переписать названия городов в соответствии с системой Уэйда-Джайлза, но в итоге было принято решение всё же сохранить уже существующие варианты написания нанкинской слоговой записью, другие же города, транскрибированные на других диалектах, переделать в соответствии с южным

[1] Научный руководитель – к. ф. н. Виктория Олеговна Васильева

диалектом. В итоге, столица Китая – Пекин – для европейского сообщества стала официально транскрибироваться как Peking.

Наступивший XX в. для Китая стал поворотным в определение своего места в мировой политике. Для нашего исследования наибольший интерес представляют предпринятые языковые реформы на территории Китайской Народной Республики.

С 1949 г. по 1988 г. КНР занималась несколькими вопросами: во-первых, стандартизировать написание иероглифов на всей территории Китая (в том числе ввести упрощенное написание иероглифов), во-вторых, правительство задалось целью повысить грамотность населения, популяризировав путунхуа, в-третьих, необходимо было создать единственно правильный фонетический алфавит. Последнее требовалось в первую очередь для фонетического аннотирования иероглифов, чтобы упростить процесс обучения собственных граждан.

Система пиньинь (pinyin) была разработана и в последствии предложена в 1950-х гг. группой китайских лингвистов. Изначально была предпринята попытка создать полностью нелатинский китайский фонетический алфавит, но проект не завершился успехом, поэтому на собрании Национального комитета Китайской народной политической консультативной конференции 10 января 1958 г. Чжоу Эньлай выступил с докладом, где объяснил причины принятия латинского алфавита за основу: «Мы принимаем латинский алфавит за основу китайского фонетического алфавита, поскольку латиница широко используется в научных областях и в повседневной жизни. Таким образом, принятие латинского алфавита значительно облегчит популяризацию путунхуа»[2]. 11 февраля 1958 г. на пятой сессии Первого Всекитайского собрания народных представителей система пиньинь была одобрена и введена в использование[3].

На протяжении следующего десятилетия правительство использовало все возможные меры для популяризации пиньинь. Однако, введенные изменения игнорировались мировым сообществом, а, следовательно, и США.

Это игнорирование было следствием тяжелых американо-китайских отношений. После поражения гоминьдановского правительства (полностью поддерживаемого правительством США) и их бегства на о. Тайвань, Соединенные Штаты отправили свой флот в Тайваньский пролив, превратив Тайвань в свою крупную военную базу и оказывая всестороннюю поддержку режиму Чан Кайши. В период с 1954 г. по 1968 г. было проведено около 134 встреч на территории Женевы и Варшавы, но прогресса в переговорах достигнуто не было.

В разгар холодной войны использование системы пиньинь вместо Йельской романизации («Yale romanization» была разработана на территории США для обучения китайскому языку американских солдат) за пределами Китая считалось политическим заявлением или отождествлением с коммунистическим режимом Китая. Об этом

[2] Chou En-lai. Current Tasks of Reforming the Written Language http://pinyin.info/readings/zhou_enlai/zhou_enlai.html#n1

[3] Pinyin celebrates 50th birthday http://www.china.org.cn/english/news/242463.htm

свидетельствует изучение газетных заголовков The New York Times. С 1928 г. по 1963 г. в заголовках и теле статей американцы использовали транскрипцию Peiping для обозначения китайского города Пекин. С одной стороны, американцы верно использовали название города с 1928 г., когда гоминьдановским правительством Китайской Республики столица была перенесена из Пекина в Нанкин также был переименован город Бэйцзин (北京) в Бэйпин (北平) («цзин» переводится как «столица», то есть переименование было связано с утратой Пекином статуса столицы). Но, с другой стороны, после того как Коммунистическая партия Китая в 1949 г. перенесла столицу обратно в Пекин и вернуло ему историческое название, американская газета никак не отреагировала и до 1963 г. использовала старое название города. С 1963 г. газета The New York Times все же начала использовать транскрипцию Peking – это было связано с изменениями американо-китайских отношений.

Самое первое сообщение в газете The New York Times о языковых изменениях в Китае, которые были введены в 1958 г., была опубликована 2 июня 1975 г. с заголовком «Peking to Be ‘Beijing’ In New Romanized Form»4. В статье также обращали внимание читателей на изменение написания имени председателя Мао Цзэдуна: «Peking will become “Beijing” and Chairman Mao Tse-tung's name “Mao Zedong” in new standard Romanized spellings»5.

Для достижения политических замыслов Китайская Народная республика с 1959 г. лоббировало инициативу принятия китайского фонетического алфавита как международного стандарта, но лишь в августе 1977 г. на Третьей Конференцией Организации Объединенных Наций по стандартизации географических названий выдвинутое предложение было одобрено.

В 1979 г. Организация Объединенных Наций и Федеральное бюро информации США (FBIS) предприняли шаги по внедрению системы пиньинь. В статье от 4 февраля 1979 г. газета The New York Times объявила о принятии нового стандарта транскрипции – pinyin, однако, это не распространилось на города Peking (Пекин) и Canton (Гуанчжоу), объясняя такую позицию тем, что «they are deeply rooted in English usage»6. Но не все издательства США последовали примеру The Times: Peking и Beijing стали использоваться как взаимозаменяемые, что создало проблемы в банковской и почтовой системе. По этой причине 15 июня 1979 г. в штаб-квартире Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке выпустила документ, озаглавленный «Инструкции по введению пиньинь».

Международная организация по стандартизации (ISO) приняла пиньинь в качестве международного стандарта в 1982 году, а в 1986 году за ней последовала

---

[4] Peking to Be ‘Beijing’ In New Romanized Form https://www.nytimes.com/1975/06/02/archives/peking-to-be-beijing-in-new-romanized-form.html?searchResultPosition=3

[5] Ibid.

[6] Times Due To Revise Its Chinese Spelling https://www.nytimes.com/1979/02/04/archives/times-due-to-revise-its-chinese-spelling-adoption-of-new-system.html

Организация Объединенных Наций. Эти два события стали ключевыми в вопросе транскрипции китайских городов для американских газет. В 1984 г. The New York Times продолжает использовать в своих заголовках «Peking»[7]. 1 декабря 1985 г. в заголовке и внутри статьи впервые используется правильная транскрипция – Beijing[8]. С этого момента Beijing начинают использовать намного чаще чем Peking, об этом свидетельствуют газетные заголовки опубликованных в 1986 г.: среди общего числа заголовков – 11 – лишь 2 раза использовалось Peking. С 1987 г. столицу Китая именуют только как Beijing.

Вся описанная выше история затрагивает не просто вопрос использования нового китайского фонетического алфавита, не просто конфликт правильной и неправильной транскрипции, а является отражением тактики поведения на мировой политической арене новообразовавшегося государства в середине XX в. Китайской Народной Республики.

Требование использования Beijing вместо «Пекина» затронуло только англоговорящую часть населения и только в вопросе именования городов и транскрипции китайских имен. В первую очередь это коснулось США, так как именно с этой страной у КНР с самого начала не складывались дружеские отношения, и введение использования новой транскрипции на территории США ознаменовало тот долгий период непризнания США коммунистического Китая победой последней.

На не менее распространенных европейских языках вопрос переименования не поднимался и на сегодняшний день Peking используется в разных вариациях написания: Pékin en français, Pequim em portugues, Peking auf Deutsch и т.д. Переименование также не затронуло повседневную культуру, так, аббревиатура PEK, используемая аэропортам мира как трёхбуквенный уникальный идентификатор, осталась неизменной, то же касается и названия главного университета Китая – Peking University.

Оценивая эффект использования нового фонетического алфавита, нужно принять во внимание достижение поставленных целей как внутри Китая, так и за его пределами. В Китае транскрипция используется как образовательный инструмент для подрастающего поколения, за пределами – используется международной журналистикой, коммерцией и туризмом. Несмотря на временную близость введения пиньиня в эксплуатацию, мало исследователей обращают внимание на стратегическое замысел Китая: введение и принуждение к использованию пиньиня было одним из рычагов достижения положительных результатов в американо-китайских отношениях.

---

[7] New York And Peking To Expand Trade Ties https://www.nytimes.com/1984/07/10/nyregion/new-york-and-peking-to-expand-trade-ties.html?searchResultPosition=83; Peking Tries An End Run And Woos Soviet Allies https://www.nytimes.com/1984/08/05/weekinreview/peking-tries-an-end-run-and-woos-soviet-allies.html?searchResultPosition=84; etc.

[8] East Meets West In Beijing https://www.nytimes.com/1985/12/01/arts/bridge-east-meets-west-in-beijing.html?searchResultPosition=113

Список использованных источников и литературы

Chou En-lai. Current Tasks of Reforming the Written Language [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pinyin.info/readings/zhou_enlai/zhou_enlai.html#n1. Загл. с экрана. (дата обращения: 13.04.2021)

East Meets West In Beijing [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.nytimes.com/1985/12/01/arts/bridge-east-meets-west-in-beijing.html?searchResultPosition=113. Загл. с экрана. (дата обращения: 13.04.2021)

Lane J.H. Stumbling towards Empire: The Shanghai Local Post Office, the Transnational British Community and Informal Empire in China, 1863–97. [Электронный ресурс] // The Journal of Imperial and Commonwealth History. Режим доступа: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/03086534.2018.1431433. Загл. с экрана. (дата обращения: 13.04.2021)

Peking to Be ‘Beijing’ In New Romanized Form [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.nytimes.com/1975/06/02/archives/peking-to-be-beijing-in-new-romanized-form.html?searchResultPosition=3. Загл. с экрана. (дата обращения: 13.04.2021)

Pinyin celebrates 50th birthday (Xinhua News Agency February 11, 2008) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.china.org.cn/english/news/242463.htm. Загл. с экрана. (дата обращения: 13.04.2021)

Times Due To Revise Its Chinese Spelling [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.nytimes.com/1979/02/04/archives/times-due-to-revise-its-chinese-spelling-adoption-of-new-system.html. Загл. с экрана. (дата обращения: 13.04.2021)

Валерианов Иван Владимирович
студент 4 курса Института международных отношений
Казанский (Приволжский) федеральный университет[1]

Характер китайской миграции на Дальнем Востоке в 90-е гг. XX в.

Характерной чертой развития Дальневосточного региона в 90-е гг. является присутствие китайских, корейский и вьетнамских мигрантов и их хозяйственная деятельность. Процесс нормализации российско-китайских отношений, начавшийся с речи Леонида Ильича Брежнева в Ташкенте еще в марте 1982 г. (Чжихуа 2009, С. 143) привел не только к возвращению экономического, торгового и научно-технического сотрудничества, но и значительно увеличил экономический интерес к СССР среди китайских граждан.

Окончательным этапом закрепления партнерских отношений между двумя странами стал визит М.С. Горбачева Пекина в мае 1989 г. В ходе визита были урегулированы межгосударственные отношения, также установлена крепкая взаимосвязь между партиями СССР и КНР (Документы и материалы 1989, С. 34).

Стоит отметить, что подписанное соглашение между КНР и СССР о безвизовом режиме для туристов (1988 г.) дало толчок миграционному потоку китайских граждан на Дальний Восток (Ващук 2002, С. 200).

90-е гг. для России и Дальнего Востока, в частности, характеризуются общим экономическим спадом. Сильно ухудшилось демографическое положение в Дальневосточном Федеральном Округе. Если в 1991 г. численность населения составляла порядка 8 миллионов человек, то к 1999 г. этот показатель снизился на 800 тысяч (Российский статистический ежегодник 2003, С. 83).

Депопуляционные процессы затронули не только ДФО, но и другие соседствующие регионы. Основными причинами для этого являлись миграционная и естественная убыль населения. В регионах, за исключением республики Саха (Якутия) и Чукотского АО наблюдалась катастрофическая убыль населения. В 1995 г. смертность, например, в Хабаровском крае превышала рождаемость в 1,4 раза. Да и, в принципе, уровень смертности на российском Дальнем Востоке превышал уровень смертности по всей стране (47% против 35,5%) (Там же, С. 122).

Одновременно с оттоком местного населения в европейскую часть России, в страну массово хлынули китайские мигранты. Ввиду двух немаловажных факторов, а именно, отсутствия правовой регуляции мигрантов и общего экономического спада, как на Дальнем Востоке, так и по всей России, китайцы смогли занять свою нишу.

---

[1] Научный руководитель – преподаватель кафедры алтаистики и китаеведения Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета Силакова София Андреевна.

Стоит также обратить внимание на то, что явлению китайской миграции в России способствовало подписание ряда межправительственных договоров. Кроме вышеупомянутого соглашения о безвизовом туризме между двумя странами, были подписаны «Соглашение между правительствами СССР и КНР о принципах направления и приема китайских граждан на работу на предприятиях, в объединениях и организациях СССР», а также «Соглашение о принципах создания и деятельности советско-китайских совместных предприятий» (Сборник российско-китайских договоров 1999, С. 122).

Основная трудовая сила Китая, прибывавшая в Россию, представляла собой выходцев из провинции Хэйлуцзян (порядка 60-70%). Это были пограничные города, например, Дуннин, Суйфэньхэ, Цзидун, Хуйчунь, Хэйхэ. Также фиксировалось прибытие китайцев из провинций Цзилинь и Ляонин (Симонян 2016, С. 91).

Перейдем непосредственно к характеристике трудовой деятельности китайских мигрантов на территории Российской Федерации.

Хозяйственную деятельность китайских граждан можно подразделить на несколько сфер:

1) работа по найму - на предприятиях, сельскохозяйственная деятельность.

2) мелкооптовая торговля и розничная торговля

3) создание китайских и совместных китайско-российских предприятий.

4) студенческая миграция

Если еще в 1990 г. на территории Российской Федерации трудилось порядка 15 тыс. китайских рабочих, то к 1993 году количество выросло до 100 тысяч и более (Карлусов 2002, С. 79).

Китайские граждане массово привлекались местными совхозами, например, совхоз «Соболевский» Приморского края. А также разворачивали промышленное выращивание овощей, арендуя тепличные хозяйства у местных предпринимателей. Современники отмечали, что китайцы использовали собственные семена и технологии, которые позволяли добиваться рекордных уровней урожайности (Гельбрас 2001, С. 202). Дело дошло до того, что между российскими сельскохозяйственными предприятиями началась конкуренция за право иметь китайских рабочих. По данным на 1996 г., порядка 45% китайцев занимались сезонной сельскохозяйственной деятельностью.

Китайские рабочие бригады также пользовались особой популярностью в РФ. Одной из основных черт китайских рабочих являлась их невероятная работоспособность: китайцы, в отличие от россиян, могли работать круглые сутки. Соответственно, их активно привлекали к строительству торговых центров, складов, жилых помещений. Китайцев нанимали на срок до 10 месяцев, с возможностью продления контракта на срок до двух лет (Изучение Сибири 2002, С. 17-18).

Отдельного внимания достойна торговля в приграничных городах и в зонах приграничного экономического сотрудничества (ЗПЭС). В России такой вид торговли

получил название «челночной». Китайское правительство ввело для этого термин «народной торговли» (Миньцзянь Маои 民间贸易). В условиях изменения экономической модели развития Российской Федерации, Дальний Восток катастрофически нуждался в продовольствии. Челночная торговля позволила в кратчайшие сроки восполнить продовольственные нужды российского населения. Также, такой вид торговли создал определенную инфраструктуру на приграничных территориях: турфирмы, которые специализировались на шоп-турах и карго-фирмы.

Исследователи выделяют 3 этапа трансграничного миграционного преобразования: 1988-1990 гг. – «открытие», становление экономического сотрудничества. 1991-1993 гг. – «эйфория», характеризующаяся либерализацией во внешнеэкономической деятельности. 1994-1998 гг. «наведение порядка».

«Народная» торговля также способствовала образованию и развитию уличных торговых рынков. (Дятлов 2017, С. 100). Такой тип открытых рынков получил название «китайский» рынок. По оценкам экспертов, китайские продавцы могли зарабатывать до 500 долларов в месяц. Однако, эта статистика довольно условна, так как «челноки» предпочитали всеми способами избегать уплаты налогов. Создание уличных рынков также привело к появлению новых рабочих мест для китайцев, которые не имели квалификации. Они нанимались грузчиками, уборщиками и водителями.

В целом, в период с 1990 по 1999 гг. совокупная сумма экспортируемых и импортируемых товаров только через Хэйхэ составляла порядка 2 миллиардов долларов. Через границу прошло более 1 миллиона человек с туристической целью (по факту, 95% пересекали границу с целью ведения предпринимательской деятельности).

Началом создания совместных предприятий на Дальнем Востоке является 1987 г. В этот год, появилось порядка 24 предприятий в Приморском крае. Более половины Совместных предприятий реализовывали свою деятельность в торговой сфере. Изначально, это были немногочисленные по своему составу компании, которые занимались поставками продуктов первой необходимости, например, «Чан-чен» или «Насин» (Моисеева 2005, С. 60).

В самом начале формирования как китайских, так и совместных российско-китайских предприятий, бизнесмены опирались на экстенсивный путь развития. То есть, предприятия основывались не на долгосрочный срок. Их целью, в основном, было получение прибыли либо бартерным способом, либо продавались товары, и валюта вывозилась в Китай. Некоторые предприятия создавались для проведения одной или нескольких сделок и прекращали свою деятельность. Стоит отметить, что большинство китайцев не разбиралось в российских законах и не владели ни русским, ни даже английским языками, что создавало определенные трудности в ведении переговоров (Шкуркин. 2007, С. 102).

Конечно же, существовала так называемая «теневая» составляющая китайского предпринимательства, связанная с вывозом сырья из РФ (лесозаготовки, металлолом и др.) Также, китайские мигранты занимались браконьерством. Так, например, у граждан

КНР был высокий спрос на шкуру амурского тигра, лапы и желчь гималайского и бурого медведей. А с 1999, ввиду запрета вырубки лесов на Северо-Восточной части КНР, стремительно увеличилась потребность в лесоматериалах (Гамерман 2002, С. 163).

Также в 1990-е гг. российское образование представляло интерес для выпускников китайских школ. Причиной для этого служил положительный опыт сотрудничества в сфере образования между КНР и СССР в 50-е-60-е гг. XX вв. и высокий уровень квалификации выпускников советских вузов. Для успешного проведения международных сделок, нужны были как квалифицированные переводчики, так и, в равном счете, люди, знакомые с российскими реалиями. Так, например, по данным опроса китайских респондентов в Хабаровске, доля студентов и выпускников российских вузов составляла более 45%, в Уссурийске – 30% (Гельбрас 2001, С. 73). Таким образом, в образовательных институтах Дальнего Востока порядка 10-12 тыс. китайских студентов проходили учебу сроком на 1-3 года.

Подводя итог, можно сказать, что экономическая и политическая ситуация на территории Российской Федерации позволили китайским мигрантам занять свою нишу. «Челночная» или «народная» торговля позволила заполнить российские полки необходимыми товарами первого пользования, хоть и не всегда качественными. Особенно, учитывая тот факт, что в условиях глубокого экономического спада, Российский Дальний Восток дотации с центра значительно снизились. Не стоит забывать и «удачно» сложившуюся для России безработицу на Северо-Востоке Китая, связанную с высокой конкуренцией, в следствие, приведшей к высокому уровню безработицы. Фермеры и китайские рабочие бригады позволили минимизировать последствия оттока в европейскую часть страны экономически активного населения. Также, иностранное капиталовложение, в частности китайские инвестиции, в равной степени решили проблему снабжения населения потребительскими товарами. Совместные китайско-российские предприятия были значительным элементом для развития рыночных отношений в стране.

В общем и целом, 90-е гг. позволили создать либеральную среду российско-китайского сотрудничества на Дальнем Востоке. Экономическое и социальное взаимодействие между двумя странами позволило создать фундамент для последующего сотрудничества между двумя странами в начале нового тысячелетия.

Список использованной литературы и источников

Ващук А.С. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток, 2002. 228 с.

Визит Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Михаила Горбачева в Китайскую Народную Республику, 15-18 мая 1989 г.: Документы и материалы. М.: Изд-во Агентства печати "Новости", 1989. 78 с.

Гамерман, В. Е. Проблемы безопасности, связанные с приграничным сотрудничеством Амурской области со странами АТР. Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Благовещенск: АмГУ, 2002. С. 158-164.

Гельбрас В. Г. Китайская реальность России. М., 2001. 320 с.

Дятлов В.И. Постсоветские рынки под открытым небом: новый феномен или продолжение традиции? // Сибирские исторические исследования. Томск: ТГУ, 2017. №1. 214 с.

Карлусов В.В. Китайское присутствие на российском Дальнем Востоке: историко-экономический анализ. Проблемы Дальнего Востока. 2002. №3. С. 76-87.

Моисеева Л. А. Создание на Дальнем Востоке России совместных предприятий с предпринимателями стран АТР в 1985-2000 гг. Россия и АТР. 2005. №2. С. 58-70.

Российский статистический ежегодник. Госкомстат России. М, 2003. 694 с.

Симонян Р.Х. Китайская диаспора на восточных границах России: методологические проблемы исследования // Идентификационные стратегии диаспорных и земляческих групп в российских регионах. Под ред. члена-корреспондента РАН А.В.Дмитриева. М.: Новый хронограф, 2016. 240 с.

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о принципах направления и приема китайских граждан на работу на предприятиях, в объединениях и организациях России от 19.08.1992 // Сборник российско-китайских договоров 1949-1999. М., 1999. 492 с.

Чэнь Чжихуа. Три десятилетия изучения истории СССР в КНР (1978–2008 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2009. №5. 193 с.

Шкуркин, А. М. Иммиграционный потенциал труда российского Дальнего Востока (китайцы на рынке труда Дальневосточного региона). Хабаровск: ДВГУПС, 2007. 167 с.

关于黑龙江对俄劳务合作的研究 Гуаньюй хэйлунцзян дуй э лаоу хэцзо дэ яньцзю (Изучение сотрудничества провинции Хэйлунцзян по поставкам рабочей силы в Россию) // 西伯利亚研究 Сиболия яньцзю (Изучение Сибири). No 3, 2002. С. 17–18.

Видутова Юлия Александровна
студентка 3 курса кафедры филологии стран Дальнего Востока
Бурятский государственный университет[1]

Явления омонимии как средство выражения исторических событий в творчестве Ай Цина

Россия и Китай – две соседствующие друг с другом державы – играют важную роль в мировом сообществе. Рассматривая какие-либо сферы взаимодействия, следует обратить внимание на культурные различия двух стран.

Как правило, культурные особенности обусловлены природной средой, в которой сформировались народы, а также исторически сложившимися психофизическими особенностями. Человек неотделим от природы, и это фундаментальным образом влияет на все аспекты его существования. Чтобы понимать и предугадывать действия людей с абсолютно отличной культурой, следует изучать историю этого народа, их культуру и традиции.

Ключевым концептом китайской картины мира является история, в отличие от западной традиции, в которой понятие «Бог» является организующим мировоззрение. Поэтому изучение культуры Китая должно опираться не на воссоздание смысла ритуалов или верований, а на анализ истории как концепта, так главным акцентом нашего исследования является именно история.

Однако, чтобы понимать, как исторические события находят свое отражение в языке, следует уделить особое внимание использованной лексике и стилистическим приемам. Так темой нашего исследования стали явления омонимии.

Целью исследования является изучение омонимии как средства определения концепта «история» в поэзии Китая XX века на примере поэмы «На гребне волны» Ай Цина.

Слова являются носителями сочетаний звуков и значений, поэтому явление омонимии распространено практически во всех языках мира. Количество слогов слова всегда ограничено, но передаваемые ими значения могут быть бесконечными.

В китайском языке, по праву считающемся одним из самых омонимичных языков мира, количество омонимов составляет 10-16% лексического состава. Прежде всего это связано со слоговым типом китайского языка. Слоговая морфема является минимальной значимой единицей, элементарной просодической смысловой и морфологической единицей. Ограниченное число слогов приводит к их частой повторяемости, что и является важнейшей причиной большого числа омонимов.

[1] Научный руководитель – доцент, к. ф. н. Тугулова Ольга Доржиевна.

В языкознании китайского языка омонимами называются слова, имеющие одинаковое звучание, включая тон, и различное значение вне зависимости от иероглифического написания (Хаматова 2006, с. 7).

Китайские исследователи выделяют три типа омонимов (Семенас 2005, с. 195):

1. Лексические омонимы – 同音词，同意异议词 – слова, совпадающие по звучанию (включая инициаль, финаль и тон) и иногда по написанию, но различающиеся по значению. В этом случае одним и тем же иероглифом записываются одинаково звучащие слова:

饺子 jiǎozi «пельмени» и 交子 jiāo zi «наступление полночи».

2. Фонетические омонимы или омофоны – 同音异形词，等音词– слова, совпадающие по форме в устной речи, но не совпадающие по написанию. В китайском языке наиболее распространен именно этот тип омонимии:

爆 bào «взрываться» и 报 bào «газета».

3. Графические омонимы или омографы – 同形异音词– слова, которые одинаково пишутся, но различаются значением и звучанием:

说 shuō «говорить» и 说 shuì «снимать, освобождать».

Проблемность в изучении омонимии вызвана схожестью с явлением полисемии. При омонимии и полисемии одна звуковая единица имеет несколько различных значений. Однако при полисемии все значения многозначного слова образуют определенную систему, при омонимии значения слов не связаны между собой (Семенас 2005, с. 197).

В китайском языке наиболее распространены фонетические омонимы. Такая высокая степень омофонии объясняется в первую очередь большим количеством в нем однослоговых слов (монослогов) при общем ограниченном количестве слогов в языке в целом.

Слово, имеющее несколько значений, обладает большими выразительными возможностями. Писатели находят в многозначности и омонимичности источник яркой эмоциональности. Если между лексико-семантическими вариантами многозначного слова существует связь, то между значениями омонимов какая-либо смысловая связь отсутствует, поэтому столкновение омонимов всегда неожиданно, что создает большие стилистические возможности для их обыгрывания, создания художественного эффекта, подчеркивания значения созвучных слов, придания речи экспрессии (Петров 1954, с. 116).

Новейшая современная поэзия уходит от структуры китайской классической поэзии, происходит переход от старой формы стиха к использованию свободного стиха (Черкасский 1993, с. 68-194). Благодаря этому образовались новые поэтические жанры и стили, стихи стали более доступными для широких масс. Одним из ярких поэтов современной поэзии является Ай Цин.

Ай Цин – 艾青, настоящее имя Цзян Чжэнхань, известный поэт XX в. Одной из

характерных черт поэзии Ай Цина является дух революции. Он переплетается с борьбой за свободу, за человеческую жизнь и главное – за перемены в обществе, поэтому его работы часто подвергались гонениям (Черкасский 1993, с. 68-194). Несмотря на вполне очевидный и неугодный правительству смысл, в поэмах Ай Цина обнаруживается серьезный подтекст, созданный различными стилистическими приемами, в нашей работе анализируются явления омонимии, часто используемые поэтом.

Ай Цин один из первых прервал гробовое молчание после «культурной революции» 1966-1976 годов. Среди первых стихов, опубликованных им после 20-летнего разрыва с поэзией, и оказалась поэма «На гребне волны» 1978 года. В ней Ай Цин обличает фарс последнего десятилетия, показывает схватку света и тьмы, демократии и абсолютизма.

Протесты «Тяньаньмэньского инцидента» 1976 года, которым и посвящена поэма «На гребне волны», были направлены против политики Мао Цзэдуна и маоистских радикалов, позднее названных «Бандой четырех», а также были акцией памяти Чжоу Эньлая – первого главы Госсовета КНР, известного деликатной политикой и принципиальностью, сумевшего начать мирное сосуществование со странами Запада без разрыва отношений с Советским Союзом. Демонстрации разгоняли военные, применяя грубую силу (中国共产党大事记 1976 年).

На судьбе рабочего Хань Чжисюна, Ай Цин изображает героев, жертв и палачей апреля 1976 года. Поэма полна различных омонимов и тайной иронии, исторические события отражаются без каких-либо прикрас.

Например, первая глава поэмы «是韩志雄» – «Хань Чжисюн»:

材**狼**张牙舞爪的时候 居然敢上去拔**毛**, 你在斗争中的勇敢 可以引为一代人的骄做！	Когда клыки оскаливает волк и выпускает когти, Ты вдруг осмелился перья вырвать. Твоя отвага в борьбе Вызывает гордость у поколенья!2

Слова 狼 láng «волк» и 郎 láng «мужчина, молодой человек» являются омофонами, поэт использовал данное сравнение, чтобы показать силу своего лирического героя, сравнивая его с волком, готовым защищать свои убеждения и народ. Его гнев направлен на ворон с перьями павлина, о которых говорится в четвертой главе «丙辰清明» – «День Цинмин»:

[2] Здесь и далее приведены самостоятельные переводы.

历史哪容这团妖雾横行。 人民将把这些乌鸦身上的孔雀**毛**拔去， 撕开马列外衣。	История не простит бесчинства этого объединения. Народ вырвет у этих ворон павлиньи перья, Сорвет с них одежды марксизма-ленинизма.

Иероглиф 毛 máo, означающий «перья», является омонимом к фамилии Мао Цзэдуна 毛泽东 Máo Zédōng. Мао Цзэдуна считают самым противоречивым и неоднозначным политиком в истории современного мира.

Не допускалось упоминание имен многих политиков, как, например, Ван Ли – китайского коммуниста-революционера. Люди верили, что он окажет поддержку протестующим, однако он не смог выразить свои «истинные» политические взгляды и одобрил положение о применении военных сил для подавления протестов, приняв сторону «наблюдателя» (Schoenhals 1994, p. 96.).

В последней строфе главы “是韩志雄” – «Хань Чжисюн» Ай Цин пишет о пробуждении своего лирического героя, подобно острову в шторм, но проанализировав стихи на наличие омонимичности и скрытых сравнений, мы пришли к выводу о наличии серьезного подтекста. Ай Цин говорил именно о Ван Ли, осуждая его решение и дальнейшее бездействие.

而你是清醒的 像大风大浪中的一个**岛**， 你在**万里**晴空下， 宁静地注视着万顷**波**涛	И ты придешь в себя, Как остров в шторм, Под ясным небом на десять тысяч миль Тихо наблюдаешь за бушующими волнами.	И ты придешь в себя, Как правительство во время протестов, Словно Ван Ли, Тихо наблюдаешь за бушующими волнениями.

Слова 万里 wànlǐ «десять тысяч миль» и имя политика 王力 Wáng Lì сходны по звучанию. Протестующие на площади Тяньаньмэнь, студенты Пекинского университета придумали подобное сравнение для своих плакатов. Так, в строках поэмы Ай Цина появляется совершенно иной смысл. 岛 dǎo со значением «остров» является омофоном для иероглифа 导 dǎo – «руководство». А иероглиф 波 bō, кроме своего основного значения – «волна (морская)», также означает «волнения (конфликт)».

Правительство Китая и сегодня регулирует создание и распространение материалов, касающихся истории Китая. Одним из примеров этого является «цензура исторических документов о «культурной революции». На сегодняшний день правительство Китая официально осуждает события 1966-1976 годов, однако граждане Китая не могут свободно обсуждать страдание людей и жестокость, которыми были насыщены те времена» (中国共产党大事记 1976 年).

Таким образом, контрастность между одинаковым звучанием и различным

значением омонимов, которая в каламбурах обычно придает остро комический характер, может и, наоборот, привести к большей серьезности. Основной сложностью нашего исследования стала тесная связь омонимии с другими языковыми явлениями, особенно с явлением полисемии.

Отражение исторического концепта в произведениях Ай Цина отличается честностью и смелостью того времени. «Нужно писать правду, в ней заложены и обличение, и слава!» - говорил Ай Цин. В его стихах история ощущается более реальной, наполненной живыми судьбами.

Для придания своим работам более глубокого смысла Ай Цин часто прибегает к явлениям омонимии, как стилистическому приему. В его работах омонимия используется не для придания комизма или создания каламбура, а для создания обличительного подтекста.

«На гребне волны» – поэма с резкой антимаоистской направленностью, народ, еще не оправившийся от совсем недавно пережитой «культурной революции» 1966-1976 годов, ищет в поэзии честного ответа, однако ни одно произведение, открыто осуждающее решения правительства, не может быть опубликовано. Поэтому, чтобы труды дошли до своего читателя, автор прибегал к всевозможным метафорам, сравнениям и другим стилистическим приемам. Явления омонимии, особенно в китайском языке, как никогда способствуют возможному обходу политической цензуры.

Список использованной литературы

Хаматова А.А. Омонимия в современном китайском языке: [учебное пособие] / А.А. Хаматова. - М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. - С. 7.

Семенас А.Л. Лексика китайского языка / А.Л. Семенас. - 2-е издание - М.: АСТ: Восток-Запад, 2005. - С. 195-197.

Петров В.В. Ай Цин. Критико-библиографический очерк / В.В. Петров. - М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1954. С. 116.

Черкасский Л.Е. Ай Цин - Подданный Солнца. Книга о поэте. / Л.Е. Черкасский. - М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. С. 68-194.

中国共产党大事记 1976 年，中共中央党史研究室编、中共党史出版社出版，授权人民网发布

Schoenhals Michael, ed. An insider’s account of the Cultural Revolution: Wang Li’s memoirs. Armonk. / Michael Schoenhals. - New York: M.E. Sharpe, 1994. p. 96.

Гавришева Елизавета Глебовна
студентка 3 курса кафедры китайской филологии
Восточный факультет СПбГУ[1]

Недоговорки-сехоуюй как источник сведений о культуре Китая

Доклад призван определить способ воплощения в недоговорках информации о культуре Китая, а также описать сферы жизни, нашедшие в них отражение. Источником языкового материала послужили собрания недоговорок Б. И. Панкратова и М. Г. Прядохина и корпусные данные2; всего было проанализировано около тысячи единиц.

В современном китайском языке (далее — СКЯ) широко распространен такой вид фразеологических единиц, как сехоуюй (歇后语 *xiēhòuyǔ* 'речение с усекаемой концовкой'), в русской традиции обычно обозначаемый термином “недоговорка”.

По имеющимся на данный момент сведениям, в русском языке, так же как и в других западных и восточных языках, в том числе родственных китайскому, не существует фразеологических единиц, аналогичных недоговорке, следовательно, это уникальное явление китайского языка и культуры (Прядохин, 2007).

Недоговорка представляет собой устойчивое выражение, наиболее характерным признаком которого является двухчастный характер, в устной речи проявляющийся интонационно, а в письменной обозначаемый знаками препинания.

Специфичность явления недоговорки состоит в особых отношениях между ее частями. С точки зрения грамматики и семантики недоговорка представляет собой законченное суждение в форме предложения, однако при употреблении в речи коммуникативную, информативную ценность заключает в себе исключительно второй ее член, по форме являющийся словосочетанием или словом. При этом значение второй части, реализуемое в собственном контексте недоговорки, не всегда совпадает с тем значением, которое реализуется в речи. Как следствие, в недоговорках всегда присутствует игра слов.

Таким образом, несмотря на то что формально недоговорка представляет собой двухчастное речение, с точки зрения семантики в нейможно выделить три составляющие.

Первая часть характеризуется как “иносказание”, действующее как основное звено для создания игры слов или как развернутая метафора или сравнение. Иносказание демонстрирует отдельный, конкретный случай, к которому может быть применено высказывание второй части.

---

[1] Научный руководитель — к.фил.н., доц. Колпачкова Е.Н.
[2] Корпус китайского языка – [http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus]

Вторая часть речения, употребляясь в речи единожды, осмысливается в двух разных значениях, которые являются либо различными значениями многозначного слова (выражения), либо значениями омонимичных или незначительно различающихся фонетически разных слов (выражений). В значении, реализуемом в собственном контексте недоговорки, вторая часть действует как “раскрытие” и поясняет иносказание. По отношениям между иносказанием и раскрытием недоговорка наиболее близка к загадке: первая часть недоговорки называет образ, явление, а вторая раскрывает, какая именно сторона этого образа имеется в виду. В значении, реализуемом в контексте речи, вторая часть выступает как “основа” — главный смысловой элемент недоговорки, выполняющий коммуникативную функцию в контексте высказывания. Употребленная вне недоговорки вторая часть концептуально не потеряет своего смысла (Прядохин, 1997).

(1) 猪八戒照镜子 – 里外不是人

Zhū Bājiè zhào jìngzi – lǐ wài bùshì rén

“Чжу Бацзе смотрится в зеркало — ни внутри (в зеркале), ни снаружи не [похож на] человека[3]'. Значение основы: 'быть кругом виноватым', 'ни тем, ни тем не угодить”.

(2) 你们把我夹在当中折磨好了，我是**猪八戒照镜子，两边不是人**。

Nǐmen bǎ wǒ jiā zài dāngzhōng zhémó hǎole, wǒ shì Zhū Bājiè zhào jìngzi, liǎngbiān bùshì rén.

“Вы меня зажали со всех сторон и изводите, а я кругом виноват” (букв. 'я — Чжу Бацзе, [который] смотрится в зеркало — ни там, ни там не человек').

Недоговорка получила свое название благодаря возможности употребления в речи в “усеченной” форме, когда вторая часть опускается, а первая часть употребляется в ее значении (т.е. иносказание употребляется в значении основы).

(3) 处理叶家事务根本没逻辑可循，怎么干也是猪八戒照镜子！

Chǔlǐ Yè jiā shìwù gēnběn méi luójí kě xún, zěnme gàn yěshì Zhū Bājiè zhào jìngzi!

“[То, как] ведутся дела в доме [семьи] Е, не подчиняется никакой логике, как ни сделай, всем не угодишь!” (букв. 'как ни сделай, [будешь] Чжу Бацзе, [который] смотрится в зеркало').

Фразеологизмы, в большей степени, чем другие явления языка, тяготеют к образности, употреблению слов в переносном значении, окказиональности употребления. Все это обуславливает их бóльшую восприимчивость по отношению к внешним языку факторам, таким, как социальные и культурно-исторические. Фразеологизмам СКЯ, в том числе недоговоркам, присуще национальное своеобразие, что делает их ценным источником информации о культуре носителей.

[3] Чжу Бацзе — герой романа У Чэнъэня «Путешествие на запад» (XVI в.), кабан, в наказание за недостойное поведение на небесах появившийся на земле из утробы свиньи (отсюда раскрытие недоговорки — Чжу Бацзе не выглядит как человек).

По мнению О.А. Корнилова (2005), при описании любой фразеологической единицы языка следует отразить следующие параметры: 1) содержательную сторону; 2) формальную сторону (внутреннюю форму); 3) этимологию (если прослеживается); 4) примерный смысловой эквивалент при переводе. Под содержательной и формальной стороной при этом понимаются соответственно инвариант смысла и внутренняя форма фразеологизма.

Следует определить, что является содержательной, а что — формальной сторонами в отношении недоговорок. Так как недоговорка всегда используется в речи в значении основы, внутреннее значение недоговорки можно полностью отнести к ее формальной стороне, а в качестве содержательной стороны рассматривать только инвариант смысла, содержащийся в основе недоговорки.

Формальная сторона (внутренняя форма) недоговорки

Применительно к фразеологизмам, термин “внутренняя форма” употребляется для обозначения целостного образа или ситуации, положенных в основу номинации данной устойчивой фразеологической единицы. В китайском языке практически отсутствуют фразеологические сращения (идиомы, утратившие словесную мотивировку значения), в отличие от фразеологических единств (идиомы, сохраняющие прозрачную внутреннюю форму), внутренняя форма фразеологизмов в большинстве случаев ясна (Корнилов, 2005).

К фразеологизмам с прозрачной внутренней формой относятся и недоговорки. Недоговорки, стремятся к конкретности, наглядности; огромный пласт различных явлений действительности служит материалом для создания их ярких образов. Недоговорки являются речениями обиходно-бытового характера, коллективным творчеством многих людей различных профессий из разных мест Китая, благодаря чему материалом для создания образа выступают различные предметы и явления Старого и Нового Китая. Недоговорки являются важным источником информации, касающейся уклада общественной и семейной жизни, быта, религиозных верований.

(4) 三十晚上盼月亮 – 没指望了

Sānshí wǎnshàng pàn yuèliàng – méi zhǐwàngle

“Вечером в 30-й день [12-ого месяца] ждать появления луны — безнадежное дело4”. Смысл основы: то же.

(5) 吊颈鬼上路 – 找熟人

Diào jǐng guǐ shànglù – zhǎo shúrén

“Дух повесившегося вышел на дорогу — искать знакомых5”. Значение основы: 'обращаться к знакомым за помощью, за услугой').

---

[4] По лунному календарю 30-день 12-го лунного месяца — канун Нового года, который всегда наступает в новолуние, поэтому ждать луны в этот день — напрасное дело.

[5] По китайскому народному поверью неприкаянные души усопших бродят по ночам в поисках людей, чтобы, изгнав из них душу, вселиться вместо нее. При этом они обязательно ищут людей, с которыми

Важным элементом фразеологии является создание концептов, обозначающих абстрактные понятия, специфичность которых заключается в том, что они не имеют предметного денотата в окружающей действительности. [18].

(6) 开水从头倒 – 看你经浇(交)不经浇(交)

Kāishuǐ cóngtóu dào – kàn nǐ jīng jiāo (jiāo) bù jīng jiāo (jiāo)

“Окатить кипятком с головы до ног — посмотрим, выдержишь ли ты такую поливку”. В недоговорке используется игра слов: 浇 ('поливать') и 交 ('заводить [друзей]'). Смысл основы: 'посмотрим, какой из тебя друг'.

В центре каждой языковой картины мира находится человек как субъект и объект фразеологического осмысления; в случаях, когда действующими лицами фразеологических единиц являются животные или растения, они являются метафорическим олицетворением определенного типа человека, черт его характера и облика.

(7) 猫哭耗子 – 假慈悲

Māo kū hàozi – jiǎ cíbēi

“Кошка оплакивает мышь — [проявляет] притворное сострадание”. Значение основы: то же.

Для фразеологизмов характерно также придание какому-либо животному того или иного свойства человека таким образом, что имя этого животного становится обозначением этого свойства, являющегося, с точки зрения данной лингвокультурной общности, основным для данного животного. Коннотативные аспекты образов, закрепившиеся за животными в другой лингвокультуре, могут быть отличны от образов тех же животных в данной лингвокультуре. Например, тигр в китайской культуре предстает жестоким, свирепым животным, неспособным на жалость:

(8) 老虎不吃人 – 枉担恶名

Lǎohǔ bù chī rén – wǎng dān èmíng

“Тигр не ест людей — зря страдает от дурной славы”. Значение основы: то же.

Несмотря на преобладание национально-специфических недоговорок, существуют также примеры недоговорок, отражающих концепты, которые могут быть соотнесены с концептами общечеловеческой культуры. Например, порицание скупости заключено в следующей недоговорке:

(9) 抱元宝跳井 – 舍命不舍财

Bào yuánbǎo tiào jǐng – shěmìng bù shě cái

“Вцепившись в слиток серебра, прыгнуть в колодец — потерять жизнь, но добра не выпустить”. Значение основы: 'быть на все готовым ради денег'.

Этимология недоговорок

были хорошо знакомы при жизни, иначе по изменению поведения человека вселение нечистой силы сразу будет замечено и духа изгонят.

Этимология фразеологических единиц СКЯ, в том числе и недоговорок, также характеризуется «прозрачностью». Большое количество недоговорок так или иначе связано с цитатами исторических или литературных персонажей, преданиями, притчами, легендами, историческими анекдотами. В недоговорках часто упоминаются божества и обряды, связанные с поклонениями им. Некоторые из наиболее часто встречающихся в недоговорках божеств — бог домашнего очага Цзаован, владыка ада Яньван, бог долголетия Шоусин, восемь даосских бессмертных [5, С. 194-197].

(10) 寿星卖了张果老 – 倚(以)老卖老

Shòuxing màile Zhāng Guǒlǎo – yǐ (yǐ) lǎo mài lǎo

“[Бог долголетия] Шоусин продал Чжан Голао[6] — старый продает старого”. В недоговорке используется игра слов: устойчивое выражение 倚(以)老卖老 ('спекулировать на своём возрасте') во внутреннем контексте, в отличие от внешнего, употребляется в прямом, не переосмысленном значении ('старый продается старым'). Значение основы: 'извлекать выгоду из своего преклонного возраста', 'пользоваться старостью'.

Героями недоговорок нередко становятся персонажи романов, знание сюжетов которых необходимо для понимания значения фразеологизма. Среди литературных героев, встречающихся в недоговорках, — персонажи романов «Троецарствие» (Лю Бэй, Цао Цао, Чжугэ Лян, Чжан Фэй), «Речные заводи» (У Сун, Сунь Цзян, Линь Чун, Лу Чжишэнь, братство горы Ляншань), «Путешествие на Запад» (Сунь Укун, Чжу Бацзе), «Сон в красном тереме» (Цзя Баоюй, Ван Сифэн).

(11) 梁山兄弟 – 不打不成交

Liángshān xiōngdì – bù dǎ bù chéng jiāo

“Братья с горы Ляншань — пока не подерутся, не узнают друг друга[7]”. Значение основы: то же.

Персонажи романа «Троецарствие» одновременно являются реальными историческими личностями. Среди исторических лиц, чьи имена также встречаются в недоговорках — Конфуций, Лу Бань, Ван Сичжи, У Цзэтянь, Бао Чжэн (Баогун) и др. [29].

(12) 孔夫子教《三字经》 – 埋没人材

Kǒng fūzǐ jiào «sānzìjīng» – máimò réncái

“Конфуций обучает «Троесловию»[8] — понапрасну тратит талант”.. Значение основы: то же.

---

[6] Чжан Голао — один из восьми бессмертных, покровитель стариков.

[7] Герои романа Ши Найаня «Речные заводи» (XIV в.) нередко присоединялись к благородным разбойникам из лагеря Ляншаньбо лишь после того, как, подравшись, признавали силу и отвагу друг друга.

[8] «Троесловие» — канон, каждая строка которого состоит из трех иероглифов. Содержит философские, исторические, педагогические, филологические и другие сведения, с него начиналось обучение детей в древнем Китае.

Содержательная сторона (инвариант смысла) недоговорок

Основа недоговорки по своей сути ближе к идиомам, в содержательной стороне недоговорки лишь в образной форме перефразируются более простые, универсальные смыслы, которым можно найти соответствия в других языках, пусть даже в другой форме и с использованием другого образа для их обозначения. Например:

(13) 成隍庙的鼓棰 – 一对

Chéng huáng miào de gǔ chuí – yī duì

“Барабанные палочки в храме бога-хранителя городской стены — пара”. Ср. «два сапога — пара».

Отсюда следует вывод, что содержательная сторона недоговорок не отражает национальной специфики и не может служить источником сведений о культуре Китая.

Как говорилось выше, недоговорки являются уникальным явлением современного китайского языка. Появление и популярность данного типа фразеологизмов во многом обусловлены спецификой современного китайского языка и иероглифической письменностью. Типологические особенности китайского языка, а именно, фиксированный состав слога со строгими структурой и правилами комбинации, ограничивающий общее количество слогов в системе, факультативность грамматических показателей и высокая продуктивность конверсии как способа словообразования являются причиной появления большого числа недоговорок, игра слов в которых основана на многозначности слов и выражений, омофонии или схожести звучания.

В форме недоговорок прослеживаются такие отличительные черты китайской культуры, как стремление к завуалированности, многозначности, любовь к комическим ситуациям и каламбурам, тяга к конкретности и отрицание абстрактности, возможность осмеянному дать достойный ответ и «не потерять лица».

Список использованной литературы

Ветров П.П. Фразеология современного китайского языка: синтаксис и стилистика. М.: Восточная книга, 2007. 368 с

Корнилов О. А. Жемчужины китайской фразеологии. М.: ЧеРо, 2005. 336 с.

Панкратов Б.И. Пекинские поговорки сехоуюй (публикация Ю.Л. Кроля, А.С. Мартынова) // Страны и Народы Востока вып. XXIX/ Общ. ред. П. О. Боголюбова. СПБ: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. С. 157-245

Прядохин М.Г. Китайские недоговорки-иносказания. М.: Наука, 1997. 148 с.

Прядохин М.Г., Прядохина Л.И. Краткий словарь недоговорок-иносказаний современного китайского языка. М.: АСТ, Восток-Запад, 2007. 218 с.

Спешнев Н.А. Китайцы: Особенности национальной психологии. СПБ: Каро, 2011. 330 с.

Тань Аошуан. Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность. М.: Языки славянской культуры, 2004. 240 с.

Галигузов Николай Сергеевич
студент 1 курса магистратуры
Восточный факультет СПбГУ[1]

Сравнительный анализ политики Китая и Японии в Мозамбике на современном этапе

Мозамбик представляет интерес для международных игроков по ряду причин. С одной стороны, благоприятное расположение его территории позволяет развивать в Мозамбике сельское хозяйство, а также способствует интеграции в международную торговлю благодаря близости к рынку ЮАР и наличию выхода к Индийскому океану. Распространенность в Мозамбике португальского языка также располагает к развитию сотрудничества с Португалией и Бразилией. Кроме того, в 2012 году в прибрежных районах северной провинции Кабу-Делгаду были обнаружены крупные запасы природного газа, которые привлекли внимание международных компаний, к примеру, французской Total (Global Energy Monitor). Эта же провинция является очагом нестабильности, вызванной деятельностью исламистских террористических организаций. Все эти факторы в разной степени характерны для всех стран континента, что делает пример Мозамбика весьма представительным. При рассмотрении политики Японии и Китая кажется целесообразным сосредоточиться на помощи в развитии и инвестициях.

Японская политика помощи в развитии в Африке опирается на так называемое трехстороннее сотрудничество (англ. triangular cooperation), в рамках которого при поддержке японских институтов развития, главным образом JICA[2], реализуется взаимодействие по линии Юг-Юг (Honda 2014). В случае с Мозамбиком главным партнером Японии стала Бразилия, в сотрудничестве с которой реализуются проекты по развитию «коридора развития Накала», в который входят провинции Нампула, Ниасса и Замбезия, а также часть Малави.

В 2009 году правительства Японии и Мозамбика договорились о реализации в этом регионе проекта ProSAVANA (Chichava et al). Сущность проекта состояла в трансформации включенных в него территорий в зону высокопроизводительного и экспортно-ориентированного сельского хозяйства на основе опыта, полученного в ходе сельскохозяйственного освоения с японским участием бразильского штата Мату-Гросу (порт. Mato Grosso) и Манчжоу-го (DW 2018).

Тем не менее, реализация проекта столкнулась с неожиданными сложностями. 22 октября 2012 года Национальный крестьянский союз (порт. União Nacional de Camponeses, далее НКС) выпустил заявление, в котором раскритиковал влияние аналогичного проекта в Мату-Гросу на экологическую обстановку и сохранение

[1] Научный руководитель — к. и. н., доц. Османов Евгений Магомедович
[2] Japan International Cooperation Agency, Японское агентство международного сотрудничества.

местных сообществ и обвинил участников проекта в стремлении захватить огромные территории, отобрав их у мозамбикского крестьянства. НКС апеллировал к важности «продовольственного суверенитета», который, по мнению его представителей, в случае реализации ProSAVANA подвергся бы опасности (Farmlandgrab 2012).

В ответ на это японская сторона продемонстрировала готовность к диалогу, однако одновременно с этим началась подготовка «стратегии коммуникаций», которая осуществлялась местными консалтинговыми фирмами, в том числе португало-мозамбикской CV&A, которая разработала рекомендации по разобщению мозамбикского гражданского общества путем нарушения сотрудничества между НГО, СМИ и НКС. Отчет также указывал на возможность распространения слухов о якобы иностранном происхождении кампании против ProSAVANA (Funada-Classen). Вскоре эта информация стала доступна широкой публике и вызвала активную критику не только в Мозамбике, но и в самой Японии. 16 июля 2020 г. было принято решение о приостановке реализации проекта.

Несмотря на провал ProSAVANA, другие проекты, реализуемые в рамках «коридора развития Накала», действуют по настоящее время. В рамках этих проектов с японской стороны до 2021 г. ведущую роль играл японский конгломерат «Мицуи» (яп. 三井). Наиболее значимыми из них можно считать строительство в регионе морского порта, пункта переработки сжиженного природного газа (СПГ) для обслуживания газового месторождения Ровума и железной дороги, проходящей через северные регионы Мозамбика и прилегающие части Малави (Shimada, p. 25).

По линии реализации инфраструктурных проектов сотрудничество ведется на паритетных началах с бразильской горнодобывающей компанией Vale S.A., владеющей 80% месторождения Моатизе (порт. Moatize) в западном Мозамбике; 14% этого же месторождения принадлежат «Мицуи» (Mining Data Solutions). В 2017 году между компаниями было заключено инвестиционное соглашение о продлении железной дороги, соединяющей внутренние части Мозамбика с портом Накала на побережье Индийского океана, далее в направлении Моатизе.

Впрочем, интересы иностранных корпораций в Мозамбике не ограничиваются только углем. Залежи природного газа в Ровума делают Мозамбик привлекательным направлением для инвестиций. Главную роль в разработке зоны 1 месторождения Ровума играет международный консорциум, в который входят компании Total (Франция), ONGC, Beas Rovuma Energy Mozambique Limited, Bharat Petro Resources (Индия), PTTEP (Таиланд) и «Мицуи», которая владеет 20% проекта. Ранее в освоении Ровума участвовала также американская Anadarko (Мицуи 2019), доля которой впоследствии перешла Total.

Поскольку железная дорога проходит по территориям, включенным в проект ProSAVANA, опасения мозамбикских крестьян кажутся весьма обоснованными; это же обстоятельство позволяет предположить, что предназначением ProSAVANA изначально могло быть продвижение японских интересов в регионе, о чем

свидетельствует и высокая активность JICA в северных провинциях Мозамбика по сравнению с южными.

Что касается Китая, то в области развития сельского хозяйства следует отметить инициативу по созданию в Боане в провинции Мапуту Центра исследований и трансфера сельскохозяйственных технологий Умбелузи (CITTAU, порт. Centro de Investigação e Transferencia de Tecnologias Agrárias do Umbelúzi), управляемого компанией из провинции Хубэй. Данный проект является частью более общей политики КНР на африканском направлении, сущность которой заключается в создании центров трансфера сельскохозяйственных технологий в различных странах континента.

Другим крупным сельскохозяйственным проектом, реализованным Китаем в Мозамбике, стала программа ирригации в районе Шаи-Шаи (порт. Xai-Xai) провинции Газа, где в рамках сотрудничества между китайскими компаниями и научными институтами и местными фермерами предполагалось развить производство риса на территории около 300 га. Проект в Газа считается крупнейшим в Мозамбике, однако, как и ProSAVANA, он вызвал противодействие местного населения, считающего, что Китай намеревается захватить территорию, которой пользуются местные мелкие хозяйства.

Hubei Lianfeng Mozambique Co, ответственная за реализацию и CITTAU, и проекта в Газа, объясняет проблемы в его реализации слабой заинтересованностью фермеров в «сельском хозяйстве» и их неготовностью к повышению производительности, однако затруднения также связаны с неподъемной для многих мозамбикцев стоимостью подготовительных курсов, предлагаемых китайской стороной (Chichava et al).

В сфере развития инфраструктуры деятельность Китая существенно отличается от японской. Китайские компании занимают до трети рынка дорожного строительства в стране и активно участвуют в развитии гидроэнергетики, в т. ч. в районе столицы Мозамбика Мапуту, а также на реке Замбези, где Экспортно-импортный банк является одним из основных спонсоров строительства плотины Мпанда Нкуа (Mpanda Nkuwa), крупнейшего инфраструктурного проекта в Мозамбике.

В плане освоения природных ресурсов Китай особенно заинтересован в мозамбикских лесных и водных ресурсах, однако сотрудничество в этой сфере омрачается нелегальным вывозом китайцами древесины и браконьерством в отношении креветок, которые имеют первостепенное значение для мозамбикского рыболовства (Roque). Природный газ же имеет для Китая сравнительно небольшое значение: хотя китайская нефтяная компания CNPC намеревалась участвовать в разработке зоны 4 месторождения Ровума, в 2020 г. проект был отложен из-за пандемии коронавируса SARS-CoV-2.

И Китай, и Япония активно участвуют в развитии сельского хозяйства в Мозамбике. Следует полагать, что причиной этого является не только коммерческий

интерес, но и ограниченные сельскохозяйственные возможности обеих восточноазиатских держав, которые не позволяют им в полной мере обеспечить питанием собственное население, что вынуждает их искать дополнительные источники сельскохозяйственных товаров за границей. Обе страны сталкиваются с сопротивлением со стороны местного населения, которое, как и во многих других странах глобального Юга[3], находится в уязвимом положении и чувствительно относится к вопросам неоколониализма, в котором нередко подозревают иностранные компании. Тем не менее, характер сопротивления существенно отличается: если японский проект ProSAVANA, реализуемый при непосредственном участии правительства Японии, вызвал масштабное отторжение среди местных фермеров, то трудности, возникающие в отношениях с Китаем, носят более локальный характер.

Объяснением этому может стать отличие в подходах Китая и Японии к выбору проектов для реализации, которое особенно проявляется в сфере инфраструктурных инвестиций. Если китайские инвестиции и помощь в развитии распределены по всему Мозамбику и приносят, как в случае с дорожным строительством, непосредственную пользу населению, то японская деятельность практически полностью сосредоточена в коридоре Накала и обслуживает преимущественно японские интересы, главным образом в сфере добычи энергоресурсов.

Представляется, что Япония не показывает долгосрочной заинтересованности в выстраивании отношений с Мозамбиком, рассматривая его в первую очередь как площадку для реализации своих краткосрочных экономических интересов, и стремится к минимизации рисков, о чем свидетельствует явное предпочтение ей многостороннего сотрудничества.

С другой стороны, подход Китая свидетельствует скорее о стремлении к поддержанию постоянного присутствия в Мозамбике и дальнейшей экспансии, что указывает на наличие у китайских правительственных и экономических кругов представления об этой стране как о долгосрочном партнере, что вполне соответствует китайской политике в других развивающихся странах.

Список источников и литературы

Moatize Mine // Mining Data Solutions. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://miningdataonline.com/property/1034/Moatize-Mine.aspx (дата обращения: 15.02.2021)

Модзамби:ку ни окэру LNG пуродзэккуто но сайсю: то:си кэцудан но дзикко: モザンビークにおける LNG プロジェクトの最終投資決断の実行 [Реализация окончательного инвестиционного решения по проекту СПГ в Мозамбике] // сайт «Мицуи» [Электронный ресурс] Режим доступа:

[3] Под «глобальным Югом» (англ. Global South) подразумеваются бывшие колонии и полуколонии, находящиеся преимущественно к югу от Европы и находящиеся на более низкой по сравнению с ней ступени экономического развития.

https://www.mitsui.com/jp/ja/release/2019/1228888_11203.html (дата обращения: 15.02.2021)

Карта проектов JICA в Мозамбике // JICA [Электронный ресурс] Режим доступа: https://libportal.jica.go.jp/library/Data/PlanInOperation-e/Africa/630_Mozambique-e.pdf (дата обращения: 15.02.2021)

Shimada, K. Desenvolvimentos e desafios das relações Japão-África: estudo de caso na cooperação económica em Moçambique [Электронный ресурс] Режим доступа: http://hdl.handle.net/10071/15170

Schlesinger, S. Brazilian cooperation and investment in Africa: the case of ProSavana in Mozambique. // TEMTI Series of Economic Perspectives on Global Sustainability. - EP 01-2014. - 2014. – 31 p.

Roque, P. China in Mozambique: A Cautious Approach // South African Institute of International Affairs. Режим доступа: https://media.africaportal.org/documents/SAIIA_Occasional_Paper_no_23.pdf (дата обращения: 15.02.2021)

Pautasso, D, Scholz, F. O Lugar da China na Inserção Internacional de Moçambique // Conjuntura Internacional. 2014. 11(2). - P. 45-55.

O império colonial do Japão e as origens do projeto agrícola ProSavana em Moçambique// DW, 2018. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.dw.com/pt-002/o-imp%C3%A9rio-colonial-do-jap%C3%A3o-e-as-origens-do-projeto-agr%C3%Adcola-prosavana-em-mo%C3%A7ambique/a-46376399 (дата обращения: 15.02.2021)

Mozambique LNG Terminal // Global Energy Monitor [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.gem.wiki/Mozambique_LNG_Terminal (дата обращения: 15.02.2021)

Moçambique: Pronunciamento da UNAC sobre o Programa ProSavana // Farmlandgrab. URL: https://www.farmlandgrab.org/post/view/21205-mocambique-pronunciamento-da-unac-sobre-o-programa-prosavana (дата обращения: 15.02.2021)

Honda, S. Japan's Triangular Cooperation Mechanism with a focus on JICA's Activities // JICA [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.jica.go.jp/jica-ri/publication/booksandreports/jrft3q00000029sb-att/Triangular_Cooperation_Mechanisms_2_for_web.pdf (дата обращения: 26.03.2021)

Funada-Classen, S. The Rise and Fall of ProSAVANA: From Triangular Cooperation to Bilateral Cooperation in Counter-Resistance // Observador do Meio Rural [Электронный ресурс] Режим доступа: https://omrmz.org/omrweb/wp-content/uploads/OR82-ProSAVANA-English.pdf (дата обращения: 26.03.2021)

Chichava, S. et al. Chinese and Brazilian Cooperation with African Agriculture: The Case of Mozambique. // Future Agricultures [Электронный ресурс] Режим доступа: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/57a08a2ae5274a27b200046b/FAC_Working_Paper_049.pdf (дата обращения: 15.02.2021)

Галимов Марат Викторович
студент 1 курса магистратуры
факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ[1]

Анализ политического диалога Пекина, Токио и Сеула в Секретариате трехстороннего сотрудничества по вопросу Корейского ядерного кризиса в XXI веке

Сегодня Северо-Восточная Азия (СВА) сталкивается с рядом политических проблем, и одна из них – Корейский ядерный кризис (КЯК). Ускорение разработки ядерного оружия Корейской Демократической Народной Республики – это последствие распада двухблочной системы, когда правительство КНДР утратило гарант безопасности в лице СССР. Поскольку Республика Корея (РК) и КНДР не могут решить проблему как минимум с 1971 года, требуется поддержка от других заинтересованных региональных игроков, например Японии и Китая (КНР). В рамках Секретариата трехстороннего сотрудничества (СТС) ведётся обсуждение проблемы КЯК. СТС– это межправительственная организация, созданная в 2011 году правительствами КНР, Японии, РК для «укрепления мира и обеспечения совместного процветания» между тремя странами (Agreement on the establishment of the Trilateral Cooperation Secretariat). Члены СТС обсуждают достаточно чувствительный вопрос безопасности, в частности КЯК. Проблема напрямую связана с политикой (например, с устойчивостью северокорейского режима перед внешними кризисами).

Согласно гипотезе, политические цели СТС постепенно становятся более приоритетными, чем экономические или культурные, поэтому в СВА начинает оформляться независимый центр силы — региональное объединение КНР, Японии и РК. *Цель* работы - характеристика политической позиции СТС по КЯК, а *задачами*: 1) выявление этапов становления политического диалога по КЯК в рамках трехстороннего диалога КНР, Японии, РК; 2) определение политической позиции по КЯК Китая, Японии, РК в рамках трехстороннего диалога государств. *Эмпирической базой* выступили официальные документы и нормативно-правовые акты, выступления и заявления официальных лиц, информация на интернет-сайтах международных организаций и органов исполнительной власти. Для их анализа был применен *метод контекстного анализа* документов.

Несмотря на различие позиций КНР, Японии и РК по ряду вопросов, они неоднократно совместно обращали внимание мира на проблему КЯК. С 1999 по 2001 гг., трехсторонние встречи происходили неофициально. На них поднимались экономические и социальные вопросы трехстороннего сотрудничества. В 2002 году лидеры тройки обсудили лишь «ядерную проблему КНДР» (4th Trilateral Summit

[1] Научный руководитель — приглашенный преподаватель Мария Владимировна Ефименко.

Meeting on the occasion of ASEAN＋3 Summit), тогда как с 2003 года они начали обсуждение «денуклеаризации Корейского полуострова» (5th Trilateral Summit Meeting on the occasion of ASEAN＋3), т.е. речь шла уже о двух Кореях (сохранение акторности), а не только о режиме в КНДР, чей лидер может в любой момент смещен. Это особенно важно в контексте начавшихся в 2003 году шестисторонних переговоров (КНР, Япония, РК, КНДР, РФ, США (РИА Новости 2014). Они должны были не столько подкрепить, сколько заменить рамочное соглашение между США и КНДР (1994-2002). Таким образом, риторика лидеров КНР, Японии, РК совпадала с актуальной мировой повесткой.

После паузы в трехсторонних переговорах на высшем уровне в 2005–2006 гг., лидеры тройки стран в 2007 году обсудили «ядерную проблему» (а не «денуклеаризацию»), хотя она и отсутствовала в повестке встречи (7th Trilateral Summit Meeting on the occasion of ASEAN＋3 Summit). Полагаем, что о «денуклеаризации» говорят как о процессе переговоров с КНДР, а когда их нет совсем, то остается только «проблема», что видно из других трехсторонних документов. Необходимость оперативного обсуждения была связана с первыми ядерными испытаниями на территории КНДР в 2006 году (РИА Новости 2014), которые нельзя было проигнорировать. Однако на восьмом саммите АСЕАН+3, хотя в повестке встречи значилось «рассмотрение обстановки вокруг ситуации на Корейском полуострове», согласно документу (7th Trilateral Summit Meeting on the occasion of ASEAN＋3 Summit), страны не предали огласке исход переговоров, как это было обычно принято в рамках их встреч. В 2012 году лидеры КНР, Японии и РК вновь подтвердили приверженность шестисторонним переговорам, фактически приостановленным еще в 2010 году (РИА Новости 2014).

В январе 2007 года в переговорах глав правительств АСЕАН+3 добавилась новая переменная, связанная с КНДР: проблема похищений людей северокорейскими спецслужбами- одно из главных препятствий на пути японско-северокорейского диалога (Асмолов 2014), тогда как КЯК отходит на второй план. До этого на полях АСЕАН+3 в 2001 году представитель японского МИДа заявляла об «обеспокоенности относительно безопасности, а также гуманитарных вопросов и прав человека», но проблема не доходила до многостороннего обсуждения (Ministry of Foreign Affairs of Japan 2001). Однако в январе 2007 года на саммите АСЕАН+3 (ASEAN Secretariat 2007) и на трехсторонней встрече по случаю саммита (Joint Press Statement of the Seventh Summit Meeting among the People’s Republic of China, Japan and the Republic of Korea) впервые были употреблены формулировки о подобной «обеспокоенности международного сообщества, включая проблему похищений» и просто об «обеспокоенности международного сообщества» соответственно.

На следующей трехсторонней встрече «рассмотрение обстановки вокруг ситуации на Корейском полуострове» значилось в повестке, но согласно информации

на сайте СТС (8th Trilateral Summit Meeting on the occasion of ASEAN＋3 Summit) страны не предали огласке исход своих переговоров. В тот период пост премьер-министра занимал Абэ Синдзо (2006–2007, 2012-2020), так что привязка вопроса похищений японских граждан к КЯК – это его инициатива.

Забегая вперед, в 2014 году на встрече АСЕАН+3 проблема похищений была впервые официально ("The World and Japan" Database 2014) “японизирована” (Японию и КНДР обозначили основными участниками диалога о похищениях), а затем на трехсторонней встрече глав правительств в 2018 году лидеры КНР и РК впервые (после многочисленных просьб японской стороны) официально «выразили надежду, что проблема между Японией и КНДР о похищениях будет разрешена через диалог как можно быстрее» (Ministry of Foreign Affairs of Japan 2018). Также в 2019 году, второй год подряд, состоялся трехсторонний диалог высших должностных лиц. В результате было оформлено «Видение следующего десятилетия…», в котором также, на высшем уровне, упоминается проблема похищенных (abductions issue) Северной Кореей граждан Японии (Xinhua 2019). Таким образом, благодаря последовательным дипломатическим усилиям Токио проблема двусторонних отношений стала проблемой многосторонней, что увеличивает шансы японской стороны на успешное разрешение конфликта.

С 2008 по 2010 гг., согласно совместным выступлениям глав правительств перед прессой, тройка стран обсуждала ядерную проблему на Корейском полуострове (Prime Minister of Japan and His Cabinet 2008, 2009, 2010). Тем не менее в официальных документах по итогам трехсторонних встреч до общественности доходили лишь формулировки о приверженности процессу шестисторонних переговоров.

В 2012 году, знаменующем новый этап взаимодействия тройки, когда двусторонние отношения между КНР, Японией и РК были постоянно напряжены. Например, из-за национализации японским правительством трех из пяти островов Сенкаку/ Дяоюйдао или визита южнокорейского президента на оспариваемые японской стороной острова Токто/Такэсима. В итоге лидеры трех стран не пришли к единой формулировке относительно ситуации в КНДР. Полагаем, что стороны не сумели договориться из-за диаметрально противоположной позиции китайской стороны, которая, согласно неофициальным источникам (spacedaily.com 2012), призывала проявить терпение в отношении ситуации на Корейском полуострове вместо присоединения к санкциям против КНДР. Кроме того, в обзоре трехстороннего сотрудничества за 1999–2012 гг., который МИД КНР опубликовал за 3 дня до саммита 2012 года, «Северная Корея» не упоминалась, хотя и затрагивался вопрос шестисторонних переговоров (The State Council of the People's Republic of China, 2012).

Лишь в 2015-м главы трех правительств вновь подтвердили свою приверженность возобновлению шестисторонних переговоров в ближайшие сроки. После трехлетнего молчания официальная позиция осталась практически неизменной, разве что было сказано, что страны «выступают против любых действий, которые могут вызвать

напряженность на Корейском полуострове или нарушить соответствующие резолюции Совета Безопасности ООН». Это предложение вероятно было добавлено китайской стороной, особенно в отношении США, которые в 2012 году накаляли и без того нестабильную обстановку на Корейском полуострове: в декабре 2011 года умер лидер КНДР Ким Чен-Ир, а в апреле США отказалась от продуктовых поставок в КНДР ввиду запуска из КНДР спутника в нарушение февральских договоренностей с американской стороной; в том же месяце министр обороны США обвиняет КНР в помощи северокорейской ядерной программе (Arms Control Association 2012).

В 2016–2017 гг., новый лидер КНДР Ким Чен-Ын, по некоторым заверениям из СМИ, провел испытания водородной бомбы. Следует отметить, что при отсутствии подвижек в переговорах с КНДР СТС на данный момент может играть лишь роль пассивного наблюдателя, так как в большинстве своем в СТС ядерный кризис на Корейском полуострове рассматривается не комплексно — “Корейский полуостров” относят к вопросам безопасности (security) или к региональной повестке, а использование “ядерной энергии” к вопросам ядерной безопасности (safety). С другой стороны, если, например, переговоры о ЗСТ и по Арктике имеют политический оттенок, но обсуждаются в экономическом функциональном отделе СТС, КЯК рассматривается в политическом отделе (ABOUT TCS Structure).

В 2018 году в совместном заявлении лидеры тройки приветствовали межкорейский саммит в деревне Пханмунджом, но упоминания возможности возобновления шестисторонних переговоров уже не было (Ministry of Foreign Affairs of Japan 2018). Также следует отметить, что позиция СТС больше всего напоминает южнокорейскую, а не другие идеи из каких-либо сторонних проектов по урегулированию, как китайско-американское предложение о «полной, подтверждаемой и необратимой денуклеаризации» (Интерфакс 2017) или китайско-российское о “«двойном замораживании» (ракетно-ядерной активности Пхеньяна с одной стороны и крупномасштабных совместных учений Вашингтона и Сеула с другой) и «параллельном продвижении» к денуклеаризации” (Министерство иностранных дел РФ 2017). Об этом также свидетельствует то, что в 2019 году в новом «Трехстороннем видении следующего десятилетия» страны подчеркнули важность межкорейского саммита 2018 года, но не упомянули действий США по урегулированию проблемы, как в совместном заявлении 2018 года. Наиболее актуальная на момент начала 2020 года трехсторонняя позиция: «поддержание спокойствия и стабильности на Корейском полуострове, а также в Северо-Восточной Азии» находится в сфере «общих интересов и ответственности» тройки, которая выступает за полную денуклеаризацию Корейского полуострова, установление постоянного режима мира в Корее согласно принятым Совбезом ООН решениям. Кроме того, Пекин и Сеул выражают надежду, что проблема Токио и Пхеньяна о похищениях будет оперативно разрешена посредством диалога (Joint Declaration of the Seventh Japan — China — ROK Trilateral Summit).

В результате несмотря на то, что институциональный диалог КНР-Японии-РК нельзя назвать исключительно политическим, мы можем охарактеризовать позицию Секретариата трехстороннего сотрудничества по КЯК. Она официальная (регулярно озвучивается организацией в публикуемых документах), гибкая (продолжает изменяться с 2003 года), инклюзивная (включает региональных игроков, непосредственно связанных с проблемой), несамостоятельная (СТС не формулирует повестку независимую от мнений отдельных участниц) и разносторонняя (в ней заметен вклад каждой из стран-участниц СТС — РК по денуклеаризации, КНР по приверженности резолюциям СБ ООН, Японии по проблеме похищения японцев северокорейской стороной). Следовательно, политическое направление пока не стало приоритетным, поскольку позиция СТС, например, по КЯК — это согласованное отражение мнений китайской, японской и южнокорейских сторон. На данный момент нельзя сказать, что в СВА начинает оформляться независимый центр силы.

Список литературы и источников

Асмолов К.В. Проблема похищенных КНДР граждан Японии // Новое восточное обозрение URL: https://ru.journal-neo.org/2014/06/28/problema-pohishhenny-h-kndr-grazhdan-yaponii/ (дата обращения: 20.03.2021).

Совместное заявление Министерства иностранных дел Российской Федерации и Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики по проблемам Корейского полуострова / Министерство иностранных дел РФ : [сайт]. — URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2807662 (дата обращения: 22.02.2020).

Тиллерсон призвал к "полной и необратимой" денуклеаризации Корейского полуострова // Интерфакс. — URL:: https://www.interfax.ru/world/567604 (дата обращения: 19.04.2020).

Шестисторонние переговоры по ядерной программе КНДР. Справка // «РИА Новости» — информационное агентство URL: https://ria.ru/20110824/422914168.html (дата обращения: 20.03.2021).

4th Trilateral Summit Meeting on the occasion of ASEAN + 3 Summit // TCS URL: https://tcs-asia.org/en/cooperation/mechanism.php?topics=2 (дата обращения: 20.03.2021).

5th Trilateral Summit Meeting on the occasion of ASEAN + 3 Summit // TCS URL: https://tcs-asia.org/en/cooperation/mechanism.php?topics=2 (дата обращения: 20.03.2021).

7th Trilateral Summit Meeting on the occasion of ASEAN + 3 Summit // TCS URL: https://tcs-asia.org/en/cooperation/mechanism.php?topics=2 (дата обращения: 20.03.2021).

8th Trilateral Summit Meeting on the occasion of ASEAN + 3 Summit // TCS URL: https://tcs-asia.org/en/cooperation/mechanism.php?topics=2 (дата обращения: 20.03.2021).

A Statement by Her Excellency Makiko Tanaka, Minister for Foreign Affairs of Japan on the occasion of the ASEAN +3 Meeting, July 24, 2001 / Ministry of Foreign Affairs of Japan. — URL: https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/asean/conference/asean3/state0107.html (date of access: 19.01.2021).

ABOUT TCS Structure // Trilateral Cooperation Secretariat URL: https://tcs-asia.org/en/about/structure.php (дата обращения: 20.03.2021).

Agreement on the establishment of the Trilateral Cooperation Secretariat... // TCS. URL: https://tcs-asia.org/pdf/Agreement%20on%20the%20Establishment%20of%20the%20 Trilateral%20Coopera.pdf (date of access: 03.03.2020).

CHAIRMAN'S STATEMENT OF THE 17th ASEAN PLUS THREE SUMMIT / "The World and Japan" Database. — URL: https://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/asean3/20141113.D1E.html (date of access: 20.03.2021).

Chairman’s Statement of the 11th ASEAN Plus Three Summit Singapore, 20 November 2007 // ASEAN URL: https://asean.org/?static_post=chairman-s-statement-of-the-11th-asean-plus-three-summit-singapore-20-november-2007 (дата обращения: 06.03.2021).

Chairman’s Statement of the Tenth ASEAN Plus Three Summit Cebu, Philippines, 14 January 2007 / ASEAN Secretariat. — URL: https://asean.org/?static_post=chairman-s-statement-of-the-tenth-asean-plus-three-summit-cebu-philippines-14-january-2007 (date of access: 20.03.2021).

Chronology of U.S.-North Korean Nuclear and Missile Diplomacy / Arms Control Association. — URL: https://www.armscontrol.org/factsheets/dprkchron#2012 (date of access: 20.03.2021).

Full text of China-ROK-Japan Cooperation Vision for the Next Decade // Xinhua URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-12/24/c_138655249.htm (дата обращения: 28.02.2020).

Full Text: China-Japan-ROK Cooperation (1999-2012) / Xinhua. // The State Council of the People's Republic of China. — URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/t930436.shtml (date of access: 20.03.2021).

Joint Declaration of the Seventh Japan — China — ROK Trilateral Summit / Ministry of Foreign Affairs of Japan. — URL: https://www.mofa.go.jp/a_o/rp/page4e_000817.html (date of access: 20.03.2021).

Joint Press Conference by Prime Minister Taro Aso of Japan, Premier Wen Jiabao of the People's Republic of China, and President Lee Myung-bak of the Republic of Korea following the Japan-China-ROK Trilateral Summit Meeting / Prime Minister of Japan and His Cabinet. — URL: https://japan.kantei.go.jp/asospeech/2008/12/13kaiken_e.html (date of access: 20.03.2021).

Joint Press Conference by Prime Minister Yukio Hatoyama of Japan, Premier Wen Jiabao of the People's Republic of China and President Lee Myung-bak of the Republic of

Korea following the Second Japan-China-ROK Trilateral Summit Meeting / Prime Minister of Japan and His Cabinet. — URL: https://japan.kantei.go.jp/hatoyama/statement/201005/30JCKkyoudou_e.html (date of access: 20.03.2021).

Joint Press Conference by Prime Minister Yukio Hatoyama of Japan, Premier Wen Jiabao of the People's Republic of China and President Lee Myung-bak of the Republic of Korea following the Third Japan-China-ROK Trilateral Summit Meeting/ Prime Minister of Japan and His Cabinet. — URL: https://japan.kantei.go.jp/hatoyama/statement/200910/10JCKkyoudou_e.html (date of access: 20.03.2021).

Joint Press Statement of the Seventh Summit Meeting among the People’s Republic of China, Japan and the Republic of Korea / TCS Website. — URL: https://tcs-asia.org/en/cooperation/mechanism.php?topics=2 (date of access: 05.02.2020).

Joint Statement on the ‘2018 Inter-Korean Summit’ by the Leaders of Japan, the People’s Republic of China and the Republic of Korea // Ministry of Foreign Affairs of Japan URL: https://www.mofa.go.jp/a_o/rp/page4e_000818.html (дата обращения: 20.03.2021).

N. Korea absent from China summit declaration. // spacedaily.com. — URL: https://www.spacedaily.com/reports/N_Korea_absent_from_China_summit_declaration_999.html (date of access: 19.01.2020).

Гаранин Никита Дмитриевич
студент 3 курса кафедры японоведения
Восточный факультет СПбГУ[1]

Происхождение трёх предметов китайского искусства, хранящихся в собрании Государственного Эрмитажа и поступивших из музея Общества поощрения художеств

Общество поощрения художеств (ОПХ) на протяжении долгого времени было крупнейшей и единственной негосударственной организацией, оказывающей покровительство деятелям искусств. Стараниями его членов в Художественно-промышленном музее при Обществе была собрана большая коллекция предметов искусства, в том числе искусства Востока. После того, как в годы советской власти Общество прекратило своё существование, значительная часть предметов из Музея перешла в собрание Эрмитажа. Тему формирования Восточных коллекций Эрмитажа можно назвать чрезвычайно актуальной: несмотря на большое количество выставок и публикаций музея, монографического исследования истории формирования Восточных коллекций крупнейшего музея России нет. Многие разделы Восточного собрания остаются изученными фрагментарно, а история поступлений предметов и движения фондов зачастую рассмотрена лишь на материале отдельных групп памятников искусства.

Целью работы стало определение провенанса (происхождения и истории владения) предметов Восточного искусства, поступивших в Государственный Эрмитаж из музея Общества поощрения художеств. При работе использовался фонд ОПХ из Центрального Государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), а именно единицы хранения «Переписка об экспонатах, переданных в дар музею разными лицами» (ЦГИА). В электронной базе Эрмитажа есть раздел, содержащий 1005 предметов, о которых известно, что они поступили из ОПХ. В таблице приведены их описания, материалы, из которых они сделаны, фотографии, старые инвентарные номера и прочая информация, которая позволяет идентифицировать конкретный предмет как описанный в материалах ЦГИА СПб. Информация о плавании В. М. Головнина бралась из написанного им самим сочинения «Путешествие на военном шлюпе «Камчатка»» (Головнин).

Общество поощрения художеств было создано пятью меценатами: И. А. Гагариным, П. И. Кикиным, Ф. Ф. Шубертом, А. И. Дмитриев-Мамоновым и Л. И. Килем 30 ноября 1821 г. Тогда же были составлены «Основные правила для руководства деятельностью Общества Поощрения Художеств», в которых были обозначены две основные цели Общества:

1 Научный руководитель — зав. сектора Дальнего Востока отдела Востока Государственного Эрмитажа А. В. Савельева.

«1) Всеми возможными средствами помогать художникам, оказывающим дарование и способствовать распространению всех изящных искусств.

2) Разными полезными изданиями стараться угождать публике».

Важнейшим направлением деятельности Общества стала работа Рисовальной школы. Первоначально находящаяся в ведении министерства финансов, школа была основана по инициативе К. Х. Рейссинга и при поддержке Е. Ф. Канкрина. В нее имели возможность поступать представители непривилегированных сословий: дети мещан, рабочих, ремесленников, обучение было бесплатным. Школа готовила мастеров для художественной промышленности, в программу обучения входили такие дисциплины как лепка, черчение, и рисование.

В 1857 г., когда обнаружилось, что министерство финансов более не в состоянии содержать Рисовальную школу, она перешла в ведение ОПХ. В 1870 г. при Обществе, при одобрении великой княгини Марии Николаевны и по инициативе его секретаря Д. В. Григоровича был организован Художественно-промышленный музей. Музей имел цель обеспечить «наглядное знакомство и обучение как публики, так и учеников Рисовальной школы Общества со всеми видами художеств в их ближайшем применении к изящным ремесленно-художественным производствам». После смерти Григоровича музею было дано его имя. В каталоге Общества за 1904 г. утверждалось, что музей имел образцы практически всех художественно-промышленных производств. Музей делился на девять отделов: Русский отдел; Восточный отдел; Гончарное дело, образцы различных древних и новых предметов; стекло, хрусталь; Эмалевое производство; Золотых и серебряных дел мастерство (церковная и гражданская утварь, предметы роскоши); Литейное, чеканное дело; Декоративный отдел; Мебель и резное дело. Профиль музея оставался художественно-промышленным, поэтому в фонде ОПХ ЦГИА фигурируют несколько писем с вежливым отказом Общества в ответ на предложения приобрести некоторые картины, как не соответствующие направленности музея. Музей располагался на бельэтаже здания ОПХ на Большой Морской улице.

После революции 1917 г. угасание Общества поощрения художеств растянулось на 12 лет. В 1924 г. Общество перешло в ведение Государственной академии истории материальной культуры, тогда же был национализирован Художественно-промышленный музей, его коллекции были перераспределены между другими музеями. Окончательно Общество было упразднено 18 февраля 1930 г., как «несоответствующее духу времени».

В ЦГИА СПб в единице хранения «Переписка об экспонатах, переданных в дар музею разными лицами» есть письмо от 30 октября 1878 года, написанное статс-секретарём и бывшим министром народного просвещения А. В. Головниным и адресованное Д. В. Григоровичу. В этом письме Александр Васильевич просит принять в музей вещи, принадлежавшие прежде его отцу, умершему в 1831 г. вице-адмиралу В. М. Головнину, а именно: «Фарфоровую чашу с изображением масонских

знаков» и «филиграновой работы курительницу в виде оленя, привезенную им (В. М. Головниным) в 1819 году из Манилы». Весьма интересно замечание А. В. Головнина, завершающее письмо: «не хотел бы, чтобы о нём (приношении в дар предметов) было напечатано в газетах» (ЦГИА, л. 43).

В Эрмитаже под инвентарным номером ЛИ-267 хранится круглая фарфоровая чаша с росписью масонских знаков (солнце, луна, звезды, треугольник, циркуль) и золотым вензелем А.А.В. в центральном медальоне (илл.1,2 в альбоме). По документам Эрмитажа эта чаша была передана в музей в 1926 г. из музея училища барона Штиглица, происходит из собрания музея Общества поощрения художеств. Т. Б. Арапова, в чьем хранении находится эта чаша, относит этот предмет к сделанным в Китае в XVIII в. на экспорт. Китайцы практиковали изготовление фарфора на заказ с любым декором, в том числе с масонскими символами. Однако, в период двух своих кругосветных путешествий (на шлюпе «Диана» в 1808–1811 гг. и шлюпе «Камчатка» в 1817–1819 гг.) Головнин ни разу не заходил в китайские порты. Зато в своём сочинении «Путешествие на военном шлюпе “Камчатка”», изданном в 1822 г., в тринадцатой главе «О Маниле» Головнин пишет: «После купцов следует класс торгующих в лавочках и ремесленников. Люди сии, почти все без изъятия, суть поселившиеся здесь китайцы […] все мастерства ими отправляются: в числе ремесленников нет ни одного испанца и весьма мало природных жителей» (Головнин, с. 426–427). Акцент также ставится на торговых связях столицы испанских Филиппин и Китая: «Манила издавна производит торг с Китаем, хотя весьма незначительный: несколько джонок под конец северо-восточного муссона, который им попутный, приходят в Манилу из провинции Фокин […] Товары, привозимые китайцами, суть: чай, фарфоровая и глиняная посуда, шелковые материи, шелк, китайка» (Головнин, с. 435–436). До прибытия в Манилу «Камчатка» останавливалась на острове Гуам, после отплытия из Манилы — на острове Св. Елены. Ни на острове Гуам, ни на острове Св. Елены не существовало крупных китайских торговых общин, и в описании ни одного порта, кроме Манилы, Головнин не акцентирует внимание на китайских торговцах. Поэтому представляется наиболее вероятным, что фарфоровая чаша с масонскими знаками была создана в Китае, привезена в Манилу и уже там приобретена Головниным во время его пребывания в городе, в декабре 1818 — январе 1819 гг. Стоит также отметить, что во время своего первого кругосветного путешествия на шлюпе «Диана» в 1808–1811 гг., Головнин вообще обошёл регион Юго-Восточной Азии: его корабль проследовал к Маршалловым островам от мыса Доброй Надежды, обогнув Австралию с востока, а не с запада, поэтому чаша китайской работы не могла быть приобретена им в период первого кругосветного плавания.

Что касается филигранной курильницы в виде оленя (инв. № VЗ-766), то хотя уже было известно, что она принадлежала адмиралу Головнину, письмо его сына в ОПХ позволило уточнить, что она была приобретена в Маниле, о чём сказано напрямую. Курильница такого типа могла быть сделана как в Китае, так и в Индии, однако

внешние контакты с Индией, являвшейся британской колонией, были сведены к минимуму испанскими колониальными властями, поэтому наиболее вероятно, что это именно китайская работа.

Письмо капитан-лейтенанта Леонида Кологераса от 29 октября 1878 г. в ОПХ посвящено отправленному вместе с ним «куску карниза от купола императорского храма Неба в Пекине» (ЦГИА, л. 8). Адресант, ссылаясь на главу духовной миссии в Пекине архимандрита Палладия, пишет о древности (упоминает о том, что храм, как считается, появился ещё до Рождения Христа, что конечно не верно, ведь храм был достроен в 1420 г. при династии Мин) и значении храма для китайцев, а также упоминает «большие затруднения, сопряженные с его посещением». О самих обстоятельствах приобретения черепицы офицер не упоминает.

Фрагмент кровельной черепицы с рельефным изображением дракона, поступивший из ОПХ, находится в хранилище Дальневосточного фарфора и металла под инв. № ЛК-1071. Он покрыт синей глазурью, ей же покрыт и купол храма Неба, также по форме и содержанию эрмитажный образец совпадает с другими частями черепицы храма Неба. Однако, возможно, что данный фрагмент кровельной черепицы является лишь имитацией или подделкой, созданной в качестве «сувенира» пекинскими ремесленниками для иностранца Кологераса, который, тем не менее, воспринял его действительно как часть храма Неба.

Таким образом, при работе с материалами ЦГИА СПб был установлен провенанс двух предметов из коллекции Эрмитажа, а также внесена бóльшая ясность в провенанс третьего предмета:

1) Кусок черепицы (инв. № ЛК-1071), возможно, ранее являлся частью Храма Неба в Пекине, потом оказался во владении капитан-лейтенанта Леонида Кологераса и в октябре 1878 г. был передан им Обществу поощрения художеств, впоследствии оказался в собрании Эрмитажа. По форме и цвету эрмитажный образец соответствует аналогичным частям черепицы, присутствующим на Храме и сегодня;

2) Фарфоровая чаша (инв. № ЛИ-267) была произведена в Китае в XVIII в. для экспорта в Европу; была привезена в Манилу и там куплена В. М. Головниным в декабре 1818 — январе 1819 гг., в ходе кругосветного плавания. После расформирования Общества попала в музей училища Штиглица, позднее — в Эрмитаж;

3) Было уточнено, что курильница в виде оленя, принадлежавшая В. М. Головнину, также была приобретена им в столице испанских Филиппин в декабре 1818 — январе 1819 гг.

Список использованной литературы

Головнин В. М. Путешествие вокруг света на шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 годах флота капитана Головнина. СПб: Морская типография, 1822. 573 с.

ЦГИА. Ф. 448. Оп. 1. Д. 388.

Гладкий Даниил Андреевич
студент 3 курса кафедры истории стран Дальнего Востока
Восточный факультет СПбГУ[1]

Факты и вымыслы о путешествии Марко Поло в Китай

По мере распространения “Книги о разнообразии мира”, в которой Марко Поло поведал о своем поездке в Китай и службе у хана Хубилая, тема путешествия венецианца обрастала различными домыслами и становилась дискуссионной. Современные авторы предлагают разные трактовки темы о Марко Поло и его книге. Некоторые из них подчеркивают значение экспедиции и роль самого путешественника, другие же, напротив, заявляют, что Марко Поло вообще не был в Китае и даже выражают сомнение в исторической реальности этой личности. Так, в 1920-х гг. в СССР, историк и директор естественно-научного института им. П. Ф. Лесгафта, в прошлом известный российский революционер-народоволец, четверть века проведший в царских тюрьмах - Н. А. Морозов в фундаментальном исследовании «Христос. История человечества в естественно-научном освещении» обратил внимание на то, что никаких реальных следов Марко Поло в Венеции - ни потомков его рода, ни родного дома, ни могилы - не сохранилось (Морозов 1924, с. 430). В 1966 году немецкий синолог Герберт Франке впервые высказал мнение, что книга Поло представляет собой плагиат, содержащий пересказ сведений из утерянной арабской энциклопедии (Нечаев 2013, с. 231).

В 90-е годы XX века версию о восточном путешествии венецианца как о вымысле поддержала директор китайского отдела Британской библиотеки Фрэнсис Вуд, опубликовав в 1995 году работу «Был ли Марко Поло в Китае?». Ф. Вуд считает, что Марко Поло так и не достиг Китая, прервав свое путешествие в Константинополе, и использовал описания поездок персидских купцов под видом собственных рассказов. В доказательство этого Ф. Вуд привела следующие основные аргументы. Во-первых, Марко Поло не упоминает о таких известных феноменах китайской культуры, как чаепитие, китайская иероглифика или Великая китайская стена. Во-вторых, имя Марко Поло нельзя найти в китайских источниках. В-третьих, в труде Марко Поло много хронологических и топонимических нестыковок (Wood 1995, p. 29-111). Он часто путается в датах и географии местности, а указанные им в книге расстояния между населенными пунктами неверны.

Следом за Вуд, в 1997 году английский историк Дэвид Сэлбурн издал свою книгу «Город Света: тайный дневник человека, приехавшего в Китай за четыре года до Марко Поло». В ней британский историк из Лондона рассказывает о еврейском купце Якобе из Анконы и утверждает, что тот добрался до Китая на три года раньше Марко Поло, в

[1] Научный руководитель — к. и. н. Новиков Борис Михайлович.

1270-1271 годах и записал свои впечатления, а его рукописный дневник, состоящий из 280 страниц, переведенных с иврита на итальянский, с 1990 года хранится у Дэвида Сэлбурна дома (Нечаев 2013, с. 280). При этом он не предъявил этот текст научной общественности, сославшись на то, что владелец этой рукописи запретил её фотографировать и выносить из дома (Нечаев 2013, с. 281). Мировой общественности данная рукопись не представлена до сих пор, поэтому книга Сэлбурна подверглась обвинению в мистификации и жесткой критике.

Кроме обвинений Ф. Вуд и Д. Сэлбурна, в 1999 году Дитмар Хенце в своей работе «Энциклопедии первооткрывателей и исследователей Земли» назвал “Книгу о разнообразии мира” «самым грандиозным надувательством в истории Великих географических открытий». При этом Хенце приводит те же самые аргументы, что и Фрэнсис Вуд четырьмя годами ранее.

Одним из самых часто встречающихся доводов в пользу того, что Марко Поло никогда не посещал Китай, является то, что в его книге вообще не упомянуты ни Великая китайская стена, ни чаепитие, ни бинтование ног - вещи, в то время невиданные в Европе. Однако тут важно заметить, что Великая китайская стена в современном понимании и состоянии сильно отличается от той, что была в эпоху Марко Поло. Её существенно достроили лишь при династии Мин (1368-1644), то есть значительно позже времени пребывания венецианца в Китае (Нечаев 2013, с. 280). Этот факт освещен и объяснен, к примеру, в работе историка И. де Рахевилца: до 1579 года даже китайские картографы полностью игнорировали существование стены и не наносили её на карты (Rachewiltz 1997, p. 54). Следует также отметить, что Эндимион Вилкинсон в работе «Chinese History: A Manual, Revised and Enlarged» указывает на то, что, несмотря на отсутствие упоминаний некоторых элементов китайской культуры, Марко Поло дает достаточно подробное описание китайских городов, много раз упоминает бумажные деньги. Информация о них, по мнению Вилкинсона, была более важна для Марко, чем бинтование ног или же палочки для еды (Wilkinson 2000, p. 881).

Следующим важным пунктом версии Фрэнсис Вуд было то, что имя Марко Поло не упоминается в китайских источниках (Wood 1995, p. 23). Кроме дипломатических миссий и командировок по Китаю, Марко был главой монгольской почтовой системы, курировал торговлю лошадьми через Аравийское море и ведал дипломатическими отношениями с Северной Индией (Jackson 1998, p. 81). Кроме этого, Марко в своей книге упоминает тот факт, что хан был им восхищен и на три года поставил его губернатором города Янчжоу (Поло 1955, с. 154). Возможно, часть фактов о его деятельности при Хубилае была выдумана или приукрашена, и роль венецианца при дворе была не такой уж и большой. Однако следует учесть, что еще в далеком 1865 г. французский синолог Гийом Потье нашел в биографическом разделе династийной истории Юань упоминание о неком иностранце По-ло (Po-lo) (Нечаев 2013, с. 284).

Ещё одним распространенным современным домыслом о путешествии Марко Поло является торговое назначение его поездки. Во многих научных работах можно

встретить информацию про купца-венецианца (Шкловский 1969, с. 41), который отправился искать новые рынки сбыта для торгового государства Венеции (Пауэр 2010, с. 69). В энциклопедических изданиях Марко Поло также всегда именуется купцом (Юрченко 2007, с. 7).

Семейство Поло действительно было купеческим и долгое время занималось торговлей со странами Востока. Однако назначение путешествия самого Марко Поло в Китай не было связано с торговыми функциями. Экспедиция Поло на Восток носила в первую очередь дипломатический характер, так как братья Поло во время первого своего посещения Китая поступили на службу к монгольскому хану Хубилаю и выполняли его официальные поручения (Эрс 1998, с. 173-174). Да и сам Марко Поло в тексте книги практически не говорит о купеческой деятельности своей семьи или других европейцев (Эрс 1998, с. 184-185).

В заключение важно отметить, что после выхода книги Фрэнсис Вуд среди историков возникла бурная дискуссия по вопросу реальности путешествия Марко Поло и оригинальности его книги. Практически сразу же было опубликовано немало работ, опровергающих версию Вуд и её последователей Д. Сэлбурна, Д. Хенце и других. Безусловно, историки признают, что часть фактов, упомянутых в «Книге о разнообразии мира» выдуманы, часть Марко услышал от других людей, однако основные аргументы сторонников версий о плагиате со стороны Марко Поло опровергнуты исследованиями как зарубежных, так и отечественных историков. Сейчас же практически всё международное историческое сообщество признает реальность путешествий Марко Поло, а его труд - «Книгу о разнообразии мира», считает если не дневником путешественника с абсолютно точными данными, то средневековым путеводителем по Азии с массой полезной практической информации. Однако, несмотря на это, тема путешествия Марко Поло остается источником появления новых версий и дискуссий.

Список использованной литературы

Морозов Н. А. Христос. История человечества в естественно-научном освещении. Т.VIII. Петроград: СОЦЭКГИЗ, 1924. 888 с.

Нечаев С. Ю. Марко Поло. М.: Молодая гвардия, 2013. 316 с.

Пауэр Э. Люди Средневековья. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2010. 223 с.

Поло, Марко. “Книга” Марко Поло. Пер. со старо-фр. И. П. Минаева, ред. и вступ. статья И. П. Магидовича. М.: Географгиз, 1955. 376 с.

Шкловский В.Б. Земли разведчик: Марко Поло. М.: Молодая гвардия, 1969. 224 с.

Эрс Ж. Марко Поло. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 352 с.

Юрченко А.Г. Книга Марко Поло: записки путешественника или имперская космография. СПб.: Евразия, 2007. 854 с.

Jackson, P. Marco Polo and his ‘Travels’. Cambridge university press, 1998. 101 p.

Rachewiltz, Igor. Marco Polo Went to China // Zentralasiatische Studien 27 (1997), pp. 34–92.

Wilkinson E. Chinese History: A Manual, Revised and Enlarged. London: Revised and Enlarged Edition, 2000. 1235 p.

Wood F. Did Marco Polo Go to China? London: Secker & Warburg, 1995.187 p.

Григорьева Надежда Викторовна
студентка 3 курса кафедры истории стран Дальнего Востока
Восточный факультет СПбГУ[1]

Роль Цзян Цин в подготовке и на начальном этапе “культурной революции”

“Культурная революция” в Китае (1966-1976 гг.) представляет собой организованную сверху под видом возникшей стихийно снизу грандиозную, жестокую и беззаконную чистку КПК и государственного аппарата КНР. Целью этого «переворота сверху» было избавиться в центре и на местах от реальных и потенциальных противников политического курса и культа личности Мао Цзэдуна, превратить компартию и государственные органы страны в безотказный, послушный механизм единоличной власти вождя как носителя истины в последней инстанции.

В обстановке формирования оппозиции маоистскому режиму Председателю было необходимо больше опираться на своих верных союзников, в связи с чем Мао решил привлечь к политической деятельности свою жену Цзян Цин. Момент для этого был подходящий: истекли 20 лет, в течение которых она не имела права принимать участия в политической деятельности. Данное условие было выдвинуто членами Политбюро ЦК КПК, когда они давали свое согласие на брак Мао с Цзян Цин в качестве его четвертой жены.

Председатель отвел супруге важную роль в подготовке планировавшейся “культурной революции”. Проявление подобного “доверия” было связано с тем, что Мао осознавал зависимое от него положение Цзян Цин. Она не могла предать Мао, поскольку рядом с ним была “женой Великого Кормчего”, без него – никем. Все ее существование было сосредоточено на том, чтобы угодить мужу, быть замеченной им, стать его верной помощницей и соратницей, сделать все, чтобы он был доволен ею. Однако не стоит забывать и о крайнем честолюбии и тщеславии Цзян Цин, которые порождали в ней непреодолимое желание стать “красной императрицей Китая”. Именно поэтому Цзян Цин приняла самое активное участие в подготовке “культурной революции”.

В молодости Цзян Цин была актрисой, играла в театре и снималась во второсортных фильмах. Считая себя компетентной в области искусства, она с большим энтузиазмом принялась за “маоизацию” культуры в Китае. Цзян Цин задалась целью создать “новые” культуру и искусство, которые были бы направлены исключительно на восхваление Мао Цзэдуна и его идей. Руководствуясь этим, она выступила с призывом взяться за “четыре чистки”: в литературе, изобразительном искусстве, театре и кино.

[1] Научный руководитель — к. и. н., доцент Восточного факультета СПбГУ Б. М. Новиков.

Так, с осени 1962 г. стала проводиться широкомасштабная критика традиционных китайских пьес. Утверждалось, что эти пьесы являются чуждыми социализму, в них не отражаются современные реалии, они не несут в себе идею верности Мао Цзэдуну. Отныне партия призывала писателей отказаться от разработки исторических сюжетов, где преобладают “черти”, императоры и сановники, и заняться воспеванием революции и идей Мао.

В 1962 г. в газете “Жэньминь жибао” (人民日报) впервые была напечатана фотография, на которой Мао Цзэдун был запечатлен вместе с Цзян Цин для всеобщего обозрения и принятия к сведению факта их супружества. Это был первый шаг к утверждению Цзян Цин в сознании людей страны в качестве супруги Председателя. Таким образом были обозначены новые тенденции во внутренней политике страны и намерения Мао использовать Цзян Цин в своих политических интересах в ходе намечающейся борьбы в партии и государстве. Цзян Цин добилась своего: она была рядом с Мао, поэтому теперь ее главной целью было не разочаровать Председателя, сделать все для укрепления его власти.

В 1964 г. была создана группа по делам “культурной революции” – внеуставная структура, которая вскоре фактически заменила собой ЦК партии. Группа подготовила проект “Доклада об упорядочении стиля работы Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства и входящих в нее творческих союзов”. В докладе утверждалось, что в области культуры были выявлены такие проблемы, как сильное влияние буржуазной идеологии и индивидуализма, а также небрежение вопросом идеологического перевоспитания. Для исправления ситуации предлагалось усилить литературную критику, превратить литературные издания в рупоры пропаганды идей Мао Цзэдуна, больше освещать в искусстве классовую борьбу и показывать героев социалистической эпохи. Таким образом, активно начала внедряться концепция идеального героя. Его эталоном был провозглашен Лэй Фэн.

Молодой солдат-шофер Лэй Фэн, погибший под колесами собственного грузовика при несчастном случае, был объявлен национальным героем, хотя смерть его была отнюдь не героической. Причиной прославления Лэй Фэна был его дневник, в котором он выразил желание стать “нержавеющим винтиком” для службы Мао Цзэдуну: “Председатель Мао – это мой отец. Идеи Председателя Мао как солнце”; “Когда я погрузился в сон, я увидел Председателя Мао... Я действительно стану хорошим солдатом Председателя Мао” (Степанов 1977, с. 42). Лэй Фэн и подобные ему молодые «герои» маоистского культизма, безраздельно преданные “Великому Кормчему”, вскоре стали примером для подражания.

В июле 1964 г. Министерство культуры провело в Пекине Всекитайский смотр спектаклей реформированной пекинской музыкальной драмы на современные темы. Среди 37 спектаклей, показанных на смотре, были и те, которые были поставлены под руководством жены Председателя. На смотре одним из основных арбитров по вопросам театра и театральной политики стала сама Цзян Цин. Она впервые была

открыто представлена на публичном мероприятии под этим именем с того времени, как ЦК КПК запретил ей участвовать в политической жизни. В своем выступлении она заклеймила всю предыдущую деятельность театра как “подрывную” по отношению к социалистическому экономическому базису, репертуар охарактеризовала как “феодально-буржуазный”, а также поставила под сомнение классовую благонадежность работников театра. Выступление было настолько одиозным для того времени, что партийно-государственное руководство вообще не рискнуло опубликовать его текст и он появился в печати только через три года, во время “культурной революции” с фальсифицированной датой. Таким образом, деятельность Цзян Цин в роли специалиста по “революционизации” китайского театра и ее активность должны были показать, что супруга Мао Цзэдуна выходит на политическую авансцену в качестве весомой фигуры, за которой стоят авторитет и поддержка вождя.

Еще до провозглашения “культурной революции” начали проводиться кампании критики и партийные чистки. Так, в 1965 г. Цзян Цин обратила внимание Мао на пьесу У Ханя “Разжалование Хай Жуя”. Пьеса повествовала об отважном и благородном чиновнике XVI в. Хай Жуе, осмелившемся высказать правду погрязшему в пороках императору династии Мин. Поначалу Мао Цзэдун видел в Хай Жуе себя самого, честного и правдивого революционера, борца против всех пороков прогнивших классов. Однако Цзян Цин смогла убедить Председателя, что У Хань сознательно проводил параллель между “делами Хай Жуя” и Пэн Дэхуая, который был известен своей критикой политики Мао Цзэдуна. С ее точки зрения, цель пьесы состояла в нанесении удара по авторитету Председателя. Мао решил, что необходимо усилить культ личности для того, чтобы поднять массы на борьбу за уничтожение антимаоистской партийной бюрократии. Он поручил Цзян Цин организовать публикацию статьи с критикой пьесы “Разжалование Хай Жуя”. Она выполнила данное ей задание, подыскав для этой работы в Шанхае партийного журналиста Яо Вэньюаня. Статья появилась 10 ноября 1965 г. в шанхайской газете *Цзефан жибао*, после чего У Хань был отправлен в тюрьму. Мэра Пекина Пэн Чжэня, покровительствовавшего У Ханю, обвинили в сговоре с последним и сняли с поста, как и многих других “правых” коммунистов. Данное событие принято считать началом кампании по устранению политических противников Мао.

В 1966 г. Цзян Цин стала де-факто исполнять обязанности главы группы по делам “культурной революции”. Одной из главных задач группы стала чистка учебных заведений от сторонников капитализма (так наз. «каппутистов») и мобилизации молодежи на участие в “классовой борьбе”. В письме Мао Цзэдуна к Цзян Цин Председатель приветствовал “хаос”: “Полный беспорядок в Поднебесной ведет ко всеобщему порядку” (История Китая 2017, с. 487). Так, Цзян Цин оказалась организатором первых студенческих групп *хунвэйбинов* (红卫兵 красные охранники), сыгравших важную роль на первом этапе “культурной революции”.

Молодые неокрепшие умы легче всего поддавались обработке в маоистском духе. Подрастающее поколение воспитывалось в атмосфере обожествления Мао Цзэдуна и беспрекословного повиновения властям. В руках приверженцев маоизма, в том числе и Цзян Цин, молодежь стала удобным орудием духовного, политического и физического террора.

С целью взрастить в молодых людях жестокость и фанатизм были задействованы мощные механизмы социально-психологического заражения и подражания, что достигалось во многом благодаря “театральным эффектам”: массовым шествиям, манифестациям, массовым спортивным мероприятиям. При этом широко использовались музыка, гонги, барабаны, пиротехника, позволяющие придать этим мероприятиям эмоциональный накал, зрелищность, внушительность. Так, в своих многочисленных обращениях к хунвэйбнам Цзян Цин разжигала огонь ненависти в молодых людях, доводила их до высокого эмоционального накала, который мешал работе разума, делал их послушным инструментом в ее руках. Хунвэйбины становились до предела возбужденными, крушили все на своем пути, устраивали массовые жестокие судилища. В них убивалось все человеческое и пробуждалось животное начало: “Убьем свое “я!”; “Нам не нужны мозги, если у нас есть идеи Мао Цзэдуна!” (Степанов 1977, с. 22).

Цзян Цин убеждала хунвэйбинов в необходимости устранения политических врагов Мао и противников революции, в число которых входили представители интеллигенции: преподаватели, писатели, режиссеры и др. По ее призыву молодые люди громили книжные магазины, в которых отныне могла продаваться только красная книжица с цитатами Мао Цзэдуна. На улицах разжигались костры, в которые были брошены книги, не соответствующие идеям Мао. Хунвэйбины установили обязательную повинность, согласно которой все жилые здания и общественные помещения должны были быть украшены портретами и плакатами с изречениями Председателя. Студенты останавливали общественный транспорт, если на нем не было подобных «украшений».

Постепенно хунвэйбины стали выходить из-под контроля. По призыву Цзян Цин они вели борьбу с “четырьмя старыми”: старыми идеологией, культурой, нравами и обычаями. Фактически же под это определение попадало буквально все. Массовый беспредел все больше грозил обернуться катастрофой. Молодые люди отказались распустить свои отряды после того, как последовал приказ. Тогда, в 1968 г. против хунвэйбинов была применена армия, теперь их изобличали как некомпетентных и политически незрелых.

Цзян Цин была одним из наиболее активных, фанатичных деятелей в подготовке и организации “культурной революции”. Особенно разрушительную роль она сыграла в области культуры. Цзян Цин задалась целью уничтожить все “старое” и создать “новое” маоизированное искусство. Являясь одним из главных вдохновителей хунвэйбинов, она посылала их на погромы, из-за чего был уничтожен огромный пласт

произведений китайского искусства. Все эти процессы свидетельствовали о желании сторонников “революции”, в том числе и Цзян Цин, превратить страну в маоистскую казарму. Китаю грозило воцарение Цзян Цин в качестве реальной “красной императрицы”, что создало бы смертельную угрозу для самого существования страны, китайской нации, как это уже было на рубеже XIX-XX вв. Не случайно китайские противники «культурной революции» нередко сравнивали Цзян Цин с властолюбивой и деспотичной императрицей Цыси конца династии Цин. К счастью для китайского народа, группе авторитетных, патриотически настроенных партийных и государственных деятелей страны во главе с министром обороны КНР маршалом Е Цзяньином удалось остановить рвущуюся к власти Цзян Цин и ее приспешников, арестовать их и предать суду.

Список использованной литературы

История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. / гл. ред. акад. РАН С.Л. Тихвинский; Ин-т Дальнего Востока РАН. Т. VIII: Китайская Народная Республика (1949–1976) / отв. ред. Ю.М. Галенович. М.: Наука, 2017.

Степанов М.Г. “Синао” – “Промывание мозгов”. М.: Молодая гвардия, 1977.

Гуров Иван Дмитриевич
студент 1 курса магистратуры Зарубежное регионоведение факультета международных отношений МГИМО МИД России[1]

Глобальные инициативы Китая и их значение для сопредельных стран

«Китай вернулся на сцену мировой борьбы и стремится стать гегемоном» – такого рода высказывания о Поднебесной в наше время нередко можно услышать от видных общественных деятелей и экспертов в области международных отношений, таких как Дэвид Шамбо и Генри Киссинджер. И в самом деле, это не просто громкие заявления, а уже существующая действительность, подкрепленная реальными фактами. Так, за последние десятилетия основные социально-экономические показатели развития Китая значительно выросли, сопровождаясь непрерывным укреплением международного статуса страны и ее глобального влияния на мировой арене. По прогнозам экспертов, Китай обгонит США по объему номинального ВВП уже в этом десятилетии – перспективы подобного развития событий свидетельствуют об актуальности темы, в рамках которой раскрываются основные направления становления Поднебесной в качестве лидера не только на региональном, но и на глобальном уровне.

Способы и методы реализации Китаем своего внешнеполитического и внешнеэкономического курса заключены в основном в глобальных инициативах КНР, таких как «Один пояс, один путь» (ОПОП), «Морской шелковый путь 21 века», «Шелковый путь здоровья» и других, рассчитанных в большей степени на соседние государства, к которым, по китайской типологии, относится и Россия.

«Один пояс, один путь» – крупнейший в мире внешнеэкономический проект. Он является краеугольным камнем большой китайской стратегии, предусматривающей использование значительно возросших финансовых, научно-технических и инфраструктурных возможностей Пекина, а также «мягкой силы» в интересах достижения стратегических целей Поднебесной. В определенном смысле можно утверждать, что маскируемый китайским руководством под гуманитарный проект «Один пояс, один путь» — это часть стратегической концепции Пекина по достижению глобального доминирования и попытка реинкарнации легендарного исторического **Великого Шелкового Пути**. Рассматривая товарные маршруты ОПОП и его истинное, а не декларируемое Пекином предназначение, не будет лишним провести аналогию с историческим предшественником этого проекта. Великий Шелковый Путь начал свое бурное развитие во II веке до нашей эры в то время, когда Китай объединился в единую империю с четко обозначенными внешнеполитическими целями и продолжил свое становление во времена правления императора У Ди, при котором империя Западная

[1] Научный руководитель — к. полит. н., доцент Ксения Александровна Ефремова.

Хань достигла выдающихся успехов в торговле с внешним миром и существенно расширила границы своих владений. Первоначально, по маршруту старого, «северного», направления Шёлкового пути велась торговля Китая с государствами Центральной Азии, в которых высоко ценились продукты китайского шёлкоткацкого ремесла. Начиная со стран Южной и Средней Азии, китайский шёлк и специи постепенно достигли наиболее развитых западных держав того времени, таких, как Римская империя, а впоследствии – Византия. Караваны шли через Турфанский оазис, между Алтаем и Тибетом, через Памир в Ферганскую долину, а затем через казахские степи в Восточную Европу. Следует отметить, что движение товарного потока преимущественным образом через территорию современного Казахстана присуще и современному проекту Нового Шёлкового пути. Как и в случае с историческим предшественником, геополитическая суть нового шелкового пути заключается в соединении Дальнего Востока, Центральной Азии и Европы развитым инфраструктурным и логистическим поясом, создании «трамплина» для проникновения китайских товаров на рынки к западу, северу и к югу от стран Центральной Азии, а также установлении на них своих правил игры. Сейчас, через страны Средней Азии, Иран, Турцию и далее в Европу, посредством развития этих маршрутов предполагается построить полноценную комплексную транспортную инфраструктуру, включая железные и автомобильные дороги, морские порты, трубопроводы, а также центры логистической обработки грузов.

Следует уделить особое внимание дополнению к инициативе «Один пояс, один путь», а именно – **«Морскому Шёлковому пути XXI века»**, представляющем собой морской логистический маршрут, концепция которого также берет свое начало в истории. Помимо сухопутных маршрутов, в XV веке нашей эры исторический Шёлковый путь нашел свое продолжение в морской торговле, которая получила бурное развитие ввиду возобновления военных конфликтов в странах Центральной Азии и начала завоеваний Тамерлана. **Морской шелковый путь** процветал при непосредственном участии Поднебесной и экспедиций адмирала Чжэн Хэ в XV веке нашей эры при дворе великого императора Чжу Ди династии Мин (1368–1644). Вышеупомянутые экспедиции являются важным событием в истории внешней политики Китая. В качестве одной из целей было заставить «варварских царей» в Юго-Восточной Азии (ЮВА) платить «дань» двору Мин, что в те времена в китайском мировоззрении было равносильно полноценным торговым отношениям.

Следует отметить, что китайцы одними из первых сделали шаги в области международных открытий, практически положив тем самым начало эпохе Великих географических открытий. Флотилии Поднебесной из более чем двух сотен судов совершили в совокупности семь крупных походов в Юго-Восточную Азию (Малакка), Цейлон и Южную Индию. Впоследствии они достигли берегов Аравии и Восточной Африки.

Цели императора Чжу Ди при организации такого рода экспедиций косвенно перекликаются с современной деятельностью нынешнего руководства Китайской Народной Республики. Реализуемый в наше время логистический проект «Морской шелковый путь XXI века» соединяет Китай со странами ЮВА, Ближним Востоком, Восточной Африкой и некоторыми государствами Евросоюза посредством морских торговых путей. Например, через Малаккский пролив в настоящее время осуществляются от 20 до 25% общемировых перевозок товаров морским транспортом, а также 80% поставок углеводородного сырья в Китай. Данный пролив имеет ключевое стратегическое значение для Пекина, преследующего как торговые цели для выхода на товарные рынки ЮВА, так и военно-политические, включая обеспечение энергетической безопасности Китая.

Стратегическая задача КНР — посредством реализации «**Морского Шёлкового пути XXI века»** (МШП) изменить примат глобального морского транспорта, который Поднебесная на данный момент не контролирует. Морской маршрут — это по-прежнему самое дешевое средство перемещения товаров. Ведущую позицию в этой сфере сейчас занимают Соединенные Штаты, которые, располагая мощным военным флотом, держат под контролем большую часть современных логистических морских маршрутов. Однако, военно-морские силы Китая пока существенно отстают от США, а торговый флот КНР не может в полной мере реализовать свой потенциал для полноценного выхода и закрепления на мировых товарных рынках.

Для того, чтобы в корне изменить текущее положение дел, Пекин реализует еще одну морскую концепцию, известную как «Жемчужное ожерелье», которая, по мнению международных экспертов, служит дополнением к базовой инициативе МШП. Этот маршрут протянется вдоль всего побережья Тихого и Индийского океанов от Южной Кореи до Джибути. Данная система представляет собой сеть китайских баз и опорных пунктов в Южной и Юго-Восточной Азии, предназначенных для стратегического развертывания и «проецирования силы» китайскими ВМС. При этом китайские боевые корабли будут иметь возможность беспрепятственного захода в порты транзитных стран МШП, пополнения запасов и ремонта.

Необходимо отметить, что руководство КНР оказывает всемерную поддержку развитию логистических возможностей Народно-освободительной армии Китая (НОАК) в рамках расширения географии базирования национальных военно-морских сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и на побережье Африканского континента.

Значительная активизация этого процесса наблюдается после учреждения в 2015 году в структуре Генерального штаба НОАК департамента логистической поддержки (Logistic Support Department) и Объединенных сил логистической поддержки (Joint Logistic Support Force).

Международные военные аналитики отмечают, что развитие зарубежной инфраструктуры базирования ВМС КНР тесно связано с географией китайских

инвестиций в рамках экономических проектов концепции «Один пояс, один путь». При этом с 2013 года наибольшие финансовые «вливания» от Пекина получили Пакистан, Индонезия, Российская Федерация, Сингапур, Нигерия и Малайзия (более 30 млрд. долл. США в совокупности).

Говоря о финансовых вливаниях и гуманитарной помощи, нельзя обойти и сравнительно новое дополнение к инициативе ОПОП, называемое как «**Шелковый путь здоровья**». Реализуя эту инициативу, Поднебесная хочет получить стратегическое преимущество за счет льготного вакцинирования населения развивающихся стран, преимущественным образом расположенных вдоль маршрутов концепции «Один пояс, один путь». Для поднятия своего авторитета в мире, Китай готов предоставить странам регионов ЮВА, Африки, Латинской Америке и Карибского Бассейна субсидирование существенной доли цены вакцины. Следует отметить, что «Шелковый путь здоровья» приобрел повышенное значение в современных условиях в связи с пандемией и распространением короновирусной инфекции.

Следует сказать, что финансовое обеспечение экономических проектов в рамках ОПОП осуществляется в соответствии с концепцией проецирования «мягкой силы» Китая. Так, в краткосрочной перспективе необходимым условием успешной реализации данной стратегии в Пекине считают достижение победы в «информационных войнах». На среднесрочном временном отрезке – проецирование силы вдоль маршрутов пролегания инфраструктуры ОПОП. В качестве долгосрочной задачи рассматривается «распространение и защита китайских интересов в глобальном масштабе»2.

К таким выводам можно прийти исходя из опубликованной Канцелярией Госсовета КНР 24 июля 2019 года Белой книги по национальной обороне страны под названием «Национальная оборона в новую эпоху», в которой утверждается, что «Заморские интересы являются важной частью национальных интересов Китая. Одна из задач вооруженных сил Китая - эффективно защищать безопасность, законные права и интересы китайских граждан, организаций и учреждений за рубежом»3.

Предусматривается, что экспедиционные операции ВМС НОАК, как правило, вдоль торговых линий коммуникаций в рамках ОПОП, в период с 2021 по 2030 гг. будут осуществляться как с использованием иностранных коммерческих портов и других объектов (с возможностью их прямого или опосредованного задействования), так и путем создания военно-логистической и непосредственно военной инфраструктуры базирования.

---

[2] Chad Peltier., Jon Grevatt. China’s military logistics and expanding expeditionary capability // Jane's Group UK Limited. 28.05.2020. – «Информационная группа Джейна»

[3] The State Council Information Office of the People's Republic of China. China's National Defense in the New Era. 24.07.2019.

Таким образом, посредством реализации инициативы «Один пояс, один путь» Китай стремится создать эффективно действующую инфраструктурную платформу для обеспечения своего экономического, военного и политического господства на всем Евразийском пространстве от Тихого океана до Ла-Манша, а также в Восточной Африке, отдельных странах Ближнего Востока и прилегающих акваториях мирового океана.

Вероятное следствие воплощения ОПОП – вассализация бывших советских республик и сателлитов Пекина в Центральной Азии, что произойдет в связи с формированием жесткой и устойчивой зависимости национальных экономик от китайских экспортных товарных потоков. С этой точки зрения «Один пояс, один путь» может стать специфическим и весьма изощренным инструментом нейтрализации России, «задвигания» ее на второстепенные роли. В долгосрочной перспективе это приведет к потере Москвой своего влияния на постсоветском пространстве. При этом государства-участники проекта «Один пояс, один путь» превратятся не только в транзитную зону, но и в ресурсную базу КНР, а также рынок сбыта для китайских товаров.

Исходя из вышеизложенного, напрашивается следующий вопрос: как же следует вести себя России по отношению к китайским инициативам? Ответ очевиден: проводить сбалансированную внешнюю политику, а свое участие в любых проектах в рамках ОПОП рассматривать с точки зрения своих интересов и собственной выгоды, не поддаваться на красивые обещания китайских партнеров, практикующих не «дружбу и партнерство ради громких лозунгов», а экономическое взаимодействие с контрагентами для целенаправленного извлечения дивидендов из каждой сделки. России следует внимательно изучать экономическую целесообразность каждого из проектов: необходимо мыслить стратегически, рассматривать каждый проект с точки зрения его стратегической долгосрочной значимости для национальных интересов РФ.

В заключении хотелось бы отметить, что инициатива «Один пояс, один путь» по своим задачам, целеполаганию и масштабам может стать непревзойденным шедевром экономической дипломатии как способом извлечения Поднебесной существенных для себя дивидендов в долгосрочной перспективе.

Список источников и литературы

Верлин Е.В. Проблемы формирования и эволюция «Большого Китая» (Роль и место Китая в интеграционных процессах региона ЮВА). Диссертация. М., 2001.

Воскресенский А.Д. Что такое для нас Китай? // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. №2.

Денисов И. Путешествие на Запад: Пекин выйдет из тени по Шелковому пути // Россия в глобальной политике. 2015. №1

Киреева А.А. «Инициатива пояса и пути»: содержание, цели, значение / А.А.Киреева // Сравнительная политика. — 2018. Том 9. №3.

Корсун В.А. Внешняя политика Китая на пороге XXI века. – М.: МГИМО(У) МИД России, 2002.

Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО Университет / Стратегические изыскания, 2019.

Chad Peltier., Jon Grevatt. China’s military logistics and expanding expeditionary capability // Jane's Group UK Limited. 28.05.2020.

The State Council Information Office of the People's Republic of China. China's National Defense in the New Era. 24.07.2019.

Дагбаева Арюна Мункоевна
студентка 3 курса кафедры политологии Востока
Институт стран Азии и Африки МГУ[1]

Россия и Китай на Байкале: перспективы и проблемы взаимодействия

Байкал – самое глубокое озеро и самый крупный природный резервуар пресной воды в мире. Его площадь составляет 31 722 км2, наибольшая глубина 1642 м, а объем 23 615 км3. Это одно из древнейших озер мира, здесь обитает большое количество эндемичных представителей флоры и фауны, среди которых есть нерпа, голомянка, байкальская эпишура, байкальский омуль и др. Озеро Байкал расположено в Сибири недалеко от границ с Северо-Восточным Китаем, в котором остро стоит вопрос нехватки чистой воды. Говоря о проблеме водных ресурсов в целом, стоит вспомнить выступление бывшего Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна. На заседании Совета Безопасности в 2011 году он отметил: «Дефицит воды и продовольствия угрожает сотням миллионов людей во всем мире. Это подрывает сами основы стабильности на местном, национальном и глобальном уровнях. Нарастает конкуренция между общинами и странами за получение доступа к имеющимся скудным ресурсам, в первую очередь водным, что усугубляет давние проблемы в области безопасности и порождает новые». От дефицита воды страдает более 40% мирового населения. По оценкам экспертов 2,21 миллиарда человек не имеют доступа к безопасной питьевой воде. (ВОЗ/ЮНИСЕФ, 2019 год). 80% сточных вод возвращается в экосистему без очистки. (ЮНЕСКО, 2017 год)[2].

Данная проблема коснулась и Китая. Здесь один из самых низких в мире показателей обеспеченности водными ресурсами на душу населения: всего 1/3 от мирового показателя. К тому же распределены эти ресурсы крайне неравномерно - сконцентрированы на юге, а север и запад подвержены сильным засухам[3]. Возвращаясь к Северо-Востоку Китая, отметим, что здесь расположены старые химические предприятия, которые делают значительные выбросы вредных отходов в водоемы. Масштаб промышленного загрязнения огромен. Только в 2000 г. выбросы загрязненной воды составили 10,5% от всей загрязненной воды в Китае, и только 30,5% воды пригодно для питья.

По данным за 2018 г. загрязнение водоёмов на северо-востоке КНР продолжает приобретать угрожающий характер: более 80% подземных вод этого региона небезопасно для питья. Основными загрязнителями являются аммиачная селитра и фосфор, которые содержатся в промышленных стоках, а также удобрениях и

[1] Научный руководитель – к. п. н. Ольга Юрьевна Адамс.
[2] https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/water/index.html
[3] 3-й пленум ЦК КПК 18-го созыва: горизонты реформ., отв. ред. А. В. Островский , сост. П. Б. Каменнов. ИДВ РАН, 2014., Кранина Е.И., Проблемы экологической безопасности Китая. Стр 109-122

пестицидах[4]. Из последних примеров: 28 марта 2020 г. в пр. Хэйлунцзян произошла утечка из хвостохранилища молибденовой шахты в городе Ичунь, которая привела к загрязнению воды примерно в 208 км вниз по течению реки Хулань. Анализ воды показал, что содержание молибдена в 0,6 раза выше стандартов, а содержание нефтепродуктов превышает нормы предельно допустимой концентрации соответственно в 1,8 и 0,3 раза. Власти приняли необходимые меры, включая сооружение дамб и добавление активированного угля в воду для ее защиты, а местных жителей обеспечили водой из альтернативных источников. Несмотря на действия властей, водоему был нанесен ущерб. Более того, это не единичный случай выброса опасных химических веществ в источники питьевой воды на Северо-Востоке Китая , поэтому вопрос модернизации производства и обеспечения населения чистой водой крайне важен.

Для решения подобной проблемы еще в 2017 г планировалось строительство завода по производству бутилированной воды на берегу оз. Байкал для экспорта продукции в г. Ланьчжоу, пр. Ганьсу, но проект закрылся[5]. А в январе 2019 года началось строительство нового завода в п. Култук Иркутской обл.[6]. По данным областной администрации, проект должен был реализоваться компанией «АкваСиб», экспортировать воду в Китай должно было ООО «Озеро Байкал». По словам заместителя министра экономического развития Иркутской области, проект соответствует федеральному закону "Об охране озера Байкал", а компания "АкваСиб" получила необходимые разрешительные документы: положительные заключения экологической и государственной экспертиз, разрешение на строительство завода. Приказом Управления Росприродназдора по Иркутской области утверждено положительное заключение госэкоэкспертизы проектной документации по объекту. Также сообщалось, что местные жители на общественных слушаниях одобрили строительство завода . Было добавлено, что технологией предусмотрена прокладка глубинного водозабора в Байкал. В ходе реализации проекта подрядчики выполнили водолазные обследования, съемку дна по трассе глубинных водоводов, а также в согласованной точке водозабора. Провели комплексное экологическое обследование территории строительства, по результатам выполненных обследований была подтверждена экологическая безопасность проекта[7].

Однако проект получил крайне негативную оценку местных жителей и пользователей Интернета. Было собрано 500 тысяч подписей против строительства завода. Жители также обратились в Западно-Байкальскую межрайонную прокуратуру, которая в начале февраля провела проверку на объекте. В ведомстве рассказали, что

[4] https://nomitech.ru/news/zagryaznenie_vodoyemov_na_severo_vostoke_kitaya/ (2019)
[5] https://www.theguardian.com/world/2017/mar/07/parched-chinese-city-plans-to-pump-water-from-russian-lake-via-1000km-pipeline (2017)
[6] https://iz.ru/847637/evgeniia-priemskaia/razlei-voda-pochemu-v-knr-nazyvaiut-baikal-svoim-severnym-morem (2019)
[7] https://xn--90a1aec.xn--p1ai/zavod-po-yeksportu-pitevoy-vody-v-kita/ (2019)

уже нашли ряд нарушений: «При осмотре установлено, что строительная площадка объекта захламлена отходами, а временное их накопление осуществляется на территории, не оборудованной в соответствии с требованиями законодательства»[8].

Возмущаясь проведением строительных работ, люди жаловались журналистам на то, что ничего не знали об общественных слушаниях по данному проекту, которые, как заявили представители компании, проводились еще в 2015 году, а также сомневались в объективности проведенной экспертизы.

Сообщается, что обращение против строительства завода бутилированной воды направили в Министерство природных ресурсов и экологии, а также президенту В.В. Путину. Арбитражный суд Иркутской области в августе 2019 г. признал недействительным договора аренды участка под строительство предприятия. В суде представитель прокуратуры заявил, что земля была предоставлена инвестору без торгов для строительства объектов водоснабжения. Однако завод, как считает ведомство, не является таким объектом: речь идет о полноценном производстве[9].

Подводя итоги, необходимо сделать акцент на законности и экологической безопасности развития производств в природоохранной зоне. Правоохранительные органы на местах не всегда выполняют свою работу качественно, т.к. дают разрешение на строительство загрязняющего производства на берегу охраняемого озера. Например, широко известный Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат на юге восточного берега озера работал с 1966 года[10]. По официальным данным за время работы комбината в 14 бассейнах шламонакопителях скопилось и хранится более 6,2 млн м3 отходов IV класса опасности[11]. Однако его закрыли лишь в конце 2013 г.[12]

Предприниматели в свою очередь, стремясь заработать деньги, игнорируют экологическое состояние оз. Байкал, но их сиюминутные действия сильно ограничивают дальнейшие возможности. Загрязнение экологически чистой воды химикатами, выкачивание воды с рачками эпишура, которые являются санитарами оз. Байкал, могут привести к ухудшению качества воды. А значит, спрос на воду такого уровня будет падать.

Сегодня Байкал уже страдает от ряда проблем, например, с повышенным содержанием в воде соединений фосфора, источниками которых могут являться синтетические моющие средства[13]. Также происходит распространение водоросли спирогиры, что в первую очередь связано со сбросом недостаточно очищенных сточных вод[14]. В результате появляются гниющие массы водорослей,

[8] https://irkutskmedia.ru/news/785986/ (2019)
[9] https://www.interfax.ru/business/677206 (2019)
[10] https://tass.ru/obschestvo/856394 (2013)
[11] https://www.interfax-russia.ru/siberia/novosti-pribaykalya/rosgeologiya-v-hode-ispytaniy-vyyasnila-chto-likvidirovat-othody-bcbk-mozhno-kruglyy-god (2018)
[12] https://www.irk.kp.ru/online/news/1619811/ (2013)
[13] Кравцова и др., 2012
[14] Там же

аккумулирующиеся на берегу в некоторых районах озера (например, г. Северобайкальск) в течение всего периода открытой воды[15], в таких районах вода становится непригодной для питья.

Другой проблемой является браконьерство, ловля рыбы во время нереста и нерп для получения меха, естественным образом нарушает экологическую цепочку. Некоторые находят причину сокращения числа рыбы в распространении спирогиры, которая уменьшает кормовую базу омуля.

И наконец, загрязнение мусором как от туристов, так и от местных жителей. На западном берегу Байкала, где находится известный поселок Листвянка, туристическая инфраструктура не успевает за ростом турпотока: из-за этого возникают проблемы с вывозом мусора[16]. Не в туристических районах Байкала характерна низкая просвещенность местных жителей о вреде отходов для окружающей среды и неответственное отношение к сохранению чистоты озера.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод: до начала экономической деятельности вблизи озера необходимо разобраться с уже существующими проблемами Байкала, сформировать более ответственные органы защиты экологической безопасности, просвещать людей о вреде отходов и выделять бюджетные средства на улучшение качества очистных сооружений. Только после этого можно планировать строительство заводов по производству бутилированной воды, не забывая о строгом контроле за их деятельностью. Также необходима достаточная законодательная база и ответственное исполнение законов., поскольку основная проблема состоит не в том, чтобы еще более ужесточить законы, а в том, чтобы их исполнять и контролировать их исполнение.

Список источников и литературы

Федеральный закон от 1 мая 1999 г. "Об охране озера Байкал"

Кранина Е.И., Проблемы экологической безопасности Китая. Стр 109-122, 3-й пленум ЦК КПК 18-го созыва: горизонты реформ., отв. ред. А. В. Островский , сост. П. Б. Каменов. ИДВ РАН, 2014.

Дунбэй дицюй цзинцзи чжэньсин чжаньлюэ юй чжэнцэ 东北地区经济振兴战略与政策 (Стратегия и политика экономического возрождения северо-восточных районов Китая). Пекин, 2005. 218 с.

Тимошкин О. А. и др. «Экологический кризис на Байкале: ученые ставят диагноз». Иркутск, 2014. 18 с.

Кравцова Л. С. и др. «Нарушение вертикальной зональности зеленых водорослей в прибрежной части залива Лиственничный озера Байкал». Иркутск, 2012. 229 с.

[15] (Тимошкин и др., 2014)

[16] https://iz.ru/847637/evgeniia-priemskaia/razlei-voda-pochemu-v-knr-nazyvaiut-baikal-svoim-severnym-morem (2019)

Даньшин Сергей Александрович
студент 4 курса ОП «Востоковедение»
НИУ Высшая школа экономики[1]

Пространство «неомифа» в современной женской прозе Японии (на примере произведений Каваками Хироми)

Метод «мистического реализма» является неотъемлемой частью постмодернистской литературы Японии, и используется по сей день бесчисленным количеством авторов. Популярность метода обусловлена как присущей ему свободой изложения, так и характерной для постмодернистской литературной школы многогранной символичностью, которая в рамках данного метода может достигнуть доселе невиданных глубин. Создание «мистических пространств», в которых авторы подвергают своих персонажей всяческим испытаниям, уже давно стало своеобразной визитной карточкой литературного постмодерна Японии, однако мало кто использует его настолько умело и многосторонне, как, пожалуй, одна из самых ярких представительниц женской писательской школы Японии конца XX — начала XXI вв. Каваками Хироми 川上弘美 (р. 1958). Более того, метод «мистического реализма» в рамках творчества писательницы использован в относительно новаторском ключе — для углубления в вопросы положения женщины в этом мире, женской доли и женского самоопределения.

Начать стоит с немаловажной ремарки, что женская литература в довоенной Японии была представлена в совершенно ином виде. Будь то сочинения Хигути Итиё 樋口一葉 (1872–1896) о несчастной доле женщин, становящихся гейшами из-за плачевного экономического положения, поэзия Ёсано Акико 与謝晶子 (1878–1942), использовавшей свое творчество для борьбы с традиционными конфуцианскими семейными устоями, или буддийские взгляды Окамото Каноко 岡本かの子 (1889–1939), призывавшей женщин добиваться успеха несмотря на иллюзии мира (Birnbaum, 1999), все они, в том или ином виде, пытались передать женский жизненный опыт, однако носили характер скорее личных дневников и мемуаров, и были далеки от того, что сегодня принято называть женской литературой.

Приход новых, западных гендерных идей во второй половине XX в. ознаменовал и возникновение новой для послевоенного периода школы женских авторов, яркой представительницей которой и является Каваками Хироми.

Писательница родилась в Токио в 1958 г., и провела детство в Токио. Литературная карьера Каваками началась после выпуска из женского университета Отяномидзу, когда писательница стала редактором для японского журнала научной фантастики «NW-SF», где в 1980 г. был издан её первый рассказ «Сё:симоку» (яп. 双

[1] Научный руководитель — ст. преп. НИУ ВШЭ СПб А. Ю. Борькина.

翅, «Двукрылые»). Параллельно Каваками преподавала естествознание в средней школе, пока по причине рабочей ситуации мужа не уволилась и не стала домохозяйкой. Официальный писательский дебют Каваками произошёл на 36 году её жизни в 1994 г. с публикацией сборника *сё:сэцу* 小説 под названием «Камисама» (яп. 神様, «Медвежий бог»). Позже, в 1996 г., Каваками была награждена престижной премией Акутагава за сборник новелл «Хэби-о фуму» (яп. 蛇を踏む, «Наступить на змею», 1995), который был позже переведен на английский язык, а в 2001 г. премией Танидзаки за роман «Сэнсэй-но кабан» (яп. センセイの鞄, «Портфель учителя», 2000). В 2003 г. был издан роман «Манадзуру» (яп. 真鶴, «Манадзуру»). В 2014 г. издательство «Бунгэйсюндзю» опубликовало роман «Суйсэй» (яп. 水声, «Голос воды»), который в 2015 г. был награжден 66-й премией Ёмиури за «расширение литературных границ». Последней на сегодняшней день значительной публикацией Каваками является сборник новелл-*сё:сэцу* «Оокина тори-ни сараварэнай ё» (яп. 大きな鳥に攫われないよう, «Берегись большой птицы», 2016), который был награжден 44-й литературной премией имени Идзуми Кёка.

Практически все перечисленные работы объединяют тематика, стиль повествования и написания, характерные для творчества Каваками Хироми. Рассматриваемые ею темы в той или иной степени всегда включают женщину: женский быт, отношения, положение женщины в гендерных отношениях. Стиль написания Каваками во многом повторяет черты других знаменитых писателей, как западных, будь то Льюис Кэрролл (1832–1898), так и японских, например, Ёсимото Банана 吉本ばなな (р. 1964). Несмотря на феминистическую направленность творчества, Каваками через свои работы часто общается с читателем в очень дружелюбной и ненавязчивой манере, что делает её литературу доступной для читателей всех полов и возрастов.

Вопреки новаторскому характеру творчество Каваками во многом сохраняет черты, характерные для мировой литературы постмодернизма, из которых в особенности стоит выделить нелинейность повествования, особое внимание к психологическому аспекту описания персонажей, а также частое обращение к методу мистического реализма, для которого характерны наличие сюрреалистической атмосферы в произведениях, а также инкорпорация мифологизмов в структуру повествования (Хронопуло 2012). То, что действительно выделяет творчество Каваками среди большинства других постмодернистских произведений — это активное задействование образов «мистических наставников», которые будут в подробностях рассмотрены далее.

Судя по развитию сюжета большинства произведений автора, можно предположить, что Каваками во многом воспринимает феминистическую идею обретения женщиной самостоятельного счастья как процесс, сродни переживанию психологической травмы — долгий, болезненный, но в конечном счете вознаграждающий. Это, впрочем, не стоит воспринимать как мысль дословную:

мужчины в произведениях Каваками хоть и являются людьми слабыми и полными недостатков, часто являясь источником бед для героинь, но все же людьми, со своими личными переживаниями и отрицательными сторонами характера. Под «травмой» Каваками, скорее, подразумевает именно сам процесс потери человека. Женщины в её произведениях часто мирятся с потерей своего мужчины практически на протяжении всего произведения, проходя уже упомянутый болезненный путь (Нумано 2003).

Однако, что также немаловажно, конечная цель героинь Каваками заключается не только в отторжении мужчины как «травмы» прошлого, но и в построении своего собственного «настоящего» — особого пространства, где они могут продолжать существовать в гармонии с собой. И проводниками в эти пространства выступают вышеупомянутые «мифические проводники», которые в большинстве своем принимают вид какого-либо японского фольклорного или мифологического существа.

Переходя непосредственно к произведениям, рассмотрим, как данные тенденции проявляются в первом анализируемом рассказе, «Рюгу» (яп. 龍宮, «Дворец Морского Царя», 2003). Героиня данного рассказа на протяжении всего произведения повествует о знакомстве со своим предком — прабабушкой по имени Ито[2]. По мере того, как прабабушка рассказывает о своих похождениях и крайне аморальных поступках, читателю становится понятно, что все вышеупомянутое знакомство представляет собой метафорический процесс принятия героиней своего, вероятно, крайне травматического прошлого, и, соответственно, самой себя. Прабабушка в данном примере и выступает вышеупомянутым проводником, и хоть и не напрямую, но позволяет героине встать на путь здорового принятия себя и создания собственной счастливой жизни, не испорченной ошибками прошлого. Концовка может быть интерпретирована по-разному. С одной стороны, «путь на Восток» (Каваками 2003, с. 329), который выбирает героиня, может означать, что она так и не почерпнула ничего из опыта своей бабушки, и в дальнейшем обречена лишь повторить её судьбу. Однако учитывая общую направленность творчества Каваками, вероятен и тот ход развития событий, где героиня хоть и проходит снова путь своей бабушки, но уже с новым взглядом, обходя травматические паттерны прошлого стороной. И хотя само явление создания «индивидуального и независимого любовного пространства», упомянутого ранее, здесь не так выражено, как например в некоторых других рассматриваемых произведениях, тот факт, что пространство в границах которого происходят события рассказа уже само по себе является своеобразным «мистическим пузырем», в котором фольклорные образы и существа существуют наряду с обычными людьми, а время течет в отличном от реального ключе, позволяет провести некоторые параллели. «Предок в образе фольклорного персонажа помогает главной героине преодолеть тяжелый жизненный период» — самая выразительная из них. Концовка произведения изображает крайне символическую картину: героиня берет Ито на руки, и начинает

[2] Ито соответствует легендарному образу пророчицы и дочери морского царя.

кормить её грудью, тем самым становясь одним целым как с ней, так и со своим прошлым.

В некотором роде похожую историю представляет следующий рассматриваемый рассказ, «Пасутамасин-но юрэй» (яп. パスタマシンの幽霊, «Призрак лапшерезки», 2010). Аналогичным образом он содержит в себе сомнительного происхождения бабушку, а точнее её призрак, наставляющий героиню искусству кулинарии, тем самым помогая ей преодолеть разрыв с уже бывшим молодым человеком. Создание своего пространства и обретение независимого счастья в этом рассказе проявляется даже не столько в символическом смысле, сколько в буквальном: Юико, протагонист произведения, никак не может покинуть квартиру своего бывшего, и из раза в раз в неё возвращается, как будто неспособная отпустить эту часть своей жизни и перейти к следующей. Столик с обогревом *котацу*, который являл собой основной предмет интерьера этой квартиры, за которым её бывший молодой человек «ел, чистил зубы, трахался со мной, спал и готовился к началу дня» (Каваками 2010, с. 53), символизировал своеобразный эмоциональный якорь, или даже травму, которую Юико никак не могла преодолеть. Призрак умершей бабушки, выступая, опять же, в классическом для творчества Каваками образе мистического ментора, помогает ей осознать никчемность своего мужчины, и, переехав в новую квартиру, создать собственное персональное пространство, где она может продолжать строить свою жизнь, уже без паразитического псевдобойфренда (Барт 2015).

Вышерассмотренные произведения представляют собой лишь небольшие рассказы *тампэн сёсэцу* 短編小説, тогда как в репертуаре Каваками Хироми также имеются и намного более объемные и комплексные работы, к которым мы и перейдем далее. Обратимся, например, к роману «Манадзуру», одному из самых читаемых произведений писательницы, и также одному из тех немногих, что были переведены на русский язык.

Главная героиня, Кэй, пытается оправиться от потери своего мужа, который бесследно исчез уже как десять лет с начала повествования. Душевные терзания приводят её в небольшой прибрежный городок Манадзуру, в котором и происходят основные события произведения. Проводя параллель с предыдущими примерами, можно сказать, что Манадзуру как пространство представляет собой некоторую смесь характеристик мира «Рюгу» и кухни с *котацу* из «Пасутамасин-но юрэй»: это одновременно и мистическое пространство, которое следует лишь своим собственным законам, и своеобразный психологический якорь, который удерживает героиню от эмоционального развития в лучшую сторону. Во время визитов в Манадзуру, героине являются мистические существа, и в частности, призрак давно умершей женщины, которая начинает завлекать героиню обещаниями о долгожданном воссоединении с мужем. Однако отношения Кэй и призрака умершей женщины на начальной их стадии тяжело назвать менторскими или хотя бы эмоционально здоровыми: призрак выступает скорее неким соблазнителем, эмоциональными манипуляциями толкающим

героиню все глубже и глубже в состояние полной одержимости идеей воссоединения с исчезнувшем мужем. Их отношения приобретают новую окраску лишь со временем, когда оба персонажа под влиянием друг друга обретают если не мир, то хотя бы некое подобие смирения с их положением: Кэй смещает жизненный фокус с мужа на своих дочку и маму — ту семью, которая у нее еще осталась, в то время как призрак, предположительно обретя покой, прекращает ей являться.

Оба персонажа предлагают довольно интересный взгляд на неомифологические архетипы творчества Каваками. Фольклорный менторский образ тут является не всезнающим и мудрым существом, наставляющим героиню, а, по факту, такой же несчастной брошенной женщиной, проходящей путь лечения и преодоления нездоровых тенденций аналогичным образом (Каваками 2012). Связь призрака и Кэй в рамках данного примера можно рассматривать как своеобразное обращение автора к прошлому: помимо уже упомянутого посыла, призывающего к обретению мира в настоящем через примирение с прошлым, Каваками так же предположительно проводит параллель с японской женщиной Японии традиционной и современной, трагедии которых невероятно схожи, несмотря на большое расстояние на временной прямой.

Последнее, и, пожалуй, самое комплексное и «многослойное» произведение, рассматриваемое в рамках данной работы, это роман «Суйсэй». Аналогичным образом произведение исследует явление женской травмы, но уже с совершенно другой, намного более многосторонней точки зрения.

Главная героиня «Суйсэй» находит себя на крайне неопределенном этапе своей жизни: отсутствие подобающей фигуры отца, смерть матери и неоднозначные отношения с младшим братом вынуждают её вернуться в уже давно оставленный и заброшенный дом детства, где героиня принимается за контемпляцию и тщательный анализ своего прошлого и настоящего (Kristeva 1989). Читатель в этот момент вынужден столкнуться с огромным и запутанным потоком детских воспоминаний и самоанализа героини, который в конечном итоге позволяет ей понять, что именно ей надо сделать, чтобы вновь ощутить счастье и любовь. В качестве неомифологической фигуры наставника в этом романе выступает призрак умершей матери героини, коммуницирующей с ней через пространство сна (Каваками 2017). Однако «наставником» её мать выступает лишь номинально, не напрямую говоря, что необходимо сделать, а лишь в отстранённой манере простыми разговорами направляя её на путь истинный. Независимое любовное пространство в романе проявляется в аналогичной манере с «Призраком лапшерезки»: имеется дом детства героини, выступающий в качестве травматического прошлого и эмоционального якоря, и собственная семья героини, создать которую она решается, лишь преодолев травму отсутствия отца и стыд за любовные чувства к собственному брату (Борькина 2020).

Таким образом, пространство, которое создают для себя героини произведений Каваками Хироми, является репрезентацией психологического кризиса и

непосредственным результатом бесконечной внутренней борьбы против травматических тенденций прошлого каждой японской женщины. Писательница видит процесс обретения «современного женского счастья» через диалог с травмами прошлого, которые символически представлены в её произведениях в виде фольклорных традиционных образов. Выражение «призраки прошлого» в этом случае стоит воспринимать буквально: это не только буквальная репрезентация уже устаревших культурных понятий и установок, но и все то женское несчастье, которому в новом времени уже нет места.

Список использованных источников и литературы

Барт Р. Фрагменты любовной речи. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.

Борькина А.Ю. «Женский голос» и «персональный миф» в романе Каваками Хироми «Голос воды» // ЯПОНИЯ XXI NOVA: эра и век. Исследования российских и зарубежных учёных, посвящённые наступлению девиза годов Рэйва. Спб.: «Art-Xpress», 2020. С. 471–484.

Каваками Хироми. Дворец морского царя / Пер. с японского В. Мазурика. // Теория катастроф. Современная японская проза. / Пер. с японского. М.: Иностранка, 2003. С. 311–332.

Каваками Хироми. Манадзуру / Пер. с японского Л. Мироновой. СПб.: Гиперион, 2012.

Каваками Хироми 川上弘美. Пасутамасин-но юрэй パスタマシンの幽霊 [Призрак лапшерезки] // Пасутамасин-но юрэй. Токио: Синтёся, 2010. С. 49–62

Каваками Хироми 川上弘美. Суйсэй 水声 [Голос воды]. Токио: Бунгэйсюндзю, 2017.

Нумано Мицуёси. От литературы «J» к литературе «W». Некоторые тенденции современной японской литературы // Теория катастроф. Современная японская проза / Пер. с японского. М.: Иностранка, 2003. С. VII–XXIV.

Хронопуло Л. Ю. Проблема социальной изоляции в произведениях японских писателей конца XX–начала XXI в. // Проблемы литератур Дальнего Востока, Том 3. СПбГУ, 2012. С. 291–299.

Birnbaum P. Modern Girls, Shining Stars, the Skies of Tokyo: 5 Japanese Women. Columbia University Press, 1999.

Kristeva J. Black sun: Depression and melancholia. Columbia University Press, 1989.

Денисова Дарья Михайловна
студентка 4 курса филологического факультета
РУДН[1]

Концепт города в романе «Песнь о бесконечной тоске» (1995 год) Ван Аньи

Данная статья посвящена изучению художественных принципов описания Шанхая в романе Ван Аньи. В предисловии к роману отмечается, что в этой книге «Шанхай – не место действия, а подлинный герой романа (не случайно у него даже есть свое имя – Город (далее с заглавной буквы))» [Семенюк, 2015: 4]. Следовательно, для читателей Город играет конструктивную роль благодаря детализации и бытописанию.

Термин «концепт», несмотря на его частое употребление, не является свидетельством того, что он может быть использован в универсальном значении. Хотя данное понятие уже прочно вошло в речевой обиход, общепризнанного точного определения учёные-лингвисты до сих пор так и не выделили. Отсутствие устойчивого истолкования влечёт за собой детальное определение концепта в чётких рамках лингвистических исследований. Однако считается, что это основная ячейка культуры в ментальном мире человека, которая позволяет взглянуть на картину мира, свойственную той или иной культуре. Ю.Е. Прохоров рассматривает концепт, включающий в себя свойства, которые являются первостепенными для различных научных сфер: «Концепт – сложившаяся совокупность правил и оценок организации элементов хаоса картины бытия, детерминированная особенностями деятельности представителей данного лингвокультурного сообщества, закрепленная в их национальной картине мира и транслируемая средствами языка в их общение» [Кузнецова, Петрулевич, 2018: 213].

Для создания языковой картины мира, в речи отображается характерный для данного народа взгляд на мир. Каждый определённый язык включает в себя самобытную концепцию, которая определяет мировоззрение носителей. Концепт формируется речью (не в области грамматики, а в области души, вместе с её ритмами и энергией). Прохоров Ю. Е. замечает, что «речь рассматривается как игра ассоциаций, а концепт – есть поле распространенных в пространстве суггестивных знаков» [Прохоров, 2016: 24].

Человек, как прямое проявление языковой личности, живя в социуме, является обладателем определённой ментальности языка. В статье Сомова М. В. упоминает об идиостиле – «системе содержательных и формальных лингвистических характеристик, присущих произведениям определенного автора» [Сомова, 2019: 335]. Благодаря этому

[1] Научный руководитель — к. ф. н., ст. преп. Игнатенко А. В.

приёму авторский способ выражения повествования становится оригинальным, насыщенным и уникальным.

В статье Кузнецова А.В. и Петрулевич И. А. «Концепт города: код культуры и нарратив» говорят о том, что «концепт города имеет структурные уровни: интуитивный, символический, дискурсивный» [Кузнецова, Петрулевич, 2018: 215]. Концепт города универсален и национален единовременно. Опыт предков накладывает определённый отпечаток на мировосприятие людей, живущих в настоящее время. Благодаря этому, они могут сравнивать, анализировать всё и закреплять в своей памяти, интерпретируя сущность бытия и различных событий.

Роман представляет собой попытку передать дух Шанхая на протяжение четырёх десятилетий (с 1945 по 1986 года). Детские годы писательницы, как и отрочество, прошли в переулках (кит. лунтан, lòngtáng 弄堂 – особый тип городских кварталов) Шанхая, и именно он впоследствии стал источником её творческих порывов. Образ «старого Шанхая» описан Ван Аньи довольно искусно. Даже ни разу не побывав в этой «модной» столице Китая, читатель чётко и ясно рисует себе его закоулки, узкие улочки, всё плоть до мельчайших нюансов. Ван настолько мастерски описывает повседневную жизнь Города, детализируя и подробно описывая, что он буквально оживает у нас на страницах. Так, в её романе лунтаны являются фоном Города (кит. 它是这城市背景一样的东西 [王安忆, 1995: 1]), где разворачиваются все события.

Город существует в произведении будто бы в двух мирах: фантастичном и реальном. Ван Аньи пишет, что «Шанхайские лунтаны чувственно влекут человека, кажется, они близки тебе как собственная кожа» (кит. 上海的弄堂是性感的，有一股肌肤之亲似的 [王安忆, 1995: 3]), наводит нас на мысли о том, что герои, равно как и читатели, сливаются с этим Городом, чувствуют его нутром и понимают, чем он живет и дышит. Они становятся единым целым. Однако, с другой стороны, автор пишет о том, что «лунтаны являют собой картину довольно неприглядную…» [Семенюк, 2015: 27] (кит. 上海的弄堂真是见不得的情景 [王安忆, 1995: 5]) из-за его сплетен и слухов, в которые Город погружён с головой.

Слухам Города отведена отдельная глава в книге. Именно из слухов, обрывков каких-то разговоров человек узнаёт о том или ином месте достаточно подробно. «Сколько в городе переулков-лунтанов, столько в нём и слухов» [Семенюк, 2015: 27] (кит. 这城市 的弄堂有多少，流言就有多少 [王安忆, 1995: 6]). Слухи могут разрушить даже самую крепкую репутацию, при этом они могут быть ничем не обоснованы, и тем более, не подтверждены фактами. Для китайца самое страшное – лишиться своего достоинства и чести (кит. yánmiàn sǎodì 颜面扫地). Люди пытаются найти что-то «настоящее» в сплетнях, отсюда и уходит боязнь жить, а приходит смелость и мужество. «И всё же – истинное сердце Города нужно искать только в слухах» (кит. 然而，这 城市里的真心，却惟有到流言里去找的 [王安忆, 1995: 8]). Несмотря на всю его пышность и шикарность, суть его остаётся приземлённой и ничтожной, скорее даже

вульгарной и пошлой. Слухи всегда идут своей дорогой, а из-за того, что мы с ними находимся на одной земле, наши пути рано или поздно переплетутся, да так, что они могут сбить нас с ног.

Никто бы никогда не смог себе предположить, насколько можно воспеть голубей, буквально «вознести их до небес». Тем не менее у Ван Аньи это великолепно получилось. «Голуби – душа Города» (кит. 鸽子是这城市的精灵 [王安忆, 1995: 16]). Если подумать, то птицы – это единственные существа, которые могут видеть мир по-настоящему: и с высоты своего полёта, и на уровне человеческих ног. Нам с вами не дано увидеть город под разными углами зрения, голуби же знают самые потаённые его места. Автор говорит о том, что людям настолько неинтересно наблюдать за всем тем, что их окружает, что они убеждены в том, что все происходящее вокруг предельно ясно, оттого они даже не в силах себе вообразить, насколько всё может быть иначе. Голуби видят и подмечают всё вокруг себя: и моменты счастья и радости, и минуты разлуки, и мгновения горя. Ван приписывает голубям звание божества, ведь только им одним ведомы чудеса, творцами которого они являются.

Таким образом, мы приходим к выводу, что концепт города не сводится к отдельному определению, а демонстрирует своё сложное формально-смысловое образование. В данной статье были упомянуты лишь лунтаны, слухи и голуби в романе Ван Аньи «Песнь о бесконечной тоске» (I часть, стр. 21-45), но это далеко не всё грани Города. При детальном рассмотрении романа можно увидеть противопоставления, которые делает автор в описании Города и тем, как его ощущают герои. Из этого следует признать Город полноправным героем повествования, ибо без него было бы трудно понять картину описания. В произведении речь идёт не просто рассказ о городе, как о месте, где происходят история, а он является отражением внутреннего мира автора, пронизанным печалью и тоской прошлых лет.

Список использованной литературы

Ван Аньи. Песнь о бесконечной тоске; пер. с кит. М. В. Семенюк, 2015. 557 с.

Кузнецова А. В., Петрулевич И. А. Концепт города: код культуры и нарратив. Журнал «Вестник АГУ». Выпуск №4 (229), 2018.

Прохоров Ю. Е. В поисках концепта. М.: Флинта: Наука, 2008. 176 с.

Семенюк М. В. Мираж и реальность в романах Ван Аньи о Шанхае, Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2014. № 2.

Сомова М. В. Концепт вино в русской языковой картине мира и в идиостиле В. С. Высоцкого. «Лингвистика XXI века»: сб. науч. ст. Выпуск №3, 2019. 943 с.

王安亿 著. 长恨歌, 1955. 430 с.

Дивеева Ирина Олеговна
студентка 3 курса Института международных отношений
Казанского (Приволжского) федерального университета[1]

Исследование древнего этноса хуася в России на современном этапе

Проблема образования государствообразующего китайского этноса 华夏 (huaxia) в последние десятилетия вызывает огромный интерес не только у западных синологов, но и у российских китаеведов. Однако, несмотря на значительный объем научных трудов, современные исследователи столкнулись с сомнительно спорными выводами своих предшественников.

Согласно историческим записям и археологическим открытиям, народ хуася был первым жителем бассейнов рек Хуанхэ и Янцзы и являлся предшественником национальности хань. В исторических источниках и литературе также можно встретить такие названия, как «хуа», «чжухуа», «ся», «чжуся» и «чжунся», а также проследить историю формирования и развития данных народов с упором на мифологические предания (M. Loewe, 1999, p. 57). Однако, в современной науке все чаще становится некорректным делать выводы, опираясь только на древние предания и мифы, которые были несколько раз переписаны и, соответственно, искажены.

Так, главной целью многих исследователей является поиск четких и объективных данных, а не манипулирование устаревшими данными, как это было популярно в XVIII в., когда стартовала деятельность российского китаеведения в ходе деятельности Российской духовной миссии. Кроме того, исследователи того времени делали акцент на глубокое изучение Китая, в первую очередь, с исторической точки зрения. В XIX — начале XX в. в китаеведении преобладало изучение истории литературы и религий, устойчивого же исследования истории Древнего Китая так и не сложилось, хотя отдельные труды по этой теме уже начали появляться (Чжан Бин, 2018, с. 195).

Так, Октябрьская революция 1917 г. и распад СССР в 1991 г. стали ключевыми событиями, повлиявшими на исследования российских китаеведов в последующие года. С одной стороны, российское китаеведение испытало колоссальный удар, оказавшись на спаде, а с другой стороны, перешло на новый уровень, так как перед исследователями возникли новые задачи, например, уделять особое внимание исследованию древнего Китая. (Чжан Бин, 2018, с. 199).

Однако, после революции не было ни научных школ, ни специалистов по истории «традиционного Китая», решать задачи изучения прошлого этой страны в академическом ключе было некому. Работы обществоведов-китаистов о древности являлись вторичными по отношению к трудам западных и китайских специалистов, а

[1] Научный руководитель —доктор исторических наук, профессор Д. Е. Мартынов.

их выводы основывались не на тщательном анализе данных письменных источников, проведённом с помощью специальных методов, а на теоретических выкладках истмата и носили исключительно обществоведческий идеологизированный характер.

В середине XX в. главной задачей ученых является поиск объективных данных, а не манипулирование цитатами из китайских исторических источников, которые зачастую соотносятся с мифическими правителями «династии Ся». Однако все равно вместо того, чтобы описать известные в науке данные, многие научные деятели продолжают упоминать мифических правителей Яо, Шуня и др., говоря о них то как о культурных героях, то как о реально правивших государях древности. (Чжан Бин, 2018, с. 201). А уже полученные на тот момент данные о догосударственной истории — известные уже тогда археологические находки палеолита, неолита и бронзового века — оказались вне сферы их внимания. Например, не было упомянуто государство Шан-Инь, а само изложение истории начинается с кратких упоминаний о периоде Западное Чжоу (1027–771 гг. до н.э.). Более подробный рассказ охватывает периоды поздней древности, например, Цинь или Западная Хань. (Chang 1985, p. 289).

И хотя уже в то время китайскими археологами были организованы многие археологические раскопки в крупных исторических районах, например, г. Анъян, г. Чэнцзый и др., отсутствие в СССР академической школы привело к тому, что китаеведы долгое время не могли воспользоваться этими археологическими данными. (Деопик, Ульянов 2014, с. 98).

Позднее в 90-х гг., в ходе огромных перемен политической ситуации и открытия исторических архивов многие российские учёные-китаеведы продемонстрировали новаторский подход к исследованиям исторических особенностей. Ключевым моментом становится создание Института Дальнего Востока РАН в 1966 г., где основными направлениями исследований стали комплексное изучение Китая и его истории. Однако, все равно в начале XXI в., белые пятна в исследованиях истории Китая всё же оставались не заполненными до конца. Многие темы были ещё недостаточно исследованы. В целом был сделан акцент на исследование истории отечественного китаеведения и работы более ранних лет. (Чжан Бин, 2018, с. 202).

Безусловно, не следует идеализировать прошлое, так как это важно с точки зрения учета ошибок прошлых лет. Поэтому сейчас необходимо корректировать выводы многих обобщающих трудов, поскольку отражённые в них базовые представления о древности, например, периодизация, набор культур, определение пространственных и временных границ — постоянно уточняются. Так, на современном этапе ученые стремятся проводить исследования в комплексе: учитывать новейшие данные не только археологии, но и распространения языков, расселения народов и антропологических классификаций. (Деопик, Ульянов 2009, с. 142).

Создать такую модель в настоящее время значительно легче, чем 30 или 50 лет назад, в силу того, что территория современного Китая ныне раскопана уже в достаточной степени. С середины 80-х гг. XX в. стараниями китайских археологов в

науку введён огромный массив новых материалов, принципиально возросла степень «раскопанности» всех областей совр. КНР, что значительно повлияло на современные представления о прошлом Китая не только у зарубежных, но и российских ученых. (Чжан Бин, 2018, с. 198).

Однако доступность информации и наличие технических средств не только открывают новые возможности, но и порождают новые задачи, которые сопряжены с отбором, систематизацией и осмыслением большого объёма данных. Для этого необходимо использование специальных методов исследований и теоретических положений.

Анализ содержания исторических и этнических процессов в древней Восточной Азии на современном уровне развития науки невозможен без представлений о геоморфологическом процессе формирования Великой равнины. Он очевиден для геологов и географов, но редко учитывается археологами и историками, хотя представления о нём были введены в научный оборот ещё в середине 60-х гг. Учёт этих обстоятельств является ключевым для изучения особенностей исторического формирования и развития этноса хуася, его социальных, экономических, культурных, этнических, а с появлением государства — и политических процессов (Loewe 1999, p. 113).

Уточнение временных границ археологической культуры и этапов ее существования, разработка современной периодизации также очень важны на современном этапе, поскольку использование в литературе устаревших понятий начала XX в., основанных на мифологии, значительно затрудняют осмысление и систематизацию нового материала.

Кроме того, современна наука опровергает выделение этноса хуася как единственного цивилизационного этноса, развитие которого постепенно привило к созданию целого государства. Многие исследователи рассматривают данный этнос уже в совокупности с общностью аустрических народов, которая является не менее значимой. Данная народность также представляет собой довольно богатую и развитую самобытную культуру. (Деопик, Ульянов 2014, с. 99).

Так как проблема изучения этноса остается актуальной и в наше время, многие китаеведы разработали множество современных методов и подходов. Например, одной археологической культуре соответствует один «народ» или его чем-то отличающаяся часть. Так, хуася присущ свой набор сосудов, который составляет керамический комплекс. Комплексы различных культур всегда имеют значительные отличия, они и составляют «этно-керамические» признаки отдельных народов. Существует и преемственность культур в керамике в пределах одного или нескольких соседних аграрных очагов. Таким образом, изучая различные аграрные очаги, которые имеют общие формы сосудов, мы можем изучать межэтнические взаимодействия хуася с другими народами, выделить как отличительные особенности, так и схожие

детали в той или иной сфере, которые были переняты ими в ходе взаимодействия. (Деопик, Ульянов 2009, с. 146).

Таким образом, благодаря изучению различных «этно-керамических» общностей, становится определенно ясно, что народы хуася, представляющие собой мощнейший этнос, в совокупности с северными группами аустрических народов создали уникальную «двуединую» империию, в условиях полного отсутствия соседей-государств. Удивительно, что, во-первых, аналога такой империи нет в истории ни одного из государств мира, а во-вторых, она продолжает существовать и по сей день на протяжении столько длительного времени. Благодаря удивительным культурам, активным политическим взаимодействиям, социальным и религиозным структурам, были созданы первые, но могущественные государства Шан и Чжоу, где зарождались и развивались богатая хуаская культура, религия, обычаи и традиции, которые, не смотря на активные взаимодействия с южными народами, имели свои яркие особенности (Сунь Хаохуэй 2016, с. 211).

Поэтому очень важно проводить глубокие исследования в данной сфере, опираясь прежде всего на археологическую, этническую, геоморфологическую науки, которые на современном этапе хорошо развиты и способны дать более точные данные о формировании того или иного народа. Безусловно, изучение исторических источников и литературы является важной частью во многих исследованиях, однако все чаще они играют второстепенную роль в силу многих нюансов: искажение фактов, мифичность и неоднократная перепись данных.

Список использованной литературы:

Деопик Д.В., Ульянов М.Ю. Основные этапы исторического процесса в регионе Восточная Азия в IX–I тыс. до н.э. // Научная конференция Ломоносовские чтения. Апрель 2009. Востоковедение. Тезисы докладов. М., 2009.

Деопик Д.В., Ульянов М.Ю. От «двуединой археологической культуры» к «двуединой империи». // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции. М., 2014.

Чжан Бин. Исторический очерк российского китаеведения. // Общество и государство в Китае. М., 2018.

The Cambridge History of Ancient China. From the Origins of civilization to 221 D. C. / Ed. by M. Loewe, L. Shaughnessy. New York. 1999.

The Archaeology of Ancient China. / Ed. by K. C. Chang. New Heaven. 1985.

Сунь Хаохуэй 孙皓晖. *Чжун го юань шэн вэнь мин ци ши лу* 中国原生文明启示录 (Апокалипсис исконной китайской цивилизации). Пекин: *Чжун синь чу бань цзи туань* (издательство CITIC Press), 2016.

Зайцев Владислав Олегович
студент 3 курса кафедры Тихоокеанской Азии
Дальневосточный федеральный университет[1]

Столкновение интересов Китая и Вьетнама в Южно-Китайском море

Парасельские острова (кит. Сиша Цюньдао, вьетн. Quần Đảo Hoàng Sa- Хоангша) и острова Спратли (кит. Наньшацюндао, вьетн. Quần Đảo Trường Sa- Чыонгша) расположены в Южно-Китайском море у берегов Вьетнама, Китая и Филиппин. Площадь территории островов равна 10 км^2. Однако за последние 50 лет территориальный спор в ЮКМ стал очагом конфликта регионального масштаба.

Причин для конфликта несколько, среди них можно выделить следующие: во-первых, это стратегическое положение островов, вблизи которых проходят крупнейшие морские транспортные пути, соединяющие между собой Европу и Азию. Та страна, которая получит полный контроль над всеми островами, будет играть доминирующую роль не только в Юго-Восточной Азии, но также и в Северо-Восточной, в которой располагаются одни из крупнейших мировых экономик: Япония, Южная Корея и Китай. Следующие цифры дают наглядный пример, почему острова занимают крайне выгодное географическое положение: ежегодно через Южно-Китайское море проходит свыше 40000 судов и осуществляется до 80% импорта сырой нефти в Японию, Южную Корею, Тайвань и Китай.

Следующая причина связана с энергетическими запасами региона. Не так давно здесь были найдены крупные запасы нефти и газа, которые по подсчётам некоторых экспертов являются одними из крупнейших в Азии. По самым скромным оценкам запасы нефти в районе островов достигают примерно 28 млрд. баррелей (по подсчётам геологической службы США), а газа- 27 трлн. куб. м. (согласно китайским учёным). Таким образом, можно сделать вывод, что, обладая такими большими ресурсами, страна может сможет получить энергетическую независимость. Поэтому неслучайно очень многие страны борются за контроль над островами.

В данной связи необходимо дать некоторую историческую справку конфликту. Территориальный спор берёт начало ещё с глубокой древности, однако перешёл в активную стадию после Второй Мировой войны. После 1974 года, когда Китай аннексировал Парасельские острова, произошёл переход конфликта в латентную стадию, пока в 2009 года Вьетнам не предоставил в ООН доклад «Доклад о расширении континентального шельфа СРВ за пределы 200-мильной исключительной экономической зоны», где обосновал претензии на Парасельские острова и острова Спратли. С тех пор, происходила несколько раз эскалация конфликта с участием кораблей береговой охраны Вьетнама и Китая. Если рассматривать недавние события,

[1] Научный руководитель — к. полит. н. Иван Николаевич Золотухин.

в 2019 г. китайские военные корабли проводили боевые учения в районе Парасельских островов, а в начале апреля 2020 г. китайские корабли береговой охраны потопили вьетнамское рыболовное судно.

Чтобы понять, почему конфликт до сих пор далек от разрешения, необходимо рассмотреть его с трёх плоскостей. Первая плоскость-политическая. Ситуация вокруг спорных территорий в ЮКМ проецируется Пекином и Ханоем как угроза региональной безопасности, хотя каждая из сторон воспринимает безопасность через призму национальных интересов. Для Пекина безопасность означает китайский суверенитет над островами [1], что сопряжено с планами Китая по реализации «Морского шёлкового пути» и усиления своего экономического и геополитического влияния в ЮВА, чего опасается Вьетнам. Помимо этого, Пекин активно сопротивляется концепции «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», которую выдвинули США.

Вторая плоскость- международно-правовая или конвенциональная, поскольку с точки зрения Вьетнама действия Китая идут в разрез с положениями Конвенции ООН по морскому праву (1982 г.) и Декларации о поведении сторон в ЮКМ (2002 г.), предусматривающими мирное разрешение территориальных противоречий, на чем Вьетнам активно настаивает. Кроме того, Вьетнам делает ставку на Региональный форум АСЕАН (АРФ) и Совет безопасности ООН, где в этом году Вьетнам является непостоянным членом. Поэтому в начале этого года многие российские эксперты были уверены, что Вьетнам будет активно продвигать свои интересы и выступать за интернационализацию конфликта, стремясь сдержать «натиск Китая» в регионе.

Ну и, наконец, третья плоскость-дипломатическая, которая обусловлена нежеланием дипломатических ведомств двух стран идти на уступки друг другу. Стремление Китая к безопасности не согласуется со стремлением Вьетнама опираться на существующие международные договоры.

Данный подход Вьетнама обусловлен, в первую очередь, высокой степенью политизации вьетнамского общества, поскольку с 2008 года во Вьетнаме было около 6 массовых протестов, имеющие ярко выраженную антикитайскую направленность. В 2018 году протесты произошли на фоне закона о Специальных экономических зонах (СЭЗ), согласно которому иностранные фирмы в этих особых зонах получали большое количество привилегий, где был усмотрен китайский подтекст. Активно на настроения вьетнамского народа влияют и вьетнамские СМИ, которые придерживаются позиции официальных вьетнамских властей. Другим же катализатором антикитайских настроений во Вьетнаме являются инструменты «мягкой силы» Здесь стоит особое внимание уделить внутриполитической ситуации во Вьетнаме и Китае. И, в первую очередь, надо сказать о том, как конфликт отражён в китайских и вьетнамских СМИ. Исследуя недавние публикации, удалось проанализировать, что, в целом, ту позиция, которую занимают внешнеполитические ведомства стран, совпадают с тем, что пишут о конфликте в различных информагентствах. Так, одна из крупнейших газет Вьетнама

«Nhân dân» в своих последних публикациях пишет о том, что Вьетнам настроен на мирный диалог и решительно выступает против действий Китая.

Помимо протестных движений во Вьетнаме активно используются инструменты «мягкой силы». За последнее время вьетнамские газеты опубликовали несколько статей о проводимых в разных частях страны фотовыставок, посвящённых Восточному морю (вьетнамское название Южно-китайского моря). Одной из них стала фотовыставка «Родное море», которая открылась в Ханое 30 августа 2019 года, которая была посвящена деятельности Вьетнама на островах Чыонгша. За последнее время можно сказать, что Вьетнам всё активнее стал прибегать к инструментам «мягкой силы», поскольку это далеко уже не первая подобная выставка. Так, фотовыставки проводились ещё в ряде других городов и провинций Вьетнама, включая провинции Тхайбинь, Биньтхуан и Баклиеу.

Сдерживающим фактором периодически вспыхивающего и затухающего территориального конфликта остаются тесные взаимоотношения между Китаем и Вьетнамом, однако, нарастание тенденций геополитической неопределённости в мировом масштабе, в том числе и из-за пандемии коронавируса, которая является неким «чёрным лебедем» делает перспективы его решения менее радужными, а ситуацию вокруг него более напряженной.

Однако за последние полгода, которые прошли со времени инцидента в Южно-Китайском море с участием корабля береговой охраны Китая и вьетнамского рыболовецкого судна, ситуация стала постепенно возвращаться в прежнее русло. Так в июне премьер-министр Вьетнама Нгуен Суан Фук принимал представителей китайских деловых кругов, а 21 июля член Политбюро, Вице-премьер, Министр иностранных дел Вьетнама Фам Бинь Минь и член Госсовета Китая, Министр иностранных дел Китая Ван И сопредседательствовали на 12 заседании конференции Руководящего комитета по двустороннему сотрудничеству между Вьетнамом и Китаем, который прошёл в формате видеосвязи. В ходе переговоров стороны договорились о взаимной помощи друг другу в борьбе с COVID-19, а также о двусторонних визитах тогда, когда ситуация с пандемией стабилизируется. Несмотря на то, что Министр иностранных дел Вьетнама Фам Бинь Минь выразил обеспокоенность по поводу недавних событий в Восточном (Южно-Китайском море), стороны тем не менее согласились следовать всем нормам международного права, включая и Конвенцию ООН по морскому праву 1982 года, Декларацию о правилах поведения сторон в Южно-Китайском море, а также способствовать разработке Кодекса поведения в Южно-Китайском море, которые вступили во второй раунд переговоров.

На фоне активных переговоров между Китаем и Вьетнамом, США попытались снова накалить обстановку вокруг спорных островов. В середине июля этого года госсекретарь США Майк Помпео попытался «подлить масла в огонь», назвав притязания Китая на суверенитет в Южно-Китайском море незаконными. Помимо этого, США активизировали свою деятельность в акватории ЮКМ. Только с начала

июля Соединённые Штаты уже дважды провели военные учения в регионе с участием двух авианосцев, тем самым расшатывая мир и стабильность в регионе.

Подводя итог рассуждениям выше, можно с некоторой доли уверенности сказать, что, во-первых, причины самого конфликта кроются в географическом положении региона и его энергетических запасах. Во-вторых, стороны рассматривают конфликт с разных плоскостей. Во-третьих, нерешённость конфликта во Вьетнаме обусловлена ярко-выраженной антикитайской направленностью, которая активно подогревается в СМИ и при помощи «мягкой силы». В-четвёртых, на исход конфликта оказывают большое значение «чёрные лебеди» (в данном случае, пандемия коронавируса вызвала очередной виток эскалации в регионе). Ну и, наконец, внерегиональные акторы пытаются повлиять на характер взаимоотношений в регионе.

Пока можно ли сказать, что несмотря на апрельский инцидент, Китай и Вьетнам не заинтересованы в обострении ситуации в ЮКМ, сохраняя приверженность принципам всестороннего стратегического партнерства и укрепления двустороннего сотрудничества. Однако, с другой стороны, последующее нагнетание обстановки вокруг территориальной проблемы на фоне повышения градуса напряженности международной среды может в будущем послужить «чёрным лебедем» регионального масштаба.

Список использованной литературы

Китай опубликовал Белую книгу о решении территориальных споров с Филиппинами в Южно-Китайском море [Электронный ресурс] // Синьхуа НОВОСТИ. Russian.News.Cn. Режим доступа : http://russian.news.cn/2016-07/13/c_135509731.htm

Российские эксперты оценили правильный шаг Вьетнама в решении проблемы Восточного моря [Электронный ресурс] // Vietnam+. Режим доступа : https://ru.vietnamplus.vn/россииские-эксперты-оценили-правильныи-шаг-вьетнама-в-решении-проблемы-восточного-моря-1336.vnp

Цветов Антон Петрович, Цветов Петр Юрьевич Общественные протесты во Вьетнаме: созревание гражданского общества или пролог «Цветной революции»? [Электронный ресурс] // Вьетнамские исследования. 2018. №3. Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennye-protesty-vo-vietname-sozrevanie-grazhdanskogo-obschestva-ili-prolog-tsvetnoy-revolyutsii

Вьетнам и Китай продолжают содействовать двустороннему сотрудничеству [Электронный ресурс] // Nhân Dân онлайн. Режим доступа : https://ru.nhandan.com.vn/chinhtri/chinhtri-doingoai/item/2414650-.html

Обострение обстановки в Южно-Китайском море не принесёт выгоды никому [Электронный ресурс] // Российская Газета RG.RU. Режим доступа : https://rg.ru/2020/07/20/obostrenie-obstanovki-v-iuzhno-kitajskom-more-ne-prineset-vygody-nikomu.html

Зинченко Алина Витальевна
магистрантка кафедры востоковедения Гуманитарного института
Новосибирского государственного университета[1]

Предпосылки становления комплекса «семи ритуалов» в системе японского чайного действа

«Семь ритуалов» (яп. *ситидзи-сики* 七事式) — это относительно новый комплекс в системе японского чайного действа, разработанный седьмым патриархом школы «Омотэ-сэнкэ» Дзёсинсаем совместно с восьмым патриархом школы «Ура-сэнкэ» Ю:гэнсаем в первой половине XVIII в. После его создания потребовалось более десяти лет на его совершенствование, поэтому церемонии комплекса стали проводиться только в середине XVIII в. одновременно в трех чайных школах: Омотэ-сэнкэ, Ура-сэнкэ, базировавшихся в Киото, и Эдо-сэнкэ, находившейся в Токио (Каваками 2004, с. 75). Если проведение комплекса в рамках школ Омотэ-сэнкэ и Ура-сэнкэ понятно исходя из того, что комплекс был разработан в их пределах, то реализация комплекса в рамках школы Эдо-сэнкэ объясняется тем, что помощь в создании ритуалов оказывал ученик Ю:гэнсая – Фухаку Каваками, впоследствии основавший собственную школу – Эдо-сэнкэ[2].

Комплекс «семь ритуалов» включает в себя следующие церемонии: 花月 *кагэцу* («цветы–луна»), 且座 *сядза/садза* («немного посидеть»), 廻り花 *мавари-бана* («цветы по кругу»), 廻り炭 *мавари-дзуми* («уголь по кругу»), 一二三 *ити-ни-сан* («один-два-три»), 茶カブキ *тя-кабуки* («чайное представление кабуки»), 数茶 *кадзу-тя* («чай для большого количества человек») (Войтишек 2011, с. 183).

В настоящий момент комплекс «семи ритуалов» представляет собой специфическую ритуализованную форму совместного чаепития и подразумевающий четко регламентированное общение между хозяином и гостями. Упрощенно эта особая форма общения называется 一会 *иккаи* (букв. «собрание», «встреча»). Ключевым фактором для понимания подобных «встреч» является то, что каждая из них может быть проведена только единожды. Мелочи, которые изменяются от церемонии к церемонии, отражают понятие мига, мгновения.

---

[1] Научный руководитель — д. и. н., проф. Е. Э. Войтишек.

[2] В настоящее время комплекс реализуется только в рамках этих трех школ и только в пределах Японии, несмотря на существование множества филиалов школ Омотэ-сэнкэ и Ура-сэнкэ за ее пределами. Несмотря на растущий интерес в Японии к комплексу «семи ритуалов» (за последние 40 лет было издано более 30 монографий, посвященных этой теме), исследования на английском и других европейских языках по данной теме отсутствуют, а в рамках отечественного востоковедения ограничиваются двумя работами — монографией проф. Е. Э. Войтишек, посвященной игровым традициям в духовной культуре стран Восточной Азии, в котором она изучает порядок проведения церемоний из цикла «семи ритуалов» в рамках японских игровых практик, и статьей А. Н. Кудряшовой, посвященной синкретизму японского чайного действа на примере «семи ритуалов».

Внешне церемонии комплекса выглядят как игровые формы чайного действа, но при детальном рассмотрении становится понятно, что они представляют собой форму ритуальной практики, включающую в себя не только отработку приемов и навыков в проведении чайной церемонии, но и получение эстетического удовольствия от самого процесса.

Поэтому логичным представляется вывод, что комплекс «семи ритуалов» несет в себе две основные функции — развлекательную и обучающую. Однако представляется, что в ритуалах заложена еще одна, не столь очевидная функция, а именно сакральная, основанная на связи комплекса с дзэн-буддизмом. При этом можно говорить о реализации этой связи на трех уровнях: первый уровень — это связь, характерная для чайной церемонии в целом; второй — связь, характерная для комплекса в целом и, наконец, третий — связь, характерная для каждой церемонии в отдельности.

Говоря об уровне связи, характерной для японского чайного искусства в целом, мы говорим о таких общих концептах как «гармония» 和 *ва*, «почитание» 敬 *кэй*, «чистота» 清 *сэй*, «покой» 寂 *дзяку*. Считается, что впервые они были сформулированы Дзюко Мурата[3], однако окончательно оформились только в XVI−XVII вв. «Гармония» — объединение гостей и хозяина на некоем метафизическом уровне, где перестают ощущаться различия между отдельными людьми; «почитание» предполагает, что участник чайного действа должен почтительно относиться к «хозяину» церемонии и остальным гостям, собравшимся в чайной комнате; «чистота» — это принцип, подразумевающий духовное и телесное очищение перед участием в чайной церемонии, чтобы в процессе чайной церемонии отринуть все земное и грязное, оставив только чистое сердце; наконец, «покой» подразумевает спокойное состояние психики и духа, необходимое для проведения чайной церемонии.

Создатели комплекса Дзё:синсай и Ю:гэнсай долгое время изучали дзэн-буддизм, поэтому они объединили комплекс «семи ритуалов» с буддийским концептом «семи внутренних и внешних дел», свойственных «благородному человеку». По утверждению Сэн Со:сицу, существует два типа дзэнских «семи дел» — внутренние (内ノ七事 *ути-но ситидзи*) и внешние (外ノ七事 *сото-но ситидзи*) (Сэн 1977, с. 10–11). Отсюда и количество ритуалов — семь[4].

К т. н. «внутренним делам» чайные наставники относят следующие:

1. 大機大用 *дайки-дайю:* (букв. «большие возможности, великая польза»). Данное понятие означает, что как только появляется шанс, надо использовать все возможности для его реализации, и тогда этот шанс повлечет за собой другие.

[3] Дзюко (Сюко) Мурата (1423–1502) — ученик Содзюна Иккю, настоятеля храма Дайтокудзи в Киото, который обучил его основам чайной церемонии.

[4] Описание «внутренних» и «внешних» «семи дел» приводится по: (Сэн 1977, с. 11–13).

2. 機弁迅速 *кибэн-дзинсоку* (букв. «в решающий момент действовать быстро и стремительно»). Наставник и ученик во время беседы должны быстро реагировать на реплики друг друга, оставаясь внутренне невозмутимыми. В западной философии наиболее близкое по смыслу понятие — «Метод Сократа»[5].

3. 語句妙霊 *гоку-мёрэй* (букв. «слова и фразы за пределами понимания»). Любые сказанные слова и фразы — это не просто речевой акт, а вещи, имеющие сакральное значение.

4. 殺活機鋒 *саккацу-кихо:* (букв. «в смерти и в жизни применяй разящий аргумент»). Учитель и ученик не должны бояться вступать в противостояние при обсуждении какого-либо вопроса. При этом можно меняться ролями — то атаковать, то отступать. Главное — сохранять непринужденность и при необходимости выставлять «разящий аргумент».

5. 博学広覧 *хакугаку-ко:ран* (букв. «обширные знания, широкий кругозор»). Согласно дзэнскому учению, до наступления состояния *сатори* надо готовить сердце, а после наступления состояния *сатори* нужно сосредоточиться на накапливании знаний.

6. 鑒覚不昧 *канкаку-фумай*. (букв. «осознание и пробуждение не должны быть затемнены»). Если способность различать истину превосходна, то ни один нюанс не сможет остаться в тени.

7. 隠顕自在 *онкэн-дзидзай* (букв. «скрытое и явное проявляется свободно»). То, что явно видно, и то, что скрыто от понимания, проявляется свободно. Просветленный человек, познавший истину, может увидеть даже то, что скрыто.

К «внешним делам» чайные мастера относят следующие предметы:

1. 挂杖 *сюдзё:* — буддийский посох, используемый при ходьбе. По буддийскому выражению, можно дать посох, а можно забрать. Метафорически это означает следующее: если человек усердно трудится и всемерно старается в любых делах, ему дают посох в помощь, а если человек сам не прилагает усилий ни в чем, у него такой посох отбирают.

2. 拂子 *хоссу* — кисточка из шерсти животных. В Индии такой метелкой отгоняли мух и комаров, а в Японии этот предмет служил у дзэнских монахов символом преодоления мирских страстей и заблуждений. Кисточка используется наставником при проведении буддийских ритуалов.

3. 禅板 *дзэмпай / дзэмпан* — «дзэнская доска» (длиной 50 см). В старину дзэнские монахи не могли спать лежа, а дремали или медитировали, упершись подбородком в эту доску.

---

[5] Метод, основывающийся на проведении диалога между двумя индивидуумами, для которых истина и знания не даны в готовом виде, а представляют собой проблему и предполагают поиск. Этот метод часто подразумевает дискуссию, в которой собеседник, отвечая на заданные вопросы, высказывает суждения, обнаруживая свои знания или, напротив, своё неведение.

4. 几案 *киан* — низкий столик, который вместе с дзэнской доской использовался монахами в качестве подпорки при медитативных практиках. Наряду с этим зачастую также используют иероглиф «стол» (机 *цукуэ*), обозначая различную утварь — подставку для сутр (経机), чайный (茶几) или низкий обеденный столик (卓袱台).

5. 如意 *нёи* — жезл исполнения желаний (кит. жезл *жуи*), атрибут просветленного монаха во время проповедей и религиозных обрядов.

6. 竹篦 *сиппэй* — бамбуковая палка длиной 60–100 см, изготавливается также из расщепленного бамбука, бывает изогнутой формы наподобие лука без тетивы. Используется наставником при беседах с учениками для телесного наказания. При внезапном ударе такой палкой последователь Будды должен, отбросив все несущественные материи, ответить четко и ясно на вопрос учителя, обнаружив в этот момент всю меру своего духовного состояния.

7. 木蛇 *мокуда* — «деревянная змея». Это женское божество земли с лицом человека, но телом змеи, покрытым чешуей, с крыльями, изображается в виде деревянной змеи. Использовался так же, как и жезл исполнения желаний *нёи*. Как конкретно он выглядит, неизвестно.

По утверждению Со:кана Хориноути, «внутренние дела» имеют философское содержание, тогда как «внешние дела» относятся к физическим атрибутам дзэна в мире (Хориноути 1989, с. 3). Совершенствование мастерства в рамках церемоний «семи ритуалов» позволяет участнику совершенствовать свой дух, чтобы достичь состояния «благородного человека».

И, наконец, если говорить о связи комплекса с дзэн-буддизмом на уровне каждой церемонии в отдельности, в каждую из них Дзё:синсай и Ю:гэнсай заложили дзэнские концепты, определяющие формальное и сакральное значение церемонии. Порядок проведения церемоний был создан в строгом соответствии со специфическими дзэнскими концептами. Так, постоянный обмен ролями между «хозяином» и гостями, являющийся идейным содержанием ритуала *кагэцу*, на формальном уровне реализуется в виде случайного жребия, определяющего роль участников.

Поэтому, возникает вопрос — каким образом в период Эдо смог сложиться комплекс, который, с одной стороны, несет в себе сакральное значение, а с другой, выполняет развлекательную функцию? Здесь можно выделить несколько причин.

Изначально чаепития существовали только в пределах монастырей, а чай, хоть и существовал в Японии с XII в., в основном рассматривался как медицинское средство[6]. Примерно в XVI в. начинается разложение единства военного сословия. В это же время можно говорить о усилении роли чайных игровых поединков 闘茶 *то:тя* среди горожан. Несмотря на то, что эти чайные поединки проводились и в период Камакура

[6] Первые трактаты о чае, связанные с именем Эйсая, основателя дзэн-буддийской школы Риндзай связаны именно с целебными свойствами чая.

(1185–1333), широкое распространение они получили только после падения правящего военного сословия. На дружеских чайных встречах участники поединка пробовали различные сорта чая и определяли регион его происхождения. Чайные поединки *то:тя* можно рассматривать как переходный этап между дзэн-буддийским употреблением чая для предотвращения сонливости и светскими чайными церемониями, т.к. они впервые популяризировали чаепитие за пределами монастырей. Таким образом, размывание границ самурайского сословия привело к постепенной нивелировке их аскетичного образа жизни, способствуя переходу чая из сугубо религиозной и медицинской сферы в светскую. Вторая предпосылка связана с особенностями периода сёгуната Токугава, когда самурайское сословие снова пришло к власти. С этого времени у каждого сёгуна был советник-монах из дзэн-буддийской школы Риндзай, чей основатель Эйсай считается одним из первых популяризаторов чая в Японии.

Таким образом, к XVIII в. в Японии уже сложилась развитая традиция чайного действа, что сделало возможным появление такого синкретичного комплекса, как «семь ритуалов». Подобно чайным поединкам *то:тя*, они представляют собой переходный этап от чаепития, несущего сугубо религиозное или медицинское значение, к чаепитию светскому.

Список источников и литературы

Войтишек Е. Э. Игровые традиции в духовной культуре стран Восточной Азии (Китай, Корея, Япония). Новосибирск: НГУ, 2011. 312 с.

Со:кан Хориноути. Ситидзи-сики уэ [七事式上]. Семь ритуалов. Ч. 1. Токио: Сюфу-то-сэйкацу-ся, 1989. 215 с.

Со:сицу Сэн. Ситидзи-сики уэ [七事式上]. Семь ритуалов. Ч. 1. Токио: Танко:ся, 1977. 230 с.

Со:сэцу Каваками. Ситидзи-сики-о манабу [七事式を学ぶ]. Обучение искусству «семи ритуалов». Токио: Эдо-сэнкэ тя-но юкэнкю:дзё, 2004. 113 с.

Иванов Александр Александрович
студент 4 курса кафедры истории стран Дальнего Востока
Восточного факультета СПбГУ[1]

Французско-вьетнамские отношения в 1802–1858 гг.

В 1802 г. к власти во Вьетнаме пришел император За Лонг (1802–1820). В годы его правления политика в отношении западных стран носила двойственный характер. Помня о той помощи, которую ему оказали европейцы в борьбе с тэйшонами, император долгое время придерживался политики веротерпимости к христианскому меньшинству. В 1805 г. по его указу торговые суда Франции получали такие же привилегии, какими пользовались суда Китая. Но в то же время правящие круги Вьетнама отказывались даже обсуждать вопрос открытия французских кварталов на территории своей страны, также ни к чему не привели попытки европейцев заключить специальные торговые соглашения (Аносова и др. 2014, 168–169).

В это время Франция была втянута в Наполеоновские войны (1799–1815). Тем не менее, в 1803 г. в страны Востока была снаряжена эскадра адмирала Декаэна, одной из задач которой было изучение возможности проникновения во Вьетнам (Берзин 1966, с. 201–202). К тому же в марте 1805 г. Наполеоном был издан указ, восстановивший работу Общества иностранных миссий во Франции. Правда, после почти полного уничтожения франко-испанского флота 21 ноября 1805 г. у мыса Трафальгар, сколько-нибудь активная политика в Юго-Восточной Азии стала неосуществимой. Прямым следствием этого поражения стало постепенное падение интереса Наполеона к миссионерам, что в итоге привело к роспуску Общества иностранных миссий (Берзин 1966, с. 201–202). Только в 1812 г. император вновь начал интересоваться деятельностью миссионеров на Востоке. Согласно его плану, после завоевания России следующий удар должен был быть нанесен по британским владениям в Индии – наступление должно было вестись по двум направлениям: с севера и из Юго-Восточной Азии. Однако замыслам императора Франции не было суждено осуществиться (Берзин 1966, с. 202–203). В апреле 1814 г. с низложением Наполеона перестала существовать созданная им империя.

По окончании Наполеоновских войн корабли Франции вновь стали появляться в восточных морях. Так, например, в 1822 г. французское судно «Клеопатра» прибыло в Дананг с целью добиться открытия торговых портов для кораблей своих соотечественников, однако данный визит окончился провалом (Nguyễn 2018, tr. 212). В целом за период с 1822 по 1840 гг. французские суда совершили к берегам Вьетнама не менее 18 экспедиций.

---

[1] Научный руководитель – профессор кафедры истории стран Дальнего Востока Восточного факультета СПбГУ, д. и. н. В. Н. Колотов.

После реставрации Бурбонов (1814, 1815–1830) французское правительство вернулось к проведению колониальной политики. Одним из первых своих указов Людовик XVIII восстановил Общество иностранных миссий (Берзин 1966, с. 203). Возросшая активность европейских держав и присылаемых ими миссионеров насторожили вьетнамских правителей. При императоре Минь Манге (1820–1840) на постоянной основе начинает применяться антихристианская пропаганда. Правитель Вьетнама хорошо видел взаимосвязь между возросшей активностью христианских миссионеров и участившимся появлением во вьетнамских портах европейских военных кораблей. В результате Минь Манг издал в конце 1826 г. указ, фактически закрывавший страну для представителей западных государств (Берзин 1966, с. 207–209). А после подавления мятежа Ле Ван Кхоя (1833–1835) уйти «в глубокое подполье» пришлось католическим миссионерам, которых власти не без оснований подозревали в его организации (Колотов 2013, с. 160–163). Тем не менее, в последние годы своего правления, опасаясь чрезмерной активности европейских держав в регионе, вьетнамский император с целью оценить риски для своей страны отправил в Англию и Францию посольства (Nguyễn 2018, tr. 237).

В 1830 г. к власти во Франции пришел Луи-Филипп Орлеанский (1830–1848). Руководствуясь интересами быстро развивавшейся промышленности, нуждавшейся как в сырьевых источниках, так и в рынках сбыта, правительство «короля-гражданина» приступило к колониальной экспансии. В 1840-х гг., когда кабинет министров в стране фактически возглавлял министр иностранных дел Франсуа Гизо (1840–1848), Франция перешла от разведывательной деятельности к агрессивным действиям в отношении Вьетнама (Арзаканян 2005, с. 239–245).

Первые случаи агрессии выпали на время правления во Вьетнаме императора Тхиеу Чи (1840–1847). В попытке включить в сферу своего влияния часть территории Вьетнама, с 1843 по 1847 гг. власти Франции трижды направляли военные эскадры к берегам этой страны (Nguyễn 2018, tr. 244–245). Одновременно с нападением отдельных судов на вьетнамские прибрежные местности активизируется деятельность миссионеров и католических общин внутри страны.

В 1848 г. во французских правящих кругах стремление к колониальной экспансии временно пошло на убыль в связи с очередной сменой власти в стране. В 1852 г. одержавший ранее победу на президентских выборах Луи Наполеон Бонапарт был провозглашен императором Наполеоном III (1852–1870). Взойдя на престол, император начал проводить крупные преобразования в экономической сфере. Франция вступила в завершающую стадию промышленной революции. На фоне экономического подъема в стране правительство Наполеона III постепенно приступает к восстановлению утраченной в XVIII в. колониальной империи.

Между тем во Вьетнаме в 1847 г. на престол взошел четвертый император из династии Нгуен – Ты Дык (1847–1883). Несмотря на то, что опасность, исходившая от миссионеров и католических общин внутри страны, росла с каждым днем, вьетнамский

император не предпринимал каких-либо серьезных действий для ликвидации угрозы, время от времени ограничиваясь отдельными указами, которые чаще всего не исполнялись (Колотов 2013, с. 165). В отношении европейских стран правительство Ты Дыка придерживалось политики изоляционизма. Почти все торговые представительства были закрыты.

В 1852 г. французское правительство запросило у своего посла в Китае сведения относительно средств, которые необходимы для проведения военной кампании во Вьетнаме. Однако подготовке экспедиции помешал ряд обстоятельств. Во-первых, Франция не располагала войсками на Дальнем Востоке, во-вторых, в Китае, который был для правительства Второй империи приоритетной целью для колониальной экспансии, в это время развернулось восстание тайпинов, что делало обстановку в регионе неопределенной. И, в-третьих, Франция участвовала в Крымской войне (1853–1856) (Дементьев 1975, с. 35).

По окончании войны против Российской империи в 1856 г., Франция смогла высвободить значительную часть своего флота для проведения операций на Востоке. Для правительства Наполеона III проникновение в страны Индокитайского полуострова вновь стало одной из первоочередных задач, тем более что главный соперник – Англия, воспользовавшись ослаблением активности Франции в регионе, захватила в 1852 г. Южную Бирму, а в 1855 г. подписала неравноправный договор с Сиамом (Дементьев 1975, с. 35). В связи с этим уже в конце 1855 г. в страны Индокитая на трёх кораблях была направлена дипломатическая миссия во главе с посолом Франции в Шанхае Монтиньи.

Задачей посольства Монтиньи было заключение договоров с Камбоджей и Вьетнамом. Согласно плану, посол должен был прибыть во Вьетнам в сопровождении военной эскадры, присутствие которой ускорило бы подписание нужных договоренностей. Однако несогласованность действий Монтиньи и военных привела к тому, что корабль посла добрался до Вьетнама только через четыре месяца после того, как сопровождавшая его эскадра покинула берега этой страны (Taylor 2013, p. 442). В результате посол был вынужден покинуть вьетнамские воды, так и не добившись поставленной цели.

Соперничество Франции и Англии за захват новых территорий в дальневосточном регионе продолжилось после окончания Крымской войны. В этот период французское правительство еще не приняло окончательного решения относительно того, куда направить свои основные силы. Например, в министерстве иностранных дел настаивали на проведении захватов одновременно в Китае и Вьетнаме, причем экспансия в Китае рассматривалась как наиболее приоритетное направление, в то время как руководство министерства военно-морского флота и колоний настаивало на отказе от самостоятельной экспансии в Китае и требовало, получив согласие Англии, перейти к прямой агрессии во Вьетнаме (Дементьев 1975, с. 37).

Англо-французское сотрудничество во время начавшейся в 1856 г. второй «опиумной» войны (1856–1860) во многом способствовало ослаблению борьбы двух держав на Дальнем Востоке и позволило перейти к разграничению сфер влияния (Новакова 1995, с. 82). В Лондоне были заинтересованы в дипломатической и, самое главное, военной поддержке Франции в войне против империи Цин, а правительство Наполеона III нуждалось в английских базах в этом регионе и надеялось на поддержку английской дипломатии во время французской агрессии во Вьетнаме (Дементьев 1975, с. 40–41).

В то же время миссионеры, поочередно прибывавшие из Юго-Восточной Азии, направляли в министерство иностранных дел и императору Наполеону III докладные записки и планы по вторжению во Вьетнам. В январе 1857 г. миссионер Эварист Ю предоставил Наполеону III меморандум, в котором напомнил императору о так и оставшемся невыполненным Версальском договоре 1787 г. (Берзин 1966, с. 230–231). В апреле 1857 г. по приказу французского императора для изучения осуществления договора 1787 г. была создана комиссия, в которую вошли представители ряда заинтересованных министерств. В мае 1857 г. комиссия составила заключение, согласно которому с французской стороны договор считался формально выполненным. 15 июля 1857 г. в Совете министров было принято решение о начале подготовки к войне в Индокитае (Берзин 1966, с. 231–232).

После подписания в Тяньцзине в июне 1858 г. договора с империей Цин, зафиксировавшего достижения Франции на первом этапе (1856–1858) второй «опиумной» войны, войска под командованием адмирала Риго де Женуйи направились в мае этого же года из Гонконга во вьетнамский Дананг. 1 сентября 1858 г. началось завоевание Вьетнама, в результате которого страна потеряла свою независимость, превратившись почти на столетие во французскую колонию.

В результате, по окончании Наполеоновских войн Франция возобновила борьбу за колонии и сферы влияния в Юго-Восточной Азии. На протяжении 1820–1830-х гг. суда этой страны одно за другим появлялись в портах Вьетнама, но каждая попытка установить торговые отношения заканчивалась для них неудачей – местные власти, опасаясь возросшей активности европейцев, фактически закрыли страну для внешнего мира. По окончании англо-китайской войны 1840–1842 гг. усилились противоречия западных держав, в результате чего Франция, в попытке закрепиться на удобной для дальнейшего проникновения в Китай территории, начинает проводить более агрессивную политику в отношении Вьетнама. По причине очередной смены власти во Франции стремление правящих кругов к колониальной экспансии временно сошло на нет, но уже в годы Второй империи страна смогла перейти к прямой интервенции во Вьетнам, чему способствовал ряд факторов.

При Наполеоне III в стране происходил промышленный подъем, одновременно с этим росло влияние торгово-промышленных кругов на политику императорского правительства, что в итоге привело к необходимости освоения новых рынков сбыта и

сырьевых баз. Помимо этого, Наполеон III поддерживал тесные связи с церковью, что повышало удельный вес католических миссий в осуществлении французской внешней политики во Вьетнаме. И, наконец, в ходе долгих дипломатических контактов с английскими представителями, правительство Франции решает сосредоточить свои главные усилия на Вьетнаме, уступив Англии первенство в Китае. Порвавшему все связи с другими европейскими государствами Вьетнаму предстояло в одиночку противостоять внешней агрессии.

Список использованной литературы

Арзаканян М. Ц. История Франции: учебник для вузов / М. Ц. Арзаканян, А. В. Ревякин, П. Ю. Уваров. М.: Дрофа, 2005. 474 с.

Берзин Э. О. Католическая церковь в Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1966. 320 с.

Дементьев Ю. П. Политика Франции в Индокитае и образование Индокитайского союза (1858–1907). М.: Наука, 1975. 226 с.

Колотов В. Н. Технологии использования религиозного фактора в управляемых локальных конфликтах: Южный Вьетнам в период колонизации и индокитайских войн (вторая четверть XVII – третья четверть XX вв.). СПб.: НР-Принт, 2013. 684 с.

Новакова О. В. История Вьетнама. Ч. 2. Учебник для востоковедных вузов / О.В. Новакова, П.Ю. Цветов. М., 1995. 240 с.

Полная академическая история Вьетнама: в 6 т. Т. 3: Позднее средневековье и новое время (1600 – 1897 гг.) / Л. А. Аносова, Н. Луи-Энар, В. И. Мещеряков [и др.]. М.: Авторская книга РАН, 2014. 712 с.

Nguyễn Mạnh Dũng. Quá trình xâm nhập của Pháp vào Việt Nam từ cuối thế kỷ XVII đến giữa thế kỷ XIX – Nguyên nhân và hệ quả. H.: Đại học Quốc gia Hà Nội, 2018. 345 tr.

Taylor K. W. A history of the Vietnamese. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013. 714 p.

Иксарова Мария Витальевна
магистрантка 1 курса
Восточный факультет СПбГУ[1]

Образ Хранителей-помощников Семерых Владык Северного Ковша

Целью данной работы является попытка систематизировать и расширить имеющуюся информацию об одной из известных групп божеств китайского даосского пантеона – Владыках Звёзд Северного Ковша (北斗星君). В отечественной синологии информацию о Северном Ковше и населяющем его Владыках можно найти у следующих исследователей: Торчинов Е. А. «Даосизм», Вэнь Цзянь и Горобец Л. А. «Даосизм в современном Китае», в энциклопедии «Мифы народов мира», во 2 томе энциклопедии «Духовная культура Китая». Предпринятые многими авторами попытки охарактеризовать святых «北斗» зачастую носят фрагментарный характер.

В данной работе была предпринята попытка подробнее рассмотреть роль Двух Хранителей-помощников Семи Владык Большого Ковша, установить их функции, внешний вид, место обитания и взаимоотношения. Ввиду наличия разного рода упоминаний об исследуемых божествах, информация для данной работы взята из следующих источников:

•雲笈七籤 ・卷二十三 (日月星辰部一), 卷二十四 (日月星辰部二), 卷二十五 (日月星辰部三)・«黃老經»、 «河圖寶錄»、«七元經» («Короб с семью ярлыками»: цзюань 23 («Небесные тела», часть 1), цзюань 24 («Небесные тела», часть 2), цзюань 25 («Небесные тела, часть 3»); “Изречения «Хуан-лао цзин»”, «Записи драгоценных начертаний на спине коня-дракона», «Книга семи начал»);

•«北斗經・太上玄靈北斗本命延生真經・卷一»，«太上玄靈鬥齋本命延生經注・卷上» («Бэй-доу цзин» или «Таинственный и сокровенный канон Северного Ковша о продлении жизни», цзюань первый; «Таинственные и сокровенные записи доу-чжай о продлении жизни», цзюань первый).

Считается, что Семь Владык Звезд Северного Ковша подчиняются непосредственно Юй-ди, сообщая смертным его приговор и собирая сведения о делах людей с целью последующей передачи информации Нефритовому императору (в первый, пятнадцатый дни месяца, а также в первые семь дней девятого месяца), поэтому жизнь людей находится в зависимости от звезд Большого Ковша [Духовная культура Китая, т. 2; С. 206]. Также отмечается, что Семерых Владык сопровождают Левый и Правый хранители, а сами они обитают на созвездиях слева и справа от Большого Ковша [Там же].

[1] Научный руководитель — д. филол. н., проф., зав. кафедрой китайской филологии СПбГУ А. Г. Сторожук.

В записях «Книги семи начал» говорится, что «в эти дни Совершенные Северные Владыки Семи Начал спускаются в людской мир, проводят ревизию, отмечая людские злые и добрые деяния, если всякий человек во время каждого жертвоприношения обращается к ним с просьбой разрешить все несчастья и бедствия, то получает их благоволение, не бывает неуспешным» (« ’七元經‘雲：此日北帝七元真人下降人間，檢句罪福，凡人每醮，求解災厄，即得吉，無不利。») [雲笈七籤, 卷二十五].

Во время сошествия с небес Семи Владык Ковша на землю их сопровождают два хранителя:

- Хранитель-помощник Цзо Фу (左輔) — «Помощь слева»;
- Хранитель-помощник Ю Би (右弼) — «Поддержка справа».

Рис. 1. Два Хранителя Владык Большого Ковша.

Также записи «Книги семи начал» гласят следующее: «Совершенные владыки Фу и Би, скрытые и видимые, постигшие истинное знание и ставшие небожителями, оказывают помощь Северному Полюсу, окружая всё вокруг фиолетовым светом. [Они] желали претворить энергию Дао, поэтому стали верноподданными (букв. – источниками) Дао; наверху2 поддерживают волю неба, внизу помогают заблудшим, нисходят на место совершения жертвоприношения. Совершают тройное коленопреклонение, садятся лицом к западу, с почтением просят разрешение на подачу донесений.» («輔弼真君，一隱一顯，至真至神，佐相北極，環繞紫晨；願施道力，成臣道因；上扶天意，下度迷津，降臨醮席。稽首再拜，次對西坐，謹請上聞”) [雲笈七籤, 卷二十五].

Всех Семерых владык вместе с двумя их помощниками называют Цзю Яо (九曜3) – «Семь Звёзд Большой Медведицы и две Звезды-помощника» этого созвездия (北斗七

[2] Подразумевается «верх, середина и низ» как соответствие «небесному, земному и людскому» мирам.
[3] Другое название Цзю Чжи (九执), одно из названий дня (日) у даосов. В китайских реалиях под Цзю Яо (Цзю Чжи) подразумеваются девять звёзд, каждая из которых соответствует своему элементу: металлу, дереву, воде, огню, земле, великой силе Ян (太阳), великой силе Инь (太阴), а также двум звездам, которые управляют бедами и благополучием: Цзиду (计都 – последнее из девяти главных светил) и Лохоу (罗喉 – первое из девяти главных светил),

星和左輔右弼二). Также именуются как «Семь Владык Северного Ковша и Два Мудреца Цзо Фу и Ю Би» (鬥七元君和左輔右弼二聖).

«Вместе они осуществляет контроль над людьми и божествами, и распространяет свое влияние на три сферы4» («作人神之主宰。宣威三界。») [北斗經: 太上玄靈北斗本命延生真經, 卷一].

Далее подробнее рассмотрим образ двух Хранителей-помощников. 5

Хранитель-помощник Цзо Фу (左輔)

Восьмая звезда – это звезда поддержки (輔星 – Алькор), звезда Тяньцзунь Юйди (天尊玉帝之星 – Звезда Небесного Нефритового Императора), также именуется Чанъян (日常者，常陽6). Цзо Фу управляет летающими бессмертными (主飛仙). Наверху главенствует на девятом небе, внизу руководит девятью кругами подземного мира. Все гуны7 бессмертных пяти священных пиков и четырех священных рек, все без исключения подчиняются ему (上總九天，下領九地。五嶽四瀆神仙之官，悉由之焉。)

Рис. 2. Владыка Тяньгуань Поцзюнь

Его нефритовый терем Цзыци (紫炁) охватывает 990 ли. Его титул совершенномудрого – Ди Цзунь Цзю Чэнь Цзюнь (帝尊九晨 цзюнь– Владыка Девяти

---

[4] Далее по тексту это «верх, середина и низ», что соответствует «небу, земле и людям».

[5] Информация для перевода и анализа взята из следующего источника: 雲笈七籤．卷二十三 (日月星辰部一), 卷二十四 (日月星辰部二), 卷二十五 (日月星辰部三). «黃老經»、 «河圖寶錄»、«七元經» («Короб с семью ярлыками»: цзюань 23 («Небесные тела», часть 1); цзюань 24 («Небесные тела», часть 2); цзюань 25 («Небесные тела, часть 3»). Изречения «Хуан-лао цзин», «Записи драгоценных начертаний на спине коня-дракона», «Книга семи начал»).

[6] Постоянный ян.

[7] Чиновники, служащие неба

Рассветов Императора Цзуня), обращение – Цзинчан (精常 – Постоянная Цзин), табуированное обращение – Кун Шан Кай Чжэн Янь (空上開正延 – На Небе Прокладывающий Образцовое Продолжение). (圍九百九十裏，有紫炁玉樓。遊行三界真人號帝尊九晨君，姓精常，諱空上開正延。)

На его голове шапка «фэйцзин юйгуань» (飛精玉冠 – нефритовый гуань света цзин, солнца и луны), он одет в одежду «феникса» «фэн-и» (鳳衣[8]), в руках держит колокольчик «холин» (火鈴[9]) (冠飛精玉冠，衣九色鳳衣，執火鈴。).

Хранитель-помощник Ю Би (右弼)

Девятая звезда помощи – Би-син (弼星) – истинная звезда Тайчан (太常真星也), также называется Кунъинь (曰空者，常空隱[10]也。). Заведует быстротой и непредсказуемостью изменений (主變化無方。).

Рис. 3. Владыка Тяньгуань Поцзюнь

Его нефритовый терем Цзыгуань (紫館) охватывает 990 ли. Его титул совершенномудрого – Ди Чжэнь Юань Чин Цзюнь (帝真元星君 – Владыка Звезды Истиного Первоначала Императора), обращение – Юкун (幽空 – Скрытый Покой), табуированное обращение – Мин Ян Хуэй Ю Ляо (冥陽暉幽寥 – Сокровенное Солнечное Сияние Безмолвного Неба). (圍九百九十裏，有玉樓紫館。徘徊三陽真人號帝真元星君，姓幽空，諱冥陽暉幽寥。)

[8] Название одежды даосских небожителей.
[9] Название ритуального музыкального инструмента в виде колокольчика.
[10] Небесная сокровенность.

На его голове шакака «фэйтянь юйгуань» (飛天玉冠 – нефритовый гуань небожителя), одет в одежду «дракона» «лун-и» (龍衣[11]) девяти небес, в руках держит печать императора «дичжан» (帝章) (冠飛天玉冠，衣九天龍衣，執帝章).

Резюмируя вышеизложенную информацию, в данной работе был установлены функции Хранителей-помощников, их место обитания и соответствующие атрибуты.

На основании имеющейся информации можно с уверенностью сделать вывод о том, что Хранителям Владык Звезд Северного Ковша отводится особое место среди божеств китайского пантеона. Они сопровождают Семерых Владык Большого Ковша во время их сошествия в мир людской, транслируют и поддерживают волю неба, а также помогают тем, кто сбился с истинного пути. Помимо этого, они принимают участие в регулировании отношений и исполняют свои обязанности не только в людском мире, но и в земной и небесной сферах.

Список использованных источников литературы

Даосизм в современном Китае. Вэнь Цзянь, Горобец Л.А. Благовещенск, Изд. АмГУ, 2002. 96.

Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 2. Мифология. Религия / п./р. М. Л. Титаренко. М., 2007. 869 с.

Китайская философия: энциклопедический словарь. Гл. ред. М. Л. Титаренко. М., 1994.

Мифы народов мира. Энциклопедия (В 2 томах). М., 1982.

Торчинов Е. А. Даосизм. СПб., 1993. 246 с.

Чжан Цзюньфан 張君房.雲笈七籤.卷二十四日月星辰部二. (Короб с семью ярлыками. Цзюань 24. Небесные тела. Ч. 2). URL: https://clck.ru/TmGW8

千篇國學·漢語詞典. URL: https://cidian.qianp.com/ci/九曜

Бэй-доу цзин 北斗經 ·太上玄靈北斗本命延生真經. 北京：文物出版社，2008. 卷一. (Совершенный канон о продлении первопричинной судьбы высшего глубокого духа Бэй-доу).

Изображения: https://www.douban.com/photos/album/1646388486/

[11] Императорские одежды.

Исаева Ксения Сергеевна
студентка 4 курса кафедры востоковедения
Гуманитарный институт НГУ[1]

Ушу в контексте пекинской оперы

История возникновения и формирования пекинской оперы *цзинцзюй* как уникального синтетического жанра тесным образом связана с историей развития отдельных видов искусств, которые объединяет этот театральный жанр. *Цзинцзюй,* представляя собой синкретический феномен, соединяющий в себе хореографию, музыку, декоративно-прикладное искусство, акробатику, представленную боевыми искусствами *ушу* и т.д.

Боевые искусства *ушу* начинают проникать в традиционный китайский театр *сицюй* в период становления первого полноценного театрального жанра, известного как юаньская драма *цзацзюй.* Интеграция боевых искусств в канву традиционного спектакля обусловлена тягой к зрелищности, свойственной представителям монгольской династии. До периода правления династии Юань *ушу* переживал длительный этап независимого от традиционного театра формирования. Сведения о зарождении и раннем этапе развития *ушу* представлены, главным образом, устными преданиями, достоверность которых крайне сомнительна. Как утверждает исследователь боевых искусств Го Хуа, «история ушу — это на самом деле практически миф об ушу. Однако под ярким слоем вымысла мы можем найти многое, что поможет нам узнать кое-что о самой сути китайских боевых искусств, неотделимых от психологии китайского народа, его мировосприятия, эстетических и философских воззрений, то есть от всего того, что зовется “культурный контекст”» (2001. С. 153).

Ушу представляет собой неотъемлемую составляющую представления пекинской оперы. Боевые искусства можно рассматривать и как самостоятельный элемент зрелищного перфоманса, и как часть синтетического взаимодействия различных видов искусства, которыми актёр в полной мере владеет для точного воспроизведения своего амплуа на сцене.

Традиционно программа обучения актёров пекинской оперы включает в себя «четыре умения» 四功 *сыгун*, которые представляют собой важные критерии оценки актёрского мастерства и основу сценического действа. Комплекс *сыгун* – это синтез следующих умений:

1) 唱 чан («пение»);
2) 念 нянь («речитатив»);
3) 做 цзо («сценическое действие»);
4) 打 да («мастерство акробатики»).

[1] Научный руководитель — к. и. н., ст. преп. каф. востоковедения НГУ М. А. Кудинова.

Боевые искусства в пекинской опере относятся к мастерству акробатики *да* (досл. «бить, ударять»).

Мастерство акробатики *да* подразумевает собой синтез акробатических элементов с боевыми искусствами и используется в батальных сценах. Боевое искусство пекинской оперы берет свое начало в традиционных видах *ушу* и дополнительно включает в себя элементы танца и увеселительных представлений 杂耍 *цзашуа*, что добавляет определенной художественности батальным сценам в противовес реализму. Акробатика и элементы *ушу* позволяют актерам создавать образы персонажей и ситуации с помощью движений тела; поскольку пекинская опера не прибегает к использованию конкретной реалистичной бутафории, актер обязан телодвижениями максимально точно демонстрировать канву сюжета и характер персонажа. Репертуар пекинской оперы содержит достаточное количество военных пьес, поражающих обилием акробатики и единоборств, где актеры играют либо без реквизита, либо с бутафорским оружием различных форм и видов, что говорит о важной роли, отводящейся искусству акробатики в *цзинцзюй* (Xu Chengbei, 2003. P. 39).

Сценическое искусство пекинской оперы подчиняется сложной системе эстетических принципов. *Цзинцзюй* делает акцент на взаимодействии музыки и зрелищных искусств для раскрытия фабулы повествования. Синкретизм музыки и, например, хореографии объясняется в «Большом предисловии» к «Книге песен»: «Когда недостаточно слов, начинают вздыхать. Когда не хватает вздохов, начинают петь. Когда не хватает пения, руки начинают делать жесты, а ноги – танцевать» (Цзы Ся, 2008. С. 3). Феномен синкретизма подчиняется принципу философии школы Хуаянь, который Е.А. Торчинов формулирует следующим образом: «всё в одном и одно во всем» (2013. С. 120).

Основой эстетики является заимствованный из китайской живописи принцип условности 写意 *се-и* (досл. «писать идею»), подразумевающий манеру письма, направленную на условно-обобщенное отображение образа. По мнению театроведа Юй Цююя, «*се-и* — это базис пекинской оперы, проявляющийся через преодоление границ пространства и времени, мнимость декораций и телодвижений» (2006. С. 196). Известный актер Мэй Ланьфан также высказывал своё мнение о принципе *се-и*: «Актёр изображает бытовые сцены путём условных движений руками, взглядов, шагов. Все методы сконцентрированы на отображении жизни через художественную гиперболизацию и помогают зрителю понять цель каждого движения» (2016. С. 215).

Важным принципом является принцип округлости 圆 *юань*. Сценическое движение подчиняется принципу округлости: актер поднимает руку дугой слева направо, чтобы указать на объект, расположенный по правую сторону. Развороты в пространстве выполняются по кругу или по S-образной траектории. Даже траектория движения глазных яблок подчинена этому принципу. Принцип *юань* связан с китайской философией: движение по кругу на квадратной сцене представляет собой аллегорическое воплощение древних представлений о том, что небо круглое, а земля –

квадратная. Цикл движения открывается и завершается позой 亮相 *лянсян* (досл. «показать истинный облик»). Поза *лянсян* несёт в себе не только эстетический смысл, но и элемент молчания, который в древности символизировал начало становления внутреннего мира человека (Серова, 2009. С. 367). Эстетика *лянсян* также связана с принципом округлости: поза лишена острых углов, поскольку актер прибегает к плавной манере исполнения, округляя каждое действие.

Искусство акробатики *да*, будучи неотъемлемой составляющей пекинской оперы, также подчиняется вышеуказанным эстетическим принципам. Так, актеры, исполняющие роли в рамках эстетических принципов, демонстрируют эстетику традиционных китайских боевых искусств, сочетая сильные, но в то же время округлые и легкие движения с законами равновесия, единства сценического исполнения, симметрии и ритма театрального представления. Наряду с этим, искусство акробатики *да* подчиняется принципу дихотомии двух неразрывных начал, а именно 实 *ши* («реальное», «настоящее», «заполненное») и 虚 *сюй* («пустота», «нереальное», «вымышленное»). Как считает исследователь *ушу* Сяо Якан, «настоящее» *ши* и «вымышленное» *сюй* представляют собой важную составляющую представленного в пекинской опере рукопашного боя, поскольку лишь благодаря изменениям, порожденным противостоянием *ши* и *сюй*, а также наличием «настоящего» в «вымышленном» и «вымышленного» в «настоящем», находят свое проявление мастерство актера и эстетика боевых искусств (2015. С. 117-118).

По технике исполнения акробатика *да* делится на две категории: «искусство рукояти» 把子功 *бацзы-гун* и «искусство ковра» 毯子功 *таньцзы-гун*. *Бацзы-гун* представляет собой парные сцены или сольные выступления и подразделяется на трюки с использованием оружия с длинной рукоятью, трюки с использованием оружия с короткой рукоятью и трюки без использования оружия вообще. Появление наименования категории *таньцзы-гун* обусловлено особенностями сценической площадки, используемой для спектакля. Сценическая площадка в пекинской опере всегда покрыта ковром именно для использования в представлениях обязательных акробатических эпизодов и сцен рукопашного боя. Таким образом, «техника на ковре» включает в себя батальные сцены со всевозможными кульбитами, сальто, ударами ногами в высоких прыжках (Ли Бинь, 2012. С. 72).

Искусство *ушу* представлено в пекинской опере различными стилями среди которых особо можно выделить 太极拳 *тайцзицюань* и 少林拳 *шаолиньцюань* (Мазницин, 2012. С. 218). Несмотря на реализм и зрелищность боевых сцен, они подчиняются эстетическому принципу условности *се-и*, вследствие чего участие в батальных сценах не наносит физического вреда актёрам. Каждый акробатический этюд заканчивается барабанной дробью. Постепенное прекращение барабанной дроби символизирует усталость персонажа, поэтому актёр, не покидая сцены, прибегает к позе *лянсян*, чтобы передохнуть и продолжить исполнение (Серова, 2005. С. 340).

Акробатика *да* исполняется актёрами, играющими роли персонажей, связанных с военной деятельностью (Чжан Цзинхуа, 2015. С. 231). Например, амплуа 生 *шэн* (главный мужской персонаж) включает в себя субамплуа 武生 *ушэн* («военный мужской персонаж»), которое, в зависимости от используемого персонажем вида оружия, подразделяется на следующие три вида:

1) Соответствующий роли генерала 长靠武生 *чанкао-ушэн* («*ушэн* с оружием с длинной рукоятью»). В качестве примера можно привести героя Чжао Юня из акта «Пригласить восточный ветер», входящего в состав пьесы «Встреча героев».

2) Гибкий, проворный, кувыркающийся на сцене 短打武生 *дуаньда-ушэн* («ушэн с оружием ближнего боя»). В качестве примера можно привести героя Линь Чуна из спектакля «Линь Чун бежит ночью».

3) Гримированный 勾脸武生 *гоулянь-ушэн*, который может владеть оружием ближнего и дальнего боя. В качестве примера можно привести героя Сян Юя из спектакля «Прощай, моя наложница».

Женское амплуа 旦 *дань* включает в себя субамплуа воительниц 武旦 *удань*, которое, в свою очередь, также подразделяется на следующие виды:

1) Наездница с мечом 刀马旦 *даома-дань*. В качестве примера можно привести героиню Фань Лихуа из спектакля «Машанъюань».

2) Воительница с оружием ближнего боя 短打武旦 *дуаньда-удань*. В качестве примера можно привести героиню Ян Пайфэн из спектакля «Цзяо Цзань извлекает урок».

В отличие от вышеперечисленных военных амплуа, специализирующихся не только на акробатике, но и на пении и речитативе, 武净 *уцзин* (субамплуа 净 *цзин*) делает акцент исключительно на владении боевыми искусствами: некоторые актёры этого амплуа искусно владеют оружием, другие – являются мастерами акробатики. Роль 武丑 *учоу* (субамплуа 丑 *чоу*) известна также как «фехтовальщик» 开口跳 *кайкоутяо* и соответствует остроумным персонажам с военными способностями. Для таких ролей характерны резкие движения, кувырки и падения (Ли Бинь, 2012. С. 45).

Акробатические этюды в исполнении актёров перечисленных амплуа представляют собой батальные сцены и изображаются с использованием соответствующего реквизита (бутафорскими мечами, копьями). Демонстрация оружия победителем вместо преследования поверженного врага также является особым элементом акробатики в пекинской опере (Xu Chengbei, 2003. P. 58).

Пекинская опера представляет собой уникальный культурный феномен, сочетающий в себе различные и на первый взгляд несочетаемые виды искусства. Для европейского зрителя, привыкшего к западному театру, достаточно сложно представить гармоничный синтез традиционного театра и боевых искусств. Тем не менее, боевые искусства *ушу*, представляя собой важную составляющую сценического искусства и актерского мастерства, безусловно, заслуживают специализированного

театроведческого анализа, поскольку их важная роль в контексте театрального представления весьма очевидна.

Список источников и литературы

Го Хуа. Ушу: гармония духа и тела. Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. 215 с.

Мазницин А.В. Ушу как музыкально-пластический элемент пекинской оперы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2012, № 150. С. 216–219.

Серова С.А. Китайский театр— эстетический образ мира. М.: Восточная литература, 2005. 358 с.

Серова С.А. Ритуал и театр (проблема модернизации Китая) // Труды объединенного центра проблем космического мышления. М.: Международная общественная организация «Международный центр Рерихов», 2009. С. 264–293.

Торчинов Е.А. Введение в буддизм. СПб.: Амфора, 2013. 432 с.

Xu Chengbei. Peking opera. Beijing: China Intercontinental Press, 2003. 133 p.

Ли Бинь 李斌. Сицюй шихуа 戏曲史话 (История традиционного китайского театра). Пекин: Чжунго дабо кэцюаньшу чубаньшэ 中国大白科全书出版社, 2012. 99 с.

Мэй Ланьфан 梅兰芳. Мэй Ланьфан цюаньцзи 梅兰芳全集 (Полное собрание сочинений Мэй Ланьфана). Пекин: Чжунго сицзюй чубаньшэ 中国戏剧出版社, 2016. Т1. 435 с.

Сяо Якан 肖亚康. Цзинцзюй уда ишу юй ушу чжэсюэ бяосянь сывэй 京剧武打艺术与武术哲学表现思维 (Размышления о боевых искусствах пекинской оперы и проявлении философии ушу) // Сычуань сицзюй 四川戏剧 (Сычуаньская драма), 2015, № 2. С. 116–118.

Цзы Ся 子夏. Маоши сюйчуань 毛诗序传 (Большое предисловие к «Книге песен»). Чжэнчжоу: Сюэшичжай чубаньшэ 学识斋出版社, 2008. 786 с.

Чжан Цзинхуа 张景华. Сицзюй цзяньшан 戏剧鉴赏 (Эстетика пекинской оперы). Пекин: Бэйцзин шифаньдасюэ чубаньшэ 北京师范大学出版社, 2015, 262 с.

Юй Цююй 余秋雨. Чжунго сицзюй ши 中国戏剧史 (История китайской драмы). Шанхай: Цзяоюй чубаньшэ 教育出版社, 2006. 293 с.

Казакова Олеся Олеговна
студентка 4 курса Высшей Школы Международных Отношений СПбПУ[1]

Российско-китайское взаимодействие в рамках инициативы «Один пояс – Один путь» в трудах китайских исследователей на современном этапе

Введение. Всемирно известный «Великий шелковый путь» (Сы чоу чжи лу, 丝绸之路), представляющий собой караванную дорогу, что связывала страны Дальнего Востока со странами Средиземноморья, был проложен еще во II веке до нашей эры.

На сегодняшний день можно наблюдать его современный прототип, получивший название 一带一路 *И дай и лу* «Один пояс – один путь» (Далее ОПОП). Это инициатива китайского правительства, выдвинутая председателем КНР Си Цзиньпином 习近平 осенью 2013 года, в которой предлагалось обьединить Экономический пояс Шелкового Пути и Морской шелковый путь XXI века [2]. Выдвинутая КНР экономическая инициатива ОПОП представляет собой довольно масштабное предложение к экономическому сотрудничеству многим странам, в том числе и России.

Актуальность. В 2019 году исполнилось 70 лет дипломатическим отношениям между Россией и Китаем. На современном этапе российско-китайские отношения достигли небывалого уровня, что еще больше укрепило политическое взаимное доверие и расширило пространство для экономического сотрудничества и развития, в частности в рамках инициативы ОПОП. Вместе с тем, исследовательских работ по анализу российско-китайского взаимодействия в рамках данной инициативы на современном этапе (2019-2020 гг.) недостаточно, из чего следует актуальность данной научной работы.

Цель данной работы: определить особенности российско-китайского взаимодействия в рамках инициативы «Один пояс – Один путь» на современном этапе.

Материалом для исследования послужили работы китайских исследователей за период с 2019 по 2020 годы. Выборка статей китайских ученых проведена на основе запроса «Российско-китайское взаимодействие в рамках инициативы ОПОП». Определены шесть основных работ, авторство которых принадлежит наиболее выдающимся представителям китайского научного сообщества.

---

[1] Научный руководитель – канд. филологических наук, доцент ВШМО СПбПУ Ульяна Николаевна Решетнёва.

[2] Си Цзиньпин дэ “И дай и лу” цзуцзи 习近平的“一带一路”足迹 [След инициативы Си Цзиньпина «Один пояс – Один путь»] // Жэньминь жибао 人民日报 [Жэньминь жибао]. 2016. URL: http://cpc.people.com.cn/xuexi/n1/2016/0906/c385474-28694919.html (дата обращения: 05. 02. 2020).

В качестве *методов исследования* были использованы эмпирические методы исследования, такие как классификация информации, сравнительно-исторический анализ, обобщение и сравнение. Применены количественные методы исследования масс медиа – контент-анализ, то есть анализ содержания китайских исследовательских работ по представленной тематике, и трекинг систематический сбор и анализ данных по теме ОПОП за период 2019-2020 гг.

На основе исследований отечественных авторов С. Г. Лузянина, В. А. Матвеева, Д. А. Смолякова определены основные критерии анализа российско-китайского взаимодействия в рамках инициативы ОПОП: во-первых, это актуальность предоставляемой информации; во-вторых, освещаемые сферы российско-китайского сотрудничества; в-третьих, прогнозирование дальнейшего взаимодействия стран; в-четвертых, создание имиджа Китая.

На современном этапе одним из важных вопросов для российско-китайского сотрудничества является правильное разрешение коммерческих споров. В работе 王祥修 Ван Сянсю и 王艺颖 Ван Иин рассматривается масштабная задача по построению и дальнейшему совершенствованию механизма коммерческого арбитража в рамках инициативы ОПОП, проанализированы правовые различия, предложены рекомендации для наилучшего решения изложенных проблем. 王祥修 Ван Сянсю и 王艺颖 Ван Иин предлагают начать совершенствование механизма с таких аспектов: во-первых, усилить идентификацию иностранного права, увеличить подготовку иностранных специалистов; во-вторых, способствовать политической коммуникации и сотрудничеству между Китаем и Россией; в-третьих, разработать план сотрудничества в области реформ и содействовать интернационализации коммерческого арбитража (Ван Сянсю, Ван Иин 2020).

Анализ российско-китайского взаимодействия в сельскохозяйственной сфере проводится 乔文阁 Цяо Вэньгэ (Цяо Вэньгэ 2020). В своей работе автор отмечает важную роль дальневосточного региона страны. 乔文阁 Цяо Вэньгэ акцентирует внимание на государственной поддержке Китаем российского региона, а также уделяет большое значение сотрудничеству стран в сельскохозяйственной сфере, приводя в пример удобное расположение пограничной зоны, высокое качество земельных ресурсов, проводимую аграрную политику России.

В статье 董小乐 Дун Сяолэ и 孙莉莉 Сунь Лили речь идет о торговом сотрудничестве между провинцией Ляонин и Россией в контексте инициативы ОПОП (Дун Сяолэ, Сунь Лили 2020). Авторы считают, что Россия играет важнейшую роль в рамках китайской стратегии ОПОП в Северо-Восточной Азии, и развитие российской торговли имеет большое значение для провинции Ляонин. В данной статье анализируется текущая ситуация торгового сотрудничества между провинцией Ляонин и Россией с точки зрения общего объема торговли, торговой разницы и структуры торговли.董小乐 Дун Сяолэ и 孙莉莉 Сунь Лили отмечают благоприятные факторы

дальнейшего экономического развития и выдвигают контрмеры по расширению масштабов сотрудничества в контексте инициативы ОПОП (Дун Сяолэ, Сунь Лили 2020).

В работе 张叶 Чжан Е рассматриваются результаты, достигнутые Китаем и Россией в области политических коммуникаций, инфраструктурных взаимосвязей, финансовой интеграции и стратегического стыкования в рамках инициативы ОПОП (Чжан Е 2020). Автор анализирует перспективы развития России и Китая по углублению экономического взаимодействия в рамках механизмов многостороннего, местного, энергетического сотрудничества и культурных обменов.

С ускорением реализации ОПОП экономическое значение Арктического региона становится все более актуальным, внимание Китая к Арктике тоже растет. Именно эта тематика рассматривается в работе 何一鸣 Хэ Имин и 于婷 Юй Тин. В статье приводится таблица по двустороннему импорту нефти и газа за период с 2000 по 2018 год (Хэ Имин, Юй Тин 2020), причем с каждым годом наблюдается динамика увеличения нефтегазового оборота между странами. Основываясь на приведенных данных, авторы говорят о том, что настало время Китаю и России сотрудничать в освоении арктических нефтегазовых ресурсов. Поэтому для достижения активного сотрудничества, авторы предлагают, прежде всего, установить стабильные научные и дипломатические отношения в Арктике, а затем сделать первые шаги по совместному освоению арктических нефтегазовых ресурсов (Хэ Имин, Юй Тин 2020).

В условиях современной глобализации экономическое развитие также содействует развитию в других областях, не исключением является и культурный обмен между странами. 刘振宇 Лю Чжэньюй и 尚欣 Шан Синь в своей статье подчеркивают стратегическую ценность российско-китайского обмена и сотрудничества в области высшего образования (Лю Чжэньюй, Шан Синь 2020). Авторы говорят о значимости двустороннего обмена в сфере высшего образования и сотрудничества с Россией для провинции Ляонин. В статье на основе обобщения уже имеющихся достижений выдвигается необходимость дальнейшего содействия потоку высококачественных образовательных ресурсов между Китаем и Россией в рамках инициативы. Например, 刘振宇 Лю Чжэньюй и 尚欣 Шан Синь предлагают усовершенствовать систему высшего уровня образования, активно использовать преимущества дисциплин и специальностей, создать уникальный бренд обучения в Китае, и содействовать созданию благоприятных условий для осуществления Ляонинскими университетами обменов и сотрудничества с Россией на современном этапе (Лю Чжэньюй, Шан Синь 2020).

Итак, в результате анализа трудов китайских исследователей на представленную тематику выделен ряд особенностей. Во-первых, использование китайскими авторами актуальной информации и статистических данных для своих исследований. Во-вторых, это исследование российско-китайского взаимодействия в разных областях. Нами

выделены следующие сферы российско-китайского взаимодействия, которые рассмотрены в работах китайских ученых на современном этапе: политическая, сельскохозяйственная, торгово-экономическая, научно-образовательная, арктическая и культурная.

В-третьих, подчеркивание значимости таких территорий как провинция Ляонин и Дальневосточный регион в реализации инициативы ОПОП. В-четвертых, прогнозирование дальнейшего укрепления, совершенствования сотрудничества и увеличения сфер российско-китайского взаимодействия. В-пятых, это создание нового имиджа Китаю, изображаемого дружественным и рациональным экономическим партнером. Наконец, акцентирование роли Китая, как главного «организатора» в экономическом, политическом и культурном объединении стран.

Таким образом, китайские исследователи в своих работах отмечают дружественный, плодотворный и перспективный характер российско-китайских отношений, прогнозируя дальнейшее более эффективное сотрудничество в рамках инициативы «Один пояс – Один путь». В перспективе планируется изучение представленной темы в контексте особенностей освещения китайской инициативы «Один пояс – Один путь» российскими и китайскими СМИ.

Список использованной литературы:

Ван Сянсю 王祥修，Ван Иин 王艺颖. «И дай и лу» чанися чжунэ шанши чжунцай цзичжи дэ ваньшань луцзин яньцзю “一带一路”倡议下中俄商事仲裁机制的完善路径研究 (Исследование оптимального пути китайско-российского механизма коммерческого арбитража в рамках инициативы «Один пояс – Один путь») // Шанши чжунцай юй тяоцзе 商事仲裁与调解 (Коммерческий арбитраж и урегулирование). Бэйцзин 北京. 2020. № 4. С. 3-13.

Лю Чжэньюй 刘振宇，Шан Синь 尚欣. Ляонин гаодэн цзяоюй дуй э цзяолю хэцзо дэ сяньши туцзин юй фачжань цэлюэ – цзиюй «И дай и лу» дэ фэньси 辽宁高等教育对俄交流合作的现实图景与发展策略--基于“一带一路”的分析 (Актуальные перспективы и стратегии развития в области обмена и сотрудничества в системе высшего образования провинции Ляонин и России – Анализ на основе инициативы «Один пояс – Один путь») // Шэньян шифань дасюэ сюэбао (шэхуэй кэсюэбань) 沈阳师范大学学报（社会科学版） (Вестник Шэньянского педагогического университета: Серия социальные науки). Шэньян 沈阳. 2020. № 4. С. 96-102.

Дун Сяолэ 董小乐, Сунь Лили 孙莉莉. “И дай и лу” бэйцзинся Ляониншэн юй элосы маои хэцзо яньцзю “一带一路”背景下辽宁省与俄罗斯贸易合作研究 (Исследование торгового сотрудничества между провинцией Ляонин и Россией в

контексте «Один пояс – Один путь») // Дандай цзинцзи 当代经济 (Современная экономика). Хубэйшэн 湖北. 2020. № 5. С. 29-31.

Хэ Имин 何一鸣, Юй Тин 于婷. “И дай и лу” бэйцзинся чжуньэ хэцзо кайфа бэйцзи юци цзыюань цяньцзин “一带一路”背景下中俄合作开发北极油气资源前景 (Перспективы китайско-российского сотрудничества в освоении арктических нефтегазовых ресурсов в контексте «Один пояс – Один путь») // Чжунго шию дасюэ сюэбао (шэхуэй кэсюэбань) 中国石油大学学报(社会科学版) (Известия китайского нефтяного университета: издание социальных наук). Шаньдун Циндао 山东 青岛. 2020. Т.36. № 2. С. 14-19.

Цяо Вэньгэ 乔文阁. “И дай и лу” чанися эюаньдун дицюй дэ чжунго цзинцзи иньсу “一带一路”倡议下俄远东地区的中国经济因素 (Китайские экономические факторы на Дальнем Востоке России в рамках инициативы «Один пояс – Один путь») // Хэйхэ сюэюань бао 黑河学院报 (Вестник университета Хэйхэ). Хэйлунцзян Хаэрбинь 黑龙江 哈尔滨. 2020. № 2. С. 4-6.

Чжан Е 张叶. “И дай и лу” куанцзяся чжунэ цзинмао хэцзо юй цяньцзин чжаньван “一带一路”框架下中俄经贸合作与前景展望 (Китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество и прогноз перспектив в рамках концепции «Один пояс – Один путь») // 佳木斯职业学院学报 Цзямусы чжие сюэюань сюэбао (Вестник профессионального института Цзямусы). Хэйлунцзян Цзямусы 黑龙江省佳木斯. 2020. № 6 (211). С. 55-56.

Калашник Елизавета Евгеньевна
студентка 4 курса
Восточного факультета СПбГУ[1]

Китайская диаспора в Канаде: история иммиграции, социально-экономическое и культурное развитие (1788–1970 гг.)

Китайцы составляют одну из самых больших этнических групп в Канаде или «видимых меньшинств» [2]. По данным переписи 2016 года, в Канаде было зарегистрировано 1.8 млн людей, относящих себя к лицам китайского происхождения.

Китайские мигранты всегда занимали важное место в канадском обществе. Начиная с 1850-х годов многие китайские крестьяне из южных провинций материкового Китая отправлялись в путешествие через океан в поисках лучшей жизни. В то время американский континент был охвачен так называемой «золотой лихорадкой». В Канаде китайские иммигранты нашли работу на золотодобыче в Клондайке на западе страны. Когда «золотая лихорадка» закончилась, то многие китайцы остались в стране, где позднее в 1880-х годах началось строительство Тихоокеанской магистрали. Строительство железной дороги требовало колоссальных усилий и тяжёлого труда в суровых условиях. В 1885 году строительство Тихоокеанской железной дороги было завершено. К этому времени в стране оказалось много свободной дешевой рабочей силы, которую представляли китайские иммигранты, это создавало большую угрозу для благосостояния белого населения, что не могло не отразиться на их негативном отношении к мигрантам из Азии. Китайцев стали винить во всех бедах, их считали людьми «второго сорта».

Рост агрессии со стороны местного населения побудил федеральное правительство Канады в июле 1884 года создать Королевскую комиссию по делам китайских иммигрантов (The Royal Commission on Chinese Immigration), которая должна была принять меры по ограничению приема китайских иммигрантов в страну.

20 июля 1885 года, в рамках закона о китайской иммиграции, был установлен подушный налог (Chinese Head Tax), обязывающий каждого китайского мигранта заплатить 50 канадских долларов за въезд в страну. Дипломаты, представители правительства, туристы, торговцы, ученые и студенты были освобождены от уплаты данного налога. Принятие этого налога стало первым в канадском законодательстве государственным решением об ограничении прав иммигрантов по признаку этнического происхождения. К тому же китайцы стали единственным национальным меньшинством, которое облагалось данным налогом.

---

[1] Научный руководитель – доцент, к. и. н. А. Е. Донская.

[2] Видимые меньшинства (visible minorities) – этнические группы, не принадлежащие ни к европеоидной расе, ни к коренным народам Америки.

Однако с течением времени стало понятно, что налог не выполняет своих функций по ограничению иммиграции, и к 1900-м годам правительство ещё более ужесточило меры и повысило налог до 100 долларов. В 1902 году выяснилось, что даже повышение налога до 100 долларов не смогло уменьшить китайскую иммиграцию. Политики в Британской Колумбии посчитали такие меры недостаточными и потребовали повысить налог до 500 долларов.

Иммигрантам из Китая с 1885 по 1949 год выдавались сертификаты серии C.I. и C.I.5[3], которые доказывали уплату ими налога. Помимо этого, по приезде в страну все китайцы должны были предоставить о себе всю подробную информацию, включающую имя, порт, куда прибыл иммигрант, место регистрации, дата регистрации, пол, возраст, сумма уплаченного налога, профессия, название судна или поезда, на котором прибыли в страну, и некоторые физические данные. Ни одна другая группа иммигрантов не была обязана предоставлять столь полные данные о себе.

Антикитайское движение всё больше нарастало, агитация против «жёлтой опасности»[4] набирала силу, увеличение подушного налога так и не смогло сократить поток китайских рабочих, поэтому правительство Канады в 1923 году приняло решение ввести «Антикитайский акт» («Закон об исключении китайских иммигрантов»). Закон фактически запретил въезд для всех китайских иммигрантов.

Однако расовые предрассудки не исчезли. По закону любой человек китайского происхождения, будь то гражданин Китая или уже принявший канадское гражданство китаец, должен был зарегистрировать своё удостоверение личности в течение одного года. Наказанием за несоблюдение являлось тюремное заключение или штраф в размере 500 канадских долларов.

Принятый «Акт об иммиграции китайцев» оказался чрезвычайно эффективным. По некоторым данным, в период с 1923 по 1946 год в Канаду были приняты только 15 китайских иммигрантов. Но всё-таки некоторым китайцам удавалось въехать в страну нелегально, используя некоторые лазейки в законодательстве Канады.

Фактическое прекращение китайской иммиграции значительно повлияло на китайскую общину в Канаде. Закон не только запретил иммиграцию из Китая, но и преднамеренно разрушал семейный уклад и замедлил рост китайского общества. Большую часть мигрантов, проживающих в Канаде в то время, составляли мужчины, которые были женаты и имели детей в Китае, их часто называли «женатыми холостяками». По закону жёнам и детям китайских мужчин, уже находящихся в Канаде, не разрешалось иммигрировать в Канаду к своим мужьям. Таким образом острый дефицит китайских женщин в Канаде ограничил возможность для естественного роста

[3] C. I. – (англ. Chinese Immigration).

[4] «Жёлтая опасность» (англ. yellow peril), «Китайская угроза» (англ. China threat или Chinese danger) — концепции, связанные с опасениями потенциальной агрессии со стороны отдельных азиатских народов и государств.

общины. Количество китайцев сократилось примерно на 20 процентов, с 39 тыс. 587 человек в 1921 году до 32 тыс. 528 человек в 1951 году.

Ещё до принятия «Акта об иммиграции китайцев», предрассудки и дискриминация по отношению к китайцам среди местного населения уже успели укорениться. В то время китайцы находились в статусе низшей расы. Законодательство лишило их права голосовать, занимать государственные должности и владеть имуществом, ввело ограничения на деятельность, которой они могли заниматься, и доступ к жилью. Постоянные протесты рабочих из местного населения и профсоюзов мешали китайцам спокойно зарабатывать себе на жизнь. Вдобавок к тому, что им приходилось вносить высокий подушный налог, они ещё и получали более низкую заработную плату. В таких суровых условиях китайцам пришлось занять свою нишу на маленьких предприятиях, работая в прачечных, ресторанах и продуктовых магазинах. Китайцы часто работали поварами или слугами в богатых домах, в отличии от работников из белого населения, которые редко соглашались на такую работу. Китайские иммигранты искали любую работу, чтобы заработать и помочь своим семьям в Китае.

Ввиду отсутствия нормальной семейной жизни, китайские общины в Канаде создавали «добровольные» ассоциации по моделям традиционных китайских сообществ. Люди находили в таких ассоциациях не только моральную поддержку, но и могли обратиться за финансовой помощью к своим соотечественникам, а также воспользоваться банковскими или социальными услугами или помощью в трудоустройстве и предоставлении жилья.

Иммигрантам из сельских районов Китая, коих было большинство, обычно сложно было приспособиться к городским условиям, различные ассоциации помогали мигрантам адаптироваться к новой культуре и преодолевать предрассудки, дискриминацию и расизм по отношению к ним. Китайских ассоциаций в Канады было огромное количество и разнообразие: торговые ассоциации, специальные профессиональные ассоциации, молодёжные ассоциации, спортивные ассоциации, ассоциации китайского театра, школьные, ассоциации китайских газет и китайских церквей (в основном протестантских и католических).

Начало Второй мировой войны в 1939 году стало поворотным пунктом в истории китайских канадцев. Война дала возможность добровольцам пойти на службу, чтобы доказать свою лояльность и патриотизм и получить право голоса. Во время Второй мировой войны для подготовки специальных операций (British Special Operations Executive) в рядах британской армии была создана группа особого назначения – «Группа 136» (Force 136). Она осуществляла тайные миссии на оккупированных японцами территориях Юго-Восточной Азии, где бойцы должны были обучать местных солдат захватывать японское продовольствие и оборудование. В группу 136 в основном были завербованы азиаты из Юго-Восточной Азии, но в неё также входили около 150 канадских китайцев. Участие канадских китайцев в войне способствовало

уменьшению враждебности по отношению ко всей китайской общине в Канаде, о них также стали более положительно отзываться в средствах массовой информации.

В послевоенное время положение китайской общины стало заметно улучшаться. Многие дискриминационные законы были отменены, и права китайцев постепенно стали признаваться и канадским обществом, и государством. К тому же в войне Канада и Китай выступали в качестве союзников, и ущемление прав граждан Китая противоречило Уставу ООН. В 1947 году «Акт об исключении китайцев» был отменен. Хотя официально период исключения был окончен, однако на деле китайцы не могли пользоваться всеми права, которыми обладали местные канадцы, к ним по-прежнему относились как к неполноправным гражданам общества.

После отмены «Антикитайского Акта» сначала право въехать в страну было даровано тем членам семьи, чьи родственники уже проживали в Канаде. Благодаря этому многие китайские семьи смогли воссоединиться. Количество мужчин и женщин в китайской общине стало постепенно выровняться на один уровень.

Новая большая волна мигрантов стала прибывать в Канаду после 1967 года. Новоприбывшие мигранты очень отличались от тех, кто прибыл в начале XX века. Они постепенно начали менять облик и структуру китайского сообщества в Канаде. Многие из прибывших в этот период были образованными горожанами из Гонконга и Тайваня, в отличие от жителей сельской местности, приезжавших ранее. Материковый Китай перестал быть основным центром, откуда приезжали мигранты, причиной этому послужила революция в Китае, закончившаяся провозглашением социалистического государства — Китайской Народной Республики и боязнь распространения коммунистических идей на Запад, усугубила ситуацию и холодная война.

Долгое время Канада не признавала новое правительство КНР. Принципиально новой фигурой для развития двусторонних отношений между Канадой и КНР стал Пьер Эллиотт Трюдо[5]. Правительство Трюдо провозгласило новую политику в отношении к КНР и провело ряд реформ. В конечном итоге, произошла долгожданная нормализация отношений Канады с Китаем, в результате чего 13 октября 1970 года между двумя странами были установлены дипломатические отношения.

Итогом интеграции китайских иммигрантов в канадское общество стало принятие в 1971 году мультикультурализма в качестве официальной государственной политики страны. Канада стала первой в мире страной, последовавшей этим принципам.

В конечном итоге, общегосударственные компании, которые более 20 лет притесняли азиатов посредством влияния на федеральное правительство, принесли свои извинения за несправедливое отношение к китайским мигрантам в прошлом. Символические выплаты были сделаны оставшимся в живых плательщикам подушного налога и супругам, чьи мужья заплатили этот налог. Был сформирован

[5] Жозеф Филипп Пьер Ив Эллиотт Трюдо (фр. Joseph Philippe Pierre Yves Elliott Trudeau, 18 октября 1919 - 28 сентября 2000) - канадский политик, пятнадцатый премьер-министр Канады в 1968-1979 и 1980-1984 годах.

общественный фонд, направленный на сохранение памяти о несправедливости, с которой столкнулась китайская община в Канаде в то время.

В настоящее время многие потомки китайских мигрантов занимают высокое положение в политике, культуре, образовании, спорте и других видах деятельности, оказывая большое влияние на все сферы жизни канадского общества.

Список литературы

Anthony B. Chan. Chinese Canadians // The Canadian Encyclopedia – [electronic source] – URL: https://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/chinese-canadians

Arlene Chan. Chinese immigration act // The Canadian Encyclopedia – [electronic source] – URL: https://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/chinese-immigration-act

B. Singh Bolaria. Racial Oppression in Canada / Peter S.Li. Toronto.: Garamond Press, 1985. 232 p.

Edgar Wickberg. Chinese Associations in Canada, 1923-47 // Visible Minorities and Multiculturlism: Asians in Canada. Scarborough.: Butterworth and Company (Canada), 1980. P. 23-31.

Joseph F. Krauter. Minority Canadians: Ethnic Groups / Morris Davis. Agincourt.: Methuen Publications, 1978. 120 p.

Peter S. Li. The Chinese in Canada. Toronto, Oxford, NY: Oxford University Press, 1998. 190 p.

Клементьева Татьяна Владимировна
студентка 1 курса магистратуры
Восточного факультета СПбГУ[1]

Смысловая нагрузка главы «Горы и водоемы» трактата «Фэн су тун и» Ин Шао

Ин Шао 應劭 (165 г. н. э. – ум. ок. 204 г. н. э.) – государственный деятель и учёный конца династии Восточная Хань 東漢 (25 – 220 гг. н.э.). Он работал в период нестабильной внутреннеполитической ситуации в стране, когда центральная власть пришла в упадок и росло соперничество между «сильными домами». Стоя на стороне ослабленной императорской власти, Ин Шао в своих письменных трудах преследовал цель помочь императору в восстановлении порядка в государственной системе. Так, одну из своих работ, название которой можно перевести как «Проникновение в смысл поветрий и обычаев» (風俗通義, «Фэн су тун и»), он адресовал правителю и чиновникам с призывом искоренить заблуждения и суеверия, бытующие среди народа.

В «Хоу Хань шу», где содержится первая биография Ин Шао, о цели создания данной работы говорится следующее: «Сочинил “Фэн су тун [и]”, [чтобы провести] различие [между] именами и обозначениями категорий вещей, устранить недостойное внимания и сомнительное в нравах [своего] времени»[2]. Содержание большинства глав трактата можно отнести ко второй цели, т.е. проблемам искоренения ложных идей и культов, распространенных в обществе. Что же касается главы «Горы и водоемы», которой посвящена данная статья, то она по содержанию относится, скорее, к первой цели, касающейся вопросов терминологии.

Ввиду преимущественно политической проблематики работы глава «Горы и водоемы» обращает на себя внимание не сразу. Тем не менее, в результате ее перевода и изучения мы установили, что она несет особую идейную нагрузку, которая согласуется с общей идеей и замыслом других частей работы.

Обратимся к структуре данной главы. Она состоит из введения и девятнадцати небольших разделов, в каждом из которых рассматривается определенный географический термин, например: «Пять [священных] пиков» (五嶽, У юэ), «Четыре [главнейших] реки» (四渎, Сы ду), «Леса» (林, Линь), «Холмы» (丘, Цю), «Болота» (澤, Цзэ), «Каналы» (渠, Цюй) и т.д. Также в каждом разделе выражается точка зрения Ин Шао, которая вводится после устойчивой фразы «цзинь ань» (謹按, «по моему

[1] Научный руководитель – Маяцкий Д. И., к. филол. н., доцент кафедры китайской филологии.
[2]先秦两汉，史书，后汉书，列传，杨李翟应霍爰徐列传 Сянь Цинь Лян Хань, Ши шу, Хоу Хань шу, Лечжуань, Ян, Ли, Ди, Ин, Хо, Юань, Сюй лечжуань [Доциньская [эпоха и] две Хань, исторические книги, «Книга Поздней Хань», «Жизнеописания». «Жизнеописания Ян, Ли, Ди, Ин, Хо, Юань, Сюй»]. URL: https://ctext.org/hou-han-shu/yang-li-di-ying-huo-yuan/zhs (дата обращения 01.04.2021).

скромному замечанию»/ «с почтением замечу, что») с обязательным приведением одной или нескольких цитат из канонических или апокрифических источников, в которых раскрываются особенности географической единицы. Большая часть содержания главы, таким образом, представляет собой набор подобных цитат.

Прежде всего, в анализе стоит обратиться к введению данной главы, в котором Ин Шао обосновывает важность затронутой им темы:

> В «Каноне сыновней почтительности» сказано: «Совершенномудрые не в одиночку [совершают] установления, мудрецы не в одиночку [наводят] порядок, божества не выходят за рамки Неба и Земли, создают одухотворенные пещерные небеса, подобно тому как [они] основали пять [священных] пиков и учредили трех высочайших [3] ». В «Комментарии» сказано: «За пятью [священными] пиками следят три гуна, за четырьмя [главнейшими] реками следят чжухоу, за остальным [следят] или бо, или цзы и нани, в зависимости от величины». В «Шан шу» [говорится]: «Порядок во всем нигде не переходит в путаницу»[4]. Тот, кто является [истинным] правителем, вознаграждает за заслуги, жалует за это соответствующим рангом, нигде не возникает путаницы. В «Переменах» («И») сказано: «Горы и водоемы пронизаны ци». В «Записках о благопристойности» («Ли цзи») говорится: «Известные

[3] Комментатор Ван Лици 王力器 (см. Фэнсу тунъи цзяочжу / сост. Ин Шао, ред. Ван Лици. Пекин: Чжунхуа шуцзю, 2010. Ся цэ [Нижний том]. С. 445) отмечает, что второе предложение текста с ошибками цитируется из апокрифа к «Канону сыновней почтительности» под названием «Сяоцзин юань шэнь ци» 《孝经援神契》. Сам апокриф не сохранился, однако рассматриваемый фрагмент из него цитируется в тексте «Ле сянь чжуань» 《列仙傳》:《《孝经援神契》言，不过天地造灵洞虚，犹立五岳、设三台》. В переводе мы исходили из фразы, цитируемой из апокрифического текста.

[4] Перевод фразы «сянь чжи у вэнь»《咸秩無文》 остается под сомнением, поскольку существуют разные версии того, как следует трактовать ее. Комментируя данную фразу, Ван Лици (см. Фэнсу тунъи цзяочжу / сост. Ин Шао, ред. Ван Лици. Нижний том. С. 446) также приводит разные точки зрения, одна из которых, например, настаивает на том, что фраза «у вэнь»《无文》 означала применение иньских ритуалов взамен чжоуской ритуальной системы. Другой любопытной трактовкой может служить мнение современного китайского ученого Хэ Цзинчэна 何景成 о том, что фразу «у вэнь» следует понимать как «у минь» (《无愍》, «отсутствие тревоги»). Такой вывод автор делает на основе анализа ряда текстов *цзягувэнь* и *цзиньвэнь* и полагает, что значение всей фразы целиком состоит в том, что все общественные ранги выполняют свои обязанности, а порядок нигде не нарушается. См. Хэ Цзинчэн. 古文獻新證二則 Гу вэньсянь синь чжэн эр цзэ [Новое доказательство относительно двух терминов в древних письменных памятниках] / 中國文字研究 Чжунго вэньсюэ яньцзю [Исследования китайской литературы]. Вып. 26. С. 44 – 49.

Оставленный нами вариант перевода был позаимствован из Большого китайско-русского словаря (см. 《文》 пункт словарной статьи № 11, URL: https://bkrs.info/slovo.php?ch=文 , дата обращения: 01.04.2021).

горы и великие водоемы не [могут быть] пожалованы чжухоу». Поэтому собрал их [всех] по категориям и назвал «Горы и водоемы»[5].

Из текста введения можно заметить, что Ин Шао затрагивает здесь, в первую очередь, политическую административную проблематику. Он пишет о том, что мироздание существует в некотором порядке, который поддерживается не единолично, а с участием ряда лиц. Это подчеркнуто автором при помощи аналогии: как совершенномудрые совершали установления, пользуясь чужой помощью, так и император должен опираться на правильно выстроенную иерархию в делах управления. Переходя к вопросу о том, какую роль в утверждении порядка играют горы и водоемы, Ин Шао указывает на то, что территория страны богата разнообразием, она не только состоит из множества административных единиц, но и обладает сакральными горами, учрежденными божествами, а также великими горами и водоемами, имеющими особый статус. Соответственно, ввиду их важности должен соблюдаться и особый ритуал их почитания с учетом иерархии. Император, или «истинный правитель», и должен выступить, по мнению автора, главным ответственным за поддержание необходимого порядка.

Данные идеи получают дальнейшее развитие в двух первых разделах – «Пять [священных] пиков» («У юэ» 五嶽) и «Четыре [главнейших] реки» («Сы ду» 四瀆), причем, наиболее подробно они рассматриваются в первом из них.

В разделе «Пять [священных] пиков» Ин Шао дает наиболее важную информацию о каждой из пяти гор: перечисляет их по сторонам света, указывает на расположение храма, относящегося к тому или иному пику, описывает ритуал жертвоприношения в честь Неба и Земли, совершаемый в храме. Приведем небольшой отрывок из данного раздела, посвященный ритуалу жертвоприношения на г. Тайшань:

> Когда сменяется фамилия правящего дома и мандат Неба получает новый ван, он производит реформы в соответствии с волей Неба, за [приобретенные] заслуги и успехи совершает [на горе Тайшань благодарственные] жертвоприношения, чтобы сообщить [об этом] Небу и Земле. Конфуций сказал: «Почтивших жертвоприношениями горы Тайшань и Лянфушань, [кого] можно установить и пересчитать, было семьдесят два [правителя]»[6].

Из цитаты можно видеть, что Ин Шао вновь обращается к политической проблематике, которая конкретизирована здесь в идее почитания Тайшань как

---

[5] Фэнсу тунъи цзяоши 風俗通義校釋 [Замечания и комментарии к тексту «Проникая в смысл нравов и обычаев»] / Дун Хань Ин Шао чжуань; У Шупин цзяоши 【東漢】應紹撰，吳樹平校釋 [Восточная Хань. Соч. Ин Шао; замеч. и коммент. У Шупина]. – Тяньцзинь: Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ, 天津人民出版社, 1980. С. 365.

[6] Фэнсу тунъи цзяоши / Дун Хань Ин Шао чжуань; У Шупин цзяоши. С. 366-367.

традиционного способа демонстрации и утверждения новой единой власти в государстве.

Значительную часть первого раздела занимает описание инспекционных поездок императора по стране, в ходе которых он достигал каждого из пяти пиков и совершал соответствующие ритуалы. Весьма важной задачей таких поездок, по мнению Ин Шао, является контроль за деятельностью «на местах» и совершение кадровых перестановок. В подтверждение этой мысли автор подытоживает раздел словами: «[Что касается поездок в] горы, [то их совершают с целью] сравнить достоинства и проверить заслуги [чиновников], прогнать [со службы] нечестных и выдвинуть достойных»[7]. Таким образом, автор подчеркивает две функции политической власти, укрепляемой во время инспекционных поездок: ритуально-духовную и административную.

Раздел, посвященный четырем главнейшим рекам, как по общей структуре (указание географического расположения истоков и русла реки, а также храмов, относящихся к этим рекам), так и по форме совершаемых жертвоприношений не отличается от предыдущего раздела.

В остальной части главы, где представлены сведения о географических единицах меньшего масштаба, Ин Шао проводит классификацию гор и водоемов, указывает географическое расположение (область, уезд) наиболее прославленных или крупных единиц, о которых идет речь. Также практически ко всем географическим единицам даны краткие характеристики. По всей видимости, целью остальной части главы для Ин Шао было дать базовые географические сведения, которые могли быть необходимы императору и чиновникам в связи с управлением такой обширной территорией. Например, автор трактата отмечал, что каналы способствуют росту судоходства, а болота хорошо увлажняют земли поблизости от них и т.п.

Подводя итоги, на основании разбора в данной статье можно сделать вывод о том, что содержание главы «Горы и водоемы» в составе текста «Фэн су тун и» оказывается тесно взаимосвязанным с административно-политической тематикой всего текста. В данной главе эта взаимосвязь показана с разных сторон.

Во-первых, Ин Шао, создавая подробную классификацию и описание, косвенно указывает на то, что для осуществления управления страной императору и чиновникам необходимо обладать осведомленностью в географической терминологии и расположении известных гор и водоемов. Во-вторых, автор уделяет особое внимание традиционной обязанности императора контролировать ситуацию «на местах» и наводить в них порядок во время инспекционных поездок. И в-третьих, Ин Шао говорит о существенной важности опоры императора на сакральную власть, которая укрепляется за счет единой официальной идеологии, в том числе, посредством почитания «Пяти [священных] пиков» и «Четырех [великих] рек».

[7] Фэнсу тунъи цзяоши / Дун Хань Ин Шао чжуань; У Шупин цзяоши. С. 368.

Список источников и литературы

Источники:

Фэнсу тунъи цзяоши 風俗通義校釋 [Замечания и комментарии к тексту «Проникая в смысл нравов и обычаев»] / Дун Хань Ин Шао чжуань; У Шупин цзяоши 【東漢】應紹撰，吳樹平校釋 [Восточная Хань. Соч. Ин Шао; замеч. и коммент. У Шупина]. – Тяньцзинь: Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ, 天津人民出版社, 1980. С. 365 – 395.

Фэнсу тунъи цзяочжу 風俗通義校注 [«Проникая в смысл нравов и обычаев» с комментариями] / (Хань) Ин Шао чжуань, Ван Лици цзяочжу (漢)應紹撰;王利器校注 (Хань) сост. Ин Шао, ред. Ван Лици. Пекин: Чжунхуа шуцзю 中華書局, 2010. 下冊 Ся цэ [Нижний том]. ISBN 978-7-101-07385-0. С. 445 – 485.

Литература:

M. E. Lewis. Regions and Customs // The Construction of Space in Early China. – New York: State University of New York Press. Pp. 189 – 245.

M. Nylan. Feng su t’ung i 風俗通義 // Early Chinese Texts: A Bibliographical Guide / ed. by M. Loewe. – Berkeley: Society for the study of early China, Institute of East Asian studies, University of California, 1993. Pp. 105 – 112.

M. Nylan. Feng su t’ung yi: an Exploration of Problems in Han Dynasty Political, Philosophical and Social Unity. A Dissertation presented to the Faculty of Princeton University in candidacy for the degree of Doctor of Philosophy. – Princeton: Princeton University, 1982. 642 p.

The Cambridge History of China / ed. by D. Twitchett and J. K. Fairbank. – New York: Cambridge University Press, 2008. Vol. 1. The Ch'in and Han Empires, 221 B.C. – A.D. 220. Pp. 291 – 806.

Ying Shao 應劭: [сайт] // An Encyclopaedia on Chinese History, Literature and Art. – URL: http://www.chinaknowledge.de/History/Han/personsyingshao.html (дата обращения 07.12.2020).

Клочкова Ирина Петровна
студентка 4 курса
гуманитарного факультета СПбГЭУ[1]

Приграничные взаимоотношения КНР и Мьянмы: современность и перспективы развития

Китай и Мьянма – страны, которые объединяют не только граница в 2100 км, но и столетия тесного приграничного торгово-экономического сотрудничества и культурного обмена. Современный этап экономического сотрудничества начался в начале 2000-х годов в связи с первыми шагами по открытию Мьянмы внешнему миру и постепенной демократизации политического режима. В ходе данного исследования был сделан вывод о том, что приграничные взаимоотношения весьма логично можно разделить на 2 части: сотрудничество в сфере энергетики и внеэнергетические отношения соответственно.

Первым этапом было налаживание сотрудничества именно в области энергетики, а именно создание 2 параллельных линий нефтепровода и газопровода, каждый стоимостью $2.5 млрд. [2] Их важность объясняется сложной ситуацией вокруг Малаккского пролива и необходимостью альтернативы для транспортировки нефти из Африки и Ближнего Востока в Китай.

Энергетические проекты Китая направлены на развитие южных, в дальнейшем и северо-западных материковых провинций Китая, давая им статус транзитных регионов. Провинции Юньнань, Гуйчжоу и Гуанси получают возможность ускоренного развития за счет реализуемых проектов улучшения инфраструктуры и доступа к углеводородным ресурсам, становясь важным звеном китайской энергетической безопасности. Китай в свою очередь помогает модернизировать старую сеть морских баз и портов Мьянмы. (Neslihan Topcu, 2020)

В 2015 году первая партия нефти с Ближнего Востока объемом около 1 млн баррелей поступила в нефтепровод, пропускная способность которого составляет около 22 млн тонн в год. Это составляет около 8% всей импортируемой в Китай нефти. По условиям соглашения, Мьянма может забирать до 2 млн тонн нефти в год. Нефтепровод очень важен для Китая, поскольку позволяет значительно сократить сроки доставки топлива. В 2019 году по нефтепроводу Китаем было импортировано уже 10,8 млн тонн сырой нефти (прирост на 6,5% по сравнению с 2018 годом). (Zhang Ruosui, 2020)

Такую же важную роль играет Мьянма и в транспортировке газа, т.к. Мьянма является 3 основным поставщиком газа для Китая (после Туркменистана и Узбекистана соответственно). Ежегодно объемы импорта газа растут. Так, в 2019 году импорт

[1] Научный руководитель - к. э. н. Ермакова Наталья Александровна
[2] Изображение см.: Маршруты транспортировки нефти и газа в КНР через Мьянму

природного газа из Мьянмы в Китай составил 3,4 млн тонн (рост на 54% по сравнению с 2018 годом), или 12,1 млрд юаней в стоимостном выражении. Выгодность проекта для Китая обусловлена его сравнительной: 1 км участка МГП Мьянма-Китай стоит $3 млн, а 1 км идентичного по сложности МГП Туркменистан - Китай уже более $5,5 млн.

Экономические отношения Мьянмы и КНР имеют и отрицательную сторону. Очевидно, что существует опасность возникновения полной зависимости экономики Мьянмы от Китая, но в настоящее время невозможно изменить эту ситуацию. Инфраструктура, соединяющая две сети, пересекает зоны вооруженных конфликтов на севере Мьянмы. Эти дорогостоящие инфраструктурные объекты могут пострадать в результате военных действий или диверсий, что является главным риском с точки зрения инвесторов. Мьянма оказалась в центре геополитических интересов таких стран, как Китай, США, Индия, с которыми Мьянма связана экономическими и военными отношениями.

Сильное влияние КНР на экономику Мьянмы вызывает недовольство части населения страны. Причины этого недовольства связаны с неоднозначными последствиями крупных китайских проектов на жизнь Мьянмы. Наиболее ярко иллюстрирует эту проблему известный проект строительства плотины Mitsone, которая при благоприятном исходе стала бы 15-й в мире по величине. Плотина бы обеспечивала электроэнергией южную энергосистему Китая. Китай утверждал, что не будет первичным рынком электроэнергии, и заявил, что Мьянма будет первой претендовать на произведенную электроэнергию (10%), а остальная часть будет экспортироваться. Мьянманское правительство заработало бы около $54 млрд за счет налоговых платежей, электроэнергии и акций, а через 5 лет проект был бы полностью передан правительству Мьянмы. (Zhang Ruosui 2020)

Проект был воспринят частью населения Мьянмы враждебно из-за ряда негативных последствий, к которым относятся следующие:

– будет затоплена огромная территория;
– пострадают основные районы рисоводства;
– создается угроза близлежащим населенным пунктам;
– вырабатываемая электроэнергия будет распределятся неравномерно между двумя странами;
– плотина воспринимается как проявление эксплуатации Мьянмы Китаем.

В 2011 году президент Тейн Сейн объявил, что проект приостановлен на время его пребывания в должности. Обе стороны понесли миллионные убытки, заморозка проекта негативно сказалась на двухсторонних отношениях. Такая же участь постигла и ряд других проектов. Однако, несмотря на протесты общественности, возможно возрождение проекта в будущем, т.к. его лоббирует китайская сторона.

В настоящее время основное внимание уделяется неэнергетической сфере. Были выделены 3 основных направления совместной деятельности Мьянмы и Китая:

1. Поддержание безопасности приграничных территорий.
2. Создание развитой транспортно-логистической сети, обеспечивающей Китаю выход к Индийскому океану.
3. Декриминализация трансграничной торговли.

Эти направления объединены проектом по созданию полноценного экономического коридора Китай-Мьянма (CMEC), утвержденного в 2019 году. Здесь главную роль играть провинция Юньнань, которая является одной из медленно развивающихся внутренних провинций Китая с высоким уровнем бедности (ВРП на душу населения в 2019 г. составило 47944 юаня, что в 2 раза меньше, чем у ближайшей провинции Гуандун) (Statista, 2019). Благодаря своему географическому положению провинция имеет большие преимущества в региональной и приграничной торговле со странами Юго-Восточной Азии. Кроме того, через нее проходит путь к Индийскому океану. Следовательно, развитие транспортной сети - необходимое условие для развития экономики провинции. В провинции развивается сеть железных дорог (в т.ч. и среднескоростной линии) связанных с соседними странами Юго-Восточной Азии[3]. Таким образом Юньнань, действительно, становится для Китая окном в этот регион. Один из самых известных проектов - железная дорога из г. Мусэ в Мандалай, которая будет связана со второй веткой, которая будет простираться на запад до нефтеналивного порта Кьяукпхью (Taguchi Hiroyuki and Keiichiro Oizumi 2014). Однако продолжающийся вооруженный конфликт и непрекращающееся недовольство китайскими инвестициями означают, что будущее CMEC остается неопределенным.

Нестабильная ситуация в приграничных зонах севера Мьянмы - основной сдерживающий фактор двусторонних отношений. В 2016 году в результате боевых действий в северном штате Качин погибли 13 и были ранены около 40 человек. На территорию КНР перешло около 3 тысяч беженцев, которым китайские власти обеспечили условия для временного пребывания.

Из-за подобной обстановки инвестирование теряет привлекательность, и при строительстве разных инфраструктурных проектов главным риском считается прохождение через зону военного конфликта. Также велика доля криминальной трансграничной торговли в этом регионе. Северная часть Мьянмы входит в состав так называемого «золотого треугольника», центра производства наркотиков в ЮВА, которые, по некоторым неофициальным источникам, поступают и в Китай.

В связи с тем, что наземные перевозки несут в себе опасность, Мьянма и Китай находят новые пути, а именно использование р. Иравади, главного водного пути Мьянмы. План предусматривает транспортировку грузов автомобильным или

[3] Изображение см.: Проект создания трансазиатской железной дороги с начальным пунктом в Кунмине.

железнодорожным транспортом от китайской границы до северного речного торгового узла в Бамо, откуда можно плыть в Индийский океан.

Приграничная торговля КНР и Мьянмы основывается на обрабатывающей промышленности, местном сельском хозяйстве и биологических ресурсах. Порт Жуйли - крупнейший сухопутный порт на границе Китая и Мьянмы. В 2019 году объем внешней торговли порта составил $11,64 миллиарда, что на 14,5% больше, чем в прошлом году, а годовой грузооборот достиг 17,46 миллиона тонн, что на 24,3% больше, чем в 2018 году. Также существуют несколько зон приграничного экономического сотрудничества. По сути, это - промышленные парки, созданные для развития торговли, переработки, сельскохозяйственных ресурсов (бананы, каучук) и туризма. Частные китайские инвесторы, в большинстве своем из Юньнани, вкладывают средства в сельскохозяйственные плантации Мьянмы, откуда продукция поступает в Китай. (Kudo Toshihiro 2013)

По мере того, как частные инвесторы из Юньнани вторгаются в нерегулируемый сельскохозяйственный сектор северных регионов со сложной внутренней обстановкой, растет влияние теневого сектора экономики, что способствует безнаказанности деятельности китайских корпораций на территории Мьянмы. Поэтому в ходе исследования был сделан вывод, что приграничные сельскохозяйственные города и деревни должны быть преобразованы в одну из приграничных торговых зон в рамках недавнего экономического соглашения и вся деятельность строго легализована.

Обратимся к наиболее актуальном этапу двухсторонних отношений и их дальнейшим перспективам. 1 февраля 2021 года в Мьянме случился очередной военный переворот, в ходе которого лидеры прежнего правительства были арестованы, а к власти вернулись военные генералы. Как же это скажется на рассмотренных крупных проектах, связывающих Китай и Мьянму? Практика показывает, что Китай очень осторожен в области вмешательства во внутренние процессы в Мьянме. К примеру, в 2016–2017 годах, во время обострения гуманитарного кризиса мусульманского народа рохинджа в Мьянме, ряд западных стран ввел санкции против руководства Мьянмы. В то же время Китай никак не участвовал в данном процессе. Не стоит забывать, что все рассмотренные проекты начали развиваться в 2010-е годы, единственное десятилетие, когда у власти находилась демократическая партия. Вероятность, что военное руководство воспрепятствует отношениям с Китаем, минимальная, так как, учитывая объемы вложенных средств, это уже практически невозможно, к тому же такое решение повлечет за собой тяжелые последствия, несравнимые с последствиями санкций от западных стран. Наиболее вероятно, что на этот период Китай сконцентрируется на других направлениях реализации Нового шелкового пути, но нельзя отрицать, что такая обстановка в целом выгодна для Китая, потому что в условиях введения санкций он остается единственным и главным актором в регионе. Таким образом, перспектива приграничного сотрудничества даже на сегодняшний день положительная, но внутренняя ситуация в Мьянме - действительно

серьезная проблема для всех сторон. 60 лет гражданских войн, военного правления и изоляции Мьянмы, очевидно, не могут не иметь последствий. На данный момент исследователям остается лишь наблюдать за ходом конфликта в Мьянме и надеяться на его мирное урегулирование.

Иллюстрационное приложение

Рис.1 Маршруты транспортировки нефти и газа в КНР через Мьянму4

Рис. 2 Проект создания трансазиатской железной дороги с начальным пунктом в Кунмине5

Список использованной литературы

Статистическое агентство Statista URL: https://www.statista.com/statistics/1093666/china-per-capita-gross-domestic-product-gdp-by-province/ (дата обращения: 12.04.2021)

Kudo, Toshihiro (2013). Myanmar's border Trade with China: roads, gates, and peace. In: Ishida, M. (ed.) Border Economies in the Greater Mekong Sub–region., pp. 279–295, Palgrave Macmillan, Hampshire and New York.

Neslihan Topcu (2020) A Relationship on a Pipeline: China and Myanmar. China Research center Vol. 19, No. 3 URL: https://www.chinacenter.net/2020/china_currents/19-3/a-relationship-on-a-pipeline-china-and-myanmar/ (дата обращения: 11.04.2021)

Taguchi, Hiroyuki and Keiichiro Oizumi (2014). Trade integration of Yunnan and Guangxi with the Greater Mekong Sub–region re–visited. China Economic Policy Review 3(1), pp.1–14.

Zhang Ruosui (2020) To suspend or not to suspend: a cost-benefit analysis of three Chinese mega-projects in Myanmar URL:

[4] Источник: Новостное агентство Irrawaddy (2013) China Begins Receiving Natural Gas from Shwe Pipeline

[5] Источник: Новостное агентство Bangkokpost (2018) Belt tightening

https://www.tandfonline.com/doi/ref/10.1080/09512748.2020.1776757?scroll=top (дата обращения: 11.04.2021)

Новостное агентство Bangkokpost (2018) Belt tightening URL: https://www.bangkokpost.com/business/1512518/belt-tightening (дата обращения: 11.04.2021)

Новостное агентство Irrawaddy (2013) China Begins Receiving Natural Gas from Shwe Pipeline URL: https://www.irrawaddy.com/news/burma/china-begins-receiving-natural-gas-from-shwe-pipeline.html (дата обращения: 11.04.2021)

Колотова Надежда Владимировна
студентка 4 курса кафедры Истории стран Дальнего Востока
Восточный факультет СПбГУ[1]

Особенности формирования политической системы Вьетнама в 1954–1975 гг.

В ходе ожесточенной борьбы за власть в Первой Индокитайской войне (1946-1954), которая закончилась победой коммунистов в битве при Дьенбьенфу, бывшие «преступники» стали легитимной властью, а французские колониальные власти были вынуждены покинуть Демократическую Республику Вьетнам (Северный Вьетнам) и остаться в Южном Вьетнаме.

Через день после победы коммунистов в битве при Дьенбьенфу 8 мая 1954 года была открыта вторая секция Женевской конференции, посвященная судьбе Индокитая. На конференции присутствовали министры иностранных дел СССР, Франции, Англии, США и КНР, а также представители ДРВ, Южного Вьетнама, Камбоджи и Лаоса. Лишь 20 июля 1954 г. было подписано Соглашение о прекращении военных действий во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже. В ходе конференции были признаны права, суверенитет и территориальная целостность Вьетнама. Согласно подписанному Соглашению Франция была обязана вывести свои войска из Индокитая, а Вьетнам был временно (до проведения референдума, который должен был произойти 20 июля 1956 г.), разделен на две части по 17 параллели с демилитаризованной зоной. Женевское соглашение несет в себе большое значение для создания базы для дальнейшего освобождения Южной части страны и объединения Вьетнама (21 juillet 1954).

В 50-х г. XX в. основная миссия ДРВ заключалась в концентрации своих сил на восстановлении экономики и объединении страны в согласии с Женевскими соглашениями. Таким образом, в феврале 1955 г. была издана декларация о поощрении всесторонних обменов между северной и южной частью Вьетнама, направленных на улучшение отношений. Однако все попытки ДРВ наладить отношения были проигнорированы РВ (Nguyễn Thị Lan 2018, с. 100).

Оформление основ политической системы ДРВ происходило в следующем порядке:

- 1930 год – создание Коммунистической Партии Индокитая;
- 2 сентября 1945 года – провозглашение Независимости Вьетнама;
- 13 сентября 1945 – появление Военного суда;
- 6 января 1946 года – первые выборы Национального собрания ДРВ;
- 9 ноября 1946 года – утверждение первой Конституции ДРВ;

[1] Научный руководитель – д. и. н., проф. Колотов Владимир Николаевич

- 9 ноября 1946 года – формирование Правительства ДРВ во главе с Президентом, а также кабинетом Министров;
- 1950 год – признание ДРВ со стороны КНР, СССР и др.;
- 1954 год – освобождение Ханоя и установление легитимной власти Партии трудящихся Вьетнама в Северном Вьетнаме;
- 31 декабря 1959 год – утверждение новой Конституции с учетом всех произошедших изменений; переименование Правительства ДРВ в Правительственный совет ДРВ;
- 1960 год – III Съезд Народных депутатов Партии;
- Избрание нового Президента ДРВ, переизбрание Хо Ши Мина;

В 1960 г. на III Съезде народных депутатов ДРВ был провозглашен новый политический курс, который получил название Система диктатуры пролетариата и действовал до перехода к политике Обновления 1986 г. В данной системе вся власть принадлежала народу и основывалась на его потребностях. Ключевое место в такой политической системе занимала Партия трудящихся Вьетнама. Несмотря на одновременное существование нескольких партий, Демократической и Социалистической Партий, они признавали приоритет Партии Трудящихся Вьетнама (Nguyễn Thị Lan 2018, с. 180-182).

Что касается Южного Вьетнама, то ключевой фигурой данного периода стал Нго Динь Зьем. Он привлек внимание американских сил своими оппозиционными, антикоммунистическими и антифранцузскими взглядами. Опираясь на поддержку США, он смог довольно быстро подняться по политической лестнице в Южном Вьетнаме, устранив силы, которые ему противостояли в лице профранцузских деятелей, армию Бао Дая, а также частично отряды Биньсюен и вооруженные силы сект Каодай и Хоахао (Колотов 2001, с. 189). Так, в июне 1954 г. он стал премьер-министром, а далее в ходе референдума о форме правления и главе государства 23 октября 1955 г. Нго Динь Зьем стал президентом Республики Вьетнам.

В отношении общевьетнамского референдума об объединении страны Зьем заявил в сентябре 1955 года, что «правительство не намерено идти ни на какое совещание по поводу «общевьетнамских выборов» в 1956 году» (Новакова, Цветов 1995, с. 224).

Основной чертой политической системы Республики Вьетнам является её искусственность (Новакова, Цветов 1995, с. 224), и на это указывали следующие факторы:

– Наличие нескольких партий с одинаковыми программами, которые фактически действовали по указке правительства и никак не перечили основной линии (Новакова, Цветов 1995, с. 229): правящая Трудовая революционная персоналистская партия (позже трудовая католическая партия), которая была предназначена лишь для

правящего слоя (Колотов 2001, с. 204), Партия Фукхынг, Националистская партия Дайвьет, Демократическая-социалистическая партия Вьетнама;

– Идеология режима: спиритуализм, адаптированный под национальные особенности, который признает «личность первичной творческой реальностью и высшей духовной ценностью, а весь мир проявлением творческой активности верховной личности – бога. Идеология использовалась на деле как подпора репрессиям и террору. Так, в марте 1958 года администрацией Нго Динь Зьема коммунизм был объявлен вне закона, а сами коммунисты в Республике Вьетнам должны быть подвергнуты смертной казни (Новакова, Цветов 1995, с. 229);

– Помимо этого режим опирался на США, католическую верхушку, помещиков, компрадоров (Новакова, Цветов 1995, с. 229).

Основная цель Партии трудящихся Вьетнама на протяжении 1960-1975 гг. заключалась в свержении проамериканских режимов. Так, в 1959 г. было проведено подпольное совещание руководителей революционного движения, где южновьетнамский режим был обозначен как орудие агрессии и порабощения в руках американского империализма, а верным способом борьбы с этим является революционное насилие и истребление южновьетнамского режима. Для этого была создана комплексная система коммуникаций из Северного Вьетнама в Южный через Лаос и Камбоджу – «Тропа Хо Ши Мина». К 1975 г. «Тропа» имела протяженность в несколько тысяч километров (Новакова, Цветов 1995, с. 232). На 15 пленуме ЦК Партии была разработана новая стратегия борьбы за объединение страны. Так, на третьем съезде Партии трудящихся Вьетнама в 1960 г. было обозначено, что необходимо «освободить южную часть Вьетнама от вражеского американского правления и его марионеток, объединить Родину, а также объединить и демократизировать всю страну» (Đảng Cộng…, с. 916; Nguyễn Thị Lan 2018, с. 103).

В 1960 г. в одной из освобожденных областей Южного Вьетнама был проведен Конгресс патриотических сил, где был образован Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама. В течение года к Фронту присоединилось около 20 политических организаций юга, насчитывающих в общей сложностей примерно миллион человек. Это был довольно успешный проект, который смог поставить под угрозу влияние США на Юге (Новакова, Цветов 1995, с. 234).

Южновьетнамский режим также расшатывал «буддийский кризис» 1963 г., когда вьетнамские буддисты были подвергнуты репрессиям со стороны католического клана Нго. Знаменателен расстрел десятитысячного шествия буддистов по случаю дня рождения Будды. В ответ начались массовые демонстрации, акты самосожжения буддийских монахов, голодовки. В поддержку буддистов выступили политические организации Южного Вьетнама, в том числе и Национальный фронт (Колотов 2001, с. 222-226).

2 ноября 1963 г. в ходе военного переворота, организованного полицейскими, был убит президент Республики Вьетнам Нго Динь Зьем и его брат Нго Динь Ню. Со 2

ноября 1963 г. власть возглавляла военная хунта, возглавляемая буддистом, генералом Зыонг Ван Минем. Военная хунта распустила прежнее правительство и сформировала военно-революционный комитет из 12 генералов, которому передавалась вся законодательная и исполнительная власть (Колотов 2001, с. 227).

Потерпев неудачу в проведении «особой войны» был разработан «план Макнамары», который заключался в концентрации всех войск в семи конкретных стратегически важных зонах для ликвидации сил Национального фронта. Однако на протяжении 60-х гг. этот план все также имел переменный успех. После первых же агрессивных действий США – правительство Северного Вьетнама развернуло пропагандистскую и мобилизационную деятельность, разработало план развития своего оборонного потенциала. Уже в 1965 г. во Вьетнаме благодаря поддержке СССР и КНР были созданы новые типы войск: воздушные и ракетные. Также ДРВ заручилось поддержкой мировой общественности, осуждавшей действия США во Вьетнаме (Новакова, Цветов 1995, с. 237).

Точка в конфликте между двумя частями Вьетнама и США была поставлена 27 января 1973 г. в ходе подписания Парижских соглашений. Согласно этим соглашениям на следующий день на всей территории Вьетнама должны были быть прекращены военные действия, а США в течение 60 дней должны были вывести свои войска и демонтировать свои сооружения на территории Республики Вьетнам. В подписании соглашения принимали участие 4 стороны: ДРВ, Временное революционное правительство Республики Вьетнам, Республика Вьетнам и США. Помимо этих четырех сторон также присутствовали и сторонние наблюдатели: СССР, Великобритания, Франция, Китай и страны-члены комиссии по контролю и наблюдению: Польская Народная Республика, Венгерская Народная Республика, Индонезия и Канада (Новакова, Цветов 1995, с. 251).

Однако Южный Вьетнам с момента подписания Парижского соглашения до марта 1975 г. так и продолжал находиться в военном положении и продолжал игнорировать положения соглашения. 10 марта 1975 г. началось генеральное наступление сил ДРВ. Всего лишь за первый месяц было освобождено 16 провинций и 6 крупных городов Южного Вьетнама, а 9 апреля началась операция по освобождению Сайгона – столицы Республики Вьетнама. 29 апреля начались массовые народные восстания, а к 11 утра следующего дня власть перешла в руки коммунистов. Таким образом, на юге страны рухнул тридцатилетний американский режим (Новакова, Цветов 1995, с. 251).

Ключевой особенностью политической системы Вьетнама периода с 1954 по 1975 гг. является одновременное существование двух правительств в двух частях страны. В Демократической Республике Вьетнам действовала система, ключевым звеном которой являлась Партия трудящихся Вьетнама (название КПВ с 1951 по 1975 гг.). В то время как в Южном Вьетнаме существовал прозападный марионеточный режим, который систематически нарушал подписанные Женевские соглашения. Становление

единой политической системы Вьетнама происходило во время ожесточенной борьбы за независимость и воссоединение единого Вьетнама.

Главными факторами победы вьетнамского народа в борьбе против американской агрессии является грамотное использование политтехнологий, нацеленных на сохранение суверенитета, а также поддержка Советского союза, других Социалистических стран и соседних дружественных стран, таких как Камбоджа и Лаос.

Список использованной литературы:

21 juillet 1954. Accords de Genève sur l'Indochine. https://www.herodote.net/21_juillet_1954-evenement-19540721.php (16.02.2021)

Đảng Cộng sản Việt Nam: Văn kiện Đảng toàn tập, Sđd, t.21, tr. 916.

Nguyễn Thị Lan (ch.b.), Trịnh Thị Hạnh, Bùi Thanh Phương… Giáo trình đường lối cách mạng của Đảng Cộng sản Việt Nam: Dành cho sinh viên khối không chuyên ngành Mác-Lênin, tư tưởng Hồ Chí Minh. H.: Chính trị Quốc gia; Tái bản, 2018. 280 tr.

Колотов В. Н. Сайгонские режимы: Религия и политика Южного Вьетнама (1945-1963). СПб.: Изд-во СПб ун-та, 2001. 308 с.

Новакова О. В., Цветов П. Ю. История Вьетнама. Ч. 2/ Учебник. М,: Изд-во МГУ, 1995. 272 с.

Кондаков Никита Сергеевич
магистрант 1 курса Института стран Азии и Африки
МГУ имени М.В. Ломоносова[1]

Китай и Центральная Азия: развитие и реализация курса «дипломатии добрососедства»

Путь всестороннего развития, пройденный Китайской Народной Республикой за последние 30 лет, окончательно утвердил ее в качестве одной из ведущих мировых держав. Изменения, произошедшие в самом Китае, а также в его окружении, повлекли за собой значительный рост статуса и положения КНР, приобретение им новых возможностей и средств влияния, прежде всего экономического. Это не могло не привести к постановке новых стратегических целей и обновлению подходов и инструментов проведения внешней политики. Распад Советского Союза и последующее образование новых независимых государств, периодически вспыхивающие конфликты, например, с Индией и Мьянмой, территориальные споры в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, «возвращение» США в Азиатско-Тихоокеанский регион вынудили Китай по-новому взглянуть на периферийную дипломатию. В целях сохранения своего ведущего положения в регионе и ответа на актуальные геополитические вызовы, китайское руководство делает ставку на «дипломатию добрососедства» ─ актуальный внешнеполитический курс в отношениях с соседними государствами.

Для Китая, позиционирующего себя в качестве одного из ведущих государств мира, до конца XX века приоритетными оставались отношения с «большими державами», такими как США, Россия, Япония и др. Признание важности выстраивания отношений с соседями[2] окончательно произошло уже в начале XXI столетия, хотя предпосылки к выбору курса на «добрососедскую дипломатию» имелись и на более ранних этапах (Michael D. Swaine, 2014, pp. 3-4).

В отчётном докладе Генерального секретаря ЦК КПК Цзян Цзэминя XVI съезду Коммунистической партии Китая отдельно выделялась значимость периферийной дипломатии. С приходом к власти Ху Цзиньтао в 2003 году курс на сближение с соседями продолжился, что отражено во внешнеполитическом подходе, согласно которому для Китая «отношения с большими державами ─ ключевые, с периферией ─ первостепенные» (大国是关键、周边是首要, *даго ши гуаньцзянь, чжоубянь ши шоуяо,* Информационное бюро Госсовета КНР). В октябре 2003 года Премьер Госсовета КНР

[1] Научный руководитель — к. полит. н. Ольга Юрьевна Адамс.
[2] Речь идет о странах, имеющих с КНР общую сухопутную или морскую границу, а также географически близких государствах и регионах, например, страны Северо-Восточной, Юго-Восточной, Центральной Азии и др. См.: Лузянин С. Г. Китай и "ближнее окружение": региональные и двусторонние аспекты отношений // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 3. С. 4.

Вэнь Цзябао в своей речи на саммите АСЕАН определил критерии, согласно которым проводится «политика добрососедства»: цель Китая «дружественное, безопасное и приносящее богатство соседство» (“睦邻”、“安邻”和“富邻”, *мулинь, аньлинь, хэ фулинь*) (Посольство КНР в Великом Герцогстве Люксембург). Однако, стоит отметить, что подход «большие державы ─ ключ, периферия ─ приоритет» достаточно широк и окончательно не закрепляет верховенства ни одного из векторов внешней политики. Отчасти этот факт связан с развитием теории «гармоничного мира» Ху Цзиньтао, пришедшей на смену концепции «мирного возвышения» Китая, и предполагающей построение системы «глобального добрососедства», где больше внимания уделялось общей нормализации отношений между государствами, нежели ранжированности отношений с партнёрами.

Усиление территориальных споров и растущие в Азии представления о «китайской угрозе» заставили руководство КНР пересмотреть и скорректировать дипломатический курс в отношении соседей. Новое поколение китайских руководителей во главе с Си Цзиньпином продолжило стратегический курс своих предшественников, однако с 2013 года периферийная дипломатия занимает приоритетное положение во внешней политике. Об этом свидетельствуют как заявления китайских властей и их практические действия, так и мнения китайских политологов. После вступления в должность Си Цзиньпина был проведён рабочий форум по вопросам китайской периферийной дипломатии (24-25 октября 2013 года), а затем состоялась Центральная конференция КПК по работе, связанной с иностранными делами (29 ноября 2014 года), повестка которой затронула и вопросы сотрудничества с соседними государствами. В этот же период, известный китайский исследователь международных отношений, Янь Сюэтун, опубликовал 2 статьи, где формулирует тезис о том, что Китаю разумнее и выгоднее выстраивать отношения со странами из ближнего окружения, так как дружественная периферия залог возвышения самого Китая (Yan Xuetong, 2015). Таким образом, вторая декада XXI века ознаменована поворотом китайской дипломатии в сторону выстраивания отношений с соседними государствами.

Крах советской системы в 1991 году кардинально перекроил геополитическую карту центральноазиатского региона, что не могло не отразиться на выборе Китаем подходов и инструментов внешней политики. До 1991 года сотрудничество в Центральной Азии строилось на диалоге двух сопредельных больших социалистических государств: все ключевые вопросы, включая территориальные разногласия на советско-китайской границе, обсуждались центральными властями. В новых же условиях Пекин вынужден был иметь дело уже с группой небольших независимых государств, чьи цели развития зачастую кардинально различались.

Говоря о сути «добрососедской дипломатии», отметим, что она сочетает в себе публичную, экономическую, народную, цифровую и другие виды дипломатии. Экономическая сторона «дипломатии добрососедства» предполагает расширение и

углубление экономических связей в регионе, что, по мнению многих экспертов, может привести усилению зависимости менее развитых центральноазиатских государств от Китая. Китайская сторона, в свою очередь, настаивает на том, что это партнёрство будет «взаимовыгодно и взаимовыигрышно». Так или иначе, региональная экономическая кооперация, развивающаяся с каждым годом, даёт свои плоды: в период 1992-2019 гг. товарооборот между Китаем и центральноазиатскими государствами вырос с 444 млн до 50 млрд долларов (Asia-Pacific Regional Cooperation and Integration Index). Не случайно и то, что в сентябре 2013 года Си Цзиньпин, выступая с речью в Назарбаев Университете в столице Казахстана Астане[3], анонсировал глобальный экономический проект «Один пояс ─ один путь» (一带一路, *идай илу*). Цель его состоит в «содействии экономическому процветанию и региональному экономическому сотрудничеству, укреплению обмена и взаимного обучения между цивилизациями, содействии миру и развитию» (Посольство КНР в Российской Федерации).

Инициатива «Один пояс ─ один путь» демонстрирует насколько важны китайской стороне добрососедские отношения на периферии, где роль Центральной Азии как в связующего звена на евразийском пространстве, становится определяющей. «Один пояс ─ один путь» ─ не единственный совместный масштабный проект в регионе: реализуются планы по строительству автомагистралей, высокоскоростных железных дорог, расширяется энергетическое сотрудничество, например, нефтепровод «Казахстан - Китай» и три ветви газопровода «Центральная Азия - Китай» позволяют поставлять в Китай более 90 млрд тонн нефти и свыше 170 млрд куб.м газа в год (Forbes Kazakhstan, 2017). Однако, оценки и мнения о росте китайских инвестиций в регионе не всегда положительны, а скандалы в государствах Центральной Азии с участием китайских компаний только усиливают настороженность местного населения (Бейшенбек-кызы, 2018).

Ответом Китая на растущую озабоченность соседей по поводу растущего китайского присутствия в регионе становится публичная дипломатия, направленная на создание положительного информационного фона вокруг деятельности страны в регионе. «Мягкая сила» и «второе направление дипломатии»[4] становятся основными инструментами политического влияния в этой области. В регионе один за другим открываются Институты Конфуция, китайские СМИ наращивают своё присутствие в регионе, количество студентов изучающих китайский язык и студентов, обучающихся в Китае, растёт с каждым годом. По данным Министерства образования КНР в 2018 году Казахстан вошел в топ-10 стран по количеству студентов, обучающихся на территории Китая — 11784 человек (Министерство образования КНР).

---

[3] В 2019 году столица Республики Казахстан была переименована в Нур-Султан.

[4] «Второе направление дипломатии» (англ.: Track Two Diplomacy) - неофициальная дипломатия. Деятельность проводится в формате неформального, неофициального диалога между частными лицами или неправительственными, некоммерческими организациями. Представители этого направления - ученые, исследователи, журналисты, известные личности, дипломаты в отставке.

В последние годы важнейшим элементом добрососедской дипломатии становятся вопросы безопасности. В некоторых регионах Китая ситуация остаётся напряжённой. Один из таких регионов ─ Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР), является приграничной зоной. Учитывая близость нестабильных исламских государств, принимая во внимание разделённость этнических групп, оказавшихся по разные стороны официальных границ, сохранение мира и спокойствия вблизи и внутри Синьцзян-Уйгурского автономного района становится залогом стабильности и безопасности внутри Китая. Развитие добрососедства становится одним из ключевых направлений деятельности Шанхайской Организации сотрудничества (ШОС). Помимо активного участия в ШОС, Китай и 5 государств Центральной Азии являются активными участниками международного форума «Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии» (СВМДА). Цель создания этой организации - многостороннее сотрудничество по обеспечению мира и безопасности в Азии, в борьбе с терроризмом, производством и оборотом наркотиков и т.д. (Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии).

Таким образом, на фоне усиления территориальных споров в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, ухудшении отношений с сопредельными странами, например, с Индией, реагируя на изменение расклада сил на политической карте мира, Китай в начале XXI века берет курс на сближение с соседями. Хотя тема важности периферийной политики звучала ещё в 90-е годы XX столетия, окончательное признание приоритетности выстраивания добрососедских отношений наступила уже с началом 2010-х гг. «Добрососедская дипломатия» как комплекс политических, экономических, научно-культурных и других мер направлена прежде всего на установление дружественных добрососедских отношений и партнёрства с соседними странами, чьё процветание, стабильность и безопасность является важным фактором роста и развития самого Китая.

Список источников и литературы

Asia-Pacific Regional Cooperation and Integration Index // Asia Regional Integration Center. URL: https://aric.adb.org/database/integration (дата обращения: 15.02.2021).

Michael D. Swaine. Chinese Views and Commentary on Periphery Diplomacy // China Leadership Monitor. 2014. № 44. URL: https://www.hoover.org/research/chinese-views-and-commentary-periphery-diplomacy (дата обращения: 22.02.2021).

Yan Xuetong. Diplomacy should focus on neighbors // China Daily. 27.01.2015. URL: https://www.chinadaily.com.cn/opinion/2015-01/27/content_19414348.htm (дата обращения: 20.02.2021).

2018 нянь лайхуа люсюэ тунцзи. 2018年来华留学统计[Статистика иностранных студентов, обучающихся в Китае в 2018 году] // Министерство образования КНР: официальный сайт. URL:

http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/201904/t20190412_377692.html (дата обращения: 30.03.2021).

Бейшенбек-кызы Э. Модернизация ТЭЦ: задержан представитель китайской компании // Радио Азаттык. 2018. 09 авг. URL: https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan-makelek-china-tvea-gknb/29422524.html (дата обращения: 20.02.2021).

Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века» // Посольство КНР в Российской Федерации: официальный сайт. URL: http://ru.china-embassy.org/rus/ggl/t1257296.htm (дата обращения: 20.02.2021).

Вэньцзябао цзунли чуси дунмэн шанъе юй тоуцзы фэнхуэй бин фабяо яньцзян. 温家宝总理出席东盟商业与投资峰会并发表演讲 [Премьер Вэнь Цзябао принял участие и выступил с речью на саммите АСЕАН по вопросам бизнеса и инвестиций] // Посольство КНР в Великом Герцогстве Люксембург: официальный сайт. URL: http://lu.china-embassy.org/chn/xwdt/t26502.htm (дата обращения: 21.02.2021).

За 25 лет товарооборот Китая со странами ЦА вырос в 60 раз // Forbes Kazakhstan. 2017. 11 янв. URL: https://forbes.kz/news/2017/01/11/newsid_132050 (дата обращения: 18.02.2021).

Лузянин С. Г. Китай и «ближнее окружение»: региональные и двусторонние аспекты отношений // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 3. С. 3-19.

Синь шидай Чжунго тэсэ даго вайцзяо дэ кэсюэ чжинань. 新时代中国特色大国外交的科学指南 [Научное руководство по дипломатии великой державы с китайской спецификой в новую эпоху] // Информационное бюро Госсовета КНР: официальный сайт. URL: http://www.scio.gov.cn/m/31773/31774/31779/Document/1664190/1664190.htm (дата обращения: 22.02.2021).

Цели СВМДА // Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии: официальный сайт. URL: https://www.s-cica.org/page_ol/objectives/ (дата обращения: 14.02.2021).

Коробова Ольга Владимировна
студентка 3 курса кафедры филологии Юго-Восточной Азии
Восточный факультет СПбГУ[1]

Бенефактивные конструкции в бирманском языке

Бенефактивные конструкции представлены во многих языках. В целом под ними понимают такие конструкции, в которых используются различные грамматические средства для выражения дополнительного участника ситуации, который получает выгоду от совершаемого действия. Например, в русском языке примером бенефактива, когда субъект ситуации совершает действие в пользу 3-го лица, является предложение *«купил для него книгу»*.

Что касается бирманского языка, то в нем проблема данных конструкций практически не изучена. В книге «Элементы общей лингвистики» В.Б. Касевич ограничивается замечанием, что наличие при глаголе модификатора *пэй*^{3} указывает на то, что действие совершается в интересах другого лица, например: *ту*^{2} *са*^{2} *оу*^{4} *вэ*^{2} *тэ*^{2} (он книга купить) ‘Он купил книгу’, *ту*^{2} *са*^{2} *оу*^{4} *вэ*^{2} ***пэй***^{3} *тэ*^{2} (он книга купить *дать*) ‘Он купил книгу [для кого-нибудь]’ (Касевич 1977, с. 84). Обратим внимание, что при образовании бенефактивной конструкции морфему *пэй*^{3}, которая в самостоятельном употреблении означает *давать*, В.Б. Касевич считает модификатором, который при употреблении после основного глагола приобретает признак грамматикализованности и привносит значение бенефактивности в основной глагол.

Проблема бенефактивных конструкций затрагивается и в работах Матиаса Дженни. Элементами, создающими семантику бенефактивности, он считает глагол ပေး (pe^{3}) *давать*, но также включает в их число глагол ပြ (pja^{1}) *показывать* и синтаксические показатели အတွက် (ətwɛʔ^{4}) *для* или ဖို့/ဘို့ (p^{h}o^{1}/bo^{1}) *ради, чтобы* (Jenny 2016, p. 297-298). Функционирование данных показателей Матиас Дженни демонстрирует на следующих примерах:

- ဘာ လုပ် **ပေး** ရ မ လဲ။

  ba^{2} louʔ^{4} **pe^{3}** ja^{1} mə lɛ^{3}
  (what do **give** get)
  «What shall I do for you?»

- ဒီ စကားလုံး မ ဖတ် တတ် ဘူး ဖတ် **ပြ** လေ။

  di^{2} zəgə.loun^{3} mə p^{h}aʔ^{4} taʔ^{4} p^{h}u^{3} p^{h}aʔ^{4} **pja^{1}** le^{2}
  (this word not read able; read **show)**
  «I can’t read this word; read it out for me»

[1] Научный руководитель — профессор, доктор филологических наук Р. А. Янсон.

- ကလေး တွေ ကို စောင့်ရှောက် **ဖို့** ငါ လာ အိပ် **ပေး** မယ်။

  kəle^{3} dwe^{2} go^{2} saun^{1}.shauʔ^{4} **p^{h}o^{1}** ŋa^{2} la^{2} eiʔ^{4} **pe^{3}** mɛ^{2}

  (kids look after **for** I come sleep **give)**

  «I will come over and sleep at your place to look after the children»

Здесь следует обратить внимание на то, что модификатор ပေး (pe^{3}) *давать* употреблен с непереходным глаголом အိပ် (eiʔ^{4}) *спать*. Матиас Дженни отмечает, что бенефактивные конструкции обычно образуются при помощи переходных глаголов, однако в бирманском языке они легко функционируют и с непереходными глаголами (Jenny 2016, p. 297). И хотя трудно представить бенефактивную семантику, выражающуюся с помощью глагола အိပ် (eiʔ^{4}) *спать*, т.е. ситуацию, когда спят в интересах кого-то, в бирманском языке бенефактивная конструкция с данным глаголом все-таки возможна. Это является отличительной чертой бирманского языка – отсутствие ограничений на тип глагола, с которым может образовываться бенефактивная конструкция.

В последнем из вышеперечисленных примеров Матиаса Дженни наряду с модификатором ပေး (pe^{3}) *давать* используется синтаксический показатель ဖို့ (p^{h}o^{1}) *ради, чтобы*. Отсюда возникает вопрос, является ли обязательным одновременное употребление модификатора и синтаксического показателя или же для достижения бенефактивности достаточно использовать либо только модификатор, либо только синтаксический показатель.

Чтобы выяснить, существует ли зависимость между употреблением синтаксического показателя и модификатора при образовании бенефактивной конструкции, мы провели следующий эксперимент. Шести носителям бирманского языка были представлены пары предложений, в которых одно содержит синтаксический показатель и модификатор, а другое – только синтаксический показатель:

- သူ့ **အတွက်** စာအုပ် ကို ဝယ် **ပေး** တယ်။

  θu^{1} **ətwɛʔ^{4}** sa^{2}.ouʔ^{4} ko^{2} wɛ^{2} **pe^{3}** dɛ^{2}

  он **для** книгу купить **дать**

  «Купил для него книгу»

- သူ့ **အတွက်** စာအုပ် ကို ဝယ် တယ်။

  θu^{1} **ətwɛʔ^{4}** sa^{2}.ouʔ^{4} ko^{2} wɛ^{2} dɛ^{2}

  он **для** книгу купить

  «Купил для него книгу»

Все носители допустили опущение модификатора ပေး (pe^{3}) *давать*, однако отметили, что его отсутствие нежелательно, т.к. в таком случае утрачивается семантика завершенности действия. Непонятно, закончился ли процесс передачи книги объекту или нет. Таким образом, для выражения бенефактивной семантики обязательно использование модификатора.

При этом возможно опущение синтаксического показателя အတွက် (ətwɛʔ^{4}) *для* и его замена на показатель объекта ကို (ko^{2}), но только при условии, что остается модификатор ပေး (pe^{3}) *давать*:

- သူ့ **ကို** စာအုပ် ဝယ် **ပေး** တယ်။
  θu^{1} **ko^{2}** sa^{2}.ouʔ^{4} wɛ^{2} **pe^{3}** dɛ^{2}
  ему книга купить **давать**
  «Купил ему книгу»

В данном случае бенефактивная семантика сохраняется. Таким образом, не существует зависимости между употреблением синтаксического показателя, который можно опустить, и модификатора, который обязательно используется для формирования бенефактивной конструкции.

Итак, в бирманском языке существует следующий набор элементов для образования бенефактивной конструкции – модификаторы ပေး (pe^{3}) *давать*, ပြ (pja^{1}) *показывать* и синтаксические показатели အတွက် (ətwɛʔ^{4}) *для* или ဖို့/ဘို့ (pho^{1}/bo^{1}) *ради, чтобы.*

Если грамматический статус синтаксических показателей не нуждается в комментариях, то грамматический статус модификаторов, которые произошли от глаголов ပေး (pe^{3}) *давать* и ပြ (pja^{1}) *показывать*, неясен – сохраняют ли они свое лексическое значение, выступая в функции модификаторов, или же грамматикализуются до такой степени, что становятся чисто грамматическими элементами. Важно определить их статус, чтобы выяснить, каким способом выражается бенефактивная семантика – грамматическим или лексическим.

Для определения статуса модификаторов был проведен эксперимент с восемью носителями языка. Мы предоставили им примеры с конструкциями *глагол* + ပေး (pe^{3}) *давать* / ပြ (pja^{1}) *показывать* и попытались определить, сохраняет ли вторая морфема свою основную семантику в функции модификатора. Мы отделили ပေး (pe^{3}) *давать* и ပြ (pja^{1}) *показывать* от основного глагола сначала отрицательной частицей, а затем

показателем предварительного сказуемого. В конструкции, содержащей модификатор ပေး (pe^3) *давать*, мы попытались вставить отрицательную частицу сначала перед конструкцией *глагол* + ပေး (pe^3) *давать*:

- စာအုပ် ကို **မ** ဝယ် **ပေး** ဘူး။

  sa^2.ouʔ^4 ko^2 **mə** wɛ^2 **pe^3** bu^3

  книгу **не** купить **дать**

Затем мы попытались вставить отрицательную частицу перед модификатором после основного глагола:

- စာအုပ် ကို ဝယ် **မ** **ပေး** ဘူး။

  sa^2.ouʔ^4 ko^2 wɛ^2 **mə** **pe^3** bu^3

  книгу купить **не** **дать**

Носители утвердили оба варианта – отрицательная частица может использоваться как перед основным глаголом, так и перед модификатором, тем самым разделяя бином на две части. Однако они отметили, что во втором случае смысл предложения коренным образом меняется – разделением бинома на две части выражается последовательность действий *«купил, но не отдал»*, т.е. действие в интересах другого лица не совершается. Это противоречит понятию бенефактивной семантики, она здесь отсутствует.

Далее сравним пример, где используется показатель предварительного сказуемого, и пример без показателя:

- စာအုပ် ကို ဝယ် **၍** **ပေး** တယ်။

  sa^2.ouʔ^4 ko^2 wɛ^2 **jwei^1** **pe^3** dɛ^2

  книгу **купив** **дать**

- စာအုပ် ကို ဝယ် **ပေး** တယ်။

  sa^2.ouʔ^4 ko^2 wɛ^2 **pe^3** dɛ^2

  книгу купить **дать**

Носители отмечают, что первый пример подразумевает последовательность двух действий *купить* и *дать*, т.е. модификатор утрачивает свой статус и превращается в

самостоятельный глагол ၉ပး (pe^3) *давать*, а семантика бенефактивности в такой сериальной конструкции исчезает.

Затем носителям были предложены конструкции с модификатором ပြ (pja^1) *показывать.* При добавлении отрицательной частицы или показателя предварительного сказуемого мы наблюдаем аналогичную картину, что и в примерах с ၉ပး (pe^3) *давать*.

Как мы видим, модификаторы ၉ပး (pe^3) *давать* и ပြ (pja^1) *показывать* могут отделяться от основного глагола, однако при этом утрачивается семантика бенефактивности. Это означает, что данные морфемы приобретают признаки грамматикализованности при функционировании в составе бинома. При этом ၉ပး (pe^3) *давать* демонстрирует более высокую степень грамматикализации, чем ပြ (pja^1) *показывать*, т.к. возможна конструкция, в которой морфема ၉ပး (pe^3) *давать* может употребляться дважды. В первом случае как знаменательная морфема, а во втором как модификатор:

- သူ့ အတွက် မဲ ၉ပး **၉ပး** တယ်။

  θu^1 ətwɛʔ^4 mɛ^3 pe^3 **pe^3** dɛ^2

  он для голос давать **давать**

  «Проголосовал вместо него»

Если допустить, что морфема ၉ပး (pe^3) *давать* в постпозиции сохраняет лексическое значение, то такая конструкция с повторением одного и того же глагола была бы невозможна. Аналогичных примеров с морфемой ပြ (pja^1) *показывать*, где она употреблялась бы дважды, обнаружить не удалось. Отсюда можно допустить, что ပြ (pja^1) *показывать* по сравнению с ၉ပး (pe^3) *давать* находится на более низкой степени грамматикализации.

На основании проведенного эксперимента можно сделать вывод, что бенефактивная семантика выражается модификаторами, которые находятся в процессе грамматикализации и при этом имеют разную степень грамматикализации. В такой ситуации невозможно точно определить, выражается ли бенефактивная семантика с помощью грамматических или лексических средств.

В некоторых языках наряду с «обычным» бенефактивом существует и рефлексивный бенефактив. Он выделяется, когда субъект совершает действие для себя. В русском языке примером такой конструкции является предложение *«закупились припасами»* (купили для себя) (Градинарова 2019, с. 7). Может показаться, что все

возвратные глаголы русского языка выражают рефлексивную бенефактивную семантику, однако такое предположение опровергает пример *«собака кусается»*. Его А.А. Градинарова относит к конструкциям «объектного имперсонала», в которых нет пациенса. Напротив, в бенефактивных конструкциях пациенс присутствует (Градинарова 2019, с. 21). Рефлексивный бенефактив также выделяется в других языках, например, в тюркских (Стойнова 2005, с. 68).

Что касается бирманского языка, В.Б. Касевич в своей работе рассматривает также семантику конструкции с модификатором ယူ (ju^2) *брать* и определяет ее как противоположную семантике бенефактивной конструкции с модификатором ပေး (pe^3) *давать*, что соответствует представлению о рефлексивном бенефактиве (т.е. действии, направленном на себя) (Касевич 1976, с. 751). В.Б. Касевич приводит следующий пример: *(вэ2 ю2 ти2)* (купить брать) «купил [для себя]».

Примерами рефлексивного бенефактива могут служить следующие предложения:

- ဘာသာစကား သင် **ယူ** တယ်။

  ba^{2}θa^{2}zəga^3 θin^2 **ju^2** dɛ^2

  (язык учить **брать)**

  «Учит язык»

- အာဏာ သိမ်း **ယူ** တယ်။

  a^{2}na^2 θein^3 **ju^2** dɛ^2

  (власть забирать **брать)**

  «Захватил власть»

Рефлексивный бенефактив в бирманском языке – явление более редкое, чем нерефлексивный («обычный»), когда действие совещается в интересах кого-то.

Что касается степени грамматикализации ယူ (ju^2) *брать*, то в отличие от модификатора ပေး (pe^3) *давать*, который демонстрируют высокую степень грамматикализации, модификатор ယူ (ju^2) *брать* полностью грамматикализовался и потерял свое лексическое значение. Об этом свидетельствуют результаты эксперимента, в ходе которого мы предложили носителям разделить бином отрицательной частицей. Все носители были категорически против.

Обнаруживается, что ယူ (ju^2) *брать* может употребляться дважды аналогично ပေး (pe^3) *давать*. В первом случае морфема функционирует в качестве знаменательного элемента, а во втором – в качестве модификатора:

- အာဏာ ရ ယူ **ယူ** တယ်။

  a²na² ja¹ ju² **ju²** dɛ²

  (власть получать брать **брать)**

  «Получил власть»

Отсюда можем сделать вывод, что в бирманском языке рефлексивный бенефактив выражается с помощью чисто грамматических элементов в отличие от «обычного» нерефлексивного бенефактива.

Таким образом, степень грамматикализации модификаторов ပေး (pe³) *давать*, ပြ (pja¹) *показывать*, ယူ (ju²) *брать* различна. Оказывается, что в наибольшей степени грамматикализовалась морфема ယူ (ju²) *брать*, которая участвует в формировании рефлексивного бенефактива, т.к. ее отделение от основного глагола не допускается. Кроме того, она тоже может использоваться дважды, как и ပေး (pe³) *давать*, что подтверждает ее грамматикализованный характер. Морфема ပြ (pja¹) *показывать* в наибольшей степени сохраняет основное лексическое значение, т.к. может отделяться от основного глагола, как и ပေး (pe³) *давать*, но не используется дважды в конструкциях, где вторая морфема – модификатор.

Итак, мы установили, что в бирманском языке бенефактивные конструкции создаются при помощи модификаторов ပေး (pe³) *давать*, ပြ (pja¹) *показывать*, ယူ (ju²) *брать* с участием синтаксических показателей အတွက် (ətwɛʔ⁴) *для* и ဖို့/ဘို့ (pʰo¹/bo¹) *ради, чтобы*. Вспомогательная роль последних подтверждается тем, что их использование без модификаторов не создает бенефактивную семантику. Модификаторы, в свою очередь, демонстрируют разную степень грамматикализации. Наиболее грамматикализовался показатель рефлексивного бенефактива – модификатор ယူ (ju²) *брать*, а среди модификаторов, участвующих в формировании «обычного» нерефлексивного бенефактива, модификатор ပေး (pe³) *давать* обладает большей степенью грамматикализации по сравнению с модификатором ပြ (pja¹) *показывать*. Точно определить, выражается ли нерефлексивная бенефактивная семантика грамматически или лексически, на данный момент невозможно. Особенностью бенефактивных конструкций в бирманском языке является то, что

бенефактивная семантика может создаваться при любых глаголах – переходных и непереходных.

Список использованной литературы

Градинарова А.А. Антипассив в русском и болгарском языках // Acta linguistica, 2019. №10.

Касевич В.Б. Краткий очерк грамматики бирманского языка // Бирманско-русский словарь. М.: Русский язык, 1976. С. 731-783.

Касевич В.Б. Элементы общей лингвистики. М. : Наука, 1977. 183 с.

Стойнова Н.М. Конструкция взять и сделать в русском языке и ее типологические параллели. М.: МГУ, 2007. 84 с.

Jenny M., San San Hnin Tun. Burmese: A Comprehensive Grammar. Abingdon: Routledge, 2016. 528 p.

Jenny M. The far West of Southeast Asia - ’give’ and ’get’ in the languages of Myanmar // Mainland Southeast Asian Languages: The State of the Art in 2012, 2012.

Крайнова Анна Константиновна
студентка 1 курса магистратуры
Восточного факультета СПбГУ[1]

Образ Цзинь Лин в романе Хуан Бэйцзя «Я буду умницей»[2]

Настоящая статья посвящена исследованию концепта «образ ребенка» на примере Цзинь Лин – героини романа «Я буду умницей» (1996 года) в переводе Н. Ю. Демидо. Данная работа представляет собой часть магистерской диссертации «Эволюция образа ребенка в китайской литературе XX века (на материалах произведений Е Шэнтао, Лао Шэ, Линь Хайинь, Чжан Тяньи и Хуан Бэйцзя)».

Актуальность данного исследования обусловлена несколькими причинами:

- Хуан Бэйцзя – известная китайская писательница современной детской литературы;
- роман «Я буду умницей» был удостоен Всекитайской премии[3] за лучшее произведение детской подростковой литературы и Премии Сун Цинлин[4];
- до настоящего момента образ современных китайских подростков не становился объектом научного исследования в отечественном китаеведении;
- данное исследование позволит обогатить такие отрасли китаеведения как литературоведение, лингвистика и культура.

Объектом данного исследования выступает совокупность характеристик главной героини романа «Я буду умницей».

Предметом являются средства создания образа Цзинь Лин.

Цель данного исследования заключается в раскрытии «образа ребенка» в китайской лингвокультуре 1990-ых годов на материале романа «Я буду умницей».

Цель данного исследования определила следующие **задачи**:

1) выявить границы понятия «образ литературного героя», его специфику;
2) произвести отбор языковых и внеязыковых средств, создающих образ Цзинь Лин;
3) провести структурный анализ отобранных примеров на предмет выявления специфики «образа ребенка» в романе «Я буду умницей».

В рамках первой задачи нами были проанализированы работы отечественных (О. Г. Артемова, Е. А. Гончарова, А. В. Разборщикова и другие) и зарубежных ученых

---

[1] Научный руководитель — к. ф. н., доцент кафедры китайской филологии СПбГУ О. П. Родионова.
[2] Хуан, Бэйцзя Я буду умницей / Пер. с кит. и предисл. Н. Ю. Демидо / Хуан Бэйцзя. – М.: Изд. дом Восточной литературы, 2017. – 271 с.
[3] Всекитайская народная премия – одна из основных литературных премий в Китае, созданная в 1986 году и находящаяся в ведении Китайской ассоциации писателей. Присуждается раз в три года в категориях: роман, иллюстрированная книга, стих, очерк и научно-популярная литература.
[4] Премия Сун Цинлин – одна из четырех главных премий в области детской литературы в Китае, которая спонсируется фондом Сун Цинлин и вручается каждые два года.

(У Цинань, Хуа Айфан и другие), посвященные изучению понятия «образ героя» художественного произведения. Вслед за указанными исследователями под «образом героя» литературного произведения мы понимаем совокупность характеристик героя, которые формируются в сознании читателя посредством портерных зарисовок, эпизодов, описания действий, внутренних состояний, мыслей, чувств, переживаний, отраженных в определенных языковых формах.

Таким образом, с учетом мнений отечественных и китайских исследователей мы выделили следующие способы создания образа героя как критерии для анализа образа Цзинь Лин:

1) портрет главной героини;
2) обстановка, в которой живет героиня;
3) внутреннее состояние (мысли, чувства, идеи, переживания);
4) жесты и мимика;
5) поступки героини, влияющие на окружающий ее мир;
6) отношение других персонажей романа к героине.

Вышеуказанный порядок критериев обусловлен логическим переходом от внутренних характеристик героя к их активным проявлениям во внешнюю действительность.

В рамках решения второй задачи нами был проведен лексический и стилистический анализ текста романа «Я буду умницей» для отбора наглядных примеров, создающих и раскрывающих образ Цзинь Лин, согласно каждому критерию анализа.

В рамках решения третьей задачи мы получили следующие результаты. Цзинь Лин – это 11-ти летняя китайская девочка, ростом 1 м 55 см, весом 50 кг, с пухлыми и кругленькими щечками, которая учится в 6-ом классе начальной школы на улице Синьхуа. К основным характеристикам Цзинь Лин можно отнести: врожденную общительность, благодаря которой она находит общий язык с любым человеком; красноречие, которое позволяет писать ей самые лучшие сочинения в классе, однако только на те темы, которые ее вдохновляют; отменное чувство юмора и самоиронии, которые помогают Цзинь Лин выпутываться из самых незаурядных ситуаций. Также героине романа присущи следующие черты характера: невнимательность, которая отрицательно влияет на ее успеваемость по математике и каллиграфии; “повышенная болтливость” и “эмоциональный перегруз”, которые снижают уровень доверия к ней окружающих.

Обстановку, в которой живет Цзинь Лин, можно охарактеризовать как напряженную, стрессовую, требующую сосредоточенности, усидчивости, внимания, готовности принимать большими порциями нескончаемый поток информации. Весь мир Цзинь Лин как дома, так и в школе сосредоточен вокруг зубрежки, постоянных тестов, проверочных работ и подготовок к вступительным экзаменам в начальную среднюю школу. Критика в адрес Цзинь Лин как со стороны учителей, так и со стороны

родителей поступает гораздо чаще, чем похвала. Однако, несмотря на это, Цзинь Лин гордо противостоит всем невзгодам, извлекает уроки и старается учиться на собственных ошибках, что позволяет судить о стойкости и мудрости 11-ти летней девочки. Эпоха, в которой живет Цзинь Лин – середина 1990-ых годов. Она характеризуется полным отсутствием планшетов, телефонов и т. п. в жизни подростков, поэтому наравне со школой и экзаменами неотъемлемой частью жизни китайских детей того времени становится общение и познание окружающего мира. У Цзинь Лин и ее друзей хватает времени на общение как друг с другом, так и с окружающей их природой. Наглядным примером является глава, в которой Цзинь Лин разводила шелковичных червей. Полагаем, что разведение шелкопрядов в романе представляет собой одну из трудовых форм воспитания в Китае, которая позволила Цзинь Лин открыть в себе такие черты характера, как наблюдательность, ответственность и забота.

Анализ обстановки, в которой живет главная героиня, позволил заключить, что для китайских подростков характерно наличие сильной конкуренции, из-за чего уже в начальной школе дети испытывают стрессы; также отсутствие в жизни китайских подростков того, что мы именуем в современном мире гаджетами, способствует развитию навыков коммуникации как в семье, так и в социальных группах (друзья, класс и т. п.).

Роман Хуан Бэйцзя изобилует монологами и диалогами, которые также способствуют раскрытию образа главной героини. Несмотря на свою “чрезмерную болтливость” Цзинь Лин много размышляет, исследует мир вокруг, наблюдает за поведением людей, анализирует их речь. Другими словами, Цзинь Лин учится не только жить в окружающем мире, но и смотреть на него со стороны, что позволяет ей иногда ловко, неординарно и мудро находить выход из ситуации, из которой, по словам мамы Цзинь Лин, и взрослый человек не всегда нашел бы грамотный выход. Жесты и мимика, которые использует Цзинь Лин в своей жизни – показатель того, что время прощаться с детством еще не наступило. Она любит часто хлопать в ладоши, высовывать язык и строить рожицу, оттопыривать мизинец и многое что еще.

С другой стороны, поведение Цзинь Лин по отношению к окружающим людям и вещам ставит под сомнение вышесказанное. Цзинь Лин отличается ответственностью и заботливостью (данные черты характера Цзинь Лин продемонстрировала в ситуации, когда взяла на «воспитание» и «заботу» девочку, у которой умер дедушка); уверенностью и душевным спокойствием (о данных чертах характера можно судить по успеваемости Цзинь Лин по математике, которая возросла к началу вступительных экзаменов благодаря тому, что ей позволили поверить в собственные силы. Наравне с вышеперечисленным, можно сказать, что Цзинь Лин все еще по-детски любопытна, поэтому зачастую попадает в неловкие ситуации, однако, всегда находит выход.

Следующим аспектом исследования послужили отношение других персонажей романа (ее мамы Чжао Хуэйцзы, папы – Цзинь Имина, учительницы Син), а также самого автора, Хуан Бэйцзя, к главной героине. Ее мама Чжао Хуэйцзы считает, что

показателем «идеальности» в ребенке является высокая успеваемость в классе, однако ее папа Цзинь Имин не разделяет эту точку зрения, полагая, что нравственные качества человека современного общества должны быть выше школьной успеваемости. Однако, ввиду того, что папа часто загружен по работе, воспитание и забота о дочери ложатся на плечи мамы, с которой Цзинь Лин проводит больше времени, поэтому перевес мнений в семье очевиден. С другой стороны, мама также считает, что Цзинь Лин присущи выдержка, рассудительность, находчивость. Мнение учительницы Син, так же, как и мнение мамы, носит неоднозначный характер. С одной стороны, учительница полагает, что Цзинь Лин прикладывает недостаточно усилий в учебе. Однако, оценивая ее качества личности, учительница Син использует такие слова, как *добрая*; *прямая*; *щедрая*; *великодушная*; *с проницательным, чутким и благородным сердцем*. Стоит отметить, что Хуан Бэйцзя, знакомя нас с главной героиней романа, удачно подбирает “определение”, которое становится своего рода ярлыком Цзинь Лин на протяжении всего романа и обобщает все вышесказанное: «Вот такая она, Цзинь Лин, типичная «*серединка на половинку*»…». Мы полностью разделяем мнение Хуан Бэйцзя и полагаем, что отличительной чертой Цзинь Лин является ее «половинчатость»: с одной стороны, она еще по-детски наивна и беззаботна, без доли зависти и печали; с другой стороны, уже по-взрослому находчива и рассудительна.

Таким образом, к основным характеристикам, позволяющим раскрыть образ Цзинь Лин, мы относим: врожденную общительность; красноречие; отменное чувство юмора и самоиронии; ответственность и заботливость; уверенность и душевное спокойствие; доброту; великодушие; проницательность; чуткость; благородство; терпеливость и упорство в достижении поставленных целей; прямоту; невнимательность; повышенную болтливость; эмоциональный перегруз.

Также в рамках решения третьей задачи мы провели сопоставительный анализ, результаты которого представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Сопоставительный анализ характеристик Цзинь Лин и национального менталитета жителей Китая 1990-х годов

№ п/п	**Культурно-исторический фон**	**Черты характера Цзинь Лин**
1.	Высокая конкуренция	Терпеливость, упорство
2.	Большой поток информации, постоянное тестирование	Невнимательность, эмоциональный перегруз
3.	Отсутствие повсеместного использования гаджетов	Красноречие, общительность, практическое общение с природой
4.	Стремление к познанию окружающей действительности	благородство, великодушие, доброта, душевное спокойствие, заботливость, ответственность, открытость, проницательность, самоиронии, чувство юмора и чуткость

В соответствии с вышеуказанным, мы делаем следующий вывод: Цзинь Лин – представитель современной китайской молодежи, для которой присущи типичные черты китайского подростка, обусловленные как национальным характером китайцев (например, терпеливость), так и процессами, протекающими в стране и в обществе (например, высокая конкуренция упорство).

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что «образ Цзинь Лин» сложен и неоднозначен. На первый взгляд, кажется, что Хуан Бэйцзя знакомит читателя с внешностью героини, ее манерами, чертами поведения, окружением и образом жизни в первых нескольких главах, однако, в действительности, наше знакомство с героиней растягивается вплоть до последней главы романа, наполняя ее образ новыми чертами. На наш взгляд, основной изюминкой данного произведения можно считать то, что Хуан Бэйцзя оставляет финал «открытым» для размышлений, позволяя читателю самостоятельно завершить «образ Цзинь Лин».

Круглова Екатерина Дмитриевна
магистрантка 1 курса
Восточный факультет СПбГУ[1]

Немецкий проект «Crossroads Asia»: альтернативный взгляд на изучение Китая и его соседей

В XXI веке стали переосмысливаться подходы к изучению Востока в целом и Китая в частности. Предметом обсуждений и споров исследователей во всем мире стало регионоведение с его установками на четкие географические и культурно-идеологические границы между государствами, приписыванием статуса «гегемона» отдельным государствам. Современные китаеведы признают *area studies* непригодными для описания реалий современного мира, в котором усиливаются процессы межнациональных и кросскультурных взаимодействий.

В числе первых стран, где стала усиливаться тенденция к отказу от изучения Китая в рамках регионоведения, оказалась Германия**.** *Area studies* теперь нацелены на изучение китайских транснациональных процессов и вклада Китая в мировую историю. Одним из значимых немецких исследовательских проектов в текущем столетии является уникальный проект «Crossroads Asia», в котором сделан упор на анализ традиционных путей осмысления пространства, регионов и разработку новых методологических подходов к интерпретации общества в условиях глобализации, цифровизации, урбанизации и миграционных процессов (Hansen 2017, p.4).

Проект «Crossroads Asia» был основан в 2011 году Федеральным министерством образования и научных исследований Германии (BMBF [2]). Концепция проекта представляет собой создание сети экспертных знаний, которая связывала бы более десятка научных центров по исследованию Афганистана, Ирана, Кашмира, Казахстана, Кыргызстана, Непала, Северной Индии, Пакистана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и Синьцзяна. Создание данной сети преследует цель многостороннего изучения обширной географической области, простирающейся от восточной части Ирана до запада Китая, от Аральского моря до Северной Индии. Уникальность «Crossroads Asia» состоит в том, что, будучи регионоведческим проектом, он ставит под сомнение традиционные подходы в area studies, которые все еще применяются во многих немецких университетах: деление мира на территориально фиксированные области и выделение конкретного набора признаков, которые данные территории характеризуют. В этой связи мы бы охарактеризовали данный проект как пострегиональный или *post-area studies*.

Альтернативный взгляд ученых проекта «Crossroads Asia» на методологию регионоведения состоит в признании «включённости» стран-соседей в экономико-

[1] Научный руководитель — д. и. н., профессор Самойлов Николай Анатольевич
[2] *Bundesministerium für Bildung und Forschung*

политические, лингвистические, социологические и прочие процессы друг друга. В данном подходе учитываются такие факторы, как постоянная мобильность населения, непрерывно развивающееся экономическое сотрудничество и непрекращающийся культурный обмен соседствующих стран. Все эти факторы, по мнению участников «Crossroads Asia», способствуют образованию переплетающихся между собой путей — перекрестков (*crossroads*), которые имеют как своеобразные «точки опоры», где пересекается больше всего «дорог», так и «ответвления», достигающие отдаленных уголков мира. Как мы видим, название для проекта выбрано неслучайно, и оно очень удачно отражает метафоричность и уникальность как самого проекта, так и специфику его подхода к изучению объекта и предмета исследования.

Несмотря на то, что участники проекта признают уникальность стран-объектов исследования, они внедрили универсальный терминологический аппарат, с помощью которого описывается специфика отдельных стран в рамках «Crossroads Asia». Помимо уже упомянутого нами и центрального для проекта понятия *crossroad,* ученые, занятые в проекте, также используют такие термины как «сообщество» (*community), «сеть» (network), «мобильность» (mobility), «миграция» (migration), «идентичность» (identity), «современность» (modernity).* Далее мы на конкретных примерах рассмотрим, каким образом представители направления «Crossroads Asia» раскрывают данные термины применимо к изучаемому региону в целом и к Китаю в частности.

Если рассматривать положение Китая в методологии «Crossroads Asia», то одним из социально-экономических и культурно-религиозных «перекрестков» признается не сама страна, и не крупнейшие города Китая, но самая большая по площади административная единица Китая — Синьцзян-Уйгурский автономный район. Именно ему посвящено большинство «китайских исследований» «Crossroads Asia»: здесь проходил Великий шелковый путь, связывавший Восточную Азию и Европу, эти места с древнейших времен населяют различные народы и этнические группы, здесь представлено многообразие языков, культур, религий и происходит множество контактов с представителями других государств и этносов. Также пристальное внимание уделяется и связям района с другими регионами внутри страны, а также «сетям» в самом СУАР. Для исследователей «Crossroads Asia» синьцзянское общество является одним из «хрестоматийных» примеров концепции «сообщества» (*community*), в особенности если рассматривать взаимодействие горожан-уйгуров и кашгарских торговцев. Взаимная финансовая поддержка и активная междугородняя торговля демонстрируют высокий уровень сплоченности и доверие членов «сообщества» друг к другу.

Китаеведческое направление проекта Crossroads Asia отличается от других современных исследований в области синологии и тем, что оно не стремится подчеркнуть растущую гегемонию Китая в азиатском регионе. В то время как большинство работ последнего десятилетия направлены на изучение геополитического и экономического влияния китайской «мягкой силы» на сопредельные страны к западу

от КНР, мало исследований касаются, например, специфики восприятия Китая его соседями у северо-западных границ. Так, участник проекта «Crossroads Asia» Генрик Альф (Henryk Alff) в своей работе представляет анализ динамики китайско-казахстанских отношений по мере укрепления приграничного торгового взаимодействия. На примере жителей пограничных городов Казахстана и Китая ученый доказывает, что наиболее эффективный идеологический обмен и крепкие связи возникают в таком процессе как торговля (Alff 2014, p.2). Совокупность данных связей представляет собой обширную цепочку подвижных «сетей» (*networks*), связанных между собой крупных и мелких населенных пунктов от Алматы до Пекина. При этом взаимная интеграция китайской и казахской культур между небольшими пограничными городами на порядок выше, чем между отдаленными друг от друга крупными экономическими центрами. Своим исследованием автор оспаривает общепринятый стереотип о распространенной в обществе Казахстана синофобии: китайская современность воспринимается здесь, напротив, положительно. В свою очередь, жители Китая на границе с Казахстаном также демонстрируют готовность адаптироваться к культурным реалиям своих казахских партнеров по торговле. Динамика в межнациональных отношениях стран-соседей обусловлена в первую очередь длительным взаимодействием их народов и прочностью историко-культурной «сети», связывающей население данного региона.

Одним из наиболее значимых направлений в исследованиях проекта Crossroads Asia также являются внутриполитические процессы в Китае. Майину Шанатибиеке (Mayinu Shanatibieke) провела анализ влияния этнической политики КНР и пропаганды оседлости на тенденцию миграции национальных меньшинств Китая за пределы страны — в первую очередь на историческую родину — на примере китайских казахов, стремящихся переехать в Казахстан. Данный анализ демонстрирует частный случай понятия миграции (*migration*) в перспективе Crossroads Asia — обратную миграцию, а также показывает иную сторону «современности» (*modernity*) Китая. Несмотря на то, что страна и развитость ее экономики растут, по-прежнему велик разрыв между восточной и западной частями страны, особенно в аспекте уровня жизни населения. Сама инициатива пропаганды оседлости была объявлена в 2012 г. бывшим премьер-министром Вэнь Цзябао и носит название «12-й пятилетний план проекта оседлости кочевого населения в Китае» (кит. 全国游牧民定居工程建设“十二五”规划). Изначально данная инициатива предусматривалась как одна из мер «модернизации» страны и направлена на защиту и сохранение идентичности национальных меньшинств, которые живут за счет скотоводства — в их числе китайские казахи, численность которых в Китае превышает полтора миллиона человек. Пропаганда оседлости показала, однако, обратный эффект новой этнической политики КНР — многие национальные меньшинства Китая, большинство из которых проживает в западных районах страны, стали искать новые места для постоянного жительства в сопредельных государствах Центральной Азии. Так, автор исследования провела почти год полевой

работы в городе Или в Синьцзяне, во время которой повстречала много этнических казахов, которые выразили желание эмигрировать в Казахстан. Немаловажными причинами, побуждающими китайских казахов вернуться «к корням» являются, по их словам, отсутствие в Казахстане политики контроля рождаемости, бесплатное образование на родном языке, меньшее количество населения и хорошее состояние экологии. С 1992 г. правительство Казахстана проводит иммиграционную программу по переселению репатриантов «Нурлы кош», чем воспользовались многие китайские казахи, чтобы вернуться к своей «собственной современности» (*own modernity*) — (Shanatibieke 2016, p.3) в страну, которая для них является не только исторической родиной, но и независимым государством, олицетворяющим синтез современности и традиционной казахской культуры.

Наконец, не менее любопытным образом, философия проекта «Crossroads Asia» рассматривает и вопросы экономического характера, с которыми сталкивается Китай. Например, работа еще одной участницы проекта, Агнешки Йоньяк-Люти (Agnieszka Joniak-Lüthi), посвящена изучению влияния инфраструктурных решений КНР на мобильность (*mobility*) и национальную идентичность (*identity*) населения. Согласно наблюдениям исследовательницы, строительство железных и автомобильных дорог новым правительством КНР в середине XX в., связывающих теперь Синьцзян и восточную часть Китая повысило уровень мобильности населения внутри страны, и, как следствие, усилило торгово-экономический и культурно-идеологический обмен. Укрепление связей восточной и западной частей страны также подтолкнуло населяющие СУАР этнические меньшинства к осознанию своей принадлежности к Китаю как к многонациональному государству (Joniak-Lüthi 2016, p.13).

Хотя рассмотренные нами концепты изначально были направлены на универсализацию научного знания и переход от региональных исследований к пострегиональным, именно терминология, по нашему мнению, стала одной из причин недолговечности проекта «Crossroads Asia» — в 2016 году было объявлено о его завершении. Стремление ученых проводить исследования лишь с точки зрения «crossroads perspective» привели к узконаправленности научного знания и сконцентрированности на конкретном регионе, чего старались избежать изначально. При всей нацеленности исследователей на объяснение сложных процессов с помощью упрощенных категорий, терминология, которую они использовали, требовала дополнительных разъяснений и вызывала больше дискуссий, чем сам объект изучения. Тяжеловесность терминологического аппарата также обусловила труднодоступность исследований как для широкой аудитории слушателей, так и для востоковедов, не состоящих в проекте.

Несмотря на то, что проект просуществовал всего лишь пять лет, его идеи сильно повлияли на классическое немецкое китаеведение: оно стало отходить от традиционных взглядов на обособленное от других стран развитие Китая, отдавая предпочтение изучению международных, транснациональных и кросскультурных

факторов, повлиявших на страну в разные эпохи. Теперь такие важнейшие центры синологии Германии как Гейдельбергский, Вюрцбургский, Гамбургский университеты стараются не допустить возвращения китаеведения к статусу редкой дисциплины, сочетая изучение истории и культуры Китая, древнекитайского языка с анализом вопросов включенности Китая в мировые процессы при сохранении страной уникальности собственного пути развития.

Список использованных источников

Alff H. Embracing Chinese modernity? Articulation and positioning in China-Kazakhstan trade and exchange processes // Crossroads Asia Working Paper Series. 2014. №21. pp. 1-22.

Hansen C.B. The Crossroads Perspective // Crossroads Asia Concept Paper Series. 2017. №05. pp. 3-29.

Kinzley J., Joniak-Lüthi A. Territory, border, infrastructure – Imagining and crafting national borderlands in twentieth century China // Crossroads Asia Working Paper Series. 2017. №36. pp. 1-18.

Shanatibieke M. China Kazakhs' emigration to Kazakhstan from a modernity perspective // Crossroads Asia Working Paper Series. 2016. №33. Pp. 1-22.

Кузовков Максим Андреевич
магистрант 2 курса кафедры востоковедения
Гуманитарный институт НГУ[1]

«Неопределенность Гейзенберга» в современном японском обществе

За всю послевоенную историю Японии одним из главных источников ее экономического роста служила рабочая сила. Однако успехи в экономике и улучшение качества жизни заложили основы для демографического кризиса и нехватки рабочей силы в стране.

На данный момент Япония занимает первое место среди стран, в которых доля граждан старше 65 лет превышает 7%[2] и в настоящее время составляет 23%, ввиду чего для обеспечения работоспособности пенсионной системы увеличивается налоговая нагрузка на трудоспособное население. В данный рейтинг Япония стремительно вошла ещё в 1970-е гг. Кроме того, средняя продолжительность жизни японцев составляет 83 года (мужчины – 79,59 лет, женщины – 86,44 года). По данному критерию Япония также является лидером[3].

Положение дел усугубляет также и низкая рождаемость. В настоящее время её коэффициент составляет лишь 1,46. Если учесть, что значение, при котором будет наблюдаться положительная динамика, составляет 2,1 условного ребёнка на одну детородную мать, то можно оценить масштаб сложившейся ситуации. В результате влияния «демографических клещей» проявляется тенденция к сокращению части активного населения, то есть лиц от 15 до 64 лет, что в будущем может серьезно пошатнуть экономику страны и неблагоприятно отразиться на её престиже в мире.

Японское правительство, осознавая важность решения данных проблем, принимает меры по привлечению на рынок труда разнообразных ресурсов, таких как пожилые люди, инвалиды, иностранные специалисты. Кроме того, оно старается поощрять политику деторождения и предлагает варианты трудоустройства женщин. Одним из первых мер по улучшению положения женщин в обществе стал «Закон о равных возможностях при трудоустройстве» 1985 г. Согласно ему, положение женщин в обществе должно улучшиться и открыть пути для самостоятельного выбора системы ценностей и жизненного пути. «Закон» также должен был способствовать уравниванию прав в обществе женской половины населения с мужской, например, при устройстве на работу и дальнейшей трудовой деятельности.

---

[1] Научный руководитель — д. и. н., профессор Елена Эдмундовна Войтишек.
[2] Рейтинг стран с активно стареющим населением // Асахи симбун 30.06.2006 (дата обращения 16.10.2019).
[3] Продолжительность жизни японцев // Государственная рейтинговая статистика Японии. URL: http://www.japan-now.com/article/187086398.html (дата обращения 16.10.2019).

Стоит отметить также т. н. «Планы Ангела» 1994 и 1999 гг., которые были направлены на обеспечение поддержки работающих родителей по уходу за детьми. Кроме того, правительство проводит политику по поощрению оформления отпусков среди отцов, однако пока не особо успешно. Чуть позже свою лепту в расширение трудовых возможностей женщин внесла политика бывшего премьер-министра С. Абэ, получившая название «Womenomics». По своей сути данная политика представляет собой серию структурных реформ, благодаря которым японкам проще построить свою карьеру.

Сложившаяся ситуация имеет и социально-гендерный вызов. Многие японки в возрасте от 40 до 60 лет сознательно выбрали карьеру относительно брака и рождения детей. Одной из причин такого решения являются стереотипы со стороны японского общества о патриархальной модели семьи. По одному из них муж является кормильцем, а жене отводится роль домохозяйки, ввиду чего она не может выйти на работу, тем более при наличии детей в семье. На супругу перекладываются хлопоты по дому и воспитанию ребёнка, в результате чего у неё не остаётся времени на работу. Вероятно, поэтому за последние десятилетия увеличилось число разводов по инициативе женщин.

В традиционном японском обществе неодобрительно смотрят на детей, рожденных вне брака. Согласно данным статистики, их численность не превышает 2%, что является очень низким показателем по сравнению, например, с Америкой, где таких детей 40%, или странами Северной Европы, где количество незаконнорожденных больше половины[4]. Поэтому нежелание японцев обращаться к ценностям семейной жизни также подразумевает решение не иметь детей. Проведённые опросы показали, что многие семейные пары, имеющие хотя бы одного ребёнка, положительно относятся к идее завести ещё одного, однако не могут себе позволить подобного ввиду высоких затрат на воспитание.

Постепенно традиционный семейный уклад, в котором муж является кормильцем, а женщина выполняет работу по дому и воспитывает детей, теряет свою актуальность. Японки начинают проявлять больший интерес к устройству своей карьеры, ввиду чего стали откладывать рождение первого ребенка на более позднее время. Так, если в 1985 г. средний показатель в этом смысле равнялся 26 годам, то в 2017 г. уже составил 30,7 лет. Особенно четко данная тенденция проявляется среди женщин, получивших место в компании с постоянной занятостью, которое, согласно стереотипам, крепко укоренившимся в обществе, гораздо охотнее отдается мужчинам. Аргументами работодателей являются опасения, что после всех затрат на устройство и обучение внутри фирмы, сотрудница уйдет в декретный отпуск, что является невыгодным с экономической точки зрения. Получается, что подобная дискриминация побуждает

[4] Сэнда Юки. Нихондзин но кадзокукан хэнкасуру исики хэнкасинай сэидо [日本人の家族観　変化する意識・変化しない制度]. Японское семейное право. Меняющееся сознание. Неизменная система // Портал Nippon.com Современный взгляд на Японию URL: https://www.nippon.com/ja/currents/d00095/ (дата обращения 17.07.2020).

представительниц женского пола либо крепче держаться за свое место в организации, либо довольствоваться работой с неполной занятостью.

Прослеживаются структурные изменения, происходящие в обществе: повышение уровня образования, рост возможностей и привлекательности незамужней и холостой жизни, задержка вступления в брак и т. д. Наблюдается смена жизненных ценностей и ориентиров, вместе с этим роль семьи отходит на второй план. Акцент смещается в сторону стремления удовлетворения личных потребностей. Такая тенденция носит глобальный, мировой характер, и в Японии, вероятней всего, распространяется за счет западных веяний.

Фактором, сдерживающим распространение тенденции осознанной бездетной жизни, выступают групповое сознание японцев и, как следствие, стремление оправдать ожидания общества. Некоторые молодые супруги-японцы, избравшие для себя добровольную бездетность, чувствуют вину перед своими родителями, друзьями и обществом в целом. По словам Акира Такэмото, доцента колледжа Уитмена (Уолл-Уолл, штат Вашингтон), в сознании многих молодых пар в Японии закрепилась мысль о том, что дети нужны не им, а их родителям, которые постоянно настаивают на появлении потомства. Молодые люди опасаются порицания со стороны, поэтому им сложно заявить о своем решении в открытую.

Неодобрение выбора бездетных граждан периодически звучит и в правительстве. Так, например, бывший генеральный секретарь правящей Либерально-демократической партии Тосихиро Никай заявил: «Даже во время Второй мировой войны японки рожали гораздо больше, и что от количества детей зависит процветание нации». После чего он добавил: «Для того, чтобы общество было счастливо, необходимо рожать чаще и больше». Впрочем, с ним не согласились другие лидеры ЛДП: бывший премьер-министр страны Синдзо Абэ указал на то, что каждый имеет выбор, продолжать свой род или нет[5].

В обществе постепенно проявляется парадокс, который можно образно назвать социально-экономической проекцией принципа «неопределенности Гейзенберга», действующего в квантовой механике: чем лучше показатели рождаемости, тем сильнее усугубляется дефицит рабочих рук, и, наоборот, при улучшении дел на рынке труда сильнее ощущается демографический кризис. Для того чтобы понять, как коррелирует данная метафора с оригиналом, приведем формулировку физического принципа неопределенности Гейзенберга, который гласит: невозможно одновременно точно определить положение частицы и ее импульс, т. е. при попытке измерения одной из величин, ученые неумышленно влияют на другую, ввиду высокой чувствительности микромира и ограничений, действующих в нем.

[5] Не будь эгоисткой, рожай для страны. Власти Японии поспорили о праве на childfree // Сетевое издание «360». URL: https://360tv.ru/news/mir/ne-bud-egoistkoj-rozhaj-dlja-strany-vlasti-japonii-posporili-o-prave-na-childfree/ (дата обращения 17.01.2021).

При проецировании данного закона на японское общество получается, что чем больше японки сконцентрированы на карьере и работе, чем больше правительство концентрируется на решении вопроса нехватки рабочей силы, расширяя тем самым трудовые возможности женщин, тем на более поздний срок они откладывают вопрос о рождении первого ребенка — иной раз молодые пары даже всерьез задумываются, нужно ли обязывать себя родительскими обязанностями вообще.

С одной стороны, можно было бы заполнить вакантные рабочие места иностранными специалистами, однако в реальности принятие такого решения маловероятно. В иммиграционном законодательстве наблюдаются значительные подвижки: так, в июне 2018 г. японский парламент объявил о привлечении порядка 345 тыс. иностранных специалистов разной квалификации в течение ближайших 5 лет[6]. Тем не менее, Кабинет Министров опасается массового принятия мигрантов. С другой стороны, японские женщины в последнее время предпочитают воспитанию детей успешную карьеру — ввиду смены жизненных ориентиров, улучшения качества образования и увеличения их возможностей на рынке труда. Правительство уважает и поддерживает их стремление к трудоустройству, старается разрабатывать меры, которые бы позволили более успешно совмещать заботу о детях с работой.

Для улучшения демографического фона Кабинет Министров Японии предлагает такие меры, как создание мест в детских садах и отпуск по уходу за ребенком среди отцов. Некоторые японские государственные деятели стараются популяризовать декретный отпуск среди мужского населения, ставя себя в качестве наглядного примера. Например, Министр окружающей среды Японии Синдзиро Коидзуми сообщил о готовности взять двухнедельный отпуск после рождения своего первенца. К своему заявлению он добавил, что при этом будет продолжать уделять первоочередное внимание выполнению своих непосредственных обязанностей и по возможности работать удаленно[7].

Тем не менее, если политика по обеспечению мест в детских садах и яслях пользуется спросом, то ситуация с использованием мужчинами отпуска по уходу за детьми обстоит довольно плачевно. По результатам исследования Министерства здравоохранения, труда и социального обеспечения Японии, в 2019 г. в «декрет» уходили лишь 7,48% молодых отцов, что на 1,32 пункта выше показателей прошлого года, однако среди женщин данный показатель составляет 83%, что наглядно показывает сохраняющуюся колоссальную разницу между полами. С учетом того, что воспитание детей обходится дорого, нередко японкам приходится искать работу с неполной занятостью, что зачастую негативно отражается на благополучии семьи.

---

[6] Япония открывает границы для гастарбайтеров // Российская газета.. URL: https://rg.ru/2019/05/09/iaponiia-otkryvaet-granicy-dlia-gastarbajterov.html (дата обращения 12.09.2020).

[7] Дайте женам поработать: как японский министр уходит в декрет // Информационный портал «газета.ru». URL: https://www.gazeta.ru/lifestyle/style/2020/01/a_12914708.shtml (дата обращения 08.10.2020).

В связи с вышеизложенным в японском правительстве обсуждается разработка более гибкой системы, позволяющей гражданам успешно совмещать и работу, и семейные заботы для создания баланса в обществе.

Список использованной литературы

Котелевская Е. Н. Евдокимова Н. В. Проблемы в воспитании детей в Японии // Достижения вузовской науки 2019: сборник статей IX Международного научно-исследовательского конкурса 20 мая 2019 г. / Ростовский государственный экономический университет» С. 279–283.

Лебедева И. В. Японский рынок труда в XXI веке. Экономические и социальные проблемы. М.: Институт востоковедения РАН, 2019. 314 с.

Мартюшова Н. О. Институт брака в Японии: к вопросу о трансформации ценностных установок // Актуальные вопросы этнографии и этногеографии: Мат-лы Всероссийской научно-практической конференции 23 марта 2017 г. / Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина. 2017. С. 68–71.

Никифорова А. И. Междисциплинарность в исследовании социального феномена чайлдфри // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. С. 184–188.

Стрельцов Д. В. Япония: политическая модернизация эпохи Хэйсэй. М.: АИРО-XXI, 2013. 296 с.

Ляхов Михаил Владимирович
студент 3 курса
Восточный факультет СПбГУ[1]

Цветовая символика одежды в романе «Неофициальная история конфуцианцев»

В натурфилософии Китая, что характерно для многих древних народов, существует деление вещей и качеств на диаметрально противоположные категории: мужской и женский, жесткий и мягкий, белый и черный. В китайской культуре эти две категории выражены всем известными началами *Инь* (陰), темное начало, и *Ян* (陽), светлое начало. Взаимодействие частиц этих двух начал создало весь окружающий мир, прежде всего пять первоэлементов, которые представлены концепцией Пятеричного пути, или *Усин* (五行). Каждому из первоэлементов соответствует сторона света, мистическое животное, цвет, и другие предметы и явления. (Кравцова 2003, - стр. 110; Сидихменов 1987, - стр. 5)

В данном случае важным для нас является символика красного и синего цвета. Красный цвет соответствует Югу, фениксу и является для китайской культуры одним из важнейших, если не важнейшим, цветом. Красный цвет чаще всего обозначает радостные события в жизни и обильно используется в праздники, например, Китайский Новый Год (*чуньцзе* 春節), Праздник Фонарей (*юаньсяоцзе* 元宵節) или свадьба (*хунши* 紅事), где его можно видеть в одежде, детском подарочном конверте *хунбао* (紅包, букв. красная обертка) или в виде красной бумаги, на которой написаны благопожелательные фразы.

Синий цвет может быть записан как иероглифами, который обозначают только синий, например, *лань* (藍), либо же иероглифами, которые обозначают спектр цветов от синего, зеленого вплоть до черного (*цин* 青, *цан* 蒼). Лань в древнем китайском языке обозначал растение индиго, из которого добывали синий пигмент, после чего посредством метонимии иероглиф стал обозначать сам цвет. (Franck 2002, - стр. 19) Синего цвета была одежда простого народа, синий пигмент легко добывался, был доступен широким массам людей. (Сидихменов 1987, - стр. 333) Поэтому можно предположить, что синий цвет символизирует простоту, незамысловатость. Во время династии Северная Сун жил государственный деятель по имени Бао Чжэн, который имел прозвище «Синее небо» (*Бао Цинтянь* 包青天) с одной стороны из-за своей формы чиновника, которая во время Северной Сун была синего цвета, а с другой стороны за его правосудие и беспристрастность. (James 1976, - стр. 823-832) То есть синий цвет в данном случае выступает как символ нравственности и чистоты совести.

[1] Научный руководитель – доцент кафедры китайской филологии СПбГУ, к. ист. н., Н. А. Сомкина.

Итак, разъяснив символику цветов, необходимых для понимания романа, можем приступить к анализу романа. Перед тем, как перейти к символике цвета стоит сначала дать краткое описание произведения для его полного понимания. Неофициальная история конфуцианцев (*жулинь вайши* 儒林外史) – один из первых китайских сатирических романов, который высмеивает устаревший институт государственных экзаменов (*кэцзюй* 科舉) и выходящих из него ученых мужей, жаждущих богатства и власти. Роман описывает период династии Мин, но по большему счету описываются реалии, в которых жил У Цзинцзы, об этом ниже. Автор обладал хорошими литературными способностями, но отказывался от экзаменов, после чего он разорвал связи с семьей и, истратив все средства, был вынужден переехать в Нанкин. В Нанкине он вел бедную жизнь, был вынужден продавать свои книги для пропитания, люди называли его безумцем за нежелание участвовать в государственных экзаменах, продвигаться по карьерной лестнице. В Нанкине он и написал роман, в котором изображены все слои общества его времени, начиная от высокопоставленного чиновничества, заканчивая нищими. (Фишман 1988, - стр. 588)

Во время правления маньчжурской династии Цин началась сильнейшая цензурная кампания в истории имперского Китая: в рамках литературной инквизиции в 1772 году с указом императора Цяньлуна было сожжено почти 14 тысяч книг, более 2 тысяч были частично или полностью запрещены. Поводом для цензуры могли служить антиманьчжурское содержание, упоминание неугодных двору авторов, так и «еретические взгляды». Последнее особенно сильно влияло на политику, потому что правители династии Цин строго следовали учению и акцентировали самые консервативные положения конфуцианства. (Фишман 1988, - стр. 582-583)

Эти ограничения привели к тому кругу тем и хронотопу, свойственному литературе эпохи Цин, «Истории» в частности. Сюжет романа разворачивается в эпоху предшествующей династии Мин, что само по себе было мерой самоцензуры, т. к. многие персонажи отражают современников писателя. Сильной критике подверглось конфуцианство и связанный с ним институт государственных экзаменов, который превратился из способа конфуцианского воспитания в соревнование по заучиванию восьмичленных сочинений, характерных для этого периода. Суть романа излагается уже в первой главе, в которой высокоморальный крестьянин Ван Мянь, всеми способами уклоняется от предложений стать чиновником. Когда выясняется, что императорским указом были упрощены экзамены, Ван Мянь высказывает сожаления о том, что «*люди будут смотреть на учение как на средство сделать себе карьеру, а это вызовет пренебрежительное отношение к литературе*». (У Цзин-цзы, - стр. 10; Воскресенский 2008, - стр. 308; Фишман 1988, - стр. 589)

При анализе цветовой символики в одежде, мы можем выявить следующую закономерность:

1. Персонаж находится в бедствующем положении, ему хватает денег только на еду. Здесь цвет одежды преимущественно темных оттенков, персонаж проявляет

скромность и уважение к окружающим его людям. Так, например, Чжоу Цзинь до сдачи провинциальных экзаменов был деревенским учителем в рваном черном халате и ветхих шелковых туфлях, мечтал стать экзаменатором не ради титула и благосостояния, а ради поиска талантов, но сдав экзамен на высшую степень *цзиньши* (進士) и заполучив должность экзаменатора по чистой случайности, он жестоко наказывает молодого поэта, написавший сочинение в стихах, при этом Чжоу Цзинь позволил пройти Фань Цзиню, который, из-за своей малопонятной манеры писать сочинения, до встречи с Чжоу Цзинем безуспешно пытается сдать экзамены уже 20 лет. На этом же уровне находятся люди вроде актера Бао Вэнь-цин, усыновляющий сына своего друга Ни, чтобы помочь ему с деньгами и дать его сыну возможность занятся ремеслом.

2. Затем персонажу благодаря счастливому случаю удается сдать экзамен на степень *сюцая* (秀才), будь то удача попасть на экзамен вообще, то снисходительность и жалость экзаменатора. Здесь персонажами, уже с титулом носят шелковый халат синего цвета, ученый головной убор и черные туфли с белой подошвой, оттенок которой хоть и являлся скорее обозначающим, чем символическим, но автор изображает всех обладателей как добродетельных, персонажи еще не теряют своих моральных качеств. Следовательно, синий цвет в этом случае выступает как символ простоты, бескорыстности и честности. Это можно подтвердить поступками Ма Чунь-шана, который поверил шарлатану и чуть не сел в тюрьму за присвоение чужого серебра, и братьев Лоу, которые устраивали литературные вечера, давали деньги, не требуя ничего дорогого взамен; они были обмануты разбойником, который им подкинул голову в мешке и потребовал немалую сумму серебра, прежде чем сбежать. Эти персонажи помогали окружающим в своих начинаниях, но принимали все за чистую монету, что в итоге их почти лишали свободы.

3. Далее, если персонаж поднимается по карьерной лестнице и достигает последней ученой степени цзиньши, он начинает вести себя высокомерно по отношению к нижестоящим в общественной иерархии людям, будь то жестокое наказание экзаменуемых, то предательство семьи и прежних друзей, которые помогали персонажу «выйти в люди». Теперь, на посту важного чиновника, он носит халат красного цвета. Можно таким образом сделать вывод, что красный, хоть и обозначает высокое и важное положение, тем не менее в данном контексте означает упадок моральных качеств и сосредоточение на формальном аспекте конфуцианства. Такое поведение можно заметить у Куан Чао-жэня, который изначально вел себя почтительно по отношению к своим родственникам и близким людям. Однако затем он попал в город и там сначала участвовал в махинации, в которой он за другого человека шел на экзамен писать сочинение, затем, когда о его способностях узнал цензор, тот сосватал ему свою племянницу, при этом Куан уже был женат. Спустя некоторое время он становится крупным чиновником и начинает величать себя разными прозвищами.

Подводя итоги, можно сказать, что синий цвет полностью соответствует ранее выдвинутому тезису о том, что персонажи с одеждой синего цвета проявляют более

положительные качества нежели персонажи с одеждой красного цвета. Хоть достижение степени цзиньши в формальном аспекте и соответствует символике счастливого события, однако автор откланяется от общепринятой символики и изображает персонажей как корыстолюбивых и жестоких, подвергая критики не сколько самих персонажей сколько закономерность, которая имела место во время жизни У Цзинцзы.

Список использованной литературы

У Цзинцзы Неофициальная история конфуцианцев: Роман / пер. с кит., вступ. статья Д. Н. Воскресенского; стихи в пер. С. Северцева. – СПб.: Наука, 2014. [Электронный ресурс] // режим доступа: https://nemaloknig.com/read393313/?page=1#booktxt (дата обращения 4.03.2021)

Воскресенский Д. Н. Жулинь вайши – 308-311 с. / Духовная культура Китая: энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко ; Ин-т Дальнего Востока. - М.: Вост. лит., 2006. – ISBN 5-02-018429-2. – Т. 3. : Литература. Язык и письменность / ред. М. Л. Титаренко и др. – 2008. – 855 с. – ISBN 978-5-02-036348-9.

Кравцова М. Е. История культуры Китая. 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: Издательство «Лань» – 2003. – 416 с., с ил. – (Мир культуры, истории и философии). ISBN 5-8114-0063-2.

Сидихменов В. Я. Китай: страницы прошлого. 3-е изд. испр. и доп. – М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987.

Фишман О. Л. Введение; «Неофициальная история конфуцианцев» // История всемирной литературы: В 8 т. / АН СССР ; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; Гл. редкол: Г. П. Бердников (гл. ред.), А. С. Бушмин, Ю. Б. Виппер (зам. гл. ред.), Д. С. Лихачев, Г. И. Ломидзе, Д. 3 Ф. Марков, А. Д. Михайлов, С. В. Никольский, Б. Б. Пиотровский, Г. М. Фридлендер, М. Б. Храпченко, Е. П. Челышев. — М.: Наука, 1983 — 1994. : Т. 5 / Ред. коллегия тома: С. В. Тураев (отв. ред.), Н. А. Вишневская, А. Д. Михайлов, К. В. Пигарев, Б. Л. Рифтин, О. К. Россиянов, В. И. Семанов. — 1988. — 784 с. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://febweb.ru/feb/ivl/vl5/vl5-5822.htm?cmd=0 ; http://feb-web.ru/feb/ivl/vl5/vl5-5882.htm?cmd=0 (дата обращения: 18.02.2021).

Franck M. E. Chinese color word evolution. – University of Massachusetts Amherst – 2002 [Электронный ресурс] // Режим доступа : https://scholarworks.umass.edu/theses/1525 (дата обращения 18.02.2021).

James T. C. Liu in Franke, Herbert, Sung Biographies, Wiesbaden, 1976, vol. 2, ISBN 3-515-02412-3.

Марутина Елизавета Андреевна
студентка 4 курса кафедры истории стран Дальнего Востока
Восточный факультет СПбГУ[1]

Китай и Восточный Тимор: векторы сотрудничества

В контексте современных геополитических процессов господство в Азиатско-Тихоокеанском регионе стало одной из основных внешнеполитических задач мировых держав в XXI веке. Желание контролировать в зоне Южно-Китайского моря острова, природные ресурсы, такие как газ, нефть или углеводороды (Palacios 2017), получить здесь военно-стратегическое преимущество послужило причиной столкновения интересов и территориальных споров крупных государств.

Китай также входит в число стран, конфликтующих из-за принадлежности островов и установления границ в акватории Южно-Китайского моря. Зона его интересов на национальных картах отмечена так называемой Линией девяти пунктиров, в которой каждый штрих соответствует той или иной оспариваемой территории (острову / группе островов). Самые крупные споры происходят из-за островов Спратли и Парасельских островов. Значимость данных архипелагов определяется большими запасами нефти и природного газа. Помимо Китая, на них претендуют его ближайшие соседи – Вьетнам, Малайзия, Бруней, Тайвань, Филиппины.

С Индонезией, еще одним соседом, предметом торгово-экономических разногласий у Китая является право на рыболовство вокруг островов Натуна. В декабре 2019 года власти Индонезии выразили протест против вторжения судов китайской береговой охраны и рыболовного флота в акваторию Южно-Китайского моря (Share America 2010). Эти острова также имеют важное военно-стратегическое значение. Приобретая полный контроль над регионом, государство получает преимущество в вопросах размещения военных баз и военно-морского флота.

Расширение влияния Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе не ограничивается лишь островами. Китайская Народная Республика – страна с большими геополитическими амбициями. Долгое время на Западе государство считалось «одинокой державой», так как во внешней политике оно следовало принципам Дэна Сяопина – «скрывать свои возможности и держаться в тени (таогуан янхуэй 韬光养晦)», то есть не вмешиваться во внутренние дела других государств, избегать прямой с ними конфронтации. Однако в дальнейшем, под руководством пятого поколения китайских лидеров, Пекин изменил свою внешнеполитическую линию (Miller 2017, p. 87). При Си Цзиньпине приоритетными стали концепция «добрососедства» и идея создания «сообществ судьбы», в рамках которых одна из наиболее интересных инициатив – грамотное построение дипломатических отношений с небольшими странами «на

[1] Научный руководитель – к. и. н. Сомкина Надежда Александровна.

периферии». Такие связи рассматриваются руководством Китая как фундамент превращения государства в глобальную державу, так как «сопредельный регион» способен обеспечить надежный тыл и оказать воздействие на динамику отношений с крупными странами (Ломанов 2017, с. 11).

Не так давно КНР приобрела возможность официально закрепить свое присутствие не только на территории небольших островов (как, например, Парасельских), но и на землях, принадлежащих крупным архипелагам. Примером такой политики является установление дипломатических отношений с государством Восточный Тимор.

Две страны имеют давние политические контакты, обусловленные историческими событиями, произошедшими в конце XX – начале XXI веков. В 1974 году Восточный Тимор затронул процесс деколонизации португальских владений. Однако, получив независимость, страна вновь оказалась в составе более сильного государства-соседа. Индонезийский президент Сухарто опасался укрепления власти лево-ориентированной политической организации под названием «Революционный Фронт за Независимость Восточного Тимора», полагая, что под их влиянием Восточный Тимор может превратиться в плацдарм для распространения коммунистических идей. Поэтому в декабре 1975 года в Восточный Тимор были введены войска, а после объявлено, что территория отныне является 27-й провинцией Индонезии. Такие действия не только разрушили надежды местных жителей на возможность стабилизации ситуации и сохранения суверенитета государства, но и нанесли тяжелый удар по экономике КНР. Огромное количество китайцев, оказавшись на территории, оккупированной Индонезией, лишились возможности спокойно жить и вести бизнес (Liu, 2012). Ситуация начала меняться в августе 1999 года, когда тиморцы провели референдум и практически все население проголосовало за выход из состава Индонезии. Не последнюю роль в этом сыграл тот факт, что Китай еще в 1970-х признал независимость Восточного Тимора от Португалии и постоянно оказывал дипломатическую поддержку молодому государству. Только при содействии КНР как члена Совета Безопасности, ООН смогла проконтролировать процесс голосования и выполнить миссию по поддержанию мира в Восточном Тиморе в период политической нестабильности.

Окончательно Восточный Тимор приобрел независимость и получил статус государства в мае 2002 года. Новая страна нуждалась в сильном союзнике, которым и стала Китайская Народная Республика. Она была первой, кто признал новое государство, и как результат – страны установили дипломатические отношения.

Поддержание дружеских отношений с Пекином, а также обмен посольствами, несомненно, подняли международный статус новообразованного государства, и в то же время ознаменовали прекращение дипломатических отношений Восточного Тимора с Тайванем (во времена оккупации страны Индонезией там действовало консульство) (Fox, Soares, p. 74). В связи с этим фактом премьер-министр Восточного

Тимора Мари Алькатири на переговорах с премьер-министром Госсовета Китая Вэнь Цзябао сделал следующее заявление: «В настоящее время Тайвань не имеет представительства в Восточном Тиморе, поскольку наша страна соблюдает принцип «Единого Китая».

Таким образом, в сфере дипломатического сотрудничества Восточный Тимор получил поддержку влиятельного соседа, а Китай ограничил возможное расширение официальных связей Тайваня в регионе и еще раз подчеркнул суверенность своей территории.

В развитии деловых и культурных связей между Китаем и Восточным Тимором большую роль играет специальный административный район КНР –Макао. Общность исторического пути Макао и Восточного Тимора, как бывших португальских колоний, несомненно, облегчает процесс установления прочных связей между государствами.

В Макао регулярно проводится Форум торгово-экономического сотрудничества Китай – португалоязычные страны. В 2016 году премьер-министр КНР Ли Кэцян совместно с премьер-министрами Кабо-Верде, Гвинеи-Бисау, Мозамбика, Португалии а также представителями правительств Анголы, Бразилии и Восточного Тимора обсудили инициативу Китая по сотрудничеству в рамках программы «Один пояс, один путь». Они также подчеркнули особую роль Макао как платформы для делового сотрудничества, что является важным для Восточного Тимора в силу его близкого географического расположения.

В настоящее время в рамках двустороннего экономического сотрудничества Китай – Восточный Тимор около 20 крупных и средних китайских государственных предприятий участвуют в подрядных проектах на территории Восточного Тимора. Среди них наиболее крупными являются 3 проекта. Первый – «Одна сеть» (и ван 一网) связан с электрификацией страны и уже вступил в фазу эксплуатации и технического обслуживания. Второй проект – «Одна дорога» (и лу 一路) был реализован в ноябре 2018 года. Его цель – строительство скоростной автомагистрали Су-Ай на востоке страны. Третьим крупным проектом является «Один порт» (и ган 一港), его объекты сейчас находятся на стадии строительства.

Цели и масштабы последовательно осуществляемых программ наглядно обозначают основные векторы взаимовыгодного сотрудничества двух стран. Но ряд западных политологов оценивают отношения между Китаем и Восточным Тимором в другом, менее оптимистичном ключе, подчеркивая, что они весьма выгодны лишь для Китая. Эксперты утверждают, что осуществляемая КНР экспансия в Азиатско-Тихоокеанском регионе будет распространяться и дальше, и опасаются, что тотальное влияние Китая не позволит другим странам (в первую очередь западным) определять политико-экономическую ситуацию в данном регионе (Hutt, 2016). «Китай вкладывает средства в эту страну и будет заинтересован в ее развитии только до тех пор, пока запасы нефти и газа в Восточном Тиморе не иссякнут. Затем поток инвестиций будет

существенно уменьшен, по сути, финансовая помощь прекратится», – такой вывод делают западные аналитики.

Однако на практике (вышеупомянутые проекты тому доказательство) сотрудничество между Китаем и Восточным Тимором рассчитано на долгосрочную перспективу. Оно предполагает реализацию как локальных проектов – по развитию инфраструктуры Восточного Тимора, так и глобальных – связанных с логистикой торговли, пассажиро- и грузоперевозок (один из них «Морской Шелковый путь XXI века»).

Таким образом, на данном этапе отношения между Китаем и Восточным Тимором можно оценить как взаимовыгодные. Векторы сотрудничества этих двух государств имеют разнообразные направления: дипломатическое (установление официальных отношений между двумя странами в 2002 году и их активное развитие), экономическое (участие в международных форумах, реализация двусторонних проектов), культурное (возможность укрепления связей на базе общего исторического прошлого).

Восточный Тимор, как развивающаяся страна, нуждается в сильном союзнике и крупных инвестициях извне. Китай, как серьезный партнер и сосед, умело использует эти потребности и успешно реализует стратегию продвижения своих экономических и политических интересов в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Список использованной литературы

Ли Кэцян чуси Чжунго – пу юй гоцзя цзинмао хэцзо луньтань ди у цзе бучан цзи хуэйи каймуши бин фабяо чжучжияньцзян. 李克强出席中国－葡语国家经贸合作论坛第五届部长级会议开幕式并发表主旨演讲 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bs.china-embassy.org/chn/zgxw/t1404870.htm, свободный. Загл. с экрана (дата обращения: 18.03.2021).

Ломанов А.В. Новые концепции китайской внешней политики // Азия и Африка сегодня, 2017. № 12. С. 8 – 18.

Страны Юго-Восточной Азии дают отпор в территориальных спорах с Китаем [Электронный ресурс] // Share America. Режим доступа: https://share.america.gov/ru, свободный. Загл. с экрана (дата обращения 12.03.21).

Чжунго тун Дундивэнь дэ гуаньси. 中国同东帝汶的关系 [Электронный ресурс] // Чжунхуа Жэньминь Гунхэго вайцзяо бу. 中华人民共和国外交部. Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/web/.shtml, свободный. Загл. с экрана (дата обращения: 18.03.2021).

Hutt D. Is China’s Influence in Timor-Leste Rising [Электронный ресурс] // The Diplomat. Режим доступа: https://thediplomat.com/2016/11/is-chinas-influence-in-timor-leste-rising/, свободный. Загл. с экрана (дата обращения: 16.03.2021).

Fox J.J. (author, ed.), Soares D.B. (ed.). Out of the Ashes: Destruction and Reconstruction of East Timor. ANU E Press, 2003. 276 p.

Liu Xinsheng. Sincere Friendship and Equal Treatment-Retrospect and Prospect of the 10th Anniversary of the Establishment of Diplomatic Relations between China and East Timor // Around Southeast Asia, 2012. № 5. P. 3 – 5.

Miller T. China's Asian Dream: Empire Building Along the New Silk Road. London, 2017. 304 p.

Palacios M. The Importance of Sea Geopolitics: The Case of East Timor, 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sirjournal.org/research/2017/11/18/the-importance-of-sea-geopolitics-the-case-of-east-timor, свободный. Загл. с экрана (дата обращения: 12.03.2021).

Мельникова Светлана Витальевна
Касаткина Василина Александровна
студентки 3 курса факультета международных отношений
и зарубежного регионоведения РГГУ[1]

Международные СМИ как инструмент политического влияния КНР

Последнее время новостные полосы всё чаще повествуют о запретах деятельности международных СМИ в той или иной стране. Не секрет, что китайское правительство вкладывает значительные средства в иностранную пропаганду, уделяя особое внимание гражданам западных и развивающихся стран, особенно – соседних. Согласно статье, опубликованной Центром Вильсона в 2020 году, оценки ежегодных расходов китайского правительства на зарубежную пропаганду варьируются от 7 до 10 с лишним миллиардов долларов США (Wilson Center, 26.10.2015).

Один из давно используемых подходов Китая по формированию положительного международного имиджа называется «заимствование иностранных газет». Эта практика включает размещение собственных новостных статей в ведущих зарубежных газетах.

В 2015 году специалисты центра Вильсона провели исследование и пришли к выводу, что усилия Китайской коммунистической партии по продвижению пропаганды были весьма эффективными с точки зрения политического влияния, но с точки зрения социологических опросов – провальными. Как изменилась ситуация с тех пор и какую роль в этом сыграли международные СМИ?

The Daily Telegraph – британская ежедневная газета, которая в настоящее время пользуется популярностью как новостной онлайн-ресурс среди пользователей во всем мире.

Более 10 лет газета сотрудничала с китайскими властями, публикуя раздел «China Watch», который спонсировался подконтрольной китайским властям газетой «China Daily». Материалы раздела создавались китайскими государственными журналистами, а сам раздел был посвящен тому, что представлял Китай в положительном ключе.

В апреле 2020 года стало известно о том, что газеты прекращают сотрудничество, а британские СМИ не только прекратили печать китайского раздела, но и удалили все материалы со своего сайта (The Guardian, 14.04.2020). The Telegraph никак не комментирует ситуацию, однако вероятнее всего, это связано со стремлением Китая улучшить свою репутацию в условиях пандемии, вкладывая значительные суммы в прокитайские публикации.

Ситуация с The Telegraph – только начало массового протеста СМИ.

[1] Научный руководитель — к. и. н. Александр Александрович Столяров.

Американские мировые новостные агентства, в том числе Wall Street Journal, также имеют разделы с аналогичным брендом China Watch. Однако еще в феврале 2020-го года между американской и китайской сторонами произошло серьезное недопонимание, связанное с названием американской статьи “China is the real sick man of Asia” (Wall Street Journal, 3.02.2020), которое китайцы посчитали оскорбительным, и не добившись смены заголовка, выслали иностранных репортеров из страны. Это стало поводом для администрации Трампа, чтобы объявить пять китайских СМИ официальными государственными учреждениями в соответствии с Законом об иностранных представительствах, что означает, что к ним будут относиться так, будто они являются дипломатическими форпостами китайского правительства, и попадают под соответствующие санкции (Washington post, 18.02.2020).

До недавнего времени в New York Times был аналогичный раздел, но в начале 2021 года издание приняло решение «прекратить прием рекламы с фирменным контентом от государственных СМИ, в том числе China Daily»(The Washington Free Beacon, 4.08.2020).

В феврале 2021 года британский регулятор вещания Office of Communications (Ofcom) заявил об отзыве лицензии международного новостного канала China Global Television Network. Причиной применения таких жестких мер стала подконтрольность канала КПК, которая нарушает британские законы о вещании (The New York Times, 11.02.2021).

Через неделю после этого Китай предпринял ответные меры. Национальное управление радио и телевидения Китая заявило, что BBC World News будет запрещено транслировать свои программы на территории Китая и Гонконга (CNBC, 16.02.2021). Британская служба новостей была обвинена в предвзятом и неточном освещении событий, нанесении ущерба национальным интересам Китая и подрывании национального единства китайского народа (国家广播电视总局, 12.02.2021).

Однако есть и успешные примеры применения данной стратегии. Российские СМИ часто сотрудничают с китайскими. Ещё в 2018 году китайский новостной канал CCTV получил лицензию на вещание на территории РФ(Российская газета, 4.11.2018). По сообщениям интернет-издания “Медуза”, по состоянию на 2020 год с китайской стороной сотрудничают такие российские СМИ, как “Российская газета”, “РИА Новости” и другие(Медуза, 28.07.2020). При этом китайская сторона пользуется этой возможностью намного шире, оставляя за собой право крайне выборочной публикации статей и новостей. В октябре 2020 года делегации стран утвердили новый план сотрудничества СМИ на 2021 год, включающий обмен информацией в целях её дальнейшего распространения (Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, 20.10.2020).

Таким образом, Китай достиг некоторых успехов в реализации программы воздействия на иностранные СМИ. Он не только получил доступ к российскому рынку информации, но и сохранил относительную закрытость китайских СМИ.

Для определения эффективности данного способа воздействия рассмотрим результаты социологических опросов населения России, Великобритании и США за 2020 год. В каждом из опросов граждан просили охарактеризовать свое отношение к Китаю и его политике.

Согласно результатам опросов американского Исследовательского центра Пью (Pew Research Center, 6.10.2020), только 22% жителей США и Великобритании положительно относятся к КНР. При этом число поклонников Китая в Великобритании сократилось в три раза с 2002 года, а в США – в два. Конечно, на такое значительное изменение повлияла и пандемия COVID-19, в распространении которого некоторые политики обвиняют Китай. Однако тенденция к увеличению числа противников Китая среди граждан США и Великобритании существует уже на протяжении нескольких лет.

С другой стороны, согласно данным Левада-центра, 65% россиян положительно относятся к Китаю, что на 11% меньше показателей 2003 года. Кроме того, 40% опрошенных назвали Китай одним из наиболее близких союзников России.

Таким образом можно сделать вывод, что сейчас Китай продолжает активно использовать международные СМИ в качестве инструмента для осуществления своего политического влияния за рубежом, однако в период с 2020 года по февраль 2021 года подобная пропаганда оказывает на имидж Китая в большинстве случаев негативное влияние, и китайские эксперты вполне это осознают. Если аудитория знает, что часть информации исходит из официального источника китайских СМИ, она, скорее всего, интерпретирует ее как «пропаганду», а не как «новости» (Wilson Center, 26.10.2015). К этому добавляются ещё и открытые заявления СМИ о том, что к содержанию размещенных материалов они не имеют отношения.

Проанализировав данные социологических опросов, очевидна взаимосвязь между степенью сотрудничества СМИ в рассмотренных регионах с китайскими властями и общественным мнением в отношении КНР. Так, в США и Великобритании, где градус сотрудничества в течение 2020-начала 2021 годов значительно снизился, данные социологических опросов демонстрируют ухудшение имиджа Китая среди опрошенных.

В России же эти показатели весьма позитивны, и связаны, конечно, как с активным развитием экономических и политических взаимоотношений государств, так и с достаточно тесным пропагандистским сотрудничеством российских и китайских СМИ.

Таким образом, на сегодняшний день значительные усилия Китая по модернизации своего зарубежного пропагандистского аппарата лишь частично привели к изменению международного общественного мнения. С одной стороны, усилия КПК по повышению осведомленности мировой общественности об экономических преобразованиях страны оказались эффективными. Позиция Китая сейчас достоверно транслируется в большинстве зарубежных китайских СМИ. С

другой стороны, как показывают опросы, усилия КПК пока не смогли повлиять на иностранную аудиторию, а в некоторых ситуациях даже оказали негативное влияние. Поэтому нельзя сказать, что стратегия захвата западных культурных и информационных агентств оказалась эффективным способом улучшить имидж КНР и ограничить международные дискуссии по вопросам, связанных с Китаем.

Список источников

Левада-центр [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.levada.ru/indikatory/otnoshenie-k-stranam/ – Отношение к странам (Дата обращения: 09.03.2021)

Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://digital.gov.ru/ru/events/40150/ – Россия и Китай утвердили план сотрудничества СМИ двух стран на 2021 год (Дата обращения: 09.03.2021)

РИА Новости [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ria.ru/20210211/veschanie-1597111080.html – В Китае запретили вещание BBC World News (Дата обращения: 07.03.2021)

Российская Газета [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rg.ru/2018/11/04/smi-rossii-i-kitaia-nametili-sotrudnichestvo-na-gody-vpered.html – Правда в цифре. СМИ России и Китая наметили сотрудничество на годы вперёд (Дата обращения: 07.03.2021)

CNBC [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.cnbc.com/2021/02/16/china-blocks-bbc-world-news-after-uk-revokes-license-of-cgtn.html – Why China banned the BBC and why it matters (Дата обращения: 06.03.2021)

Hong Kong Free Press [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://hongkongfp.com – China spends big on propaganda in Britain… but returns are low (Дата обращения: 02.03.2021)

Meduza [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://meduza.io/en/feature/2020/07/28/it-s-so-hard-to-find-good-help – It's so hard to find good help (Дата обращения: 02.03.2021)

Pew Research Center [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.pewresearch.org/global/2020/10/06/unfavorable-views-of-china-reach-historic-highs-in-many-countries/ – Unfavorable Views of China Reach Historic Highs in Many Countries (Дата обращения: 06.03.2021)

The Guardian [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.theguardian.com – Daily Telegraph stops publishing section paid for by China (Дата обращения: 01.03.2021)

The New York Times [Электронный ресурс]. Режим доступа:https://www.nytimes.com/2021/02/04/world/europe/uk-china-cgtn-license.html – U.K. regulator revokes license for China-backed broadcaster (Дата обращения: 04.03.2021)

The Washington Free Beacon [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://freebeacon.com/media/nyt-quietly-scrubs-chinese-propaganda/ – NYT Quietly Scrubs Chinese Propaganda (Дата обращения: 01.03.2021)

Wall Street Journal [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.wsj.com – China is the real sick man of Asia (Дата обращения: 01.03.2021)

Washington post [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.washingtonpost.com – U.S. designates major Chinese media outlets as government entities (Дата обращения: 01.03.2021)

Wilson Center [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.wilsoncenter.org – China's Foreign Propaganda Machine (Дата обращения: 02.03.2021)

Гоцзя гуанбо дяньши цзунцзюй - Цзяньсюнь (Заметка Государственного управление радио и телевидения) 国家广播电视总局 - 简讯 [Электонный ресурс]. Режим доступа: http://www.nrta.gov.cn/art/2021/2/12/art_113_55123.html?spm=chekydwncf.0.0.1.V5fpX4 (Дата обращения: 06.03.2021)

Меркулова Ксения Евгеньевна
магистрантка 1 курса
Восточный факультет СПбГУ[1]

Работа Министерства экономики, торговли и промышленности (МЭТП) в рамках «Плана о сотрудничестве из восьми пунктов»

С 2016 г. после предоставления «Плана о сотрудничестве из восьми пунктов» Президенту РФ В.В. Путину Премьер-министром Японии С. Абэ развитие экономических отношений России и Японии стало наиболее активным.

Работа над отношениями двух стран происходит не без участия Министерства экономики, торговли и промышленности Японии, так как оно отвечает за внешнеэкономические связи страны. В ходе работы над развитием экономических отношений с Россией в рамках реализации «Плана о сотрудничестве» МЭТП стало инициатором различных совместных проектов, которые направлены на сближение двух стран.

Целью доклада является анализ определенных инициатив МЭТП в рамках осуществления «Плана о сотрудничестве из восьми пунктов» в 2016-2020 гг.

Актуальность исследования связанна с тенденцией к закрытию различных российских предприятий, в то время как вышеуказанный и подобные проекты позволят повысить их производительность и обеспечить качественными японскими технологиями и опытом в управлении. А для МЭТП это способствует увеличению доли японских компаний на российском рынке.

МЭТП также участвует в работе Российско-Японской Межправительственной Комиссии по торгово-экономическим вопросам (МПК), которая была учреждена в 1994 г., и чья деятельность играет важную роль в развитии двустороннего экономического сотрудничества. В рамках МПК функционирует пять рабочих групп:

- Российско-японская рабочая группа высокого уровня по продвижению приоритетных проектов (РГВУ);
- Подкомиссия по торговле и инвестициям;
- Подкомиссия по сотрудничеству в области промышленности;
- Российско-японская комиссия по межрегиональному сотрудничеству;

[1] Научный руководитель – к. и. н. Мария Николаевна Малашевская.

- Российско-японская Рабочая группа по системным вопросам инвестиционного климата[2].

Можно отметить, что в двух из пяти рабочих групп председателями японской части являются представители МЭТП. Это как раз наиболее важные для работы министерства группы: Российско-японская рабочая группа высокого уровня по продвижению приоритетных проектов и Подкомиссия по сотрудничеству в области промышленности, где председательствуют соответственно министр экономики, торговли и промышленности и заместитель министра экономики, торговли и промышленности. Примечательно и то, что вместе с должностью главы МЭТП передается должность министра по экономическому сотрудничеству с Россией, что показывает вовлеченность министерства в развитии японо-российских экономических отношений и реализации «Плана о сотрудничестве».

В рамках поощрения диверсификации промышленной структуры России и повышение производительности (пятый пункт «Плана о сотрудничестве») с помощью МЭТП в августе 2016 г. создается упомянутый выше Подкомиссия по сотрудничеству в области промышленности[3]. Подкомиссия занимается двумя инициативами: (1) диагностика производительности российских предприятий и рекомендации по повышению их производительности с помощью японских экспертов с использованием высоких технологий и управлением производительностью; (2) приглашение линейных руководителей, занятых в поддерживающих российских отраслях, в Японию с посещением производственных предприятий и обучение японским технологиям и методам управления[4]. Подкомиссия организует регулярные заседания, в ходе которых проводится обсуждение результатов проведенных инициатив и дальнейших перспектив реализации проектов, например, ближайшее было проведено 18 декабря 2020 года (в онлайн формате). Также в ходе прошедшего седьмого заседания стороны обсудили широкий круг вопросов российско-японского сотрудничества в области промышленности в таких отраслях как автомобилестроение, металлургия, авиастроение и информационные технологии[5].

---

[2] Япония [Электронный ресурс] // Торговое представительство Российской Федерации в Японии. Режим доступа: https://jpn.minpromtorg.gov.ru/about/country-information/. Загл. с экрана (дата обращения: 16.03.2021)

[3] Кэйдзайсангё:сё: но цу:сё:хакусё, дай 3-бу, дай 2-сё:, дай 2- сэцу. Росиа (Торговая Белая книга Министерства экономики, промышленности и торговли, Часть 3, Глава 3, Раздел 2. Россия). 経済産業省の通商白書、第 3 部、第 3 章、第 2 節ロシア [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.meti.go.jp/report/tsuhaku2017/2017honbun/i3320000.html. Загл. с экрана (дата обращения: 26.02.2021)

[4] Там же.

[5] Торгпредство приняло участие в Подкомиссии по сотрудничеству в области промышленности [Электронный ресурс] // Торговое представительство Российской Федерации в Японии. Режим доступа: https://jpn.minpromtorg.gov.ru/news/?from=20201208&to=20201231&alias=torgpredstvo_prinyalo_uchasti

Так, в рамках реализации пятого пункта МЭТП направляет японских экспертов, которые обладают знаниями и большим опытом работы на промышленных предприятиях для дальнейшего анализа производительности и диагностики российского производства. После вынесения рекомендаций в производство интегрируются высокие японские технологии, что позволит российским компаниям значительно повысить конкурентоспособность. Японские специалисты приезжают непосредственно на само предприятие, где проводят консультации по повышению производительности. Российские стажеры приглашаются на производства тех японских компаний, с которыми сотрудничает российская сторона. Менеджеры и другие специалисты российских компаний участвуют в семинарах и лекциях по технологиям производства, проводимых в Японии, а также посещают производственные площадки японских компаний.

В результате, с 2017 г. по конец марта 2020 г. была проведена диагностика 32 российских компаний. А 291 человек из 67 компаний стажировались в Японии и прошли обучение по программе подготовки кадров. Эти предприятия смогли реорганизовать производство и повысить производительность. К примеру, компания «Исток-Аудио», производитель слуховых аппаратов, после проведения упомянутых инициатив решила разрабатывать доступные по цене и высококачественные слуховые аппараты совместно с японскими компаниями и реорганизовать производственное пространство. Как рассказывал генеральный директор компании Иван Климачев: «Мы тесно сотрудничаем с японцами. Например, раньше у нас сборка электронных модулей находилась в другом здании, а это вело к серьезным транспортным расходам. В итоге с конца октября у нас начинает работать новая площадка, где, исходя из японских международных стандартов, учтен каждый сантиметр».6

Еще один пример – это компания по производству и продаже сельскохозяйственной техники «Пегас Агро». С начала реализации проекта на производство периодически приезжала делегация экспертов, специалистов и инженеров из японской компании «Тойота» и наоборот, российские работники посещали компанию в Японии. В ходе проведения проверки было принято решение об изменении производственной линии и перестройки принципа организации сборки. Также была проведена серьезная работа над повышением качества, расширена система бережливого производства[7] и принципов кайдзэн[8].

---

e_v_podkomissii_po_sotrudnichestvu_v_oblasti_promyshlennosti. Загл. с экрана. (дата обращения: 16.03.2021)

[6] Кайдзен по-русски: как начать производить лучшие товары в мире [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: https://ria.ru/20171017/1506909828.html. Загл. с экрана. (дата обращения: 16.03.2021)

[7] Бережливое производство — концепция управления производственным предприятием, которая основана на постоянном стремлении предприятия к устранению всех видов потерь.

[8] Кайдзен – японская философия или практика, которая фокусируется на непрерывном совершенствовании процессов производства, улучшении работы организации и управления. Светлана Линник: «Машина должна быть не только технологичной, но и красивой» [Электронный ресурс] //

Внедрение принципов кайдзэн в российское производство – одно из самых распространенных направлений сотрудничества в рамках «Плана из восьми пунктов». Кайдзэн дает российским собственникам и менеджерам огромные возможности для улучшения их компаний. Например, работа над сокращением издержек производства, повышение информированности всех категорий сотрудников, стимулирование активности работников по улучшению своих рабочих мест. Данные принципы функционируют в таких российских компаниях, как ОАО «КАМАЗ», АЗ «УРАЛ», металлообрабатывающая компания «Иннотехмет».

Таким образом, можно сделать вывод, что на базе предприятий, которые участвуют в проекте, МЭТП стремится представить российским компаниям самое современное японское оборудование и технологии, и за счет повышения производительности российских компаний улучшить условия закупки запчастей и т.п. у российской стороны для японских компаний, работающих в России. Вместе с этим, это приведет к увеличению присутствия японских компаний на российском рынке. Для российской стороны данный проект позволяет повысить производительность и качество выпускаемой продукции.

В дальнейшем предполагается увеличить количество российских компаний, которые смогут участвовать в данной программе, особенно обращая внимание на их цифровизацию. Чему способствует подписание «Совместного заявления Министра экономического развития Российской Федерации и Министра экономики, торговли и промышленности Японии о сотрудничестве в области цифровой экономики» на полях Восточного экономического форума во Владивостоке в сентябре 2017 года. Также планируется вести двухсторонний обмен технологиями, когда Россия может предложить Японии различные технологические разработки, в частности, на условия патента [9]. Следовательно, мы можем утверждать, что МЭТП заинтересовано в дальнейшем развитии японо-российских экономических отношений посредством реализации различных проектов.

Список использованной литературы:

Кайдзен по-русски: как начать производить лучшие товары в мире [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: https://ria.ru/20171017/1506909828.html. Загл. с экрана. (дата обращения: 16.03.2021)

Кэйдзайсангё:сё: но цу:сё:хакусё, дай 3-бу, дай 2-сё:, дай 2- сэцу. Росиа (Торговая Белая книга Министерства экономики, промышленности и торговли, Часть 3, Глава 3, Раздел 2. Россия). 経済産業省の通商白書、第 3 部、第 3 章、第 2 節ロシア

ВОЛГА НЬЮС. Режим доступа: https://volga.news/article/460498.html. Загл. с экрана. (дата обращения: 16.03.2021).

[9] Япония – Россия: расширение сотрудничества [Электронный ресурс] // Всероссийский научно-исследовательский институт сертификации. Режим доступа: https://www.vniis.ru/75501-2/. Загл. с экрана (дата обращения: 16.03.2021)

[Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.meti.go.jp/report/tsuhaku2017/2017honbun/i3320000.html. Загл. с экрана (дата обращения: 26.02.2021)

Светлана Линник: «Машина должна быть не только технологичной, но и красивой» [Электронный ресурс] // ВОЛГА НЬЮС. Режим доступа: https://volga.news/article/460498.html. Загл. с экрана. (дата обращения: 16.03.2021)

Торгпредство приняло участие в Подкомиссии по сотрудничеству в области промышленности [Электронный ресурс] // Торговое представительство Российской Федерации в Японии. Режим доступа: https://jpn.minpromtorg.gov.ru/news/?from=20201208&to=20201231&alias=torgpredstvo_prinyalo_uchastie_v_podkomissii_po_sotrudnichestvu_v_oblasti_promyshlennosti. Загл. с экрана. (дата обращения: 16.03.2021)

Япония – Россия: расширение сотрудничества [Электронный ресурс] // Всероссийский научно-исследовательский институт сертификации. Режим доступа: https://www.vniis.ru/75501-2/. Загл. с экрана (дата обращения: 16.03.2021)

Япония [Электронный ресурс] // Торговое представительство Российской Федерации в Японии. Режим доступа: https://jpn.minpromtorg.gov.ru/about/country-information/. Загл. с экрана (дата обращения: 16.03.2021)

Михайлова Виктория Сергеевна
студентка 2 курса
Института Наук о Земле СПбГУ[1]

Развитие туризма между Россией и Китаем после пандемии: основные проблемы и тенденции

На сегодняшний день туризм является мощным инструментом для расширения экономического и делового сотрудничества между странами. Поскольку туристская отрасль занимает четвёртое место среди всех отраслей по доле вклада в мировой ВВП, с наступлением пандемии (Covid-2019) мировая экономика понесла существенные убытки. По данным Всемирной туристской организации (UNWTO), в 2020 году международная туристская индустрия потеряла около 935 миллиардов долларов экспортных поступлений, число международных прибытий сократилось на 72%, что отбросило экономику туристского сектора на 30 лет назад. Наиболее заметно упадок турпотока отразился на активно развивающемся Азиатско-Тихоокеанском регионе, где число прибывших за первые десять месяцев 2020 года снизилось на 82%, поскольку данный регион был подвержен самому высокому уровню ограничений на поездки. Все это безусловно повлияло на масштабы и стратегии совместного экономического сотрудничества (и развития туристской индустрии, в частности) таких межгосударственных интеграционных объединений как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР), АТЭС (Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества), куда входят Россия и Китай.

Стоит отметить, что за последние несколько лет масштабы российско-китайского туризма достигли небывалого пика. Так прирост объема китайского въездного турпотока за «докоронавирусный» период 2016-2019 гг. составил 46,08%, а прирост турпотока российских туристов в Китай – 39,2%. (Табл. 1 и Табл. 2), что свидетельствует о возрастании взаимного интереса между Россией и Китаем в усилении двустороннего развития в сфере туризма, а также достижении определенных успехов в расширении экономического сотрудничества.

Динамика взаимных туристских потоков России и Китая в 2016-2020гг.

Таблица 1 – Динамика количества туристов, выехавших из Китая в Россию с различными туристскими целями в 2016-2019 гг., тыс. человек.

Показатель	2016	2017	2018	2019	Общий прирост турпотока за 2016-2019
Количество китайских туристов	128,9	147,8	169	188,3	46.08%

[Составлено автором на основании данных Федерального агентства по туризму за 2016-2019]

[1] Научный руководитель - к.эк.н., доцент Я.С. Тестина.

Таблица 2 – Динамика количества туристов, выехавших в Китай с различными туристскими целями в 2016-2019 гг., тыс. человек.

Показатель	2016	2017	2018	2019	Общий прирост турпотока за 2016-2019
Количество российских туристов	167,6	200,3	201,8	233,4	39,2%

[Составлено автором на основании данных Федерального агентства по туризму за 2016-2019]

Вектор развития эффективного межгосударственного сотрудничества России и Китая в сфере туризма за последнее десятилетие во многом был задан важными стратегическими проектами, среди которых: программа “China Friendly”, направленная на формирование сети объектов туриндустрии, удовлетворяющих потребности китайских граждан и продвижение российского турпродукта на китайском рынке; это и реализация нового направления в туризме двух стран – «красного туризма», объединивших места исторического наследия, связанные с деятельностью коммунистических партий и их лидеров, проведение программы «Года взаимного туризма» в Китае и России (2012-2013 гг.), а также выдвинутая в 2013 году председателем КНР Си Цзиньпином международная инициатива «Один пояс – один путь» (ОПОП), целью которой является расширение геополитических и экономических связей Китая со странами Евроазиатского региона, включая и Россию. В том же 2013 году было подписано «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия». Огромный толчок был сделан в развитии регионального приграничного туризма благодаря реализации «Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока, Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР» (2009-2018 годы).

Однако нынешняя эпидемиологическая обстановка привела не только к сокращению и практически полному отсутствию турпотоков обоих стран, но и закрытию границ между Китаем и Россией впервые с 1980-х годов. По прогнозам разных экспертов, процесс полного восстановления туристской отрасли и двусторонних контактов займет от 2 до 3 лет, начиная с лета 2021 года. Среди проблем, которые могут возникнуть при «возрождении» и дальнейшем развитии туризма между Китаем и Россией можно выделить: повышенный уровень внимания русских туристов к безопасности и санитарно-эпидемиологической обстановке при составлении маршрута в Китай. Поскольку именно КНР стал точкой начала пандемии COVID-19, люди могут быть не готовы к массовым поездкам в бывший очаг вирусной инфекции и вероятнее всего отдадут предпочтение поездке в другую страну, что опять же отрицательно скажется на въездном турпотоке КНР и приведет к снижению туристической привлекательности страны для русского потребителя.

В ближайшие годы немаловажной проблемой останется и стереотипное восприятие китайцев как «эпидемиологической угрозы», что может привести к ухудшению отношений между странами и социальной напряженности. Тенденции

притеснения китайского населения в России и «антикитайские» настроения наблюдались в первой половине 2020 года, и скорее всего, после открытия границ определенный уровень недоверия к людям азиатской внешности среди русского населения сохранит свои позиции.

При возобновлении «бума» китайских туристов дадут о себе знать уже имевшиеся «докоронавирусные» проблемы, связанные с неразвитой инфраструктурой российского туристского рынка: недостаток соответствующих средств размещения и сопутствующей инфраструктуры для транспортировки туристов; нехватка квалифицированных кадров, владеющих русским и китайским языком; дисбаланс цены и качества предоставляемых услуг и низкий уровень обслуживания; устаревший туристический транспорт, затрудняющий развитие внутреннего туризма. После открытия границ начнется новый этап конкуренции в туризме, который приведет к абсолютно иному распределению ресурсов на этом рынке. И несмотря на то, что в последние годы в России наблюдался положительный прирост турпотока китайских туристов, темпы развития туристических компаний и их услуг в силу обозначенных проблем туристской отрасли в России будут отставать от многих стран мира с развитым уровнем туризма, таких как Великобритания, Япония, США, Франция и др., что может привести к обострению конкуренции и снижению спроса среди граждан КНР на поездки по России. Согласно данным Института исследований международного туризма в Китае среди лидирующих направлений китайских туристов за 2018 год были Япония, США и Вьетнам, поэтому для полноценного возобновления турпотоков из Китая в Россию и более конкурентноспособной позиции на международном рынке после пандемии, отечественной отрасли нужно сосредоточиться на решении имеющихся проблем.

Среди набирающих обороты тенденций можно выделить упадок спроса на чрезвычайно популярные до этого групповые туры. По оценкам туроператоров, около 70% процентов китайских туристов, приезжавших в Россию, были отнесены к категории «пакетных туристов». Сейчас же вследствие эпидемиологической обстановки администрация популярных туристических достопримечательностей Китая ввела особую систему бронирования, которая ограничила поток посетителей на 30% от максимального, что вызвало резкое увеличение спроса на индивидуальные турпакеты и самостоятельные поездки внутри страны. По прогнозам разных экспертов, этот тренд выйдет и на международный уровень и будет развиваться в качестве новой модели путешествий после пандемии, что приведет к совершенно новому этапу развития китайско-российского туризма.

Еще одна важная тенденция развития международного туристского рынка КНР после пандемии — это возросший спрос на оздоровительный туризм и медицинский туризм. Старшее население Китая уже превысило 200 миллионов человек и увеличивается почти на 8 миллионов в год, что способствует формированию огромной ниши потенциальных потребителей продуктов оздоровительного или медицинского

туризма. Согласно данным «Международного журнала по медицинскому туризму» после пандемии именно китайцы в возрасте от 60 лет первыми отправятся «путешествовать за здоровьем». Уже сейчас среди поездок граждан КНР внутри страны превалирующими являются поездки с целью отдыха и рекреации, SPA и курортного отдыха в южных провинциях Хайнань, Гуандун и пр.

Оживлению рынка туристских услуг Китая и России после пандемии во многом поспособствует и набирающий обороты - экологический туризм. Вполне ожидаемо, что первые месяцы после полного открытия границ туристы все еще будут стремиться избегать шумных мегаполисов и большого скопления людей, что неизбежно приведет к росту популярности экотуризма, потому как он предполагает посещение малонаселенных территорий. Так помимо основных туристических дестинаций (Москва, Санкт-Петербург, Казань) увеличение спроса на экотуризм повлечет за собой усиленное развитие регионального туризма с посещением мест, наделенных уникальными природными богатствами. В приграничных регионах уже сейчас ведутся разработки перспективных проектов для привлечения китайских туристов с целью экологического туризма (Амурский район, Приморский край, Иркутская обл. и пр.).

Таким образом, на сегодняшний день сфера туризма официально признана одной из наиболее пострадавших от коронавируса по всему миру, и сфера российско-китайского туристического сотрудничества не стала исключением. После открытия границ и окончания пандемии Россия и Китай столкнутся с новыми трудностями двустороннего развития туризма, связанные с возможным упадком аттрактивности Китая, неразвитостью российской инфраструктуры и усилением международной конкуренции. Однако несмотря на это появятся новые тенденции, такие как увеличение спроса на индивидуальные туры, на оздоровительный и экологический виды туризма, которые не только поспособствуют формированию новых превалирующих потребительских сегментов туристского рынка, но и внесут свои коррективы в дальнейшее развитие экономического и делового сотрудничества двух стран.

Список источников и литературы:

Официальный сайт Международной туристской организации UNWTO. Статистика по международному туризму за 2019 год [Электронный ресурс]// Режим доступа: https://www.unwto.org/tourism-statistics-data (дата обращения 23.02.2021)

Сайт Федерального агентства по туризму: выборочная статистическая информация о международных поездках россиян [Электронный ресурс]// URL: https://tourism.gov.ru/contents/statistika/ (дата обращения 23.02.2021)

China Outbound Research Institute: The Rapid Growth of the China’s Medical Tourism Attracts International Attention [Электронный ресурс]//URL: https://tourism.gov.ru/contents/statistika/ (дата обращения 23.02.2021)

Меморандум о сотрудничестве РФ и Китая по туризму [Электронный ресурс]//URL:https://ekec.ru/memorandum-o-sotrudnichestve-rf-i-kitaya-po-turizmu/ (дата обращения 22.02.2021)

Официальный сайт Генерального консульства Китайской народной республики в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс]//URL: http://saint-petersburg.china-consulate.org/rus/lsyw/t1130610 (дата обращения 22.02.2021)

Михеев Владимир Андреевич
студент 1 курса магистратуры
Восточный факультет СПбГУ[1]

«Ремейки» южнокорейских фильмов в КНР как иллюстрация культурных различий в современной южнокорейской и китайской культурах

Рассматриваемая в данной статье проблема является актуальной по следующей причине. На данный момент, такой феномен, как «ремейки» тех или иных дальневосточных фильмов в западных странах получил большое распространение: самыми яркими примерами являются ремейки таких японских фильмов ужасов, как «Звонок» 2002 и «Проклятие» 2004 (Wee 2013, с. 16). Они были переделаны в соответствии с кинематографической системой Запада (Соединенных Штатов): *онре* были сменены (в особенности в случае «Звонка») традиционными призраками готического стиля, повествование стало более динамичным и прямолинейным, цветовая гамма – более мрачной, но менее разнообразной.

Однако, в последнее время, все большую популярность приобретают переделанные версии тех или иных фильмов, снятых в одной дальневосточной стране, и «переработанных» уже в другой. **В связи с этим можно поставить следующий вопрос – отражают ли подобные «ремейки» различия в современных культурах дальневосточных стран?** Таким образом, цель статьи – рассмотреть различия между современными культурами Республики Корея и КНР с помощью сравнения «переработанных» версий фильмов и оригиналов.

Возникновение рассматриваемой в статье проблемы напрямую связано с феноменом «халлю» (кор. 한류), т.н. «Корейской волны» - популяризации южнокорейской массовой культуры за рубежом. Данный феномен является одним из наиболее важных проявлений так называемой «мягкой силы» Республики Корея.

Пик развития «халлю» – период конца 90-ых – нач. 00-ых годов XX-XXI вв., когда в КНР и Японии стали популярны южнокорейские телесериалы, такие, как «Осенняя сказка» (кор. 가을동화) (Чо 2007, с. 81-82). Также примечателен сериал «Зимняя соната» (кор. 겨울연가), который и стал «инициатором» корейской волны в Японии (Юн Ынгён 2004, с. 14).

Ярким примером данного феномена являются «ремейки» фильмов Республики Корея, которые были сняты на территории КНР. Однако целью статьи является рассмотрение современных культурных различий между странами, которые возможно проследить с помощью анализа кинoработ, представленных ниже.

[1] Научный руководитель — И. В. Цой, к. ф. н., доцент кафедры корееведения.

Первым рассматриваемым примером является фильм «Свидетель» (кит. 我是证人) – ремейк корейского триллера «Слепая» (кор. 블라인드), рассмотрение одних и тех же ситуаций в которых является несколько различным (О Ён 2019, с. 94).

Эти характеристики подходят для фильмов «Мисс Бабуля» (кор. 수상한 그녀) и «Возвращение в двадцать лет» (кит. 重返 20 岁) (Jing 2018, с. 80).

Сюжет фильмов построен следующим образом:

1) В случае со «Свидетелем» и «Слепой» речь идет об учащейся полицейской академии, которая теряет зрение в результате автомобильной аварии. Она становится свидетелем похищения молодой девушки маньяком, который также может быть замешан в смерти ее брата. Время действия фильма – современность.

2) «Мисс Бабуля» и «Возвращение в 20 лет» рассказывают историю пожилой женщины, которая фантастическим образом возвращается в двадцатилетний возраст. Время действия – современность.

В целом, обобщая полученные данные, можно говорить о следующих культурных различиях:

1) Название фильма.

Названия «수상한 그녀» (букв. «Подозрительная женщина»), «Слепая» (кор. 블라인드) более загадочны, менее прямолинейны, нежели «Возвращение в 20 лет» и «Свидетель», которые, по сути, пересказывают сюжет фильма. В корейской современной культуре подобного рода названия являются распространенными. В китайской же – обращается внимание на «последний штрих», на раскрытие сути сюжета, дабы сделать его более легким для понимания аудиторией.

2) Характер персонажей.

В версиях КНР и РК персонажи также сконструированы по-разному. В версиях РК герои являются более проработанными, нежели в версиях КНР, где их характер представлен более поверхностно. В «Свидетеле» и «Слепой» идентичности героев схожи, но различны их цели – в первом случае речь идет о личной мести, ловле преступника, а во втором – о преодолении внутренних границ и восстановлении собственной личности после пережитой аварии и потери зрения. Более того, в фильме «Мисс Бабуля» показывается исторический фон происходящих событий – героиня теряет мужа в результате Корейской войны, хотя этому и не уделяется большое внимание. В китайском же ремейке подобной проработанности персонажей, их истории нет.

3) Цветовая гамма фильмов.

В китайском ремейке она более яркая и выдержана в менее мрачных тонах, палитра которых свойственна южнокорейским картинам (Yecies 2016, с. 236).

4) Социальный подтекст.

В фильме «Мисс Бабуля» постоянно поднимается вопрос отношения современного южнокорейского общества к конфуцианству: в нескольких сценах

показано «неуважение» молодого поколения к старшему (обращение в недостаточно вежливом тоне). В китайской же версии подобная проблема не поднимается, речь идет о «сплоченности поколений». В «Слепой» же ценности конфуцианства подвергаются открытому сомнению: так, младший брат одного из главных героев погибает по его вине, когда тот заставил его переходить дорогу.

Таким образом, в рассматриваемых случаях сочетаются три составляющие: авторский взгляд, общекультурные и культурно-обусловленные предпосылки.

Как утверждал сам режиссер **обеих версий** фильмов-триллеров («Слепая» и «Свидетель» соотв.) Ан Санхун, он пытался «переосмыслить собственный сценарий», однако, в итоге он сделал лишь менее глубокую, менее мрачную и более поверхностную версию своего же кинопроизведения.

Тем не менее, стоит отметить, что в фильмах, несмотря на это, есть некоторые различия. В корейском оригинале, убийца не имеет какого-либо «фиксированного» образа жертвы. Ею может стать кто угодно (выпившая женщина, жертва автокатастрофы), а в китайской версии жертвой становится лишь «нечистая» женщина, которая ищет «встречи на одну ночь», о чем, так или иначе, становится известно преступнику.

В корейской версии преступник показан как абсолютное зло – он просто такой сам по себе, нет никакой очевидной причины, почему он идет на такие чудовищные поступки. С сюжетной точки зрения, это говорит о том, что, на самом деле, он нужен лишь как вспомогательный элемент, который, в итоге, поможет героине вернуть утерянные возможности и веру в себя. В китайской версии, у антагониста есть причина совершать убийства: он мстит за сестру, более выражена идея о том, что женщина должна придерживаться своей традиционной роли в обществе.

В «Слепой» показано, как мать главной героини заботится о ней, показана связь между поколениями – в китайском ремейке этого не показано столь явно. Прежде всего, нам дают понять, что мать главной героини в корейском фильме - неродная, но выясняется, что это не важно, она всегда рядом, когда это необходимо, и с большой заботой печется о повседневной жизни главного героя. Мать протагониста - директор детского сада, принимает и ведет дела спокойно и выделяется как очень сильный женский образ. В «Свидетеле» мать героини появлялась нечасто, не выражает поддержки и утешения рядом с героиней и даже не занимается ее делами.

В фильмах «Мисс Бабуля» и «Возвращение в 20 лет» режиссеры различны, более различными предстают и фильмы, однако суть различий остается примерно той же: китайская версия более легкая и поверхностная, корейская – более глубокая и проработанная. Различаются главные героини: в китайской версии протагонист предстает в виде женщины, которая наслаждается заново обретенной молодостью. В корейском оригинале она вынуждена волочить за собой груз прошлого, в том числе своего мировоззренческого, что порой приводит к комичным ситуациям, а порой используется как своего рода социальный комментарий, дабы показать, насколько

сильна разница между поколениями – в глазах главной героини современное южнокорейское общество «испорчено».

Различия возникают из-за разницы в социальных системах – на территории КНР официально декларируется социализм, а РК является капиталистической страной. В обеих кинолентах главные героини не могут выйти замуж за своего возлюбленного, но различается мотив – в китайской версии это невозможно, т.к. героя забирают в армию, а в корейской – из-за разницы в социальном статусе. Несоответствие в статусе в корейском фильме выражено и в настоящем – герой не может его преодолеть.

Таким образом, можно говорить о том, что в создании подобного рода ремейков играет роль фактор **глокализации** – адаптации продукта под местный рынок. Китайский массовый зритель не привык видеть столь мрачные, как «Слепая», кинокартины, поэтому фильм был переработан с учетом «вкусов» местной аудитории. То же самое произошло и с ремейком фильма «Мисс бабуля» - все слишком «спорные» или «резкие» моменты были убраны из фильма.

Также интересным представляется и тот факт, что как южнокорейские оригиналы, так и китайские ремейки были относительно успешны в плане кассовых сборов и популярности, по крайней мере, на территории стран, где они были сняты. Фильм «Свидетель» оказался даже успешнее «Слепой»: его общие сборы составили 36,5 миллионов долларов против 16,7 у корейского оригинала, т.е., почти вдвое больше. Тем не менее, южнокорейский фильм выиграл немало наград на кинофестивалях внутри страны.

Китайская и корейская культуры схожи во многих аспектах, но на современном этапе имеются значительные различия, которые обусловлены большей вестернизацией южнокорейского общества по сравнению с КНР, а также тем, что в РК, с некоторыми оговорками, предоставлена куда большая свобода режиссерам кинофильмов в творческом плане, по крайней мере, на данном этапе развития страны.

В итоге, можно говорить о том, что заметив признаки трансграничного диалога между азиатскими аудиториями, вызванного усилением транснациональных потоков поп-культуры в регионе, можно говорить о том, что данное сотрудничество имеет перспективы.

«Халлю» и другие культурные потоки в регионе, которые усиливают трансграничное общение и обмен, могут привести к формированию азиатского сознания. Однако это больше похоже на принятие желаемого за действительное, чем на реалистичную проекцию. Политические и экономические структурные ограничения могут серьезно препятствовать публичности медиакультуры и возможности трансграничного диалога.

Говоря о последствиях для корейско-китайских отношений, «халлю» подобен обоюдоострому ножу. Это может вызвать как конфликты, так и способствовать сотрудничеству. Индустрии культуры Кореи и Китая будут продолжать конкурировать и сотрудничать друг с другом, поскольку идут процессы адаптации к быстрым

изменениям на внутреннем, региональном и глобальном рынках. Возможно, в драматической индустрии будет больше конкуренции, чем сотрудничества. Как показывает пример спутникового телевидения Хунань, уровень производства китайских драматических фильмов поднялся на ступеньку выше, а интерес китайских зрителей смещается в сторону драм из других стран, корейские сериалы, вероятно, столкнутся с более сильной конкуренцией в будущем. В то же время сотрудничество в сфере культуры в целом, вероятно, будет расширяться и диверсифицироваться.

Появится возможность увидеть больше совместных проектов в Восточной Азии по производству и распространению теледрам, фильмов и музыки.

В случае с «халлю» в Китае трудно представить, что его китайские фанаты смогут создать контргегемонистский дискурс, который можно поставить в один ряд с националистическими дискурсами. Нет сомнений в том, что «халлю» в некоторой степени способствует транснациональному общению между китайскими и корейскими фанатами. Тем не менее, вопрос в том, может ли его удерживающая сила быть достаточно сильной, чтобы противостоять эмоционально заряженным нарративам национализма.

Трения и столкновения будут происходить как внутри, так и за пределами области массовой культуры.

Однако следует приложить усилия для подавления воинствующего национализма, который может нанести ущерб отношениям между двумя странами, и продолжить поиск областей сотрудничества и взаимной выгоды.

Список использованной литературы

Чо Инхи, Ли Чэхек. Халлю, чунгуксичжан-эсо-э сонгон-э кванан ёнгу. Хвасон: Йесулькёюкёнгу, 2007. 조인희; 이재혁. 한류, 중국시장에서의 성공에 관한 연구. 화성: 예술교육연구, 2007, 제 5 권, 제 1 호, 81-91 쪽.

Юн Ынгён. Тиби-драма-ва драма чхваренчжи-э санхо енгйесон енгу: «Кеуль ёнга»-э тэхан хангук-ква ильбон суенчжа-э пигё пунсог-ыль чунщим-ыро. Соуль: Сонгюнгвантэхакке оллон чонбо хакква, 2004. 윤은경. TV 드라마와 드라마 촬영지의 상호 연계성 연구 : <겨울연가>에 대한 한국과 일본 수용자의 비교 분석을 중심으로. 서울 : 成均館大學校 言論情報大學院, 2004, 162 쪽.

О Ён. Хангук вончак енхва-ва чунгук римейк енхва-э мунхвачхавон-ква мунхвакод пигё енгу: «Блайнд»-ва «На-нын чынин-ида»-э соса. Имичжикучжо-рыль чунщим-ыро. Соуль: Хангук вэгуго тэхакке, 2019. 오연. 한국 원작영화와 중국 리메이크영화의 문화차원과 문화코드 비교연구 : <블라인드>와 <나는 증인이다>의 서사·이미지구조를 중심으로. 서울 : 韓國外國語大學校 大學院, 2019. 213 쪽.

Valerie Wee. Japanese Horror Films and Their American Remake Translating Fear, Adapting Culture, 2014. London: Taylor & Francis. 273 pp.

Brian Yecies. Chinese transnational cinema and the collaborative tilt toward South Korea. United Kingdom: Edward Elgar, 2016. 226-244 pp. 2016.

Gao Jing. Analysis of the Cooperation Mode of One Script and Two Screens between Chinese and Korean Films Taking 수상한 그녀 and Returning to 20 Years as an Example // Journal of the Korea Entertainment Industry Association 12(8), 2018.12, pp. 75-82.

Мичанович София-Александра
студентка 1 курса магистратуры
Восточный факультет СПбГУ[1]

Литература Китая и Японии глазами Ахмада Шамлу

Ахмад Шамлу (1925–2000) — иранский поэт, писатель, переводчик, лексикограф, собиратель народного творчества Ирана. Шамлу стал одним из самых влиятельных представителей современной иранской поэзии, которые стояли у истоков зарождения нового поэтического течения, получившего название *ше'р-е ноу* («Новая поэзия»). Ахмад Шамлу — это поэт-новатор, привнесший в персидскую поэзию белый стих и язык улиц.

Ахмад Шамлу всегда интересовался культурой разных стран: и западных, и восточных. Так, он переводил и писал на манер испанских и французских поэтов, а также изучал дальневосточные литературы. Он глубоко интересовался фольклором и писал сказки для детей. И благодаря его трудам, иранцы могут познакомиться с китайской культурой посредством его книг о китайской литературе.

Книга «Короткие китайские сказки» повествует о богатстве и многообразии китайской и древнекитайской литературы. Здесь содержатся сведения о мифах, легендах, а также их переводы на персидский язык. Происхождение и датировка многих сказок неизвестна. Ниже представлен перевод с фарси на русский одной из китайских притч:

В ожидании кролика

Однажды в одном королевстве один сельчанин, работая на своем поле, увидел кролика, который, испугавшись звука своих шагов, быстро выскочил из куста, ударился о колючее дерево, сломал себе шею и замерз.

Сельчанин подобрал легкую добычу и пошел домой. С этого дня невежественный крестьянин каждое утро выходил в поле, сидел под деревом и ждал, пока другой кролик ударится о дерево и сломает себе шею. Других кроликов не было, и крестьянин стал посмешищем для жителей королевства.

Шамлу также исследовал японское стихосложение и переводил японские стихи в жанре хайку. Кроме того, он посвятил этому жанру научные исследования. Его привлекала простота японских стихов, их образность, которую он хотел достичь в персидской современной поэзии. В персидском словесности образность была развита на высоком уровне, однако зачастую стихотворения усложнялись. В японском хайку можно обрести эту простоту, необходимую для достижения легкости.

[1] Научный руководитель — старший преподаватель Елена Константиновна Иванова.

Возвращаясь к теме китайской литературы, стоит упомянуть сочинение Ахмада Шамлу «Долины и Великая Китайская стена», в которой поэт представляет короткие рассказы с поэтическими и песенными вставками.

Ахмад Шамлу подчеркивал в китайских сказках примечательную вещь, а именно фразеологизмы. То есть сказка рассказывается с помощью иносказаний. Однако образность встречается в разных сказках разных народов. В чем же особенность китайского фольклора? Шамлу пишет: каждая сказка содержит в себе маленькое событие, которое постепенно охватывает всё большее и большее пространство, и, в конце концов, излагается итог события. Ситуация проясняется в виде окончания сказки (2, с. 3).

Сказки живут долго, переходят из уст в уста, кочуют из века в век, переходят с одной земли на другую, без устали путешествуют по миру и времени. Поэтому они и не теряют своей силы и привлекают аудиторию любого возраста.

Некоторые из сказок и притч из «Коротких китайских сказок»:

1. В ожидании кролика
2. Рыба в реке
3. Разрушенная стена
4. Улитка и цапля
5. Цикада, богомол и воробей
6. Драгоценная лошадь
7. Тень от лука
8. Пути многочисленны
9. Лиса и тигр
10. Деревянная и глиняная куклы
11. Принц, который был другом дракона

Также сильно повлияла на творчество Ахмада Шамлу японская поэзия, а именно жанр хайку. Сначала Ахмад Шамлу исследовал этот жанр как ученый, проведя научное исследование. Затем он решил сделать интерпретацию хайку на персидском языке, что было довольно сложной задачей, ведь персидская поэзия известна своей сложной образностью и использованием целого ряда средств художественной выразительности. Тем не менее Шамлу переводит японские стихи на персидский, в каких-то местах давая дословный перевод, а где-то используя лишь мотивы хайку. Таким образом Шамлу перенял некоторые особенности японской поэзии и стал применять ее в новой персидской поэзии.

Возвращаясь к исследованию хайку, стоит отметить, что Шамлу вел его совместно со своим другом и коллегой А. Пашайи. Во введении Шамлу описал книгу как результат пяти лет сотрудничества со своим давним другом. В основном, Шамлу переводил и адаптировал японские стихи ради достижения их литературного

понимания персоязычной аудиторией и для передачи атмосферы стихов в иранской поэтической традиции. Шамлу и Пашайи перевели 2000 хайку с английского, и книга была впервые опубликована в 1982 г. Шамлу говорит о переводе этих произведений:

«У нас не было особых проблем с переводом этих стихов на персидский. Хайку проста и не требует языковых манипуляций, двусмысленности и вмешательства различных грамматических и фонетических возможностей. Для сравнения, следует сказать, что персидская поэзия проявляется в контексте слов, но в японском хайку решающая роль находится непосредственно на объектах, и слово играет в нем роль отношения. Хайку — это путь, образ жизни и религия» (1, с. 5). Книга была переиздана Пашайи в 2005 г. и приобрела название «Хайку: от начала до наших дней».

В предисловии Шамлу мы читаем, что хайку тесно связан с интуитивно-поэтическим элементом. Как же читатель может войти в мир хайку через понимание? Мы знаем, что для того, чтобы понять одно японское хайку, нам нужны годы бессознательного усвоения отрывков из всех культур Китая, Индии и Японии, которые доведены до совершенства в этих коротких стихотворениях. Конечно, иранский мистицизм помогает персоязычной аудитории заранее познакомиться с обширным контекстом мира хайку, что является большим благом, и можно сказать, что в этом отношении иранцы намного опережают европейского читателя этих стихов. Но здесь, прежде всего, важно знать японскую культуру и поэтические чувства японцев, и эта необходимость побудила исследователей изучить такие понятия, как дзэн и хайку. Переживания поэта хайку переплетаются и смешиваются с различными переживаниями, которые сами по себе являются насмешками над лингвистическими, философскими и мистическими переживаниями, а также общеизвестными историческими и географическими переживаниями прошлого и настоящего народов.

Шамлу и Пашайи стараются раскрыть для иранского читателя понятия дзэн и хайку. Они пишут, что дзэн, является состоянием души художника, в котором его душа не видит никакого разделения или двойственности между собой и другими вещами вокруг себя. Именно здесь он один с ними, равен им. Однако при этом он сохраняет свою индивидуальность.

Хайку имеет — это 17-сложные стихотворения, которые иногда имеют менее семнадцати слогов. Второе значение хайку относится к состоянию ума поэтов-хайдзин, что является их образом жизни.

Смысл повсюду, он неосязаем, и он везде, и он во всем. Это не существование или душа, находящаяся в материальном теле, а динамизм, который пронизывает весь объект и придает ему звук, цвет и лицо. Более того, смысл не имеет моральных качеств, но в зависимости от времени и места он может быть хорошим или плохим, желательным или опасным. (1, с. 6). Так Шамлу объяснял суть жанра хайку.

Если мы хотим сравнить хайку с традиционным значением персидской поэзии, например, с поэзией Саади, Фирдоуси Хафиза, то хайку не считается поэзией. В некотором смысле хайку не имеет ничего общего с поэзией. Хайку можно

рассматривать как форму дзэн, но не в том смысле, что хайку принадлежит дзэн, а, напротив, это дзэн, сердце которого скрыто в хайку. Другими словами, наши концепции исходят из дзэн, чтобы воплотиться в хайку, а не наоборот. «Сердце дзэн бьется в груди хайку» (1, с. 6).

Хайку представляет собой своего рода просветление, в котором поэт смотрит на жизнь вещей и находит значение чего-то вполне обычного в виде истины. В хайку поэт достигает или реализует свое изначальное единство с предметом. Этот предмет или вещь находит себя в поэте, и поэт понимает это с помощью простого осознания. Таким образом, радость его воссоединения с вещами, то есть со всем, что существует, – это радость быть со «всем» или быть единым со «всем». Будь то весенний цветок, или опавший лист, содержащий всю осень.

Может быть, это короткая ночь или длинный день:
На песчаном пляже,
Следы:
Весенний день длинный[2].

Хайку не стремится к красоте. Хайку хочет обрести смысл, и в процессе он видит некую красоту. Светит солнце, идет снег, горы возвышаются, ночь сгущается, наступает день. Но мы не всегда обращаем на это внимание. Мы не уверены в смысле и цели стихотворения, поэтому восприятие читателя требует поэтической открытости, чтобы сопереживать поэту. Читатель должен быть свободен, чтобы оживить слова стихотворения. Этим и отличается японская поэзия от персидской. Персидская классическая поэзия была основана на точных регламентированных образах и зачастую не позволяла читателю додумывать. Существовала четкая система стихосложения с ритмом, рифмой и рядом образов. Представители иранской новой поэзии решили сломать каноны персидской классики. Одним из таких был Ахмад Шамлу, и японская поэзия сыграла в его новаторстве не последнюю роль.

Список источников и литературы

Шамлу, А. Хайку: от начала до наших дней. Тегеран: Чешме., 2005. 402 с.

Шамлу, А. Короткие китайский сказки. Тегеран, 1977. 62 с.

Балар, Ф. Изучение и анализ критики о поэзии Ахмада Шамлу / و بررسی .بالار فرزاد شاملو احمد شعر به مرطوب های نقد تحلیل / Фарзад Балар. енендедж, 1393 (2014). 28 с.

Бертельс, Е. Э. Грамматика персидского языка. Л.: Издание Института живых восточных языков им. А. С. Енукидзе, 1926. 126 с.

Дастгейб, А. Наḳд-е āсāр-е Ахмад-е Шāмлу. Тегеран, 1973. 210 с.

Кляшторина, В. Б. Новая поэзия в Иране. М.: Наука., 1975. 255 с.

[2] Перевод с персидского языка на русский выполнен автором статьи.

Кляшторина, В. Б. Шаги тихой воды: две волны вестернизации в персидской поэзии XX века // Новое литературное обозрение. 2003. № 4. URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2003/4/shagi-tihoj-vody-dve-volny-vesternizaczii-v-persidskoj-poezii-xx-veka.html (дата обращения: 30.01.2020).

Моджаби Дж. Биография и творчество А. Шамлу. Тегеран, 2006. 776 с.

Пашайи, А. «Ангошт-о māh». Тегеран, 2002. 268 с.

Хогуги, М. Ахмад-е Шāмлу: шеʿр-е Шāмлу аз āгāз тā эмруз / Мохаммад Хогуги // Шеʿр-е замāн-е мā. Тегеран: Негāh, 1368. 332 с.

Интернет-портал, посвященный биографии Ахмада Шамлу. URL: http://shamlu.com/faMajor.htm (дата обращения: 27.03.2020).

Моисейцев Владислав Викторович
студент 4 курса кафедры Тихоокеанской Азии
Восточного Института ДВФУ[1]

Китайский опыт налоговой поддержки индивидуальных предпринимателей в пост-ковидной экономике

Вызванный эпидемией коронавируса экономический спад является самым глубоки спадом со времен Великой депрессии. Его глубинное негативное последствие не столько в произошедшем во всех странах падении ВВП, сколько в формировании пост-ковидной экономики, одной из характеристик которой является сокращение и закрытие крупных сегментов экономики. Многие из этих сегментов такие как туризм, ресторанный и гостиничный бизнес, сфера досуга образовали пространство, которое осваивали индивидуальные предприниматели и которого они лишились. Восстановление этих сегментов невозможно без новой, пост-ковидной налоговой политики, сущность которой можно выразить формулой, отраженной в названии нашей статьи - налоговая поддержка индивидуальных предпринимателей.

В этой связи актуальным представляется изучение китайского опыта такой поддержки и особенностей функционирования китайской налоговой системы для индивидуальных предпринимателей. Они входят в число предприятий малого бизнеса, которые производят около 60% ВВП. Именно этот сегмент экономики пострадал во многих странах мира, однако со второго квартала 2020 года экономика КНР перешла в стадию восстановления. Изучение китайских мер налоговой поддержки поможет использовать азиатский опыт для предотвращение продолжительных резких падений экономики в будущем.

Далее рассмотрим общий случай выплаты налогов с заработных плат работников индивидуальных предприятий (个体工商户). Налоговая нагрузка в данном случае является довольно высокой. Предприниматель должен заплатить страховые взносы и НДФЛ, однако в китайской налоговой системе есть механизмы, которые позволяют снизить размеры налоговых отчислений.

Основой для расчёта налогооблагаемой суммы является вся сумма доходов работника. Далее из этой суммы вычитаются ежемесячные выплаты в счёт соцстрахования.

Выплата страховых взносов в КНР осуществляется по системе “Усяньицзинь” (五险一金). Китайское название данной системы отчислений содержит слово “五”, которое переводится как 5. Под этим числом подразумевается 5 страховых взносов, которые вносятся одним платежом:

1) пенсионное страхование (养老金)

[1] Научный руководитель – к.э.н. Фокин Николай Иванович.

2) медицинское страхование (医疗金)
3) страхование от несчастных случаев (工伤金)
4) страхование от потери работы (失业金)
5) декретный фонд (生育金)

Так же данная система включает шестой страховой взнос в фонд жилищных накоплений （住房公积金）. Данный страховой является обязательным для большинства предприятий, за исключением индивидуальных предпринимателей.

Комплексная система социальных страховых отчислений в КНР часто критикуется местными предпринимателями. Главные возмущения возникают по поводу выплат в фонд жилищных накоплений, которые составляют 12%. Китайские компании не довольны сложившейся системой страховых выплат ввиду наличия системы выплат из зарплаты работника, так и из средств фирмы. В 2020 году во время эпидемии коронавируса обсуждалась возможность отмены выплат в фонд жилищных накоплений, однако решений о послаблении принято не было.

Чтобы лучше разобраться в данной системе рассмотрим таблицу ниже.

Таблица 1 – Страховые взносы для ИП в КНР (Пекин)

Название взноса	Выплата с заработной платы работника, %	Выплата предприятия, %
пенсионное страхование (养老金)	8	19
медицинское страхование (医疗金)	2	10
страхование от несчастных случаев (工伤金)	0,2	0,8
страхование от потери работы (失业金)	-	0,4
декретный фонд (生育金)	-	0,8
фонд жилищных накоплений (住房公积金)	12	12

При заработной плате в 10 тыс. юаней в месяц отчисления по системе “Усяньицзинь” (五险一金). для жителя Пекина составляет 2,22 тыс. юаней, то есть в качестве налогооблагаемой суммы в месяц останется 7,78 тыс. юаней.

Индивидуальные предприниматели в КНР так же могут рассчитывать на налоговый вычет или необлагаемый минимум (免征额), который составляет 3500 юаней , то есть налогооблагаемая сумма в приведённом выше примере составит 7,78-3,5= 4,28 тыс. юаней.

С октября 2018 года размер налогового вычета для индивидуальных предпринимателей был увеличен до 5000 юаней, то есть в 2021 году размер налогооблагаемой суммы при заработной плате в 10 тыс. юаней составит 2,68 тыс.

юаней. Данный механизм, оказал положительный эффект, позволив мелким предпринимателям продолжить свою деятельность, не опасаясь высоких налоговых отчислений.

В налоговом законодательстве КНР для индивидуальных предпринимателей также существует такое понятие, как пороговая величина для взимания налогов (起征点) . Под этим понятием подразумевается сумма, начиная с которой взымаются налоги. Данный механизм расчёта налоговой базы для ИП в настоящее время приравнивается к налоговому вычету. Таким образом, при расчёте суммы налога нужно учитывать только налоговый вычет. Обобщенные нами налоговые вычеты, которые нужны для расчёта налогооблагаемой суммы приведены в таблице ниже.

Таблица 2 - Налоговые вычеты в КНР

№	Название налогового вычета на русском языке	Китайское название	Условие получения	Размер вычета
1	Детское образование	子女教育	Ребёнок получает образование	1000 юаней/месяц
2	Продолжение обучения	继续教育	Налогоплательщик получает образование; выплачивается не более 48 месяцев	400 юаней/месяц
3	Серьёзное медицинское лечение	大病医疗	Совокупная сумма расходом на лечение налогоплательщика превышает 15 тыс. юаней	Согласно чекам, но не более 80 тыс. юаней
4	Жилищный кредит	住房贷款	Кредит на первое жильё; не более 240 месяцев	1000 юаней/месяц
5	Аренда квартиры	住房租金	Столицы провинций, города центрального подчинения	1500 юаней/месяц
			Города с населением более 1 млн человек	1100 юаней/месяц
			Города с населением менее 1 млн человек	800 юаней/месяц
6	Содержание пожилых человек	赡养老人	Налогоплательщик единственный ребёнок в семье	2000 юаней/месяц
			Налогоплательщик не является единственным ребёнком в семье, но не более 2000 юаней суммарно на всех братьев и/или сестёр	1000 юаней/месяц

Система налоговых вычетов КНР позволяет получать налоговые послабления ежемесячно и не имеет лимитов, по достижении которых налогоплательщик перестаёт пользоваться данной системой. Данная система положительно сказывает на

деятельности мелких предпринимателей, так как она позволяет сильно уменьшить налогооблагаемую сумму после превышения необлагаемого минимума.

После определения налоговых вычетов, которым соответствует налогоплательщик осуществляется пересчёт тела облагаемой налогами суммы. В нашем примере после вычета суммы средств социального страхования и необлагаемого минимума тело налогооблагаемой суммы составила 2,68 тысячи юаней. Если работник индивидуального предпринимателя будет содержать пожилых родителей, арендовать или снимать квартиру и платить за образование ребёнка, то он не будет платить НДФЛ, так как тело налогового платежа в его случае будет равно нулю.

Важно отметить, что НДФЛ в Китае платится по прогрессивной шкале налогообложения. Налоговые ставки по НДФЛ для ИП и их работников представлены в таблице ниже.

Таблица 3 – НДФЛ для ИП в КНР

Ранг	Налогооблагаемая база за год, тыс. юаней	Налоговая ставка
1	До 36	3%
2	От 36 до 144	10%
3	От 144 до 300	20%
4	От 300 до 420	25%
5	От 420 до 660	30%
6	От 660 до 960	35%
7	Более 960	45%

Рассмотрим случай, когда налогоплательщику не положены налоговые вычеты. В этом случае по НДФЛ для суммы в 2,68 тысячи юаней применяется налоговая ставка в 3%, то есть сумма налога НДФЛ составит 2680*3% = 80,4 юаня. То есть после выплаты НДФЛ и средств социального страхования на руках у работника индивидуального предпринимателя останется 7699,6 юаней.

Индивидуальные предприниматели во время эпидемии коронавируса так же получили налоговую поддержку. В 2020 году в качестве мер поддержки мелких налогоплательщиков предприятия, объем продаж которых превышает 100 тысяч юаней или ежеквартальный объем продаж превышает 300 тысяч юаней, платят НДС по ставке 3% минус 1%, то есть 2% НДС.

Американский экономист Брэд Сэтсэр в своей статье «Китаю нужны более прогрессивные налоги и увеличение расходов на здравоохранение» отмечает , что “налоговая система Китая слишком регрессивна”. То есть предприниматели с низким доходом платят довольно мало, что положительно сказывается на ведении бизнеса

начинающими предпринимателями. Это видно из расчёта налогов для работников индивидуальных предпринимателей. Так же налоговые послабления получи и сами предприниматели. Они могли воспользоваться рассрочки налоговых платежей, а также отменой некоторых дополнительных налогов (附加税).

Китай развивает систему налоговой поддержки индивидуальных предпринимателей. В результате в китайской системе налогообложения появились характеристики, которые отличают её от других систем. Они касаются характера шкалы налогообложения и продвинутой практике вычетов из налогооблагаемого дохода. Целесообразно детально изучить китайский опыт и рассмотреть возможность формирования подобных характеристик для российской системы налогообложения превратив её в систему налоговой поддержки индивидуальных предпринимателей в условиях пост-ковидной экономики.

Список источников и литературы

China Needs More Progressive Taxes and More Spending on Public Health // Council on foreign relations. 25.03.2020: [сайт]. URL: https://www.cfr.org/blog/china-needs-more-progressive-taxes-and-more-spending-public-health (дата обращения 10.03.2021)

Гэтигуншанху тяоли（Сюдин суншэнгао）цицао шомин 个体工商户条例（修订送审稿）起草说明 [Electronic resource] // 中国政策法制信息网 [Пояснение к «Положению об индивидуальных промышленных и коммерческих домохозяйствах (пересмотренный проект)»] // moj.gov.cn. 09.11.2018: [сайт] URL: http://www.moj.gov.cn/news/content/2018-11/09/zlk_42361.html (дата обращения 10.03.2021)

Гуаньюй фабу 《Гэжэнь содэшуй чжуаньсян фуцзя коучу цаоцзо баньфа（Шисин）》 дэ гунгао 关于发布《个人所得税专项附加扣除操作办法（试行）》的公告 [«Профессиональный налоговый вычет по НДФЛ (испытательный период)»] // chinatax.gov.cn. 21.12.2018 [сайт] URL: http://www.chinatax.gov.cn/n810341/n810755/c3961713/content.html (дата обращения 10.03.2021)

Гэжэньсодэшуй 个人所得税 [Подоходный налог с физических лиц] // baike.baidu.com. .04.02.2020 [сайт] URL: : https://baike.baidu.com/item/个人所得税/87168?fr=aladdin (дата обращения 10.03.2021)

Усяньицзинь 五险一金 [Система пяти налогов и одного платежа] // baike.baidu.com. .31.10.2018 [сайт] URL: https://baike.baidu.com/item/五险一金/637098#:~:text= (дата обращения 10.03.2021)

Музафарова Наталья Раисовна
магистрант Института калмыцкой филологии и востоковедения
КалмГУ им. Б. Б. Городовикова[1]

Философский аспект числовой символики в северном буддизме

Числовая символика занимает важное место в мировоззренческой картине мира индивидуума. Являясь неотделимой составляющей культуры любого этноса, числительные отличаются спецификой, наполненной многообразием и богатством содержания, глубиной понятий и смыслов. Традиционная числовая символика продолжает сохранять неизменную, непреходящую аксиологическую и понятийную природу в современной жизни. Универсальный характер числовой символики, имеющий имманентное значение в буддизме, актуализирует потребность ее рассмотрения в философском аспекте. (Антонов 1991, с.401)

Обладая высокой степенью абстракции, числительные фигурируют во всех сферах деятельности. Как универсальный абстрактный язык для описания микро- и макрокосмоса, они обеспечивают функционал в определенной системе координат. В древности реальные астрономические и математические знания слились воедино с астрологией и магией. Считаясь основой материальной вселенной, они отражали принципы, на которых зиждутся основы мироздания, времени и пространства. (Тресидер 1999, с. 80)

Числительные выражают количественно оценочные значения счетной системы: число, количество, порядок. Связанные с понятием множества они замкнуты в категорию количественных слов и лишены морфологического разнообразия. (Неаполитанский, Матвеев 2007, с.58)

Числительные выполняют информативную, эстетическую, художественную, философскую функции. Цифры и числовые наборы имеют помимо своей основной счётной функции дополнительное символическое и ритуальное, выражающее определённую традицию, значение. Числительные играют важную роль в выражении самосознания народа. У каждого этноса есть особенные числа, которые выражают этноспецифику в мифопоэтических, фольклорных, философских, религиозных текстах. Можно отследить исторические основы, анализируя поэтические функции магических чисел. Есть цифры, которые чаще других употребляются во всех языках. Издревле существуют так называемые особые числа, наделенные ритуально-культурологическим смыслом, имеющие магическое и сакрально-мифологическое значение. Их употребление в сопоставительном плане может быть одинаково или различно, позитивно или негативно в смысле функциональной адекватности и значимости в различных культурах. В фольклоре всех народов часто встречаются

[1] Научный руководитель — д. фил. н., проф., зав. каф. В. Н. Мушаев.

порядковые числительные первого десятка, что говорит о наличии универсального общечеловеческого видения мира. (Кучин, 2020)

Особую роль и место занимают числа в философии и ритуалах северного буддизма. Они имеют аксиологическую и уникальную природу своей символики. Самыми употребительными являются количественные числительные первого десятка. Кратко рассмотрим некоторые из них.

0 как самое абстрактное из чисел, имеющее значение отсутствия, описывает основополагающую концепцию буддизма – отсутствие самости – методом доказательства от противного. Поверхностный взгляд на данную идею уходит в крайность ошибочного нигилизма.

Противоположностью 0 является 1. Это – символ единства, исключительности, ценности, непревзойдённости, совершенства. Находясь рядом с 0, предвещает дуальность и переносит на новый уровень. В двоичной системе исчисления этой пары достаточно для описания и сотворения целого мира цифровой реальности, создателями и пользователями коей мы сегодня являемся. Согласно буддийскому мировоззрению, это буквально иллюзия в иллюзии, т.е. иллюзия в квадрате.

2 – это подлинная дуальность, противопоставление, взаимодействие полярностей, объединение метода и мудрости, теории и практики, верха и низа, правого и левого, плюса и минуса, мужского и женского, светлого и темного, верного и ложного.

3 – символ треугольной иерархии и устойчивости. Универсальные понятия трихотомических отношений в мире, пространстве и времени: верхний, средний, низший миры; прошлое, настоящее, будущее время; суточный цикл - день, ночь и сумерки; теплые, холодные и промежуточные сезоны. В мифологии, религии и фольклоре заложена троичность. 3 получает глубокое смысловое наполнение в буддийской философии. Ее определяет триратна (санскр.): Будда (санскр.), Дхарма (санскр.), Сангха (санскр.). Они дают надежное прибежище для скитальцев, отравленных тремя ядами (неведение, страсть, гнев) - причиной существования в сансаре. А 3 поворота колеса Учения Буддой выводят из нее. Его учение из «3 корзин» способно помочь каждому избавиться от любых страданий.

4 обозначает максимальную стабильность, основательность и определенность. Она как символ земли, как сезонное земледелие времен года, начала в жизни и конца в смерти. С этим числом, связано представление о горизонтальной модели окружающего пространства (стороны света) и структуре времени в земледельческом календаре (времена года). Основу буддийского Учения составляют 4 Истины Святого, преподанные четвертым в нашей махакальпе (санскр.) Буддой Шакьямуни.

7 часто выступает символом счастья и удачи, будучи соединением двух устойчивостей 3 и 4. Благодаря фазам и циклам Луны это число систематизировало абстрактное понятие времени в календарь. Это стало основным конструктивным стержнем, обеспечивающим функционально-смысловую устойчивость многих видов деятельности. В буддизме это число определяет количество Будд в каждой махакальпе

(санскр.). В пантеоне 7 отражена количеством Будд Медицины, семиокой Белой Тарой (санскр.), богов богатства, а так же подносимым всем драгоценностей и сокровищ.

Число 12 считается совершенным, идеальным числом. В астрономии и астрологии оно определяет течение времени, систематизируя суточные и годовые циклы солнца и луны в месячный и летний календарь. Самой яркой иллюстрацией целого корпуса философских буддийских концепций является пратитьясамутпада (санскр.), выраженная в «Колесе бытия». Его 12 звеньев рассказывают о зависимом возникновении. Это целая учебная дисциплина в программе всех буддийских университетов. Она подробно описывает механизм бытия.

В интерпретации числа 13 отсутствует единый семантический подход. Его демонизируют благодаря его противоположности стабильности 12. Из-за своей «сверх круглости» оно нарушает гармонию и приобретает «деструктивную магическую силу». В традиционной европейской культуре это число имеет неблагоприятное толкование. В буддизме же с ним не связано ничего дурного. 13 означает количество существ в спинке трона славы Будды, коренных текстов, персонажей свиты Ямантаки (санскр.), кругов коры вокруг Кайласа (санскр.), элементов горы Меру (санскр.), частей вселенской мандалы (санскр.), колец на ступе (санскр.) просветленного существа, ударов в колокол во время литургии.

Самое специфическое для буддизма число 108. Оно является священным во всех буддийских регионах. Его сакрализация своим истоком восходит еще к древнеиндийской традиции: 108 упанишад, 108 тыс. стихов в Ригведе (санскр.), 108 имен бога Брахмы и т.д. В буддизме это число отразилось особым образом: в количестве томов священных текстов, ступ, окружающих монастыри, героев мистерии Цам (тиб.), зерен в четках, свечей, зажигаемых во время празднеств, ударов в барабаны при литургии. За долгие годы практик различными буддийскими учеными экспериментально было определено, что именно это количество повторов ритуальных действий и речитативов священных писаний и мантр настраивает сознание индивида на определенный лад.

На слуху знаменитые сутрические и тантрические тексты, в названиях которых фигурируют числа: «37 практик бодхисаттвы», «Покаяние перед 35 Буддами», «Восхваление 21 формы Тары», «Обращение к 7 Буддам медицины», «8 строф о преобразовании ума», «8000, 25000, 100000 Праджняпарамита» (санскр.). Или основополагающие темы в программе всех буддийских университетов: 51 ментальный фактор, 16 видов пустоты, 20 видов святых. Также есть обращение к реальным знаменитым историческим личностям, объединенным в особые количественные группы: 16 архатов, 17 пандитов Наланды (санскр.). Или легендарных персонажей: 100 божеств Тушиты (санскр.), 300 и 500 персонажей Цокшина (тиб.). (Кучин 2020)

Таким образом, проведенный выше анализ подтверждает, что числовая символика занимает важное место в бытовом мировоззрении, ритуальной деятельности, философии и практике буддизма. Будучи органично вписанной на протяжении многих

веков в духовно-культурный мир, она отличается конкретной спецификой, наполненной многообразием и богатством содержания, глубиной понятий и смыслов. Универсальный характер числовой символики имеет имманентное значение в буддизме. Буддийская числовая символика продолжает сохранять неизменную, аксиологическую и понятийную природу в современной жизни.

Цифровой символизм в буддизме

цифра	смысл
0	пустота
1	Изначальный Будда, Будда в данной эпохе
2	истины, яб-юм, видов верного познания, архатов, благой участи, веры, стремлений, опровержения, отсутствия я, предложения, эонов, понимания, главные капли, пути реализации, читипати, главных ученика, двойной лотос Будды, лунный день посвящен хозяину местности
3	Драгоценности, поворота колеса учения, вселенских соборов, корзины, аспектов пути, ведения, ученика Атиши, вида архатов, вида бодхисаттв, тела, вида желаний, видов мудрости, вида благой участи и не благой, видов обучения, мудрости, вида преемственности, врат, трона, привязанностей к существованию, вида сансары, вида уединения, внутренних тантры, проявления, локи, яда, видов благого и не благого существования, колесницы, корзины, корня, главных праздника в честь Будды Шакьямуни, причины смерти, проникновения, типа времени, царя, триада бодхисаттв долголетия, глаз видения пустоты, временных периодов
4	по счету Будда Шакьямуни в данной кальпе, Истины святого, буддийские школы, стороны света, короля сторон света, аналитических просветления, асавы, элементов, безмерных, подшкол кагью, ваджрных трона, чуда, вида кармы, смерти, радости, освобождения, ума, всепроникающие мудрости, групп царей, цели существования, ученика Марпы, друзей, групп практикующих, действия, исконные мудрости, класса тантры, медитативных погружений в мире форм, мары, украшения, метода освобождения, неудачи, традиции слушателей, посвящения, потока, пути к нирване, рода подношений, сезонов, собрания, типов заблуждения, составляющих практики нёдо, видов бардо, «Мандал шива»
5	Будда-семейств, тел, путей, совершенств, богинь чувств, стадий, защитниц, видов просветления, видов совокупностей, врагов, главных текстов, молитв, качеств божественного тела, мудростей, определенностей, пентатоника, первоэлементов, первых учеников Будды, наук, превратных воззрений, препятствий, способностей, противодействий, радостей, сил, страданий, царей, скандх, видов ощущений, основных чакр, видов мяса и жидкостей

6 миров сансары, классов существ, учителей, богов элементов, видов благотворительности, достижений, качеств настоятеля, парамит, пределов тантры, видов сиддх, будда-семейств, типов личности, украшений тронов, чудес, мудрецов-философов, дакинь, йогинов, составляющих практики нёдо, коренных клеш, костяных украшений, слогов мантры Мани, видов бардо, гуру-йога, сил

7 Будд в каждой махакальпе, Будд Медицины, семиокая Тара, архатов, аспектов единства, богов счастья, чакр, нот, планет, видов иллюзорного тела, классов тантры, демониц, видов ума, драгоценностей, драгоценных веществ, духовных сыновей Нагарджуны, качеств святых, континентов, наклонностей, принципов переводов, разделов бодхи, сокровищ, ментальных состояний, факторов просветления, звезд-богов в созвездии большой медведицы, фаз и циклов Луны

8 видов ступ, подвигов Будды, благих символов, запретов, знаков и предметов удачи, качеств хорошего друга, кладбищ, классов демонов, путь, мирских дхарм и забот, островов, предметов удачи, скандх, дхармапал, сокровищ чакравартина, уз, стражей, холодных адов, бодхисаттв, кладбищенских одеяний, богинь подношений, проявлений Падмасамбхавы, божеств Шамбалы, лунный день посвящен Будде медицины, полных освобождений, санскар

9 направлении, божеств богатства, миров, колесниц, причин смерти, разделов садхан, защитников Учения, учений, зон, состояний ума на пути шаматхи, уровней сосредоточений

10 направлений в пространстве, парамит, цифр, лунный день для проведения ритуала Цог, лунный день посвящен Падмасамбхаве, уровней бодхисаттв

11 гневных божеств, благих психических факторов, ликов Ченрези

12 звеньев бытия, источников сознания, богинь, чакр, аскетических практик, правителей, полководцев-якшей, деяний Будды, месяцев, часовых стражей, махасиддхов, разделов писания, идамов Хаягривы, типов бхиккху, якшей

13 коренных текстов, персонажей свиты Ямантаки, существ в спинке трона славы, кругов коры Кайласа, элементов Сумеру, частей вселенской мандалы, число колец на ступе просветленного существа, ударов в колокол во время литургии

14 коренных падений, непсихических элементов соединителей

15 лунный день посвящен Амитабхе

16 главных архатов, визуализаций, аспектов 4-х истин святого, адов, лунный день посвящен хозяину местности, моментов пути видения

17 пандит Наланды, давших обет хранить Дхарму, небес в сфере форм

18 элементов-сфер, архатов, глав буддийских школ Тибета, дхату

19 персонажей мандалы Хаягривы

20	второстепенных клеш, видов святых
21	форм Тары, главных каналов в теле
25	правителей Шамбалы, лунный день для проведения ритуала Цог, лунный день посвящен дакиням
29	лунный день посвящен защитникам Дхармы
30	лунный день посвящен Будде Шакьямуни
32	персонажа в мандале Гухьясамаджи, главных признака Будды
33	богов на небе рождения Майи, персонажей в свите Махакалы
35	форм Будд покаяния
36	идамов тантры, отвергаемых умопостроений на пути видения
37	практик бодхисаттвы, факторов просветления
40	дней пребывания в бардо
49	Божеств в мандале Ямантаки, психических элементов 4-ой скандхи
51	ментальный фактор
52	ступени пути бодхисаттвы
80	второстепенных признаков Будды
81	уровней отвергаемого на пути созерцания
84	сиддх, врат Дхармы
100	начитываний мантр в практиках, божеств Тушиты, подношение торма
108	томов Ганжура, покровов познаваемого, страстей, ощущений чувственного опыта, бусин в четках, элементов практики и начитывай мантр, героев мистерии Цам, ступ в монастырских оградах, кор, церемониальных праздничных свечей и ударов в барабан,
722	персонажей в мандале Калачакры, энергетических канала
1000	элементов практики, будд эона, видов помощи, начитывай коротких мантр в ретрите

Список использованной литературы

Антонов В.И. Символика в познавательном и идеологическом процессе // Улан-Удэ: Бурят. Книжн. Изд-во, 1991. 128 с.

Джек Тресиддер. Словарь символов // М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.

Кучин И.Л. Словарь буддийских терминов, [Электронный ресурс], код доступа http://buddhismrevival.ru/teachings/slovari/tibetsko_russkij_slovar_buddijskih_terminov/

Неаполитанский С.М., Матвеев С.А. Энциклопедия буддизма. – СПб: Институт метафизики, 2007. 928 с.

Мустафаева Элеонора Джабировна
студентка 3 курса Института стран Азии и Африки
МГУ им. М.В. Ломоносова[1]

Китай и Южно-Китайское море: конфликт интересов

На сегодняшний день Южно-Китайское море представляет собой важнейшую акваторию в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Согласно данным 2016 г. стоимость товаров, ежегодно проходящих через него, составляет 3,37 млрд долларов США. Через ЮКМ проходит 39% торговли КНР со странами мира и 80% всей импортируемой им нефти. Это делает для Китая чрезвычайно важной возможность свободного доступа к морю. Кроме того, по оценкам Министерства земельных и природных ресурсов КНР, в ЮКМ расположено 10 крупных нефтеносных бассейнов, общие нефтяные запасы которых могут составлять от 23 до 30 млрд тонн и 20 трлн $м^3$ природного газа, в связи с чем ЮКМ называют «вторым Персидским заливом». Потенциальные залежи природных ресурсов представляют особый интерес для Китая, являющегося с 90-х гг. нетто-импортером нефтепродуктов. Кроме того, воды вокруг Парасельских островов и Спратли — продуктивные рыбопромысловые районы: на ЮКМ приходится 12% мирового улова рыбы.

Согласно Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (UNCLOS-III), прибрежное государство имеет право на разработку природных ресурсов и сооружение искусственных островов в пределах своей исключительной экономической зоны – линии в 200-х морских миль (ок. 370 км) от исходной линии[2]. Для Китая с точки зрения Конвенции чрезвычайно важно определить, откуда она проводится. В 2016 г. в Гааге признал незаконными претензии Китая на воды внутри т.н. «девятипунктирной» линии[3], охватывающей около 90% площади ЮКМ. Китай решение суда не признает, настаивая на наличии у себя «исторических прав» на морские территории. Это вызывает возмущение у международного сообщества: КНР подписала и ратифицировала UNCLOS-III, однако страна неоднократно заявляет об исторических правах на территории внутри девятипунктирной линии (данные термины не фигурируют в Конвенции).

История островов в ЮКМ море является весьма политизированной темой, поэтому подходы к ее изучению и аргументы китайских, с одной стороны, и вьетнамских и западных с другой, значительно разнятся. Говоря об «исторических правах», на которые ссылается КНР, Белая книга, опубликованная на следующий день

---

[1] Научный руководитель – к. п. н. Ольга Юрьевна Адамс

[2] Нормальная исходная линия — это линия наибольшего отлива вдоль берега, указанная на официально признанных прибрежным государством морских картах крупного масштаба

[3] Линия, которую использует Китай для определения его территориальных требований в Южно-Китайском море

после вынесения 12 июля 2016 г. судом в Гааге решения о безосновательности китайских претензий в ЮКМ, заявляет: «Активность китайского народа в Южно-Китайском море началась более, чем 2000 лет назад… Китай был первым, кто открыл, назвал, исследовал и эксплуатировал *Наньхай Чжудао* [острова в ЮКМ], а также первым, кто непрерывно мирным путём и успешно осуществлял над ними суверенитет». В Книге также приводится ряд исторических документов от эпохи Восточная Чжоу (770–256) до эпохи Цин (1644–1912), в каждом из которых засвидетельствована деятельность Китая в островах или содержится их описание.

В западной, а также вьетнамской историографии, однако, отвергаются доводы китайской стороны в пользу ее суверенитета над островами. Основной аргумент против заключается в том, что факт «осведомлённости» об островах не означает автоматически осуществление над ними суверенитета. Считается, что территориальные претензии Китая в ЮКМ берут начало в 1909 г., когда Китай направил военные корабли и 170 военных для возведения на Парасельских островах опознавательных знаков и установки китайского флага, после чего была опубликована карта провинции Гуандун, на которой Парасельские острова «впервые» были обозначены как территория Китая. В июне 1933 г. была создана Комиссия по пересмотру карт вод и суш; через два года Комиссия опубликовала список 132-х островов, принадлежащих Китаю, в том числе 96 из которых – острова Спратли. В 1936 году картограф Бай Мэйчу составил «Карту китайского строительства», на которой была проведена U-образная линия, определяющая территориальные притязания Китая в ЮКМ. В 1948 г. была опубликована «Карта островов в Южно-китайском море» с 11-ти-пунктирной линией, однако в 1953 г. она станет девятипунктирной — Мао Цзэдун уступит Тонкинский залив Вьетнаму. В 1956 г. КНР заняла группу Амфитриты Парасельских островов. На исходе вьетнамской гражданской войны в январе 1974 г. группа островов Круассан, находившаяся под контролем Республики Вьетнам, в результате военных действий была захвачена НОАК —так архипелаг оказался под полным контролем КНР.

После встречи Мао Цзэдуна и Ричарда Никсона в 1972 году на фоне обострения советско-китайского противостояния по мнению некоторых историков оформился фактический союз между КНР и США, который продлился до 1989 г. Считается, что отчасти благодаря этому союзу и, следовательно, отсутствию противостояния со стороны США (и Филиппин) Китай, ступивший в конце 70-х гг. на путь масштабных экономических преобразований и начавший в 1985 г. программу модернизации военных сил, к концу 1988 г. смог контролировать 6 объектов в архипелаге Спратли. В 1995 г. филиппинские рыбаки обнаружили, что на рифе Мисчиф (группа островов Калаян) КНР сооружала постоянные военные объекты, в т.ч. были размещены вооруженные судна. Этот инцидент стал поворотной точкой для стран АСЕАН и США: пришло осознание того, что КНР решительно настроена отстаивать свои интересы в море.

После инцидента на рифе Мисчиф в 1995 году Государственный департамент США выпустил документ, в котором четко отражалась позиция страны в отношении разрешения вопросов в ЮКМ: США выступили против использования силы, заявили о готовности оказывать помощь при необходимости, подчеркнув также важность свободного прохода кораблей и судов в море.

Страны АСЕАН видели угрозу в активном расширении влияния КНР в ЮКМ. Ассоциацией была предпринята попытка разрешать конфликтные ситуации посредством многосторонней дипломатии: было инициировано создание Регионального форума АСЕАН, куда вошли КНР и США. В 2002 г. КНР совместно со странами АСЕАН подписала Кодекс поведения сторон в Южно-Китайском море, в котором, помимо прочего стороны: 1) вновь подтвердили уважение принципа свободы мореплавания в ЮКМ; 2) обязались ограничить действия, которые могут повлечь за собой эскалацию споров и нарушить мир в регионе; 3) отказались от заселения незаселенных на данный момент островов, рифов и т.д.; 3) подчеркнули намерение принять кодекс поведения в ЮКМ. С тех пор периодически проводятся встречи КНР и стран АСЕАН в рамках саммита АСЕАН и Регионального форума АСЕАН. Начало 2000-х гг. XXI в. – период «затишья» в ЮКМ: после событий 9/11 все силы США были брошены на «войну с терроризмом». Однако после победы на выборах в 2008 г. Барака Обамы, его администрация объявила о «повороте к Азии». В марте 2009 г. два американских исследовательских корабля – USNS Victorious и USNS Impeccable прошли в ИЭЗ Китая, проводя деятельность по наблюдению (surveillance) в 75-ти милях южнее о. Хайнань. После этого, по заявлению американской стороны, корабли столкнулись со преследованиями со стороны ВМС КНР., Будучи одной из 25 стран, не признающих право других государств на военно-морские исследования в своей ИЭЗ, КНР посчитала эти действия незаконными. По мнению США незаконным было препятствование американским кораблям. [4] Считается, что этот инцидент стал катализатором разработки стратегии США в ЮКМ. В 2009 г. США впервые заявили, что мирное разрешение территориальных конфликтов в ЮКМ является «национальным интересом» США. В 2010 г. во время Регионального форума АСЕАН в Ханое Хилари Клинтон вновь подтвердила, что регион ЮКМ является ключевым для национальных интересов США.

В 2000-е-2010-е сформировалась стратегия КНР по превращению ее в «морскую державу». Впервые этот термин был упомянут в докладе Госсовета 2003 г. «Изложение плана национального экономического развития в море». В нем заявлялось, что Китай постепенно станет морской державой в будущие годы. В 2012 г. на открытии 18-м съезда КПК было объявлено о том, что превращение Китая в морскую державу — стратегическая цель. Однако укрепление военно-морской мощи не является самоцелью

[4] У США и КНР разные интерпретации UNCLOS-III по поводу того, какие действия запрещено или разрешено осуществлять в ИЭЗ. КНР не считает сбор информации невоенными кораблями дружественным; США считает, что эти действия соответствуют международному праву.

для Китая. Напротив, «построение великой морской державы», подразумевающее активное освоение морских ресурсов «ближних морей» (Желтого, Восточно-Китайского и Южно-Китайского), — это один из источников экономического развития страны, сталкивающейся с относительной нехваткой ресурсов, стремящейся к устойчивому развитию и осознающей важность морского пространства.

Со вступлением Си Цзиньпина в должность Председателя КНР в 2012 г. начался качественно новый этап морской политики КНР: значительное внимание было уделено морскому развитию в 12-й пятилетке, расширились полномочия Государственного морского управления КНР. Следовательно, начался новый период политики КНР и в ЮКМ, характеризующийся активным укреплением присутствия Китая в ЮКМ. В 2013 — 2017 г. Китай проводил активные рекламационные работы в море, активно расширяя площадь островов и рифов посредством драгирования морского дна. К 2016 г., по оценке Пентагона, Китай создал более 3,200 акров земли в ЮКМ. К 2018 г. работы по созданию искусственных территорий были завершены, и Китай перешёл, судя по всему, к созданию гражданских и военных объектов на островах. В мае 2018 г. стало известно, что Китай разместил первые бомбардировщики на острове Вуди.

С 2015 г. США проводятся Операции свободы судоходства (FONOP) в ЮКМ, призванные выразить несогласие США с 1) неправомерной, по их мнению, территориальной претензией (например, с установлением территориального моря вокруг высыхающей при отливе возвышенности, что не соответствует Конвенции 1982 г.) 2) требованием уведомления страны в случае мирного прохода через ее территориальное море. Во время операций FONOP неоднократно происходили столкновения американских и китайских кораблей: часто китайские корабли требовали покинуть территориальные воды объекта (напр. инцидент у рифа Огненный крест в 2016 и у Мисчиф в 2016). В период администрации Обамы было проведено 4 операции, Трампа — более 20. Первая FONOP администрации Байдена прошла в начале февраля 2021 г. Считается, что новая администрация продолжит отстаивать свои интересы в регионе и оспаривать «незаконные», по словам Госсекретаря Майка Помпео, морские требования.

ЮКМ — уникальная акватория. Во второй половине 20 века судьба ее островов (рифов, отмелей и скал), представляет большой интерес не только для прибрежных стран, но и государств всего Азиатского-тихоокеанского региона. На сегодняшний день ЮКМ представляет собой регион с крайне высоким конфликтогенным потенциалом. Расстановка сил в регионе чрезвычайно важна и для США (заинтересованных, помимо свободного прохода в водах ЮКМ, в сохранении там «порядка, основанного на законах» при своей поддержке, а также, видимо, предотвращении установления господства там КНР), и для самого Китая, в стратегии развития которого ЮКМ играет крайне важную экономическую и статусную роль.

Список источников и литературы:

Jianming Shen. China's Sovereignty over the South China Sea Islands: A Historical Perspective // Chinese Journal of International Law, Volume 1, Issue 1, 2002, Pages 94–157. 01.03.2002: [сайт]. URL: https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.cjilaw.a000432 (дата обращения: 27.01.2021)

Hayton, Bill. The South China Sea: The Struggle for Power in Asia, New Haven, London, Yale University Press, 2014, 298 pp. p.50-56

Мосяков, Дмитрий. На грани фола: политика Китая в Южно-Китайском море. // Индекс безопасности т. 19 н. 4. ИВ РАН. 2013: [сайт]. URL: http://www.pircenter.org/media/content/files/12/13880471720.pdf (дата обращения: 28.01.2021)

Edited by Ian Storey and Li Cheng-yi. The South China Sea Dispute: Navigating Diplomatic and Strategic Tensions // ISEAS Publishing. Yusof Ishak Institute. 2016 (дата обращения: 23.02.2021)

Ларин Виктор, Песцов Сергей. Становление Китая как великой морской Державы. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 3. С. 27–46. 27.04.2020: [сайт]. URL: https://www.ogt-journal.com/jour/article/download/634/502 (дата обращения: 4.03.2021)

Никитина Дарья Александровна
студентка 3 курса кафедры истории стран Дальнего Востока
Восточный факультет СПбГУ[1]

Борьба Китая, России и Англии за Тибет в начале XX в.

К началу XX в. Китай находился в состоянии экономического и политического упадка. Положение усугублялось действиями европейцев, которые навязывали Китаю неравноправные договоры, постепенно превращая его в полузависимое государство. Это стало новой вехой в истории Китая как полуколонии иностранных империалистических держав. Став практически бессильным в борьбе с передовой Европой, Китай не мог обеспечить безопасность своих границ. Так началось постепенное проникновение иностранцев сначала на юг государства, а затем и на западные территории, которые практически не контролировались центральным правительством ввиду их отдалённости от столицы.

Одним из таких регионов стал Тибет, где ламаистская верхушка всячески пыталась укрепить свою независимость от Китая, хотя цинское правительство придерживалось мнения, что Тибет является неотъемлемой частью исторически сложившейся территории Китая [2]. Этим конфликтом воспользовались Россия и Великобритания, которые понимали, что Китай в условиях кризиса не сможет дать серьёзный отпор их действиям в Тибете. С конца XIX в. развернулось противостояние двух упомянутых выше держав в Тибетском регионе в рамках «Большой игры». В первые два десятилетия XX в. Тибет активно боролся за право на самоопределение.

Единая вера тибетцев и малых народов России, а именно калмыков и бурятов, исповедовавших ламаизм, который широко распространён в Тибете, привела к сближению России и Тибета, тем самым вызвав первоначальный интерес к изучению Тибета. Первоначально эти контакты имели исключительно религиозный характер и были связаны с паломнической деятельностью. Великобритания надеялась упрочить северные границы своей колонии, Индии, опасаясь усиления России в Тибете, а впоследствии и нападения на Индию. Ввиду эскалации напряжённости Англия пошла на организацию экспедиции во главе с Ф. Янгхазбендом в июле 1903 г., задачами которой были принудительное открытие Тибета для английской торговли и подписание выгодных англичанам договоров. Но так как такое насильственное покровительство Англии навязывалось правительству Тибета, ламаистская верхушка всячески искала пути сотрудничества с Россией и ожидала помощи от российского

[1] Научный руководитель – к.и.н. Донская Александра Евгеньевна.
[2] Зависимость Тибета от Китая установилась приблизительно в 1720 г., когда император Канси оказал военную помощь в борьбе с джунгарами, которые воевали в Тибете. В Тибете был установлен порядок, юго-западные границы укреплены, но для сохранения безопасности и предотвращения сепаратистских настроений в Лхасе разместили цинский гарнизон. Пекин следил за ситуацией в Тибете через амбаня (按班), китайского чиновника, резидента императорского правительства.

царя, который всеми способами затягивал с прямым ответом, боясь вызвать военное столкновение с британцами.

В конце своего правления Цины проводили политику китаизации Тибета. Основной целью военных действий 1904-1905 гг. было возвращение Тибета в лоно государства. Две великих державы не вмешивались в дела Китая и подтвердили своё отношение к статусу Тибета в «Конвенции между Россией и Великобританией по делам Персии, Афганистана и Тибета». В соответствии с положениями Конвенции были признаны суверенные права Китая над Тибетом, а урегулирование всех торговых вопросов должно было осуществляться через Пекин. На закате Цинского правления в Тибете проходило движение за автономию. Развёртывалась борьба за отстаивание финансовых интересов тибетской верхушки, независимости от контроля цинских представителей, присутствовавших в Лхасе, которые влияли на решение внутренних вопросов. В 1912 г. Юань Шикай[3], надеясь удержать окраины в составе уже ослабленного Китая, вступившего в новый этап своего исторического пути после свержения последней династии, издал декрет, по которому Тибет объявлялся частью Китайской Республики в качестве провинции. Но навести порядок во «взбунтовавшемся» регионе не удалось, Далай-лама[4] обратился за военной помощью к Великобритании, и чтобы избежать столкновения с иностранной силой, китайские военные отряды окончательно покинули Тибет, а китайские политические деятели были смещены со своих постов на этой территории. Из-за падения императорского режима в Китае статус Тибета не был определён, но позицию тибетцев можно понять из речи, произнесённой Далай-ламой XIII в феврале 1913 г., где говорилось, что свержение Цинской династии привело к окончательному прекращению дипломатических связей, а Тибет был объявлен независимым. Однако борьба за независимость продолжалась ещё долгое время.

В ходе «Большой игры» расстановка сил в Центральной Азии изменилась, в результате чего Тибет превратился в «яблоко раздора» между Великобританией и Россией. Тибет за десять лет пережил несколько военных вторжений, став регионом конфликта между тремя государствами, он надеялся на покровительство одного из них, постоянно меняя вектор своего сотрудничества. Так как Тибет фактически контролировался Китаем, главной задачей Тибета оставалось обретение права на самоопределение, движение за которое вспыхнуло в конце правления маньчжурской власти в Китае. Синьхайская революция привела к коренным изменениям в китайско-

[3] Юань Шикай - китайский политический деятель, военный лидер в период конца династии Цин и начала республиканского правления в Китае. Был выбран президентом Китайской республики и занимал эту должность с 1912 по 1915 г.

[4] Далай-лама – теократический лидер Тибета, реинкарнация бодхисаттвы Авалокитешвары, согласно верованиям тибетцев, т. е просветлённое существо, отказавшееся уйти в нирвану, чтобы спасти всех живых существ. Далай-лама является абсолютным и никем, и ничем неограниченным в своей власти правителем Тибета. После смерти Далай-ламы начинаются поиски его инкарнации, так как дух умершего Далай-ламы перерождается в младенце.

тибетских отношениях, так как с исчезновением империи Цин перестала существовать сама основа вассалитета Далай-ламы в отношении императора Китая. Однако все правительства, возглавившие Китай после падения империи, считали, что Тибет - это часть Китая, имелись лишь разногласия по поводу его статуса, а возвращение окраины в лоно государства оставалось делом времени.

Список использованной литературы

Андреев А. Тибет в царской советской и постсоветской России. СПб.: Изд-в А. Терентьева «Нартанг», 2006. 464 с.

Богословский В. А. Политика XIII Далай-ламы в Тибете. М.: ИВ РАН, 2002. 140 с.

История Китая с древнейших времен до начала XXI в.: в 10 т. / Гл. ред. С. Л. Тихвинский: Т.VI: Династия Цин (1644-1911) / Отв. ред. О. Е. Непомнин. М.: Наука – Восточная литература, 2014. 886 с.

Кулешов Н. С. Китай — пригималайские страны и Индия / Китай и соседи в новое и новейшее время / Отв. ред. Тихвинский С.Л. М.: Наука, 1982. С. 232-301.

Кулешов Н. С. Россия и Тибет в начале XX. века. М.: Наука, 1992. 273 с.

Кычанов Е. И., Мельниченко Б. Н. История Тибета с древнейших времен до наших дней. М.: Изд. Восточная литература РАН, 2005. 351 с.

Леонтьев В. П. Иностранная экспансия в Тибете. 1888-1919. М.: АН СССР, 1956. 233 с.

Люлина А. Г. Тибет под патронажем Цин XVIII в.: особенности взаимодействия // Вестник Российского университета дружбы народов, серия: Всеобщая история. Изд. РУДН, 2015. С. 45-55.

Мартынов А. С. Статус Тибета в XVII - XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М.: Наука, 1978. 287 с.

Россия и Тибет: сборник русских архивных документов 1900-1914 / Сост. Белов Е. Л., Святецкая О. И., Шаумян Т. Л. М.: Восточная литература, 2005. 231 с.

Сладковский М. И. Китай и Англия. М.: Наука, 1980. 352 с.

Харнский К. А. Китай с древнейших времен до наших дней. Хабаровск-Владивосток: Кн. Дело, 1927. 440 с.

Цендина А. Д. ... и страна зовется Тибетом. М.: Восточная литература, 2002. 304 с.

Шаумян Т. Л. Индийско-китайская граница: спорные проблемы // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. М.: 2000. №3. С. 27-32.

Шаумян Т. Л. Россия, Великобритания и Тибет в "Большой игре". М.: Сфера Евразии. Товарищество научных изданий КМК, 2017. 205 с.

Bell, Charles. Tibet. Past and present. L.: Oxford University Press, 1924. 311 p.

Norbu D. The Europeanization of Sino-Tibetan relations, 1775-1907: the genesis of Chinese «Suzerainty» and Tibetan «Autonomy» // The Tibet Journal Vol. 15, No. 4, 1990. P. 28-74.

Носов Владимир Александрович
магистрант 1 курса
кафедры конфликтологии Института философии СПбГУ[1]

Китай и соседи: конфликтная динамика в период правления Мао Цзэдуна

Период правления Мао Цзэдуна многоплановое и неоднозначное время в истории Китая. Сложно говорить о некоей политике, последовательно проводимой КНР с конца 40-х по середину 70-х, в связи с постоянными переменами во внутренней политике и зигзагами внешнеполитического курса, что весьма затрудняет вычленение этапов. Но, на наш взгляд, можно, пусть и со значительной долей условности, говорить о нескольких стадиях развития отношения маоистского Китая с соседями. Это, во-первых, период деятельной конфронтации с империализмом, во-вторых, этап, на котором основные усилия предпринимались на фронте борьбы с предполагаемыми непосредственными угрозами, и, в-третьих, период, который можно было бы с некоторой натяжкой назвать временем прагматизма. На всех трех этапах КНР оказывалась вовлечена в интенсивное конфликтное взаимодействие с соседями, зачастую с привлечением сил извне региона. Взаимодействие при этом имело место как в прямой форме, т.е. в виде непосредственного участия в боевых действиях, так и в опосредованной, путем поддержки сторон в различных конфликтах на сопредельных территориях, и подчинялось как действующим внутри Китая силам и факторам, так и внутренней логике развития самих конфликтов.

Развитие событий на первом этапе, ознаменованном активной борьбой КНР с империализмом, на наш взгляд, в значительной степени предопределено успехом борьбы за победу коммунизма в Китае. Поражение Гоминьдана в результате гражданской войны 1945-1949 годов, как будто целиком и полностью подтвердившее верность маоистской доктрины [2], конечно, не могло не оказать влияния на умонастроения китайского руководства. С его точки зрения, мощная и многочисленная на вид гоминьдановская армия, прекрасно оснащенная и поддержанная США, символом империализма на тот момент, была разбита быстро и бесповоротно вооруженным народом, руководимым и правильно мотивированным группой идеологически подкованных кадров. И следует отметить из событий 50-х годов еще успех вьетнамских повстанцев, сумевших справиться с французской армией, тоже значительно уступая в техническом оснащении, но имея более серьезную мотивацию. Хотя степень влияния китайской поддержки в разное время оценивалась по-разному, но несомненно и техническое и идеологическое влияние КНР на ход войны (См.

[1] Научный руководитель – д.ф.н. Андрей Викторович Алейников.
[2] Не имея возможности в данной статье развернуто высказаться на данную тему, автор считает нужным упомянуть источники, которыми пользовался: Меликсетов, 2002; China, 1988; Gao, 2009; Xiaobing Li, 2007.

Encyclopedia of the Vietnam War, 2011; The NVA, 1992; Chanda, 1988; Vietnam, 1989). Относительная легкость, с которой в ходе Корейской войны 1950-1953 годов довольно слабо вооруженная китайская армия отодвинула американские и южнокорейские войска за 38-ю параллель, как будто вполне укладывается в общую тенденцию. В этот период прямой вооруженной поддержки всерьез ожидали инициированные местными коммунистами повстанческие движения региона, от Бирмы до Малайзии. Бирманские коммунисты даже успели перегруппировать свои подразделения для удобства оказания поддержки будущему наступлению (Tinker, 1961, p. 49). К середине 50-х относится и обострение обстановки вокруг Тайваня. В свете вышесказанного, ничего удивительного, что КНР выражала в 50-е годы решимость силой вернуть Тайвань под свой контроль, коль скоро тенденции обнадеживающие и практика определенно показывает верность теории. Конфликтный потенциал в этот период был очень высок, и сразу на нескольких направлениях сформировались очаги конфликта, имевшие возможность быстро перерасти в масштабные конфликты регионального уровня и выше.

С начала 60-х история КНР переходит в новую фазу, и этот период ознаменован сейсмического масштаба переменами и тектонического размаха сдвигами во внутренней политике, на внешнеполитической же арене наметилась тенденция к обострению отношений с непосредственными соседями, не разделявшими взглядов маоистского руководства на мир.

КНР продолжала оказывать деятельную помощь повстанцам в регионе, но именно в этот период ее стали обвинять в подходе к делу с позиции наибольшего извлечения пользы для себя: во Вьетнаме обвиняли Китай в том, что он посылает свои кадры в ДРВ, в основном, чтобы они набрались опыта, а эффективная поддержка борьбы с США на втором плане (Turley, 2008, p. 254; Chen, 1987, p. 41; Hutchings, 2001, p. 456; Xiaobing Li, 2007, p. 223).

Продолжая в той или иной степени, будь то поставки оружия или вдохновение для продолжения борьбы, поддерживать повстанческие движения в регионе – Вьетнаме, Лаосе (Evans, 2002, p. 121; Clodfelter, 1992, p. 1130), Камбодже (Мосяков, 2010, с. 229), Бирме (Lintner, 1990, p. 19, 21, 26; Peasants Rebellion, 1974, p. 160-161; Maung Aung Myoe, 2011, p. 80), Китай пошел на прямое противостояние с двумя своими крупными географическими соседями, Индией и СССР, и посчитал себя вышедшим из этой борьбы победителем в обоих случаях.

Отношения КНР и Индии выглядели к тому времени довольно странно. С одной стороны, Индия выступала с проповедями насчет дружбы развивающихся стран, с другой так и не получила развития тема договора о дружбе, не удалось разрешить противоречия относительно пролегания межгосударственной границы в стратегически важных для Китая районах, наверняка оказала влияние на развитие отношений и тема Тибета, коль скоро Индия оказалась опосредованно вовлечена в конфликт и далеко не на дружественных КНР позициях. О генезисе и протекании острой фазы конфликта в

60-е годы сказано уже немало и в отечественной и в зарубежной историографии, поэтому остановимся только на главных итогах, как, по-видимому, их видели в Пекине тех лет: КНР вышла из конфликта явным победителем; настояла на своей трактовке где именно пролегает линия границы, и никто не смог помешать этому; т.е. крупному региональному игроку было навязано фактическое положение вещей не в его интересах. Еще одним следствием, правда, проявившемся несколько позднее, стало то, что союзником КНР в регионе стал Пакистан, но к этому сюжету автор считает нужным вернуться несколько ниже.

С конца 50-х наметились контуры будущих серьезных трудностей в отношениях СССР и КНР, китайская сторона помимо периодически озвучиваемых претензий на расширение помощи с советской стороны деятельно и гласно оспаривала различные аспекты советской политики на международной арене, а с начала 60-х вступала и в дебаты по идеологическим вопросам (Эти сюжеты довольно подробно разобраны в отечественной литературе: Непомнин, 2011; История КНР, 2006), классифицируя советскую позицию по животрепещущим проблемам мировой и региональной политики как ревизионизм (China, 1988). Советское руководство, со своей стороны, неоднократно выражало неодобрение эскалации вокруг Тайваня и не торопилось обострять ситуацию во Вьетнаме и вообще в Юго-Восточной Азии – по-видимому, это вызвало и серьезное неприятие со стороны КНР, поскольку с точки зрения маоистов это ненужное промедление в борьбе, исход которой, в сущности, предрешен. Сложно разделить порой в событиях той поры идеологию, сиюминутные потребности китайского руководства и реальную долгосрочную политику – шумная агрессивная риторика в отношении, например, руководства КНДР, вплоть до публичного поименования Ким Ир Сена «жирным ревизионистом» (Hutchings, 2001, p. 252), насколько можно судить, никак не сопровождалась реальной деятельностью по борьбе с его «ревизионизмом». Не повлекло никаких последствий и деятельное, вплоть до применения насилия к агентам влияния, противодействие руководства Камбоджи попыткам распространения в стране практик «Культурной революции» (Бектимирова, 1987, с. 202-203). Однако китайское руководство той поры решительно пошло на обострение отношений с СССР, оппонентом явно более опасным и крепким, чем КНДР или Камбоджа. В ряде работ высказано мнение, что КНР неадекватно оценила положение в мире на тот момент и всерьез рассчитывала перехватить лидерство в мировом коммунистическом движении. Мы не беремся судить об этом в полной мере, но констатируем, что, по-видимому, эта точка зрения вполне имеет право на существование. Так или иначе, с 1960 года фиксируются стычки в советско-китайском пограничье, а с середины 60-х чередой пошли столкновения в различных точках государственной границы, самые известные локации Гольдинский, Киркинский, Даманский, Жаланашколь. В иные годы счет их пошел на сотни, и доходило до масштабного обмена огнем, с десятками жертв. Во время Культурной революции особый накал приобрел прессинг против советского посольства в Пекине. Следует

отметить и задержание кораблей “Гидрограф” и “Свирск” (Брежнев, 1998; Лободюк, 2009; Мусалов, 2005; Salisbury, 1969; Wishnik, 2014). Имели место и громкие заявления КНР по адресу Монголии, отмечены инциденты в китайско-монгольском пограничье (История Монголии, 2007, с. 245; The Europa Year Book, 1982, p. 973). Со стороны все происходящее выглядело специфически, в США на уровне специалистов и высокопоставленных служащих области внешней политики всерьез обсуждали вопрос о возможности конфликта между КНР и МНР с перерастанием его в масштабный советско-китайский (Salisbury, 1969, p. 182, 192). Конфликтный потенциал в этот период был не так высок, как в предыдущий, и интенсивность конфликтов, в которые оказался вовлечен Китай, была несколько меньше, чем масштаб столкновений в 50-е годы, но, как показала практика, трудности с соседями во многом были всего лишь заморожены на определенный срок.

И в конце 60-х начинается третий этап, который мы обозначили как “время прагматизма”, хотя многие направления внешней политики и сохранялись от первых двух этапов. Тем поразительнее поворот, случившийся во внешней политике.

КНР и в этот период поддерживала повстанцев Филиппин, Лаоса, Бирмы, Вьетнама, Камбоджи (Chandler, 2007, p. 250-251), Таиланда (Thailand, 1989, p. 230), но, правда, воздержалась от выглядящей в свете событий предыдущего десятилетия логично поддержки повстанческого движения в Индии – ограничившись просто занятием определенной позиции в спорах коммунистических партий страны и вялыми попытками мобилизовать местных коммунистов на поддержку китайских внешнеполитических инициатив (India Today, 2011, p. 500; Revolutionary and Dissidents Movements, 2004, p. 158). Не очень понятно, почему именно такая линия была избрана, но предугадать действия одного человека, от течения мыслей и соображений которого зависит всё, порой куда труднее, чем мотивы решений коллегиальных правящих органов, а в данном случае мы имеем дело именно с волей одного человека. Тогда же КНР вступила и в прямой военный конфликт с Южным Вьетнамом из-за контроля над Парасельскими островами (Chi-Kin Lo, 2003; Min Gyo Koo, 2010; Dictionary of Contemporary, 1997, p. 282).

А в целом во внешней политике обозначился глобальный поворот, отчасти продиктованный маневрами предыдущего десятилетия, отчасти, видимо, практическими соображениями, в результате чего в союзниках у КНР оказались явно буржуазный Пакистан и арх-империалисты из США.

Ключевым элементом стало налаживание отношений с США. Практические соображения, которые, по-видимому, возлагал на этот процесс Мао Цзэдун, оправдались. Это позволило КНР попасть в ООН и выбраться из пусть и не без проблем, но все же вполне реально существовавшей дипломатической изоляции, маргинализировав Тайвань (Hutchings, 2001), и это, надо признать объективно, большой успех китайской дипломатии. Но сам договор с Америкой, символом и вдохновителем империализма, наделенной в китайской прессе первых двух

десятилетий существования КНР немалым количеством нелестных эпитетов, конечно, во многом перечеркивает смысл маоистской политики предыдущих двух десятилетий. Фактически, он делает бессмысленными порывы к немедленной и решительной борьбе с империализмом, грозившие мировой войной в 50-е и вымостившие дорогу к разрыву между лидерами мирового коммунизма.

Дружба КНР с США, в период после Второй мировой войны деятельно участвовавших в конфликтах в регионе, значительно осложнила общее положение во всей Восточной Азии. С начала 70-х мы наблюдаем резкий рост конфликтогенности и обострение уже существующих проблем в регионе – лишь до некоторой степени его можно посчитать результатом американо-китайского союза, но и его влияние несомненно.

И это не был тактический союз исключительно для того, чтобы решить важнейшую проблему выхода из изоляции. В дальнейшем КНР, уже в пост-маоистскую эру, оказалась вовлечена в такие прагматически, с точки зрения сиюминутной выгоды, оправданные, но сомнительные с точки зрения объективной целесообразности для Китая дела, как участие в афганском конфликте и поддержка “красных кхмеров” в компании с этими самыми арх-империалистами, в пику своему же бывшему союзнику СССР. Следование в кильватерном строю за США было вообще-то не в интересах Китая, но соображения того конкретного момента оказались сильнее. В 90-е годы процесс лечения больных точек в отношениях КНР с соседями занял довольно много времени, а некоторые проблемы, оставленные маоистской внешней политикой, дают о себе знать даже и по настоящее время.

В результате всей этой занявшей почти три десятилетия эволюции, со всеми сдвигами и поворотами, Китай прошел довольно сложный, запутанный и противоречивый путь, оказавшись в финале в оппонентах у тех, с кем он вместе его начинал и в союзниках, пусть и ситуативных, со своим главным оппонентом той поры. Множество противоречий, которые генерировал маоизм в своей теории и практике, сказалось и в этом аспекте.

Список использованной литературы

China. A Country Study (4th ed.). Washington, 1988.
Gao J. Historical Dictionary of Modern China (1800-1949). Plymouth, 2009.
Xiaobing Li. A History of Modern Chinese Army. Lexington, 2007.
Меликсетов А. История Китая (2-е издание). М., 2002.

Павлова Евдокия Ильинична
студентка 4 курса кафедры истории и филологии Дальнего Востока
ИВКА РГГУ[1]

Роль фольклорной традиции в современной прозе на примере рассказа Би Фэйюя 毕飞宇 «Сверчки» 蛐蛐蛐蛐

Фольклорные образы в литературе Китая являются отражением самобытного менталитета народа, дают наиболее полное представление об исторической памяти и самосознании нации. Особое место в культурном пространстве Поднебесной отводится фольклорному образу созданий животного мира.

В Китае издревле верили, что живущий в домике сверчок приносит удачу и счастье, дарует храбрость и долголетие. Стрекотание сверчка привлекало людей, что запустило процесс их одомашнивания, а затем и распространения в качестве живого подарка (Прокофьева, 2017, с.217).

Говоря о распространении сверчков, стоит отметить, что несмотря на великое множество видов этих членистоногих, основную роль в культурной жизни поднебесной сыграли сверчки певчие (такие, как малин 马铃 или цзиньлин 金铃) и бойцовские (более известные, как цюйцюй 蛐蛐), они же стали в своё время самым популярным товаром на рынке.

Стрекотание певчих сверчков настолько нравилось китайцам, что у императоров появились свои сверчковые «оркестры», где каждое насекомое исполняло свою сольную партию. Поскольку звуковой аппарат есть только у сверчка—самца (Большая энциклопедия, 2006, с.32), и у каждого вида он отличается по строению и по воспроизводимому звуку, вполне можно сказать, что у каждого насекомого свой неповторимый «тембр» (Мы и Китай, 2018).

Примерно тогда же начинает набирать популярность новая, совершенно нетипичная для европейцев забава — сверчковые бои. Если обращаться к истории, можно заметить, что первые упоминания о сверчковых боях относятся ещё к династии Тан (618—907 г). Тогда сверчков начали сажать в специальные клетки и строить для них домики, при этом статус владельца и материалы клетки зависели друг от друга напрямую. Самыми изысканными считались домики с резьбой из нефрита, золота, серебра и кости. Однако, считается, что именно в эпоху Сун (960— 1279г) схватки членистоногих стали набирать популярность не только среди знати, но и среди обычных людей. Расцвет боёв приходится на времена династии Цин (1644—1912 г), когда практически вся императорская семья, знать и простолюдины всё лето были задействованы в сборе и выращивании сверчков. Тогда же у императорского любимца

[1] Научный руководитель — доцент кафедры истории и филологии Дальнего Востока ИВКА РГГУ, к.ф.н. Мазо О.М.

появился свой штаб слуг, который бы следил за тем, чтобы у сверчка была достойная жизнь: разнообразные кушанья, прогулки на свежем воздухе, штаб придворных лекарей на случай, если насекомое захворает, а после смерти даже пышные похороны. Во время культурной революции (1966 — 1976г) схватки насекомых были запрещены (Andrew Jacobs, 2011).

Тем не менее, в XXI веке наблюдается новый всплеск интереса к данному элементу древних китайских традиций. Со слов известного американского фотографа и путешественника, Джонатана Браунинга, были зафиксированы и опубликованы основные данные об этой необычной традиции, он же распространил фотографии с самого настоящего рынка, специализирующегося на торговле сверчками.

Сначала сверчки отлавливаются в естественной среде обитания с конца весны до начала осени, сами бои за звание чемпиона раньше проводились зимой, в разгар метелей. Всё это время за насекомыми тщательно следили и оберегали их. Об этом свидетельствует также экспонат из «Музея Востока»[2]: сосуд из тыквы горлянки с изысканным узором XVIII-XIX в. Подобные сосуды изготавливались, чтобы во время переноса сверчка из одного места в другое, он не замерз, по той же причине сосуд дополнительно заворачивался в ватный футляр. Сейчас же, для привлечения туристов, забава эта стала круглогодичной, а в промысле выращивания будущих чемпионов задействовано большое количество крестьян.

Отловить хотя бы одно подходящее насекомое за сезон — это большая удача для местных жителей, поскольку существуют определенные критерии, по которым можно заведомо предсказать есть ли у сверчка шансы на победу. Считается, что лучшие представители породы бойцовских сверчков обитают в провинции Шаньдун 山东, при этом у некоторых из них даже есть своя родословная, которая сказывается не только на успехе бойца, но и на его цене. Эталонным для насекомого считается большое тело, массивные челюсти и черная голова.

Правила сверчковых поединков тоже весьма непростые. Когда приходит время боя, сверчков помещают на импровизированную арену, и тыкают в них соломинками до тех пор, пока те не разозлятся и не нападут друг на друга. Победителем считается тот, кто быстрее и сильнее покусает противника. После такой схватки выживает далеко не каждый, многие остаются калеками или теряют способность издавать стрекочущий звук, а значит, становятся непривлекательной для самок партией. Люди верят, что после поражения сверчок уже никогда не одержит победу, поэтому сразу после боя его отпускают на волю(Марина Чайка, 2014).

Именно эта традиция отражена в современной китайской прозе, в произведении известного писателя из плеяды деятелей литературы «нового периода», лауреата и обладателя многих международных премий, автора с уникальной манерой

[2] Изображение см. Государственный музей Востока [Электронный ресурс] URL: https://www.orientmuseum.ru/events/2020/domik_sverchkov/index.php

повествования, Би Фэйюя 毕飞宇.В творчестве этого писателя нашли отражение многие актуальные для своего времени течения: постмодернистские тенденции, авангардизм, литература поиска корней, магический реализм. Он затронул большое количество важных для своего времени тем.

Так, в переведенном автором статьи рассказе «Сверчки» 蛐蛐蛐蛐 (2000 г.) (毕飞宇, 2000). Би Фэйюй освещает довольно интересную традицию сверчковых боев, актуальную и по сей день. Центральной темой рассказа становится поверье о том, что сверчки — это души умерших людей, а их нрав после смерти полностью отображает человеческие качества при жизни и то, каким образом они умерли. Более того, считается, что по одному лишь стрекотанию насекомого можно понять каким человек был при жизни.

Главный герой, Эр Дай 二呆,является преемником этой древней традиции ловли сверчков. Из года в год он отлавливает сверчков для боев и известен тем, что все его сверчки становятся безоговорочными чемпионами. Многие хотят знать, какими принципами он руководствуется, выбирая сверчков. Эр Дая не волнуют физические параметры и особенности строения тела. Ночами он выбирается на кладбище и долго вслушивается в песнопения этих насекомых, «пристально разглядывает каждую живую душу» (盯着每一个活着的人), чтобы определить, кем человек мог быть при жизни, и как, соответственно, он сможет проявить себя на сверчковых боях. Продавая чемпионов, главный герой не только безбедно существует ближайший год, но и получает некий авторитет, временно избавляясь от статуса главного тунеядца и глупца деревни.

Не менее одержимыми поверьем о сверчках оказываются и местные жители: так, одинокая старушка, потерявшая дочь во время реконструкции переломного момента гражданской войны (форсирования Янцзы) не может смириться со смертью близкого человека и искренне верит, что если тело найдено не было, то остается только ждать, когда дочь вернется домой. Она безуспешно ведет беседы с её вещами и даже обращается к Эр Даю, чтобы тот отыскал сверчка с двойным веком, похожего на её красавицу-дочку Яо Мэй 幺妹.

Однако самого Эр Дая трагедия односельчанки интересует мало, он занят поиском совершенно другого сверчка – старика Сяо 小老头. При жизни человек этот был тихим и образованным, говорил на пяти языках и переехал загород при неизвестных обстоятельствах. Для деревенских жителей он был настоящей загадкой, они верили, что говорить на пяти языках можно только если во рту на самом деле не один язык, а целых пять. Пока была жива эта легенда, все его обсуждали, всем он был интересен, но когда однажды, прочитав письма, что пришли ему из города, старик заплакал, широко открыв рот, все убедились, что во рту у него, как у самого обычного человека, один язык, и забыли о его существовании. Вся работа, которую он проделывал в качестве часовщика школы, разом обесценилась, как и его жизнь. Старик Сяо умер самой

постыдной, по мнению местных жителей, смертью – в полном одиночестве. Эр Дай уверен, что именно встретивший такую смерть человек станет самым свирепым чемпионом сверчковых боев.

Одержимость мистицизмом делает их зацикленными на переживших свой век традициях и не способными сопереживать друг другу. Именно поэтому, когда городской житель, молодой и образованный учитель, коллекционер светящихся в темноте значков, Ма Гоцин 马国庆 вмешивается в многовековой традиционный уклад жизни местных жителей, это приводит к трагедии. Он в шуточной форме рассуждает о поверьях, говорит об исключительно материальной сущности сверчков, как насекомых. С пренебрежением относится к взгляду на традицию отлова сверчков, но и сам того не замечая, без памяти увлекается ими.

Однако, если для городского жителя новое увлечение скорее эксперимент и тяготение к своему прошлому, для главного героя Эр Дая это – его настоящее. Он живет верой в существование загробного мира, для него ловля сверчков – это не просто увлечение, а неотъемлемая часть быта, мировоззрения, жизни.

Отдельные штрихи к характеристике образов добавляет сравнение Эр Дая со сверчком. Автор пишет, что с наступлением осени он буквально перевоплощается: «У него отрастали когти, он появлялся как дух и исчезал как призрак, мог залезть в эти тёмные норы»(到了秋天他身上就会像蛐蛐那样，平白无故地长满爪子，神出鬼没，出入于阴森的洞穴). Посвятив свою жизнь поискам сверчков, главный герой забывает о том, что на самом деле является человеком, что изначально он задумывал ловлю сверчков только ради того, чтобы хотя бы раз в году почувствовать себя тем, чей авторитет непререкаем. К концу рассказа становится понятно, что Эр Дай стал одержим, потерял себя: «Теперешний Эр Дай и сверчок и человек, то есть он и не сверчок и не человек. Одна его нога стояла на границе светлого начала, а вторая уже была погружена в потусторонний мир» (现在的二呆既是一只蛐蛐又是一个人，或者说，他既不是一只蛐蛐也不是一个人。一句话，他的双脚一只脚踩着阳界，另一只脚彻底踏进了冥府).

Стоит отметить, что двойственность образа главного героя, который застрял между двух измерений, оказался на грани безумия, не понимая сверчок он или человек, выражается в редупликации слова «сверчок» 蛐蛐蛐蛐 в названии произведения.При жизни человек безразличен к чувствам и трудностям окружающих, жесток, сконцентрирован на себе, осторожен, в какой-то степени хладнокровен. Становясь сверчком, душа умершего перенимает те же качества, но при этом обличает их в более беспощадные реалии животного мира. С одной стороны «люди беспокоятся о том, что с ними будет после смерти и с того момента, как они превращаются в сверчков, уже никогда не забывают об осторожности и самозащите»(人们对自己的死后有一种深切的忧虑，人在变成蛐蛐的刹那始终不忘告诫自己：提高警惕，保卫自己), а с другой «как только человек умирает, все его обиды выходят наружу. И именно в этот момент человек становится сверчком, никто не видит его, а он кусает всех, кого встречает на

своём пути» (人一死所有的怨毒就顺着灵魂飘出来了。这时候人就成了蛐蛐，谁都不能见谁，一见面就咬).

Выше представленный материал позволяет сделать вывод о том, что фольклорные образы в современной прозе отражают актуальные и по сей день поверья, оказывают ощутимое влияние на социально-бытовой уклад общества, мировоззрение людей. Подобное культурное и литературное наследие объединяет пространства города и деревни, разделенное по культурным, идеологическим и экономическим причинам.

Список использованной литературы:

Мир забытых вещей / Ольга Прокофьева. М.: Кучково поле, 2017. 271 с.

Большая энциклопедия: В 62 томах. Т.44. М.: ТЕРРА, 2006. 590 с.

«Мы и Китай». 2018, №10 (24). 88 с.

Государственный музей искусства народов Востока. М.: Директ-Медиа: Комсомольская правда, 2012. 27 с.

Би Фэйюй цюйцюй цюйцюй (Би Фэйюй, «Сверчки») 毕飞宇 «蛐蛐蛐蛐» [Электронный ресурс]//Доу бань 豆瓣. Режим доступа: https://www.douban.com/note/660325443/ (дата обращения 02.20.2020)

Andrew Jacobs. Chirps and Cheers: China's Crickets Clash, The New York Times, 2011. [Electronic source] URL: https://www.nytimes.com/2011/11/06/world/asia/chirps-and-cheers-chinas-crickets-clash-and-bets-are-made.html (дата обращения10.04.2020)

Марина Чайка. В Китае всё популярнее становятся бои сверчков, Новости первого канала, 2014. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2014-12-07/30533-v_kitae_vsyo_populyarnee_stanovyatsya_boi_sverchkov (дата обращения 16.04.2020)

Перцева Виктория Андреевна
студентка 3 курса кафедры алтаистики и китаеведения
Казанского (Приволжского) федерального университета[1]

Экономическое взаимодействие Японии и Китая в начале XXI в.

В конце XX в. Япония вложила много средств в развитие экономики Китая. Произошёл быстрый рост торговли между этими странами, как следствие, японо-китайские экономические отношения стали развиваться в быстром темпе.

Экономические и торговые обмены между Китаем и Японией начались с трехсторонней торговли между Японией, США и Китаем, где особенно важную роль сыграла торговля между Японией и Китаем. Однако необходимо отметить, что доля Японии в импорте Китая, которая в 1998 г. составляла 20%, в настоящее время упала до 8,29% (171 млрд US$ на 2020 г.)[2], и кроме Японии существует большое количество партнеров по импорту. С другой стороны, доля импорта Китая в Японии возросла с 16,1% до 25% (163 млрд US$ на 2020 г.)[3]. Исходя из этого, отметим, что относительная позиция Японии снижается в условиях глобализации Китая.

В 1997 г. в Азиатско-Тихоокеанском регионе произошёл экономический кризис, от которого пострадали страны Азии и не только. Фактическую помощь государствам ЮВА оказали именно Япония и Китай, так как они были заинтересованы в партнёрстве с этими странами, в отличие от западных стран. Японские компании инвестировали в государства Юго-Восточной Азии около 2 млрд долл. в 2000 г. и технологии, более передовые, чем китайские, в январе 2002 г. (Журавлёва 2012, с. 121). Китай в свою очередь выделил 1 млрд долл. на поддержку экономик стран региона. Таким образом, Китай продемонстрировал свою поддержку по отношению к «другим странам в период финансового кризиса в Юго-Восточной Азии в 1998 г., а также в 2004 г. во время ударов цунами в Индийском океане, став «гарантом» безопасности и стабильности» (Ходова 2014, с. 152).

Также приведём ещё один пример активной борьбы КНР и Японии за влияние на страны АСЕАН. В 2000 г. КНР предложила странам АСЕАН создать зону свободной торговли. В 2002 г. было подписано Рамочное соглашение о всеобъемлющем экономическом сотрудничестве. Япония трактовала присоединение Китая к Балийскому договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии как попытку закрепиться на главенствующих позициях в Азии посредством налаживания экономических отношений со странами АСЕАН. В результате ответом Японии стало соглашение об экономическом партнерстве с АСЕАН.

---

[1] Научный руководитель — преподаватель Дарья Марсовна Ан.
[2] TrendEconomy. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://trendeconomy.ru/data/h2/China/TOTAL, свободный. (Дата обращения: 14.03.2021)
[3] Там же.

В марте 2005 г. Япония попыталась войти в число постоянных членов Совете Безопасности Организации Объединенных Наций (СБ ООН). Миллионы китайцев решительно протестовали против, что связано с воспоминаниями о японском вторжении и частичной оккупацией Китая во время Второй мировой войны. Почти в каждой провинции Китая прошли массовые демонстрации. Китайцы объявили бойкот использованию японского производства вплоть до полного отказа от них. Были проведены исследования на предмет взаимосвязи эффекта страны происхождения[4] и антияпонских настроений у китайцев. Данные по стране происхождения об отношении потребителей к японскому продукту собирались в одном из университетов на севере Китая дважды: сначала в марте 2005 г., а затем через два года после события в 2007 г. Выяснилось, что антияпонские тенденции оказали значительное влияние на усиление эффекта страны происхождения. Аналогично, намерение и вероятность покупки в разгар протестов были также значительно ниже, чем двумя годами позднее.

Конфликт вокруг островов Сэнкаку (кит. Дяоюйдао) стал новым поворотным моментом в ухудшении отношений между Китаем и Японией. С сентября 2012 г. острова фактически взяты под контроль Японии и входят в префектуру Окинава. Однако, несмотря на то что, по словам японских властей, острова Сэнкаку — частная территория, имя владельца не разглашается. Причиной такого длительного и активного спора является обнаружение в 1968 г. залежей природных ископаемых (нефти и газа), а также богатых рыбных ресурсов на островах, что представляет экономико-стратегический интерес для обеих сторон. Только после этого китайские власти заявили, что острова Сенкаку исконно принадлежат Китаю, так как ещё в древности они были обнаружены китайскими мореплавателями. Следствием спора стало снижение показателей китайско-японской торговли, а также прямых японских инвестиций в экономику Китая и замедление развития финансового сотрудничества. Эти события оказали негативное влияние на социально-экономическое благосостояние двух стран. Таким образом, с 2012 г. товарооборот между Китаем и Японией сокращался с каждым годом, и только в середине 2016 г. он незначительно восстановился[5].

А. С. Королёв в своей статье «Углубление японо-китайских противоречий» предлагает несколько вариантов развития будущего Китая и Японии: позитивный, нейтральный и негативный. Позитивный предполагает, что КНР и Япония смогут найти точки соприкосновения благодаря разнообразным площадкам многостороннего сотрудничества, таких как СМО АСЕАН+8, АТЭС, ВТО и т. д. Нейтральный подразумевает под собой, что отношения Японии и Китая будут оставаться

[4] Эффект страны происхождения (ЭСП) — это влияние, которое оказывает информация о стране происхождения товаров на предпочтения и выбор потребителя.

[5] Импорт Японии из Китая с 2011 по 2021 гг.: [Электронный ресурс]. // TradingEconomics. Режим доступа: https://tradingeconomics.com/japan/imports/china, свободный. (Дата обращения: 14.03.2021)

напряженными с некоторыми конфликтами в рамках двустороннего сотрудничества. Негативный вариант развития основывается на суждении о том, что «деятельность Китая по строительству искусственных островов в Южно-Китайском море приведет к формированию «антикитайского альянса» (Япония, США, Филиппины)». Движущей силой объединения станет Япония при активной поддержке США.

Сейчас идёт так называемая новая эра китайско-японских отношений. Это можно видеть по настроениям китайского народа по отношению к японцам. Японская газета The Japantimes в своём выпуске начала 2020 г. утверждает, что отношения стабилизировались, о чем свидетельствует визит Си Цзиньпина в Японию, и взаимный интерес стран к укреплению многосторонней торговли. «Есть признаки того, что экономическое сотрудничество между Китаем и Японией, застывшее в течение последних нескольких лет на фоне холодных двусторонних отношений, восстанавливается», — пишут японские журналисты.

Согласно прогнозу новой экономической ситуации, сотрудничество между Китаем и Японией всё ещё имеет прочную основу. Недавний опрос, проведенный Reuters [6] среди 500 экономистов по всему миру, показывает, что по темпам экономического роста Китай в этом году будет продолжать занимать первое место среди крупнейших экономик мира. В соответствии с этой тенденцией ожидается, что в торговых отношениях между двумя странами будет преобладать практическое и взаимовыгодное сотрудничество.

В июне 2019 г. «лидеры КНР и Японии Си Цзиньпин и Синдзо Абэ в ходе встречи договорились об укреплении сотрудничества на рынках третьих стран ради достижения более значительных результатов», — говорится в заявлении китайской стороны по итогам встречи в Осаке (Япония). Как следствие, в течение совещания Япония признала, что инициатива «Один пояс, один путь» является перспективной концепцией, которая может стать объединяющим звеном для различных регионов. Китай приветствовал активное участие японской стороны в реализации проектов инициативы.

В будущем Китай и Япония должны совместно продвигать сотрудничество и экономическую интеграцию в регионе, стремиться к скорейшему достижению всеобъемлющего и взаимовыгодного соглашения о свободной торговле и содействовать переговорам RCEP[7]. Обе стороны должны использовать возможность для укрепления координации и коммуникации вокруг основных международных торгово-экономических вопросов в рамках G20, а также АТЭС и ВТО, чтобы поддержать многостороннюю торговую систему. Как сообщает Reuters, в ноябре 2020 г.

---

[6] Reuters — международное агентство новостей: [Сайт]. Режим доступа: https://www.reuters.com/, свободный. (Дата обращения 14.03.21).

[7] Всестороннее региональное экономическое партнёрство (от англ. Regional Comprehensive Economic Partnership)

в Азии создали крупнейшую в мире ЗСТ, в число участников которой входит 15 стран, включая Японию и КНР[8].

9 июля 2019 г. Ву Сяоянь, китайский аналитик, опубликовала в журнале «Forward Economist» статью под названием «Тенденции развития двусторонней торговли между Китаем и Японией», среди которых назвала следующие:

Во-первых, Китай оказывает все большее влияние на внешнюю торговлю Японии. В последние годы Китай усилил свое влияние на японскую экономику, которое с 2015 г. превзошло влияние США, сообщает «Нихон Кэй симбун». По прогнозам японского экономического центра, к 2030 г. прирост потребительского спроса в Китае составит 4,6 миллиарда долларов, а экономический эффект Китая для Японии и стран Юго-Восточной Азии в 1,8 раза превысит экономический эффект США.

Во-вторых, дефицит торгового баланса Японии с Китаем продолжит сокращаться. В течение последних четырех лет внешнеторговый баланс двух стран значительно сократился. В будущем, японские компании сократят производство бытовой техники и товаров народного потребления в Китае, инвестиции в Китай все больше и больше будут фокусироваться на местных продажах.

В-третьих, внутренняя торговля между Китаем и Японией постоянно усиливается. В 2018 г. Япония экспортировала в Китай электромеханическую продукцию, что составляет более 40% от общего объёма. Видно, что данный вид товаров является основным пунктом торговли между Китаем и Японией. Внутренняя торговля между двумя странами улучшила свои показателей, и из-за расхождений в технологиях в будущем ожидается дальнейшее расширение внутренней торговли Китая и Японии.

В-четвертых, производство товаров высокого качества может стать основной точкой торговли. В настоящее время Китай реализует стратегию «Сделано в Китае 2025», в то время как Япония стремится содействовать экспорту робототехники и других сопутствующих товаров, развивать высококачественные медицинские инструменты. Обе страны стремятся найти новые способы экономического роста, повысить международную конкурентоспособность обрабатывающей промышленности, и таким образом имеют общие интересы.

В заключение отметим, что развитие китайско-японских отношений имеет решающее значение для экономической стабильности стран АТР. Проведённые исследования последних лет указывают на то, что торгово-экономические, политические и культурные отношения Китая и Японии стремительно развиваются в положительную сторону. С другой стороны, китайско-японские отношения носят волнообразный характер, поэтому, возможно, такой прогресс обусловлен ещё одним циклическим этапом, который является нормой для этих отношений. Хотя обе стороны всячески избегают напряженности, источники конфликтов, такие как исторические

[8] В Азии создали крупнейшую в мире ЗСТ [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.rbc.ru/economics/15/11/2020/5fb0bdb69a7947d5289e28e9, свободный. (Дата обращения 14.03.21).

проблемы и территориальные споры, остались. Кроме того, с ростом экономики и усилением военной мощи Китая политическая и экономическая структура стран Восточной Азии, которая опиралась на передовые промышленные ресурсы Японии и США для национальной обороны, может быть изменена. Следовательно, изменения в китайско-японских отношениях имеют глубокие последствия не только для экономик стран региона, но и для их политической системы.

Список источников и литературы:

Владимирова Д. А. Япония и Китай: межкультурный диалог // Ценности и смыслы. 2017. № 2. С.73–83.

Журавлёва Е.С. АСЕАН и Япония в период финансового кризиса в Юго-Восточной Азии// История и современность. 2012. № 4. С. 117—122.

Забровская Л. В. Особенности китайско-японских отношений: прагматизм Китая и лавирование Японии // Проблемы национальной стратегии. 2013. № 3 (18). С. 67–83.

Королёв А.С. Углубление японо-китайских противоречий // Актуальные проблемы Европы. 2016. №1. С. 117—131.

Ходова С.С. История развития взаимоотношений Китая и АСЕАН // Вестник Томского государственного университета. 2014. – № 388. – С. 148–154.

Juan (Gloria) Meng, Yan Meng, Matthew Tuingchi Liu. The Impact of Consumer Animosity on Country-of-Origin Effect: Evidence from the Political Event of Chinese Opposing Japan’s UN Bid // Journal of Euromarketing. 2012. № 21. p. 219–227.

Reuters — международное агентство новостей: [Сайт]. Режим доступа: https://www.reuters.com/, свободный. (Дата обращения 14.03.21).

TrendEconomy. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://trendeconomy.com/, свободный. (Дата обращения: 14.03.2021).

Петрова Александра Андреевна
студентка 4 курса кафедры истории стран Дальнего Востока
Восточный факультет СПбГУ[1]

«Инцидент 228» и его значение в истории Тайваня

28 февраля 1947 г на Тайване разразились антиправительственные выступления, за которыми последовали масштабные репрессии в отношении местного населения. Протесты явились реакцией граждан на злоупотребления со стороны новых властей в лице представителей партии Гоминьдан[2]. Описываемые события остались в истории как «Инцидент 228» (二二八事件) или «Инцидент 28 февраля», который на острове часто вспоминают как «бойню» (二二八大屠杀), «революцию» (二二八革命), «восстание» (二二八起义) и др. (Scott 2003, p. 109). «Инцидент» стал для местных жителей символом борьбы за свои права и свободы, а последовавший за выступлениями террор до наших дней остается крайне болезненной для тайваньцев темой.

Тайвань, оказавшийся под контролем Японии в результате Японо-китайской войны 1894-1895 гг.[3], оставался колонией в составе Японской империи на протяжении последующих 50 лет. Новая эра в истории острова началась с включения этих территорий в состав Китайской Республики после поражения Японии во Второй мировой войне.

Процесс становления на Тайване новой власти, представленной правительством Гоминьдана, оказался длительным и достаточно болезненным для местных жителей. При этом конфликт между администрацией Гоминьдана и коренным населением острова был по ряду причин неизбежен (Song Xiaokun 2009, p. 128).

За время японского управления Тайвань постепенно превратился в финансово независимую территорию с современной социальной, промышленной и военной инфраструктурой, со сформировавшимися приоритетными отраслями экономики. В политической сфере наблюдались постепенные послабления: на местах проводились прямые выборы, а административные должности могли занимать представители коренного населения (Selya 2004, p. 113).

В то же время континентальный Китай был истощен чередой войн и социальных потрясений (Scott 2006, p. 89). В этих условиях, с 1945 г по 1949 г, пока основные силы Гоминьдана базировались на материке, Тайвань оставался периферией, а его экономические ресурсы использовались гоминьдановским правительством в основном

---

[1] Научный руководитель — к. и. н. Сомкина Надежда Александровна.
[2] Гоминьдан 国民党, *букв.* — национальная партия) – правящая политическая партия в Китае в 1928–1949 гг., на Тайване — в 1949–1996 гг.
[3] Война Японии против империи Цин с целью установления господства в Корее и проникновения в Маньчжурию и Китай.

лишь для укрепления своих позиций в войне с КПК. Историки оценивают такой подход к управлению Тайванем как «полуколониальный» (Riggs 1952, p. 24). С целью поставить экономику острова на службу борьбе за власть на материке, правительство Гоминьдана присвоило все бывшие японские активы, а также экспроприировало местные предприятия (Козырев 1999, с. 52). Большинство тайваньских рабочих были заменены новыми мигрантами из континентального Китая, что лишило местных жителей их рабочих мест и разорило предприятия. Предпринимательская деятельность тайваньцев была поставлена под жесткий контроль государственных монополий. Население острова столкнулось и с продовольственным кризисом, который привел к резкой инфляции (Scott 2006, p. 93). Тяжелая экономическая обстановка усугублялась высокой коррумпированностью провинциального руководства в лице Генерального администратора Чэнь И[4] (Hung Chien-chao 2000, p. 247).

В сфере управления новое правительство выступало решительно против присутствия островитян на высоких административных постах. Особое место гоминьдановская администрация отводила политике в сфере образования и перевоспитания в духе «китаизации», в рамках которой официальным языком на острове провозглашался чуждый местному населению «государственный язык» - *гоюй* (国语), или *путунхуа* (普通话). Вскоре был введен запрет и на употребление японского языка, который до этого времени оставался инструментом общения в среде тайваньской элиты (Войтенко 2013, с. 19).

Реакция местного населения на подобные потрясения должна была рано или поздно вылиться в острый конфликт между тайваньцами и новоприбывшими мигрантами из Китая.

Непосредственным поводом к началу выступлений стало происшествие вечером 27 февраля 1947 г., когда несколько сотрудников Табачной и винной монополии Тайваня в Тайбэе задержали 40-летнюю вдову по имени Линь Цзянмай (林江迈), торговавшую контрабандным табаком у дверей чайного магазина “Тяньма-чафан” (天马茶房), и конфисковали всю ее продукцию. На крики задержанной сбежались многочисленные местные жители и прохожие. В суете один из агентов ударил женщину рукояткой пистолета по голове. Спасаясь от обозленной толпы, один из агентов смертельно ранил проходившего мимо мужчину по имени Чэнь Вэньси (陈文溪). К утру следующего дня стройные колонны протестующих, насчитывавшие около 2000 человек, уже двигались в направлении отделения Табачной и винной монопольной службы. Участники марша заявляли о своем осуждении действий агентов, требовали вынесения смертного приговора сотруднику, виновному в гибели прохожего, и отставки директора Монопольной службы (Hung Chien-chao 2000, p. 250). По дороге протестующие избили насмерть двух агентов, пристававших к торговцу. Участниками

[4] Чэнь И 陈毅 — губернатор (Генеральный администратор) Тайваня от Китайской Республики (1945—1947), член партии Гоминьдан.

выступлений было быстро захвачено отделение Монопольной службы. После полудня протестующим удалось ворваться в здание радиостанции и призвать население поддержать их выступление и добиться запрета на функционирование Монопольных служб. В то же время основная часть протестующих двинулась к Канцелярии Генерального администратора с требованием проведения реформ, однако по ним был открыт огонь из пулемета. В результате погибли по меньшей мере четыре человека. Это происшествие, известное как «Инцидент на площади», стало поворотным и в ходе протеста, и в исторической перспективе. Действия администрации явились для тайваньцев сигналом к началу гонений на всех новоприбыших выходцев из континентального Китая. Местные жители избивали мигрантов, в некоторых случаях жгли автомобили и громили дома чиновников. В тот же день власти ввели режим военного положения.

1 марта в здании Национального собрания началось обсуждение вопроса создания Комитета по урегулированию инцидента. Одновременно к генералу Чэнь И была отправлена делегация с требованием отмены военного положения (Hung Chien-chao 2006, p. 250). После встречи Чэнь И по радио обратился к гражданам с речью, которая вызвала у них еще бóльшее раздражение: он заявил, что инцидент будет исчерпан щедрой финансовой компенсацией; обвинил протестующих в разжигании беспорядков, но согласился отменить военное положение в полночь; объявил о планах по созданию Комитета по урегулированию происшествия, но не объяснил стрельбу по толпе. День спустя он пообещал амнистию для всех осужденных и немедленное освобождение всех задержанных, обязался выплатить компенсацию родственникам погибших и расширить состав членов Комитета (Hung Chien-chao 2006, p. 251).

Вести об инциденте быстро распространились по провинции. В целом островитяне выражали готовность мирно кооперировать с выходцами из континентального Китая. Во множестве городов мигранты с материка добровольно уступали свои посты коренным жителям. 5 марта Чэнь И в очередном радиовыступлении гарантировал населению расширение политических свобод: обещал реорганизовать возглавляемую им Канцелярию с помощью специально уполномоченных из числа коренного населения, провести местные выборы на всей территории Тайваня.

Так, к 5 марта казалось, что ситуация движется в сторону мирного урегулирования и расширения прав коренного населения острова. Однако их надежды были напрасны.

7 марта члены Комитета по урегулированию инцидента представили список из 42 широких требований, в частности включавших бóльшую автономию, свободные выборы, роспуск Командования гарнизонов Тайваня, освобождение политзаключенных, а также подчинения Армии Китайской Республики Комитету. Чэнь И отклонил все 42 пункта, охарактеризовав их как «призыв к мятежу».

В ночь с 8 на 9 марта на остров были высажены войска численностью более 10 тыс в порту Цзилуна[5] и более 3 тыс в Гаосюне[6], после чего по всей провинции начались жестокие преследования участников выступлений, в особенности членов Комитета и известных общественных деятелей, юристов, редакторов газет и предпринимателей. Многие задержанные были приговорены к смертной казни по обвинению в «военном преступлении». В этот же день Чэнь И объявил о роспуске Комитета. Вскоре войска расположились по всей территории острова, казни продолжались еще несколько дней с целью вселить в население страх и не допустить дальнейшего неповиновения.

17 марта министр государственной обороны Бай Чунси (白崇禧) прибыл в Тайбэй от лица нанкинского правительства и лично Чан Кайши и заверил население в дальнейших планах по реформированию провинциальной администрации. На этом череда убийств прекратилась, но осуждения и казни продолжались до конца года.

Данные относительно числа жертв репрессий со стороны властей в этот период значительно разнятся, но на данный момент тайваньские официальные СМИ сходятся на оценке в 20-30 тыс. погибших (Перминова 2016, с. 190).

«Инцидент 228» сыграл важную роль в дальнейшем развитии событий на Тайване. Антиправительственные выступления такого масштаба послужили поводом к последующим ужесточению политического режима, введению военного положения и проведению репрессий периода «белого террора»[7], охватившего 38-летний временной отрезок с 1949 по 1987 гг. С целью предотвратить консолидацию коренного населения по этнокультурному признаку, правительства Гоминьдана продолжило курс на насильственное внедрение китайского языка и классической китайской культуры. Как потрясения 1947 г. непосредственно, так и вышеописанная политика привели к усугублению взаимной неприязни коренного населения и выходцев с материка, сохранявшейся еще долгие годы. Однако «Инцидент» также можно считать первым значимым событием для общей истории тайваньцев и новых мигрантов из Китая. Память об «Инциденте 228» в итоге явилась фактором, в долгосрочной перспективе способствовавшим консолидации тайваньского общества, в настоящее время объединяющего как коренных жителей, так и выходцев с материка и их потомков.

Помимо прочего, репрессии в рамках описываемых событий сказались и на авторитете партии Гоминьдан и лично Чан Кайши. Это стало особенно очевидно в процессе политической демократизации Тайваня и рассекречивания документов, касающихся «Инцидента 228», в конце 1980-х гг., и в итоге привело к поражению кандидата от партии Гоминьдан на президентских выборах 2000 г. «Инцидент 228» и сейчас остается очень чувствительной для жителей Тайваня темой, продолжающей оказывать влияние на социально-политические и культурные процессы в обществе.

---

[5] Цзилу 基隆 - крупный портовый город, расположен на северо-востоке Тайваня.

[6] Гаосюнь 高雄 - город на юго-западе Тайваня, третий по величине город на острове.

[7] Байсэ кунбу 白色恐怖 - преследование политической оппозиции (левой и представляющей интересы коренного населения) на Тайване в период авторитарного правления партии Гоминьдан.

Список использованной литературы

Войтенко Э. М. Специфика становления государственной информационной политики Тайваня // Массмедиа зарубежных стран, 2013. № 4. С. 15-19.

Козырев В.А. Гоминьдан и разработка послевоенной экономической политики на Тайване (1945-1949 гг.) // Гоминьдан и Тайвань: история и современность, 1999. С. 47-63.

Перминова В. А. Преемственность моделей управления Тайванем в колониальный и постколониальный периоды // Тайвань под японским управлением: новые материалы и исследования / под ред. Э. В. Молодяковой. М., 2016. с. 179-194.

Hung Chien-chao. A History of Taiwan. Rimini: Il Cerchio, 2000. 367 p.

Riggs Fred Warren. Formosa under Chinese nationalist rule. New York: Macmillan, 1952. 195 p.

Scott Simon. Contesting Formosa: Tragic Remembrance, Urban Space, and National Identity in Taipak / Scott Simon // Identities, 2003. Vol. 10, №1. p. 109-131.

Scott Simon. Taiwan's Mainlanders: A Diasporic Identity in Construction // European Journal of International Migration, 2006. Vol. 22, №1. p. 87-106.

Selya Roger Mark. Development and Demographic Change in Taiwan. Cincinnati: World Scientific, 2004. 457 p.

Song Xiaokun. Between Civic and Ethnic: The Transformation of Taiwanese Nationalist Ideologies (1895 – 2000). Brussels: VUBPRESS Brussels University press, 2009. 246 p.

Пискун Александр Александрович
студент 3 курса
Филиал ДВФУ в г. Уссурийске (Школа педагогики)[1]

Поэзия Го Мо-жо в период Второй Японо-китайской войны и ее литературно-историческое значение

Го Мо-жо может быть признан главной фигурой в истории литературы Нового Китая, поскольку он является одним из создателей такого направления, как «социалистический романтизм» (Сорокин 2008). Нельзя сказать, что именно Го Мо-жо был основоположником такого вида литературы, однако стоит учесть, что именно он принимал важное участие в приобщении китайского народа к идеям Маркса и Энгельса, ведь проза и поэзия тоже являются важной частью агитации. Го Мо-жо по праву считается одним из видных литераторов 20-ого века, наряду с такими писателями левого толка, как Мао Дунь, Ху Е-пинь, Е Цзы, Чжан Тянь-и и др.

Некоторые вполне обоснованно называют Го Мо-жо «китайским Маяковским» (Болдырева 2020) за счет схожести их стилей и использования ритмики ударных строф. Но если политика Советской власти была настроена на мировую революцию, китайцы не ставили себе целью превращение всего мира в единый социалистический лагерь. Сперва было необходимо разобраться с распрями внутри страны между «гоминьдановцами» и коммунистами. Китайские поэты и прозаики с той и с другой сторон послужили неким «рупором идей», привлекая народ на одну или другую идеологическую баррикаду.

К сожалению, китайская история первой половины 20-ого века довольно мрачна. При «холодной» гражданской войне между сторонниками двух различных политических лагерей нет смысла говорить о сильном экономическом и военном развитии страны. Этим воспользовалась милитаристская Япония, начав оккупацию китайских территорий после Мукденского инцидента в 1931-ом году. Китайцы намеривались остановить японскую агрессию путем умиротворения Японии, однако такая стратегия оказалась провальной, и в 1937-ом году японские войска развертывают военные действия против Китая.

Китайский народ понимал, что, при всех политических разногласиях, внешний враг куда опаснее, поэтому два разрозненных лагеря объединились в единый фронт. Такой поворот событий повлиял и на китайскую литературу того времени: писатели сконцентрировались на создании произведений, поддерживающий дух китайцев. Одним из ярких литераторов времен Второй Японо-Китайской войны выступил Го Мо-жо.

[1]Научный руководитель — к. филол. н., доцент Оксана Павловна Шевчук.

Цель данной работы заключается в анализе сборников стихотворений Го Мо-жо «Голос войны» и «Цикады», определении их важности и ценности как для современников, так и для нынешнего читателя, а также выявление особенностей стиля Го Мо-жо как поэта военного времени.

Для начала стоит упомянуть, что особенность всех стихотворений поэта – это призыв к изменениям, призыв к борьбе со злом, как это можно особенно точно проследить в его произведении «Богини» (Маркова 1958, с. 51). Сборники «Голос войны» и «Цикады» не изменяют данному правилу, однако их смысл переходит в иную парадигму – от социалистической революции и гражданской войны к борьбе против японских захватчиков.

Ярче всего военный клич поэта представлен именно в первом сборнике – «Голос войны», который был создан в 1936-1937 годах, во время первого этапа войны между Китаем и Японией. Весь этот сборник можно разделить на две части – описательный блок и блок «призыва».

К описательному блоку, самому малочисленному, можно отнести такие стихотворения, как «Поэзия и оборона», «Ода к бешеной собаке», «Памяти Горького», «Голос войны» и «Вспоминаю Ляо Чжункая». Весь этот блок имеет свои отличительные стороны:

1) имеется какое-то событие, которое является отправной точкой для размышлений, а именно: объявленная китайскому народу и, вследствие этого, китайскому искусству угроза быть уничтоженными; обсуждение среди современников ключевых черт поэзии автора; смерть Горького; яростная война; покушение на Ляо Чжункая;

2) дается описание того, что каждый представленный случай значит лично для поэта. Здесь стоит акцентировать внимание на том, что Го Мо-жо высказывает личностную оценку этих событий. Так, например, в стихотворении «Поэзия и оборона» автор пишет: «Поэзия – это, в моем понимании, самая суть искусства…» (Го Мо-жо 1990, с. 86), или в «Оде к бешеной собаке» встречаются следующие строфы: «Но, если в стихах есть что-то собачье …, мои – не иначе, как бешеные собаки» (Го Мо-жо 1990, с. 89);

3) приводится описание происходящих событий «с третьей стороны», т.е. независимо от поэта. Независимо от поэта идет война, погибают люди, мастера слова создают свои произведения, современники олицетворяют стихотворения Го Мо-жо, и т.д.

Казалось бы, для Го Мо-жо довольно необычно писать об окружающей обстановке, дополняя это описание противоположными друг другу эмоциями – от ярой готовности сражаться до недоумения и переживания за свою страну. Такая палитра эмоций свойственна всей литературе военных лет, ведь каждую страну ждали свои победы и поражения, и если учесть китайский опыт тех лет, то положение в войне у Поднебесной было весьма пугающим – Китай не мог выковать победу, когда внутри

страны не было налажено стабильное военное производство, когда большая часть китайской военной техники была заграничной (Млечин 2013).

Блок «призыва» включает в себя остальные стихотворения сборника «Голос войны» и является более многочисленным, чем описательный блок. Хотя эта часть содержит куда больше произведений, они все обладают общими чертами:

1) Го Мо-жо призывает китайский народ к действию. Это может быть призывом бороться до конца, призывом объединиться и не сдаваться. Автор обращается к читателю не только от себя, но и от лица других людей, чьи мысли он представляет в поэзии: «Не задушить нас хлору, и не скрутить бациллам», «И верим мы: сметем врага», «Знайте, решимость твердо держаться – неколебима!» и т.д.

2) Противник выступает монстром для всего народа. Он обезличен, и он не имеет положительных качеств. В стихотворениях блока «призыва» милитаристская Япония предстает лишь только под одним словом – «враг». Например: «Жестокий враг вопит одно: «Убей!» или «…В бомбовых взрывах с врагами насмерть деремся».

3) Автор описывает китайский народ как миролюбивый, который принудили начать воевать, но ради своей страны этот народ готов пожертвовать жизнью: «Стремление к миру – вот черта людей моей страны», «Всего себя отдай своей стране», «Китайцы стремятся к миру…, нет иного пути» и т.д.

По вышеперечисленным признакам можно сделать вывод, что поэзия Го Мо-жо времен войны с Японией очень похожа на фронтовую советскую поэзию во время Великой Отечественной войны, когда советские поэты так же писали о жестокости врага, миролюбии советского гражданина и готовности того умереть за Родину.

Однако, если в советской литературе есть место трагичным сюжетам, как, например, в произведении А. Твардовского «Я убит подо Ржевом», то у Го Мо-жо освободительная война сопровождается торжественными нотами, как, например, в стихотворении «Прелюдия»:

Грохочут раскаты народной войны,
Песня, звучи как предвестник!
Вражьи орудия заглушены
Звонкою силой песни… (Го Мо-жо 1990, с. 92).

Китай во время войны с Японией познал такие же ужасы войны, как и СССР во время войны с Германией, однако в сборнике «Голос войны» нет трагедии, есть только готовность народа стоять до конца, готовность сражаться. Так, в произведениях «Радостный залп в честь возрождения нации» и «Великая китайская стена из плоти и крови» Го Мо-жо вспоминает оборону Шанхая, причем описывает эти события как подвиг китайского народа, хотя официально битва за Шанхай была проиграна:

Но вспомни битву за Шанхай. Каков ее исход?
Мы не чванливы и совсем у страха не в плену.
И верим мы: сметем врага, спасем свою страну… (Го Мо-жо 1990, с. 95).

Го Мо-жо описывает в «Голосах войны» китайский народ как народ стойкий, мужественный, возвышая моральные качества китайской нации над японцами.

Однако, как только читатель переходит к сборнику «Цикады», видна совершенно другая картина. Хотя тема войны с Японией затрагивается в трех стихотворениях, лишь одно из них написано в ярких тонах – «Слава Советской Красной Армии». В нем автор сравнивает красноармейцев с «фениксом, вечно живым и светлым» (Го Мо-жо 1990, с. 98). Го Мо-жо восхваляет подвиг советского солдата, прошедшего трудный путь в войне с нацизмом, и надеется, что такой же подвиг совершит китайская армия, «спев песню победы в Пекине».

Произведения «Пирамида Зла» и «Мать китайца» имеют более мрачный, более страшный оттенок. Хотя автором и не овладевают панические предубеждения, читатель не видит того пафоса, который он мог наблюдать в «Голосах войны». Го Мо-жо даже задает себе вопрос: «Почему же так темно и туманно в этот ясный и знойный день?». Противопоставление – любимый способ китайских поэтов передать переживания героя, но здесь Го Мо-жо использует данный литературный компонент для более выразительной окраски тревожных дней войны. Более того, Го Мо-жо пишет:

Есть только гнев – но нет скорби,
Есть только пламя – но нет воды… (Го Мо-жо 1990, с. 97).

Автор не видит в войне гармонии, не видит Инь и Ян. И все военные преступления, совершенные японцами, предстают в его глазах как «пирамида, сложенная из преступных дел». Интересно отметить, что автор использовал для описания преступлений именно пирамиду, а не стену. Возможно, он хотел этим подчеркнуть иерархическую систему приказов от вышестоящих чинов, после которых японцы творили ужасные вещи, и тем самым Го Мо-жо показал огромный размер грехов японской армии перед китайским народом.

Стихотворение «Мать китайца» знакомит читателя с более личной трагедией – трагедией матери, чей сын был ранен на войне, а муж погиб. Мать обвиняет Восток и Запад в произошедшем. В Востоке читатель явно видит Японию: «…палач, рожденный на Востоке». Про Запад здесь сказать труднее, ведь он затронут в таких строках, как: «Кто убийца, злобный и жестокий? Западный бесшумный пистолет» и «Запад – демократии простор?» (Го Мо-жо 1990, с. 102). Скорее всего, имеется в виду не только Германия, союзница Японии во времена Второй Мировой войны, но и вся Западная Европа в целом. Для матери идея о силе демократии перед реальной угрозой – просто вздор, который ничего не стоит. Она ставит себе цель – «дать отпор убийцам», ведь никто, кроме нее, не сможет этого сделать.

Таким образом, мы наблюдаем переход от более пафосных, ударных строф «Голосов войны» к более приглушенным, жестким строкам «Цикад», где ненависть к врагу можно встретить в каждой строчке, где грусть для китайского народа стала реальностью.

За счет этого изменения можно ставить параллель между самим Го Мо-жо и настроениями в китайском народе. Если сначала боевой дух солдат был высок, ведь они верили, что, будучи слабыми технологически, они превзойдут врага, поскольку обороняют родное государство, то затем эти настроения начали угасать, когда Китай столкнулся с многочисленными поражениями в войне и оккупацией обширной территории японскими войсками.

Сборники Го Мо-жо «Голос войны» и «Цикады» представляют собой ценность и литературную, и историческую. За счет смешения двух компонентов – искусства и войны, читатель наблюдает все те изменения, которые происходили в китайском сознании, когда этот народ оказывался перед лицом страха и ужаса того времени. И даже в таких трагических ситуациях китайцы верили, что рано или поздно они изгонят врага с территории своей Родины.

Список использованной литературы

Болдырева Е.М. Российско-китайский культурный диалог: Го Можо – «Китайский Маяковский» [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека «eLIBRARY». Режим доступа: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44014504 (дата обращения: 15.02.2021).

Го Мо-жо. Сочинения: Стихотворения; Драмы; Повести и рассказы / Пер. с кит.; Редкол. Г. Гоц, Л. Делюсин, Д. Мамлеев и др.; Сост. и вступ. статья Н. Федоренко. М.: Худож. лит., 1990. 623 с.

Маркова С.Д. Китайская поэзия в период национально-освободительной войны 1937-1945 гг. / Акад. Наук СССР. Ин-т китаеведения. М.: Изд-во вост. лит., 1958. 139 с.

Млечин Л. Китай – Япония: столетняя война [Электронный ресурс] // Видеохостинг «YouTube». Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=lbZXvQLeqfQ (дата обращения: 17.02.2021).

Сорокин В.Ф. Го Мо-жо. Биография [Электронный ресурс] // Синология.ру: История и культура Китая. Режим доступа: https://cutt.ly/ukPhd5E (дата обращения: 15.02.2021).

Сорокин В.Ф. Литература Нового Китая (1917 – 1949) [Электронный ресурс] // Синология.ру: История и культура Китая. Режим доступа: https://cutt.ly/JkPgKti (дата обращения: 17.02.2021).

Черепанов А.И. Записки военного советника в Китае. М.: «Наука», 1964. 288 с.

Подгорнов Дмитрий Сергеевич
студент 3 курса кафедры филологии ЮВА
Восточный факультет СПбГУ[1]

Семантика субстантиваторов в бирманском языке

Субстантивация – это переход слов других частей речи в разряд имен существительных. Данное явление можно разделить на два вида: субстантивация путем конверсии (то есть без использования специальных формантов) и субстантивация с использованием морфем. В бирманском языке конверсивная субстантивация встречается редко. В. Б. Касевич приводит единственный пример такого вида субстантивации: слово ထွန် /thun[2]/, которое одновременно имеет значение «борона» и «боронить, обрабатывать землю». [2] При этом широкое применение имеет субстантивация с использованием специальных морфем- субстантиваторов.

В бирманском языке используются два вида таких морфем: субстантиваторы, произошедшие от знаменательных морфем, и чисто служебные элементы.

Вопрос субстантивации глаголов затрагивается в двух работах: в упомянутой выше работе В. Б. Касевича и в грамматике Матиаса Дженни[3]. Авторы упомянутых работ выделяют разный список морфем, использующихся для субстантивации глаголов. Несмотря на то, что оба исследователя включают в состав субстантиваторов обе вышеуказанные разновидности субстантиваторов, они не оговаривают, какие из них являются чисто служебными единицами, а какие восходят к знаменательным морфемам. Ниже будут рассмотрены только те субстантиваторы, которые происходят от знаменательных морфем.

В списке обоих исследователей таковыми являются: ခြင်း /chin[3]/, произошедший от အခြင်း /achin[3]/ «дело, поступок, факт»[4], ရေး /jei[3]/ от အရေး /ajei[3]/ - «дело, проблема», မှု /hmu[1]/ от အမှု /ahmu[1]/ - «дело», ချက် /cheʔ/ от အချက် /acheʔ/ - «дело, событие, факт». При употреблении вышеуказанных знаменательных морфем в качестве субстантиваторов утрачивается префикс «а», который необходим при самостоятельном употреблении данных формантов.

---

[1] Научный руководитель – д. филол. н. Рудольф Алексеевич Янсон.
[2] Касевич В. Б. Краткий очерк грамматики бирманского языка // Бирманско-русский словарь: около 29000 слов / под редакцией Г. Ф. Мининой, У Чо Зо – М. : Русский язык, 1976., с. 741
[3] Jenny, Mathias. Burmese. A comprehensive grammar / Mathias Jenny, San San Hnin Tun – London; New York :Routledge, 2016, p. 21
[4] Перевод знаменательных слов, от которых произошли субстантиваторы, дается по бирманско-русскому словарю Г. Ф.Мининой (Бирманско-русский словарь: около 29000 слов / под редакцией Г. Ф. Мининой, У Чо Зо – М. : Русский язык, 1976.)

Исследователи следующим образом описывают семантику, возникающую при употреблении того или иного субстантиватора с глаголами:

Субстантиватор ခြင်း /chin^{3}/, по мнению Матиаса Дженни, используется для образования имен, которые отражают акт совершения какого-либо действия (the act of V-ing). В. Б. Касевич определяет его как субстантиватор, в наибольшей мере сохраняющий процессуальное значение глагола.

О субстантиваторе မှု /hmu^{1}/ Матиас Дженни пишет, что он выражает состояние или наличие чего-либо. (a state, condition, or property)

Субстантиватор ချက် /cheʔ/ используется для образования имен, выражающих факт совершения какого-либо действия или его результат(‘fact of V-ing’ or ‘result of V-ing’).

Субстантиватор ရေး /jei^{3}/ образует имена со значением «дело, вопрос, касающийся V» и, возможно, сохраняет свое первоначальное значение «дело, вопрос, проблема». (‘affairs concerning X’ or ‘matters of X’)

В. Б. Касевич не оговаривает индивидуальную семантику этих субстантиваторов, а ограничивается следующим высказыванием о них: «употребление субстантиваторов ရေး /jei^{3}/, မှု /hmu^{1}/, ချက် /cheʔ/, дает как бы название действия, причем в случае ချက် /cheʔ/ имеется в виду конкретный акт действия»[5].

Поскольку субстантиваторы происходят от знаменательных морфем, следует предположить, что семантика этих морфем отражается в составе образования «глагол + субстантиватор». Иными словами, можно предположить, что субстантиваторы функционируют в рамках определённого семантического класса глаголов и не носят универсального характера.

Заметим, что Н.И. Носова утверждает, что лексическое значение данных субстантиваторов максимально ослабленно.[6]

Чтобы выяснить, существует ли какая-либо корреляция между субстантиватором и соответствующим семантическим классом глагола, была проделана следующая работа. Поскольку в большинстве своем субстантиваты используются в прессе и в официальных документах, их количество в художественной литературе представлено не столь широко. Поэтому мы составили выборку субстантиватов из преимущественно материалов прессы.

Проанализировав выборку на материале объемом примерно в 100 000 знаков, мы не смогли обнаружить какую-либо закономерность в использовании субстантиваторов

[5] В.Б Касевич, OP.CIT, с.741

[6] Носова Н. И. Отграничение отглагольных имен от сочетания глагол + имя в бирманском языке // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Тезисы докладов III годичной научной сессии ЛО ИНА. Май 1967 года. Ленинград, 1967. С. 96—97

с точки зрения их привязанности к какой-либо семантической группе глаголов. Выяснилось, что самым частотным субстантиватором является субстантиватор မှု /hmu^{1}/ от အမှု /ahmu^{1}/ - «дело», с ним мы обнаружили 96 субстантиватов. Второй по частотности - ခြင်း /chin^{3}/ от အခြင်း /achin^{3}/ в значении «дело, поступок, факт» (66 субстантиватов), третий - ရေး /jei^{3}/ от အရေး /ajei^{3}/ - «дело, проблема» (34 субстантивата), четвертый - ချက် /cheʔ/ от အချက် /acheʔ/ - «дело, событие, факт» (28 субстантиватов).

На основании этих данных можно сделать предварительный вывод о том, что субстантиватор မှု /hmu^{1}/ в наибольшей степени утратил свою связь со знаменательной морфемой အမှု /ahmu^{1}/ - «дело». Соответственно, можно предположить, что чем менее частотен субстантиватор, тем больше он сохраняет связь с лексическим значением морфемы, к которой восходит.

При этом при анализе мы обнаружили, что один и тот же глагол может употребляться с двумя или тремя разными субстантиваторами. Например, глагол လေ့လာ /lei^{1}la^{2}/ «изучать» встретился с субстантиваторами ခြင်း /chin^{3}/, မှု /hmu^{1}/, ချက် /cheʔ/. При этом контекст не помогает установить причину, по которой в каждом случае употреблен тот или иной субстантиватор, а также усмотреть в этих разных употреблениях семантическую разницу, что может свидетельствовать о том, что субстантиваторы окончательно грамматикализовались и потеряли свое изначальное лексическое значение при использовании в функции субстантиватора. Примеры использования разных субстантиваторов с глаголом လေ့လာ /lei^{1}la^{2}/ «изучать» приведены ниже.

1) အချို့သော **လေ့လာချက်**များ အရ ကမ္ဘာကြီး. ပူနွေးမှု သည် ...

/achou^{1}θo^{3} lei^{1}la^{2}cheʔmja$^{3.}$ aja$^{1.}$ kaba^{1}kyi^{3} pu^{2}nwei^{3}hmu^{1} θi^{2}/

(Некоторые исследования согласно Земля теплота пок-ль. подл.)

Согласно некоторым исследованиям, глобальное потепление …

2) ၂၀၀၀ ပြည့်နှစ်. နောက်ပိုင်း **လေ့လာမှု**တွေ. အရ …

/ 2000 pjei^{1}hniʔ nauʔpain^{3} lei^{1}la^{2}hmu^{1}twei$^{2.}$ aja^{1} /

2000 год конец исследования согласно ….

Согласно исследованиям, проведенным в конце 2000 года

3) … ခိုး၊ အင्ဂေ့ကို **လေ့လာခြင်း**တို့ လုပ်ဆောင်မည် ဖြစ် သည်။

/khou^3	angwei^{1}kou^2	lei^{1}la^{2}chin^{3}tou^1	louʔhsaun^{2}mi^2	phiʔ	θi^2/
Дым	пар	исследования	осуществление	будет	финит.

Будут проведены исследования дыма и пара.

Поскольку анализ не позволил убедительно определить, сохраняют ли субстантиваторы свое изначальное значение или нет, мы провели следующий эксперимент с носителями языка. Мы предложили трем носителям языка по 10 одинаковых реальных предложений с замененными субстантиваторами и попросили исправить ошибки, если таковые имеются.

В результате, в большинстве своем носители языка одобряли проведенные нами замены субстантиваторов. Один из них одобрил все замены, второй внес 2 изменения, третий – одно. Так, один из них заменил в слове «свобода» လွတ်လပ်မှု /luʔlaʔhmu^1/ субстантиватор မှု /hmu^1/ от အမှု /ahmu^1/ - «дело» на субстантиватор ရေး /jei^3/ от အရေး /ajei^3/ - «дело, проблема». Два носителя заменили в слове «связь, отношения» ဆက်ဆံခြင်း /hseʔhsan^{2}chin^3/ субстантиватор ခြင်း /chin^3/ от အခြင်း /achin^3/ «дело, поступок, факт» на субстантиватор ရေး /jei^3/ от အရေး /ajei^3/ - «дело, проблема».

С учетом того, что эксперимент носил ограниченный характер, можно сделать только лишь предварительный вывод, что субстантиваторы грамматикализовались и потеряли свою связь с изначальным значением. С другой стороны, те случаи, когда субстантиваторы были восстановлены носителями языка, говорят о том, что некоторые субстантиваты приобрели статус устоявшихся терминов. Так, субстантиват «свобода» и «связь» могут использоваться только с субстантиватором ရေး /jei^3. Можно предположить, что субстантиватор ရေး /jei^3/ самый устойчивый, поскольку носители не допустили его замены каким либо другим субстантиватором.

В отношении остальных субстантиваторов мы не можем сделать аналогичных выводов.

Мы также провели эксперимент, в ходе которого убрали из 10 реальных газетных предложений субстантиваторы и попросили трех носителей языка на места пропусков вставить необходимые субстантиваторы, чтобы понять, действительно ли субстантиваторы универсальны.

В результате эксперимента носители языка восстанавливали оригинальные субстантиваторы на местах пропусков. Исключение составили следующие глаголы: တောမီးလောင် /to^{3}mi^{3}laun^2/ «горит лес», в котором один бирманец предложил два варианта субстантиватора: မှု /hmu^1/ и ခြင်း /chin^3/; глагол လေ့လာ /lei^{1}la^2/ «изучать», в

котором два носителя вставили два варианта субстантиваторов: မှု /hmu^{1}/ и ချက် /cheʔ/; глагол လုံခြုံ /loun^{2}choun^{2}/ «быть безопасным», в котором один бирманец предложил субстантиваторы မှု /hmu^{1}/ и ရေး /jei^{3}/. При этом во всех этих случаях один из вариантов совпадал с оригинальным субстантиватором в примере из газеты.

Проанализировал результаты проведенных нами экспериментов, можно сделать вывод, что в бирманском языке существуют термины, которые образуются с конкретным субстантиватором и, соответственно, не допускают никакой замены. К таким терминам относятся, например, слова လွတ်လပ်ရေး /luʔlaʔjei^{3}/ «свобода», ဆက်ဆံရေး /hseʔhsan^{2}jei^{3}/ «связь», စီးပွားရေး /si^{3}bwa^{3}jei^{3}/ «экономика», ချစ်ကြည်ရေး /chiʔkyi^{2}jei^{3}/ «дружба». В других случаях субстантиваты образуются на основании индивидуального представления говорящего о соответствии семантики субстантиватора семантике субстантивируемого глагола. Таким образом, за некоторыми глаголами закреплены некоторые субстантиваторы, и такие образования являются в языке уже устоявшимися терминами. При этом определить какую-либо связь между семантическим классом глагола и конкретным субстантиватором практически невозможно, поскольку в единичных образованиях носители языка выбирают субстантиватор исключительно основываясь на своих индивидуальных представлениях.

При этом стоит указать, что согласно бирманско-русскому словарю, на который мы уже ссылались в работе, субстантиватор မှု /hmu^{1}/ является фактически обязательным в криминальной и судебной лексике. Примером таких субстантиватов являются слова သတ်မှု /θaʔhmu^{1}/ «убийство», ခိုးမှု /khou^{3}hmu^{1}/«кража», စစ်ဆေးမှု /siʔhsei^{3}hmu^{1}/ «расследование».

Список использованной литературы

Mathias Jenny, San San Hnin Tun. Burmese. A comprehensive grammar. London; New York: Routledge, 2016.

Касевич В. Б. Краткий очерк грамматики бирманского языка // Бирманско-русский словарь: около 29000 слов / под редакцией Г. Ф. Мининой, У Чо Зо. М.: Русский язык, 1976.

Носова Н. И. Отграничение отглагольных имен от сочетания глагол + имя в бирманском языке // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Тезисы докладов III годичной научной сессии ЛО ИНА. Май 1967 года. – Ленинград, 1967.

Бирманско-русский словарь: около 29000 слов / под редакцией Г. Ф. Мининой, У Чо Зо. М.: Русский язык, 1976.

Прощенко Анна Юрьевна
студентка 3 курса кафедры Тихоокеанской Азии
Дальневосточный Федеральный университет[1]

К вопросу о роли албазинцев в становлении российско-китайских отношений

Мир богат разнообразием взглядов и мнений. Любая проблема, любой вопрос, любое событие можно рассматривать с нескольких сторон. То же самое касается истории: исторических событий, периодов и персонажей. У каждого народа складывается своя уникальная историческая картина мира. Во-первых, центром этой картины является свое родное государство. Во-вторых, трактовка и оценка исторических событий может значительно отличаться. В-третьих, зачастую историческую картину мира другого народа можно узнать лишь одним способом – обратиться к источникам на языке этого народа.

В условиях, когда сотрудничество России и Китая в сферах политики, экономики и культуры активно развивается, актуальными становятся вопросы истории развития отношений между странами. Освоение Дальнего Востока и первые контакты между Россией и Китаем являются яркой страницей в становлении отношений и довольно подробно описаны в русских источниках. Кем же предстают перед нами абазинцы, если мы обратимся к источникам на русском языке?

Российский взгляд: для начала нельзя не упомянуть о том, что присоединение к России Амура (как, впрочем, и других Дальневосточных земель) рассматривается как подвиг людей, которым пришлось преодолеть столь огромные расстояния, идти на свой страх и риск, терпя лишения. Достаточно вспомнить походы В.Д. Пояркова и Е.П. Хабарова. Само основание Албазинского острога (1650 г.) – это важный стратегический ход.

Безусловно, почти во всех источниках указывается (например, в статье «Албазинцы и другие русские, которых мы не знаем» или «Албазинцы: как потомки казаков стали жителями Китая»), что основное население острога составляли казаки, у которых были какие-либо проблемы с законом и которые могли доставлять хлопоты местному населению: грабежи, разбой и т.д. Однако жалобы на русских людей со стороны местного населения считаются далеко не основными причинами маньчжурской агрессии. Китай не мог допустить, чтобы потенциально опасное государство крепло на приграничных территориях. Кроме того, русские занимали важные источники поступления ценной пушнины, препятствовали эксплуатации местного населения, а вожди местных племен добровольно со своими людьми переходили на сторону русских. Китай хотел всеми силами остановить эти процессы.

[1] Научный руководитель – канд. ист. наук Владимирова Диана Альбертовна

Русские источники очень красочно описывают осаду Албазина, защитники которого мужественно сражались. Подчеркивается, что изначально они были в менее выгодном положении: 826 защитников, вооруженных всего 3 пушками и 3 ружьями, против 10-тысяной армии противника. Тем не менее, очень долгое время албазинцы не сдавались, пока на поле боя не полегло почти все население.

По одной версии, после падения острога они были уведены в китайский плен насильно, а по другой – пошли добровольно под страхом новых лишений. Таким образом, они сформировали первую русскую диаспору.

Албазинцы были приняты очень хорошо: они вошли в состав маньчжурских войск (их причислили к потомственному военному сословию) и охраняли северо-восточную часть городской стены города, они имели земли, жен, их снабжали продовольствием и стабильным жалованьем, специально для их религии была выстроена православная часовня. Со временем эти люди неизбежно «окитаизировались», так как влияние среды, в которую они попали было слишком велико. Они осваивали китайский язык, местные традиции и обычаи, многие из казаков даже решили принять одну из местных религий. Подписание Нерчинского договора в 1689 году хоть и оценивалась в первую очередь как неудача для России, но все же служило пусковым крючком для развития торговли и дипломатии между странами. В этом процессе на албазинцах в первую очередь лежала языковая миссия. Они успешно помогали русским купцам совершать торговые сделки (переводили и объясняли тонкости местного менталитета). Кроме того, есть сведения, что албазинцы обучали китайских детей в школах русскому языку, а также разрабатывали первые учебники. Эта школа была открыта при Дворцовой канцелярии, туда осуществлялся жесткий отбор, а обучение проходило трудно. Однако именно Дворцовая канцелярия подготовила первых русско-китайских переводчиков Ма Ца, У Митай и др.

Отдельной заслугой албазинцев считается их роль в Российской духовной миссии (далее – РДМ), наиболее вероятной причиной организации которой было стремление укрепить связи между Россией и Китаем. РДМ является важной и яркой страницей в истории становления русско-китайских отношений. Инициатором этого стал сам Петр I. Церковь должна была стать тем, что помогло бы наладить связи, а священнослужители в данном случае должны были играть роль дипломатов. Но кем же были албазинцы? Албазинцы стали инструментом: в России были недовольны тем, что многие албазинцы отошли от православия, а приезжие купцы были недовольны состоянием православной церкви в Пекине, так как в ней не было возможности по всем правилам проводить довольно сложные религиозные обряды. Таким образом, ситуация повернулась так, что именно по инициативе албазинцев Россия должна прислать в Китай священников, что именно они нуждаются в религиозной поддержке. Так как в Китае не увидели политического контекста, было решено пойти навстречу желаниям албазинцев.

На протяжении долгих лет РДМ выполняла функции неофициального дипломатического представительства в Китае. Это способствовало развитию дружеских отношений между странами. Участники миссии проводили служения, хлопотали о строительстве православных церквей, обучали русскому языку, способствовали возникновению у китайцев интереса к русской культуре. Именно участники РДМ заложили основы отечетсвенного китаеведения.

Таким образом, для России албазинцы – это люди, которые смогли приоткрыть Китаю русскую душу и оказывали помощь и поддержку русским людям, впервые оказавшимся на территории Поднебесной.

Китайский взгляд: освоение Приамурья является вторжением в исконно китайские земли. Россия – агрессор, Китай – жертва. Албазин (по-китайски Якса 雅科萨) – это символ экспансии России. Китайские источники утверждают, что бассейн Уссури с глубокой древности был местом трудовой деятельности предков китайцев. Поярков и Хабаров не герои, а агрессоры. Хабаров силой захватывает Якса, переименовывает в Албазин, делает основным опорным пунктов и передает оскорбительное письмо от русского царя, где говорится, что китайцы должны подчиниться ему, либо умереть. Следовательно, захват Албазина – это подвиг для Китая, он возвратил часть захваченных земель, добился справедливости и потому получил поддержку местного населения приграничных районов.

Сами пленные албазинцы в основном не рассматриваются как положительные персонажи. Они являются предателями, их «окитаизация» - скорее упадок и прежде всего это проявляется в утрате своего языка. Что касается императорской милости, то и здесь все не так однозначно. Жены, подобранные русским казакам, были задержанными преступницами, их моральные качества считались «ненамного выше, чем у их мужей». Они были такими же отступницами от закона.

Императорское жалованье нельзя считать достаточным. Годовая зарплата при династии Цин распределялась равномерно и была очень маленькой. Из-за этого албазинцы тайно продавали своих жен и детей и занимались делами вне закона.

Военные чины также были дарованы не с исключительно чистыми помыслами. Албазинцев использовали против русских, которые при виде своих соотечественников бросали оружие и прекращали бой.

В китайских источниках можно найти сравнения абазинцев с птицами в клетке. Указывается, что в России были огорчены их китаизацией. Российские миссионеры пытались «спасти заблудших ягнят».

Таким образом, мы видим, что точки зрения России и Китая отличаются. В России образ албазинца и процесс освоения земель на Дальнем Востоке имеет скорее положительную оценку, тогда как в Китае преобладает отрицательная оценка. С точки зрения России, албазинцы героически защищали крепость. Они значительно уступали по количеству и оружию, однако мужественно выстояли, так как на их стороне были правда и Бог. Основная причина маньчжурской агрессии – это желание императора

занять эту территорию и получить доступ к местным ресурсам и населению. В Пекине албазинцы были приняты хорошо и получили все необходимое для достойной жизни. Они начали заниматься просветительской деятельностью, изучали язык и традиции, знакомили местное население с русской культурой. Албазинцы открыли для России окно в Китай, ведь они помогали русским купцам и благодаря им состоялась Российская Духовная миссия.

С точки зрения Китая, Россия – это агрессор, занявший исконно китайские территории. Маньчжуры смогли победить и занять крепость, потому на их стороне были правда: Китай смог не только добиться справедливости, но и остановить тиранию России в отношении местных народов, постоянно жаловавшихся на русских. Албазинцы – это предатели Родины, утратившие русский дух и язык. Они были уведены в Пекин, чтобы стать оружием в руках императора против своих же соотечественников. Их жены были такими же отступницами от закона, а жалованья катастрофически не хватало. В связи с этим албазинцы занимались не только укреплением отношений, но и разбоем и грабежом.

Тем не менее, имеются точки соприкосновения двух мнений. И Китай, и Россия признают этот этап очень важным в истории становления отношений между странами. Китай много говорит о религии, Россия – о языке и обычаях. И российская, и китайские стороны не отрицают как положительные, так и отрицательные стороны в роли албазинцев в истории становления российско-китайских отношений.

Список источников, литературы и электронных ресурсов

Албазинцы и другие русские, которых мы не знаем [Электронный ресурс]. URL: https://russian7.ru/post/albazincy-kak-potomki-kazakov-sdelal/

Албазинцы: как потомки казаков стали жителями Китая [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://russian7.ru/post/albazincy-kak-potomki-kazakov-sdelal/

Дин Шу Цинь. Преподавание русского языка в Китае в начале XVIII в. // Вестник СПбГУ. Язык и литература, 2008, №4. с. 27-31.

Рычило, Б.П. Русские в Пекине / Рычило Б.П., Солнцева М.В. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.abirus.ru/content/564/623/626/632/745.html

Тань, Тяньюй. Начало русских православных миссий в Пекине // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015, №3, с. 23-30.

煮酒君. 黄色俄罗斯人——阿尔巴津人 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://net.blogchina.com/blog/article/2821085

张志鹏. 东正教大牧首访华展示主权平等下的宗教外交走向 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fjnet.com/typly/plywzh/201305/t20130528_209332.htm

清朝八旗里那些住罗刹庙的俄罗斯人，最后命运如何？ [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1594655050636784953&wfr=spider&for=pc

阿尔巴津人：为大清军队服役的俄罗斯士兵 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.cqcb.com/wenshi2/dalishi/2019-05-06/1602652_pc.html

Пудова Арина Вячеславовна
студентка 4 курса кафедры востоковедения и африканистики
Гуманитарный институт НГУ[1]

Слияние гуманитарных и естественнонаучных факультетов в высшем образовании современной Японии

Практически во всех странах мира сокращается объем изучаемых гуманитарных наук и различных видов искусств. Политики считают эту область знаний бесполезным излишеством, в эпоху, когда для сохранения конкурентоспособности на мировом рынке государства избавляются от всего ненужного и берут курс на краткосрочную рентабельность.

Университетская политика Японии не стала исключением в этом вопросе. В связи с глобализацией производства, стремительным внедрением инноваций, развитием высоких технологий и информатики, начали появляться соответствующие задачи перед высшим образованием.

Новое время сделало неотложной реформу университетов. Помимо вышеизложенного, обоснованием этого стало падение рождаемости и неконтролируемое открытие вузов. Оба события пришлись на конец XX в., что привело к угрозе снижения конкуренции среди абитуриентов, так как их число практически совпало с количеством мест в университетах.

В июне 2001 г. Министерством образования, культуры, спорта, науки и технологий был выдвинут план реформ:

Во-первых, реорганизация и слияние университетов: «карликовые» провинциальные университеты должны быть объединены. Во-вторых, передача университетов во владение префектурам. В-третьих, значительное сокращение числа государственных университетов.

В 2004 г. реформа была осуществлена (Георгиев 2010, с. 13). Вследствие этой реформы с начала XXI в. количество гуманитарных и педагогических факультетов было сокращено, что привело к уменьшению количества учителей в школах (Ёсими 2016, с. 14.).

В апреле 2008 г. вышла статья «На пути к созданию студенческого образования», в которой было сказано, что по программе бакалавриата в Японии число выпускников, закончивших гуманитарные факультеты, увеличилось примерно вдвое, но достаточного прогресса в этой области достигнуто не было, что привело к необходимости упорядочить эту систему.

[1] Научный руководитель – к. и. н., доцент Е. Л. Фролова.

В июле 2010 г. вышла статья Ассоциации государственных университетов Японии. Её главной темой стало увеличение числа гуманитарных факультетов в частных университетах и уменьшение их количества в государственных (Yoshimi 2016).

В преддверии составления университетами нового учебного плана Министерство образования направляет все усилия на реализацию «новой миссии», на создание «новых конкурентоспособных кадров». В июне 2015 г. выходит распоряжение Министерства образования о реорганизации гуманитарных факультетов в 86 университетах страны. В нем: «Власти призывают вузы сосредоточиться на направлениях, «более соответствующих потребностям общества», к которым, по мнению Министерства образования Японии, гуманитарные науки не относятся» (Япония отменяет гуманитарное образование 2015).

Ведущие университеты страны отказались от внесения каких-либо изменений в учебные планы гуманитарных направлений. Однако провинциальные вузы с одобрением приняли предложение правительства и занялись реорганизацией факультетов.

По всей стране в университетах стали появляться направления, основанные на смежных дисциплинах.

Например, университет Уцуномия объединил между собой педагогический и инженерный факультет. Университет Сайтама соединил магистратуры культурологии и экономики в «Магистратуру гуманитарных и социальных наук». В 2016 г. университет Гумма создал новый «Факультет социальной информатики».

Наиболее показательным примером, на мой взгляд, можно назвать создание в 2015 г. нового «Факультета международных комплексных наук», в университете Ямагути, который объединяет гуманитарные и естественные науки (Синдзидай во мисуэта кунитати дайгаку кайкаку [新時代を見据えた国立大学改革] 2015).

В рамках обучения существует разделение на следующие группы предметов: 1) обязательные предметы; 2) курсы научно-технической грамотности; 3) основные предметы; 4) углубленные предметы (проектирование); 5) углубленные предметы (обществоведение).

Студент может выбрать любое понравившееся ему направление: начиная от дизайна и естественных наук, заканчивая современной азиатской культурой и языками. Подробнее рассмотрим список предметов, представленных на факультете комплексных наук.

1) Обязательные предметы: основные принципы мировых наук; история науки и техники; человек и общество; общество и медицина; наука о здоровье; философия; теория японских текстов; теология; антропология; языкознание; политология; экономика; менеджмент; право; социология.

2) Курсы научно-технической грамотности: естествознание; логика (лекции/семинары); статистика (лекции/семинары); дизайн (лекции/семинары); наука, техника и общество (лекции/семинары); наука о данных (лекции/семинары);

информационные и коммуникационные технологии (лекции/семинары); физика, энергетика, экология (лекции/семинары); здравоохранение, медицина, социальное благополучие (лекции/семинары); биоразнообразие (лекции/семинары); биотехнологии (лекции/семинары).

3) Основные предметы: наука и технологии; интеллектуальная собственность и искусство управления; японская корпоративная культура; стратегия управления; психология проектирования (дизайна).

4) Углубленные предметы (проектирование): наука, техника и общество; история развития науки и техники; этика науки и техники; понятия науки и техники; психология науки и техники; политический курс науки и техники; информационное общество; статистика и анализ данных; комплексное проектирование; медиа и дизайн; дизайн и общество; дизайн в современном обществе;

5) Углубленные предметы (обществоведение): идеологии современной Японии; современная Японская культура; современное японоведение; современная история Японии; современное искусство Японии; современное японское языкознание; современная азиатская культура; сравнительное литературоведение; мировая философия; мировое искусство; мировые медиа; современная японская политология; мировая политология (Дзюгё: камоку［授業科目］План обучения 2021).

Анализируя список направлений, можно отметить их разнообразие и явную неоднородность предметов, а также их поверхностность. Помимо основных предметов студентам предлагается изучение корейского, китайского языков, правил коммуникации на английском языке, а также специальные предметы для подготовки к международным языковым экзаменам.

Однако причинами таких реорганизаций стало не только заявление правительства.

В Японии существует «система пожизненной занятости», которая подразумевает сохранение кадров и стремление насколько возможно дольше избегать увольнений сотрудников. В данном случае, чтобы решать названные проблемы, руководство университетов создает новые факультеты и кафедры, куда и переводит преподавателей.

Ещё одна важная причина: отток молодёжи в большие города. Сокращение конкурса в целом по стране даёт шанс попасть в престижный столичный вуз, что неминуемо ведёт к ухудшению ситуации на периферии. Чтобы это как-то замедлить, руководство провинциальных вузов начинает изобретать новые специальности, стараясь повысить привлекательность своих местных университетов.

Также в странах Дальнего Востока открыть или создать что-то новое намного проще, чем потом закрыть/ликвидировать, ведь последнее неминуемо ведёт к «потере лица». Ликвидация вуза или факультета может указать на неумелое администрирование, поэтому руководство университетов принимает любые методы, позволяющие хоть как-то отсрочить самоликвидацию.

Исходя из приведенных примеров, стоит отметить, что объединение факультетов и направлений не всегда происходит по принципу «подобное с подобным», сливаются воедино не дополняющие направления, а разные.

Идет ли на пользу студенту такая междисциплинарность, сказать трудно. Учитывая не самую основательную школьную подготовку по гуманитарным предметам в старшей школе, можно сделать вывод, что самостоятельно студенту может быть трудно сконцентрироваться на чем-то одном. В итоге и без того немногочисленные учебные часы беспорядочно распыляются на случайные предметы. Ведь руководство факультета не может контролировать выбор студентов, за исключением нескольких обязательных дисциплин.

Профессиональное сообщество по-разному отреагировало на подобные реформы.

По заявлению председателя комитета японского правительства по космической политике, одного из главных инженеров Японии, Хироси Мацумото, национальные университеты должны добровольно и автономно работать над своей внутренней политикой, над улучшением своих учебных планов, не ориентируясь на заявления «сверху» (Мацумото 2013).

Тацуру Утида, почетный профессор университета Кобе, опубликовал статью под названием «Упразднение факультета наук об искусстве - глупый путь мира», где он критикует решение министерства (Утида 2015).

Такамицу Сава, бывший ректор университета Сига, хотя и последовал решению Министерства образования, все равно настаивает на том, что цель университетского гуманитарного образования состоит не в обучении практическим навыкам, а в обучении студентов мышлению, суждениям и выразительности. Объяснение данной позиции весьма просто и логично – гуманитарные науки не должны быть связаны только с практической реализацией (Сава 2015).

Исходя из всего вышеперечисленного, стоит отметить, что реформирование гуманитарного образования в Японии происходит в общемировой парадигме изменений. При этом отношение к подобному роду деятельности остается неоднозначным среди участников профессионального сообщества.

Однако прослеживается единение мнений в том, что для улучшения качества образования требуется создание «новых конкурентоспособных кадров», которые бы совместили в своей работе лучшие подходы.

Список использованной литературы

Япония отменяет гуманитарное образование — стратегический ход или неразумный шаг? // Информационно-аналитический центр (ИАЦ) URL: https://inance.ru/2015/09/japan-suverenitet/ (дата обращения: 09.05.2019).

Дзюгё: камоку [授業科目] План обучения // Yamaguchi University URL: http://gss.yamaguchi-u.ac.jp/courses/ (дата обращения: 11.03.2021).

Синдзидай во мисуэта кунитати дайгаку кайкаку [新時代を見据えた国立大学改革]. Реформа государственных университетов в новом веке // MEXT URL: https://www.mext.go.jp › afieldfile › 2015/10/01 (дата обращения: 10.03.2021).

Такамицу Сава. Хайси? Тэнкан? Кунитати дайгаку но бункэй гакубу [佐和隆光. 廃止？ 転換？ 国立大学の文系学部]. Упразднение? Реформа? Гуманитарные факультеты государственных университетов // NHK NEWS URL: https://www3.nhk.or.jp/news/web_tokushu/2015_0804.html (дата обращения: 16.08.2019).

Тацуру Утида. Кунитати дайгаку кайкаку бо:кокурон "бункэй гакубу хайси" ва тэнка но гусаку [内田樹「国立大学改革亡国論『文系学部廃止』は天下の愚策」] Упразднение факультета наук об искусстве - глупый путь мира // President Online URL: https://president.jp/articles/-/15406 (дата обращения: 15.06.2020).

Хироси Мацумото. Кунитати дайгаку кайкаку пуран но ко:хё: во укэтэ (сэймэй) [「国立大学改革プラン」の公表を受けて（声明）] В ответ на объявление: «План реформирования государственных университетов» (заявление) // Japan Assosiation of National Universities URL: https://www.janu.jp/news/files/20131126-y-028.pdf (дата обращения: 16.08.2019).

Yoshimi Shin`ya. Beyond the Debate on Abolishing the Humanities [Электронный ресурс] // YouTube от 11.05.2016. URL: https://m.youtube.com/watch?v=1zc (дата обращения 15.05.2019).

Георгиев Ю. Университеты в Японии // Япония сегодня. М.: 2010. № 1. С. 12–14.

Ёсими Сюня. «Бункеи гакубу хайси» но сё:гэки [吉見俊哉。「文系学部廃止」の衝撃]. Шок от отмены гуманитарных факультетов. Токио: Сю:эйся, 2016. 256 с.

Рассолова Дарья Вячеславовна
магистрант 1 курса кафедры востоковедения
Гуманитарного института НГУ[1]

Китайское судно «Наньхай-1» и морская торговля в Восточной Азии

Для изучения специфики развития морской торговли в Восточной Азии в Средние века целесообразно обратиться к анализу новых источников и артефактов, обнаруженных в последние десятилетия на затонувших кораблях в акватории Южно-Китайского моря. Обзор работ китайских и западных исследователей, посвященных анализу уникальных находок с судна Наньхай-1, выявляет необходимость дальнейшего изучения судьбы этого корабля в контексте развития морских торгово-экономических связей вдоль Морского шелкового пути.

В X–XIV вв. китайские купцы доминировали на азиатских морских просторах, ведя активную торговлю с государствами Юго-Восточной и Центральной Азии. Южно-Китайское море — это первая часть дальнего трансазиатского торгового пути, ведущего из Китая в Средиземное море. Китайские торговцы предлагали как готовые изделия (в основном керамические, фарфоровые, железные, серебряные предметы, монеты, реже встречались золотые украшения), так и сырьевые материалы (особой популярностью пользовались ценные породы древесины). Фарфоровые сосуды помимо ритуального значения, высоко ценились среди аристократов как предметы роскоши; древесину использовали при строительстве, изготовлении мебели и во время ритуальных действий; медными монетами расплачивались на рынках или переплавляли их для изготовления храмовой утвари [1, с. 74–75].

Затонувшее судно времен династии Южная Сун (XII–XIII вв.) в 1987 г. случайно обнаружила команда Спасательного бюро Гуанчжоу и Британской компании по исследованию океана вблизи о. Хайлин у г. Янцзян (пров. Гуандун, КНР)[2]. При обнаружении ему дали название «Наньхай-1» (南海一号), что означает «Южное море-1». Наньхай-1 – это очень большой остроконечный корабль, сделанный из красного

[1] Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Е. Э. Войтишек.

[2] Обстоятельства обнаружения судна отличались особой драматичностью. Британская морская поисковая компания разыскивала затонувшее в XVIII в. голландское судно «Рийнсбург», принадлежащее Британской Ост-Индской компании. Команда специалистов из Англии и Китая безуспешно исследовала гидролокатором морское дно, постепенно расширяя район поисков. Однако вскоре руководитель экспедиции Инь Ганьхун заметил на экране монитора маленькую точку и отдал команду водолазам погружаться. Сантиметр за сантиметром изучая морское дно наощупь, они обнаружили некий деревянный объект, необычайно схожий с выступающим корпусом корабля. К сожалению, из-за плохой видимости водолазам не удалось получить более подробной информации. В ходе дальнейших исследований археологи пришли к выводу, что затонувший объект – это вовсе не голландский корабль «Рийнсбург», а затонувшее китайское торговое судно. См. материалы документального фильма «Древний корабль Наньхай-1» // Видеохостинг Youtube URL: https://youtu.be/h2OM-fw0yyU (дата обращения 25.03.21).

кедра. Его длина составляет 30,4 м, ширина 9,8 м и высота 8 м (без учета высоты мачты), водоизмещение 600 тонн и грузоподъемность 800 тонн. Корпус затонувшего корабля при обнаружении был ориентирован на юго-запад, что указывало на вероятное направление его плавания. По первым предположениям специалистов, торговое судно вышло из Китая и направилось в Сингапур или Индию, но по пути потерпело кораблекрушение. Однако из-за технических и финансовых проблем дальнейшие исследования затонувшего более 800 лет назад корабля были отложены более чем на 20 лет.

Изыскательские работы продолжились лишь осенью 2009 г., в результате чего усилиями специалистов и подводных археологов были извлечены более 200 фарфоровых предмета. Согласно отчетам о раскопках, на данный момент керамика[3], главным образом, представлена изделиями из знаменитых китайских частных печей Цзиндэчжэнь 景德镇 (пров. Цзянси), Дэхуа 德化 и Цыцзао 磁灶 (пров. Фуцзянь) и Лунцюань 龙泉 (пров. Чжэцзян). В целом, найденные формы включают фарфоровые тарелки, миски, кувшины, вазы, шкатулки, чашки и небольшие блюда.

Наряду с фарфоровыми изделиями наибольший интерес представляют золотые драгоценности, обнаруженные на судне: разнообразные золотые кольца и золотой браслет в форме двуглавого дракона[4]. Кроме того, было найдено несколько очень изящных артефактов, среди которых можно выделить черную лакированную шкатулку с орнаментом из красных вздымающихся облаков и бронзовое зеркало в форме цветка подсолнечника.

На судне также было обнаружено значительное количество монет, датируемых различным временем. Например, монеты *чжипин-юаньбао* (治平元宝), *юанью-тунбао* (元佑通宝) и *хуансун-тунбао* (皇宋通宝) относились ко времени династии Северная Сун. Удивительно, что на корабле были найдены также монеты *кайюань-тунбао* (开元通宝), относящиеся к династии Тан (618–907). К последним находкам относятся монеты династии Южная Сун – *цзяньян-тунбао* (建炎通宝,1127–1130) и *шаосин-тунбао* (绍兴通宝,1131–1162) [5, с. 18].

---

[3] Были обнаружены и целые сосуды, и расколовшиеся изделия, которые позднее были восстановлены специалистами.

[4] На судне Наньхай-1 были обнаружены три золотых кольца: одно в европейском стиле с инкрустацией большого бриллианта, другое в арабском стиле с инкрустацией жемчужин и гранатов, а также еще одно кольцо в китайском стиле. До настоящего времени доподлинно неизвестно, кому могли принадлежать кольца и золотой браслет с орнаментом в виде дракона. Неизвестно, кто кроме членов императорской семьи в средневековом Китае мог позволить себе носить золотые украшения с изображением дракона. Некоторые исследователи считают, что драгоценности могли принадлежать состоятельному арабскому купцу, однако эта версия подвергается сомнению, поскольку, в соответствии с мусульманскими правилами, мужчинам запрещено носить разнообразные золотые и серебряные украшения. См. материалы документального фильма «Древний корабль Наньхай-1» // Видеохостинг Youtube URL: https://youtu.be/h2OM-fw0yyU (дата обращения 25.03.21).

Привлекают внимание несколько экзотических объектов – таких, как золотой пояс и скелет кобры. Золотой пояс отличается изысканной ручной работой: лента имеет закрученную форму, а пряжка украшена нежным орнаментом виноградной лозы, выложенным клиновидным узором. Этот стиль крайне экзотичен для Китая. Более того, пояса с такими орнаментами не встречается в Юго-Восточной Азии. Эксперты предполагают, что золотой пояс мог появиться в Китае в результате контактов со странами Ближнего Востока. Данные находки в целом свидетельствуют о масштабах экономического взаимодействия вдоль Морского шелкового пути [Там же].

По приблизительным оценкам экспертов, на корабль было загружено от 60 000 до 80 000 артефактов. При относительно хорошей сохранности груза на судне не было обнаружено человеческих останков, что позволяет строить различные предположения о судьбе экипажа. В настоящий момент все реликвии, найденные на судне (до 80 тыс. предметов), а также сам корабль находятся в музее Морского шелкового пути провинции Гуандун (广东海上丝绸之路博物馆)[5] [2].

Судно Наньхай-1 – далеко не единственный затонувший торговый корабль, найденный в районе, где пролегает Морской торговый путь, ведущий к берегам Индии и Индонезии. Имеющиеся данные показывают, что, в отличие от других обломков судов, найденных в этом районе, части основного груза судна Наньхай-1 могли принадлежать разным людям (или могли быть предназначенными для продажи разными людьми). Вероятно, корабль был зафрахтован большой группой торговцев разного уровня и состояния. Благодаря тому, что корпус корабля Наньхай-1 хорошо сохранился в толщах ила, на сегодняшний момент, в основном, понятна конструкция корабля и схема распределения его груза. Весь корабль разделялся 14-ю переборками на 15 отсеков, в каждом из которых хранились различные по происхождению и ценности товары. Согласно отчету 2016 г. о раскопках Наньхай-1, большую часть груза составляли китайские керамические и железные изделия, среди которых наиболее часто встречаются чаши и гвозди [3, с. 55].

Предметы из керамики и железа были обнаружены по всей длине корабля, но они не были загружены равномерно. Различия в распределении грузов между отсеками могли быть связаны с особенностями логистики или торговыми контактами владельцев груза.

По сравнению с фарфоровыми изделиями с других затонувших кораблей, где керамика была представлена лишь небольшим количеством типов, керамический груз на судне Наньхай-1 демонстрирует гораздо большее разнообразие – как по качеству утвари, так и по региону происхождения. Более того, встречаются определенные

[5] Корабль подняли на поверхность с помощью кессона и разместили в павильоне музея Морского шелкового пути провинции Гуандун. В настоящее время раскопки на судне Наньхай-1 проводятся методами полевой археологии. Это второй прецедент создания подобного учреждения на территории действующих археологических раскопок: также как в Сиане, посетители могут воочию увидеть процесс работы специалистов в реальном времени.

различия в орнаменте керамических изделий одного и того же печного комплекса и одинаковой формы. Так, например, неглубокие пиалы с круглым основанием в форме [цветка] мальвы, покрытые селадоном (青白釉刻划花卉纹葵口碗 *Цинбайю кэхуа хуахуэйвэнь куйкоувань*), в основном, украшены цветочным орнаментом, однако только в пятой каюте встречаются пиалы вырезанным изображением «играющих детей». Чаши из печного комплекса Лунцюань, покрытые селадоном, в основном украшены орнаментом 缠枝 *чаньчжи*[6], однако только в восьмом отсеке встречаются маленькие чаши Лунцюань с орнаментом из восходящих линий на внешней стороне [4, с. 88].

Вероятно, различия в типах груза в отсеках затонувшего корабля Наньхай-1 объясняются тем, что керамика принадлежала нескольким торговцам, тогда как разница в формах сосудов, появление каких-либо уникальных украшений в конкретном отсеке, вероятно, связаны с выбором отдельных торговцев. Более того, керамика в носовой и кормовой частях корабля различалась сложностью орнаментов и форм. Если в кормовой части был расположен в основном груз типовых форм с несложными орнаментами, предназначенный для простых людей, то керамика в носовой части судна отличалась интересными и сложными узорами, которая скорее предназначалась для состоятельных покупателей. Поэтому торговцы, которым принадлежала керамическая утварь, имели разный статус [Там же].

Таким образом, можно предположить, что в X–XIII вв. режим морской торговли в Южно-Китайском море меняется. В X в. корабль снаряжал один орган власти или купец, судно следовало в строго определенные пункты назначения. Как показывают тематические исследования обломков корабля Наньхай-1, в более поздний период морское путешествие стало в основном прибыльным приключением, в котором участвовали как состоятельные купцы, так и мелкие торговцы или простые граждане, которые хотели получить дополнительный доход. Затонувшие корабли перевозили грузы, принадлежащие нескольким владельцам, выполняя запланированные рейсы с заходом в несколько портов.

Наньхай-1 – старейшее, крупнейшее и наиболее хорошо сохранившееся океанское торговое судно среди затонувших кораблей во всем мире. В ходе исследований китайских археологов мировое научное сообщество получит чрезвычайно редкие данные для реконструкции истории Морского шелкового пути и истории керамики, что позволит по достоинству оценить информацию, которую не могут предоставить ни нарративные источники, ни методы полевой археологии.

Анализ особенностей сохранившихся артефактов, включая уникальные изделия из фарфора и золота, позволяет судить о путях передвижений судов, а также о беспрецедентных масштабах морской торговли в Южно-Китайском море в X–XIII вв.

---

[6] 缠枝 *чаньчжи* – традиционный китайский орнамент в форме сплетающихся веток растений и цветов.

Список использованной литературы

Войтишек Е. Э., Кумпол Т. А. Судьба китайского корабля Синьаньчуань и морская торговля в Восточной Азии в средние века // Мат-лы конф. / Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2020. С. 74−82.

Гуандун хайшан сычоу чжи лу боугуань [广东海上丝绸之路博物馆 // 百度百科]. Музей Морского шелкового пути провинции Гуандун. URL: https://baike.baidu.com/item/广东海上丝绸之路博物馆/6021987?fromtitle=南海一号博物馆&fromid=6010270 (дата обращения 15.01.2021).

Ван Юаньлинь, Сяо Дашунь. Наньхайихао сундай чэньчуань 2014 няньдэ фацзюэ [王元林、肖达顺。南海一号宋代沉船 2014 年的发掘：考古]. Раскопки кораблекрушения Наньхай-1 времен династии Сун в 2014 г. // Каогу, 2016, № 12. С. 56–83.

Peining Li. The trade patterns of the South China Sea during the Song period. Asian Archaeology 3, 2020, p. 83–93.

Xu Yongjie. The Dream and the Glory: Integral Salvage of the Nanhai No. 1 Shipwreck and its Significance. The Silk Road 5 (2), 2008, p. 16–19.

Русак Дмитрий Васильевич
студент 2 курса факультета международных экономических отношений
МГИМО МИД России[1]

Исторический контекст создания Полного китайско-русского словаря под редакцией епископа Иннокентия

Работа по созданию словарей является важной составляющей для обеспечения взаимодействия культур и коммуникации между государствами и народами. Проблема создания словарей весьма актуальна для российского китаеведения, поскольку язык — система динамическая (Крылова 2014, с. 189), его развитие происходит постоянно и непрерывно. Любой словарь представляет собой статический срез лексического слоя языка. Поэтому для поддержания беспрепятственной коммуникации между народами России и Китая работа по составлению, дополнению и корректировки словарей должна проводиться учеными постоянно. Более того, необходимо обращаться к опыту создания словарей в российском китаеведении. В данном докладе рассмотрен исторический контекст создания Полного китайско-русского словаря под редакцией епископа Иннокентия, представлена его структура, проведен анализ актуальности лексических единиц данного словаря. Основным методом данного исследования является культурно-исторический метод, который заключается в изучении источника в соотнесении с историческим, социально-политическим и культурным контекстом региона (Бонч-Осмоловская 2015, с. 61). Также использовался описательный метод и метод сплошной выборки при проведении компаративного анализа значений лексических единиц на русском языке.

В начале XX века видное место в развитии российско-китайских отношений занимала деятельность 18-ой Российской[2] Духовной Миссии в Китае, которую возглавил в 1896 г. епископ Иннокентий (в миру Иван Аполлонович Фигуровский), выдающийся миссионер и ученый, оказавший влияние на формирование пласта исследований лексики китайского языка. Духовная миссия занимает видное место в истории России и Китая, так как на протяжении длительного периода межгосударственные отношения двух стран осуществлялись посредством данного религиозного учреждения. К тому же, именно здесь формировалось и развивалось российское китаеведение.

Российская духовная миссия имеет более чем двухвековую историю. Первая Российская духовная миссия в Китае была снаряжена при императоре Петре I и прибыла в Пекин в 1715 г. Российская духовная миссия в Пекине стала первой

[1]Научный руководитель — преподаватель кафедры китайского, вьетнамского тайского и лаосского языков МГИМО МИД России Круглов Владислав Владиславович.
[2]Либо Русской. В данном исследовании идет опора на исследование В.Г. Дацышена, где название приводится так.

зарубежной миссией Русской Православной Церкви. На протяжении XVIII в. происходило становление миссии: закладывался материальный фундамент данного учреждения.

Расцвет Российской духовной миссии в Китае пришелся на первую половину XIX в. Из стен православной миссии вышли выдающиеся русские синологи: архимандрит Иакинф[3] (в миру Никита Яковлевич Бичурин) и архимандрит Петр (в миру Павел Иванович Каменский), глава 10-й миссии. Они стали одними из основоположников российской синологии и получили мировую известность.

Велико значение результатов деятельности 15-й миссии (1865—1878 гг.). Ее глава архимандрит Палладий (в миру Петр Иванович Кафаров), проживший в Китае около 30 лет, всю жизнь работал над составлением китайско-русского словаря, который был дополнен и выдающимся синологом Павлом Степановичем Поповым. В словарь вошло 11 868 иероглифов. Впоследствии он ляжет в основу Полного китайско-русского словаря, составленного епископом Иннокентием.

Стоит отметить, что на протяжении длительного периода времени Духовная миссия занималась широким кругом вопросов и проблем в российско-китайских отношениях, при этом собственно миссионерская деятельность, подразумевающая проповедь христианства среди китайцев, играла далеко не главенствующую роль. Духовная миссия выполняла функции дипломатического представительства, наряду с тем, она также являлась центром по сбору важной политической, экономической и иной информации, проводила научно-исследовательскую деятельность по изучению истории, филологии и культуры Китая. Впоследствии материалы, собранные Российской Духовной миссией послужили основой для создания библиотечных фондов Казанского университета, а впоследствии и фондов Санкт-Петербургского университета и Института восточных рукописей, которые по сей день являются крупнейшими центрами отечественной синологии.

Вторая половина XIX в. ознаменовалась напряженной политической обстановкой в Китае. Империя Цин терпела сокрушительные военные поражения от западных держав, была принуждена к заключению неравноправных международных договоров, попав таким образом в полуколониальное положение. Сложившаяся ситуация требовала присутствия в Пекине от российской стороны компетентных специалистов именно в сфере международных отношениях и дипломатов. До 1861 г. в Пекине не было российского министра резидента, осуществлявшего дипломатическое

[3]Наиболее значимые труды о. Иакинфа: «Китайская грамматика» (1838), «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение» (1840), «Статистическое описание Китайской империи» (1842), «Земледелие в Китае» (1844), «Китай в гражданском и нравственном состоянии» (1848), а также переводы: «Описание Тибета в нынешнем его состоянии» (1828), «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии» (1833). Всего было опубликовал свыше 100 крупных научных работ, переводов и исследований, посвященных истории, литературе, философии, религии, экономике, праву, административной системе, торговле, земледелию, медицине, нравам, обычаям и многим другим аспектам духовной и материальной культуры Китая.

представительство, поскольку часто Духовная миссия исполняла поручения Министерства иностранных дел. В 1861 г. для постоянного пребывания в Пекине по дипломатическим делам был назначен министр-резидент (т.е. посол) с целью наблюдения за развитием российско-китайских отношений и решением неотложных проблем в этой сфере (Курбатов 2009, с. 104). В 1963 г., по решению Государственного Совета, Духовная миссия официально прекратила выполнять дипломатические функции, что позволило направить большую часть ресурсов миссии на миссионерскую деятельность.

Будущий глава 18-й Духовной миссии родился 22 февраля 1863 г. (по старому стилю) в селе Пановском Енисейской губернии в семье священника. Начальное образование получил в Красноярском духовном училище, затем проходил обучение в Томской духовной семинарии, в 1884 г. был рукоположен в священники. В 1886 г. отправился учиться в Петербург. Здесь он в 1888 г. окончил духовную семинарию и поступил в Петербургскую духовную академию. В 1890 г. принял монашество. Вскоре о. Иннокентий приобрел высокий авторитет в церковных кругах России.

В марте 1897 г. о. Иннокентий, имея монашеский чин архимандрита (в 1902 г. о. Иннокентий был возведен в сан Епископа, в 1921 г. — в сан архиепископа, в 1928 г. — в сан митрополита Пекинского и Китайского), прибыл в Пекин и приступил к выполнению своих обязанностей в качестве главы 18-й Духовной миссии. Будучи человеком большого ума, о. Иннокентий перед прибытием в Китай совершил путешествие по Европе и посетил ряд европейских религиозных учреждений, что дало ему новые знания и колоссальный опыт, который он использовал впоследствии при руководстве деятельностью миссии.

Во время функционирования 18-й Российской Духовной миссии взаимодействие народов и культур России и Китая стимулировали Союзный договор между Российской империей и Китаем (1896 г.) и пакет двусторонних соглашений. Таким образом, на тот момент сложилась благоприятная ситуация для деятельности миссии.

На членов 18-й Духовной миссии были возложены следующие обязанности: изучение местных языков, обучение и воспитание китайских детей, проповедование православия, а также препятствие действиям инославных миссий, затрудняющих распространение православия в Китае (Дацышен 2011, с. 170).

Особого внимания заслуживает работа миссии с китайским языком, которая была подчинена задачам миссионерской деятельности. Важной составляющей деятельности Российской духовной миссии был перевод на китайский язык канонической и богослужебной литературы, что требовало наличия качественного словаря. В используемых словарях того времени было замечено множество ошибок, многие слова были перепутаны, некоторых слов совершенно не было (Дацышен 2011, с. 255—256). Такое положение вещей создавало сложности в работе духовной миссии. Таким образом, в начале XX века уже возникла необходимость создания нового китайско-русского словаря.

Епископ Иннокентий был не только умелым руководителем Российской Духовной миссии, но и выдающимся ученым. Рассматривая владение китайским языком как фундамент для всякого дела в Китае, он с первых дней пребывания в Китае начал изучение китайского языка, впоследствии приступил к составлению словарей. Современники отмечали его глубокое владение китайским языком. Даже китайцы обращались к епископу Иннокентию за консультацией по поводу значений некоторых иероглифов и фраз.

Результатом десятилетней научной и организационной работы епископа Иннокентия стал Полный китайско-русский словарь, при составлении которого он использовал весь свой богатый опыт взаимодействия с китайцами. Словарь был издан в двух томах в 1909 г. в Пекине. Печатался он в типографии Успенского монастыря при Духовной миссии в Пекине. В этом словаре было собрано и истолковано 16 845 китайских иероглифов и 150 000 выражений, взятых из китайской классики и разговорной речи, что сделало словарь самым большим китайско-иноязычным словарем на то время. При составлении Полного китайско-русского словаря епископу Иннокентию оказывали содействие образованные китайцы: присылали в редакцию замечания по поводу существующих словарей и давали толкования сложных понятий. Профессор В.Г. Дацышен называет Полный китайско-русский словарь «высшим достижением российской синологии в досоветский период».

Иероглифы в Полном китайско-русском слове располагаются в фонетическом порядке русского алфавита, транскрипция иероглифов записана с помощью букв русского алфавита (по системе архимандрита Палладия) с указанием тонов пекинского диалекта. В приложениях к словарю имеется указатель ключевых знаков, расположенных по количеству черт; указатель иероглифов, расположенных по ключам; указатель к отысканию трудных знаков, расположенных по количеству черт. Дополняют словарь таблицы: «Отличительные признаки чинов гражданских и военных», «Таблицы числительных знаков», «Китайские династии», «Провинции Китая», «Календарь», «Имена числительные». Составлен Полный Китайско-русский словарь на основе Китайско-русского словаря Палладия (1888 г.), Китайско-английского словаря Джайлса (1892 г.) и других словарей.

Полный китайско-русский словарь уникален тем, что в нем зафиксирован масштабный лексический слой позднецинского Китая, что дополнило блестящий словарь о. Палладия, предшественника о. Иннокентия. Полный китайско-русский словарь помог перевести на китайский язык всю основную церковную литературу, что сделало православные религиозные тексты доступными для понимания простого народа. Более того, словарь послужил основой для дальнейших классических лексикографических работ, таких как Китайско-русский словарь, составленный под руководством В.М. Алексеева (1948 г.), Китайско-русский словарь под редакцией И.М.Ошанина (1952 г.), Большой китайско-русский словарь под редакцией И.М. Ошанина (1983 г.).

После Синьхайской революции в 1911 г. китайский язык, тесно взаимодействуя с европейской культурой, воспринимал в широких масштабах новые понятия и выражения. Происходил переход от классического китайского языка к новой норме китайского языка байхуа. Вследствие этого Полный китайско-русский словарь, зафиксировавший состояние лексики последнего периода династии Цин (1644—1912 гг.), утратил свою актуальность и был признан советскими китаеведами не удовлетворяющим запросы времени, о чем пишет А.П. Хионин в предисловии к Русско-китайскому словарю: «Словари П.С. Попова и Русской Духовной Миссии в Пекине устарели и совершенно не удовлетворяют современным запросам» (Хионин 1927, с. I). Этот тезис также поддержан академиком В.М. Алексеевым, который называет словарь «Духовной миссии» устарелым: «Таким образом, словари Кафарова-Попова, Васильева-Пещурова, “Духовной Миссии”, Джайлза, Куврёра, Уильямза и других почти не приняты в учет и расписку, как явно устарелые » (Алексеев 1948, с. 14).

Однако в настоящее время общественно-политический дискурс китайского языка претерпевает достаточно масштабные трансформации. Политические деятели КНР, в том числе председатель КНР Си Цзиньпин, все чаще обращаются к традиционной китайской культуре и философии (Круглов 2020, с. 83). Поэтому в связи с актуализацией классического китайского языка Полный китайско-русский словарь, будучи крупнейшим китайско-иноязычным словарем императорского Китая, вновь приобрел актуальность. Эти факты подчеркивают огромную значимость словаря для российского китаеведения.

Список использованной литературы:

Андреева С.Г. Общественные науки и языки в исследованиях российской духовной миссии (в ст. «Изучение в России китайских наук, языков и образования») // Духовная культура Китая. Т. 5. М.: Восточная литература, 2009. С. 668–673.

Бонч-Осмоловская О.А. К проблеме комплексного изучения конфуцианского текста «Канона песен» // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2015. №2 (23). С. 60–63.

Дацышен В. Г. История изучения китайского языка в Российской империи. Красноярск, 2000.

Дацышен В.Г. История Российской духовной миссии в Китае. Гонконг: Православное братство святых первоверховных апостолов Петра и Павла, 2010. 446 с.

Дацышен В.Г. Митрополит Иннокентий Пекинский. Гонконг: Братство святых первоверховных апостолов Петра и Павла, 2011. 432 с.

Круглов В.В. Проблемы перевода политических речей Си Цзиньпина и синтаксические особенности использования фразеологических оборотов на примере чэнъюя традиции Ицзина // Гуманитарные науки. 2020. №10. С. 76–83.

Крылова М. Н. Язык как динамическая система // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2014. № 1 (9). С. 189–194.

Курбатов О.А. Иннокентий (Фигуровский) и вопрос взаимоотношений китайских властей с Русской православной духовной миссией в конце XIX — начале XX в. // КЛИО. 2009. №2. С. 102–109.

Ошанин И.М. (гл. ред.). Китайско-русский словарь. Около 65 000 слов и выражений / ИВ АН СССР. Б.м.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952.

Большой китайско-русский словарь. М.: Наука, 1983. 7947 с.

Китайско-русский словарь, составленный бывшим начальником пекинской духовной миссии архимандритом Палладием и старшим драгоманом дипломатической миссии в Пекине П.С. Поповым. Т. 1–2. Пекин, 1888.

Китайско-русский словарь, составленный коллективом китаистов Института под редакцией академика В.М. Алексеева. Пробный макет словаря. М.: АН СССР, 1948.

Полный китайско-русский словарь, составленный по словарям Чжайльса, архимандрита Палладия (П.С. Попова) и другим под редакцией Епископа Иннокентия. Т. 1—2. Пекин: Типография Успенского монастыря при духовной миссии, 1909.

Хионин А.П. Русско-китайский словарь. Харбин, 1927.

Giles H.A. A Chinese—English Dictionary. London, 1892.

Рязанова Софья Андреевна
студентка 4 курса кафедры китайской филологии
ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова[1]

Концепт радости в «Каноне о великом мире»

Радость *лэ* 乐, часто объединяемая с понятием счастья, с давних пор выступала не только объектом стремлений и желаний людей, но и имела ценностное значение для всего социума. Собственное отношение к «радости» выработали конфуцианская и даосская традиции и оказали конституирующее влияние на дальнейшее развитие этого концепта в китайской культуре. Радость в обеих традициях имела индивидуальное и социальное измерения, однако даосизм не подчеркивал прогрессивную взаимосвязь между этими двумя сферами. Главными предпосылками «радости» в даосизме выступали такие категории, как недеяние *увэй* 无为 и самость (природность, естественность) *цзыжань* 自然. Т. о., между «радостью» и простейшей, безыскусной «данностью» жизненного опыта редко проводились отчетливые границы. С точки зрения традиционного «философского» даосизма, радость виделась в очищении своего сердца и ограничении своих желаний, пороков, что естественно вытекало из глубокого проникновения в суть вещей и *дао*-пути.

Без «радости» не обходится ни одна картина природной утопии, характерная для раннего даосизма. Например, Чжуанцзы в гл. 9 под названием «Конские копыта», говорит, что во времена царствования рода Хэсюй, люди жили в беспечности и полном довольстве, не ведали ни цели жизни, ни ее забот. Высшая же радость для них заключалась в еде и питье: они «набивали себе рот – и радовались жизни. Хлопали себя по животу – и гуляли в свое удовольствие».[2]

Свое представление о радости, заимствовавшее определенные элементы традиции (например, Чжуанцзы), можно обнаружить в памятнике раннего религиозного даосизма – *Тайпинцзин* «Канон о Великом мире», датируемом II в. н.э. (*далее – ТПЦ*). Изначально ТПЦ складывался в устной традиции, его гетерогенная структура, а также некоторые стилистические черты подтверждают возможный компилятивный характер и его коллективное авторство. [Hendrischke 2006, p. 30, 43-47] Основные идеологические положения *Тайпинцзина* выстраиваются на основе религиозных даосских движений ханьского времени (среди которых – ортодоксия движения Небесных наставников[3]).

---

[1] Научный руководитель – к.ф.н., доцент кафедры китайской филологии ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова И. И. Семененко.
[2] Малявин В.В. Чжуан-цзы. Ле-цзы. М.: Мысль, 1995, с. 114.
[3] Школа Пути Небесных наставников (*Тяньшидао* 天师道), также именуемая «Пять ковшей риса», была создана полулегендарным Чжан Даолином 张道陵 в середине II в. н.э., который впоследствии и провозгласил себя первым Наставником. – см. Торчинов 1993, гл. II, п. 3.

Излагаемые в нем соображения относительно «радости» характеризуются многогранностью и всеохватностью. «Радость» является одним из стержневых понятий ТПЦ и способствует достижению идеального состояния Поднебесной – воцарению Великого мира (равенства) *тайпин* 太平, воссозданного по изначальной гармонии космоса, *инь* и *ян*, Неба и Земли. В учении о радости хорошо просматривается иерархичная структура идеала ТПЦ, поскольку в основу социальной и космической гармонии положен принцип «доставления радости» вышестоящему. [Торчинов Лейкин 1989] Важнейший элемент данной «иерархии» – монарх (императоры и ваны, *ди ван* 帝王), радость которого воздействует на весь космос, а тот, «откликаясь» *ин* 应 на это состояние правителя, испускает пневму Великого мира *тайпин ци* 太平气.

Радость в понимании ТПЦ можно рассматривать с двух основных позиций: как индивидуальная/социальная категория и мироустроительная концепция.

Во-первых, радость – это безмятежность и покой, состояние полной удовлетворенности, в которой находится тот, чьи «помыслы» *синь* 心 начинают совпадать с Небесными. Радость являет собой высшую удовлетворенность потребностей и стремлений, когда последних попросту не остается. Такая радость проявляется, например, у простых людей – жителей Поднебесной, и является желанным состоянием для правящих кругов. См., например, гл. 88: 帝王长游乐 досл. «императоры и ваны долго будут веселиться и радоваться». [Ян Цзилинь 2019, с. 1135]

Во-вторых, помимо отрешенности от горестей и забот, радость подспудно содержит в себе очищающий эффект – т.е. освобождает от земных, присущих смертным эмоций. По сути, радость приводит к т.н. катарсису, и затем способствует проявлению хороших намерений, ведет к добру.[4] Именно поэтому она считается первым шагом на пути нравственного самосовершенствования и достижения начальной ступени познания *дао* – т. н. «доброго человека» *шаньжэня* 善人.

В-третьих, радость – особое состояние духа, когда человек всем сердцем желает приступить к какому-либо делу, т.е., радость видится неким стимулом к совершению поступков (главным образом добрых *шань* 善). Например, достойные и просвещенные люди неханьских народностей со всех сторон света, прознав, что в срединных землях (*чжунго* 中国) есть мудрый и добродетельный государь, не могут не испытывать радость, а потому обязательно придут поклониться ему.[5]

Стимулирующее воздействие радости отмечается и далее по тексту. Например: «ученик с радостью хочет дознаться об их (текстах) ясности».[6] Радость здесь предстает как желание учиться, постигать, внимать. Этот мотив «радости познания» отчетливо виден благодаря бесконечным вопросам учеников, что не раз отмечает один из

[4] 人皆一旦转乐为善 (гл. 88). Здесь и далее цитаты по изд. [1], с. 1138.
[5]善人贤圣闻中国有大德之君治如此,莫不乐来降服 (гл. 88), с. 1139.
[6]子欲乐得其实者 (гл. 51), с. 654.

ключевых персонажей памятника Небесный Наставник.[7] Недаром ученики (именуемые *чжэнь жэнями*, т.е. настоящими людьми 真人) названы единственными во всей Поднебесной, кто «с радостью» желает обрести помыслы Неба и желания Земли.[8] Кроме того, они «с радостью» желают исправить Небо и Землю.[9] Здесь «радость» перестает быть исключительно категорией состояния и перерастает в космогоническую составляющую.

Итак, в состоянии радости могут (и должны) пребывать не только люди, она свойственна и другим сущностям, например, Небу: в разных частях текста говорится, что Небо, например, «радуется», когда люди создают верные тексты, а всякого рода материальные подношения и дары не вызывают его радости.[10] Радость Неба может объединяться с радостью человеческой: «(небесные узоры) сами радостно стремятся получить исправления, все равно что люди, страдающие от тяжелой болезни, с радостью хотят получить лечение».[11] Здесь находит отражение концепт «радости», основанной на верном истолковании текстов, книг и сочинений древности и современности, исправлении и редактировании писаний достойных и мудрых мужей, а также всех социальных групп Поднебесной. Так, Небесный Наставник подчеркивает, что без исправления текстов и изречений невозможно будет постигнуть намерения *синь* 心 и *ци* 气 Небес и Земли, а значит, они не будут «радоваться» и оказывать покровительство добродетельному государю.

Великой радостью *да лэ* 大乐 в ТПЦ называется такое состояние Поднебесной, при котором все являются одной семьей, страна управляется при помощи единых законов[12] (выведенных на основе правильных, ортодоксальных текстов). Примечательно, что Небесный Наставник называет так и книгу своего собственного сочинения, не раз упоминаемую в ТПЦ[13] – очевидно, он имеет в виду сам факт, что она в потенции способна «обрадовать» Поднебесную. Единожды в тексте встречается альтернативное название для ТПЦ – «Канон великой радости» *да лэ чжи цзин* 大乐之经. В одной из глав можно найти пояснение для такого именования: «Я желаю даровать Небу и Земле мир и покой, чтобы *инь* и *ян* не пребывали в хаосе, а естественно осуществлялись, чтобы бедствия и несчастья не приходили, когда вздумается, чтобы правители день ото дня пребывали в беззаботности и услаждали себя, это станет каноном великой радости».[14] С данным названием, помимо обычного глагола *цзо* 作

---

[7] «Нынче ученику трудно удержаться от бесконечных вопросов, так он с радостью желает узнать об этом» 今子难问不止，会乐欲知之 (гл. 51), с. 656.

[8]天下有乐善欲称天心者，独有真人耳 (гл. 91), 俱乐得天心地意，去恶而致善 (гл. 91), с. 1194.

[9]子乐欲正天地 (гл. 51), с. 665.

[10]天者，不乐人与其钱财奇伪之物也，但乐人共理其文(гл. 51), с. 665.

[11]夫天文乱，欲乐见理，若人有剧病，故乐见治也 (гл. 51), с. 658.

[12]大乐日至，并合为一家，共成一治者也 (гл. 88), с. 1141.

[13]万不失一也，岂不大乐哉 (гл. 88), с. 1139.

[14]«吾欲使天地平安，阴阳不乱常顺行，灾害不得妄生，王者但 日游冶，为大乐之经» (гл. 50), с. 1143.

(создать), употребляется довольно редкий иероглиф *цзу* 卒 – «заканчивать», «составлять», с традиционным же именованием ТПЦ он не встречается.

В бинарную оппозицию с «радостью» вступает «печаль» или «грусть» *ии* 悒悒. Причем этот иероглиф употребляется в основном только с Небом *тянь* 天, и в этом плане «небесная печаль» по характеру своему близка к «небесной болезни» *тянь бин* 天病. Естественно, печаль приводит к разладу всего в мире: нарушению последовательности четырех времен года, сбою в функционировании пяти первоэлементов (системы *усин* 五行) и трех светил *сань гуан* 三光, и как следствие – к воцарению пагубной пневмы 邪气 *се ци*. Аналогично, если печаль обуревает сердце (в прямом – анатомическом смысле), то «правая рука действует неверно, а конечности все время движутся, и тело не может отдохнуть». [Торчинов, Лейкин 1989, с. 20-21] В качестве сердца здесь выступают императоры и ваны, в образе правой руки предстают чиновники, а конечностей – простой народ. Следственно, если высшие в государстве не следуют дао-пути, если они «грустят», то и дела народа приходят в расстройство – люди «бродят повсюду без дела». [Торчинов, Лейкин 1989, с. 726] Т.о., можно проследить и обратную зависимость состояния высших и низших.

Другая оппозиция – радость и гнев *ну* 怒, как проявление недовольства и расстройства Неба и Земли. Например: регулярность астрономических явлений, спокойное течение рек, хорошая рождаемость и проч. свидетельствуют (*чжэн* 証) о радости Неба и Земли, а унаследованные бедствия (*чэнфу* 承负) являются выражением их великого гнева (*дану* 大怒). [Ян Цзилинь 2019, с. 1079]

Т. о., радость *лэ* – это комплексное понятие ТПЦ, соединяющее в себе достижение общественного и индивидуального благоденствия, а также проникновение в желания и помыслы Неба и Земли при помощи следования *дао*-пути и исправления литературного достояния прошлых эпох и современности.

Список источников и литературы

Ян Цзилинь (楊寄林), *Тайпин цзин (цюань саньцэ).* 太平經（全三册）. – Пекин, *Чжунхуа шу цзюй* (北京：中華書局)，2019.

Hendrischke B., The scripture on Great Peace. The Taiping jing and the Beginnings of Daoism. University of California Press. 2006.

Торчинов Е.А., Даосизм: Опыт историко-религиоведческого описания. СПб.: Андреев и сыновья, 1993.

Торчинов Е.А., Лейкин С.Ф. «Тай пин цзин» («Каноническая книга Великого благоденствия») // Народы Азии и Африки, № 5, 1989 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Taipinzsin/text.htm (дата обращения: 20.02.2021)

Сабелкис Мария Денисовна
студентка 4 курса
Восточного факультета СПбГУ[1]

Упадок системы внутреннего политического контроля в китайских университетах в 1980-х годах

Модернизация экономики Китая, начавшаяся в конце 1970-х годов, и переход от плановой к рыночной экономике ознаменовались существенными переменами в управлении высшим образованием, изменениями в системе отбора студентов и предоставления им грантов и стипендий, программах подготовки специалистов и учебных планах. К этому времени стала очевидной необходимость реформирования системы высшего образования ввиду низкой квалификации специалистов, безработицы среди выпускников в контексте начавшихся рыночных преобразований и меняющейся структуры экономики. Однако расширяющаяся сеть университетов стала колыбелью для формирования студенческого активизма.

С середины 50-х годов XX века госконтроль над образованием в Китае осуществлялся по большей части рядовыми служащими под надзором местных представителей партии (Schurmann 1968, с. 341). Главной организацией по урегулированию вопросов, касающихся студенчества, являлся Комитет по делам образования. Комитет был ответственен за назначение контролирующих мер и их качество, а также за оценку настроений среди студентов. Такой подход назывался внутренним (Zhao 2004, с. 102).

Политический надзор осуществлялся как через политическое образование, так и напрямую через персонал, который контролировал студентов. Политическое образование состояло из двух частей. Во-первых, студентам преподавался ряд обязательных дисциплин, связанных с марксизмом и пропагандирующих ценности коммунистической партии. Это были курсы по истории Коммунистической Партии Китая, политэкономия, политика, марксистская философия и другие подобные дисциплины. Во-вторых, учащимся было предписано проводить один вечер в неделю за изучением правительственных документов и газетных статей. Классным руководителям и политическим воспитателям по возможности надо было присутствовать на этих занятиях. Также они ходили по общежитиям и общались со студентами. До 1980-х у политического воспитателя в окружении часто присутствовало несколько активистов из числа студентов, посвящённых в личную жизнь остальных учащихся; именно через них сведения о частной жизни учеников доходили до руководства. Взамен эти активисты получали особые привилегии,

[1] Научный руководитель — к. и. н. Донская Александра Евгеньевна.

включая членство в партии и выгодные предложения трудоустройства (Shirk 1982, с. 86).

Основу эффективной политики внутреннего наблюдения составляли 4 фактора (Zhao 2004, с. 105). Во-первых, до 1980-х годов как студенты, так и политические работники активно участвовали в системе взаимного контроля. Надзор за сокурсниками считался делом общественно полезным, даже если он наносил ущерб студентам, за которыми наблюдали; сами же наблюдатели считали себя людьми высоких моральных принципов. Значительное количество полагало, что они занимаются полезным для страны делом. Во-вторых, начать политическую карьеру в университете было одним из наиболее благоприятных вариантов для студента. Высшие должностные посты были открыты в основном для молодых людей, хорошо проявивших себя ранее в годы учебы или работы в университете. У тех студентов, кто участвовал в системе контроля и хотел продолжить карьеру в академической сфере, шанс впоследствии получить должность руководителя исследовательской группы был куда выше, чем у обычных студентов (Zhao 2004, с. 105). В-третьих, студенческое сообщество базировалось в установленных и определенных местах. В 1989 году в Пекине было 67 высших учебных заведений и более чем 162.576 студентов. Большинство этих университетов расположено в районе Хайдянь и его округе. В каждом общежитии было около тысячи студентов, от 6 до 8 человек в комнате, что делало взаимный надзор студентов друг над другом довольно несложным занятием. В-четвёртых, в период руководства Мао Цзэдуна в рамках студенческого надзора существовала отлаженная система поощрений и наказаний. Например, «хорошие студенты» могли рассчитывать на рекомендацию для вступления в партию, а те, чьи политические взгляды отклонялись от «нормы», после выпуска отправлялись на низкооплачиваемые работы (Pepper 1990, с. 177).

Система внутреннего политического контроля была во временя руководства Мао Цзэдуна. Однако в 1990-е ее эффективность начала падать. Экономические реформы резко изменили ситуацию в отношениях народа и государства. Среди прочих, важным показателем было снижение возможности оправдать свои действия идеологией и появление новых возможностей достижения высокого статуса помимо государственной службы. Это привело к изменению отношения студентов к доносительству на сокурсников; то, что ранее оправдывали службой обществу, теперь считалось аморальным и невыгодным с точки зрения как карьерной, так и экономической (Zhao 2004, с. 106). Все это пошатнуло основы системы политического контроля над студентами.

В 1980-е годы многие ранее действенные наказания теряли свою эффективность. Экономическое развитие, поставленное во главу угла, требовало кооперации и помощи интеллигенции и образованных людей, что вынуждало ослабить политическое сдерживание. Следовательно, применение суровых мер по отношению к студентам стало поощряться реже.

Еще одной причиной упадка системы контроля в 80-х была тесная связь системы надзора и идеологического оправдания этих действий правительством. Если профессиональная система контроля полагается в основном на современные технологии, то внутренний контроль прежде всего опирался на взаимоотношения и кооперацию людей между собой. Эта система действенна только в том случае, когда большое количество студентов участвуют в ней и расценивают это как службу на благо общества.

Ранее работа в университете после выпуска была одним из лучших вариантов развития карьеры. К концу же 80-х, с падением экономического благосостояния интеллигенции, ситуация кардинально изменилась. Для молодого человека, после окончания университета решающего, остаться ли преподавать или заняться политической карьерой, второй вариант больше не был особенно перспективным – политических работников реже отправляли за границу, они, в отличие от занимающихся исследованиями преподавателей, не могли покрывать расходы на научные изыскания грантами (Pepper 1990, с. 171).

После событий 1989 года многие китайские студенческие газеты отметили важность этой проблемы. От 65 до 75 % молодых преподавателей тратили большую часть времени на подготовку к сдаче экзаменов и поездке за рубеж, более 75 % молодых политических кадров выражали желание покинуть свой пост (Zhao 1996, с. 149). В конце 1980-х годов желание покинуть страну оказалось намного сильнее, чем чувство патриотизма (Rosen 2009, с. 361). Таким образом, изменение вектора деятельности политработников и учителей стало одним из важнейших аспектов в ослаблении системы надзора.

Более того, эффективная внутренняя система надзора стала невозможна после начала экономических реформ. Ориентированные на рынок преобразования требовали открытости во всех сферах. С момента начала реформы Китай посетило огромное число как хуацяо, так и европейцев; и наоборот – множество китайцев уехали за рубеж. The Voice of America (VOA), как и British Broadcasting Corporation (BBC) более не рассматривались как «вражеские программы» (Zhao 2000, с. 1601). Более того, студенты слушали их постоянно, в основном используя для практики английского языка. Студенты проводили много времени, обмениваясь информацией об американских университетах, обсуждая письма тех, кто уже уехал (Cheng 2009, с. 27). Богатый Запад и экономическое чудо близлежащих Тайваня и Южной Кореи резко контрастировали с экономической ситуацией в Китае. Это, вкупе с ещё свежими воспоминаниями о Культурной революции, пошатнуло веру общества, в особенности студентов и интеллигенции, в государство и социализм сам по себе (Pepper 1990, с. 179).

Таким образом, масштабный маховик реформ в сфере образования, запущенный в 80-е годы XX-го века, привел не только к изменению жизни людей Китая, но и к смене вектора общественного сознания и мышления. Студенчество и интеллигенция все более отдалялись от роли тех, кто определял вектор развития общественной жизни.

Их финансовое положение пошатнулось. Учеба отходила на задний план. Университет становился колыбелью развития радикализма. Упадок системы политического контроля, ранее выгодной для принимающих в ней участие студентов, а потому успешной и развитой, дал путь распространению диссидентских идей на территории кампуса. В атмосфере постоянной тесноты и соседства в общежитиях формировался круг недовольных политикой государства молодых людей.

Список источников и литературы

Cheng, E. Standoff at Tiananmen: How Chinese Students Shocked the World with a Magnificent Movement for Democracy and Liberty That Ended in the Tragic Tiananmen Massacre. NY: Sensys Corp., 2009. 320 p.

Pepper, S. China's education reform in the 1980s: Policies, issues, and historical perspectives. Berkeley: University of California Press, 1990. 196 p.

Rosen, S. Contemporary Chinese youth and the state // The Journal of Asian Studies. 2009. Vol. 68. № 2. P. 359-369.

Shirk, S. L. Competitive comrades: Career incentives and student strategies in China. Berkeley: University of California Press, 1982. 231 p.

Schurmann, F. Organization and ideology in communist China. Berkeley: University of California Press, 1968. 642 p.

Zhao, Dingxin. The power of Tiananmen: State-society relations and the 1989 Beijing student movement. Chicago: University of Chicago Press, 2004. 433 p.

Zhao, Dingxin. Foreign study as a safety-valve: The experience of China's university students going abroad in the eighties // Higher Education. 1996. Vol. 31. № 2. P. 145-163.

Zhao, Dingxin. State-society relations and the discourses and activities of the 1989 Beijing student movement //American Journal of Sociology, 2000. Vol. 105. № 6. P. 1592-1632.

Савиных Анна Андреевна
студентка 3 курса факультета востоковедения и африканистики Новосибирского Государственного Университета[1]

Основные проблемы современных японских арт-проектов на примере триеннале Этиго-Цумари

После того, как лопнул «экономический пузырь», многие районы Японии оказались еще более покинутыми и неразвитыми, чем раньше. Отчасти этому продолжают способствовать миграция рабочей силы в крупные города и старение населения. Японские арт-проекты, наследники экспериментального искусства 1960-х гг., появились в начале 1990-х гг. отчасти как попытка решения многих экономических и культурных проблем, затрагивающих регионы страны.

Директор Toride Art Project и профессор Токийского университета Кумакура Сумико японские арт-проекты определяет как инициативы в сфере искусства, воплощающиеся вне музеев и галерей и имеющие отличный от выставочного формат, в рамках которого уделяется особое внимание взаимодействию людей как с искусством, так и друг с другом. Само понятие включает в себя целый спектр видов деятельности: от создания художниками организаций и использования заброшенных зданий как выставочных площадок до масштабных фестивалей, обращающих внимание на проблемы определенных сообществ (Kamakura Sumiko 2015). Хотя подобные проекты существуют во многих странах мира, именно в Японии они стали явлением столь распространенным и теперь являются частью национальной стратегии по возрождению регионов.

Триеннале Этиго-Цумари — один из самых известных и успешных арт-проектов в Японии. Он был впервые проведен в 2000 г. под руководством Китагавы Фрам, который к концу 1990-х гг. уже успел стать заметной фигурой в арт-мире. Именно он был главным куратором первого в Японии масштабного проекта, связанного с публичным искусством, Фарет Татикава. Проект начался в 1994 году и имел целью обустройство бывшей американской военной базы в городке поблизости Токио. По замыслу Китагавы, по всему району Татикава были установлены 109 инсталляций художников, приглашенных со всего мира (Исогай Масахиро, 2018). Важной частью проекта было взаимодействие художников с местным сообществом и создание сайт-специфик работ, которые бы отражали в той или иной степени особенности места, где они установлены. Подобным же образом можно охарактеризовать триеннале Этиго-Цумари, при создании которого Китагава явно использовал опыт работы над своими предыдущими проектами.

[1] Научный руководитель — к. и. н. Евгения Львовна Фролова.

Как и в Фарэт Татикава, большую роль в Этиго-Цумари играет публичное искусство, однако, будучи установленным в совершенно ином, не городском контексте, оно приобретает совершенно иное значение. Работы, показанные в рамках фестиваля, глубоко сайт-специфичны и затрагивают проблемы, которые волнуют местных жителей. В качестве примера можно привести инсталляцию Исобэ Юкихиса “Куда пропала река?” (“Where has the river gone”), показанную в самый первый год проведения триеннале. Она состоит из 600 желтых флажков, установленных на протяжении 3.5 километров и воссоздающих бывший курс течения реки Синано. Эта работа представляет собой рефлексию на отношения между природой и человеком и особенно хорошо вписывается в общую концепцию фестиваля.

В триеннале принимают участие не только японские, но и многие западные художники, такие как, например, Марина Абрамович или Олег Кабаков. В целом с 2000 по 2018 гг. фестиваль посетило около 2640126 людей, и в сумме он принес организаторам более 57 миллионов йен (Gangwei Cai 2018). Однако подобная статистика мало говорит о качественных изменениях в регионе и влиянии триеннале на местное сообщество. На это могут указать социологические исследования, проведенные по следам фестиваля.

В 2005 году Мацумото Аяко провела опрос среди глав сёл, рядом с которыми проходит триеннале. В целом их отклик был положительным, и исследовательница пришла к выводу о положительной роли проекта в процессе создания социального капитала посредством увеличения количества коммуникации как внутри сообщества, так и между туристами и местными жителями (Мацумото Аяко и др. 2005).

В дальнейшем она продолжила исследование, и, объединив результаты опросов за три года (2000, 2003 и 2006), увидела несколько иные результаты: более половины опрошенных ответили, что коренных изменений они не почувствовали. Однако около 42% отметили увеличение количества «тем для разговора», то есть улучшение коммуникации. Вероятно, что на результаты немало повлиял тот факт, что эти опросы проводились уже непосредственно среди местных жителей, а не среди отдельных уполномоченных представителей деревень (Накасима Масахиро 2012).

Также исследованием воздействия фестиваля на население занимался сам Китагава Фрам, который в 2009 г. опросил представителей нескольких деревень региона. Большинство положительных отзывов о проекте было связано с взаимодействием с волонтерами, которые помогали проводить фестиваль, а также с большим потоком туристов, который помог оживить регион. Негативными же аспектами для опрошенных являлись увеличение количества транспорта, вроде туристических автобусов, а также проблемы во взаимопонимании между местными жителями и приезжими, которые появлялись во время создания и проведения фестиваля (Накасима Масахиро 2012).

Таким образом, опросы, проведенные среди населения, показывают, что большая часть эффективности арт-проекта связана именно со стимулированием социального

взаимодействия, которое играет в таких фестивалях даже более важную роль, чем само искусство. Незаменимой является работа волонтеров и людей, которые работают с жителями региона, где проходит фестиваль, т.к. именно на них лежит задача заинтересовать людей в проекте, обеспечить мирную коммуникацию с туристами. Хотя за подобную эксплуатацию волонтерского, неоплачиваемого труда триеннале также часто критикуется (Favell 2015).

Помимо того, проблема многих проектов заключается в том, что, несмотря на повторяемость, им не хватает продолжительности. Лишь временно внедряясь в жизнь местного сообщества, они не могут по-настоящему установить с ним связь и, следовательно, по-настоящему помочь. Нужно сказать, что организаторы Этиго-Цумари прислушиваются к подобной критике. В отличие от менее масштабных проектов, у триеннале есть ресурсы для того, чтобы создать более широкую программу мероприятий, происходящих даже вне официальных временных рамок. Например, в 2008 г. была создана НКО «Организация сотрудничества Этиго-Цумари Сатояма», при помощи которой стало возможно проводить различные мероприятия на протяжении года (Мотохиро Коидзуми 2010).

Эта проблема, однако, не столь легко разрешима для проектов с гораздо меньшим финансированием. Привлечение слишком большого количества спонсоров и государственных грантов ограничивает независимость проекта и свободу художественного выражения художников, в нём участвующих. Этиго-Цумари является примером успешного решения этой проблемы, в чем также помогло создание своей НКО и в целом переход на частное, а не государственное финансирование.

При этом, как замечает в своей статье Исогай Масахиро, несмотря на большие вложения со стороны муниципалитета и поддержку со стороны местных жителей, количество населения района Этиго-Цумари продолжает падать, а средний возраст — увеличиваться (Исогай Масахиро 2018). Таким образом, продолжают ухудшаться проблемы, на решение которых проект был направлен изначально. Становится очевидно, что проведение арт-фестивалей может являться лишь вспомогательным средством в процессе ревитализации и никак не может стать заменой продуманной социально-экономической политике.

Однако неспособность этих проектов решить реальные проблемы не обесценивает их самих. По мнению социолога Акихиро Китада, такое «региональное» искусство является ценным само по себе, так как, они воздействуют на целые сообщества людей, подталкивая их ко внутреннему сплочению и взаимодействию, саморефлексии и формированию региональной идентичности (Исогай Масахиро 2018). Хотя социологических исследований на эту тему всё еще не так много, и нельзя утверждать что абсолютно все арт-проекты способны подобным образом воздействовать на сообщества.

В то же время Этиго-Цумари, как и многие другие проекты, подвергаются критике и со стороны арт-сообщества за подобную социальную ангажированность. И хотя

можно поспорить, что само понятие «автономии искусства» является порождением западной философии и в целом неприменимо в японском контексте, арт-проекты, становясь лишь средством для достижения какой-либо цели, действительно могут становится монотонными и искусство – растворяться в политике и экономике. Мотохиро Коидзуми в своей статье про фестиваль Этиго-Цумари отмечает тот факт, что «региональные художественные проекты, ориентированные на конкретные цели, такие как «региональное возрождение посредством искусства», иногда ограничивают рамки художественного выражения и, как следствие, гомогенизируют культурную деятельность местного сообщества» (Мотохиро Коидзуми 2010). Чтобы этого избежать, организаторам необходимо обращать внимание также и на художественные качества проекта, даже если он имеет более процессуальный и партисипаторный характер, что усложняет его объективную оценку.

Проанализировав основные проблемы, с которыми сталкиваются арт-проекты, на примере известного триеннале, мы можем выделить основные факторы успеха подобных фестивалей: 1) качественное взаимодействие между населением региона, волонтёрами и туристами, что должно приводить к поддержке проекта со стороны местных жителей 2) баланс между инструментализацией искусства и сохранением его автономии (необходимость оценки художественных качеств) 3) финансовая независимость от муниципалитета, что обеспечивает несколько большую свободу выражения. При совпадении этих факторов возможно внутреннее сплочение местного сообщества, формирование региональной идентичности и успешное развитие самого проекта в целом.

Список использованных источников и литературы

Исогай Масахиро 磯貝政弘. А:то пуродзэкуто-то канко:, соно гэндзё:-то тэмбо:. アートプロジェクトと観光、その現状と展望 (Арт-проекты и туризм, их настоящее состояние и перспективы развития) // Журнал факультета Туризма университета Атоми, №4. Ниидза: 2018. С. 43-52.

Кацумура (Мацумото) Фумико, Ёсикава Госу, Ниси Маэда, Синтаро Кобаяси 勝村（松本）文子・吉川郷主・西前出・小林慎太郎. Гэйдзюцу-о мотиита тиики-дзукари-ни окэру дзюмин исики-ни кан-суру ё:ин-но бунсэки дайити-но гэйдзюцусай цумариториэна:ре-о дзирэй-тоситэ 芸術を用いた地域づくりにおける住民意識に関する要因の分析−大地の芸術祭妻有トリエンナーレを事例として (Анализ факторов, связанных с осведомленностью жителей о способах развития сообщества с помощью искусства - тематическое исследование фестиваля искусства Большой Земли Цумари Триеннале). // Журнал экологических исследований, №22. 2008. С. 457-462. URL: https://doi.org/10.11492/ceispapers.ceis22.0.457.0

Мотохиро Коидзуми 基弘小泉. Дарэ-га гэйдзюцу-о цукуру-но-ка. [тайти-но гэйдзюцусай. этиго цумари а:тоториэнна:рэ] ни-окэтру сэйкабуцу-о дзэнтэй-то синай

гэйдзюцу кацудо:-кара-но ко:сай　誰が芸術を作るのか．「大地の芸術祭・越後妻有アートトリエンナーレ」における成果物を　前提としない芸術活動からの考察 (Кто создает искусство? О триеннале Этиго-Цумари и его социально-ангажированном искусстве) // Ежегодный социологический обзор, №23. 2010. С. 35-46.

Накасима Масахиро 中島正博. Касо ко:рэйка тиики-ни окэру сэтоути кокусай гэйдзюцусай-то тиикидзукури. А:то пуродзэкуто-ни-ёру тиики кассэйка-то хитобито-но сэйкацу-но сицу 過疎高齢化地域における瀬戸内国際芸術祭と地域づくり。アートプロジェクトによる地域活性化と人びとの生活の質　(Триеннале Сэтоути и развитие сообществ в районах с уменьшающимся и стареющим населением. Региональная ревитализация и повышение качества жизни с помощью арт-проектов) // Журнал международных исследований университета Хиросима №18. Хиросима: 2012.

Favell A. Echigo-Tsumari and the art of the possible: the Fram Kitagawa philosophy in theory and practice// **Art Place Japan: The Echigo-Tsunami Triennial. Reconnecting Art and Nature**. Princeton Architectural Press. Princeton: 2015.

Kajiya K. Japanese Art Projects in History// FIELD: A Journal of Socially-Engaged Art Criticism. Issue 7: Japan’s Social Turn, 2017. URL:http://field-journal.com/issue-7/japanese-art-projects-in-history

Kawashima N. The Development of Art Projects in Japan: Policy and Economic Perspectives// FIELD: A Journal of Socially-Engaged Art Criticism. Issue 7: Japan’s Social Turn, 2017. URL: http://field-journal.com/issue-8/the-development-of-art-projects-in-japan-policy-and-economic-perspectives

Kumakura S. and Art Project Research Group. An Overview of Art Projects in Japan: A Society that Co-Creates with Art. Tokyo: Arts Council Tokyo, 2015.

Gangwei Cai, Lei Xu, Weijun Gao, Yan Hong, Xiaoyu Ying, Yan Wang and Fanyue Qian. The Positive Impacts of Exhibition-Driven Tourism on Sustainable Tourism, Economics, and Population: The Case of the Echigo–Tsumari Art Triennale in Japan// International Journal of Environmental Research and Public Health, 17(5):1489. 2020. URL: https://doi.org/10.3390/ijerph17051489.

Сащенко Мария Васильевна
магистрантка 1 курса
Восточного факультета СПбГУ[1]

Китайская община в странах Юго-Восточной Азии. Социокультурная трансформация

Китайская община занимает важное место в социально-культурной сфере жизни стран Юго-Восточной Азии. На данный момент в отечественной китаистике недостаточно изучена тема культурной адаптации китайцев в странах этого региона. Актуальность данной темы определяется, прежде всего, углублением взаимодействия стран АСЕАН и КНР в экономическом и культурном аспектах.

Существует несколько понятий для обозначения китайских мигрантов. Для начала определим некоторые важные из них для дальнейшего понимания темы. Под «хуацяо» 华侨 подразумевают выходцев из Китая, проживающих в других странах. К ним относятся как граждане КНР, временно проживающие за границей, так и потомки китайских эмигрантов более ранних волн, являющиеся гражданами стран, в которых они проживают. Термин «хуажэнь» 华人 является наиболее широким, включающим всех этнических китайцев, как в КНР, так и за рубежом. Большинство ханьцев в Юго-Восточной Азии предпочитают называть себя «хуажэнь». Также для более конкретного отождествления со страной пребывания используются следующие аббревиатуры: «фэйхуа» 菲华 (китайцы Филлипин), «махуа» 马华 (китайцы Малайзии), «иньхуа» 印华 (китайцы Индонезии). Под «хуаи» 华裔 понимают лиц китайского происхождения, родившихся и выросших за рубежом. Такое многообразие понятий возникло для того, чтобы различать китайцев из материкового Китая и переселенцев (Wang 1989, p. 35).

Большинство иммигрантов являлись выходцами из южных провинций Китая, прежде всего Гуандун и Фуцзянь. Среди китайцев Юго-Восточной Азии можно выделить следующие группы: кантонцы, фуцзяньцы, чаочжоусцы, хайнаньцы, хакка, фучжоусцы, китайские мусульмане[2] (Tan 2004, p. 91).

---

[1] Научный руководитель – к. и. н. Ковригин Никита Евгеньевич.

[2] Кантонцы - выходцы из двух районов провинции Гуандун (вокруг гг. Гуанчжоу и Тайшань). Говорят на диалектах группы юэ. Фуцзяньцы - выходцы из южной части провинции Фуцзянь (гг. Сямэнь, Цюаньчжоу, Чжанчжоу). Составляют большинство населения Тайваня. Говорят на диалектах южно-фуцзяньской группы миньнань. Чаочжоусцы - потомки фуцзяньских переселенцев в провинции Гуандун (гг. Чаочжоу, Шаньтоу, Цзеян). Говорят на диалектах южно-фуцзяньской группы миньнань. Хайнаньцы - потомки фуцзяньских переселенцев на острове Хайнань (гг. Цюнчжоу, Вэньчан), а также близкие к ним по происхождению и диалектной принадлежности жители полуострова Лэйчжоу (провинция Гуандун, гг. Хайкан, Чжаньцзян). Говорят на диалектах южно-фуцзяньской группы миньнань. Хакка - диалектная группа, разбросаны по горным районам южного Китая. В Юго-Восточной Азии преимущественно из гг. Мэйсянь, Хайфэн и Луфэн в провинции Гуандун. По количеству проживающих хакка лидируют Малайзия (ок. 1, 6 млн) и Индонезия (ок. 2 млн). Фучжоусцы - выходцы из одноимённого города в провинции Фуцзянь. Говорят на диалекте восточно-

Как известно, многие страны Юго-Восточной Азии испытали на себе влияние китайской и индийской культур. Культура Таиланда, в частности, в большей степени подверглась индийскому влиянию. Китай также оказал своё воздействие, в результате которого заимствованные элементы культуры трансформировались в соответствии с местными условиями. Например, к китайскому влиянию можно отнести распространение некоторых школ буддизма Махаяны, распространение конфуцианства среди бюрократической элиты. Буддизм в традиционном обществе Таиланда трансформировался в единую государственную религию и отличался от синкретизма «трёх учений» в Китае.

Начиная с конца XIII века в королевстве Сиам проживали китайские ремесленники. К 1910 году китайское население достигло около 10 % населения страны. Тайские китайцы были впервые названы «евреями востока» в газетах 1914 года. Представители китайского этноса всё чаще сопротивлялись ассимиляции, прибывая целыми семействами и обучая детей в собственных школах. По законодательству короля Рамы VI китайцы должны были принять тайские фамилии, а также платить тот же налог, что и тайцы. Община оказалась перед выбором: отказаться от китайской идентичности или же рассматриваться в качестве иностранцев. Нововведения в законодательстве ущемляли экономические и культурные права китайцев, вследствие чего они устроили забастовки, закрыв свои магазины. Тайская нация была полностью парализована, пока китайцы не решили прекратить забастовки (Kenneth 1940, p. 150). Таким образом, китайская культура являлась донором по отношению к тайскому обществу на протяжении нескольких столетий и, тем самым, способствовала трансформации этнической идентичности тайцев.

С начала XVII века наблюдался значительный приток китайских переселенцев в страны Юго-Восточного региона. Необходимо отметить, что основной поток китайской миграции (середина XIX – середина XX вв.) происходил в эпоху, когда общекитайская идентичность ещё не сформировалась, за исключением образованного меньшинства. В свою очередь страны Юго-Восточной Азии находились в колониальной зависимости от западных стран, поэтому их национальная идентичность также находилась в стадии формирования. Таиланд - единственное государство в Юго-Восточной Азии, которое никогда не было колонизировано.

Культура Вьетнама складывалась на основе местной, китайской и индийской культур. Индийская традиция во Вьетнаме активно усваивалась в первые века н.э. и адаптировалась в основном тьямами – одним из народов Вьетнама, живущими и сейчас на территории страны. Комплекс китайской культуры активно заимствовался во Вьетнаме. Однако под влиянием климатических и географических условий произошла трансформация многих характеристик китайской культуры на вьетнамский лад.

фуцзяньской группы миньдун. Китайские мусульмане - выделяемая по конфессиональному признаку группа выходцев из различных провинций – крупнейшая из провинции Юньнань, но также из провинций Гуандун и Фуцзянь.

Например, в культуре Вьетнама не получили развития монументальные сооружения, огромные буддийские храмы. Наоборот, во Вьетнаме преобладает мини-пластика, небольшие общинные храмы, частные усадьбы. Произведения искусства и архитектуры создавались в основном из дерева, во влажном климате многие из них не сохранились. Все эти различия объясняются тем, что Вьетнам по численности населения, многообразию климатических и этнокультурных зон, богатству и экономическому развитию, творческому потенциалу элиты значительно уступает Китаю. Кроме того, Вьетнаму постоянно приходилось тратить много сил и средств на противостояние агрессии соседних государств.

Население в юго-восточном регионе было культурно разнородном. При этом статус коренных жителей был выше, чем статус иммигрантов. Это часто отражалось в государственной политике и в конституциях. В Малайзии и Индонезии не происходило сильной ассимиляции представителей китайского этноса. В этих странах коренные жители назывались «бумипутра» в Малайзии и «прибуми» в Индонезии. Для обозначения потомков от смешанных браков между китайскими мигрантами XV-XII вв. и коренными жителями использовали термин «перанакан»[3]. Термин Баба-нёня использовали для именования тех китайских эмигрантов, которые вступали в брак с местными малайскими женщинами. В переводе это означает мужчина и женщина. Традиционными занятиями культуры «перанакан» были земледелие, ремесла, торговля и разведение домашнего скота. Некоторые черты китайского традиционного быта трансформировались под влиянием малайской культуры и породили новую оригинальную культуру перанакан, сочетающую в себе культурные элементы малайской и китайской культур.

Американский социолог Хьюберт Блэлок в ходе обоснования теории расовой угрозы, выдвинул интересное положение, согласно которому посредничество является одной из функций, которую может играть этническое меньшинство. Китайцы и индусы в Малайзии стали своеобразными посредниками между британской колониальной администрацией и местным коренным населением. Согласно теории Хьюберта Блэлока, существует ряд этнических групп по всему миру, которые занимают аналогичную позицию в социальной структуре. Среди них можно выделить евреев в западной Европе, азиатов на востоке Африки, армян и сирийцев в Турции (Bonacich 2013, p. 583). Главной особенностью этих посреднических меньшинств является их занятость преимущественно в торговле и коммерции. С распадом Британской империи и предоставлением независимости Малайзии, малайцы стали активнее участвовать в политике страны, что привело к возрастанию национализма по отношению к нетитульному китайскому населению.

[3] «Перанакан» - термин, используемый по отношению к потомкам китайских иммигрантов XV—XVII веков на территории полуострова Малакка и Зондского архипелага. На сегодняшний день эта волна китайской миграции довольно сильно ассимилирована среди местного населения.

Китайскому этносу присущи выносливость, трудолюбие, настойчивость в приспособлении к новым условиям. Именно данные качества помогли переселенцам преодолеть множество трудностей, с которыми они столкнулись в незнакомых странах. Однако клановость общества китайцев-иммигрантов препятствовала ассимиляции с местным населением и часто способствовала дискриминации и экономической изоляции. Одним из структурных феноменов социальной жизни мигрантов были и есть тайные общества. Триады [4] также активны в китайских общинах по всей Юго-Восточной Азии. Ранее тайные общества контролировали местные общины, которые занимались вымогательством, содержали опиумные притоны и вели другую преступную деятельность.

Занимаясь исследованиями китайской диаспоры в Лондоне, антрополог Джеймс Уотсон пришел к выводу, что многие эмигранты из Китая говорят очень плохо по-английски, несмотря на долгие годы проживания в Англии. Согласно его мнению, ресторанное дело, которым часто занимаются китайские эмигранты, создаёт изолированный мир, ограждающий иммигрантов от британской социокультурной среды. Аналогичная ситуация обстоит в Малайзии в китайской деревне Кампунг Пулай, заселенной преимущественно хакка, а также в штате Пенанг, где наблюдается высокая концентрация китайцев. На севере штата Келантан, где доминирует местное мусульманское население, китайцы больше подверглись аккультурации. Испытавшие влияние малайской культуры китайцы-перанаканы Келантана считают себя частью китайской общины. По своему самосознанию они остаются китайцами и называют себя «чино кампунг» (деревенские китайцы).

Таким образом, заимствуя целиком или частично китайский культурный комплекс, страны Юго-Восточной Азии трансформировали его в соответствии с потребностями местного сообщества, образовав собственные оригинальные культуры в рамках буддо-конфуцианской цивилизации. Многие страны Юго-Восточной Азии в 90-х гг. XX века демонстрировали экономический подъём, что в первую очередь связывается с присутствием китайских общин, которые внесли свой вклад в экономическое процветание региона. К таким странам можно отнести «азиатского тигра»[5] Сингапур, в котором проживает 75 % этнических китайцев, а также «азиатских тигров второй волны» - Индонезию, Малайзию, Филиппины, Таиланд и Вьетнам. Китайские общины сыграли значительную роль и в развитии самого Китая. Мигранты стали значимой силой модернизации страны, а также связующим звеном между Китаем и внешним миром.

---

[4] Триады – (*саньхэхуэй* 三合会) форма тайных преступных организаций в Китае и китайской диаспоре.
[5] «Четыре азиатских тигра» - неофициальное название экономик Южной Кореи, Сингапура, Гонконга и Тайваня, демонстрировавших очень высокие темпы экономического развития с начала 1960-х до финансового кризиса 1990-х годов.

Список использованной литературы

Сурядината Л. Этнический китайский вопрос и национальная интеграция в Индонезии // Тенденции в Юго-Восточной Азии, № 2. 1999. С.1-21.

Сурядината Л. Китайские индонезийцы в эпоху глобализации: некоторые основные характеристики // Этнические китайцы в современной Индонезии, 2008. С. 1–16.

Bonacich E. A Theory of Middleman Minorities // American Sociological Review, No. 5, 2013, 600 p.

Kenneth P. The Problem of the Chinese in Thailand // Pacific Affairs. No.2, 1940, 260 p.

Milton J. Diasporas in the Contemporary World. Cambridge: Polity Press, 2009. 207 p.

Tan C. Chinese Overseas // Comparative Cultural Issues. 2004. 255 p.

Wang G. Patterns of Chinese migration in historical perspective Observing Change in Asia, 1989. pp. 33-48.

Сёмочкина Адель Сергеевна
студентка 3 курса кафедры истории стран Дальнего Востока
Восточный факультет СПбГУ[1]

Образ России в средствах массовой информации современного Китая

С момента подписания 16 июля 2001 года «договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой российско-китайские отношения находятся в состоянии непрерывного динамичного подъёма. Державы имеют ряд соглашений в крупнейших отраслях промышленности, топливно-энергетической, транспортной и пр. сферах, а регулярные встречи на высоком уровне и как вне, так и в рамках многосторонних саммитов БРИКС, ШОС, АТЭС лишь способствуют укреплению отношений России и Китая и выработке наиболее эффективных механизмов их взаимодействия.

На этом фоне принципиально важно следить за изменением образа России в китайских СМИ, характеристикой информационных поводов, контекстными особенностями статей, а также учитывать особенности новостных изданий. В этой связи, несмотря на то, что традиционно информационные агентства придерживаются преимущественно нейтральной позиции в отношении дружественных государств, Россия явно выделяется из общего числа партнеров Китая: образ независимой державы с «жестким» характером, закрепившийся ещё в давнем описании русских как «воинственного народа» (战斗民族), активно продвигается на страницах изданий. Тем не менее в контексте новостных изданий «воинственность» и «жесткость» России трактуются не как грубая сила, а как решительность и принципиальность надежного партнера и друга Китая.

Первой и во многом основополагающей особенностью формирования образа России в средствах массовой информации является зависимость китайских СМИ от официальной политической повестки КНР по отношению к России. Цензура в социальных сетях, информационных агентствах и на пр. информационных платформах привела к фактическому слиянию позиции Пекина и крупнейших агентств (Жэньминь жибао (人民日报), Синьхуа (新华), Хуаньцю шибао (环球时报)), тем самым превращая СМИ во многом в транслятора мнения китайского правительства. Тем не менее, нельзя заявить о монопольном праве правительства на информационные издания: цензура лишь задает вектор развития средств массовой информации, а не прямое содержание статей.

Характеризуя информационные поводы, рассмотрим статьи, опубликованные в период 2019-2021 гг. Так, инфоповоды можно разделить на три основные категории:

[1] Научный руководитель – ст. лаб. отдела Востока Государственной Эрмитажа К. К. Петров

внутренняя политика России; взаимоотношения России с Западными державами; российско-китайские отношения.

Внутренняя политика. Стоит отметить, что китайские СМИ редко поднимают тему внутренней политики России, дела больший упор на внешнеполитическую повестку. Тем не менее, информационные агентства КНР, как и Запада, не смогли пройти мимо февральских митингов и процесса над А.В. Навальным. Митинги фигурируют в источниках как «демонстрации», однако никакой оценки происходившему авторы не дают. В отношении А.В. Навального СМИ Китая придерживаются официальной позиции Москвы, а также поддерживают заявления российских политиков о вмешательстве иностранных государств во внутренние процессы РФ[2].

Также в повестке китайских агентств на начало 2020 года фигурировала тема отставки правительства Д.А. Медведева и назначение кабинета министров во главе с М.В. Мишустиным. Отставка стала «неожиданным событием» для Китая, которое авторы связали с «социальными недовольствами из-за продолжительного экономического спада»[3]. Кроме того, в статье поднимается вопрос о будущем политической карьеры В.В. Путина, который ввиду ситуации на начало 2020 г. не мог рассчитывать на второй президентский срок: «трудно представить, что такой сильный лидер с большой политической ответственностью уйдет с политической арены в 2024 г.»[4].

Однако, несмотря на данные процессы, информационные агентства видят в России соседа с довольно стабильным политическим режимом, во главе которого стоит сильный и опытный лидер, а нынешний режим предпринимает многое, дабы сдержать деструктивные силы.

Отношения с Западом. В контексте взаимоотношений со странами Запада китайские СМИ часто проводят параллели между положением КНР и России: обе державы подвергаются сильному давлению на международной арене, сталкиваются с неоправданной критикой и намеренной дискредитацией.

Так, описывая ситуацию с проектом «Северный поток-2», информационные агентства Китая опираются на точку зрения российских политиков для раскрытия проблематики вопроса, приводя в пример множество цитат: «…официальный представитель МИД России Захарова раскритиковала подход США, заявив, что проект «Северный поток-2» - это экономический проект между Россией и Европой, который

---

[2] Мэйгожэнь чжэмэ гань, элосы ну (美国人这么干，俄罗斯怒 Такие поступки американцев провоцируют Россию) [электронный ресурс] URL: 美国人这么干，俄罗斯怒！ (huanqiu.com) (дата обращения: 25.03.2021)

[3] Элосы чжэнфу цюаньти цычжи, юаньинь цзюцзин ши шэньмэ? (俄罗斯政府全体辞职，原因究竟是什么？ Российское правительство полностью ушло в отставку, какова же причина?) [электронный ресурс] URL: 俄罗斯政府全体辞职，原因究竟是什么？ (huanqiu.com) (дата обращения: 25.03.2021)

[4] Там же.

не имеет ничего общего с Соединенными Штатами»; «Министр иностранных дел России Лавров недавно заявил…что санкции США против проекта газопровода…еще раз показали, что Соединенные Штаты вводят санкции против своих традиционных союзников в Европе в своих интересах, что достаточно, чтобы показать их ненадежность» [5]. Кроме того, санкции, задержка проекта, смена инвесторов и операторов проекта и т.п. – всё это в глазах китайских авторов является «незаконным вмешательством»[6] США в дела России и Европы. Таким образом, можно отметить, что СМИ КНР активно поддерживают позицию РФ в данном вопросе, а также отмечают решительность российских политиков в отстаивание интересов державы.

Безусловно наиболее ярким информационным поводом стала эпидемия и борьба с ней. На этом фоне наиболее остро информационные агентства Китая реагируют на безосновательные заявления европейских СМИ в неэффективности российской вакцины и соперничестве между Россией и Китаем, бойкотировании обеими державами друг друга для продвижения вакцины. По их мнению, «по сравнению с эгоистичными действиями европейских стран и США, Китай и Россия обладают особенно заметным чувством ответственности перед лицом глобальных опасностей»[7]. Более того, китайские СМИ отмечают важность действий России в борьбе с вирусом, поддерживают заявления министра иностранных дел Лаврова о «недопустимости политизации вируса» и в целом критикуют линию преуменьшения действительных заслуг России европейскими информационными агентства: «с момента запуска вакцин в Китае и России они активно оказывают помощь развивающимся странам… Но даже в этом случае некоторые люди все еще думают, что Китай и Россия используют данную возможность для расширения своего влияния, пытаясь судить других по себе».[8]

Говоря непосредственно об отношениях России и Соединенных Штатов, китайские СМИ подчеркивают, что «с прихода Байдена к власти его администрация часто критиковала Москву и недавно возобновила свою жесткую политику в отношении России»[9]. Авторы отмечают, что несмотря на многочисленные обвинения

---

[5] Мэй чжицай «бэйси-2» сянму цзао дого фаньдуй цзахалова: сянму юй мэйго угуань мэй уцюань ганьшэ (美制裁“北溪-2”项目遭多国反对 扎哈罗娃：项目与美无关 美无权干涉 Американские санкции касательно проекта «Северный поток-2» неожиданного натолкнулись на протесты со стороны многих государств. Захарова: проект не имеет отношения к США, США не имеют права вмешиваться) [электронный ресурс] URL: 美制裁“北溪-2”项目遭多国反对 扎哈罗娃：项目与美无关 美无权干涉 (huanqiu.com) (дата обращения: 25.03.2021)

[6] Там же.

[7] Шигуань имяо, хэлань мэйти цзин тяобо чжунэгуаньси! Сяньэ баодао бэй э вайцзяобу ну (事关疫苗，荷兰媒体竟挑拨中俄关系！险恶报道被俄外交部怒斥 Речь идет о вакцинах, а голландские СМИ фактически ссорят КНР и РФ! Коварные сообщения вызвали недовольство МИД РФ) [электронный ресурс] URL: 事关疫苗，荷兰媒体竟挑拨中俄关系！险恶报道被俄外交部怒斥 (baidu.com) (дата обращения: 25.03.2021).

[8] Там же.

[9] Мэй синь чжэнфу пиньпинь «ши цян» эмэй гуаньси хуй гэн цзао ма? (美新政府频频“示强” 俄美关系会更糟吗 Новое правительство США постоянно «демонстрирует силу» Смогут ли российско-

Вашингтона в кибератаках, вмешательствах в выборы и пр., Россия все еще готова к ведению диалога, однако «во избежание конфронтации…Россия провела «красную черту» …Если Соединенные Штаты будут продолжать попытки подавления России, Россия, в свою очередь, также рассмотрит возможность «сдерживания Соединенных Штатов»»[10]. Принципиальность партнера в отношении Штатов также прослеживается в вопросах продолжения сотрудничества в рамках «договора об открытом небе» и «договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности»: Россия неоднократно настаивала на возобновление диалога с Белых Домом. Кроме того, китайские агентства отмечают готовность Москвы к сотрудничеству с США в вопросах изменения климата, ядерного разоружения Ирана и пр. глобальных вопросах[11].

Исходя из всего вышесказанного, можно отметить, что китайские средства массовой информации описывают Россию на международной арене, как важного игрока, который в одиночку противостоит коалиции европейских государств и США. Держава непреклонно отстаивает свои интересы, открыто и без страха выражает своё мнение относительно важных вопросов, решительно противостоит агрессии, критике и русофобии. Авторы нередко подчеркивают политический авторитет России на международной арене, который зиждется на стабильном политическом курсе и независимости в принятие решений.

Отношения с Китаем. Наиболее освещаемой темой на страницах новостных изданий Китая бесспорно являются российско-китайские отношения. Цитируя Сунь Чжуанчжи[12], один из авторов пишет, что «российско-китайские отношения выдержали испытание эпидемией и показали хорошую динамику развития…В борьбе с эпидемией в прошлом году две страны укрепляли сотрудничество, помогали и поддерживали друг друга. Россия поддерживает Китай, выступает против беспочвенных обвинений Китая со стороны США и укрепляет эффективное сотрудничество в различных областях», кроме того он отмечает активные контакты между главами РФ и КНР в течение 2020 года[13]. В одной из статей значатся данные опроса RT, в ходе которого более 1600 респондентов попросили высказать свое мнение относительно сильных держав и выбрать одну из них: так, более 3\4 продемонстрировало положительное отношение к

американские отношения еще сильнее ухудшиться?) [электронный ресурс] URL: 美新政府频频“示强”俄美关系会更糟吗 (huanqiu.com) (дата обращения: 25.03.2021)

[10] Там же.

[11] Мэй синь чжэнфу пиньпинь «ши цян» эмэй гуаньси хуй гэн цзао ма?

[12] Директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии социальных наук

[13] Чжуаньцзя: чжунэ гуаньси цзиншоу лэ ицин каоянь бин чжаньсянь лянхао фачжань шитоу (专家：中俄关系经受住了疫情考验并展现出良好发展势头 Специалист: выдержали испытание эпидемией и показали хорошую динамику развития) [электронный ресурс] URL: 专家：中俄关系经受住了疫情考验并展现出良好发展势头|外交|拜登|欧亚|孙壮志_网易订阅 (163.com) (дата обращения: 25.03.2021)

Китаю[14]. На ряду с этими данными содержится призыв китайских СМИ к большему углублению отношений между Россией и Китаем, хотя уже на данный момент «стороны наладили сотрудничество в сельском хозяйстве, науке и технике, а также в области 5G, облачных сервисов и пр. «умных» отраслях.» [15]. На международной арене «две страны координируют свои действия и поддерживают друг друга в основных международных вопросах.»[16]

Кроме того, дружественный характер взаимодействий прослеживается и в отношениях между первыми лицами двух держав. Так, С. Лавров во время телефонного разговора с главой МИД КНР Ван И отметил, что «главы двух государств поддерживают тесные контакты, что служит важным стратегическим руководством в развитии двусторонних отношений»[17]. Как можно заметить, во время встреч как В.В. Путин, так и Си Цзиньпин в отношение друг друга часто используют слово «друг» или словосочетание «лучший друг» - формула, которую часто отмечают СМИ.

Исходя из всего вышесказанного, напрашивается однозначный вывод: для Китая, официального или новостного, Россия – это в первую очередь близкий друг. Это прослеживается не только в контексте самих статей, их настроении, но также и в используемой терминологии. Так, стоит отметить, что, говоря о России, китайские независимые эксперты и новостные агентства употребляют китайскую терминологию, как например, понятия «мягкой силы» или же «российской мечты». Кроме того, необходимо подчеркнуть, что Россия и Китай, упоминаемые в одном тексте, для дальнейшего избегания тавтологии передаются с помощью местоимения «мы» - соответственно в парадигме «свой и чужой» Россия фактически является для Китая «своим». В качестве «другого», то есть чужого, Россию воспринимают редко: это зависит от проблематики статьи и мнении двух стран по тому или иному вопросу.

Подводя итог, можно отметить следующую тенденцию: говоря непосредственно об образе России в Китае на данный момент, китайские СМИ четко не озвучивают своё отношение к событиям, прямо или косвенно связанными с Россией. Данное обстоятельство частично можно связать с особенностями национального характера китайцев – в китайской культуре существует концепция «потери лица», одним из проявлений которой может быть выставление кого-то в неприятном свете. Основной же причиной, конечно, являются тесные дружеские и партнерские отношения между

---

[14] Чжунъэ гуаньси да лиши цзуй гао шуйпин, э гунбу цзуй синь иньдяо, 3\4 шоуфанчжэ дуй чжунго маньи (中俄关系达历史最高水平，俄公布最新民调，3/4 受访者对中国满意 Российско-китайские отношения достигли самого высокого уровня за всю историю, недавний опрос общественного мнения в РФ, показал, что 3\4 опрошенных положительно относятся к Китаю) [электронный ресурс] URL: 中俄关系达历史最高水平，俄公布最新民调，3/4 受访者对中国满意_腾讯新闻 (qq.com) (дата обращения: 25.03.2021)

[15] Чжуаньцзя: чжунэ гуаньси цзиншоу лэ ицин каоянь бин чжаньсянь лянхао фачжань шитоу

[16] Там же.

[17] Китай и Россия подчеркнули важность невмешательства во внутренние дела других стран [электронный ресурс] URL: Китай и Россия подчеркнули важность невмешательства во внутренние дела других стран (people.com.cn) (дата обращения: 25.03.2021)

двумя державами, которые предопределили более лояльное отношение друг к другу. Однако, несмотря на отсутствие однозначного мнения, на поддержку китайскими агентствами пророссийской линии указывает следующее: когда дело касается России, СМИ в вопросах, не затрагивающих Китай, всегда озвучивают мнение лишь российских экспертов и придерживаются именно российской позиции. Именно данная особенность и раскрывает партнерский и, что более важно, дружественный характер отношений двух держав.

Список литературы

Мэйгожэнь чжэмэ гань, элосы ну (美国人这么干，俄罗斯怒 Такие поступки американцев провоцируют Россию) [электронный ресурс] URL: 美国人这么干，俄罗斯怒！(huanqiu.com) (дата обращения: 25.03.2021)

Мэй чжицай «бэйси-2» сянму цзао дого фаньдуй цзахалова: сянму юй мэйго угуань мэй уцюань ганьшэ (美制裁“北溪-2”项目遭多国反对 扎哈罗娃：项目与美无关 美无权干涉 Американские санкции касательно проекта «Северный поток-2» неожиданного натолкнулись на протесты со стороны многих государств. Захарова: проект не имеет отношения к США, США не имеют права вмешиваться) [электронный ресурс] URL: 美制裁“北溪-2”项目遭多国反对 扎哈罗娃：项目与美无关 美无权干涉 (huanqiu.com) (дата обращения: 25.03.2021)

Шигуань имяо, хэлань мэйти цзин тяобо чжунэгуаньси! Сяньэ баодао бэй э вайцзяобу ну (事关疫苗，荷兰媒体竟挑拨中俄关系！险恶报道被俄外交部怒斥 Речь идет о вакцинах, а голландские СМИ фактически ссорят КНР и РФ! Коварные сообщения вызвали недовольство МИД РФ) [электронный ресурс] URL: 事关疫苗，荷兰媒体竟挑拨中俄关系！险恶报道被俄外交部怒斥 (baidu.com) (дата обращения: 25.03.2021)

Элосы чжэнфу цюаньти цычжи, юаньинь цзюцзин ши шэньмэ? (俄罗斯政府全体辞职，原因究竟是什么？Российское правительство полностью ушло в отставку, какова же причина?) [электронный ресурс] URL: 俄罗斯政府全体辞职，原因究竟是什么？(huanqiu.com) (дата обращения: 25.03.2021)

Мэй синь чжэнфу пиньпинь «ши цян» эмэй гуаньси хуй гэн цзао ма? (美新政府频频“示强” 俄美关系会更糟吗 Новое правительство США постоянно «демонстрирует силу» Смогут ли российско-американские отношения еще сильнее ухудшиться?)

[электронный ресурс] URL: 美新政府频频“示强” 俄美关系会更糟吗 (huanqiu.com) (дата обращения: 25.03.2021)

Чжунъэ гуаньси да лиши цзуй гао шуйпин, э гунбу цзуй синь иньдяо, 3\4 шоуфанчжэ дуй чжунго маньи (中俄关系达历史最高水平，俄公布最新民调，3/4 受访者对中国满意 Российско-китайские отношения достигли самого высокого уровня за всю историю, недавний опрос общественного мнения в РФ, показал, что 3\4 опрошенных положительно относятся к Китаю) [электронный ресурс] URL: 中俄关系达历史最高水平，俄公布最新民调，3/4 受访者对中国满意_腾讯新闻 (qq.com) (дата обращения: 25.03.2021)

Чжуаньцзя: чжунэ гуаньси цзиншоу лэ ицин каоянь бин чжаньсянь лянхао фачжань шитоу (专家：中俄关系经受住了疫情考验并展现出良好发展势头 Специалист: выдержали испытание эпидемией и показали хорошую динамику развития) [электронный ресурс] URL: 专家：中俄关系经受住了疫情考验并展现出良好发展势头|外交|拜登|欧亚|孙壮志_网易订阅 (163.com) (дата обращения: 25.03.2021)

Сизов Сергей Владимирович
студент 3 курса кафедры филологии Юго-Восточной Азии
Восточный факультет СПбГУ[1]

Дискурсивные маркеры в бирманском языке

Изучение дискурсивных маркеров – относительно новое направление в лингвистике. В связи с этим, единого подхода и терминологии для описания этой группы еще не сложилось. Тем не менее, исследования в этой области в последнее время активно велись и ведутся как за рубежом, так и в России. Работа по изучению дискурсивных слов в языках Азии и Африки ведется, в том числе, и в стенах СПбГУ. Проект группы лингвистов СПбГУ «Линейные и нелинейные способы обеспечения целостности и связности текста на языках Азии и Африки» на момент написания данной работы завершен, и по его результатам к изданию готовится коллективная монография. Однако бирманского среди шести языков, попавших в эту монографию, к сожалению, нет. Таким образом, этой работой мы надеемся дополнить исследования в этой сфере материалом бирманского языка.

Теоретические основы изучения дискурсивных слов представлены в диссертации Блюдневой А.А. [2] На наш взгляд, в этой работе наиболее доступно и кратко проанализирована данная категория, теоретическое обоснование ее выделения, история и актуальное состояние ее исследования.

Среди многообразия терминов, которыми исследователи именуют эту группу, Блюднева А.А. придерживается наиболее распространенного и удачного, на ее взгляд, обозначения “дискурсивные маркеры”. В качестве одной из важнейших особенностей этой группы она выделяет то, что эту группу составляют единицы с самыми разными структурными, семантическими и стилистическими свойствами. Объединены же эти единицы **по функциональному признаку**. Автор указывает на то, что этот факт отмечает большинство исследователей данной категории. Например, она приводит следующее определение Б. Фрейзера:

“[ДМ это] ***функциональный*** *класс лексических выражений, которые, будучи частью сегмента дискурса, не являются частью его пропозиционального содержания, но указывают («маркируют») на прагматическую установку адресанта”*[3]

Блюднева А.А. отмечает, что другим отличительным свойством дискурсивных маркеров является то, что они не вносят существенного вклада в информативное содержание высказывания, т.е. в то, что́ сообщается в высказывании. Чтобы в этом

---

[1] Научный руководитель – д. филол. н., профессор Рудольф Алексеевич Янсон
[22] Блюднева А.А. Дискурсивные маркеры в аудиовизуальном переводе с английского языка на русский (сопоставление субтитрования и дубляжа художественных фильмов). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, МГУ, 2020
[3] Op cit, c.18

убедиться, пишет автор диссертации, достаточно изъять дискурсивный маркер из предложения – на пропозиции высказывания это никак не скажется. Однако ДМ наделены определенным функциональным значением, которое заключается в том, чтобы организовывать дискурс, т.е. способствовать его связности и целостности, а также регулировать межличностные и «статусно-ролевые» отношения собеседников.

Блюднева А.А. выделяет ряд фонетических, морфологических, синтаксических и иных признаков, характерных для дискурсивных маркеров. Среди них она выделяет два дифференцирующих признака, достаточных для включения языковой единицы в данную категорию. Это, во-первых, "невключенность" в пропозицию высказывания (маркеры не несут фактической информации, но сообщают, в какой последовательности и модальности воспринимать факты). Во-вторых, синтаксическая автономность (маркеры не входят в состав главных членов предложения и их групп; это отражается пунктуацией на письме и интонацией в речи).

Исходя из вышеперечисленных особенностей данной группы, дискурсивные маркеры автор диссертации определяет следующим образом:

"[ДМ] это транскатегориальный класс языковых единиц, которые играют вспомогательную роль в организации и регулировании дискурса, не включены в пропозицию соответствующего высказывания и не входят в синтаксическую структуру предложения".[4]

Блюднева А.А. признает основной функцией дискурсивных маркеров "идентификацию дискурсивной структуры". Иными словами, функция дискурсивных маркеров заключается в организации и структурировании дискурса, в выражении связи между его сегментами и сообщении ему целостности. При этом автор диссертации склоняется к тому мнению, что маркеры по своей сути являются полифункциональными, и нельзя говорить о том, что какие-то из них обозначают исключительно формально-дискурсивные, а другие – прагматические отношения. В обоснование своей точки зрения она приводит следующий пример:

«A: *What are you going to do now?* – B: *Well, I'm moving out*»

Маркер *well* здесь, поясняет автор диссертации, выступает дискурсивным маркером, так как связывает данное высказывание с предыдущим, и одновременно прагматическим маркером, так как указывает на то, что собеседник B не хочет задеть собеседника A прямолинейным ответом. На основании этого автор склоняется к тому, что проводить различие между дискурсивными и прагматическими маркерами (как это делает, в частности, Б.Фрейзер) нецелесообразно.

Блюднева А.А. выделяет две макрофункции дискурсивных маркеров: формально-дискурсивную и прагматическую. Формально-дискурсивная функция заключается в обеспечении связи языковых форм, стоящих за ними пропозиций и иллокутивных сил высказываний. Прагматическая функция отвечает за выражение отношения адресанта

[4] Op cit, c.20

к сообщению, а также отношения между адресатом и адресантом. В рамках двух вышеуказанных макрофункций автор диссертации выделяет ряд отдельных функций, присущих дискурсивным маркерам. При анализе ДМ бирманского языка мы будем руководствоваться классификацией функций ДМ, которой Блюднева А.А. придерживается в своей работе.

В задачу настоящей работы входит установление языковых единиц, выполняющих в бирманском языке различные функции дискурсивного маркирования, а также их распределение в рамках функциональной классификации, основой которой послужила классификация Блюдневой А.А., дополненная также функциональными группами, выделенными в работах В.Б. Касевича[5] и Е.Н. Колпачковой[6].

Важно отметить, что перевод, которым снабжено описание и пример употребления каждого дискурсивного маркера, не является его естественным эквивалентом. Как пишет Блюднева А.А., при переводе дискурсивных маркеров следует искать функциональные эквиваленты маркеров, т.е. единицы, выполняющие ту же дискурсивную функцию в языке перевода. При этом эквивалент должен соответствовать принципу естественности звучания, то есть подходить по стилю и степени формальности. Таким образом, некоторые из предложенных нами переводов ДМ, которые будут рассмотрены ниже, лишь приблизительно отражают функцию, которую дискурсивные маркер выполняет в данном конкретном контексте. Заметим также, что примеры употребления маркеров даются без глоссирования и транскрипции предложений, так как семантика ДМ становится ясна из перевода.

Начнем обзор дискурсивных маркеров бирманского языка с рассмотрения группы маркеров, выполняющих формально-дискурсивные функции. В первую очередь это **маркеры тематической организации**. По Блюдневой А.А., ими являются маркеры, обозначающие смену темы, завершение темы или отклонение от темы. Касевич В.Б. называет такие маркеры коннективами и поясняет, что в тексте такие маркеры подчеркивают преемственность изложения или, напротив, указывают на переход к другому смысловому блоку. В отдельную группу он определяет маркеры, выделяющие контрастивную тему (например, *-то* во фразе *Иванов-то понимает, а вот остальные – не уверен*) [7] . Колпачкова Е.Н. дополняет группу коннективов маркерами, выражающими причинно-следственные отношения между составляющими дискурса, маркерами переключения, маркерами детализации и маркерами линейной преемственности.

---

[5] Касевич В.Б. и др. Дискурсивные слова восточного текста//Языки Стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки: материалы XI Международной научной конференции, СПбГУ, 2014

[6] Колпачкова Е.Н. Модальные и дискурсивные слова в современном китайском языке// Языки Стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки: материалы XI Международной научной конференции, СПбГУ, 2014

[7] Op cit, c.88

Обратимся к материалу бирманского языка и рассмотрим конкретные образцы дискурсивных слов этой группы:

1) Маркеры смены темы: စကားမစပ် [zə-gá-mə-saʔ][8] “кстати”, ဒါထက် [dà-dɛʔ] “и еще вот что:…”, ဒါအပြင် [dà-əpjìɴ] “кроме того,…”, ဒါနဲ့ [dà-nɛ̰] “между тем”.

Пример: **ဒါထက်စကားမစပ်**… ကာရစ်ဘီယံပင်လယ်က ပင်လယ်ဓားပြ ဓာတ်ရှင်ကားတွေ ကြည့်ဖူးကြလား။

И вот еще, кстати, вы смотрели фильмы “Пираты Карибского моря”?

2) Маркеры завершения темы: အဲဒီလိုပဲ [é-dì-lò-bɛ́] “вот так”, ဒါပါပဲ [dà-bà-bɛ́] “вот и всё”, အဲလောက်ပါပဲ [é-laʊʔ-pà-bɛ́] “как-то так”

Пример: တတ်နိုင်သမျှ စုဆောင်းရသမျှ အကူအညီတွေကို သွားပေးတယ်။ **အဲလောက်ပါပဲ**။ Помогаем, чем можем, **как-то так**.

3) Маркеры контрастивной темы: တော့ [tɔ̰], ကျတော့ [tɕa̰-dɔ̰], ကတော့ [ga̰-dɔ̰] – “что касается…” (употребляются вариативно).

Пример: ကျွန်တော်က**ကျတော့** ပန်းချီဆွဲပြီး ပန်းချီရောင်းတယ်၊ အဖေက**ကျတော့** အအေးဆိုင်ဖွင့်တယ်။ **Что касается меня**, то я рисую и продаю картины; **а что касается** отца, то он открыл питейное заведение.

4) Маркеры причинно-следственных отношений: ဘာဖြစ်လို့လဲဆိုတော့ [bà-pʰjɪʔ-lo̰-lɛ́-sʰò-dɔ̰], ဘာကြောင့်လဲဆိုတော့ [bà-dza̰ʊɴ-lɛ́-sʰò-dɔ̰] “потому что”, ဒါ့ကြောင့် [da̰-dza̰ʊɴ] “поэтому”, ဒါဆိုရင် [dà-sʰò-jìɴ] “в таком случае, раз так”

Пример: **ဒါဆိုရင်**တော့ ကြက်သွန်နီလှီးတိုင်း မျက်ရည်ကျမယ် မထင်တော့ပါဘူးနော်။ **В таком случае**, у вас больше не будут течь слёзы, когда вы будете резать лук.

5) Маркеры переключения: ဒါပေမဲ့ [dà-bè-mɛ̰] “но, однако”, ဘယ်လိုပဲဖြစ်ဖြစ် [bɛ̀-lò-bɛ́-pʰjɪʔ-pʰjɪʔ] “все равно”

Пример: …**ဘယ်လိုပဲဖြစ်ဖြစ်** ရောဝတီတိုင်းဒေသကြီးတခုလုံးအတွက် လိုအပ်တဲ့ဓါတ်အားကို ဒီစီမံကိန်းက အပြည့်အဝထောက်ပံ့ပေးနိုင်မှာပါ။ [Запросы вырастут]**, но все равно** этот проект сможет обеспечить весь округ Иравади необходимой электроэнергией.

[8] Здесь и далее – траскрипция IPA

6) Маркеры линейной преемственности: ပြီးတော့ [pjí-dɔ̰], နောက်ပြီး [naʊʔ-pjí] – “потом”, ပြီးရင် [pjí-jìɴ] – “после этого”, ဒါဆိုရင် [dà-sʰò-jìɴ] – “и тогда”.

Пример: အမှားတွေပိုပိုပြီး လုပ်လာကြပါလိမ့်မယ်။ **နောက်ပြီး** ဒီလို အမှားမျိုးတွေက… အကုန်အကျများနိုင်ပါတယ်။ Делается больше ошибок. **И потом**, такие ошибки могут нанести значительный ущерб.

Среди формально-дискурсивных маркеров выделим также группу маркеров, выполняющих функцию **оформление коммуникативного шага**. С их помощью коммуникант берет слово, обозначает начало своего высказывания. Это такие маркеры, как ကဲ [kɛ́], ကဲ့ [kɛ̰], ကိုင်း [káɪɴ] – “ну, так”, ဟေ့ [hɛ̰], ဟဲ့ [hɛ̰], ဒီမှာ [dì-m̥à] – “эй”, အေး [ʔé], အင်း [ʔíɴ], အဲ [ʔɛ́] – “эмм, э-э”

Пример: **ကဲ**… မင်း ဘာစားမလဲ ဘာသောက်မလဲ။ **Так**… Что будем заказывать?

Согласно выбранной нами классификации, отдельно выделяются маркеры **пояснения**, или детализирующие ДМ. Колпачкова Е.Н. относит их к группе коннективов. Функция этих ДМ заключается в маркировании информации как уточняющей содержание предшествующего фрагмента дискурса. Это такие маркеры как: ဆိုလိုတာက [sʰò-lò-dà-ga̰] “то есть”, အထူးသဖြင့် [ʔətʰú-θə-pʰjɪ̰ɴ] “особенно”

Пример: နည်းလမ်းများစွာ ရှိပါတယ်။ **ဆိုလိုတာက** သင့်အတွက် အဆင်ပြေတဲ့ အရာတစ်ခုခုကို ရှာဖွေရတာက အတော်လေး လွယ်ကူပါတယ်။ Есть много способов. **То есть**, легко найти что-то, что будет вам удобно.

Функция **ввода примера**, иллюстрирующего содержание предшествующего фрагмента дискурса, реализуется следующими маркерами: ဥပမာ [ʔṵ-pə-mà] “например”, ဆိုပါတော့ [sʰò-bà-dɔ̰] “скажем”

Пример: **ဥပမာ** သင်က သန်းခေါင်စာရင်းညမှာ အဆောင်မှာနေတယ်**ဆိုပါတော့**။ **Допустим**, что в день переписи вы находитесь, **например**, в общежитии.

Еще одной формально-дискурсивной функцией маркеров является **цитирование**. Её выполняет, например, маркер တဲ့ [tɛ̰] “говорят”.

Пример: အမျိုးသမီးတွေကို နားလည်ဖို့ ခက်တယ်**တဲ့**။ **Говорят**, женщин трудно понять.

Маркеры, выполняющие функцию **поиска выражения**, заполняют паузы хезитации, которые образуются при поиске слова или формулировании следующего фрагмента высказывания, позволяя не прерывать речь. В их число входят: ဟိုဒင်း [hò-

dɪ́ɴ] “это, как его?”, ဘယ်လိုပြောရမလဲ [bɛ̀-lò-pjɔ́-jə̰-mə-lɛ́] “как же сказать?”, ဘာခေါ်မယ် [bà-khò-mɛ̀] “как же это называется?”

Пример: ငါတို့ မနေ့က **ဟိုဒင်း…ဟိုဒင်း…ဟိုဒင်း** ရိုလာကိုစတာ သွားစီးခဲ့ကြတယ်။ Мы вчера катались на этих… **ну, как их**… американских горках!

Еще одной функцией формально-дискурсивной группы является введение **исправления**. Её реализуют, например, маркеры: အဲလေ [ɛ́-lè] “в смысле, я хотел сказать”, မှားလို့ [m̥á-lo̰] “а, нет, я хотел сказать”

Пример: ကျွန်တော် ရိုက်ထားတဲ့ ရှားပါးသစ်ခွ… **အဲလေ မှားလို့** စောင်းလျားပွင့်လေးတွေပါ။ Редкие орхидеи… **ой, в смысле,** цветочки карамболы, которые я сфотографировал…

Перейдем к рассмотрению **прагматических** функций дискурсивных маркеров. Основная их часть – маркеры **эмфазы**. А.А. Блюднева определяет эмфазу как средство передачи говорящим своего эмоционального отношения к предмету высказывания через акцент на слове или фразе.

В.Б. Касевич выделяет сильную и слабую эмфазы. Сильная эмфаза, по В.Б. Касевичу, подчеркивает истинность, безальтернативность пропозиции, лежащей в основе высказывания. В качестве примера приводится конструкция *кто (как и т.п.) же… не* в предложении *Ну кто же этого не знает!* Под слабой же эмфазой В.Б.Касевич понимает ДМ, выполняющие функцию распределения и акцентирования информации, передаваемой компонентами высказывания. Например, это слова *и, ведь* в предложении *Я ведь и раньше говорил Вам об этом*.[9]

Е.Н. Колпачкова, говоря о ДМ со значением эмфазы, выделяет составные и изолированные. Одни из них подчеркивают истинность пропозиции, другие акцентируют лишь некоторую ее часть, третьи обладают ограничительной семантикой.

В бирманском языке мы выделили следующие дискурсивные маркеры, выполняющие функцию эмфазы: သာ [θà] “только”, တောင် [tàʊɴ] “даже”, ပင် [pìɴ] “именно”, ချည်း [tɕʰí] “лишь”, လေ [lè] “ведь”, ပေါ့ [pɔ̰], ပေ [pè], ပေါင် [pàʊɴ], ကိုး [kó], ပဲ [pɛ́] – “конечно, именно”. Последняя (ပဲ [pɛ́]), как и некоторые другие эмфатические частицы, употребляется в двух эмфатических функциях:

1) Акцентирование.

Trump ခန့်အပ်ခဲ့သူကို**ပဲ** သမ္မတ Biden ဆက်လက်ခန့်ထားမည်။ Президент Байден назначит того **же самого** человека, который занимал этот пост при Трампе.

[9] Op cit, с.88

2) Ограничение. စကတ်နဲ့ဒေါက်ဖိနပ်ဟာ အမျိုးသမီးတွေအတွက်**ပဲ** မဟုတ်ဘူးဆိုတာ သက်သေပြခဲ့တဲ့ အမျိုးသား။ Мужчина, доказавший, что юбки и туфли на каблуках не **только** для женщин.

Блюднева А.А. выделяет также функцию выражения **неуверенности** говорящего в истинности высказывания. Колпачкова Е.Н. пишет, что многим маркерам, подчеркивающим или смягчающим степень уверенности, присуща эпистемическая модальность (т.е. связанная с информацией об источнике знания). В бирманском ею обладает, например, маркер ဆိုပဲ [sʰò-bɛ́] – “говорят же, известно же”.

Пример: ပရိဘောဂထုတ်ဖို့ သစ်ပြန်သွင်းရမယ်**ဆိုပဲ**။ **Говорят же**, что для производства мебели придется импортировать дерево.

Кроме того, Колпачкова Е.Н. особо выделяет ДМ выражения субъективной модальности, совмещающие оценочно-интерпретационную и связующую функцию, например, *хорошо еще, ведь, разве, как-никак, в любом случае, несмотря на, даже если*.[10] В бирманском языке есть функционально схожие единицы. Маркеры могут выражать положительную/отрицательную оценку сообщаемой информации, например, маркер တော်သေးတယ် [tɔ̀-ðé-dɛ̀] – “хорошо ещё, что…”

ကျွန်ုပ်ဖေ့ဘုတ်ကို သုံးလို့မရအောင် ဟက်သွားတယ်။ **တော်သေးတယ်** VK ရှိနေလို့ သတင်းမပြတ်သွားတာ။ Мой аккаунт в Фейсбук взломали. **Хорошо ещё, что** есть Вконтакте – я продолжаю получать новости!

Некоторые ДМ выражают оценку того, каким способом выражено содержание сообщения, например, တနည်းအားဖြင့်ဆို - “иначе говоря”

အားသက်ရောက်တဲ့အခါ ဝတ္ထု နေရာပြောင်းတယ်။ **တနည်းအားဖြင့်ဆို** ရွှေ့တယ်ပေါ့ဗျာ။ Под воздействием силы тело меняет положение. **Иначе говоря**, перемещается.

В работе Блюдневой А.А. упоминаются также такие функции дискурсивных маркеров, как функции **смягчения**, **призыва к солидарности**, **уклонения от ответа** и **этикета**. Некоторые из них реализуют и бирманские ДМ. Так, маркер နော် [nɔ̀] – “да? ладно?”, с одной стороны, снижает категоричность высказывания, а с другой – призывает собеседника к согласию/участию.

စတော့မယ်**နော်**

Начнем [**ладно**?].

[10] Op cit, 92

Этим мы завершаем краткий обзор групп дискурсивных функций, реализуемых в бирманском языке единицами, принадлежащими к категории ДМ. В завершение отметим, что перспективным для дальнейшего анализа нам кажется проследить зависимость употребления тех или иных дискурсивных маркеров от вида и авторства текста. В статье мы рассмотрели основные ДМ разговорной речи, в то время как литературный текст отличается собственным набором ДМ. Влияет на выбор маркеров также образование, пол, возраст, место в социальной иерархии адресата и адресанта сообщения. Так, например, различаются мужские и женские частицы вежливости, а также частицы, сигнализирующие о близком либо официальном обращении. Вышеперечисленные особенности употребеления ДМ в бирманском языке представляют интерес для дальнейшего исследования.

Список источников и литературы

Блюднева А.А. Дискурсивные маркеры в аудиовизуальном переводе с английского языка на русский (сопоставление субтитрования и дубляжа художественных фильмов). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, МГУ, 2020

Касевич В.Б. и др. Дискурсивные слова восточного текста, Языки Стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки: материалы XI Международной научной конференции, СПбГУ, 2014

Колпачкова Е.Н. Модальные и дискурсивные слова в современном китайском языке, Языки Стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки: материалы XI Международной научной конференции, СПбГУ, 2014

Синькова Диана Дмитриевна
студентка 3 курса
Института иностранных языков РГПУ им. А.И. Герцена[1]

Лингвокультурные особенности текста пекинской оперы на примере пьесы «Сылан навещает мать»

Введение

Пекинская опера *цзинцзюй* 京剧 — форма национальной музыкальной традиции Китая, возникшая в конце XVIII в. и получившая особое распространение к середине XIX в. Этот особый жанр сочетает в себе инструментальную музыку, пение, пантомиму, танцы и акробатику.[2] Несмотря на мировую известность этого вида изобразительного искусства, его историко-культурные и, особенно, текстуальные аспекты по-прежнему остаются на периферии академических исследований.

Что касается степени изученности пекинской оперы и китайского театра в целом, отметим, что значительное количество исследований принадлежит китайским авторам, таким как Ци Жушань 齐如山[3], У Сяожу 吴小如[4] и другим. В России, по-прежнему, многие работы по этой теме написаны китайскими исследователями в области музыки и театра, и чаще, раскрывают культурологические и стилистические особенности традиционной драмы. Среди исследований отечественных ученых, непосредственно анализирующих текстуальную историю и идейное содержание пьес, необходимо отметить труды В. Ф. Сорокина[5] и Д. И. Маяцкого[6].

Цель и задачи исследования

Целью данной работы является выявление лингвокультурных особенностей текста пьесы пекинской оперы *Сылан таньму* 四郎探母 («Сылан навещает мать»). Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

1) изучить текст пекинской оперы *Сылан таньму* с текстологической точки зрения;

2) проанализировать ряд лексико-грамматических и стилистических особенностей языка текста *Сылан таньму*.

---

[1] Научный руководитель — м.н.с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН, О. А. Бонч-Осмоловская.
[2] Чжэн Шивэнь, Чжу Хунхуэй. Особенности пекинской оперы. Сборник статей. 2019, С. 101–105.
[3] Ци Жушань 齐如山. 齐如山文集 [Собрание сочинений Ци Жушаня]. *Хэбэй цзяо юй чубань шэ* 河北教育出版社. 2010.
[4] У Сяожу 吴小如. *Сицюй вэнь лу* 戏曲文录 [Эссе о традиционной опере]. *Бэй цзин дасюэ чубань шэ* 北京大学出版社. 1995. 870 с.
[5] Сорокин В.Ф. Китайская классическая драма XIII–XIV вв. М.: Наука, 1979. 336 с.
[6] Маяцкий Д.И., Гао Цзэчэн и его пьеса «Пипа цзи». СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2015. 462 с.

Пьеса *Сылан таньму* является одной из самых известных из цикла произведений о полководцах клана Ян. Главный герой — Сылан Ян Яньхуэй 四郎杨延辉, был пленен врагами и вынужден жениться на киданьской принцессе Тецзин 铁镜. Спустя 15 лет разлуки у него появилась возможность встретиться с матерью, однако, чтобы выбраться, ему потребовалась помощь жены. Важно подчеркнуть, что несмотря на то, что история встречи Сылана и его матери выдуманная, в основу сюжета пьесы легли реальные события, разворачивающиеся в период войны между царствами Сун (960–1279) и государством Ляо, основанным маньчжурским кочевым народом киданей (907–1125). Так, например, Ян Яньхуэй, рассказывая о том, как попал в плен к киданям, говорит:

沙滩赴会十五年。[7]
С той встречи на Золотом пляже прошло 15 лет.

Упомянутая битва вполне реальна, она также нашла отражение и в других пьесах, таких как *Цзинь шатань* 金沙滩 («Золотой пляж») и *Улан цзюди* 五郎救弟 («Улан спасает брата»).

В процессе изучения вопроса оказалось, что определение источниковой базы исследования представляет собой особую трудность. Традиционно сценарии пьес редактировались актерами, исполнявшими главные роли, что иногда влияло на некоторые детали, но не на общий сюжет. Вопрос о текстуальной истории *Сылан таньму* весьма актуален — в период Культурной революции (1966–1976) в Китае пьеса обвинялась в способствовании этническому разобщению, и некоторое время была разрешена к показу только с изменениями в сюжете.[8] Текст пьесы, который был проанализирован в данной статье, взят из авторитетного «Сборника пьес пекинской оперы» (*Чжунго цзинцзюй сикао* 中国京剧戏考) — официального сайта, на котором публикуются записи текста с представлений[9], а также из авторитетного сборника текстов пьес «Руководство к [вдумчивому] прослушиванию музыки» (*Гуцюй чжинань* 顧曲指南)[10].

---

[7] *Чжунго цзинцзюй сикао.* 中国京剧戏考 [Сборник пьес пекинской оперы]. [Электронный ресурс]. // URL: https://scripts.xikao.com/ (Дата обращения: 14.04.21)

[8] Ян Фань 杨凡. *Лунь сылан тань му дэ ишу тэсэ* 论四郎探母的艺术特色 [О художественных особенностях пьесы «Сылан навещает мать»] // *Мудань цзян да сюэ сюэ бао* 牡丹讲大学学报, 2015. С. 75–77.

[9] *Чжунго цзинцзюй сикао* Там же.

[10] *Сикао: гуцюй чжинань* 戲考: 顧曲指南 [Сборник пьес пекинской оперы: Руководство к [вдумчивому] прослушиванию музыки]. Шанхай: Шанхай Чжунхуа тушугуань пайинь, 1915. Т. 2.

Текстологические особенности пьесы *Сылан таньму*

Рождению *цзинцзюй* предшествовали несколько столетий интенсивного развития разных видов театра.[11] Помимо «изящной оперы» *куньцюй* 昆曲, значительное влияние на формирование пекинской оперы оказали «пестрые драмы» *хуабу* 花部, включавшие в себя традиционные представления различных регионов Китая. Язык пекинской оперы испытал большое влияние местных жанров, что, несомненно, отразилось и на тексте опер.

«Руководство к [вдумчивому] прослушиванию музыки», которое издавалось в 1915–1920 гг., содержит текст оперы до редакции его известным исполнителем оперы Тань Синьпэем 谭鑫培 (1847–1917). В изначальном варианте запев начинался со следующих строк:

被困幽州思老母，常挂心头.[12]

Пойманный в ловушку в Ючжоу, думаю о матери. В сердце постоянное беспокойство.

Тань Синьпэй изменил первоначальный запев, соединив первую часть первой строки из произведения Ли Бо 李白 (701–762/763) *Цзэнбе шэ жэньди тайцин чжи цзяннань* 赠别舍人弟台卿之江南 «Дарю на прощание брату Тайцину, уезжающему в Цзяннань» со строкой из текста *куньцюй Юйцзань цзи* 玉簪记 («Нефритовая шпилька») Гао Ляня 高濂 (XVI в.).

Стоит отметить, что данное заимствование нелогично — оно не соотносится с временем года, в котором разворачиваются события. Так, принцесса Тецзин поет:

芍药开牡丹放花红一片。[13]

Раскрылись, расцвели пионы, морем красным разлились.

из чего становится понятно, что действие происходит весной. Однако в заимствованной строке речь идет об осени:

金井锁梧桐，长叹空随，一阵风。[14]

Лист утуна упал в золотом украшенный колодец, с порывами ветра улетают мои глубокие вздохи.

Тань Синьпэй, заменяя оригинальный запев, преследовал художественные цели, данная вставка задает грустный темп повествования, указывая на эмоции персонажа. Отметим, что данный пример изменения оригинального текста пьесы не является единственным — знаменитый артист вносил и другие правки, чтобы добиться большей выразительности речи и пения. Несмотря на то, что именно в его редакции пьеса получила широкое распространение, в записанных скриптах современных постановок

---

[11] Будаева Т.Б. Истоки пекинской оперы: Музыкальная драма куньцюй // Общество и государство в Китае. М.: Ин-т востоковедения, 2015. Т. 45, ч.2. С. 402–409.
[12] Ван Дацо. С. 17.
[13] *Чжунго цзинцзюй сикао.* Там же.
[14] *Чжунго цзинцзюй сикао.* Там же.

также прослеживаются новые изменения, хотя и менее значительные, что несомненно указывает на нестабильность тексов китайской традиционной драмы.

Речитатив, пение и декламация в пекинской опере

Пение, декламация *нянь* 念 и речитатив *бай* 白 в китайской традиционной опере представляют интерес не только с исполнительской и культурологической, но также с лингвистической точки зрения.

В пекинской опере пение всегда сопровождается игрой на музыкальных инструментах, что в скриптах пьес отмечается в соответствии с двумя видами мелодий.[15] Декламация и речитатив выделяются в текстах и определяют ритмико-интонационные стороны речи (тембр, высоту голоса, логические ударения и паузы), а также ее стилистические особенности.

В целом, выделяют четыре типа речитатива, однако для пекинской оперы характерны только два из них: *юньбай* 韵白 «рифмованный речитатив» и *цзинбай* 京白 «столичный речитатив». В основе *юньбай* заложен ритмичный и выразительный хэнаньский тип произношения. В *цзинбай* нет рифмы, данный тип речитатива тесно связан с пекинским диалектом.

На примере речи персонажей разница между *юньбай* и *цзинбай* ощущается довольно четко. Так, язык Яна Яньхуэя, героя амплуа *лаошен*, приближен к литературной норме — его речь насыщена веньянизмами и архаизмами, он часто использует различные средства выразительности:

本宫，四郎延辉。我父金刀令公，老母佘氏太君。[16]

Я — Сылан Янхуэй. Мой отец — почтенный генерал, носящий сверкающий меч. Моя мать — госпожа из рода Шэ.

В данном отрывке Сылан употребляет архаичное местоимение *бэньгун* 本宫, фраза рифмованная — каждая часть предложения состоит из шести иероглифов. Следующий пример взят из того же отрывка:

思想老母，好不伤感人也！[17]

Думая о матери, ах, как болит моя душа!

Конструкция со связкой *е* 也 характерна для классического древнекитайского языка[18], здесь она оформляет восклицательное утверждение.

Героиня амплуа *дань* — принцесса Тецзин, несмотря на свое высокое положение, использует речитатив *цзинбай.*

怎么着？你说你的心事咱家我猜不着啊？[19]

---

[15] Собирательное название *пихуан* 皮黄: *эрхуан* 二黄 «ритмичные и стабильные мелодии» и сипи 西皮 «разнообразные и резкие по звучанию мелодии».
[16] *Чжунго цзинцзюй сикао.* Там же.
[17] *Чжунго цзинцзюй сикао.* Там же.
[18] Яхонтов С.Е. Древнекитайский язык. М.: Наука. 1965. С. 80.
[19] *Чжунго цзинцзюй сикао.* Там же.

Как это? Ты говоришь, что даже я не могу разгадать твои сердечные заботы?

Говоря о себе, героиня употребляет личное местоимение из старого *байхуа* — *цзацзя* 咱家 («я»), а также использует разговорные конструкции, например, *цзэньмэчжэ* 怎么着 («как это?»). Использование принцессой речитатива *цзинбай* обусловлено также киданьским происхождением, поэтому ее речь тяготеет именно к пекинскому диалекту.

Благодаря взаимодействию культур и редакторским интерполяциям сложился необычный текст оперы, представляющий собой неоднородный языковой пласт, где наравне с веньянизмами и старым *байхуа* используются выражения из *байхуа* XIX в.

Заключение

Китайская опера, как живой артефакт древности, представляет собой богатый источник по истории культуры традиционного Китая — анализ памятников данного типа позволит расширить знания по истории китайского языка и особенностям текстуальной традиции традиционной китайской оперы, углубить знания о языковом и культурном аспектах пекинской оперы, а также в целом расширит перспективы лингвистических исследований по китайскому языку.

В настоящей статье была предпринята попытка проведения предварительного анализа текста пекинской оперы *Сылан таньму*: был рассмотрен ряд стилистических, языковых, текстологических и культурных особенностей пьесы.

Смирнова Анастасия Алексеевна
Студентка 3-го курса Института международных отношений
Казанского (Приволжского) федерального университета[1]

Повести «Цзинь гу ци гуань» (今古奇观) как исторический источник

Сборник повестей «Цзинь гу ци гуань» является предметом изучения многих исследователей, интересующихся культурой и литературой средневекового Китая. Сформированный в минское время, во времена зарождения активного культурного и межнационального обмена, повести стали частью научных исследований не только в восточном регионе, но и на Западе.

«Цзинь гу ци гуань» – это ценный сборник китайских повестей, собранный в середине правления последнего минского императора Чжу Юцзяня, каждая повесть которого пронизана активным духом гражданской борьбы за свои права и свободы. В настоящее время синологи и китаеведы всё реже используют «Цзинь гу ци гуань» в своих исследованиях, отдавая предпочтение более поздним китайским источникам, однако, по нашему мнению, данный сборник является одним из лучших источников для изучения истории и культуры средневекового Катая, поскольку он содержит избранные сочинения средневековых прозаиков и отражает народные представления о сложной политической ситуации внутри страны в непростое для государства минское время.

«Цзинь гу ци гуань» представляет собой сборник из 40 избранных повестей, отобранных из «Сань ян эр пай» (Фэн Мэнлун, Лин Мэнчу 2018, 269 с.), а именно: трёх сборников Фэн Мэнлуна («Юйши минъянь», «Слово, способное разбудить мир», «Слово назидательное, мир наставляющее»; «Цзинши тунъянь», «Слово простое, мир предостерегающее», «Повести в назидание миру»; «Слово бессмертное, мир пробуждающее») и двух сборников Лин Мэнчу («Поразительное. Первая часть» и «Поразительное. Вторая часть») (Lu Hsun 2000, p. 257), которые наглядно отражают периоды расцвета и упадка китайской государственности. Несмотря на то, что повести в сборнике короткие, они являются важнейшим отражением истории средневекового Китая, и этот факт нельзя игнорировать.

Сборник состоит из 40 избранных историй, которые относятся к временам правления династии Сун, Юань и Мин, поэтому эти 40 повестей являются художественным отражением всех общественных аспектов средневекового Китая, которые в то время беспокоили низшие и средние классы – основную часть населения страны. Формирующиеся из устного сказа, истории быстро завоевали популярность среди широких масс по ряду причин. Первая причина связана с содержанием повестей. Несмотря на то, что в них мы находим историческую ценность, подача рассказов

[1] Научный руководитель – к. и. н. Мухаметзянов Рустем Равилевич.

происходит через призму удивительных историй, которые подобно историям о божествах и демонах неразрывно связаны с жизнью человека и поэтому возбуждают интерес у читателя. Во-вторых, повести довольно маленькие по объёму, средняя составляющая – это 10 000 знаков, что относит их к разряду литературы «после вина и чая» (Цзинь синъяо 2001, с. 230) и не перетруждает читателя подобно романам. Кроме того, язык, на котором написан сборник, является разговорным, а небольшое количество повестей, по сравнению с «Сань ян эр пай», также прибавляет ему достоинств.

Традиционно каждая повесть начинается зачинным стихотворением, и по первым стихотворным строкам читатель уже может понять мотив и тематику будущего рассказа, они непосредственно связаны с самим повествованием и несут назидательный характер. Порой даже исходя из этого, мы можем сделать вывод, с какими морализующими элементами работает автор. Некоторые романы восхваляют истории о верности в браке, другие – порицают мелких торговцев, которые в погоне за лёгкими деньгами готовы пойти на обман, часть рассказов является сатирой над бесчинствами чиновников. Авторы выражают протест против режима взяточничества, коррупции, царивших в чиновничьей среде феодального Китая и достигших особенно больших размеров в последние десятилетия правления династии Мин, а также выражают своё беспокойство о судьбе низшего и среднего класса. Эти три темы составляют основу рассказов «Цзинь гу ци гуань», в большей или меньшей степени отражаясь в каждой повести сборника и будто бы опираясь на изречения Конфуция. Например, Конфуций говорил: «Благородный муж знает только долг, низкий человек знает только выгоду» (Конфуций 1998, с. 27), и в таком случае человек в рассказах может быть унижен или оскорблён, но невыполненное им обещание или же несдержанное слово будет для него непростительно. В данной ситуации под защиту рассказчика попадают все, даже гетеры, где они уже выступают с благородной стороны (Цзинь гу ци гуань 2014, с. 64).

Когда появляется честь и достоинство, рука об руку с ними идёт порочность, которая наказывается воздаянием в повестях. Основываясь на принципе: «добро за добро» авторы вершили правосудие над героями и историческими личностями, которых они привлекали. Так в рассказе «Старая войлочная шляпа, соединившая Сун Цзиня с его женой» (Цзинь гу ци гуань 2014, с. 110-112) буддийски монах вознаграждает за добро и благочестивость Сунь Дуня, поскольку тот похоронил его тело. В награду за свои высокие моральные качества герои получают в дар от Неба и монахов долгую жизнь, богатство, и славу, защиту их дома и семьи, в то время как зло наказывается смертью.

Обращаясь к тексту, мы видим, что в роли положительных героев в повестях выступают представители городских низов, воспеваются поэты и творческие люди. От их лица высмеивается экзаменационная система и сами чиновники. В таких ситуациях авторами вводятся фантастические сюжеты, отличные от «чжигуай сяошо», без

которых нельзя представить средневековую прозу. В данном сборнике мы выделила два типа удивительных событий, оба из которых отличаются по своей сути от средневековых историй о необычном.

Первый тип – это «чудесное невероятное». К этому разряду мы отнесли все волшебные силы и существ, которых не существует в нашем видимом мире. От рассказов о необычном они отличаются тем, что вводятся в сложном конфликте, где сердца слушателей требуют справедливого разрешения. Повесть «Ли Мянь в крайней беде встречает благородного рыцаря» (Удивительные истории нашего времени и древности 1988, с. 73-119) является отличным примером, где автор привлекает волшебные силы для восстановления справедливости. Главный герой – Ли Мянь – честный и простой благородный правитель, а его знакомый Фан Дэ – безнравственный человек, который намеревался его погубить. Доблестный рыцарь, который представился как «рыцарь из-под кровати» был борцом за справедливость, он отомстил Фан Дэ, отрубил ему голову и его жене, после чего исчез. В заключительных стихах воспевался поступок рыцаря и ставился вопрос о существовании подобных благородных людей, которые могли бы искоренить всё зло в мире.

Этот же рассказ демонстрирует нам второй тип удивительных событий: «действительное невероятное». Так как разложение государственного аппарата к концу Мин достигло наивысшего предела, в такой ситуации честный человек становился «необычным». Так, в уста Ли Бо, говорящего о режиме танской династии, автор вкладывает свое суждение о беспорядках, царивших в Китае минского периода: «При нынешних правителях… в государственных делах царит беспорядок и хаос, честность и справедливость совершенно исчезли; те, кто занимаются попрошайничеством и вымогательством, поднимаются на высокие посты; тот, кто дает взятки, получает ученую степень» (Удивительные истории нашего времени и древности 1988, с. 419).

Герои историй, вошедших в этот сборник, в большинстве случаев являются реальными личностями, имена и поступки которых известны каждому образованному человеку, воспеваются заслуги Чжугэ Ляна и высмеиваются деяния Чжоу Синя и других. Однако в подобного рода литературе нам не просто интересна возможность рассмотреть исторический образ в интерпретации средневекового общества, но и самостоятельно дать характеристику личности и его поступков, принимая во внимание те внешние факторы, в которые помещен описываемый герой.

Рассмотрев в качестве примера повесть «Продавец масла покоряет царицу цветов» (Удивительные истории нашего времени и древности 1988, с. 141-203), мы увидим не просто историю любви, а кризис государственной власти. В рассказе описывается Китай во времена правления династии Сун, который с приходом неблагородного правителя и его помощников-коррупционеров падает в пропасть бедности и воин. Правитель, о котором мы говорим – это Хуэй Цзун, и исторически он описывается как образованный человек, коллекционирующий картины, он был известным художником, интересовался архитектурой, написал трактаты по медицине

и даосизму (См.: Меликсетов 2002, с. 260). Однако обращаясь к рассказу, где мы видим народное мнение, мы не находим совершенно ничего положительного об этом историческом герое. Люди не видели в своём правители достойного управленца и не чувствовали защиту, а их умонастроения были отражены в литературе. В рассказе ярко видно положение страны: «бились за жизнь в гуще пик и мечей; не знали, где дом, где семья; стали занятьем разбой и грабёж, игрою потешной – резня» (Удивительные истории нашего времени и древности 1988, с. 143). Повести наполнены символизмом, например, здесь мы видим, как автор изобразил сложную судьбу сунского Китая в параллели с судьбой маленькой девочки Яоцинь. Она подобно государству, страдающему от боли, причиняемой ему варварами с приходом неблагодетельных правителей, терпит унижения в публичном доме от знатных чиновников и золотой молодёжи, куда её продал родной дядя.

Благородные качества были редки и среди торговцев, которые с приходом развитой торговли начали стремиться лишь к обогащению, утратили представление о сыновней почтительности, чести и морали, существующие в Китае не одно тысячелетие. Деньги стали единственным критерием оценки успеха и неудачи для человека, возникали множество семейных споров, процветала коррупция, ведь, заплатив определённую сумму начальнику уезда, простой слуга мог начать чиновничью карьеру (Цзинь гу ци гуань «Женитьба старого слуги из Сюйчжоу» 2014, с. 54-58).

Сборник повестей «Цзинь гу ци гуань» представляет собой достижение средневековых авторов в области народных рассказов. Концепции верности, сыновней почтительности, долга и чести, которые являются неотъемлемой нравственной составляющей повестей, оказали большое влияние на тенденцию развития жанра в будущем. Каждая повесть из сборника исключительно правдиво отражает не только быт, религиозные верования китайцев, но и красочно иллюстрирует настроения и мировосприятие народа, создавшего эту литературу, и потому может служить прекрасным источником для познания истории и культуры Китая различных периодов. Поскольку ни один справочник или историческая работа не может дать столько полноты живого представления о происходящих в стране событиях и её национальной культуре, как литература художественная, которой в первую очередь и является повесть, заложившая основу роману и драме.

Список использованной литературы:

Конфуций. Лунь юй / Пер. Л.С. Переломов, М.: Вост. лит., 1998. 180 с.

Меликсетов А.В. История Китая, М.: Высшая школа, 2002. 736 с.

Удивительные истории нашего времени и древности / пер. В.А. Вельгуса и И.Э.Циперович, М.: Художественная литература, 1988. 480 с.

Фэн Мэнлун; Лин Мэнчу. Сань ян эр пай цзин бянь (Цюань сы цзюань) / Ред. Лю чжэньпэн, Шэньян: Ляо хай чу бань шэ, 2018. 269 с. (На китайском; 冯梦龙; 凌蒙初. 三言二拍精编(全四卷) / 刘振鹏，主编. 沈阳: 辽海出版社, 2018. 269 页).

Цзинь гу ци гуань (Удивительные истории нашего времени и древности), Цзилинь: Ши дай вэнь и чу бань шэ (Литературно-художественное издательство время), 2014. 180 с. (На китайском; 最新 今古奇观. 吉林: 时代文艺出版社, 2014. 180 页).

Цзинь Синъяо 金性尧. Во гуань «Цзинь гу ци гуань» 我观《今古奇观》(Мой взгляд на «Чудеса современности и древности») // 第十后明史国际学术讨论会论文集 Ди ши хоу мин ши го цзи сюэ шу тао лунь хуэй лунь вэнь цзи (Материалы десятой международной конференции по истории династии Мин). – Тяньцзинь 天津: Тянь цзинь цзи чу бань шэ 天津古籍出版社(Издательство древних книг Тяньцзиня), 2001. С. 230-244.

Lu Hsun. A brief history of Chinese fiction / Translated by Yang Hsien-Yi and Gladys Yang. – Hawaii: University press of the pacific Honolulu, 2000. 452 p.

Смирнова Дарья Васильевна
студентка 3 курса Восточного факультета
Санкт-Петербургского государственного университета[1]

Пространство и время в классической китайской литературе

Пространство и время в произведении, повинуясь замыслу автора, могут существенно отличаться от действительности. В статье рассматриваются намеренные гротескные искажения литературной реальности, в частности популярный сюжетный ход перемещения в параллельный мир. Можно выделить ряд закономерностей в использовании этого приёма, сопоставив произведения разных эпох и жанров: танские и сунские новеллы *чуаньци* 传奇, сборник новелл Пу Сунлина «Ляо-чжай-чжи-и» 聊斋志异 XVI-XVIII вв., роман «Развеянные чары» 三遂平妖傳, написанный Ло Гуаньчжуном в XIV в. и значительно отредактированный Фэн Мэнлуном в XVII в.

1. Волшебный мир скрыт от обычных людей и отделён препятствиями, преодолеть которые может избранный. В романе «Развеянные чары» герой-монах стремится проникнуть в пещеру, где хранится Небесная книга даосской магии. Однако пещера окружена ядовитым туманом, который рассеивается раз в году. Только с третьей попытки монах получает доступ к тайне превращений, пройдя за три года немало испытаний и совершив благородные поступки. Таким образом, он стал избранным и был допущен в параллельную реальность. Сюжет поиска сокрытой обители, появившийся в Танскую эпоху, схож с более распространённым сюжетом посещения страны бессмертных. И в том и в другом случае человек не может проникнуть в параллельный мир без разрешения его обитателей и не может долго там оставаться. Обитель, как и страна бессмертных, тесно связана с обычным миром, но труднодоступна. Иногда обычный человек однократно проникает в волшебный мир. Так, в новелле Тао Юаньмина «Персиковый источник» IV в. рыбак заблудился и приплыл в утопический мир, где его приняли как желанного гостя, затем тот рассказал односельчанам об увиденном, но поиски персикового источника по оставленным засечкам не увенчались успехом: обывателям доступ в волшебный мир ограничен. Героиня-лисица в новелле Пу Сунлина «Смешливая Иннин» завлекает студента к себе домой, когда же его двоюродный брат пытается найти её жилище, он обнаруживает лишь густые заросли: и сад, и дом были лисьей ворожбой, попасть в них мог только её избранник.

2. Существуют порталы в волшебный мир. В танской новелле Шэнь Цзи-цзи «Волшебное изголовье» монах Люй, постигший тайны бессмертия, выслушивает сетования юноши по фамилии Лу о том, что тот хотел достичь в жизни многого, прославить свой род, разбогатеть, стать чиновником, но всё ещё не преуспел в сдаче

[1] Научный руководитель – д. филол. н., профессор, А. Г. Сторожук.

экзаменов. Тогда монах предлагает Лу прилечь на изголовье и обещает исполнение всех желаний. Во сне юноша проживает жизнь чиновника, то продвигаясь по службе, то впадая в немилость императора. Проснувшись, он осознаёт ценность простой жизни и отказывается от чиновничьей карьеры.

Сюжет о волшебном предмете, в частности об изголовье, типичен для литературы эпохи Тан. Эдвард Шефер в книге «Золотые персики Самарканда» приводит в качестве примера легенду о волшебном изголовье Ян Го-чжуна, кузена супруги Суань-цзуна: «В дар от владетеля Кучи было поднесено жёсткое изголовье, вырубленное из гладкого камня, напоминающего агат. Счастливец, преклонявший на него голову, спал, осенённый снами о путешествиях через все страны и моря, в том числе и неизвестные смертным людям».

Автор романа «Развеянные чары» заимствует этот волшебный предмет. По сюжету молодая лисица передаёт самодельное изголовье своему наставнику, один из мальчиков-слуг засыпает на изголовье и видит прекрасный сад с реками, горами, цветами и птицами, девушки играют для него на музыкальных инструментах и подносят кубки с вином. Пробудившись, мальчик рассказывает о случившемся другим слугам, они спорят, кто следующий заснёт на волшебном изголовье, когда возвращается наставник и в ярости разбивает изголовье. Из волшебного предмета появляются девушки, заточённые Небесной девой Сюаньнюй, и благодарят спасителя. В самом изголовье до мельчайших подробностей прорисован пейзаж, увиденный мальчиком-слугой, однако нет никакого отверстия для кисточки, что дополнительно указывает читателю на сверхъестественную природу предмета.

В романе порталы также носят утилитарный характер: с помощью даосской магии главная героиня приглашает будущих союзников на аудиенцию, заставляя их спуститься в колодец или забраться в полую статую Будды. Примечательно, что случайный человек, в котором волшебница не была заинтересована, смог попасть через колодец в параллельную реальность, но был растерзан там тигром, затем из колодца извлекли его труп, то есть он не избежал смерти и в настоящем мире.

3. Время в волшебном мире искажено: идёт в несколько раз быстрее или медленнее, чем в обстановке, привычной герою. В уже упомянутой новелле «Волшебное изголовье» студент проживает целую жизнь за несколько часов сна и извлекает важный урок. В рассказе Ли Гунцзо «Правитель Нанькэ» главный герой Фэнь Чунь-юй в пьяном виде оскорбил своего начальника и был разжалован, после чего стал беспрестанно пить. Однажды Чунь-юю становится плохо от выпитого, и его друзья укладывают его на веранде. Во сне за героем прибывают гонцы и отвозят в царство Хуайнань, там его женят на дочери правителя. Фэнь Чунь-юй живёт счастливой жизнью с молодой женой, ездит на охоту, купается в роскоши, становится советником, а через несколько лет изгоняется из-за подозрений в измене и просыпается на собственной веранде. В реальном мире проходит всего несколько часов, затем герой встречает подтверждение тому, что произошедшее – не сон: в дупле дерева находится

муравейник, чьё строение в точности повторяет дворцы, храмы, сады государства, а пара крупных муравьёв оказывается императором и императрицей. На следующий день дождь вымывает муравейник, сбывается предсказание о разрушении государства, которое Чунь-Юй слышал, находясь в волшебном мире. Автор поясняет смысл произведения: «Знатность, богатство, высокий чин для мудрого человека немногим отличны от муравьиной кучи». История служит предупреждением для тех, кто слепо жаждет карьерного успеха, и несёт в себе отпечаток буддийского мировоззрения. В другой танской новелле Ню Сэн-жу «В стране бессмертных» время в параллельной реальности течёт медленнее: главный герой проводит несколько месяцев на службе в Стране развенчанных иллюзий, попав туда через ухо небесного отрока. Заскучав, он просит разрешения вернуться в обычную жизнь, тогда отрок трясёт головой. Придя в себя, герой узнаёт от соседей, что те уже семь или восемь лет считают его пропавшим.

4. Героев завлекают в параллельный мир умершие. В новелле Ню Сэн-жу «Путешествие в далёкое прошлое» студент попадает на пир императорских наложниц и супруг разных эпох, они приветствую его как дорогого гостя, и весело проводят время. Наутро студент понимает, что всю ночь блуждал вокруг храма императрицы Бо, которая была управительницей пира.

Умершие могут просить живых выполнить недоделанные дела: в уже упомянутой новелле Пу Сунлина «Смешливая Иннин» лисица-мать является герою с просьбой перезахоронить её останки. В рассказе «Старуха Фэн» Ли Гун-Цзо заглавная героиня, спасаясь от дождя, встречает несчастную женщину, та приглашает старуху в дом и рассказывает о своём горе: её муж, господин Дун, оставил себе детей и женится во второй раз, а его родители заставляют женщину отдать домашнюю утварь, чтобы послать новобрачной. Наутро старуха попадает на свадьбу господина Дуна и во всеуслышание рассказывает о его подлости. Горожане отвечают ей, что жена господина Дуна и его дочь умерли, а в месте, где старуха заночевала, находится их могила. Таким образом, они хотели напомнить о себе. Лисица-волшебница из романа «Развеянные чары» засыпает рядом с могилой императрицы У Цзэтянь и попадает к ней на аудиенцию. Императрица предсказывает её судьбу, даёт важные инструкции и жалуется на то, что не может найти покой после смерти из-за разграбленного захоронения. Параллельная реальность может служить своего рода ширмой от настоящего мира: подражая У Цзэтянь, лисица вызывает к себе союзников в волшебный мир, где делится секретами и планами мятежа, которые не должны быть услышаны посторонними.

5. Время пребывания в параллельной реальности ограничено. Так, в уже упомянутой новелле «Правитель Нанькэ» главный герой много лет проводит в волшебном государстве и забывает о реальности, которую давно покинул. Тогда император напоминает ему: «Вы из мира смертных, и дом ваш не здесь», и изгоняет героя в мир людей.

В танской новелле Ли Фу-яня «Старый огородник» один из героев также сталкивается с невидимыми границами волшебного мира, пересечь которые смертный человек может только в особом случае. По сюжету благородная, но обедневшая семья вынуждена отдать свою дочь за простого крестьянина по фамилии Чжан. Тот отправляется с женой в далёкие земли, сказав ей родным, что они смогут её проведать на хуторе близ горы Тяньтань. Через несколько лет отец героини посылает своего сына по имени И-фан в гости к семье Чжан. Добравшись до нужного места, И-фан находит раба, который отводит юношу к своим хозяевам. Тот при этом чувствует, что вступает в другой мир: «Они поднялись на гору, переправились через реку и словно вступили в иной мир, не такой, где живут простые смертные». Вместо хутора И-фан находит чудесный край: «Потом спустились с горы и к северу от реки увидели большой дом с красными воротами, с пристройками и башнями. Среди пышной зелени пестрели цветы изумительной красоты. Повсюду летали фениксы, журавли, расхаживали павлины. Слышались пение и музыка, всё радовало слух и взор». Семья Чжан радушно принимает гостя, они беседуют, пируют, хозяева летают на фениксах и журавлях. Но приходит время расставаться: «крестьянин» Чжан Лао напоминает гостю, что тот находится в обители бессмертных, в которую нет доступа людям. Через несколько лет герой пытается снова отыскать обитель, но безуспешно. В волшебный мир И-фан был допущен лишь единожды, затем бессмертные общались с ним опосредованно.

6. Обстановка волшебного мира поражает своей роскошью смертных гостей. Традиция подробного и красочного описания убранства была заимствована у танских литераторов их последователями: обязательными пунктами являются упоминания деревьев и цветов, гор и рек, зверей и птиц, напитков и явств, а также одеяний и украшений бессмертных. Примечательно, что Ло Гуаньчжун в романе «Развеянные чары» следует этому приёму почти во всех главах, однако однажды волшебница-лисица создаёт параллельную реальность, в которой она предстаёт немощной старухой в бедной хижине, чтобы проверить своих избранников.

Искажая пространство и время в литературной реальности, авторы преследовали различные цели. На рубеже эпох Суй и Тан зарождается жанр чуаньци. Фантастика в этих рассказах является не самоцелью, а элементом произведения, позволяющим авторам выстраивать неограниченный рамками обыденной реальности сюжет. Авторы чуаньци в своём большинстве принадлежали к чиновничьему классу, то есть были встроены в жёсткую систему государственной службы, идеологический базис которой составляло конфуцианство. Написание фантастических рассказов с элементами буддизма и даосизма, вероятно, являлось для них формой «праздного времяпрепровождения». Суть этого явления заключалась в том, что в свободное от службы время чиновники не ограничивали себя конфуцианской моралью и предавались практике других учений. Таким образом человек мог сменить свою социальную роль без изменения общественного положения.

К традициям танской новеллы в эпоху династии Цин (1644-1911 гг.) обратится Пу Сунлин. Вечный студент, сдавший экзамен на низшую чиновничью должность лишь в старости, в своих «Записках о необычайном» Пу Сунлин бежит от печальной реальности в мир фантастики. Фантастика в его сочинениях, как писал В.М. Алексеев, «призвана восполнить пробел действительности жизни, выступая в роли потенциального обличителя и реставратора жизненной справедливости».

Роман «Развеянные чары» восходит к жанру *хуабэнь* 话本, подражающему устной речи сказителей и наследующему их приёмы: рассказчики могли вводить элементы фантастики, чтобы логически обосновать сложные сюжетные ходы, привлечь внимание слушателей и удлинить повествование, чтобы собрать больше денег с публики. Таким образом, сюжет перемещения в параллельный мир является общим для различных жанров и эпох, полностью заимствуется или трансформируется в авторских целях, испытывает влияние буддизма и даосизма.

Список использованной литературы

Алимов И.А. Бесы, лисы, духи в текстах сунского Китая. СПб: Изд-во «Наука», 2008. 284 с.

Алимов И.А. Сад удивительного. Краткая история китайской прозы сяошо I-VI вв. СПб: Изд-во «Петербургское востоковедение», 2014. 592 с.

Алимов И.А., Кравцова М. Е. История китайской классической литературы с древности и до XIII в.: поэзия, проза: в 2 ч. СПб: «Петербургское востоковедение», 2014. 1408 с.

Воскресенский, Д.Н. Волшебный мир Фэн Мэнлуна; Изд-во «Художественная литература», 1983.

Желоховцев, А.Н. Хуабэнь – городская повесть Средневекового Китая. Некоторые проблемы происхождения и жанра; Изд-во «Наука», 1969.

Кравцова М.Е. Хрестоматия по литературе Китая. СПб.: Азбука классика, 2004. 768 с.

Ло Гуаньчжун. Развеянные чары. Изд-во «Художественная литература», 1983. 440 с.

Лю Дацзе. Чжун го вэнь сюэ фа чжань ши (История развития китайской литературы) 中国文学发展史.

Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжая о необычайном. М.: Художественная литература, 1988. 560 с.

Сторожук А.Г. Три учения и культура Китая. СПб: Восточный факультет СПбГУ, 2010. 552 с.

Танские новеллы. М.: Изд-во «Академия наук СССР», 1955. 228 с.

Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М., 1981. 608 с.

Смолкина Елизавета Борисовна
студентка кафедры истории
Новосибирский государственный университет[1]

Изобразительное искусство в японских школах: особенности методики в образовательном процессе

Взгляд на развитие японского художественного образования в исторической перспективе может показать, что многие из тех принципов, которые легли в основу современных методик, были позаимствованы японскими преподавателями и искусствоведами из достижений западной культуры в первой половине XX в.

Среди них — идеи В. Ловенфельда и Г. Рида, утверждавших, что эстетическое образование имеет первостепенное значение для процесса формирования личностных качеств человека и его индивидуальности. Именно поэтому в их работах уделялось много внимания тому, каким должно быть содержание и направленность занятий искусством. Согласно этой точке зрения, на уроках рисования необходимо, в первую очередь, не обучать навыкам реалистичного изображения окружающей действительности, но способствовать как можно более свободному выражению личных идей ученика и раскрытию его творческого потенциала (Кедрова 2015, с. 180–184).

Большое влияние на японских просветителей оказали знаменитые во многих странах мира уроки Ф. Чижека, на которых он отказался от традиционной модели отношений «учитель-ученик», а вместе с этим и от контроля за дисциплиной, но поощрял оригинальность и энтузиазм со стороны своих подопечных. Благодаря такому подходу на его занятиях наблюдалась радостная, оживленная атмосфера, а работы учеников отличались яркостью и неординарностью[2].

Однако японскому педагогическому сообществу потребовалось немало времени, чтобы перенять эти принципы и воспользоваться ими на практике. Препятствиями в некоторой степени послужили особенности традиционной культуры, в которой наиболее эффективным способом обучения считалось копирование других работ и многократное повторение одних и тех же действий (Masuda 2003, p. 3–4; Kaneda 2003, p. 14).

Прогрессивный характер японского художественного образования впервые привлек внимание исследователей в 1965 г., когда очередная конференция международного сообщества образования посредством искусства (The International Society for Education through Art, INSEA) состоялась в Токио. Прозвучавшие на конференции выступления и доклады произвели сильное впечатление на гостей. Были

[1] Научный руководитель — д. и. н., профессор Е. Э. Войтишек.
[2] Gutteridge Mary. The classes of Franz Cizek // The Free Library, 1990. Davis Publications, Inc. URL: https://www.thefreelibrary.com/The+classes+of+Franz+Cizek.-a08934232 (дата обращения 26.02.2021).

отмечены серьезность и глубина японских взглядов, новизна некоторых теорий, а также необычные и уникальные черты, присущие педагогическим методам японских учителей. Начиная с этого времени, для преподавания изобразительного искусства в японских школах остался позади период иностранного влияния, и оно вступило на путь независимого развития (Masuda 2003, p. 11). Особенности современных методик преподавания изобразительного искусства в Японии будут рассмотрены в данной статье более подробно.

Обучение творчеству в начальных школах Японии происходит в рамках дисциплины под названием 図画工作 *дзуга ко:саку* — «черчение, рисование и рукоделие». Прежде всего стоит отметить разностороннюю направленность учебной деятельности и широкий круг задач, определяемых курсом. Из их числа можно выделить знакомство детей с многообразием материалов и инструментов для творчества, развитие у учеников способностей к отражению их внутреннего мира, обучение методам критической оценки произведений искусства, формирование в целом благосклонного отношения к искусству и к художественной деятельности (Сё:гакко: гакусю: 2017, с. 12–16).

Материалы и принадлежности, используемые на занятиях, отличаются большим разнообразием. Помимо красок и восковых мелков, это могут быть фломастеры, уголь, цветная тушь, пластилин и полимерная глина, цветная бумага и газетные листы. Зачастую поделки изготавливаются из природных материалов – например, опавших листьев, веток, шишек, камней и песка. К отдельной категории следует отнести материалы, которые, как правило, выбрасываются и за отсутствием альтернативного применения наносят вред окружающей среде, такие как пластиковые пакеты и бутылки, картонные коробки от молока и других продуктов, одноразовая посуда. Различные формы и размер упаковочных коробок используются с изобретательностью и нередко становятся основой весьма оригинальных поделок. Такой обширный перечень материалов свидетельствует о разнообразии видов деятельности, предлагаемых ученикам, и, как следствие, о значительной привлекательности курса.

Учебники по рисованию и творчеству для начальных классов представляют не меньший интерес, поскольку текст заданий и сопровождающие его иллюстрации раскрывают один из главных принципов художественного образования в японских школах.

Как наиболее яркий пример таких заданий можно привести несколько страниц из учебника для 1-го класса, где описывается задание под заголовком «Хочу на этом прокатиться, хочу туда поехать». Ученикам необходимо придумать и нарисовать то, куда бы они хотели поехать, полететь или поплыть и на каком транспорте. Как иллюстрации к данному заданию в учебник помещены примеры выполненных работ, которые дети могут использовать в качестве источника вдохновения: например, рисунок ракеты посреди космоса, в окружении звезд и планет; люди, летящие верхом

на большом кузнечике; поезд, который едет по радуге вместо рельс; дети, летящие по небу, ухватившись за семена одуванчика (Дзугако:саку 2014, с. 38–39).

Как можно заметить, условия этого задания не ограничивают воображение учеников, а напротив, подталкивают их к необычным идеям и оригинальным решениям. Подобному принципу подчинено большинство заданий в рассматриваемых учебниках. В отличие от аналогичных дисциплин в школах других стран — например, в российских — здесь объектом изображения становится не окружающий мир или существующие в реальности предметы, а мечты и фантазии, которые ученикам необходимо придумать самостоятельно. Такие сюжеты не требуют от обучающихся высокого уровня мастерства, в то время как изображение настоящих людей и предметов так или иначе предполагает сравнение рисунка с оригиналом, следствием чего становится разочарование в своих навыках и неудовлетворенность результатом работы.

Другой уникальной особенностью японской методики преподавания являются занятия 造形あそび *дзо:кэй-асоби* (букв. «игра с формой»), задания для которых также включены в учебник. Это вид деятельности, направленный не на создание конкретного произведения, а на своеобразную «игру» с материалами – со смятыми и скомканными газетными листами, разрезанными на части картонными коробками, глиной, пластилином и прочими предметами.

В качестве примера можно привести задание из учебника для 3-го класса начальной школы, в котором требуется, используя клубки пряжи различной толщины и цветов, а также пространство комнаты или школьного двора, соединять предметы между собой таким образом, чтобы нити были натянуты в воздухе и пересекались, формировали специфичные «гирлянды» и «паутины». Помимо этого, можно связывать нити между собой или объединять свою работу с чужими. Разрешается ходить по классу, делать фотографии или видеосъемку, пробовать различные формы и сочетания (Дзугако:саку 2018, с. 34–35). Еще одним достаточно характерным примером таких занятий может послужить лепка произвольных фигур из песка и земли (Там же, с. 12–13). Несмотря на то, что в конце урока от учеников ожидается презентация выполненной работы, данный вид заданий нацелен в большей мере на получение удовольствия от процесса, чем на результат.

Особое значение придается иррациональности и спонтанности творческой деятельности — по этой причине многие поделки остаются незаконченными или носят абстрактный характер. Некоторые учителя требуют от детей, чтобы они не продумывали заранее, какой образ хотят создать, а работали без изначального замысла. На первый взгляд, данный вид занятий может показаться бессмысленным, однако задания *дзо:кэй асоби* составляют значительную часть учебного плана, а методическим рекомендациям, предназначенным для них, уделяется пристальное внимание среди японских преподавателей. В целом, занятия *дзо:кэй асоби* нацелены на то, чтобы

внести в обучение элементы игры и научить детей наслаждаться процессом творчества вне зависимости от уровня их умений (Hino 2003, p. 20-21).

Помимо творчества, эстетическое образование в японских школах включает обучение навыкам восприятия и оценки произведений искусства. Иногда это подразумевает плановую экскурсию в художественный музей, однако, если экспозиция находится далеко и недоступна для посещения, преподаватель может раздать ученикам печатные изображения (к примеру, фотографии с выставок хорошего качества), и таким образом занятие проходит в классе. Детям дается время на изучение картин и произведений, затем с помощью наводящих вопросов учитель призывает их высказать свое мнение и вместе обсудить увиденное. Другой формой взаимодействия может служить заполнение учениками анкет, где им необходимо указать, какие предметы экспозиции произвели на них наиболее сильное впечатление, и дать развернутый ответ на вопрос о возможной причине. Подобные занятия не являются инициативой учителя, а проводятся в рамках учебного плана регулярно и носят обязательный характер[3].

В контексте вышеописанного невозможно обойти стороной то, как меняется роль преподавателя в учебном процессе, когда приходит время для уроков рисования и творчества. По аналогии с другими школьными дисциплинами, к примеру, с математикой или иностранными языками, многие учителя склонны считать, что их задача – объяснить ученикам «правильный» способ действий, обучить навыкам, которыми дети еще не владеют. Методы художественного образования в Японии коренным образом отличаются от такой модели отношений, поскольку невозможно научить кого-либо тому, как «правильно» проявлять свою индивидуальность. Это ставит современных учителей перед проблемой, которая заключается в следующем: стоит ли обучать детей чему-либо на уроках рисования или же необходимо предоставить им свободу самовыражения? Какие критерии следует использовать для оценки работы на уроке, и возможно ли адекватно оценить степень проявления личностных качеств ученика в его рисунке или поделке? (Hino 2003, p. 19–21).

Методические рекомендации, прилагающиеся к учебникам по рисованию, определяют критерии для оценки достаточно четко и подробно. Общая оценка выносится на основании среднего арифметического от четырех показателей. Первый — это заинтересованность ученика в задании, его поведение и энтузиазм, с которым он начинает работу. Затем преподаватель обращает внимание на то, насколько оригинален замысел ученика, какие выразительные средства им использованы, а также эмоциональный фон произведения. Третьим критерием выступают изобразительные навыки: аккуратность работы, сбалансированность композиции и другие эстетические характеристики. Наконец, в рамках последнего критерия оценивается то, как активно

[3] Материалы открытого урока в средней школе Университета Тояма в декабре 2018 г.

ученик рассматривает и обсуждает работы своих одноклассников, для чего в конце урока выделяется специальное время[4].

Таким образом, можно сказать, что в Японии используется значительно более прогрессивный метод аттестации, чем в аналогичных дисциплинах других стран: он смещает фокус с личных навыков ученика и его таланта к изобразительному искусству на общее отношение к процессу творчества, готовность проявить оригинальность и открытость к новым впечатлениям. В то же время задача педагога состоит в том, чтобы развить в учениках творческий потенциал, поощрить их к выражению своих идей и замыслов, сделать обучение как можно более интересным и эффективным.

Таковы лишь некоторые особенности системы художественного образования в японских школах, которые, даже будучи описаны в кратком виде, позволяют сделать вывод об уникальности и высокой эффективности японских педагогических методов. Исследования принципов художественного воспитания, подобные этому, могут способствовать интересным открытиям относительно современных эстетических установок и помочь ответить на различные вопросы, касающиеся национальной культуры и менталитета.

Литература:

Кедрова М.О. Герберт Рид: взгляд на культуру с позиции философии искусства // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 179–185.

Hino Yoko. Restriction and Individual Expression in the ‘Play Activity / Zokei Asobi’ // Journal of Aesthetic Education, vol. 37, no. 4, 2003. P. 19–26.

Kaneda Takuya. The Concept of Freedom in Art Education in Japan // Journal of Aesthetic Education, vol. 37, no. 4, 2003. P.12–19.

Masuda Kingo. A Historical Overview of Art Education in Japan // Journal of Aesthetic Education, vol. 37, no. 4, 2003. P. 3–11.

Дзугако:саку ити-ни дзё: 図画工作　1・2　上　[Учебник изобразительного искусства и творчества для 1-го класса]. Нихон бункё сюппан, 2014. 49 с.

Дзугако:саку сан-ён дзё: 図画工作 3・4 上 [Учебник изобразительного искусства и творчества для 3-го класса]. Нихон бункё сюппан, 2018. 49 с.

Сё:гакко: гакусю: сидо:ё:рё: (хэйсэй нидзю:кю:нэн кокудзи) кайсэцу. Дзугако:сакухэн 小学校学習指導要領（平成２９年告示）解説　図画工作編 [Методические рекомендации к курсу изобразительного искусства и творчества в начальной школе (приказ от 2017 г.)]. Момбу-кагаку-сё:, 2017. 180 с.

[4] Там же.

Соловьёва Дарья Федоровна
магистрант кафедры теории и истории культуры
факультета мировой культуры СПбГИК[1]

Повседневные культурные практики питания и формирование ресторанного дела в Японии

Самые ранние свидетельства о японской еде говорят о том, что «японцы употребляли в пищу разные виды пшена, ямс, таро и луковицы лилий, а также рыбу и съедобных моллюсков. Они пользовались характерными коническими горшками, которые было удобно закапывать в золу, и варили в них довольно сытные похлебки»[2]. Японская традиция набэмоно (блюдо из одного котла) сохранилась до наших дней. Типичное блюдо ранней Японии, приготовленные в отваре из овощей, трав и корений клецки из муки. Эту манеру готовки: мелко нарезать травы и клубни на плоском камне и варить на медленном огне, одобрили бы адепты slow food[3].

Известно, что принципы чайной церемонии и традиция вегетарианской трапезы проникает в Японии вместе с буддизмом в VI веке. В Японии наравне с Китаем развитая традиция чаепития превратится впоследствии в формалистский театр *кайсэки-рёри*[4]. В 675 г. появляется первый императорский эдикт, воспрещающий употребление мяса под страхом смертной казни, а в 752 г. императрица Кокэн ненадолго запрещает и рыбалку. Далее появляется указ с требованием воздержаться на три дня от посещения императорского двора чиновникам, поевшим мяса. Другие белковые продукты так же были ограничены, до XV в. жители Японии избегают употребления в пищу мяса птицы и яиц. Народные предания гласят, что цыплята — это посланники богини Аматэрасу, а в одном из текстов упоминается история человека, который съел яйцо и попал в ад. Практика отказа от мяса повторилась в XVII в.: за свой указ «О запрете лишения жизни живых существ», изданный в 1687 г., Токугава Цунаёси получил прозвище «собачий сёгун». Известно также, что в такие периоды японцы умело использовали театрализацию, называя мясные блюда завуалированными названиями. Так, к примеру, на рекламных досках перед мясными лавками можно было увидеть надпись: «горный кит» или «белка летяга». В ресторанах присутствовала целая серия различных обозначений мясных продуктов: пион — кабан, сакура — в ресторане подают конину, кленовые листья — мясо оленя. Кабан назывался «ямакудзира» (горный кит) и на этом основании причислялся к рыбам. Ровно по тем же причинам существовала классификация, по которой мясо кабана называлось «ботан» (пион), мясо

---

[1] Научный руководитель — профессор, доктор философских наук Н. Н. Суворов.
[2] Ashkenazi M. The Essence of Japanese Cuisine: an Essay on Food and Culture / M. Ashkenazi, J. Jacob. Pennsylvania: University of Pennsylvania Press, 2000. P. 176
[3] Движение, противостоящее системе быстрого питания, возникшее в Италии в 1986 г. и затем распространившееся на многие другие страны.
[4] Традиционный японский обед со сменой блюд, а также умение приготовить такой обед, схожий по изысканности с европейской высокой кухней.

оленя — «момидзи» (кленовый лист), мясо лошадей — «сакура». Эти иносказания помогали неблагочестивым буддистам притворяться вегетарианцами.

Во время императорских банкетов VIII–IX вв. в повседневной культуре питания японцев не происходит существенных изменений, но тем не менее принципы японской эстетики определяют основные правила банкета, сохранившиеся и сегодня. Банкеты того времени не отличались разнообразием: обычно на них подавали пирамиды из риса разного цвета, и несколько простых блюд, состоящих из привычных овощей и корений. Ограниченность в разнообразии в большей мере повлияла на культуру питания и принципы сервировки, которой уделялось первостепенное значение. Таким образом, каждый продукт, находящийся на столе, имел свою символику, некоторые продуты и предметы были несъедобными, и ждали гостя лишь в качестве украшения блюда или символического послания. Идея того, что внешний вид и символическое значение превыше вкуса, закрепляется в японском выражении: *оисисо: дэсу кэдо,* означающем «выглядит вкусно».

Японцы рано учатся ценить короткие сезоны, «считается, что хацумоно, первые появившиеся в сезон продукты, — самые ценные, съесть первую сезонную траву или фрукт — значит добавить себе 75 дней жизни. Цвет блюда определяется как минимум сезоном, и поэтому в зимних блюдах должен присутствовать белый цвет, в осенних — желтый и оранжевый, в весенних — розовый и зеленый, в летних — красный и зеленый или пурпурный»[5].

Для описания текстуры продукта в японском языке имеется больше пятидесяти слов — текстура и внешний вид куда важнее вкуса блюда. Связано это с тем, что японцы привыкли в первую очередь получать эстетическое удовольствие от еды, не обращая внимания на слабо выраженный или вовсе отсутствующий вкус у продукта. Что касается подачи блюда, то продукты чаще всего раскладывают по группам, избегая несчастливых чисел, и соблюдая целый пласт установленных правил. История показательна как пересечение двух важнейших для японской гастрономии течений: преданности ритуалу и малоизученной традиции несъедобной еды. Несмотря на то, что обеды, проходившие в императорском дворце и банкеты высокопоставленных сёгунов, описывались как невероятно изысканные, их целью было в большей степени созерцание. Большинство блюд, представленных на таких банкетах, были необычны и редко предназначались для еды. «Сёгунам и императорам вообще было неприлично есть на банкетах, а средневековые тексты описывают правильный способ стучать палочками о поднос, чтобы подданным казалось, что император наслаждается едой. В тех же текстах упоминается, что на банкетах перед уходом подают поднос с едой навынос, которой следует любоваться, и описываются деликатные и уместные способы забрать еду, чтобы спокойно съесть дома»[6]. Перед классическим самурайским

[5] Ashkenazi M. Op. cit. P. 162.
[6] Ashkenazi M. Op. cit. P. 138

банкетом обычно подавали закуски к сакэ. Вариативность представленных закусок не меняется на протяжении веков: это полоски сушеной водоросли комбу, сушеные каштаны и ломтики сушеного морского ушка. Их объединяло одно, попробовать закуски в сушеном виде было невозможно. «Главное — это символическое значение: «комбу» созвучно слову (счастье, празднование) «ёрокобу», сушеное морское ушко — «носи-аваби» значит победа; сушеные каштаны, «катигури» — тоже омоним слова победа»[7]. Все вместе означало «мы сокрушим врага и счастливо отпразднуем победу».

Японская традиция приготовления пищи известна еще одним ритуализированным способом заготовки и сервировки продуктов — сикиботё. Во время сикиботё мастер изготавливает из рыбы и мяса съедобную скульптуру. Сикиботё — популярный вид искусства наравне с изготовлением икэбана, театром и чайной церемонией. В одном из трактатов 1330 г. упоминается мастер, способный по-разному разделывать карпа каждый день в течение года. В «Тайных записках о кулинарной нарезке» середины XVII в. описываются 47 способов разделки карпа: снежный утренний карп, карп, наблюдающий луну, отправляющийся на битву карп, карп-долгожитель, карп, любующийся цветком, карп, выбирающий невесту... Мастер сикиботё выступал обычно в начале или конце парадного банкета; трогать предмет голыми руками воспрещалось, он мог пользоваться только ножом и железными палочками. Правила выбора рыбы или дичи тоже были формализованы: «Самая лучшая еда — та, что поймана в море; за ней следует та, что поймана в реке, тогда как дары гор стоят на последнем месте» (Текст школы Сидзё о приготовлении пищи 1489 г.). С проникновением в Японию новых способов приготовления пищи и с внесением большего разнообразия в рацион типичного японца традиция сикиботё забывается, трансформируясь в культ идеальной нарезки и всевозможных приспособлений.

Несмотря на то, что общая масса жителей крупных городов не умела готовить, выпускалось множество кулинарных книг, предназначенных в первую очередь для поваров многочисленных ресторанов, которые начали открываться в начале XVIII в. В большинстве своем они имели концепцию монoресторана. В 1751 г. именно в Японии появляется первый ресторан в нашем понимании, раньше, чем известное заведение Буланже в Париже. Даже небогатые самураи около четверти своего заработка тратят на банкеты и прием гостей, и разбираться в столичных ресторанах и качестве еды быстро становится делом чести: в Эдо, Киото и Осаке начинают печатать буклеты с оценками ресторанов и деликатесных лавок. Начиная с XVIII в. японцы много путешествуют по своей стране. Появляется множество путеводителей, рассказывающих о различных кафе и лавочках, в которых можно приобрести сушеные, соленые и вяленные деликатесы в подарок. «На путешественников же изначально были рассчитаны и бэнто — ланч-боксы: в них умещался паек, которого туристу хватало на

[7] Ibid. P. 144

день. Индикатором свежести служили зеленые бамбуковые листья, на которые клали еду»[8].

Вместе с ресторанным бумом города накрывает бум книгоиздания: уже в 1640 г. в Эдо работает более сотни книжных. Популярные и много раз переиздававшиеся «Деликатесы гор и морей» (1748) полны поэтических названий блюд, словесных аллюзий и метафор, тогда как сами рецепты ограничиваются парой фраз и автора явно не слишком занимают. Например, «Холодное блюдо из Сэндая» — это что угодно, поделенное на три части и подаваемое в воде. Название примерно четверти рецептов содержит отсылки к провинциям Японии, хотя региональными эти блюда не являются и с японской географией их связывает только фантазия автора. Популярный справочник «Ловушка для рыбы» (1760), обещает помощь в составлении меню и учит относиться к банкету, как к представлению театра *но*: «Меню — это программка вечера; рыба, дичь, овощи и крупы — актеры; на каждую роль нужно подобрать подходящих. Приправа — главное и в рецепте, и в спектакле»[9]. Регламентировалось и количество подносов, и количество блюд на банкетах для разных сословий и рангов: есть с трех подносов разрешалось только близким помощникам сёгуна; даймё могли позволить себе за вечер два супа и семь блюд; самураям полагался один суп и четыре блюда.

После реставрации, в 1870 г. происходит знакомство Японии с хлебом. «В Иокогаме американцы открывают первую пивоварню (так начинается история компании Kirin), появляются первые лавки с мороженым и шоколадом, первая японская винодельня (1878) и кофейная лавка (1889). Британцы привозят в страну первую газировку и карри — и они становятся национальным увлечением» [10]. Известное сейчас как одно из традиционных блюд рамэн, появился в Японии в конце XIX в. В Токио рецепт был дополнен новыми ингредиентами и прочно занял место в японской кухне.

Только в конце XX в. японцы внезапно обнаружили, что их гастрономические традиции, пример и источник вдохновения для развития других кухонь мира. Всё, к чему пришла ресторанная мысль конца XIX в.: упор на местные продукты, минимализм, легкость, низкокалорийность, ужин как дегустационный сет, понимание вечера за столом как спектакля, повара Японии практиковали много веков назад. Теперь уже европейцы учатся у японцев, без влияния Японии не было бы ни испанской, ни скандинавской современной кухни. На сегодняшний день в «Топе 5 городов с наибольшим количеством мишленовских звезд»[11] занимают свое прочное положение три города Японии, соседствуя лишь с Парижем и Нью-Йорком.

---

[8] Ashkenazi M. Op. cit. P. 134.

[9] Rath E. C. Food and Fantasy in Early Modern Japan / E. C. Rath. California: University of California Press, 2010. P. 198.

[10] Ashkenazi M. Op. cit. P.81.

[11] Токио (Япония) — 226 звездных заведений, Париж (Франция) — 119, Киото (Япония) — 108, Осака (Япония) — 98, Нью-Йорк (США) — 76.

Солостова Валерия Владимировна
студентка 3 курса кафедры алтаистики и востоковедения
Институт международных отношений К(П)ФУ[1]

О влиянии переводов буддийских сутр периода Нань-бэй чао на современный путунхуа

Когда ученые ищут причины грамматических изменений в языке, они традиционно сосредотачиваются на внутренних механизмах диахронических изменений, таких как аналогия и повторный анализ (включая грамматикализацию). С 1980-х годов лингвисты все чаще обращаются к внешним факторам, таким как языковой контакт и заимствование, как к основным силам, которые могут побудить язык к развитию. В области китайской диахронической грамматики за последнее десятилетие был проведен ряд исследований по изучению внешних механизмов развития китайского языка.

На протяжении всей истории Китай постоянно контактировал со множеством языков, принадлежащих к разным языковым семьям (Чжан 1988, с.1-2). Контакт между санскритом и китайским языком был первым крупномасштабным примером этого явления. Хронологически, он имел место с III по VI века н.э. Согласно «Жизнеописаниям достойных монахов» (пер. с кит. Ермакова 1991, с. 8), от поздней династии Хань до ранней династии Тан, многие монахи путешествовали из Центральной Азии в Китай, и примерно 170 из них были ведущими фигурами в работе по переводу буддийских текстов. 2278 буддийских писаний, переведенных с санскрита на китайский, содержат приблизительно пятьдесят шесть миллионов китайских иероглифов в «главах» из 7046 цзюаней. Язык многих из этих буддийских произведений имеет ярко выраженный просторечный оттенок, поэтому эти переводы являются богатым источником для изучения языковых контактов и развития китайского языка.

В это время на свет появилось немало нетипичных для китайского языка грамматических конструкций, однако лишь немногие из них сохранились до сегодняшнего дня. В основе многих лежит языковая ошибка, а причина ее возникновения заключается в несовершенном владении переводчиком китайским языком. Грамматические особенности текстов этого периода можно поделить на два основных типа: необычные, дотоле неиспользовавшиеся в китайском языке и ранее существовавшие, которые стали чрезмерно часто употребляться в переведенных буддийских текстах. В силу перечисленных факторов язык переведенных буддийских текстов разительно отличается от современных ему письменных источников других жанров. Данный факт привел к тому, что мнения ученых разделились: одни считают

[1] Научный руководитель — преподаватель Ольга Юрьевна Сайфутдинова.

этот язык смешанным или пиджин-креольским, в то время как другие относят все особенности к межъязыковым ошибкам в рамках китайского языка (Чжу 1992, с. 15)[2].

В качестве источника в данной статье были выбраны «Высшие Священные Писания» в переводе Чжэньди VI века[3]. Выбор источника обусловлен несколькими причинами. Во-первых, перевод был выполнен в шестом веке нашей эры и приходится на период Северных и Южных династий. С последним лингвисты связывают начало нового этапа эволюции китайского языка — среднекитайского. Во-вторых, личность переводчика представляет немалый интерес. Чжэньди — выдающийся монах Восточной династии Цзинь, один из четырех великих переводчиков буддийских сутр на китайский язык наряду с Ань Шигао, Сюаньцзаном и Кумарадживой (Буше 2003, с.630-631). Однако китайский не был его родным языком, а это, как покажет наше исследование, зачастую играет решающую роль в характере перевода. В дополнение факт того, что переводы Чжэньди стали каноном для последующих переводчиков, привел к тому, что некоторые нетипичные особенности языка его переводов также перейдут в другие тексты.

Переходя к отличительным грамматическим особенностям переводов Чжэньди, прежде отметим, что существует два типа языковых изменений, вызванных контактом: заимствование и интерференция (Цао, Ю 2007, с.15). Заимствование относится к лингвистическим характеристикам языков, которые добавляются к другому языку; интерференция включает в себя изменения в грамматическом развитии, вызванные другими языками. Поскольку необычные синтаксические изменения в средневековых китайских буддийских текстах в основном вызваны несовершенным изучением второго языка, язык переведенных буддийских текстов является межъязыковым.

Если мы возьмем все переведенные китайские буддийские тексты средневековья как единое целое (т. е. не принимая во внимание личность переводчиков, их стиль и / или то, где и когда они переводили свои работы и т. д.), мы можем найти несколько отличительных лингвистических особенностей:

2.1 Чрезмерное использование вопросительного местоимения yunhe 云何 ‘как’. В переведенных китайских буддийских писаниях слово yunhe используется для перевода санскритского kim «что». Yunhe — вопросительное слово в китайском языке; однако в переведенных буддийских сутрах в некоторых вопросительных предложениях оно иногда используется, даже если в предложении уже есть другое вопросительное слово. В таких случаях yunhe не несет какой-либо функции вопросительного местоимения, а просто является калькой санскритского kim «что», которое в оригинальном предложении занимает то же самое место.

---

[2] Чжу Цинчжи использует термин Fojiao hunhe Hanyu 佛教混合汉语 «буддийский гибридный китайский», для обозначения языка переведенных буддийских сутр. Он считает, что есть очевидные различия между буддийским гибридным китайским языком и обычным языком в китайских текстах.

[3] Здесь и далее ссылка на источник. Подробнее см.: Чжэнь Ди. Фошо ушан ицзин [佛說無上依經]. Токио, 1988. С 14.

Например:

(1) 世尊， 當 何 名 此 經 云何 受持

shizun, dang he ming ci jing yunhe shouchi

миром почитаемый, являться какой название этот сутра yunhe хранить (учение)

«Миром почитаемый [Будда], как называется эта сутра, хранящая твое учение?».

Wu shang yi jing 無上依經 (Чжэньди, «Высшие Священные Писания»)

В данном примере, основное вопросительное слово в предложении — he 何 «какой?», yunhe же практически теряет смысловое значение и только показывает, где в предложении на языке оригинала стояло вопросительное слово kim «что».

2.2. Неверное размещение маркера причины gu 故.

В китайском языке можно использовать предлог «yin 因» или поместить gu в начале второй части предложения, как в «…, gu…». Однако во многих переводах gu часто встречается в конце второй части. Одна из причин этого явления связана с прямым переводом санскритского творительного падежа iti, указывающего на «причину» (Takasaki 1993, с. 72).

(2) 阿难， 是 如来 界 自性 净 故。

Anan, shi Rulai jie xixing jing gu

Ананда, этот Жулай соприкасаться природа Будды чистый потому что.

«Ананда, это Жулай (т.е. Будда), потому что соприкасается с сущностью Будды и чист».

Wu shang yi jing 無上依經 (Чжэньди, «Высшие Священные Писания»)

В данном примере, gu вытеснен в конец предложения, но все так же сохраняет значение причинности.

2.3. Конструкции ba （把子句）

Конструкция 把子句 произошла от сериальной глагольной конструкции. Последняя часто встречается в документах времен династии Хань и после нее. В период между Хань и Тан эта грамматическая конструкция претерпела ряд изменений. Конструкция имела вид: V1O1V2O2; в случае, когда O1 = O2, повторяющийся объект может быть опущен: V1V2O. Однако использование глагола qu 取 в сериальной глагольной конструкции в переведенных буддийских текстах имело другой порядок слов: qu OV, как показано в примере (3):

(3) 取 佛舍利 如 芥子 大安 立 塔 中。

qu fusheli ru jiezi da’an li ta zhong

взять останки Будды как зернышко великий покой стоять пагода среди

«Взять останки Будды Шакьямуни как маленькое зерно великого спокойствия [и] поставить в пагоде».

Wu shang yi jing 無上依經 (Чжэньди, «Высшие Священные Писания»)

В приведенном выше примере полное значение qu было грамматикализованно, и qu функционирует как предлог. Эта новая форма превратилась в конструкцию 把子句, или превербальную конструкцию ba. Китайский язык — язык, для которого характерен порядок слов SVO, поэтому отсутствие O2 вместо O1 нарушает синтаксическую систему китайского языка. Этот другой порядок слов в конструкции последовательного глагола может быть связан с влиянием порядка слов SOV в санскрите (Cao,Yu 2000, с. 555)

2.4. Нарушение семантических ограничений: конструкция «V (O) + yi 已»

Постглагольное yi в конструкции «V (O) + yi» обозначает завершенное действие. В китайском языке есть два типа глаголов: непрерывные глаголы (chixu dongci 持续动词, например, chi 吃 «есть») и глаголы мгновенного действия (shunjian dongci 瞬间动词, например, si 死 «умирать»). До Средних веков в этой конструкции мог использоваться только непрерывный глагол. Однако в переведенных буддийских сутрах такие ограничения на китайские глаголы не соблюдаются. В этой конструкции могут появиться обе группы глаголов. Переводчики не распознали тот факт, что использование второго типа глаголов в ранее существовавшей китайской конструкции нарушает грамматические правила[4].

(4) 是 时 阿难 闻 佛 语 已。
shi shi Anan wen fo yu yi
это время Ананда услышать Будда речь yi
«В это время Ананда услышал речь Будды».

Wu shang yi jing 無上依經 (Чжэньди, «Высшие Священные Писания»)

Глагол wen 聞 — глагол мгновенного действия, а потому употребление его с 已 нарушает грамматические правила китайского языка и является следствием языкового контакта.

В перечисленных выше четырех типах нетипичных грамматических особенностей буддийских сутр в переводе на китайский № 1–2 относятся к типу заимствований, а № 3– № 4 — к интерференции. Эти последние конструкции не только изменили исконно китайские конструкции, но и послужили толчком к развитию китайской грамматики в более поздние периоды.

[4] Новая форма конструкции «V (O) + yi» получила большое распространение сначала только в буддийских сутрах, что означает, что новое явление не было сразу принято в китайской языковой системе между поздней Хань и Вэй-Цзинь (то есть между III и VI веками). Только в период Тан (618 – 907 г.), глаголы мгновенного действия стали часто использоваться в конструкции «V (O) + yi» в текстах бяньвэней и трудах китайских литераторов. Позднее yi 已 был постепенно заменен другим глаголом совершенного вида liao 了, а в поздней Тан превратился в маркер аспекта совершенного вида, современный китайский le 了.

Таким образом, некитайское происхождение первых переводчиков буддийских сутр на китайский язык обусловило возникновение грамматических ошибок, а присущее китайскому менталитету равнение на «древних» предопределило закрепление ошибок как новых грамматических норм. Языковые изменения, вызванные языковым контактом, можно разделить на две группы: заимствование и интерференция. При исследовании необходимо принимать во внимание различия и специфику каждой из групп. Проведение новых исследований даст нам более ясную картину языкового взаимодействия и его роли в формировании грамматики современного путунхуа.

Список использованных источников и литературы

Boucher, Daniel. "Paramartha". In: Buswell, Robert E. ed. Encyclopedia of Buddhism. New York: Macmillan Reference USA. 2003. С. 630–631.

Di, Zhen. Foshuo wushang yijing (The Buddha supremacy sutra). Tripitaka Publishing Co., Ltd., Popular Edition. 1988.

Guangshun, Cao, Hsiao–jung, Yu. Language contact and its influence on the development of Chinese syntax. In: William S-Y Wang and Chaofen Sun (eds.), The Oxford Handbook of Chinese Linguistics, Oxford: Oxford University Press. 2015: 203–214.

Zürcher, Erik. The Buddhist Conquest of China. The Spread and Adaptation of Buddhism in Early Medieval China, Leiden (Brill), 2 volumes, vol. 1: Text, vol. 2: Notes, bibliography, indexes (Leidensia Sinica, vol. 11).Promise Leiden. 1959: 59p.

Harbsmeier, Christoph. Early Chinese Buddhist translators on translation: a brief introduction with textual data. Paris: Geuthner. 2015. С. 259–273.

Tsung-tung Chang. Indo-European Vocabulary in Old Chinese. A New Thesis on the Emergence of Chinese Language and Civilization in the Late Neolithic Age. Philadelphia, 1988. С. 1-2.

Zhu, Qingzhi. Fodian yu Zhonggu Hanyu Cihui Yanjiu (佛典与中古汉语词汇研究) [A study of the lexicon in translated Chinese Buddhist sutras and Medieval Chinese]. Taipei: Wenjing chubanshe. 1992.

Сорокина Ксения Сергеевна
магистрантка 2 курса Центра инновационных образовательных проектов факультета дизайна СПГХПА им. А.Л. Штиглица[1]

Современное китайское искусство на мировом арт-рынке: художественные тенденции, маркетинговые технологии

Современный арт-рынок богат художниками из разных стран, в том числе, и из Китая. Автор статьи решил изучить мастеров из Поднебесной представленых на мировом арт-рынке, так как китайское современное искусство имеет небольшую историю. Вплоть до конца XIX в. в стране господствовала традиционная живопись *гохуа* (国画) (Титаренко, Кобзев 2006, с. 100). В XX в. до 80-х гг., во время политической борьбы и становления нового государства – Китайской Народной республики, официальное искусство было предназначено для обслуживания политических целей и не было представлено на мировом арт-рынке (Чжоу 2017, с. 28). Только с появлением авангардных течений китайские художники стали постепенно выходить на мировой уровень.

Под словосочетанием «современные художники» в данной статье понимаются ныне живущие художники, вне зависимости от того, в каком стиле они работают. Исходя из анализа списка «Топ 100 ныне живущих художников 2011-2016» опубликованный порталом Artnet.com, автором было принято решение исследовать 30 китайских художников. В данный лист входят 100 художников со всего мира, по общей стоимости продаж их произведений в указанные года, 36 из них – китайцы. Поэтому, был сделан вывод, что именно такое число художников может иметь значение на мировом арт-рынке. Далее автором из списка «100 самых успешных ныне живущих китайских художников за первую половину 2020 г.» (《2020 胡润中国艺术榜》2020 Хужунь чжунго ишубан) были выбраны для анализа художники, занимающие 30 первых строчек. Данный лист составлен издательской группой Hurun Report Inc, которая была основана в 1999 г. британцем Р. Хугеверфом в качестве исследовательского подразделения, и превратилась в ведущую издательскую группу класса люкс, базирующуюся в Шанхае. Основная цель компании: показать ценность корпоративных инвестиций, продвигать предпринимательство посредством анализа экономической статистики и составления качественных списков.

Анализ выбранных художников показал, что 14 мастеров работают в стиле традиционной живописи *гохуа*. Многие из них, в том числе, занимающий первое место Цуй Жучжо, следуют всем канонам, тем самым продолжая традицию китайской

[1] Научный руководитель — канд. культурологии, доцент ЦИОП СПГХПА им. А.Л. Штиглица А. В. Карпов.

живописи в современности. К этой группе также можно причислить Чэнь Пэйцю, Чжоу Яншэна, Лю Гуана, Чэнь Чжунчжоу, Ван Минмина, Фан Чусюна и Жэнь Чжуна.

Многие художники трансформируют традиционную живопись. Например, Фань Цзэн создает образ милого китайского мальчика и в серии работ освещает различные сцены из его жизни. Китайцам такие сюжеты напомнят живопись *няньхуа* (年画), европейцы могут найти связь с комиксом. В отличие от Фань Цзэна, Чжу Яокуй, Хуань Цзяньнань и Чжоу Чунья пишут традиционные для *гохуа* сюжеты (цветы и птицы, горы и воды) однако они работают маслом, соединяя тем самым восточную и западную культуру.

Следующий по популярности среди выбранных художников стиль – Циничный реализм. В нем работают такие художники, как: Лю Сяодун, Лю Вэй, Ван Синвэй и Фан Лицзюнь и Чжан Сяоган. Творчество последнего некоторые исследователи относят к сюрреализму, но посмотрев на его серию «Родословная» (1995), можно понять, что он, как и остальные художники циничного реализма, искажает свои элементы реальности, которые важны именно для него и на которые художник хочет обратить внимание своего зрителя.

Двое художников из представленного списка работают в стиле гиперреализма: Ло Чжунли и Лэн Цзюнь. Первый создаёт большие полотна в несколько метров, изображая на них людей из деревни. Такой размер нужен, чтобы его работы могли восприниматься отдельно от реальности. Второй художник предпочитает писать небольшие картины, используя типичный для *гохуа* сюжет: бамбук.

Ван Гуанъи является единственным представителем политического поп-арта в данном списке. Он работает в этом стиле начиная с конца 80-х гг прошлого века.

Стиль других художников довольно сложно определить, так как их работы синтезируют в себе черты многих западных стилей и китайской культуры. Например, Лю Е создаёт свои картины в стиле примитивизма. Творчество Цзэн Фаньчжи вобрало в себя черты экспрессионизма. Цзинь Шанъи (Шани) работает в реализме, а художник Ши Ци испытывает влияние абстрактного экспрессионизма.

Впервые появившийся в этом списке художник Цзя Айли молодой по сравнению с остальными - ему 41 год. Его детство пришлось на становление авангарда, поэтому в его работах есть черты рационалистической живописи. Кроме того, его творчество выделяется на фоне других проблематикой, свойственной его поколению. Его волнует потенциальная гибель земли и переселение на другие планеты, что выражается в апокалиптичных пейзажах и космических образах.

Кроме живописцев, в списке представлено два скульптора: Цзюй Мин и Ли Чжэнь. Явное влияние на творчество Цзюй Мина оказали скульптуры К. Бранкузи, однако он также перерабатывает западное творчество: большинство его скульптур изображают воинов тайцзи. Ли Чжэнь вдохновляется буддийской скульптурой, но актуализирует ее, выполняя из современных материалов.

Рассмотрев весь список, можно сделать вывод, что на мировом Арт-рынке востребовано творчество самых разных художников из Китая. Большую часть занимает традиционная живопись, но так же присутствуют и многие авангардистские течения. Кроме того, в основном, из искусства Китая ценится живопись и скульптура. Другие виды изобразительного искусства не имеют таких больших объемов продаж на мировом Арт-рынке.

Для того чтобы определить, какими маркетинговыми стратегиями пользуются китайские художники, необходимо рассмотреть уже существующие.

Одним из главных трудов по маркетингу культуры является монография Ф. Колбера (2004). Он основательно разбирает различные аспекты маркетинга культуры, начиная от основных понятий продукта, рынка, спроса и предложения, заканчивая планированием и контролем процесса маркетинга культурных институций.

В своей книге он рассматривает 4 способа продвижения художников или институций в сфере культуры: реклама, персональная продажа, связи с общественностью (PR), продвижение продаж (Колбер 2004, с. 177).

У каждого способа есть свои преимущества, в зависимости от поставленной цели. Например, реклама рассчитана на более широкую публику, чем персональная продажа, но с помощью персональной продажи клиент изучается более широко, и вероятность продажи повышается (Колбер 2004, с. 177-178). Поэтому, для достижения лучшего результата автор советует использовать все методы продвижения, просто делать акцент на более эффективном и нужном.

Рассмотрев предложенные Ф. Колбером способы продвижения, можно сделать вывод, что они больше подходят для различных институций в сфере культуры – музея или художественной галереи. Для отдельного художника такие способы могут оказаться бесполезными. Кроме того, некоторые способы продвижения требуют финансов, которых может не быть у художника, только начинающего свой путь продвижения на мировой арт-рынок. Так же, стратегии, предложенные Ф. Колбером, не учитывают рекламы и продвижения в интернете, который сейчас играет важную роль, особенно во времена после пандемии, когда деятельность многих институций расширилась в онлайн пространство.

Кардинально другой принцип продвижения художников в своей статье предлагают австралийские ученые К. Леман и М. Уикхэм (2014). Их методика продвижения основана на различных маркетинговых исследованиях, анализе опыта многих художников, и зависит от одного из четырех этапов карьеры художника: неизвестный, начинающий, признанный и знаменитый художник.

Ученые предлагают конкретные действия, начиная от участия в местных конкурсах любительского искусства, заканчивая полной передачей маркетинговых дел своему агенту или галерее и поддержанием уже сложившегося статуса (Леман, Уикхэм 2014, с. 678 – 681).

Такая маркетинговая модель, направлена именно на художника, что делает ее более применимой в данном исследовании. Стадии карьеры художника совпадают с этапами жизненного цикла товара, что означает у данной модели продвижения наличие сильной маркетинговой базы. Однако хоть эта статья и вышла позже монографии Ф. Кольбера, в ней тоже не описаны маркетинговые действия, совершаемые через интернет с помощью социальных сетей.

После изучения существующих маркетинговых стратегий, можно понять, какими пользуются китайские художники.

Любой маркетинговый план и построение стратегии начинается с целевой аудитории. Для того чтобы предлагать товар или услугу, надо изучить своего потребителя и наилучшим образом удовлетворить его запрос. В случае с искусством, потребители – коллекционеры. В мире искусства покупатели не любят раскрывать своих имен. Даже в случае с аукционными торгами, когда можно говорить о большой доли публичности, покупатели часто остаются икогнито. Для данного исследования необходимо только понять - азиатский потребитель, или европейский. Такие сведения вполне можно узнать в аукционных каталогах.

Для анализа потребителя были изучены лоты 30 уже упомянутых художников на мировых аукционах Сотбис и Кристис. Для анализа интерес представляют только эти аукционные дома, так как они занимают первое и второе места по суммарной выручке от продаж. Третье место занимает китайский аукционный дом Poly Auction, но его сфера продаж ограничивается предметами китайского искусства[2], поэтому здесь мы можем говорить больше о внутреннем арт-рынке.

Исследование показало, что работы не всех китайских художников продаются на Сотбис и Кристис. Произведения Хуан Цзяньнаня, Чжоу Яньшэна, Чэнь Чжунчжоу, Лю Гуана, Ли Чжэня и Фан Чусюн не представлены в этих аукционных домах. Примечательно, что все перечисленные художники, кроме Ли Чжэня (скульптор) пишут традиционную китайскую живопись. Поэтому автор сделал предположение, что их произведения можно найти в лотах аукционного дома Poly Auction. Гипотеза подтвердилась.

Сопоставив стили и местоположение произведений, стала видна закономерность: картины художников, которые работают в стиле гохуа, в основном, находятся в азиатских коллекциях; картины художников, которые работают в других стилях, представлены в европейских и американских коллекциях. Такая закономерность между продуктом и потребителем позволяет определить маркетинговую стратегию художника.

Современные китайские художники, продолжающие традиционное китайское искусство в своем творчестве выбрали для себя такую маркетинговую стратегию, как актуализация художественного наследия. Именно поэтому их работы находятся в

[2] About us // Beijing Poly International Auction Co. Ltd. URL: http://en.polypm.com.cn/static/brief/3%7Cpublisher=Beijing (дата обращения: 29.03.2021).

азиатских коллекциях. Для европейского потребителя традиционная китайская живопись не имеет такого значения, так как коллекционеры из Европы воспитывались на живописи совершенно другого толка. Каждый из китайских художников актуализирует художественное наследие по-своему, поэтому их так много представлено на рынке.

Художники, чьи работы представлены в европейских и американских коллекциях руководствуются маркетинговой моделью, предложенной К. Леман и М. Уикхэм. У каждого художника, чьи произведения хранятся у европейцев, есть собственные вебсайты. Изучив их, было выяснено, что они сотрудничают с различными значимыми на мировом уровне институциями, такие как Шанхайский художественный музей, музей Ван Гога, Пражский художественный музей. Кроме того, их персональные выставки проходили в ведущих мировых галереях, например Gagosian Gallery, David Zwirner, Pace Gallery и Lisson Gallery.

Таким образом, изучив стратегии продвижения, используемые современными китайскими художниками можно сделать несколько выводов. Современное китайское искусство покупают люди со всего мира, из Азии, Европы и Америки. Предпочтения коллекционеров из разных частей мира рознятся друг с другом, но схожи в рамках одного региона. Это позволило предположить, какие методы продвижения самые эффективные. Все зависит от целевой аудитории, то есть, на какой рынок художник хочет работать. Если ориентироваться на коллекционеров из Азии, то одна из выигрышных маркетинговых стратегий - актуализация традиционной живописи. Если основная цель - европейский и американский потребитель, то стоит выбрать другие стили, как, например, циничный реализм или политический поп-арт, и соответственно, другие маркетинговые стратегии, как продвижение через коммерческие галереи, сотрудничество со значимыми культурными институциями.

Список использованной литературы

Долганова, Е.А. Культурологический анализ форм продвижения художника на арт-рынок: автореф. дис. ... канд. культурологии наук: 24.00.01. М., 2011. 26 с.

Духовная культура Китая. Том 6. Искусство / Титаренко М.Л., Кобзев А.И., Лукьянов А.Е., Под ред. М.Л. Титаренко. М.: Вос. лит, 2006. 1031 с.

Колбер Ф. Маркетинг в сфере культуры и искусства. Издатель Васин А., 2004. 256 с.

Чжоу Вэйхуа. Чжунго дандай ишу шичан хэцюй хэцун 中国当代艺术市场何去何从? (Куда идет китайский рынок современного искусства?)? // Мэйшу гуаньча 美术观察(Наблюдение за искусством).. 2017. №5. С. 28-29.

Хужунь яньцзююань фабу "2020 Хужунь чжунго ишубан" 胡润研究院发布《2020胡润中国艺术榜》(Опубликованный институтом Хужунь Список китайского искусства за 2020 г.) // Хужунь байфу (Отчет Хурун) 胡润百富 URL:

http://www.hurun.net/CN/Article/Details?num=EFCE42788A3B (дата обращения: 27.11.2020).

Lehman K., Wickham M. Marketing Orientation and Activities in the Arts-Marketing Context: Introducing a Visual Artists' Marketing Trajectory Model // Journal of Marketing Management. 2014. №30 (7-8). С. 664-696.

Who Are the Top 100 Most Collectible Living Artists? // Artnet.news URL: https://news.artnet.com/market/top-100-collectible-living-artists-504059 (дата обращения: 27.04.2020).

Сорокина Юлия Александровна
студентка 3 курса Восточного факультета
Санкт-Петербургского государственного университета[1]

Влияние Японии на жизнь и творчество китайских писателей первой половины XX века (на примере Го Можо)

Почему можно утверждать о влиянии Японии на Китай, когда Япония на протяжении веков была учеником китайской культуры, пропущенной через особый духовный фильтр? Стоит взглянуть на то, в каком виде Китай и Япония вступили в новое столетие. Во второй половине девятнадцатого века, благодаря реставрации Мэйдзи (1868-1889), Япония сделала огромный скачок в развитии и стала самой развитой страной на Дальнем Востоке и, возможно, во всей Азии. В Китае же вторая половина XIX - начало XXв. оказались очень сложным периодом – войны, восстания и колониальная политика Запада нанесли значительный удар по экономике, системе управления и уровню жизни в стране. Чтобы получить основу для восстановления, несмотря на все разногласия, ещё с начала XX в. в Японию отправляли китайских студентов для изучения науки, медицины, права, литературы, языка и т.д. Вернувшиеся специалисты должны были составить новую интеллигенцию и стать рычагом для развития Китая. Среди многообещающих студентов были такие деятели и реформаторы «нового Китая», как Лу Синь (鲁迅), Чжоу Цзожэнь (周作人), Юй Дафу (郁达夫), Го Можо (郭沫若) и др. Оказавшись в Японии, они открыли для себя совершенно другой, современный мир и познакомились с множеством западных трудов. Они увидели, насколько отстал Китай. В это время Япония претерпевала стремительные изменения, идеи хлынули в неё потоком. Стремительность и резкость этих изменений привела к созданию «пёстрой и дисгармоничной японской культуры» того времени. Так, в Японию разом пришли романтизм, реализм, натурализм, гуманизм и даже пролетарский роман. Со многими представителями данных направлений дружили и дискутировали китайские писатели и поэты, будущие видные деятели. (Конрад 1973, с. 402)

Эго-роман (私小说 shishosetsu англ. I-novel) появился как отдельный жанр в начале 20 в., отделившись от натурализма эпохи Мэйдзи. Главной характерной чертой является то, что автор сам выступает главным героем, а в произведение вплетены реальные факты из жизни автор. Чувственность, откровенность, глубокий психологизм — всё это сочеталось с простотой и имело тонкую связь с культурным прошлым. Персонажи часто поднимали такие темы, как запреты, бедность, голод, болезни и т.д. Этот жанр, по мнению многих исследователей японской литературы, положил начало современной японской литературе.

[1] Научный руководитель – к. фил. н. Родионов Алексей Анатольевич

Конечно же, молодые студенты, полные жизненного интереса ко всему новому и неизведанному, очутившиеся в чужой стране, в совершенно другом мире, не могли не обратить внимания на литературу. Даже если приехали изучать медицину, экономику или техническое дело, даже если начинали читать лишь для практики языка. Упоминание Японии можно встретить в трудах многих китайских деятелей первой половины XX в. В своих статьях, эссе, рассказах, романах и пьесах они писали о японцах, о природе и истории, о культуре и традициях страны Восходящего Солнца. Например, можно проследить историю Го Можо.

Го Можо (урожд. Го Кайчжэнь, 1892-1978), один из крупнейших деятелей XX века, не только писатель, но и политик, культуролог, историк, прожил долгую и полную событий жизнь. В общей сложности в Японии он прожил почти двадцать лет, здесь нашёл себя как писателя, создал настоящую семью, более того, с японкой, встретил верных товарищей и близких друзей. В Японии он получил незаменимые знания.

Именно в Японии, во время учёбы, были написаны его первые произведения, только за период 1917-1923 гг. им было создано 62 поэмы и стихотворения. Вдохновителями и «учителями» Го Можо стали величайшие японские поэты Сайгё (西行) и Мацуо Басё (松尾芭蕉).

Летом 1916 г. он познакомился с Сато Томико (佐藤富子). Японская девушка, только закончившая миссионерскую школу, дочка пастора протестантской церкви, была очень мила, ухаживала за больным туберкулёзом другом студента. Молодые люди долго и регулярно обменивались письмами, а уже в 1917 г. стали жить вместе, сначала обосновавшись в Окаяме.

Го Можо учился, при этом теряя интерес к медицине и Японии. С 1917 г. он писал и иногда переводил для журналов, а на супругу падали все обязанности по дому и обеспечению семьи. Разрыв с семьёй, тяжёлое положение, чужбина - всё это угнетало и беспокоило начинающего поэта. (26, с. 246-247)

В 1921 г., вдохновившись идеями движения «4 мая», Го Можо, Юй Дафу, Чэн Фаньу и другие китайские студенты в Японии создали литературное общество «Творчество». Их творчество обычно относят к романтическому, но прогрессивному направлению, одна из главных особенностей - индивидуализация творчества, открытость, которую они почерпнули в работах японских писателей. Именно благодаря знакомству с западными японскими работами началась активная творческая деятельность Го Можо, и именно его драматургия и творчество в целом, наряду с творчеством Юй Дафу, Лу Синя и других писателей того времени, послужила свежим глотком для китайской литературы и для народа в целом.

В таких японских журналах как «Литература Васэда» (早稲田文学), «Литература Мита» (三田文学), «Плеяда» (昴星), «Новое веяние» (新思潮) и др. Го Можо и его товарищи познакомились с работами не только западных учёных и философов, но и

прогрессивных японских мыслителей. Именно в этих журналах активно публиковались японские писатели нового времени, идеалисты и гуманисты Санэацу Мусянокодзи (武者小路实笃), Такэо Арисима (有岛武郎), Наоя Сига (志贺直哉), эстеты и неореалисты Кафу Нагаи (永井荷风), Дзюнъитиро Танидзаки (谷崎润一郎), Сато Харуо (佐藤春夫), Акутагава Рюноскэ (芥川龍之介), Масамунэ Тадао (正宗忠夫) и др. натуралисты. Список можно продолжать очень долго, в Японии в то время создавалось всё больше новых общество, открывалось всё больше новых талантов, появлялись новые идеи. Из их работ юные китайские студенты почерпнули множество идей.

Благодаря знакомству с работами японского марксиста Каваками Хадзимэ (河上肇) в Китай Го Можо вернулся убеждённым марксистом, а после движения «30 мая 1925 года» «Творчество» и др. окончательно обратились к «революционной» литературе, к которой японцы пришли к концу 1920х гг. В 1926 г. у писателя вышла автобиографичная повесть «Трилогия скитаний», в которой видно отчуждение героя от происходящего в мире, это история культурного человека в бескультурное время, а точнее его путь к себе. История главного героя напоминает жизнь Го Можо: закончивший медицинский факультет молодой человек разочарован в медицине и жаждет полностью отдать себя литературе, написать великий роман, но все тяготы жизни слишком притесняют его, ему даже приходится отпустить любимую жену и детей в Японию.

В 1928 г. вышел чувственный сборник любовной лирики «Ваза», центральное место в котором занимает образ сливы, японский символ красоты. Но в период 1928-1937 гг., находясь в политэмиграции в Японии (семья Го жила в городе Итикава, Тиба), Го Можо почти не пишет новых произведений, и занимается активной археологической и научной деятельностью в области истории, пишет свои мемуары. Стихотворения же, написанные в этот период, собраны в цикл «Снова в Японии» 1955 г. Эти стихотворения переполнены любовью к природе, тоской и болью, в них вновь выразились противоречивые чувства поэта к Японии.

Отношения Китая с Японией в первой половине XX века переживали непростые времена. Напряжение росло и вскоре уважение переросло в почти презрение. Так, в 1938 г. Сато Харуо, японский писатель и поэт, хороший товарищ и учитель Го Можо и Юй Дафу, написал рассказ «Дитя Азии», в котором прототипами главных героев стали как раз его китайские товарищи, китайские «иждивенцы», постепенно приходящие к осознанию японского могущества и «примирению» под японским знаменем. Это привело к полному разрыву отношений. (Цай Чжэнь 2013)

В 1937 году приказ об аресте Го Можо был отменён и он, оставив в Японии жену и пятерых детей, вернулся на Родину, чтобы постоять за свою страну и дать отпор японскому «неприятелю».

«Надо бросить перо
и служить беззаветно отчизне!

Десять лет на чужбине
я прожил в мучительном горе…»

Он не только служил, но и участвовал в антияпонской пропаганде, поддерживал китайский народ в тяжёлой и затянувшейся борьбе. Уже позже, в 1959 г., была опубликована полностью автобиографичная повесть «Песнь о бушующей волне», написанная в жанре документальной прозы и содержащая воспоминания Го Можо о китайско-японской войне. Автор рассказывает о том, что ему довелось увидеть за несколько лет борьбы - страдания людей, смерти невиновных, нападения на беззащитных - и рассуждает о вторжении Японии и будущем Китая.

Несколько особенностей творчества Го Можо, связанных с Японией:

- Автобиографичность. Например, в поэзии разных годов, написанной в Японии, часто использованы темы «морского», «небесного», «космического-звёздного». Итикава, Фукуока, Сага, Окаяма – всё это прибрежные провинции Японии. Семья Го часто жила у побережья, поэт любил прогуляться, чтобы освежить мысли и немного расслабиться, слушая успокаивающие звуки волн и посмотреть на закат и то, как появляются в небе звёзды, о чём он не раз писал в своих стихотворениях. Океан завораживал Го Можо, а звёзды и облака казались чем-то далёким и могущественным.
- В работах часто встречается описание природы и культуры Японии, герои-японцы. Упоминание прекрасной, нежной, душистой сливы присутствует ни в одном произведении Го Можо. Этот символ добродетели, любви и красоты встречается как нежное напоминание о прекрасных чувствах к девушке:

«Благоухает твоё совершенство
Ярче и тоньше, чем сливы весенние…."

- так и в трагических историях, как символ несчастной любви и решительности:

"…Он был схоронен на горе - у обрыва.
Он стал достоянием темной земли,
И выросла нежная тонкая слива
На месте, где тело его погребли».
(Го 1958 1T, с. 188-189)

- романтизация смерти, трагизм, характерный многим писателям. Особенно это отзывалось в тех тяжёлых обстоятельствах, в которых он находился в Японии. Не зря первое его самое первое стихотворение начинается со слов «я вышел из дома, чтобы умереть...» (Chen 2007, с. 17).
- Лингвистический аспект. Го Можо, как и другие, активно использовал новые западные понятия в японском языке, переводя их на китайский.

В годы жизни в Японии у Го Можо появилось несколько японских товарищей, с которыми он не прервал дружбы и после войны. Например, Масуда Ватару (增田涉), один из известных синологов-японцев, изучал и переводил его работы.

Го Можо, как и многие китайские литераторы, учившиеся в Японии, поддерживал дружбу с Утиямой Кандзо (内山完造), основателем сети книжных магазинов японских изданий в Китае. Именно он способствовал распространению западной и японской литературы, а вместе с ней и идей, в Китае.

Го Можо снова оказался в Японии в 1955г. уже как глава делегации, и чувствовал приятную тоску. Он был назначен главой «Комитета по делам с Японией», где ему помогал Ляо Чэнчжи и другие деятели. Го Можо посетил свой старый дом в Окаяме, а 14 декабря 1955 г. во главе делегации побывал в саду Кораку-эн, Окаяма, который сильно изменился после Второй Мировой войны – сад и замок пострадали от бомбёжки, а башня Танчо была и вовсе разрушена. Это уже не был тот прекрасный сад, что запомнился поэту. Тогда же, переполненный воспоминаниями, он написал четверостишие-экспромт на тему его впечатлений. В 1959 году был образован комитет по строительству памятника Го Можо, но только 3 апреля 1961 года под одной из сакур была открыта каменная памятная плита - те самые четыре строчки, выгравированные на бронзовой табличке.

後楽園仍在
烏城不可尋願
将丹頂鶴作
対立梅林

Перевод:

Пускай Коракуэн ещё на месте,
Танчо уж не найти отныне,
Но я сложу журавликов японских
Чтобы сливовый лес украсить ими. (Фудзи 2000)

Конечно, отношение к этой стране было неоднозначным, но отрицать её влияние невозможно. Но сам Го Можо не любил говорить о своих связях с Японией, избегал этой темы в разговорах. (Yuan 2016, с.1-3) Эта страна за какие-то полвека принесла ему и его Родине слишком много бед.

Конечно, Го Можо не единственный китайский писатель, на которого Япония оказала столько серьёзное влияние. Япония первая познакомилась с Западом и познакомила с ними китайскую молодёжь. В основном, именно благодаря Японии они смогли вдохнуть новую жизнь в литературу Китая.

Список использованной литературы

Го Можо. Сочинения в 3 т. М. : Гослитиздат, 1958, 1296 с.

Конрад Н.И. Очерки японской литературы. Художественная литература. Москва: 1973. 466 с.

Chen Xiaoming. From the May Fourth Movement to Communist. Revolution SUNY Press, 2007. 156 p.

Yuan Li. Study of Comparative Poetic Thought of Guo Moruo’s Goddess. Nanchong: College of Chinese Language & Literature, China West Normal University, Vol.04 No.01, 2016. pp. 1-7.

Цай Чжэнь. Го Можо юй жибэньвэньсюэ эрти (Го Можо и Японская литература). Бэйцзин: Го Можо сюэкань 2013, №3, с. 40-45 蔡震. 郭沫若与日本文学二题 - 北京：郭沫若学刊 , 2013 第 3 期 - 40-45 页.

Комитет истории г. Фудзи. История Фудзи (Том 2) – Комитет просвещения г. Фудзи, 2000, 922 с. 富士町史編さん委員会. 富士町史(下巻) - 富士町教育委員会, 2000, 922 p.

Темченко Мария Романовна
студентка 3 курса
Восточный факультет СПбГУ[1]

Ономатопы в бирманском языке

Звукоподражательная лексика — это неотъемлемый пласт любого языка. Бирманский язык не является исключением. Ономатопы являются объектом изучения фоносемантики. Согласно С. В. Воронину, основателю Санкт-Петербургской (а также российской) школы фоносемантики, «фоносемантика — это языковедческая дисциплина, имеющая своим предметом звукоизобразительную систему языка, изучаемую с позиций пространственных и временных[2]». Впервые цели фотосемантики сформулированы С.В. Ворониным в работе «Основы фоносемантики».

В данной работе мы рассмотрим звукоподражания и звукоподражательные слова в бирманском языке.

«Звукоподражание — это закономерная непроизвольная, фонетически мотивированная связь между фонемами слова и полагаемым в основу номинации звуковым признаком денотата»[3].

«Звукоподражательное слово — это слово, звукоподражательное в своей основе, по своему происхождению, т. е. слово, обладающее свойством звукоподражания в момент своего создания»[4]. Описание ономатопов в любом языке не может обходиться без анализа их связи со звукоподражательными словами.

До настоящего времени проблема ономатопов и звукоподражательных слов применительно к бирманскому языку не освещалась. В «Кратком очерке грамматики бирманского языка» В.Б. Касевич лишь вкратце затрагивает интересующую нас тему в разделе «Словообразование наречий». Он пишет, что значительную часть производных наречий составляют наречия звукоподражательные. «Они образуются от звукоподражаний с помощью суффикса /kne2/ и с помощью редупликации (которая может сопровождаться также прибавлением префикса /t/), например: /ding2/ — звукоподражание «бом-бом» - /ding2 kne2 / «громко», «гулко[5]». Больше в очерке тема звукоподражаний не поднимается.

Другой исследователь Матиас Дженни вслед за В.Б. Касевичем упоминает суффикс /kne2/, который, по его словам, встречается в звукоподражательных словах,

---

[1] Научный руководитель — д. филол. н., проф. Р. А. Янсон.
[2] Воронин С. В. Основы фоносемантики. ЛЕНАНД, Москва, 2006, с. 248.
[3] Воронин С. В. op. cit., с. 249.
[4] Воронин С. В. op. cit., с. 251.
[5] Касевич В.Б. Краткий очерк грамматики бирманского языка / Бирманско-русский словарь: около 29000 слов / Под редакцией Г.Ф. Мининой и У Чо Зо, Москва, «Русский язык», 1976.

передающие резкие или неожиданные звуки.[6] Данным замечанием в его работе тема ономатопов ограничивается. Таким образом, данная проблема является актуальной.

Как пишет С.В. Воронин, для образования ономатопов используются определенные наборы звуков, которые могут повторяться, как будто передавая звучание. Ономатопы мотивированны теми или иными фонетическими и фонологическими свойствами предмета или явления, который они стараются передать.

Несмотря на то, что во всем мире люди слышат абсолютно идентичные звуки, звукоподражательные лексические единицы отличаются в разных языковых культурах. В частности в работе «Зоо-ономатопы в английском, русском, испанском и литовском языках: сравнительный анализ»[7] хорошо показано это явление. Например, передача звука, который издает петух – в русском языке «кукареку» /kʊkərʲɪkˈu/, в английском языке «cock-a-doodle-doo» /kɑk-ə-dudəl-du/, в испанском «quiquiriquí» / kikiɾiˈki /, в литовском «kakariekū» /kakaríekū /. Иногда звукоподражания схожи в разных языках (как в случае с кукареканием), однако из-за различного фонетического строя языков, особенностей произношения, культурной составляющей ономатопы могут передаваться по-разному у народов мира. Например, Карчёмова Александра приводит пример ономатопа, имитирующего звук, издаваемый ежом, в русском, английском, испанском и литовском языках. Как видим, в данной ситуации эти ономатопы в этих же языках существенно различаются. В русском языке - пых-пых /pˈɨx-pˈɨx/, в английском - boo-hoo / buː-huː /, в испанском - pío, pío, pío / ˈpio ˈpio ˈpio/, в литовском языке - pus pus pus / pùs pùs pùs /[8].

Частотность употребления различных ономатопов зависит от типа текста. Чаще всего они используются в комиксах, сказках, реже в художественной литературе и почти не используются в официальных документах.

Из-за пандемии сложилась ситуация, не позволившая обеспечить достаточно репрезентативную картину ономатопов в бирманском языке. В общей сложности удалось собрать 73 ономатопа, из которых 43 – ономатопы, передающие звуки, издаваемые живыми существами, 18 – ономатопы, связанные с механическими звуками и 12 - ономатопы, передающие звуки природных явлений. Что касается звукоподражательных глаголов, их нами было найдено всего 7.

Мы проанализировали ономатопы трех типов: ономатопы, связанные с живыми существами, природными явлениями и механическими звуками. Во всех трех типах представлены как ономатопы, так и звукоподражательные глаголы. Принцип оформления конструкций ономатопов одинаков для трех типов. Первый вид оформления - употребление ономатопа в конструкции, где в качестве сказуемого

---

[6] Mathias Jenny, San San Hnin Tun, Burmese: A Comprehensive Grammar, 240-241, New York, Routledge, 2016.

[7] Карчёмова Александра, Зоо-ономатопы в английском, русском, испанском и литовском языках: сравнительный анализ, ВКР, СПбГУ, 2016.

[8] Карчёмова Александра. op. cit. Авторская транскрипция примеров сохранена.

выступает нейтральный глагол, например, «звучать», «кричать», «бить». Второй вид – используется лишь звукоподражательный глагол при отсутствии ономатопа. Третий вид - употребляется глагол, не имеющий звукоподражательной семантики, но использующийся для определённого класса животных. Приведем примеры на каждый вид конструкций.

Предложение «воробей чирикает» передается в бирманском языке следующим образом: воробей */t ʧi2 ʧi2/* звучать – «воробей чирикает». Употреблен ономатоп */t ʧi2 ʧi2/* и нейтральный глагол «звучать».

Лошадь */hi3 θi2/* - «лошадь ржет». В данном случае используется звукоподражательный глагол */hi3/*, который исключает использование ономатопа.

Курица */tun2 θi2/* - «курица кудахчет». Глагол /tun2/ является специализированным глаголом, ориентированным на определенный класс существ. Этот глагол допускает использование ономатопа. Например, змея */t ʃwi3 ʃwi3 tun2 θi2/* - «змея шипит». Глагол /tun2/ в данном примере не является звукоподражательным, но, как мы указывали выше, используется для передачи ономатопов, издаваемых курицей, змеей и коровой.

Ономатопы могут выступать в двух формах: удвоенной форме или в виде наречия, образованного путем присоединения префикса /t/ к удвоенной форме. На основе наших примеров можно заключить, что использование этих двух форм носит произвольный характер.

/be3 *gʌ4 gʌ4* **ɔ2** θi2/ - Утка «кря-кря» кричит. /se4mjʌ3 *t wɒ3 wɒ3* mji2 θi2/ - Двигатель */t wɒ3 wɒ3/* звучит. «Двигатель шумит».

Итак, мы рассмотрели структурные типы предложений, содержащих ономатопы. Перейдем к рассмотрению ономатопов функционирования ономатопов в трех вышеупомянутых семантических группах.

Ономатопы, связанные с живыми существами:

/be3 *gʌ4 gʌ4* **ɔ2** θi2/ - Утка «кря-кря» кричит.

/khwei3 *wou4 wou4* mji2 θi2/ - Собака «гав-гав» звучит.

/lu2 *t ha3 ha3* je2 θi2/ - Человек «ха-ха» смеется.

Как видим, в данных примерах с ономатопом используется глагол с общей семантикой, а именно глаголы «звучать», «кричать» и «смеяться». То есть, в случаях, когда используется ономатоп, звукоподражательный глагол не используется.

Теперь рассмотрим примеры использования ономатопов, относящихся ко второму типу – звуки явлений природы.

/lei2 *t vi3 vi3* mji2 θi2/ - Ветер */vi3 vi3* / звучит.

/θi4 ping2 dvei2 *t ʃe3 ʃe3* mji2 θi2/ - Листья */t ʃe3 ʃe3* /звучат. («Листья шелестят»).

/ese4 dwei2 *t pjʌu4 pjʌu4* mji2 θi2/ - Капли */t pjʌu4 pjʌu4/* звучат. («Капли капают»).

В данном случае употреблен глагол общего значения /mji2/ «звучать».

Третий тип звукоподражаний – ономатопы механических звуков. Глагол /mji2/ «звучать» в этом типе превалирует. Приведем несколько примеров:

/tgʌ3 *t dʌu4 dʌu4* k^h ʌu4 θi2/ - Дверь */t dʌu4 dʌu4*/ стучать. – «Стучать в дверь со звуком «тук-тук».

/se4mjʌ3 *t wɒ3 wɒ3* mji2 θi2/ - Двигатель /*t wɒ3 wɒ3*/ звучит. «Двигатель шумит».

/θing2bɒ3 *t di3di3 t wi2 wi2* mji2 θi2/ - Пароход /*t di3di3 t wi2 wi2*/ звучит. «Пароход гудит».

Примеры подтверждают сказанное выше о видах структур. Как видим, звукоподражание используется произвольно либо в удвоенной форме. По нашим наблюдениям, среди примеров третьего типа, которые мы собрали, нет случаев, когда ономатоп употребляется без префикса /t/.

Таким образом, мы рассмотрели три типа ономатопов и три вида конструкций, с помощью которых передаются ономатопы. Нам не удалось обнаружить разницу в употреблении одного лишь ономатопа и в использовании ономатопа с префиксом /t/. Тем не менее конструкции с употреблением удвоенного ономатопа и ономатопа с префиксом /t/ это разные конструкции. Следует предполагать, что за разными формами стоит различная семантика. Данная проблема требует дальнейшего изучения.

Травкин Павел Сергеевич
студент 4 курса
Восточный факультет СПбГУ[1]

Китайско-тиморские отношения
в контексте геополитики Юго-Восточной Азии

Государство Восточный Тимор, или Тимор-Лешти, расположено на острове Тимор. Страна имеет водные границы с Австралией и Индонезией, а также единственную сухопутную границу с западной частью острова, принадлежащую Джакарте.

Несмотря на то, что Восточный Тимор является одной из самых бедных стран мира, она имеет важное геостратегическое и геополитическое значение для всей Юго-Восточной Азии, обладает обширными запасами полезных ископаемых, а также доступом к глубоководному проливу, дающему возможность без проблем выйти во внутренние воды индонезийского архипелага.

Данные условия, вкупе с нестабильной внутриполитической ситуацией из-за недавно приобретенной независимостью, делают Восточный Тимор одним из важных центров геополитического процесса в регионе, особенно сейчас, когда борьба за доминирование в Юго-Восточной Азии идет довольно активно. В настоящий момент основными игроками, желающими распространить свое влияние на Восточный Тимор и, тем самым, воспользоваться его выгодным положением, являются Китай, Индонезия и Австралия.

Во многом взаимоотношения Тимора с государствами, конкурирующими за влияние на него, обусловлены его историей. До 1975 г. Восточный Тимор был португальской колонией. После объявления независимости, правительство возглавили лидеры политической организации «Революционный Фронт за Независимость Восточного Тимора» (ФРЕТИЛИН) (порт. *Frente Revolucionária de Timor-Leste Independente*). Идеологической базой революционного фронта был радикальный маоизм (Gudmund Jannisa. 2019, p. 165). Большую дипломатическую поддержку в признании нового государства оказал Китай (Тарасова, 2019, с. 47) Именно этот факт до сих пор играет значительную роль в тиморско-китайских отношениях.

Однако ярко выраженная левая ориентация Восточного Тимора сильно обеспокоила соседнюю Индонезию, где в тот момент установился авторитарный и антикоммунистический режим президента Сухарто (1967-1998 гг.). Поддержанный американским правительством, опасавшимся повторением вьетнамского сценария, президент Индонезии ввел войска в Восточный Тимор и включил его в состав Индонезии как 27-ю провинцию (Wisnu Amri Hidayat, Iswara N Raditya, 2019).

[1] Научный руководитель – ст. преп. Светлана Викторовна Банит.

Положение дел в Восточном Тиморе не менялось до конца 90-х гг. В 1998 г. после массовых демонстраций авторитарный режим в Индонезии пал. Новое демократическое правительство объявило о широкой программе реформ, направленных на демократизацию. Воспользовавшись слабостью центра, Восточный Тимор в 1999 г. провел референдум о независимости, где почти 80% жителей провинции проголосовали за выход из состава Индонезии (Хазанов, 2012. с. 125). Проведению референдума и последующей независимости Тимора безуспешно пыталась помешать армия Индонезии. Тем не менее, в 2002 г. Восточной Тимор официально получил независимость от Индонезии. Первой страной, признавшей независимость Тимора была КНР, что еще раз подтвердило заинтересованность Пекина в развитии отношений с Тимором(Andrea Soriano, 2021).

После вновь обретенной независимости, перед Тимором стал вопрос определения той роли, которую он будет играть в мировой политике. Для маленького государства с нестабильной экономикой и шатким внутриполитическим положением было неизбежным принятие второстепенной роли в политических процессах региона. В 2002 г. у Восточного Тимора было два пути: переориентироваться на более сильных игроков в региональной геополитике – Китай и Австралию или стать «младшим братом» соседней Индонезии. Последний путь был невозможен из-за предшествующего негативного опыта. Поэтому Восточный Тимор сразу же выпал из зоны геополитического влияния Индонезии и начал активно подстраиваться под своих новых союзников.

Первое время после независимости поддержку молодому государству оказывала Австралия. Она активно занялась разработкой месторождений нефти и газа в водах острова, а ее войска какое-то время присутствовали на территории Восточного Тимора (Ganewati Wuryandari, Cahyo Pamungkas, Firman Noor, Bob Sugeng Hadiwinata, 2009. p. 173-176).

Однако уже с середины 2000-х гг. Австралию на тиморском направлении стал активно теснить многократно усилившийся Китай, до этого проявлявший лишь политический интерес. Теперь же китайское правительство начало активно продвигать свою экономическую и геополитическую позицию. Для Китая, испытывающего и по сей день углеродный голод, Восточный Тимор является значимым союзником в Юго-Восточной Азии. Действуя методом «мягкой силы» Китай за короткий период стал одним из основных партнёров Восточного Тимора в нескольких областях, в частности военной и экономической. Вложенные китайской стороной большие инвестиции пошли на постройку необходимой инфраструктуры, необходимой для молодой республики, в первую очередь, здания министерств, президентский дворец и прочих правительственных зданий (Агентство Синьхуа, 2010). На протяжении нескольких лет Китай активно оказывал финансовую помощь и инвестировал в экономику Тимора. Однако китайские партнеры не сделали свою помощь безвозмездной. С одного доллара, вложенного Китаем, китайская экономика получала шесть долларов чистой прибыли

(Тарасова, 2019. с. 50). Также платой за финансовую помощь со стороны КНР стали концессии в разработке месторождений нефти и газа и рыболовства. Отдельно стоит упомянуть про активно развивающееся военное сотрудничество между Китаем и Тимором. Китай поставляет в Тимор патрульные катера береговой охраны (Lindsay Murdosh, 2010), униформу, а также обучает тиморских военных (Урляпов, 2011. с. 170). В последние годы на фоне противостояния между США и Китаем в Южно-Китайском море данный фактор является одним из основных в геополитической борьбе за доминирование в Юго-Восточной Азии. Китай в течение заявляет правительству Восточного Тимора, что китайское правительство заинтересовано в создании военно-морской базы на острове (Egidius Patnistik, 2014). Данная база даст возможность КНР не только разместить военные корабли близ границ Австралии и Индонезии, но и позволит контролировать стратегически важный пролив Омбей-Ветар, позволяющий провести подводные лодки любой мощности прямо во внутренние воды Индонезии (Старостин, 2013. с. 354). Приобретение Пекином военной базы на Тиморе кардинально изменит военный баланс региона и сделает КНР еще ближе к господству в Юго-Восточной Азии.

Для Индонезии китайско-тиморские отношения являются объектом пристального внимания. Если Тимор перейдет в сферу китайского влияния, то это станет геополитическим поражением для Джакарты. Строительство китайской военной базы будет угрожать суверенитет Индонезии и значительно изменит военный паритет в пользу Китая. Также это заставит Индонезию перебросить часть войск из региона Южно-Китайского моря к границам Восточного Тимора. Ослабление Индонезии в зоне конфликта за спорные территории (акватория острова Натуна) также будет играть на руку Пекину, который стремится к максимальному ослаблению стран, сопротивляющихся экспансии Китая в ЮКМ.

Дарованное Тимором Китаю право на рыбную ловлю в границах Восточного Тимора также станет ударом по Индонезии. Помимо того, что китайские рыболовные компании станут монополистами в восточной части острова Тимор, что принесет индонезийским компаниям, работающих на Тиморе, многомиллионные убытки. Китайская рыбная ловля также является потенциальной угрозой неприкосновенности морских границ Индонезии. Как и в ситуации, сложившейся в Южно-Китайском море, китайские рыболовные суда будут регулярно нарушать водные рубежи Индонезии и заниматься незаконной рыболовной деятельностью. Для Джакарты это будет значить лишь новые расходы на оборону и содержание крупного флота на восточных рубежах страны.

Индонезия, в свою очередь, понимает всю опасность китайского влияния на Восточный Тимор и старается окончательно не упустить страну из зоны своего влияния. Также ситуацию не улучшают происходившие до начала 2010-х стычки на индонезийско-тиморской границе между индонезийскими и тиморскими военными (Ganewati Wuryandari, Cahyo Pamungkas, Firman Noor, Bob Sugeng Hadiwinata, 2009. p.

153-154). Тем не менее, индонезийское правительство запустило ряд проектов с Восточным Тимором в военной и экономической сфере. Отдельно стоит упомянуть то, что Индонезия предоставляет относительно льготные для граждан Тимора условия поступления в индонезийские университеты. Эта программа существовала еще во времена оккупации Восточного Тимора Индонезией и была предназначена для создания лояльной Джакарте местной элиты. Несмотря на то, что взаимоотношения Тимора и Индонезии омрачены общей историей, индонезийское правительство изо всех сил старается если не вовлечь Восточный Тимор в сферу своего влияния, то хотя бы удержать его от сближения с Китаем и Австралией. Однако сделать это не так просто, ведь идея противостояния Индонезии возведена практически в государственную идеологию Восточного Тимора. Именно поэтому, чтобы как можно сильнее ослабить своего врага тиморское правительство все более склонно вступать в альянсы со странами, являющимися геостратегическими противниками Индонезии.

Таким образом, сближение Восточного Тимора с Китаем напрямую влияет на геополитический расклад сил в регионе, а длящаяся уже больше сорока лет тиморско-индонезийская вражда лишь способствует еще большему втягиванию Тимора в сферу влияния Китая. Действуя в соответствии с логикой «маленьких государств» правительство Тимор-Лешти стремится активно повышать свою значимость в мировой политике. Однако поскольку политический и экономический ресурс страны крайне ограничен, то Тимор старается восполнить его с помощью вступления в различные альянсы с более сильными игроками. Элита страны не понимает, что, укрепляя сотрудничество с такой сильной державой как Китай, Тимор-Лешти теряет часть своего суверенитета и становится пешкой в большой геополитической игре.

Список источников и литературы.

Агентство Синьхуа. Отношения между Китаем и Восточным Тимором развиваются на здоровой основе - посол Китая в Восточном Тиморе Фу Юаньцун. URL: http://russian.people.com.cn/31520/6968959.html (дата обращения: 28.03.2021)

Старостин. Н.А. Индонезийско-китайские отношения и вопросы безопасности в Юго-Восточной Азии // Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки. СПб.: СПбГУ, 2013. 338–364 с.

Тарасова Д.А. Прагматическая «дружба» Китая и Восточного Тимора: предпосылки и перспективы // Вестник НВГУ № 3. Н.: НВГУ, 2019. 46-55 с.

Урляпов В.Ф. Тимор-Лешти: Становление Внешнеполитического курса.// Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития № 16. М.: ИВ РАН, 2011. 147-177 с.

Хазанов А.М. Восточный Тимор: Долгий путь к Индонезии // История и современность № 2. СПб.: ФНИСЦ РАН, 2012. 113-129 с.

Andrea Soriano. Is Chinese influence in Timor-Leste cause for concern? URL: https://nsc.crawford.anu.edu.au/department-news/14169/chinese-influence-timor-leste-cause-concern (дата обращения: 28.03.2021)

Egidius Patnistik. Timor Leste Terbuka bagi armada China. URL: https://internasional.kompas.com/read/2014/02/11/0739588/Timor.Leste.Terbuka.bagi.Armada.China (дата обращения: 28.03.2021)

Ganewati Wuryandari, Cahyo Pamungkas, Firman Noor, Bob Sugeng Hadiwinata. Keamana di Perbatasan Indonesia-Timor Leste. Yogyakarta: Pustaka Pelajar, 2009. 380 p.

Gudmund Jannisa. Timor-Leste in the World. BC to Independence. 2019. 454 p.

Lindsay Murdoch. Relations strained as East Timor buys Chinese navy boats. URL: https://www.smh.com.au/world/relations-strained-as-east-timor-buys-chinese-navy-boats-20100606-xn5y.html (дата обращения: 28.03.2021)

Wisnu Amri Hidayat, Iswara N Raditya. Sejarah Timor Timur "Bergabung" dengan NKRI & Peran Amerika Serikat. URL: https://tirto.id/sejarah-timor-timur-bergabung-dengan-nkri-peran-amerika-serikat-eesp (дата обращения: 28.03.2021)

Устюгова Софья Михайловна
студентка 3 курса кафедры теории и истории культуры
Факультет мировой культуры СПбГИК[1]

Значение ритуального вложения риса и нефрита в рот усопшего (обряд *фаньхань*) в погребальной практике традиционного Китая

В ходе обрядов жизненного цикла происходит смена социального статуса индивидов, приобретение новых социальных статусов, а также получение знаний об устройстве общества, выработка новых требований к поведению человека. Теория обряда жизненного цикла разработана в работе французского этнографа и фольклориста Арнольда ван Геннепа «Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов», где приведена их классификация и примеры подобных обрядов, существующих в различных культурах. Для обрядов перехода характерна метафора смерти и возрождении, в ходе ритуала человек умирает, а затем рождается вновь с новым социальным статусом и нередко с новым именем. Всего в обряды жизненного цикла входят обряды, связанные с рождением, взрослением (инициация, свадебный ритуал) и похоронный обряд. В некоторой степени обряды рождения и смерти симметричны.

В символической и наглядной форме ритуалы и обряды передают и закрепляют ценности, нормы и образы жизни культуры. Образование через ритуал происходило не непосредственно, а через совершение действий-символов, которые откладывались в сознании участника с помощью исполняющего обряд медиатора — старшего родственника, вышестоящего лица, жреца или шамана. Выступая в роли регулятора отношений, ритуал организовывал деятельность членов общества через строгую регламентацию действий, мыслей и чувств. Ритуал сопровождал человека в течение всей его жизни, через него индивиды приобретали новые социальные статусы и роли, узнавали свою дальнейшую судьбу, связывались с предками, почитали Небо и Землю. «Человек скрывает свое сердце — его ни измерить, ни взвесить. Прекрасное и безобразное — все таится в человеческом сердце, но цвета его не увидишь. Чем еще исчерпаешь его, кроме единственного — ритуала?»[2].

Необходимость строго соблюдать все регламентации похоронного обряда в Китае трактуется культом предков. Почтительные проводы умершего в иной мир напрямую связаны с благополучием семьи. Идея сыновнего уважения оказала влияние на соблюдение всех церемоний, связанных с погребением умершего и строгим соблюдением траура по нему.

---

[1] Научный руководитель – к. к. Ольга Викторовна Прокуденкова
[2] Ли цзи / Пер. отд. глав И.С. Лисевича, Р.В. Вяткина, В.Г. Бурова // Древнекитайская философия. Т. 2. Москва, 1973. С. 104.

М. Мосс, французский этнограф и социолог, считал, что китайские погребальные обряды являются отражением структуры семьи, вытекают из семейных отношений, и, благодаря этой взаимосвязи, в семье господствует «продолжатель традиции». Степень траура соответствует степени родства. С помощью траура выявляется как патриархальный характер семьи, так и патриархальность «феодальной организации и управления в Китае»[3].

Ритуал вносит порядок в жизнь, которую нарушает смерть, приносящая с собой хаос. В ходе ритуала старшие члены семьи передают младшим культурные и нравственные нормы. Также этот процесс сплачивает и объединяет членов семьи не только общим горем, но и ритуальными действиями.

Согласно теории А. ван Геннепа похоронный обряд состоит из трех этапов: отделение от прежнего мира, переход в новое состояние умершего, восстановление в новом статусе. То есть в похоронный обряд включает пред-лиминальный, лиминальный и пост-лиминальный периоды.

В ходе пред-лиминальной фазы, умершего отделяют от дома и членов семьи, подготавливая его к переходу в новое состояние, в иной мир. К таким действиям относят: тщательную уборку дома, вынос из комнаты всех вещей, не относящихся к покойному и последующим церемониям. Тело умершего кладут на пол, также на пол ставят жертвы *дянь*. А. ван Геннеп поясняет это действие тем, что таким образом душе «легче найти путь к местопребыванию мёртвых, расположенному под землей»[4]. М. Элиаде рассматривает землю как порог, который необходимо преодолеть, чтобы войти в семью прародителей[5]. Перед смертью с покойного снимали его одежду, умершего покрывали стеганным покрывалом, затем его собственным платьем, сброшенным с крыши при призыве души (так как считалось, что душа не сразу покидает этот мир и может вернуться в тело). Члены семьи покойного также надевали новую одежду. Все эти действия знаменуют отделение умершего от семьи и земного мира и подготовку к процессу перехода умершего в новое состояние.

Лиминальный этап начинается с обмывания тела покойного, что очень схоже с обрядом деторождения. Воду, которой обмывали тело, а также срезанные ногти и волосы покойного, собирали, а затем выбрасывали в специальную яму, так как они представляли опасность для живых, как часть мёртвого тела. Обряд *фаньхань* заключался в положении в рот усопшего риса и нефрита как снабжение его едой и способом ее добывания в загробном мире. Покойного облачали в погребальные одежды и покрывала, тело старались закрыть полностью и придать ему бесформенность. Одежда и покрывала выполняли функцию дистанцирования, а также

[3] Мосс М. Социальные функции священного / Пер. с фр. под общ. ред. Утехина И. В. Науч. ред. Утехин И. В. и Геренко Н. М. Сост. Трофимов В. Ю. Санкт-Петербург: «Евразия», 2000. С. 377

[4] Геннеп А. ван Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов / А. ван Геннеп. М.: Восточная литература, 2002. С. 138.

[5] Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с франц. М.: Академический Проект, 2000. С. 91.

не давали мёртвому вернуться в мир живых путем запутывания и «привязывания» с помощью завязок на одежде. Специальную одежду *ляньи*, которую предстояло надеть на покойного, держали отдельно от всего, в специальном бамбуковом ящике. Голову покойного бинтовали, а уши наполняли, что символически указывало на его обездвиженность и отреченность. Особую роль играл огонь, который использовали в качестве очищения6.

Все действия, связанные с умершим, совершались с помощью западной гостевой лестницы. Тело умершего часто переносили: по оси север-юг, из одного помещения в другое, в место временного захоронения, в храм предков и, наконец, к месту погребения, как символ постепенного ухода из дома.

Положение в гроб и погребение окончательный этап лиминального периода, мертвый навсегда отделялся от живых, «умерший достигает своего последнею пристанища»[7].

«В качестве обрядов включения в первую очередь назову трапезы, совершаемые непосредственно после похорон, и трапезы последующих поминок. Трапеза устраивается ради восстановления связи между членами сообщества живых и покойным. Эта связь оказалась разорванной после утраты одного из звеньев цепи. Часто трапеза такого порядка совершается во время снятия траура»[8].

Родственники прощались с покойным в порядке иерархии, все действия сопровождались плачем. Именно от провода покойного зависело его благополучие в загробном мире, а, следовательно, и благополучие рода. В храме предков совершались регулярные жертвоприношения, а также размещали табличку с именем умершего. Вместе с трауром накладывались определённые запреты, например, запрет на женитьбу во время несения траура по родителям.

При совершении обряда *фаньхань* запрещено было использовать рис, предназначенный для живых, его приготавливали отдельно и только для усопшего, употреблять его в пищу также было запрещено, рот заполняли полностью. Также в рот клали драгоценности: толченый нефрит, жемчуг или раковины в зависимости от статуса покойного. Рис должен был снабдить усопшего пищей в загробном мире. Нефрит служит средством добывания пищи. А. Геннеп так же придает этому действую функцию обеспечения благополучного пути к загробному миру и нахождение в нем. Однако М. Мосс видит функцию нефрита в передаче жизненной силы той душе, которая остается в теле[9]. М. Элиаде указывает на нефрит, как средство предохранения

---

[6] Токарев С.А. Символика огня в истории культуры (мифологические представления о происхождении огня) / С.А. Токарев // Религиоведение. 2002. № 2. С. 108.
[7] Геннеп А. ван Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов / А. ван Геннеп. М.: Восточная литература, 2002. С. 138.
[8] Там же. С. 150
[9] Мосс М. Социальные функции священного / Пер. с фр. под общ. ред. И. В. Утехина. СПб.: «Евразия», 2000. С. 375.

тела от разложения [10]. Таким образом действие *фаньхань* демонстрировало одновременно заботу о благополучии покойного, но вместе с тем и готовность навсегда отделить его от мира живых.

Совершение похоронного обряда прежде всего направлено на отделение его от мира живых и благополучное существование в загробном мире. Если не соблюдать все правила, семью постигнет несчастье. Ритуалы, связанные с культом предков, занимают центральное место в культуре традиционного Китая. Благополучие семей составляло и благополучие патриархального государства.

Список использованных источников и литературы

Геннеп А. ван Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов / А. ван Геннеп. М.: Восточная литература, 2002. 198 с.

Ли цзи / Пер. отд. глав И.С. Лисевича, Р.В. Вяткина, В.Г. Бурова // Древнекитайская философия. Т. 2. М., 1973. С. 99-140.

Мосс М. Социальные функции священного / Пер. с фр. под общ. ред. И. В. Утехина. СПб.: «Евразия», 2000. 448 с.

Токарев С.А. Символика огня в истории культуры (мифологические представления о происхождении огня) / С.А. Токарев // Религиоведение. 2002. № 2. С. 104-110

Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с франц. М.: Академический Проект, 2000. 236 с.

Элиаде М. История веры и религиозных идей. Т.2. / Пер. с фр. Н. Б. Абалаковой, С. Г. Балашовой, Н. Н. Кулаковой и А. А. Старостиной. М.: Критерион, 2002. 432 с.

[10] Элиаде М. История веры и религиозных идей. Т.2. / Пер. с фр. Н. Б. Абалаковой, С. Г. Балашовой, Н. Н. Кулаковой и А. А. Старостиной. М.: Критерион, 202. С. 37.

Халилов Одилшох Улугбек оглы
студент 3 курса исторического факультета
Ферганского Государственного Университета[1]

Актуальные проблемы взаимодействия Китая и Индии

Несмотря на развитие отношений между странами в различных областях существуют некоторые проблемы. Это погранично-территориальная проблема, разногласия по некоторым экономическим вопросам.

Территориальные споры между Китаем и Индией ведутся уже давно, и ни одна из сторон не признаёт территориальные претензии соседнего государства. После войны 1962 г. и серии последовавших за ней пограничных споров в 1963, 1965 и 1967 гг. индийское военное и политическое руководство всерьез опасалось нового китайского вторжения [1, с. 36]. 25 января нынешнего года произошли столкновения между солдатами пограничных сил Индии и Китая произошли в районе перевала Наку-Ла в гималайском штате Сикким в Индии. Об этом сообщало информационный портал Latestly со ссылкой на источники. По их данным, военные Народно-освободительной армии Китая предприняли попытку вторжения на индийскую территорию, индийские военнослужащие их остановили. В результате столкновений ранены 20 китайских и четыре индийских солдата [2].

Индия сейчас имеет более высокие темпы экономического роста, а Китай целенаправленно идет по пути трансформации своей экономики в направлении «инновационного развития», движимого внутренним потреблением. В долгосрочной перспективе это серьезная заявка на лидерство и, что важно, уже не в качестве «мировой фабрики», движимой внутренними инвестициями и обеспечивающей высокую конкурентоспособность товаров за счет низкой себестоимости, а в качестве высокотехнологичной экономики, способной конкурировать на региональном и мировом рынках благодаря неценовым преимуществам. Обе страны сохраняют позиции региональных лидеров по темпам экономического роста, и это способствует усилению амбиций и притязаний если не на глобальное, то на региональное лидерство, с одной стороны, и конкуренции за рынки сырья, сбыта и инвестиционных вложений – с другой [3, с. 62].

Общим для индийских экспертов является положение о том, что КНР стремится обеспечить себе доминирование в субрегионах Азии и регионе Индийского океана, имеющих важное значение для безопасности и экономики Индии. В качестве основного инструмента этого доминирования рассматриваются инициативы “Пояса и пути”, который, как предполагается, неизбежно превратится из экономического

[1] Научный руководитель – доктор философии по историческим наукам (PhD), доц. Отабек Валижонович Махмудов.

проекта в политический и приведет в конце концов к установлению китайской гегемонии в регионе [4].

Следовательно, одной из самых важных и сложных проблем в отношениях между Китаем и Индией на протяжении последних 58 лет остается неразрешенный территориально-пограничный спор. Государствам нужны мир и стабильность в районе границы, поэтому они стараются направлять переговоры по данной проблематике в русло установления более тесных контактов для решения проблем.

Список литературы

Куприянов А.В. “Китайская угроза” в экспертном дискурсе Индии // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН / Analysis and Forecasting / IMEMO Journal. 2019. № 1. С. 36.

СМИ: военнослужащие Индии и Китая вступили в столкновения на границе. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10536489 (дата обращения 25.01.2021)

Арапова Е.Я. Потенциал РИК в условиях нарастания индийско-китайских противоречий // Международная аналитика. 2018. № 3 (25). С. 62.

Panda J.P. Xi Jinping’s Extended Presidency and India-China Relations. 27.03.2018. Available at: https://idsa.in/issuebrief/xi-jinping-extended-presidency-india-china-relations_jppanda_270318 (accessed 10.09.2019).

Хассун Иман Абдульхамид
студентка 4 курса отделения
«Востоковедение и африканистика» ГИ НГУ[1]

Средневековый трактат «История благовоний» и его значение в китайской культуре ароматов

Ароматическая культура в Китае насчитывает долгую историю развития[2]. В период династии Сун (960—1279) культура благовоний достигла пика своего развития, появилось множество специальных трудов. В дальнейшем благовония стали неотъемлемой частью повседневной жизни людей, что предопределило появление серьёзного труда «История благовоний» (香乘 *Сян шэн*) на рубеже династий Мин (1368—1644) и Цин (1644—1912), в котором были собраны основные сведения об ароматической культуре, накопленные с древних времён. Об авторе трактата Чжоу Цзячжоу (周嘉胄,1582—1658/1661), как и о его труде, сохранилось крайне мало сведений[3]. Вероятно, это связано с тем, что время его жизни совпало с драматическим периодом смены династий и политических перемен в Китае (Цинь Чжэнь, 2012. С. 65).

До наших дней дошло всего два варианта печатных изданий трактата, относящихся к рубежу династий Мин и Цин. Первый был выполнен под редакцией самого Чжоу Цзячжоу в 1634 г., а второй – под редакцией Чжоу Лянцзе[4] (周亮节), оба варианта содержат 28 глав-цзюаней. Экземпляры трактата хранятся в Национальной библиотеке Китая, Библиотеке китайской Академии наук, Шанхайской библиотеке и других собраниях[5]. Великолепно сохранившаяся копия труда под редакцией Чжоу Цзячжоу находится в библиотеке Университета Васэда в Токио, однако дата издания данного экземпляра не известна[6].

По-видимому, скрупулезный труд Чжоу Цзячжоу был по достоинству оценен впоследствии, поскольку в середине правления династии Цин «История благовоний» была включена в обширный императорский каталог «Полное собрание книг по

---

[1] Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. Е. Э. Войтишек.

[2] В Древнем Китае использование курильниц зафиксировано с периода Чуньцю (722—479 гг. до н. э.) и эпохи Сражающихся царств (475—221 до н. э.) (Ван Анься, Чжу Вэньтао, Цзян Мин, 2016. С. 2), тогда как начало возжигания ароматических трав и растений (прежде всего, в ритуальных и санитарных целях) относится к неолиту.

[3] Чжоу Цзячжоу (второе имя 江左 Цзян Цзо) был родом из Хуайхая (ныне городской округ Янчжоу в провинции Цзянсу) (Ван Иьян, 2013. С. 4).

[4] Чжоу Лянцзе (周亮节) — младший брат чиновника, ученого-литератора и коллекционера Чжоу Лянгуна (周亮工,1612–1672).

[5] Сян шэн [香乘]. [Трактат «История благовоний»] «Сян шэн» // Электрон. энцик. «Байкэ» [百科]. URL: https://baike.baidu.com/item/香乘 (дата обращения 11.02.2021).

[6] Сян шэн [香乘]. [Трактат «История благовоний»] «Сян шэн» // Электрон. библ. Университета Васэда. URL: https://www.wul.waseda.ac.jp/kotenseki/html/wo09/wo09_03703/index.html (дата обращения 01.03.2021).

четырём разделам» (四库全书 *Сыку цюаньшу*) (Чжоу Цзячжоу, 2014. С. 41). В «[Выдержках] из полного собрания книг по четырём разделам» (四库提要 *Сыку тияо*) и в «Большом словаре китайских личностей» (中国人名大辞典 *Чжунго жэньмин да цыдянь*) указано, что Чжоу Цзячжоу потратил более 20 лет на сбор материала для написания «Истории благовоний» (Ван Иъян, 2014. С. 4) (Хуан Синьюй, 2019. С. 63). Однако сам Чжоу Цзячжоу в предисловии к трактату отметил, что время работы над трудом составило 30 лет (Чжоу Цзячжоу, 2014. С. 47).

Примечательно, что название труда «История благовоний» (香乘 *Сян шэн*) выбрано автором в подражание авторитетному жанру исторических записей 史乘 *шишэн*, а сам текст составлен в традиционном для китайской словесности жанре записок 记 *цзи* (Хуан Синьюй, 2019. С. 62).

Текстологический и содержательный анализ произведения предполагал знакомство с содержанием каждой из 28 глав-цзюаней, а также перевод отдельных фрагментов из некоторых разделов и двух предисловий к трактату. Первое предисловие принадлежало самому автору, а другое – чиновнику и литератору Ли Вэйчжэню. Текст трактата проанализирован по изданию 2014 г. под редакцией Жи Юэчжоу (日月洲). Написанное на вэньяне сочинение не переведено на иностранные языки, что усложняет процесс его изучения и комментирования.

Для составления своего трактата Чжоу Цзячжоу опирался на большое количество ранних трудов, где он черпал информацию о различных видах ароматических веществ. Среди источников, используемых автором, были исторические труды, фармакологические и медицинские трактаты, различные специальные систематические записи о благовониях и каталоги 香谱 *сян пу*.

Сочинение структурировано следующим образом:

- В главах I–VIII, XI–XII перечисляются различные ароматические вещества с комментариями и ссылками на источник информации;
- В главах IX—X приведена классификация ароматов и объектов, связанных с ароматической культурой (знаменитые красавицы древности, географические объекты, пища, напитки и т.д.).
- В главе XIII представлены выводы из предыдущих разделов[7];
- В главах XIV—XX, XXIII—XXV приводятся рецепты приготовления и использования разнообразных видов составных благовоний 和香 *хэсян*;

[7] Глава XIII «Напоследок о благовониях» (香绪余 *Сян сюйюй*) изначально должна была быть последней, поэтому в ней можно проследить некое подведение итогов. В первой части автор перечисляет ряд ароматических веществ, затем приводит несколько способов изготовления благовоний, а в конце описывает утварь, используемую для воскурения благовоний 烧香器 *шаосянци* [Чжоу Цзячжоу, 2014.С. 334–348].

• В главах XXI—XXII описываются ароматические печати, в том числе печати, которые использовались для измерения времени, здесь также приводятся рецепты изготовления ароматического порошка для печатей.

• Глава XXVI посвящена описанию разных видов курильниц;

• В главах XXVII—XXVIII, в основном, перечисляются литературные произведения поэтов эпох Тан и Сун, посвященные благовониям, с цитированием отрывков из этих произведений, приводятся отрывки из анонимных произведений древности.

Нами были подробно рассмотрены главы IX–X, имеющие общее название «Классификация ароматов» (香事分类 *Сянши фэньлэй*), в них приводится систематизация ароматов, и предметов, связанных с ароматической культурой, в соответствии с их происхождением.

Классификация состоит всего из 8-и категорий, первыми упоминаются «Небесные ароматы» (天文香 *Тяньвэнь сян*), которые по преданию существовали на острове бессмертных Инчжоу, либо их появление было связано с мифологическими персонажами. Следует отметить, что одним из основных видов курильниц в Китае в эпоху Хань были курильницы 博山炉 *бошань лу*, их крышка сделана в виде высокого горного пика, символизирующего место обитания бессмертных. Название горы Бошань связывалось с мифологическими представлениями древних китайцев о двух важнейших обителях бессмертных небожителей (Войтишек, Яо Сун, 2019. С. 77–78).

Что касается «Географических ароматов» (地理香 *Дили сян*), то большая часть из них представляла собой реально существовавшие топографические объекты, в название которых обычно входит иероглиф 香 *сян*, а с появлением благоухания на том или ином месте связана какая-либо история. Для комментирования этих объектов Чжоу Цзячжоу обращается, в основном, к географическим трудам, указывает точные места нахождения каждого места. В этом разделе также указаны некоторые вымышленные названия, связанные с буддизмом, например, Страна Благоуханий (众香国 *Чжунсянго*).

В разделе «Ароматы трав и деревьев» (草木香 *Цаому сян*) указываются как мифологические растения, связанные с даосскими путями поиска бессмертия, так и реально существовавшие растения. Почти для каждого растения указывается территория произрастания, перечисляются основные целебные свойства, иногда указывается область применения.

В разделе, посвященном «ароматам животных», говорится о некоторых животных, из которых добываются ароматические вещества, для большинства животных указывается место обитания, указываются другие особенности.

Что касается раздела «Ароматы дворцов» (宫室香 *Гунши сян*), то он содержит информацию о некоторых древних известных дворцах и павильонах, в названия которых входят наименования некоторых благовоний или ароматических трав.

В разделе «Ароматы тела» (身体香 *Шэньти сян*) приводятся примеры благоухающих красавиц древности[8], перечисляются благовония, благоприятно действующие на органы человека (например, использование оливы или гвоздики придает дыханию человека приятный аромат).

В разделе «Ароматы напитков и пищи» (饮食香 *Иньши сян*) в основном уделяется внимание разным винам, в состав которых входят ароматические компоненты.

В последнем разделе, посвященном разнообразной «Ароматической утвари» (器具香 *Цицзюй сян*), Чжоу Цзячжоу приводит примеры душистых предметов, сделанных из ароматических веществ, или в состав которых входило то или иное благовоние (благоухающие чётки 香纓 *сянъин*, белоснежные ароматные веера 雪香扇 *сюэсяншань* и т.д.).

Среди наиболее часто упоминаемых в трактате ароматических веществ следует отметить агаровую древесину 沉香 *чэньсян*, сандаловую древесину 檀香 *таньсян*, амбру 龙涎香 *лунсяньсян* и гвоздику 丁香. Данные ароматические вещества использовались как самостоятельно, так и в качестве компонентов составных благовоний 和香 *хэсян*.

При этом агаровое (алойное) дерево *чэньсян* является наиболее часто упоминаемым ароматическим средством: первая глава полностью посвящена этому виду древесины, в ней приводится большое количество комментариев, связанных с формированием душистой древесины и применением разных ее сортов. Это подтверждает тезис, что агаровая древесина по-прежнему занимала главенствующую роль среди остальных ароматов (Войтишек, 2019. С. 61–74). Гвоздика ценилась не только из-за ее аромата — веточки и кора гвоздичного дерева часто использовались в древности в гигиенических целях. Так, в главе XIX приводится множество примеров составных благовоний для окуривания одежды и умащения тела, в состав которых входит гвоздика (Xu Guanmian, 2020. С. 6).

Таким образом, систематизированное сочинение Чжоу Цзячжоу «История благовоний» является одним из важнейших исторических источников по истории ароматической культуры, имеющих большое значение в культуре Китая. Рецепты составления ароматических смесей и различные сведения, указанные в трактате, до сих пор используются ценителями культуры благовоний не только в Китае, но и в других странах Восточной и Юго-Восточной Азии.

[8] В китайском языке с древности существовала устойчивая метафора, связывающая красавицу с благоуханным ароматом, а выражение «закопать аромат» ассоциировалось с безвременной кончиной молодой девушки (См. Войтишек, Шмакова, 2016).

Список источников и литературы

Ван Иъян王怡阳. Чжоу Цзячжоу «Чжуанхуан чжи» яньцзю 周嘉胄 《装潢志》研究 (Трактат Чжоу Цзячжоу «Записки об оформлении») // Чжунъян мэйшу сюэюань. Боши сюэвэй луньвэнь, 2013. 58 с.

Ван Анься王安霞, Чжу Вэньтао朱文涛, Цзян Мин江明. Чжунго гудай дунъу сянлу дэ шэцзи яньцзю 中国古代动物形香炉的设计研究 (Исследования древних китайских зооморфных курильниц) // Уси: Цзяннань дасюэ, 2016. 116 с.

Войтишек Е. Э. «Царственный аромат» в культуре Восточной Азии: виды, свойства и особенности агаровых деревьев // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, Вып. 4: Востоковедение. С. 61–74.

Войтишек Е. Э., Шмакова А. С. Ритуал «захоронения благовоний» в традиционной культуре Восточной Азии: от литературы до эпиграфики // Вестник НГУ, Серия: История, филология. 2016. Т. 16, вып. 4: Востоковедение. С. 101–110).

Войтишек Е. Э. Яо Сун. Эволюция курильниц в контексте развития ароматической культуры в Китае // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение. С. 77–89.

Цинь Чжэнь秦蓁. Чжоу Цзянцзо шицзи 周江左事辑 (Собрание материалов о Чжоу Цзянцзо) // Шанхай: [периодическое издание] Шилинь, 2012. С. 65–74.

Чжоу Цзячжоу周嘉胄. Сян шэн 香乘. (История благовоний). Пекин: Цзючжоу чубаньшэ, 2014. 596 с.

Хуан Синьюй黄莘瑜. Сянши шусе жухэ чжаньсянь шицзе? И ваньмин «Сян шэн» вэйчжу дэ таньтао 香事書寫如何展現世界?以晚明《香乘》為主的探討.(Как записи о благовониях повлияли на мир? Исследование позднеминского трактата о благовониях «История благовоний») // Миндай яньцзю, 2019. С. 61—92. DOI 10.3966/160759942019120033002

Xu Guanmian. Junks to Mare Clausum: China-Maluku Connections in the Spice Wars, 1607–1622 // Itinerario — European Journal of Overseas History. 2020, 30 p.

Храмова Яна Николаевна
студентка 4 курса кафедры монголоведения и тибетологии
Восточного факультета СПбГУ[1]

Институт императорских наставников при династии Юань

Титул императорского наставника впервые появился в XII в. в тангутском государстве Си Ся, которое находилось в XI-XIII вв. в сердце Центральной Азии и соседствовало со множеством народов и государств, соединяя в себе культурные элементы нескольких цивилизаций. К примеру, административно-государственная система в Си Ся была создана по китайскому образцу, с одновременным заимствованием атрибутов императорской власти, таких как мандат Неба и девизов правления. Однако в идеологическом отношении на первый план в тангутском государстве вышел буддизм, переживающий в X-XII вв. вторую волну распространения и набирающий популярность на многих соседних территориях — в ладакхских государствах Гугэ, Пуранг, Занскар, Спити и в Центральном Тибете. Титул диши был введён при императоре Жэнь-сяо и отличался высоким престижем, поскольку его носитель являлся не только личным учителем императора, отвечавшим за проведение основных религиозных церемоний, но и главой всей буддийской общины в государстве.

Императоры приглашали буддийских учителей, поддерживали переводы тибетских, китайских и санскритских буддийских текстов на тангутский, возводили храмы. Пост диши сначала занимали китайцы, а по мере по мере "пробуждения" тибетского буддизма, а также с началом новой волны миссионерской активности тибетцев перешёл к тибетским монахам. Это может быть объяснено внутренним желанием тангутов противопоставить что-либо огромному китайскому влиянию в государстве. Диши руководил переводами, утверждал их качество, являлся главой буддийской общины и был личным учителем императора, проводившим важнейшие религиозные церемонии.

Разъединённые тибетские школы и монастыри являлись не только идеологическими, но также и политическими противниками, поэтому союз духовенства с императорами был выгоден обеим сторонам, поскольку тибетские монахи обретали в результате этого союза сильного защитника, в то время как императоры открывали для себя интеллектуальные и духовные способности тибетских лам, которые ими очень ценились. Подобные отношения соответствуют оформившейся позднее в тибетской мысли схеме "патрон-милостынедатель".(тиб. *mchod yon*) Отношения, которые сложились между тангутскими императорами и тибетскими ламами в XII в., нашли своё продолжение во время установления первых

[1] Научный руководитель — к.ф.н, доцент Колпачкова Елена Николаевна

контактов монгольских ханов, активно расширяющих сферы своего влияния в середине XIII века, с главами основных буддийских школ Тибета. Вместе с распространением буддизма получала известность и буддийская концепция "правителя-чакравартина", идеального вождя государства, объединяющего в своих руках власть и буддийское учение. После того как монгольский царевич Годан (1206-1251), второй сын великого хана Угэдэя, получил в удел земли, граничвшие с Тибетом, он пригласил в свою ставку главу школы Сакья Сакья-пандиту Кунга-Гьялцена (1182–1251). В результате Годан передал Сакья-пандите права на управление Тибетом и объявил его "теократическим правителем Тибета"

После смерти Сакья-пандиты в 1251 г. обязанности духовного наставника монголов и теократического правителя Тибета перешли к его племяннику Пагба-ламе Лодой-Гьялцену (1235–1280). Его светским милостынедателем стал будущий император династии Юань монгольский хан Хубилай. В условиях возникшего в середине XIII вв. политического противостояния среди монгольских ханов, а также многочисленных споров о праве наследования и завоеванных территориях, для Хубилая стало необходимым заручиться поддержкой населения и местной китайской элиты и подтвердить легитимность своих притязаний на управление всей Монгольской империей. Союз монгольского хана и его императорского наставника и опора Хубилая на буддийское население своего государства стали факторами, способствующими решению этих задач.

Во-первых, Пагба-лама сосредотачивал в своих руках власть над Тибетом и представлял этот район при императорском дворе. В 1264 был основан Верховный совет по буддийским делам (Цзун-чжи-юань), в сферу ответственности которого входило не только управление делами религии, но и контроль за территорией Тибета. Его также возглавлял Пагба-лама. Тибетские земли были разделены на тринадцать округов, во главе которых были поставлены трипоны и специальные чиновники — пончены. Важно отметить, что и на должности пончeнов, и на должности трипонов назначались выходцы из школы Сакья.

Во-вторых, для императора Хубилая было важным подчеркнуть преемственность модели отношений между ним и его наставником, корни которой уходят вглубь истории тангутского государства Си Ся. В 1270 г. вместе с титулом императорского наставника Хубилай даровал Пагба-ламе шестигранную нефритовую печать, которая до этого принадлежала тангутским императорам. Такой подарок должен был символизировать не только факт заимствования титула императорского наставника из Си Ся, но и своего рода “перенос” величия и престижа тангутского двора к империи Юань.

В-третьих, Пагба-ламе нередко приписывается создание политической концепции "двух законов", впервые описанной в монгольском сочинении "Чаган тэукэ" ("Белая история"). В этой доктрине выражается идея "союза алтаря и трона", при котором император и его духовный наставник, лама, являются равноправными

факторами мирового порядка и обеспечивают контроль в своей собственной сфере ответственности. Лама учит религиозному закону и ведёт живые существа к духовному спасению, а светский правитель государства заботится о мирских делах, обеспечивая таким образом всеобщее благополучие. Хубилай, согласно этой концепции, являлся не просто императором, а идеальным буддийским правителем-чакравартином, политически и религиозно восходящим к древним царям Индии и Тибета.

Также союз приносил много пользы для распространения буддизма. Пагба-лама ввёл традицию проведения специальных ритуалов, связанных с культами божеств, почитаемых в традиции школы Сакья — Хеваджры и Махакалы, в ходе церемонии интронизации юаньского императора. В последствии эти буддийские божества, так называемые "защитники учения", стали символами монгольской нации. В Даду, столице империи Юань, был построен храмовый комплекс Дашэншоу ваньаньсы, внутри которого находилась главные буддийские ценности империи — Белый субурган и легендарная статуя Сандалового Будды. Также во время правления Хубилая были возведены храм Хугосы, который также являлся резиденцией Пагба-ламы, и храм Утасы. Средства на строительство, реставрацию и содержание буддийских храмов выделялись из императорской казны. Буддийские монахи были освобождены Хубилаем от налогов, и регулярно получали от императора особые привилегии и льготы, благодаря чему буддийские храмы и монастыри в течение скорого времени превратились в процветающие экономические центры.

Следующий этап существования должности императорского наставника охватывает период 1280-1330-ых гг. Это время характеризуется частой сменой императорских наставников и отсутствием среди них фигуры, обладающей влиянием при императорском дворе, близким к тому, которым пользовался погибший в 1280 г. Пагба-лама. Это способствовало постепенному превращению титула в формальную должность и переходу реальной власти над буддийскими районами империи (в первую очередь, над Тибетом) к светским административным лицам - понченам и трипонам, а также к созданному в 1291 г. Департаменту по буддийским и тибетским делам. Тем не менее, тибетский буддизм в этот период активно распространялся среди ближайшего императорского окружения и юаньской аристократии, что способствовало широкому строительству буддийских храмов и монастырей, а также обретению буддийскими монахами ряда налоговых и юридических привилегий. Это не только способствовало увеличению количества буддийского духовенства, но и оказало некоторое негативное влияние на поведение некоторых тибетских лам.

На третьем этапе (1331-1368) титул императорского наставника окончательно превратился в формальную бюрократическую должность, лишонную даже своих стержневых обязанностей. Духовный авторитет императорского наставника в этот период перестаёт носить для императора характер исключительной важности, подтверждением чему служит рост активности представителей разных тибетских религиозных школ при императорском дворе, некоторые из которых, в конечном итоге,

могли исполнять при буддийских церемониях функции, которые изначально принадлежали императорскому наставнику.

Финалом для существования титула стало воцарение в 1368 г. династии Мин, первый император которой в процессе реформирования буддийских структур в государстве, окончательно упразднил должность императорского наставника и ввёл вместо неё ряд формальных почётных титулов, не предполагавшющих передачу их носителям каких-либо фактических реальных полномочий.

Тем не менее, несмотря на фактическое прекращение существования института императорских наставников и его отсутствие в дальнейшей истории Тибета, существование этого титула в империи Юань имело свои плоды. Институт императорских наставников дал толчок интенсивному развитию идеи взаимоотношений "патрона-милостынедателя", а также способствовал появлению политической концепции "двух систем власти", каждая из которых впоследствии оказала огромное влияние на развитие тибетской политической мысли.

Список источников и литературы:

История Китая с древнейших времён до начала XXI века. T.V: Династия Юань и Мин (1279-1644) / Под ред. Тихвинского С. Л. М.: "Наука", 2016.

Кычанов Е. И. История тангутского государства. СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008.С. 589-60.

Успенский В. Л. Тибетский буддизм в Пекине. СПб. 2011, с. 3.

Dunnel R. The Hsia Origins of Yüan Institution of Imperial Preceptor // Asia Major. 1992. Vol. 5

Franke H. From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God: The Legitimation of the Yuan dinasty. Munchen: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1978.

Petec L. Central Tibet and the Mongols: The Yüan Sa-Skya period of Tibetan history (Serie orientale Roma). Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1990.

Sperling, E. Lama to the King of Hsia // Journal of the Tibet Society. 1987.

Чичинова Анастасия Леонидовна
студентка 4 курса кафедры востоковедения
Институт истории и международных отношений АлтГУ[1]

Особенности и проблемы развития городской агломерации в дельте Жемчужной реки в 90-е гг. XX в.

Городская агломерация представляет собой объединение городов в единое пространство, когда несельскохозяйственные отрасли промышленности конкретного города оказывают существенное влияние на окружающие города. Таким образом, формируются устойчивые социально-экономические связи, поощряется совместное использование ядром и прилегающими городами ресурсов, преимуществ окружающей среды, инфраструктуры, промышленности.

Дельта Жемчужной реки находится на материковой части Китая, в центре Юго-Восточной Азии и является идеальным логистическим центром Китая. Кроме того, данный регион является лидером и крупнейшим объектом экономического и социального развития в провинции Гуандун. В период 1980-2000 гг. среднегодовой ВВП данной территории составил примерно 16,9%, что существенно превышает экономический рост в соответствующий период во всём Китае (9,6%) и в провинции Гуандун (13,8%).

Модель развития дельты Жемчужной реки представляет собой образование полицентрической городской агломерации из 14 городов и уездов с городами Гуанчжоу и Шэньчжэнь в качестве ядер. Основой процесса формирования городской агломерации стали проведенные вследствие политики реформ и открытости социально-экономические преобразования: дельта Жемчужной реки воспользовалась процессом перехода от плановой экономики к рыночной, преимуществами льготной политики, проводимой государством, что в сочетании с уникальным географическим расположением, трудовыми и земельными ресурсами позволило данному региону создать модель экспортоориентированной индустриальной экономики с китайской спецификой.

Предпосылки образования модели развития дельты Жемчужной реки

1) Сложившиеся объективные условия. Изначально район дельты Жемчужной реки, Гонконг и Макао представлял собой единое экономическое пространство. К началу 80-х гг. XX в. за границей проживало более 2,5 млн китайцев и 2,85 млн – в Гонконге и Макао. Когда центральное правительство провозгласило в провинции Гуандун особую политику «на шаг впереди», провинция первой открылась внешнему миру, и китайцы-эмигранты массово вернулись в Китай. С 1978 по 1980 гг. доход Гуандуна от внешних валютных операций достиг 400 млн

[1] Научный руководитель – к. ист. н. Дмитрий Александрович Глазунов.

долл. США только в виде денежных переводов, и большая часть средств была переведена именно в регион дельты Жемчужной реки. Люди с заграничными связами стали пионерами в привлечении иностранных инвестиций.

2) Экономическое отставание дельты Жемчужной реки от Гонконга и Макао. Согласно мировой практике трудозатратное производство перемещается из регионов с развитой промышленностью в отсталые регионы. Как только Китай открыл двери, из Гонконга и Макао в регион дельты Жемчужной реки начали поступать капитал, технологии, методы управления. От 70 до 90% основных секторов производства Гонконга были перенесено в дельту Жемчужной реки. Кроме того, было нанято более 4 млн местных рабочих. Таким образом, дельта Жемчужной реки превратилась из сельскохозяйственного региона в промышленный парк, а перенос предприятий положил начало индустриализации в этом регионе.
3) Внедрение децентрализованной системы управления. Гуандун одним из первых в Китае добился от центрального правительства децентрализации власти и льготной политики, позволив местным органам власти с помощью полученных полномочий и функций укреплять и перестраивать экономику: функции органов власти и методы управления претерпевали изменения в сторону рыночных реформ и либерализации.

Характеристики модели развития дельты Жемчужной реки в период перестройки.

1) Экспортоориентированное развитие экономики. Внутренние и внешние ресурсы, включая капитал, технологии, труд, рынок не только ускорили процесс индустриализации в дельте Жемчужной реки, но что более важно, так как с самого начала индустриализация осуществлялась при поддержке международного рынка, формировалась экспортоориненированная модель. Например, в 1999 г. общий объем экспорта в дельте Жемчужной реки достиг 67,559 млрд долл. США, что составляет 86,9% от общего объема экспорта провинции Гуандун и более 30% от объема экспорта Китая.
2) Отличительной чертой модели развития дельты Жемчужной реки являются районные компании и предприятия с участием иностранного капитала. Последняя форма организации привнесена извне, в то время как районные компании являются уникальным средством индустриализации сельскохозяйственных регионов Китая, которые впоследствии положат начало формированию инновационной экономики в дельте Жемчужной реки. Их рост главным образом обусловливается сочетанием внутренних факторов и внешних ресурсов. Развитие обеспечивается также благодаря внедрению зарубежного опыта в экономической организации деятельности в соответствии с рыночными принципами, трансформируя районные компании в современные коммерческие организации.

3) Взаимодействие внутреннего и внешнего рынков. Под действием рыночных механизмов данный регион быстро стал местом пересечения внутреннего и внешнего рынков Китая; с одной стороны, большое количество товаров напрямую или через Гонконг или Макао экспортируется на международный рынок, в то время как импортные товары, поступающие в регионы Китая, снова по большей части транспортируются через дельту Жемчужной реки; с другой стороны, в дополнение к большому объему экспорта произведенных товаров на основе переработки в регионе начало развиваться импортозамещение, благодаря которому удалось заполнить внутренний рынок потребительскими товарами.

Вышеупомянутые характеристики модели дельты Жемчужной реки тесно. Без руководящей роли местных органов самоуправления на раннем этапе политики реформ и открытости невозможно было бы мобилизовать различные элементы, необходимые для экономического развития; без поощрения экспортоориентированной экономики регион не получил бы доступа к внешним ресурсам и международному рынку; без инновационной деятельности районные компании не трансформировались бы в современные предприятия с участием зарубежного капитала и не стали бы опорой экономического развития в дельте Жемчужной реки; и все это оставалось бы невозможным без внедрения рыночных механизмов.

В последующие годы городская агломерация в дельте Жемчужной реки будет развиваться в направлении инновационных программ по созданию цифровой экономики в данном регионе, объединения усилий «Большого треугольника» для совместного экономического роста и повышения общей конкуренции на международном рынке, концентрации ресурсов и компаний на данной территории, интенсификации производства, расширения рыночного пространства дельты Жемчужной реки, стимулирования экономического развития провинции Гуандун, которое, в свою очередь, будет способствовать дальнейшему развитию «Большого треугольника».

В то же время, обратной стороной улучшения социально-экономической ситуации явились серьезные проблемы, связанные с загрязнением окружающей среды.

1) Загрязнение водных ресурсов и нехватка питьевой воды. Большинство местных предприятий в городской агломерации дельты Жемчужной реки представляют собой небольшие по масштабу и рассредоточенные по территории, сильно загрязняющие окружающую среду производства.
2) Загрязнение воздуха. Среди факторов загрязнения воздуха выделяют следующие: повышение уровня жизни населения и рост его численности, увеличение потребления электроэнергии. Выделяемые тепловыми электростанциями «Большого треугольника» вещества, рассеиваясь в атмосфере, вызывают загрязнение и кислотные дожди.
3) Загрязнение твердыми бытовыми отходами. Каждый из городов данной агломерации находится в так называемой «мусорной осаде». Существует

множество проблем по сортировке, транспортировке и утилизации опасных отходов: увеличение темпов роста объема мусора на 8-10% в год; отсутствие подходящих мест для мусорных свалок.

4) Из-за высокой концентрации городов в дельте Жемчужной реки имеет место антропогенное давление на ресурсы вследствие конкуренции за них.
5) Кроме того, актуальны следующие проблемы, снижающие качество жизни городских жителей: шумовое загрязнение, негативное влияние подъема уровня моря на экологическую среду дельты Жемчужной реки; нерациональное размещение промышленных предприятий.

Главной задачей в сфере защиты окружающей среды является достижение баланса между устойчивым экономическим развитием и стабильной благоприятной экологической ситуацией. Для начала необходимо определить стратегию, курс экономического развития, выявить схему размещения предприятий; при этом важно учитывать сложившуюся экологическую ситуацию, ресурсный потенциал, оценить влияние экономической деятельности на экологию.

1) Провести экологическое районирование. Опираясь на экологические характеристики данной территории, текущую ситуацию в экономике, дельту Жемчужной реки можно разделить на три экологических района:

- прибрежная часть в районе устья реки – направленные на международное сотрудничество мегаполисы и порты;
- средняя часть района речной сети – концентрация высокотехнологичного производства, трудоемких предприятий и высокоэффективного сельского хозяйства;
- северная часть дельты – зона охраны водных ресурсов, место развития экотуризма.

2) Скорректировать промышленную структуру дельты Жемчужной реки и обеспечить эффективное взаимодействие пяти основных городов: Гонконг, Макао, Гуанчжоу, Шэньчжэнь и Чжухай в сфере высоких технологий, таким образом, интегрировав Гонконг и Макао в экономическую область дельты Жемчужной реки. Важно преобразовывать традиционную промышленность, постепенно избавляясь от устаревших технологий.
3) Разработать ресурсосберегающую стратегию развития городской агломерации. По статистике уровень потребления природных ресурсов городскими агломерациями значительно выше, чем отдельными городами. В то же время, вместе с развитием агломераций выявилась проблема ограниченности природных, технологических, информационных и социальных ресурсов, что является сдерживающим фактором развития.
4) Модель цикличной экономики представляет собой эффективную экономическую систему замкнутого цикла, элементами которой является экологическое земледелие, экологически чистое производство, преобладание третичного сектора экономики. Исходя из вышесказанного, необходимо спроектировать городскую

агломерацию с благоприятной экологической ситуацией и использовать ландшафтно-географический подход к созданию экологического каркаса.

Природные ресурсы по-прежнему являются основой выживания и развития человечества. В то же время, технологии без рационального применения могут нанести вред экологии и всему человечеству. Считается, что инновационная экономика обеспечит процветание общества, но есть вероятность того, что она может угрожать истощением природных ресурсов и повлечь за собой экологические проблемы. Городская агломерация в дельте Жемчужной реки – один из самых перспективных регионов Китая, который имеет все возможности для того, чтобы войти в число наиболее развитых городских агломераций в мире, поэтому выработка стратегии и построение модели устойчивого развития данного региона являются ключевыми задачами ближайшего будущего.

Список использованной литературы

Ван Ванцзюнь 王王君. Лунь чжуцзян саньцзяочжоу цзинцзидэ чисюй фачжань 论珠江三角洲经济的持续发展 [Об устойчивом развитии экономики дельты Жемчужной реки] // Гуандун шэхуэй кэсюэ 经济理论与经济管理 [Социальные науки Гуандуна]. 2001. №3. С. 15-20.

Ван Шугун 王树功, Чжоу Юнчжан 周永章. Дачэн шицюнь (цюань) цзыюань хуаньцзин итихуа юй цюйюй кэчисюйфачжань яньцзю ии чжуцзян саньцзяочжоу чэншицюнь вэйли 大城市群(圈)资源环境一体化与区域可持续发展研究一以珠江三角洲城市群为例 [Исследование влияния ресурсов и окружающей среды на региональное устойчивое развитие крупных городских агломераций на примере дельты Жемчужной реки] // Наньфан цзинцзи. 2002. №2. С. 52-57.

Фан Цзяньюн, Чжу Гуолинь [范剑勇 · 朱国林], Чжунго дицюй чацзюй яньбянь цзи цицзегоуфэньцзе [Эволюция разрыва между регионами и структурная реорганизация в Китае = 中国地区差距演变及其结构分解] // Гуаньлишицзе [Управление миром = 管理世界]. 2002. №7. С. 52-58.

Цзо Чжэн [左正], Лунь чжуцзян саньцзяочжоу цзинцзи фачжаньдэ лишичуаньтун юй синьцзиньчэн [История и современные процессы экономического развития дельты Жемчужной реки = 论珠江三角洲经济发展的历史传统与新进程] // Цзинань сюэбао (чжэсюэ шэхуэй кэсюэ) [Журнал Цзинань (философия и социальные науки) = 暨南学报(哲学社会科学)]. 2001. №6. С. 35-40.

Цзо Чжэн 左正. Чжуцзян саньцзяочжоу мошидэ цзунтитэчжэнъ юй чэнъинь 珠江三角洲模式的总体特征与成因 [Предпосылки появления и характеристики модели

дельты Жемчужной реки] // Цзинцзи лилунь юй цзинцзи гуаньли 经济理论与经济管理 [Экономическая теория и управление]. 2001. №10. С. 71-75.

Цзян Сяньхуа 江显华. Шилунь цзюшиняньдай гуандунъяньхай кайфандицюйдэ цзинцзифачжань [Об экономическом развитии открытых прибрежных территорий провинции Гуандун в 1990-е гг. = 试论九十年代广东沿海开放地区的经济发展] // Наньфан цзинцзи [Южная экономика = 南方经济]. 1992. С. 36-47.

Шаповалов Александр Евгеньевич
студент 4 курса факультета политологии
МГУ имени М.В. Ломоносова [1]

Специфика взаимоотношений между КНР и государствами-членами Четырехстороннего диалога по вопросам безопасности в контексте геополитической конкуренции в Индо-Тихоокеанском регионе

Современная проблематика геополитического соперничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) проявляется в стремлении ряда государств установить новый международный порядок. Первым шагом для возможных претендентов является обеспечение лидерства или достижение взаимовыгодной консенсуальной сделки с другими державами, которые получают определенные гарантии в отношении своей безопасности. В качестве центрального вопроса в нынешней международной повестке рассматривается определение круга государств, которые будут выступать инициаторами кардинальных изменений в прежней системе межгосударственных отношений. Основная линия конкуренции выстраивается вокруг сети двусторонних и трехсторонних отношений ведущих держав в рамках регионального и глобального измерений. Использование подобного формата коммуникаций позволяет сформировать базис для многосторонней платформы, которая позиционируется в качестве основы для координации действий государств-единомышленников. Значимым элементом системы может выступать отдельные линии диалога между Китайской Народной Республикой (КНР), Соединенными Штатами Америки (США), Японией, Республикой Индия, Австралийским союзом. Данные государства рассматриваются в качестве акторов, способных оказывать значительное влияние на формирование современной стратегии управления в связи с их геополитическим потенциалом и особой ролью в действующей структуре межгосударственных коммуникаций.

Способом достижения относительного уровня стабильности является установление регионального порядка, чья задача заключается в конкретизации положения и роли отдельных акторов в новой системе отношений. Разработчиками соответствующего проекта могут выступать игроки внутреннего контура, чей совокупный геополитический потенциал способен в относительной степени подавить сопротивление и направить действия средних держав и малых государств для реализации собственных геостратегических приоритетов. Ключевыми элементами подобной системы выступают консенсуальная сделка, линия центр-периферия, обмен

[1] Научный руководитель — доцент кафедры международных отношений и интеграционных процессов МГУ, к. э. н. Е. А. Константинова.

«уступками» между региональной державой и игроками, обладающим меньшим геополитическим потенциалом[2].

Китайская Народная Республика, как один из возможных претендентов на установление собственной модели регионального порядка, сталкивается с широким перечнем вызовов. Среди наиболее противоречивых вопросов для национальной безопасности Китая стоит выделить обострение территориальных споров в Южно- и Восточно-Китайском морях, возрастание напряженности в системе двусторонних отношений с США, Японией, Индией, Австралией, создание искусственных ограничений для возможностей экономического и политического развития государства, осуществление сдерживания геополитического потенциала страны [3]. Возрастает динамика международной конкуренции. Вашингтон рассматривает КНР в качестве одного из значимых стратегических соперников, который создает серьезную угрозу для тенденций сохранения и преобразования прежней модели регионального порядка в зоне АТР. Большинство членов мирового сообщества признают необходимые изменения в прежней геополитической повестке. Продвижение концепции Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) призвано внести коррективы в институциональную структуру и систему межгосударственных коммуникаций[4]. Наиболее острым вопросом для Китая в отношении проблемы утверждения геополитической конструкции ИТР выступает специфика поддержания морской безопасности и судоходства. Несмотря на возможные изменения в позиции Пекина, КНР заинтересована в сохранении необходимого уровня диалога для развития экономических, политических и технологических связей с основными внутрирегиональными игроками такими, как Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Австралия, Индия, Республика Корея (РК), Япония. Принятие закона, разрешающего береговой охране Китая (CCG) вести огонь по объектам, которые определены как незаконные иностранные суда в водах, находящихся под ее юрисдикцией, способствует дестабилизации в Азиатском пространстве. Соответственно, обострение ситуации вокруг Тайваня в связи с изменением позиций ряда государств накладывает неблагоприятный эффект на систему отношений как двустороннего, так и многостороннего формата. Все это является удобным предлогом для геополитических соперников КНР укрепить стратегическое партнерство и союзную структуру.

Сегодня Четырехсторонний диалог по вопросам безопасности (Quad) рассматривается в качестве средства для утверждения иного концептуально-смыслового значения понятия «стабильность». Подразумевается, что страны-участницы Quad предлагают иную схему поддержания порядка в зоне ИТР.

---

[2] Garzón Pereira, Jorge F., 2014. "Hierarchical regional orders: An analytical framework," Journal of Policy Modeling, Elsevier, vol. 36(S1), pages 26-46.
[3] East Asian Strategic Review 2020 // The National Institute for Defense Studies. 2020.
[4] Huisken R. Brett K. CSCAP Regional security outlook 2021 // Council for Security Cooperation in the Asia Pacific. 2021.

Деятельность стран-участниц Quad связана с продвижением Индо-Тихоокеанской повестки, подразумевающей внесение определенных корректировок в концепт Азиатско-Тихоокеанского региона. В данном случае затрагиваются вопросы определения современного круга участников формирования новых правил межгосударственного взаимодействия, практических возможностей соотношения между выработанными механизмами сотрудничества в зоне АТР и отдельными элементами концепции ИТР.

На нынешнем этапе Quad возможно рассматривать в качестве объединения, в состав которого входят страны, чьи интересы сводятся к необходимости формирования иного регионального порядка, основывающегося на верховенстве закона, свободе судоходства и полета, мирного разрешения споров, демократических ценностях и территориальной целостности[5]. Исходя из совместного заявления США, Японии, Индии, Австралии в рамках первого саммита «четверки», Quad обладает тесной синергией с инициативами, выдвигаемыми в рамках реализации концепции ИТР, и своим видением в области обеспечения стратегической стабильности. На данном этапе страны сконцентрируют свои усилия на выстраивании более тесных взаимосвязей с другими игроками как внутреннего и внешнего поля; преодолении «кризиса» в зонах Восточно-Китайского и Южно-Китайского моря; разработке иных правил взаимодействия; снижении факторов конфликтогенности в рамках развития двустороннего или трехстороннего диалога с возможными партнерами; предотвращении проникновения в формируемые зоны влияния и сдерживании иных исторических игроков.

Стоит отметить, что современная роль стран-участниц Четырехстороннего диалога по вопросам безопасности зависит от специфики восприятия самой площадки и степени налаженности связей между ними. США будут выступать в качестве одного из арбитров и координаторов действий других государств. Администрация Дж. Байдена надеется активизировать совместные усилия с Японией, Индией, Австралией по управлению кризисными ситуациями в Индо-Тихоокеанском регионе в рамках Quad. Вашингтон надеется привлечь другие страны, в особенности Республику Корея, к процессам формирования новой повестки безопасности. Заинтересованность США к Quad проявляется в возможностях выстраивания эффективной комбинации между системой альянсов в зоне Индо-Тихоокеанского региона с целью создания гибкой сетевой структуры, направленной на сдерживание потенциальных соперников.

Позицию Японии необходимо рассматривать с точки зрения оценки текущего состояния фактора взаимозависимости в системе отношений со странами зоны ИТР, характера угроз для национальной безопасности государства, уровня вовлеченности в процессы трансформации международной и региональной структуры. Для Токио Quad является площадкой, на основе которой возможно с одной стороны укрепить

[5] Quad Leaders' Joint Statement: "The Spirit of the Quad" // Briefing room. The White House. 2021.

стратегическое взаимодействие с США, Индией, Австралией, с другой осуществить преждевременное хеджирование рисков в вопросах восприятия текущей конкурентной геополитической среды. Япония продолжает делать акцент на значимости двусторонних отношений с КНР в проблематике обеспечения национальной безопасности. Команда действующего премьер-министра Ёсихидэ Суги сохранила прежние подходы, направленные на поддержание баланса в действующей структуре коммуникаций с Китаем. Однако Япония в некоторой степени склоняется к позиции США в отношении вопросов вокруг текущего состояния Китайской Республики (Тайвань) и определения инструментов поддержания стратегической стабильности в регионе. Но стоит отметить, что Токио будет стремиться сохранить соответствующую степень мобильности. Использование формата «четверки» позволяет этого достичь посредством укрепления двусторонних и трехсторонних связей с Индией и Австралией.

Взгляд последних стран-участниц в отношении Quad сводится к тому, что площадка служит опорой для поддержания многосторонности, инклюзивности, равного доступа на использование общих пространств на море и в воздухе. Признается центральная роль АСЕАН в выстраивании и сохранении региональной архитектуры. Расхождения в позициях Нью-Дели и Канберры проявляются в степени сопряжения с военно-стратегическими инициативами США и фиксации определенного уровня автономности.

В заключении, стоит отметить, что специфика взаимоотношений между Китайской Народной Республикой и государствами-членами Четырехстороннего диалога по вопросам безопасности подразумевает постепенный рост напряженности. Китай воспринимает площадку Quad как одну из существенных угроз безопасности и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Нынешняя структура «четверки» отвечает запросам стратегического соперничества между США и КНР. Продвигаемое понятие «многосторонности» означает создание нового блокового формата с целью фиксации действующей конфигурации сил и ограничения других стран в возможностях участия в управлении на региональном уровне. Отмечается, что сам механизм Quad выступает в качестве структурообразующего элемента новой модели порядка, продвигаемой в рамках Индо-Тихоокеанской повестки. Однако его состоятельность и эффективность зависят от степени консолидации самих стран-участниц. Со стороны Китая фиксируется, что среди государств-членов сохраняются расхождения в отношении выстраивания индивидуального диалога с Пекином в системе двусторонних коммуникаций. На данный момент КНР и страны-участницы Quad стремятся привлечь других акторов к проблеме безопасности в регионе с целью предотвращения их сближения с соперниками, получения возможной экономической, политической, технологической поддержки и иных преференций.

Список использованной литературы

Панов А. Н., Саркисов К. О., Стрельцов Д. В. История внешней политики Японии 1868–2018 гг. М.: Международные отношения, 2019. 456 с.

Панченко М. Ю. Понятие «Региональный международный порядок»: межпарадигмальный подход // Власть. 2010.

Треугольник Россия-Китай-США в АТР: факторы неопределенности / Отв. ред. В.Б. Амиров, В.В. Михеев. М.: ИМЭМО РАН, 2009. 114 с.

Китай: контуры геополитики: библиографический указатель / Научная библиотека МГИМО МИД России им. И.Г. Тюлина. М., 2017. 27 с.

East Asian Strategic Review 2020 // The National Institute for Defense Studies. 2020.

Garzón Pereira, Jorge F., 2014. "Hierarchical regional orders: An analytical framework," Journal of Policy Modeling, Elsevier, vol. 36(S1), pages 26-46.

Huisken R. Brett K. CSCAP Regional security outlook 2021 // Council for Security Cooperation in the Asia Pacific. 2021.

Quad Leaders' Joint Statement: "The Spirit of the Quad" // Briefing room. The White House. 2021. URl: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/12/quad-leaders-joint-statement-the-spirit-of-the-quad/

Tsang S. Cheung O. Uninterrupted Rise: China's Global Strategy According to Xi Jinping Thought. // The Asan Forum. 2021.

Шиплюк Виктория Александровна
студентка 4 курса кафедры востоковедения
Гуманитарный Институт НГУ[1]

«Пираты Токугава» — оппозиция на севере Японии во время войны Босин

Гражданская война Босин (1868–1869 гг.), предварившая реставрацию Мэйдзи, привела к поражению сторонников сёгуната и падению рода Токугава. Одним из этапов войны стала попытка создания самурайской республики на Хоккайдо и ее подавление правительством Мэйдзи.

Сёгун Кэйки (Токугава Ёсинобу) капитулировал в начале мая 1868 г. Его армия была распущена. Однако война на этом не закончилась: часть сторонников сёгуната продолжила сопротивление правительству Мэйдзи. Так, адмирал Эномото Такэаки, находившийся на тот момент с флотом у Синагавы, тайно вступил в сговор с северо-восточным союзом: они пообещали помочь друг другу, когда придет время. И с началом восстания кланов в провинциях Муцу и Дэва на севере страны заговорщики посчитали, что правительство не сможет им ничего противопоставить.

В течение августа 1868 года Эномото Такэаки, Мацудайра Таро, Араи Иконоскэ во главе с Нагаи Гэмба увели стоявший на рейде в Канагава флот из нескольких кораблей с флагманом — фрегатом «Кайёмару», которые образовали более мощную эскадру, чем имеющаяся на тот момент у правительства Мэйдзи (Ravina 2004, p. 163). Угнанный флот послужил главной основой военной силы повстанцев и дал им временное преимущество. Число людей на борту флота, по некоторым оценкам, составляло около 3000 чел., среди которых были солдаты, матросы и множество людей, принадлежавших к клану Токугава (Hillsborough 2005, p. 30). «Кайёмару», капитаном которого был сам Эномото, на тот момент имел репутацию лучшего судна в Японии. Фрегат был хорошо оснащён, на нём имелось 26 пушек, мощность двигателей составляла около 400 лошадиных сил (Yamaguchi 1973, p. 119).

После отплытия флота Эномото отправил правительству письмо, где объяснялась причина невыполнения приказа и была указана просьба донести данную информацию дальше. Основные положения сообщения заключаются в следующем: армия и флот отправили ходатайство в адрес главнокомандующего; весь флот находился в состоянии беспокойства из-за приказа о сдаче военных кораблей и поэтому он отошел к побережью провинций Ава и Кадзуса в ожидании приказа главнокомандующего; данный шаг не следует интерпретировать иными способами.

За повстанцами было отправлено судно в погоню, однако безрезультатно, и в итоге письмо Эномото Такэаки передали императорскому двору. Последовала

[1] Научный руководитель — к. и. н., доцент Андрей Васильевич Варенов.

негативная реакция: правительство было крайне возмущено невыполнением своих приказов, а также надменным тоном письма, и в ответе выразило свое недовольство, поставив ультиматум: вернуть корабли, или же клан Токугава может пострадать из-за этих действий.

Императорский двор издал постановление, в котором говорилось, что флот ушел после того, как Камэноскэ (новый глава семьи Токугава) заверил власти в том, что его вассалы повинуются воле Кэйки, и не будут возобновлять сопротивление. Поэтому Эномото и его сподвижников обвинили в акте мятежа. А после отказа сдаться и побега из бухты Эдо, правительство объявило их «пиратами Токугава» и оповестило об этом иностранных агентов, дабы те не вступали в контакт с Эномото Такэаки и его сторонниками. Помимо данного шага были также выпущены листовки, запрещающие предоставлять мятежникам припасы. За «пиратами» не признавался статус воюющей стороны (Satow 1991, p. 395, 401–402). Подобное звание как дискредитировало оппозиционеров, так и выражало отношение правительство Мэйдзи к ним.

Мятежные корабли отправились к побережью Сэндая, где повстанцы оставались некоторое время и набирали добровольцев. На угнанном флоте находились французские офицеры во главе с капитаном артиллерии Жюлем Брюне, а также М. Казнёвом, что весьма досадило французской миссии, поскольку Франция объявила о своём нейтралитете (Satow 1991, p. 395). Они присоединились к экспедиции без ведома нового посла М. Аутри, которого ошибочно обвинили в поддержке данного шага. Впоследствии Эномото пообещал французам выплачивать пожизненную пенсию за службу республике. На Эдзо представители Франции руководили строительством укреплений и военными операциями. На многих судах отдавали команды на французском языке. Французские инструкторы во главе с Ж. Брюне фактически командовали сухопутными войсками. Существует мнение, что советы самонадеянного Брюне оказались бездарны, вследствие чего поражение республики было ускорено.

С подавлением восстания на острове Хонсю, сторонники Эномото Такэаки, находившиеся в Сэндае, вместе с кораблями остались без укрытия и потому отправились в Эдзо. Оотори Кэйскэ также отступил и присоединился к ним (Black 1881, p. 238).

Новой базой было решено сделать Хакодатэ. В конце октября 1868 г. эскадра Эномото прибыла в Вулканический залив и двинулась на город. Достигнув Хоккайдо, повстанцы отправили посланников к представителям императора, чтобы заявить о том, что они не хотят воевать, но при этом просят разрешения на мирную колонизацию. Губернатор Хакодатэ Симидзу-дани Дзидзю и высшие должностные лица, узнав о приближении кораблей Эномото в начале декабря 1868 г., сочли оборону бесполезным мероприятием. Они отступили в префектуру Аомори, город Цугару, губернатор отправил вице-губернатора Хори Сингоро в Токио, чтобы поднять тревогу. Таким образом, к приходу оппозиции Хакодатэ остался совершенно незащищенным.

Вскоре из-за сильного шторма «Кайёмару» напоролся на скалы. Его гибель свела на нет превосходство Эномото на море над новой правительственной армией, что оказало значительное влияние на последующие события (Black 1881, p. 289).

В декабре 1868 г. повстанцы провозгласили «Республику Эдзо». Власть была призвана защищать интересы самураев. За основу конституции было взято всеобщее избирательное право. Однако представители низших сословий (торговцы, ремесленники и др.) лишались права голоса. Основными избирателями оставались самураи. Путём публичного голосования повстанцы избирали своих предводителей. Они подражали принципу выбора, практикуемого в США, по которому Эномото Такэаки получил наибольшее количество голосов. Эномото стал президентом, Мацудайра Таро — вице-президентом, Араи Икуносукэ — морским министром, Оотори Кэйсукэ — военным министром, Хидзитака Тосидзо — помощником военного министра и министром по колонизации. Форт в Камэда выполнял функцию штаб-квартиры, губернаторов разместили в Хакодатэ, Мацумаэ и Эсаси для управления местными делами. Эномото обратился к императору с предложением поставить во главе «Республики Эдзо» представителя дома Токугава и потребовал признания республики у Эдо. Правительство отвергло это предложение (Очерки 1958, с. 194).

9 декабря 1868 г. в Йокогаму поступили известия о притязаниях оппозиции. Иностранные граждане, находившиеся в городе, были крайне напуганы. Английские и французские послы решили в интересах своих соотечественников отправить военные корабли в Хакодатэ. Днём 14 декабря 1868 г. английский военный корабль «Сателлит» под началом капитана Уайта и «Венера» под командованием капитана Роя были направлены в Хакодатэ. Корабли достигли своей цели ближе к вечеру 17 декабря. Генеральный консул Великобритании сэр Гарри Смит Паркс отправил Франсиса Оттиуэлла Адамса на одном из них для выяснения состояния дел. При этом миссия Адамса не предполагала вступать в переговоры с Эномото. Адамс не получал инструкций и по секретному выкупу Эдзо для Великобритании, в чем его впоследствии обвиняли. Отчет о положении вещей в Хакодатэ Адамс смог составить без особых трудностей — внешний вид флота выдавал общую обстановку. 26 декабря он отплыл в Иокогаму на «Аргусе» (Adams 1875, p. 165, 199).

Эномото пытался наладить отношения с иностранцами. Он дал интервью консулам, проживавшим в Хакодатэ, военным представителям Англии и Франции. И обратился к ним с просьбой придерживаться нейтралитета, пообещал принять решение по деловым вопросам, которые могли бы возникнуть в отношении контролируемого им порта. 9 марта 1869 г. иностранные консулы признали республику Эдзо (Файнберг 1954, с. 93).

Пока оппозиция превосходила силы правительства на море, власти не могли предпринять какие-либо активные меры против Республики Эдзо. Тем не менее, они перехватывали все поставки на мятежные суда. Финансовые ресурсы новоявленной республики и так были небольшими, поэтому вскоре появилась нехватка боеприпасов,

топлива и продовольствия. Среди иностранных агентов ходили слухи не только об отсутствии денег, но и о дефиците риса. Как итог, повстанцам пришлось пойти на крайние меры: занять деньги у иностранных государств, предоставив в залог природные ресурсы Эдзо. После окончания гражданской войны правительству Мэйдзи пришлось выплатить эти долги (Файнберг 1954, с. 94).

После того, как повстанцы потеряли «Кайёмару», их боевая мощь значительно сократилась. Правительство же приобрело несколько судов, а также получило заем от Англии и США на организацию экспедиции против Эдзо, после чего почувствовало себя достаточно сильным для начала активных действий. Наряду с этим, крайне важно иметь в виду замечания дипломата Франсиса Оттиуэлла Аддамса: по его словам, флот повстанцев находился в плачевном состоянии. Одни солдаты сохранили японское платье, другие же были одеты по-европейски. К тому же часть людей присоединилась к оппозиции в целях грабежа (Adams 1875, p. 165).

В апреле 1869 г. правительственная эскадра из семи кораблей отправилась в залив Аомори. Представители иностранных государств покинули Хакодатэ, однако вышедшие в море суда были вынуждены вернуться, чтобы стать свидетелями последней операции (Ballard 1921, p. 121-122). Правительственные войска и весь оставшийся флот с военными кораблями «Касуга», «Тэйбо» и «Ёсун» были приведены в движение. Началось стремительное наступление на Хакодатэ, в ходе которого были захвачены Эсаси, Футамату, Мацумаэ. Вскоре повстанцы потеряли свои военные корабли и бежали в Хакодатэ.

27 июня 1869 г. гарнизон Хакодатэ сдался командующему императорской армии Курода Киётака (Yamaguchi 1973, p. 145). Данное событие стало завершающим для оппозиции и войны в целом. Лидеры повстанцев, а именно Эномото Такэаки, Мацудайра Таро, Араи Икуноскэ и Оотори Кейсукэ были готовы понести наказание. После капитуляции Эдзо их обвинили в государственной измене и посадили в тюрьму. Изначально Эномото и его сторонников должны были обезглавить, но наказание смягчили.

Позже многим из «мятежников», бывших на стороне Токугава, было разрешено присоединиться к правительству Мэйдзи (Hane 2009, p. 108). Например, Эномото в 1872 г. после выхода из тюрьмы поступил на службу, связанную с освоением северных земель в подчинении у Куроды Киётака, руководившего в то время колонизацией Хоккайдо. А в 1874 года Эномото стал первым посланником Японии в России (Накамура 2016, с. 147).

Незадолго до падения Республики произошел обмен любезностями между сторонами: Эномото послал Куроде приобретенную еще во время учебы в Голландии особо ценную книгу по международному праву, в ответ были отправлены несколько сосудов с *сакэ* (История, 1974). Несмотря на то, что Эномото являлся лидером повстанцев, о нем отзывались как о по-настоящему достойном человеке, владеющем передовыми западными познаниями, в чем Курода смог убедиться лично во время

переговоров о капитуляции. Разумеется, правительство Мэйдзи считало способности Эномото в военной сфере опасными, Курода же видел потенциал использования способностей Такэаки на благо страны. Именно Курода ходатайствовал об освобождении лидера повстанцев и не без влияния первого Эномото назначили чрезвычайным и полномочным послом для урегулирования давнего пограничного вопроса между Россией и Японией.

Список источников и литературы

Дзинбуцу нихон но рэкиси 19 — исин но гунзо:「人物日本の歴史 19 — 維新の群像」. История Японии 19 века в личностях. Деятели реставрации Мэйдзи. Токио: сёгакукан, 1974. URL: http://ktymtskz.my.coocan.jp/denki3/gyooi0.htm (Дата обращения 07.08. 2020)

Очерки новой истории Японии (1640-1917) под ред. А.Л. Гальперина. М., 1958. 598 с.

Файнберг Э.Я. Внутреннее и международное положение Японии в середине XIX века. М., 1954. 108 с.

Adams, Francis Ottiwell. History of Japan, Vol. II, 1865 to 1871. Completing the work. London, King, 1875. 356 p.

Ballard, George Alexander. The Influence of the Sea on the Political History of Japan. London, John Murray, 1921. 311 p.

Black, John R. Young Japan: Yokohama and Yedo, Vol. II. London, Trubner & Co., 1881. 520 p.

Hane Mikiso. Modern Japan: A Historical Survey. Westview Press., 2009. 578 p.

Hillsborough, Romulus. Shinsengumi: The Shogun’s Last Samurai Corps. Tuttle Publishing, 2005. 256 p. 53.

Ravina, Mark. The Last Samurai: The Life and Battles of Saigo Takamori. Hoboken, New Jersey., 2004. 265 p.

Satow, Ernest Mason. A Diplomat in Japan. Philadelphia., 1991. 424 p.

Yamaguchi, Ken. Kinse Shiriaku A history of Japan, from the first visit of Commodore Perry in 1853 to the capture of Hakodate by the Mikado's forces in 1869. Trans. Sir Ernest Satow. Wilmington, Del., Scholarly Resources, 1973. 148 p.

Якшибаев Азамат Салаватович
Чиркова Кристина Дмитриевна
студенты 3 курса РГГУ[1]

Уйгурский конфликт в современной политике КНР

Так называемый в СМИ уйгурский вопрос, широко обсуждается в современном обществе. Это комплексная проблема, которая затрагивает как этнические, так и религиозные сферы. Несмотря на то, что конфликт тянется не один век, однако сегодня мы рассмотрим уйгурский конфликт в контексте современной политики КНР.

Позиция Китайской Народной Республики

СУАР занимает 1\6 часть от территорий Китая. Регион богат природными ресурсами, а именно нефтью и природным газом. Для такой стремительно развивающейся страны как Китай, энергетические ресурсы просто необходимы.

Синьцзян-Уйгурский автономный район имеет важное геополитическое значение для КНР. Находясь на северо-западе Китая, СУАР граничит с Россией, Монголией, Индией, Пакистаном, Афганистаном, Таджикистаном, Киргизией и Казахстаном, тем самым являясь самым коротким путем из Китая на запад. Из-за горной местности соседнего западного района КНР – Тибета, СУАР является единственным плацдармом Китая для укрепления позиций республики в Центральной Азии.

Важность СУАР для Китая отрицать просто невозможно, однако данный регион спокойным назвать трудно. Согласно статистическому ежегоднику СУАР КНР от 2006 года, на территории региона проживают 47 национальностей, которые составляют 60% от всего населения. Самая многочисленная национальность на территории рассматриваемого региона – уйгуры, которые составляют 46% от всего населения. Одна из главных проблем СУАР – сепаратистские настроения уйгурского населения. С таким широким этническим и религиозным составом региона государство не может допустить различные социальные волнения, ибо это создает прецедент для других многонациональных регионов.

Обращаясь к законодательной базе, политика КНР в отношении СУАР осуществляется согласно четвертой статье I главы и пятому параграфу III главы конституции КНР. Согласно конституции, национальная политика осуществляется внутри автономии и является важным компонентом политической системы Китая.

Чтобы понять «реальную» политику КНР в отношении СУАР, нам следует обратить внимание на следующие нормативно-правовые акты: общепринятым законодательством несовершеннолетним не запрещается участвовать в религиозных практиках, однако «Закон о защите детей в СУАР» от 25.12.2009 является исключением. Согласно этому акту, несовершеннолетних запрещено вовлекать в религиозные практики. В январе 2015 года ПК СНП Синьцзяна запрещает ношение

[1] Научный руководитель – профессор, д.и.н. Кадырбаев Александр Шайдатович

паранджи, а в 2017 году вводит запрет на ношение длинных бород. Это, и ряд других нормативно-правовых актов, направленных на контроль религиозной деятельности в регионе, четко показывает позицию КНР относительно нестабильности в СУАР.

Китайское правительство подчеркивает: подобная политика запретов осуществляется исключительно в отношении СУАР, как неспокойного региона, а не направлена на гонения в сторону конкретной национальности или религии. В пример они приводят народность Хуэй, которая является носителям исламской культуры и проживает в провинциях Ганьсу, Цинхай, Гуйчжоу и СУАР. Хуэйцы проживающие в СУАР, подчиняются законам автономного региона. Это подчеркивает, что политика в отношении СУАР основывается не на этническом третировании, а на поддержании стабильности в конкретном регионе.

Всячески пытаясь ограничить влияние радикальных исламских течений в регионе, КНР борются с проблемами национального сепаратизма, религиозного экстремизма и терроризма. Стоит подчеркнуть, что религиозная самоидентификация уйгуров намного выше этнической. Можно сказать, что именно религиозный фактор играет важную роль в национальном сопротивлении. Отсюда можно сделать вывод, что в первую очередь речь идет о высокой степени религиозной сплоченности, а не этнической.

Позиция Республики Казахстан

Между Казахстаном и СУАР на протяжении всей истории складывались тесные взаимоотношения. Лингвистически, культурно, религиозно и этнически СУАР и Казахстан схожи. Сначала в составе СССР Казахстан являлся плацдармом союза для распространения политического и экономического влияния в регионе, а после обретения независимости и установления добрососедских отношений с КНР, Республика Казахстан стала важным экономическим партнером Китая.

В настоящее время на территории СУАР проживает более миллиона этнических казахов, а Уйгуры являются четвертым по численности народом, проживающим на территории Республики Казахстан. Между двумя регионами всегда процветала торговля, однако благодаря ряду совместных проектов торговля между двумя государствами вышла на новый уровень.

В 2013 году между Казахстаном и КНР в округе города Тачэн, свою работу начал проект, направленный на ускоренную транспортировку фруктов и овощей «зеленый коридор». 17 декабря 2020 года в Госсовет КНР утвердил создание пилотной зоны экономического продвижения и открытости в округе Тачэн. Китайский таможенный пост «Покиту» получил национальный статус и является сопредельным казахскому таможенному пункту «Бахты». Новая пилотная программа экономического развития сулит большую прибыль для Казахстана.

Казахстан, имея общие границы с СУАР, заинтересован в умиротворении этого региона, т. к. обеспокоен терроризмом и возможным наркотрафиком в регионе.

Проведя контент-анализ казахских СМИ, можно прийти к выводу, что в казахском обществе большие волнения вызывают так называемые «лагеря перевоспитания». Судьба казахской диаспоры в СУАР не может не волновать и истеблишмент Республики Казахстан. В 2019 году, во время встречи министра иностранных дел Казахстана Бейбута Атамкулова и главы МИД КНР Ван И в Пекине, была затронута обстановка в СУАР и судьба казахской диаспоры. В начале марта проблему этнических казахов, находящихся в исправительных лагерях в Китае, подняли в парламенте Республики. Бейбут Атамкулов заявил, что число казахов в лагерях сократилось на 80% и добавил: «Если говорить о ситуации с нашими соотечественниками в Китае, это может быть и лагерь. Это касается представителей мусульманской веры. У Китая есть своя внутренняя политика. Наши дипломаты посетили эти лагеря. Это давление относится не только к казахам» (Китай поблагодарил Казахстан за понимание позиции КНР по борьбе с экстремизмом в СУАР, 2019).

С одной стороны, Казахстан заинтересован в умиротворении сопредельного нестабильного региона и поддерживает политику КНР в борьбе с терроризмом. С другой стороны, Республика Казахстан обеспокоена судьбой казахской диаспоры в СУАР. Правительство Казахстана стремится поддержать и укрепить добрососедские отношения с КНР. Более того, Казахстан стремиться развивать дальнейшие экономические отношения. Казахстан признает СУАР неотделимой частью КНР, а всю проводимую Китаем политику – внутренним делом государства, но волнения граждан Казахстана, чье мнение отображено в СМИ, не может не волновать администрацию. Правительству Казахстана приходится лавировать между общественным мнением и китайской администрацией.

Позиция Российской Федерации

После распада СССР в Средней Азии появилось пять новых государств, что логично вызвало новый волну стремления к независимости в Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

XXI век начался с терактов 11 сентября. КНР примкнула к глобальной борьбе с терроризмом, заявив, что уйгурских сепаратистов поддерживает «Аль-Каида». Таким образом, конфликт в Синьцзян-Уйгурском автономном районе был предан широкой огласке.

Уже в июне 2002 г. в Вене, на симпозиуме «Борьба с международным терроризмом: вклад ООН» обсуждалась проблема террористических организаций, в частности, движения «Талибан», которая замечена в оказании «финансовой помощи экстремистским группировкам в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР (Фронт освобождения Восточного Туркестана), чеченским полевым командирам (Хаттаб, Басаев)» (Выступление директора департамента по вопросам новых вызовов и угроз МИД РФ А.В. Змеевского на сипозиуме…, 2002). Другими словами, с точки

зрения министерств, в обоих случаях, это – проявление внутренних проблем, направленных на подрыв стабильности в регионе.

Комиссия ООН по правам человека приняла две резолюции в 2000 и 2001 годах, в которых осуждались нарушения прав человека в Чечне (56-я сессия ООН по Правам Человека, 2000; 57-я сессия ООН по Правам Человека, 2001). В то же время МИД КНР заявил, что «понимает и поддерживает усилия, предпринимаемые Россией по защите национального единства и территориальной целостности», а министр иностранных дел РФ Игорь Иванов заявил, что «Цзян Цзэминь полностью понимает и поддерживает действия России в противодействии терроризму и экстремизму в Чечне» (Yeltsin with Chinese support of Chechnya, 1999).

В 2004 году была создана организация «Всемирный уйгурский конгресс», она ставит целью достижение Синьцзян-Уйгурским автономным районом того уровня автономии, который прописан в рамках Конституции КНР, что важно – исключительно ненасильственным методом.

После беспорядков в Урумчи в 2009 г., где милицией было подавлено около тысячи протестующих уйгуров (China is deadly crackdown after Uighurs go on the rampage, 2009), МИД РФ в июле того же года прокомментировал причины и ход происходящего так: «инициаторы беспорядков, используя сепаратистские лозунги и провоцируя межэтническую нетерпимость, нападали на мирных жителей, избивали их, переворачивали и поджигали автомобили, громили магазины и общественные здания» (Комментарий департамента информации и печати МИД РФ относительно ситуации в Синьцзяне, 2009). Более того, повторилась прежняя точка зрения: «российская сторона рассматривает Синьцзян в качестве неотъемлемой части Китая и считает, что происходящее там является исключительно внутренним делом КНР». (Там же)

Таким образом, за длительный промежуток времени позиция РФ по комплексной ситуации в Синьцзян-Уйгурском автономном районе остаётся прежней – РФ признает существование проблемы в регионе в качестве внутриполитической и, как следствие, признает КНР единственным легитимным актором способным разрешить эту проблему.

Не стоит забывать про Новый шёлковый путь, который проходит через РФ и Казахстан, и одна из важных точек которого – г. Урумчи. КНР, как непосредственный организатор, и РФ, как важный участник в этом проекте, заинтересованы в спокойствии тех регионов, через которые проходит маршрут.

Таким образом, понятно, что СУАР экономически и геополитически важен для Китая. Говоря о позициях стран-соседей, и для Казахстана, и для РФ этот регион имеет огромное значение в экономическом плане – СУАР является ключевой точкой в проекте "Великого Шёлкового пути", маршрут которого проходит через город Урумчи. В связи с нестабильностью в регионе, которая сопровождалась терактами в конце 2000-х гг., Казахстан, РФ и Китай, заинтересованы в ликвидации очагов нестабильности.

Список источников и литературы

56-я сессия ООН по Правам Человека. URL: https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=E/CN.4/2000/167&Lang=R (Дата обращения: 13.03.2021).;

57-я сессия ООН по Правам Человека. URL: https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=E/CN.4/2001/167&Lang=R (Дата обращения: 13.03.2021).

Hutzler Ch. Yeltsin with Chinese support of Chechnya. Portsmouth Herald, 9 December 1999. URL: https://web.archive.org/web/20050501103447/http://www.seacoastonline.com/1999news/12_9_w1.htm (Дата обращения: 13.03.2021).

Macartney K. China is deadly crackdown after Uighurs go on the rampage. The Times, 5 July 2009. URL: https://www.thetimes.co.uk/article/china-in-deadly-crackdown-after-uighurs-go-on-the-rampage-fchts5363k7 (Дата обращения: 13.03.2021).

Xinjiang Uyghur Autonomous Region Regulation on the Protection of Minors. September 25, 2009. URL: https://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/xinjiang-uyghur-autonomous-region-regulation-on-the-protection-of-minors (дата обращения: 2.04.2020).

Выступление директора департамента по вопросам новых вызовов и угроз МИД РФ А.В. Змеевского на сипозиуме… URL: https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/crime/-/asset_publisher/3F5lZsLVSx4R/content/id/554380 (Дата обращения: 13.03.2021).

Китай поблагодарил Казахстан за понимание позиции КНР по борьбе с экстремизмом в СУАР. URL: https://informburo.kz/novosti/kitay-poblagodaril-kazahstan-za-ponimanie-i-podderzhku-pozicii-knr-po-vospitatelnym-lageryam.html (Дата обращения: 16.03.2021)

Китай поблагодарил Казахстан за понимание позиции КНР по борьбе с экстремизмом в СУАР. URL: https://informburo.kz/novosti/kitay-poblagodaril-kazahstan-za-ponimanie-i-podderzhku-pozicii-knr-po-vospitatelnym-lageryam.html (Дата обращения: 16.03.2021)

Комментарий департамента информации и печати МИД РФ относительно ситуации в Синьцзяне. URL: https://www.mid.ru/web/guest/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/286358 (Дата обращения: 13.03.2021).

Конституция КНР в редакции 2018 года. URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения: 4.03.2020).

Синьцзян тунцзи няньцзянь 新疆统治年鉴 (Статистический ежегодник СУАР КНР 2006 год). URL: https://www.yearbookchina.com/navibooklist-N2009050069-1.html (дата обращения: 4.03.2020).

Содержание

От составителей 3

Алешкина Ю. В. Проблема трансформации художественного мира романа Цянь Чжуншу «Осажденная крепость» в кинотексте одноименной экранизации 6

Бабарико К. Б. Китайская интеллигенция в период политики реформ и открытости: условия и факторы трансформации 11

Басманова К. Е. Влияние Интернета на женский арт-активизм в современной Японии 15

Бессонова Д. А. Сборник Хагивара Кёдзиро “Смертный приговор” (1925) как политико-поэтический манифест японского футуризма 20

Битиева Э. Н. Роль Централизованного проекта правительственных зданий в формировании облика Токио 25

Бутримова М. А. Роль программ академического и профессионального обмена в укреплении отношений между Японией и странами Европы 30

Важенина Е. В. Языковые реформы в Китае во второй половине XX века как инструмент внешней и внутренней культурной политики (трансформация Beijing на материале газетных заголовков The New York Times) 35

Валерианов И. В. Характер китайской миграции на Дальнем Востоке в 90-е гг. XX в. 40

Видутова Ю. А. Явления омонимии как средство выражения исторических событий в творчестве Ай Цина 45

Гавришева Е. Г. Недоговорки-сехоуюй как источник сведений о культуре Китая 50

Галигузов Н. С. Сравнительный анализ политики Китая и Японии в Мозамбике на современном этапе 56

Галимов М. В. Анализ политического диалога Пекина, Токио и Сеула в Секретариате трехстороннего сотрудничества по вопросу Корейского ядерного кризиса в XXI веке 61

Гаранин Н. Д. Происхождение трёх предметов китайского искусства, хранящихся в собрании Государственного Эрмитажа и поступивших из музея Общества поощрения художеств 68

Гладкий Д. А. Факты и вымыслы о путешествии Марко Поло в Китай 72

Григорьева Н. В. Роль Цзян Цин в подготовке и на начальном этапе “культурной революции” 76

Гуров И. Д. Глобальные инициативы Китая и их значение для сопредельных стран 81

Дагбаева А. М. Россия и Китай на Байкале: перспективы и проблемы взаимодействия 87

Даньшин С. А. Пространство «неомифа» в современной женской прозе Японии (на примере произведений Каваками Хироми) 91

Денисова Д. М. Концепт города в романе «Песнь о бесконечной тоске» (1995 год) Ван Аньи 97

Дивеева И. О. Исследование древнего этноса хуася в России на современном этапе 100

Зайцев В. О. Столкновение интересов Китая и Вьетнама в Южно-Китайском море 104

Зинченко А. В. Предпосылки становления комплекса «семи ритуалов» в системе японского чайного действа 108

Иванов А. А. Французско-вьетнамские отношения в 1802–1858 гг. 113

Иксарова М. В. Образ Хранителей-помощников Семерых Владык Северного Ковша 118

Исаева К. С. Ушу в контексте пекинской оперы 123

Казакова О. О. Российско-китайское взаимодействие в рамках инициативы «Один пояс – Один путь» в трудах китайских исследователей на современном этапе 128

Калашник Е. Е. Китайская диаспора в Канаде: история иммиграции, социально-экономическое и культурное развитие (1788–1970 гг.) 133

Клементьева Т. В. Смысловая нагрузка главы «Горы и водоемы» трактата «Фэн су тун и» Ин Шао 138

Клочкова И. П. Приграничные взаимоотношения КНР и Мьянмы: современность и перспективы развития 143

Колотова Н. В. Особенности формирования политической системы Вьетнама в 1954–1975 гг. 149

Кондаков Н. С. Китай и Центральная Азия: развитие и реализация курса «дипломатии добрососедства» 154

Коробова О. В. Бенефактивные конструкции в бирманском языке 159

Крайнова А. К. Образ Цзинь Лин в романе Хуан Бэйцзя «Я буду умницей» 167

Круглова Е. Д. Немецкий проект «Crossroads Asia»: альтернативный взгляд на изучение Китая и его соседей 172

Кузовков М. А. «Неопределенность Гейзенберга» в современном японском обществе 177

Ляхов М. В. Цветовая символика одежды в романе «Неофициальная история конфуцианцев» 182

Марутина Е. А. Китай и Восточный Тимор: векторы сотрудничества 186

Мельникова С. В., Касаткина В. А. Международные СМИ как инструмент политического влияния КНР 191

Меркулова К. Е. Работа Министерства экономики, торговли и промышленности (МЭТП) в рамках «Плана о сотрудничестве из восьми пунктов» 196

Михайлова В. С. Развитие туризма между Россией и Китаем после пандемии: основные проблемы и тенденции 201

Михеев В. А. «Ремейки» южнокорейских фильмов в КНР как иллюстрация культурных различий в современной южнокорейской и китайской культурах 206

Мичанович С.-А. Литература Китая и Японии глазами Ахмада Шамлу 212

Моисейцев В. В. Китайский опыт налоговой поддержки индивидуальных предпринимателей в пост-ковидной экономике 217

Музафарова Н. Р. Философский аспект числовой символики в северном буддизме 222

Мустафаева Э. Д. Китай и Южно-Китайское море: конфликт интересов 228

Никитина Д. А. Борьба Китая, России и Англии за Тибет в начале XX в. 233

Носов В. А. Китай и соседи: конфликтная динамика в период правления Мао Цзэдуна 236

Павлова Е. И. Роль фольклорной традиции в современной прозе на примере рассказа Би Фэйюя «Сверчки» 241

Перцева В. А. Экономическое взаимодействие Японии и Китая в начале XXI в. 246

Петрова А. А. «Инцидент 228» и его значение в истории Тайваня 251

Пискун А. А. Поэзия Го Мо-жо в период Второй Японо-китайской войны и ее литературно-историческое значение 256

Подгорнов Д. С. Семантика субстантиваторов в бирманском языке 261

Прощенко А. Ю. К вопросу о роли албазинцев в становлении российско-китайских отношений 266

Пудова А. В. Слияние гуманитарных и естественнонаучных факультетов в высшем образовании современной Японии 271

Рассолова Д. В. Китайское судно «Наньхай-1» и морская торговля в Восточной Азии 276

Русак Д. В. Исторический контекст создания Полного китайско-русского словаря под редакцией епископа Иннокентия 281

Рязанова С. А. Концепт радости в «Каноне о великом мире» 287

Сабелкис М. Д. Упадок системы внутреннего политического контроля в китайских университетах в 1980-х годах 291

Савиных А. А. Основные проблемы современных японских арт-проектов на примере триеннале Этиго-Цумари 295

Сащенко М. В. Китайская община в странах Юго-Восточной Азии. Социокультурная трансформация 300

Сёмочкина А. С. Образ России в средствах массовой информации современного Китая 305

Сизов С. В. Дискурсивные маркеры в бирманском языке 312

Синькова Д. Д. Лингвокультурные особенности текста пекинской оперы на примере пьесы «Сылан навещает мать» 320

Смирнова А. А. Повести «Цзинь гу ци гуань» как исторический источник 325

Смирнова Д. В. Пространство и время в классической китайской литературе 330

Смолкина Е. Б. Изобразительное искусство в японских школах: особенности методики в образовательном процессе 335

Соловьёва Д. Ф. Повседневные культурные практики питания и формирование ресторанного дела в Японии 340

Солостова В. В. О влиянии переводов буддийских сутр периода Нань-бэй чао на современный путунхуа 344

Сорокина К. С. Современное китайское искусство на мировом арт-рынке: художественные тенденции, маркетинговые технологии 349

Сорокина Ю. А. Влияние Японии на жизнь и творчество китайских писателей первой половины XX века (на примере Го Можо) 355

Темченко М. Р. Ономатопы в бирманском языке 361

Травкин П. С. Китайско-тиморские отношения в контексте геополитики Юго-Восточной Азии 365

Устюгова С. М. Значение ритуального вложения риса и нефрита в рот усопшего (обряд фаньхань) в погребальной практике традиционного Китая 370

Халилов О. У. Актуальные проблемы взаимодействия Китая и Индии 374

Хассун И. А. Средневековый трактат «История благовоний» и его значение в китайской культуре ароматов 376

Храмова Я. Н. Институт императорских наставников при династии Юань 381

Чичинова А. Л. Особенности и проблемы развития городской агломерации в дельте Жемчужной реки в 90-е гг. XX в. 385

Шаповалов А. Е. Специфика взаимоотношений между КНР и государствами-членами Четырехстороннего диалога по вопросам безопасности в контексте геополитической конкуренции в Индо-Тихоокеанском регионе 391

Шиплюк В. А. «Пираты Токугава» — оппозиция на севере Японии во время войны Босин 396

Якшибаев А. С., Чиркова К. Д. Уйгурский конфликт в современной политике КНР 401

Институт восточных рукописей Российской академии наук
Восточный факультет СПбГУ
Институт Конфуция в СПбГУ

6-я всероссийская научная конференция молодых
востоковедов

Китай и соседи

17–18 марта 2021 г., Санкт-Петербург

Сборник материалов

ISBN 978-5-4391-0694-3

9 785439 106943 >

Формат 60×90 1/16. Заказ № 31239

Тираж 50 экз.

Отпечатано в типографии «Art-Xpress»
199155, Санкт-Петербург, В.О., ул. Уральская, 17
E-mail: zakaz@art-xpress.ru
http://www. art-xpress.ru